Владимир
Набоков

Н

CORPUS

Письма к Вере

Письма к Вере

Владимир Владимирович Набоков

Аннотация
Владимир Набоков. Письма к Вере
Хронология
Брайан Бойд. Конверты для «Писем к Вере»
I
II
III
Письма к Вере
1. Ок. 26 июля 1923 г. Солье-Пон, Домэн-де-Больё – Берлин
2. 8 ноября 1923 г. Берлин – Берлин, Ландхаусштрассе, 41
3. 30 декабря 1923 г. Прага – Берлин
4. 31 (?) декабря 1923 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41
5. 8 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41
6. 10 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41
7. 12 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

8. Не позднее 14 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

9. 16 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

10. 17 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

11. 24 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

12. 13 августа 1924 г. Прага (?) – Берлин

13. 17 августа 1924 г. Добржиховице – Берлин

14. 18 августа 1924 г. Добржиховице – Берлин

15. 24 августа 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

16. 19 января 1925 г. Берлин (?) – Берлин, Луитпольдштрассе, 13

17. Приблизительно март – апрель 1925 г. Берлин – Берлин, Луитпольдштрассе, 13

18. 14 июня 1925 г. Берлин (?) – Берлин (?)

19. 19 августа 1925 г. Цоппот – Берлин, Нойе Винтерфельдштрассе, 29

20. 27 августа 1925 г. Фрейбург, отель «Рёмшиер кайзер» – Констанц

21. 28 августа 1925 г. Фрейбург – Констанц

22. 29 августа 1925 г. Титизее – Констанц

23. 30 августа 1925 г. Фельдберг – Констанц

24. 31 августа 1925 г. Санкт-Блазиен – Констанц

25. 31 августа 1925 г. Санкт-Блазиен – Констанц, Нойхаузерштрассе, 14, пансион Цейс
26. 1 сентября 1925 г. Тодтмос – Констанц, Нойхаузерштрассе, 14, пансион Цейс
27. 2 сентября 1925 г. Вер – Констанц,. Нойхаузерштрассе, 14, пансион Цейс
28. 2 сентября 1925 г. Бад-Зекинген – Констанц,. Нойхаузерштрассе, 14, пансион Цейс
29. 1925 (?). Берлин
30. 26 апреля 1926 г. Берлин
31. 2 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
32. 3 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
33. 4 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
34. 5 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
35. 6 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
36. 7 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
37. 8–9 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
38. 9 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
39. 10 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
40. 11–12 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
41. 12 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
42. 13 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
43. 14 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
44. 15 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
45. 16 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
46. 17 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос

47. 18 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
48. 19 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
49. 20 июня 1926 г. Берлин – Тодтмос
50. 21 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
51. 22 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
52. 23 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
53. 24 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
54. 25 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
55. 26 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
56. 27 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
57. 28 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
58. 29 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
59. 30 июня 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
60. 1 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
61. 2 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
62. 3 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
63. 4 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
64. 5 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
65. 5 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
66. 6 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
67. 7 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
68. 8 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
69. 9 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
70. 10 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
71. 11 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
72. 12 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен

73. 13 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
74. 14 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
75. 15 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
76. 16 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
77. 17 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
78. 18 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
79. 19 июля 1926 г. Берлин – Санкт-Блазиен
80. 22 декабря 1926 г. Прага – Берлин
81. 23 декабря 1926 г. Прага – Берлин, Пассауер-штрассе, 12
82. 18 апреля 1929 г. Ле-Булу (Восточные Пиренеи)
83. 1929 (?) г. Берлин (?)
84. Ок. 9 мая 1930 г. Берлин
85. 12 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
86. 12 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
87. 16 мая 1930 г. Прага – Берлин
88. 17 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
89. 19 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
90. 20 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
91. 22 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-

штрассе, 27
92. 23 мая 1930 г. Прага – Берлин, Луитпольд-штрассе, 27
93. Ок. 23 мая 1930 г. Прага – Берлин
94. 1930-е (?) гг. Берлин (?)
95. 4 апреля 1932 г. Прага – Берлин
96. 5 апреля 1932 г. Прага – Берлин
97. 6 апреля 1932 г. Прага – Берлин
98. 7 апреля 1932 г. Прага – Берлин
99. 8 апреля 1932 г. Прага – Берлин
100. 11 апреля 1932 г. Прага – Берлин
101. 12 апреля 1932 г. Прага – Берлин
102. 14 апреля 1932 г. Прага – Берлин
103. 15 апреля 1932 г. Прага – Берлин
104. 16 апреля 1932 г. Прага – Берлин
105. 18 апреля 1932 г. Прага – Берлин
106. 19 апреля 1932 г. Прага – Берлин
107. 13 октября 1932 г. Кольбсхейм – Берлин
108. 15 октября 1932 г. Кольбсхейм – Берлин
109. 17 октября 1932 г. Кольбсхейм – Берлин
110. 22 октября 1932 г. Париж – Берлин
111. 24 октября 1932 г. Париж – Берлин
112. 25 октября 1932 г. Париж – Берлин
113. 28 или 29 октября 1932 г. Париж – Берлин
114. 29 октября 1932 г. Париж – Берлин
115. 31 октября 1932 г. Париж – Берлин

116. 1 ноября 1932 г. Париж – Берлин
117. 2 ноября 1932 г. Париж – Берлин
118. 2 ноября 1932 г. Париж – Берлин
119. 3 ноября 1932 г. Париж – Берлин
120. 3–4 ноября 1932 г. Париж – Берлин
121. 5 ноября 1932 г. Париж – Берлин
122. 8 ноября 1932 г. Париж – Берлин
123. 8 ноября 1932 г. Париж – Берлин
124. 10 (?) ноября 1932 г. Париж – Берлин
125. 11 ноября 1932 г. Париж – Берлин
126. 12 ноября 1932 г. Париж – Берлин
127. 14 ноября 1932 г. Париж – Берлин
128. 16 ноября 1932 г. Париж – Берлин
129. 18 ноября 1932 г. Париж – Берлин
130. 18 ноября 1932 г. Париж – Берлин
131. 21 ноября 1932 г. Париж – Берлин
132. 22 ноября 1932 г. Париж – Берлин
133. 25 ноября 1932 г. Париж – Берлин
134. 22 января 1936 г. Брюссель, рю Вашингтон, 4 – Берлин, Халензе
135. Ок. 24 января 1936 г. Брюссель – Берлин
136. 27 января 1936 г. Брюссель, рю Вашингтон, 4 – Берлин,. Несторштрассе, 22
137. 30 января 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин,. Несторштрассе, 22
138. 2 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль,

130 – Берлин, Несторштрассе, 22

139. 3 февраля 1936 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

140. 4 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

141. 6 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

142. 8 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

143. 10 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

144. 13 февраля 1936 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

145. 16 февраля 1936 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

146. 17 февраля 1936 г. Брюссель – Берлин, Несторштрассе, 22

147. 19 февраля 1936 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

148. 21 февраля 1936 г. Париж, рю де Версаль, 130 – Берлин,. Несторштрассе, 22

149. 24 февраля 1936 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

150. 26 февраля 1936 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

151. 27 февраля 1936 г. Париж – Берлин

152. 10 июня 1936 г. Берлин, Несторштрассе, 22 – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

153. 11 июня 1936 г. Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

154. 12 июня 1936 г. Берлин, Несторштрассе, 22 – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

155. 13 (?) июня 1936 г. Берлин, Несторштрассе, 22 – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

156. 14 (?) июня 1936 г. Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

157. 15 июня 1936 г. Берлин, Несторштрассе, 22 – Лейпциг,. Эренштейнштрассе, 34–1

158. 16 июня 1936 г. Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

159. 18 июня 1936 г. Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

160. 20 января 1937 г. Брюссель – Берлин, Несторштрассе, 22

161. 22 января 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

162. 25 января 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин,. Несторштрассе, 22

163. 27 (января) 1937 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

164. 28 января 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

165. 1 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

166. 4 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

167. 5 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

168. 8 февраля 1937 г. Париж – Берлин

169. 10 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

170. 12 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

171. 15 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

172. 16 февраля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22

173. 19 февраля 1937 г. Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – Берлин, Несторштрассе, 22

174. 22 февраля 1937 г. Лондон – Берлин, Несторштрассе, 22

175. 22 февраля 1937 г. Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – Берлин, Несторштрассе, 22

176. 24 февраля 1937 г. Лондон – Берлин

177. 27 февраля 1937 г. Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – Берлин, Несторштрассе, 22

178. 1 или 2 марта 1937 г. Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – Берлин

179. 4 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
180. 7 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
181. 10 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
182. 14 марта 1937 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22
183. 15 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
184. 17 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
185. 19 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
186. 20 марта 1937 г. Париж – Берлин
187. 21 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
188. 22 марта 1937 г. Париж – Берлин, Несторштрассе, 22
189. 24 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
190. 26 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
191. 28 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Несторштрассе, 22
192. 30 марта 1937 г. Париж, авеню де Версаль,

130 – Берлин, Несторштрассе, 22

193. 2 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

194. 4 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

195. 6 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

196. 7 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

197. 9 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

198. 12 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

199. 14 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

200. 15 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

201. 15 апреля 1937 г. Париж – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

202. 17 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

203. 19 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

204. 20 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

205. 21 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль,

130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

206. 23 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

207. 26 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

208. 26 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

209. 27 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

210. 29 апреля 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

211. 1 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

212. 3 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

213. 5 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

214. 7 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

215. 10 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

216. 10 мая 1937 г. Париж – Прага, улица Коулова, 8

217. 12 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

218. 13 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль,

130 – Прага, улица Коулова, 8

219. 14 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

220. 15 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

221. 15 мая 1937 г. Париж – Прага, улица Коулова, 8

222. 17 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

223. 18 мая 1937 г. Париж – Прага, улица Коулова, 8

224. 19 мая 1937 г. Париж, авеню де Версаль, 130 – Прага, улица Коулова, 8

225. 21 июня 1937 г. Прага, улица Коулова, 8 – Мариенбад, вилла Буш

226. 22 июня 1937 г. Прага – Мариенбад, вилла Буш

227. 3 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

228. 4 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

229. 5 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

230. 6 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

231. 7 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле

Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

232. 8 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 3 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

233. 9 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

234. 10 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

235. 11 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

236. 12 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

237. 13 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

238. 14 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

239. 15 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

240. 16 апреля 1939 г. Лондон, Бречин-плейс, 5 – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

241. 17 апреля 1939 г. Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

242. 18 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

243. 19 апреля 1939 г. Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю ле Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

244. 20 апреля 1939 г. Лондон – Париж, рю ле

Моруа, 31, отель «Роял Версаль»

245. 21 апреля 1939 г. Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю Буало, 59

246. 1 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

247. 2 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

248. 3 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

249. 4 июня 1939 г. Лондон – Париж, рю Буало, 59

250. 5 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

251. 6 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

252. 7 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

253. 8 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

254. 9 июня 1939 г. Лондон – Париж, рю Буало, 59

255. 10 июня 1939 г. Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

256. 11 июня 1939 г. Лондон – Париж, рю Буало, 59

257. 12 июня 1939 г. Лондон – Париж, рю Буа-

ло, 59

258. 18 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

259. 19 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

260. 20 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

261. 24 марта 1941 г. Нью-Йорк – Уэлсли

262. 25 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

263. 26 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

264. 28 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Уэлсли

265. 31 марта 1941 г. Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – Риджфилд (Коннектикут)

266. Без даты. 1941–1942 (?) гг

267. Не ранее мая 1942 г

268. 3 августа 1942 г. Вест-Уордсборо (Вермонт) – Кембридж (Массачусетс)

269. 2 октября 1942 г. Хартсвилл (Южная Каролина) – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

270. 2–3 октября 1942 г. Хартсвилл (Южная Каролина) – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

271. 5 октября 1942 г. Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

272. 7 октября 1942 г. Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

273. 11 октября 1942 г. Атланта – Кембридж (Массачусетс)

274. 12 октября 1942 г. Атланта, Спелман-колледж – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

275. 14 октября 1942 г. Вальдоста – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

276. 17–18 октября 1942 г. Вальдоста – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

277. 20 октября 1942 г. Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

278. 5 ноября 1942 г. Чикаго – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

279. 7 ноября 1942 г. Спрингфилд – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

280. 9 ноября 1942 г. Сент-Пол – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

281. 11 ноября 1942 г. Гейлсбург – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

282. 7 декабря 1942 г. Фармвилл – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

283. 15 апреля 1943 г. Нью-Йорк – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

284. 5 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

285. 5 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

286. 7 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

287. 8 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

288. 9 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

289. 11 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8 – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

290. 13 июня 1944 г. Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8 – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

291. 9 февраля 1945 г. Балтимор – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

292. 10 февраля 1945 г. Балтимор – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

293. 18 апреля 1954 г. Лоуренс (Канзас), отель «Элдридж» – Итака, Ирвинг-плейс, 101

294. 20 апреля 1954 г. Лоуренс (Канзас), отель «Элдридж» – Итака, Ирвинг-плейс, 101

295. 3 мая 1964 г. Монтрё – Женева, авеню де Бо-Сежур

296. 15 апреля 1965 г

297. 2 октября 1966 г. Монтрё – Нью-Йорк, 104-я Вест-стрит, 250

298. 8 июня 1968 г

299. 15 апреля 1969 г
300. 4 июля 1969 г
301. 22 июля 1969 г
302. 6 апреля 1970 г. Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»
303. 7 апреля 1970 г. Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»
304. 8 апреля 1970 г. Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»
305. 8–9 апреля 1970 г. Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»
306. 10 апреля 1970 г. Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»
307. 15 апреля 1970 г. Таормина
308. 15 апреля 1971 г. Монтрё
309. 22 января 1973 г. Монтрё – Женева, Кантональный госпиталь
310. 5 января 1974 г. Монтрё
311. 14 июня 1974 г. Цермат
312. 14 июля 1975 г. Давос
313. 7 апреля 1976 г
314. Без даты
Брайан Бойд. Постскриптум: архив памяти
Фото
Комментарии
1. Ок. 26 июля 1923 г

2. 8 ноября 1923 г
3. 30 декабря 1923 г
4. 31 (?) декабря 1923 г
5. 8 января 1924 г
6. 10 января 1924 г
7. 12 января 1924 г
8. Не позднее 14 января 1924 г
9. 16 января 1924 г
10. 17 января 1924 г
11. 24 января 1924 г
12. 13 августа 1924 г
13. 17 августа 1924 г
14. 18 августа 1924 г
15. 24 августа 1924 г
16. 19 января 1925 г
17. Приблизительно март – апрель 1925 г
18. 14 июня 1925 г
19. 19 августа 1925 г
20. 27 августа 1925 г
21. 28 августа 1925 г
22. 29 августа 1925 г
23. 30 августа 1925 г
24. 31 августа 1925 г
25. 31 августа 1925 г
26. 1 сентября 1925 г
27. 2 сентября 1925 г

28. 2 сентября 1925 г
29. 1925 (?) г
30. 26 апреля 1926 г
31. 2 июня 1926 г
32. 3 июня 1926 г
33. 4 июня 1926 г
34. 5 июня 1926 г
35. 6 июня 1926 г
36. 7 июня 1926 г
37. 8–9 июня 1926 г
38. 9 июня 1926 г
39. 10 июня 1926 г
40. 11–12 июня 1926 г
41. 12 июня 1926 г
42. 13 июня 1926 г
43. 14 июня 1926 г
44. 15 июня 1926 г
45. 16 июня 1926 г
46. 17 июня 1926 г
47. 18 июня 1926 г
48. 19 июня 1926 г
49. 20 июня 1926 г
50. 21 июня 1926 г
51. 22 июня 1926 г
52. 23 июня 1926 г
53. 24 июня 1926 г

54. 25 июня 1926 г
55. 26 июня 1926 г
56. 27 июня 1926 г
57. 28 июня 1926 г
58. 29 июня 1926 г
59. 30 июня 1926 г
60. 1 июля 1926 г
61. 2 июля 1926 г
62. 3 июля 1926 г
63. 4 июля 1926 г
64. 5 июля 1926 г
65. 5 июля 1926 г
66. 6 июля 1926 г
67. 7 июля 1926 г
68. 8 июля 1926 г
69. 9 июля 1926 г
70. 10 июля 1926 г
71. 11 июля 1926 г
72. 12 июля 1926 г
73. 13 июля 1926 г
74. 14 июля 1926 г
75. 15 июля 1926 г
76. 16 июля 1926 г
77. 17 июля 1926 г
78. 18 июля 1926 г
79. 19 июля 1926 г

80. 22 декабря 1926 г
81. 23 декабря 1926 г
82. 18 апреля 1929 г
83. 1929 (?) г
84. Ок. 9 мая 1930 г
85. 12 мая 1930 г
86. 12 мая 1930 г
87. 16 мая 1930 г
88. 17 мая 1930 г
89. 19 мая 1930 г
90. 20 мая 1930 г
91. 22 мая 1930 г
92. 23 мая 1930 г
93. Ок. 23 мая 1930 г
94. 1930-е (?) гг
95. 4 апреля 1932 г
96. 5 апреля 1932 г
97. 6 апреля 1932 г
98. 7 апреля 1932 г
99. 8 апреля 1932 г
100. 11 апреля 1932 г
101. 12 апреля 1932 г
102. 14 апреля 1932 г
103. 15 апреля 1932 г
104. 16 апреля 1932 г
105. 18 апреля 1932 г

106. 19 апреля 1932 г
107. 13 октября 1932 г
108. 15 октября 1932 г
109. 17 октября 1932 г
110. 22 октября 1932 г
111. 24 октября 1932 г
112. 25 октября 1932 г
113. 28 или 29 октября 1932 г
114. 29 октября 1932 г
115. 31 октября 1932 г
116. 1 ноября 1932 г
117. 2 ноября 1932 г
118. 2 ноября 1932 г
119. 3 ноября 1932 г
120. 3–4 ноября 1932 г
121. 5 ноября 1932 г
122. 8 ноября 1932 г
123. 8 ноября 1932 г
124. 10 (?) ноября 1932 г
125. 11 ноября 1932 г
126. 12 ноября 1932 г
127. 14 ноября 1932 г
128. 16 ноября 1932 г
129. 18 ноября 1932 г
130. 18 ноября 1932 г
131. 21 ноября 1932 г

132. 22 ноября 1932 г
133. 25 ноября 1932 г
134. 22 января 1936 г
135. Ок. 24 января 1936 г
136. 27 января 1936 г
137. 30 января 1936 г
138. 2 февраля 1936 г
139. 3 февраля 1936 г
140. 4 февраля 1936 г
141. 6 февраля 1936 г
142. 8 февраля 1936 г
143. 10 февраля 1936 г
144. 13 февраля 1936 г
146. 17 февраля 1936 г
147. 19 февраля 1936 г
148. 21 февраля 1936 г
149. 24 февраля 1936 г
150. 26 февраля 1936 г
151. 27 февраля 1936 г
152. 10 июня 1936 г
153. 11 июня 1936 г
154. 12 июня 1936 г
155. 13 (?) июня 1936 г
156. 14 (?) июня 1936 г
157. 15 июня 1936 г
158. 16 июня 1936 г

159. 18 июня 1936 г
160. 20 января 1937 г
161. 22 января 1937 г
162. 25 января 1937 г
163. 27 (января) 1937 г
164. 28 января 1937 г
165. 1 февраля 1937 г
166. 4 февраля 1937 г
167. 5 февраля 1937 г
168. 8 февраля 1937 г
169. 10 февраля 1937 г
170. 12 февраля 1937 г
171. 15 февраля 1937 г
172. 16 февраля 1937 г
173. 19 февраля 1937 г
174. 22 февраля 1937 г
175. 22 февраля 1937 г
176. 24 февраля 1937 г
177. 27 февраля 1937 г
178. 1 или 2 марта 1937 г
179. 4 марта 1937 г
180. 7 марта 1937 г
181. 10 марта 1937 г
182. 14 марта 1937 г
183. 15 марта 1937 г
184. 17 марта 1937 г

185. 19 марта 1937 г
186. 20 марта 1937 г
187. 21 марта 1937 г
188. 22 марта 1937 г
189. 24 марта 1937 г
190. 26 марта 1937 г
191. 28 марта 1937 г
192. 30 марта 1937 г
193. 2 апреля 1937 г
194. 4 апреля 1937 г
195. 6 апреля 1937 г
196. 7 апреля 1937 г
197. 9 апреля 1937 г
198. 12 апреля 1937 г
199. 14 апреля 1937 г
200. 15 апреля 1937 г
201. 15 апреля 1937 г
202. 17 апреля 1937 г
203. 19 апреля 1937 г
204. 20 апреля 1937 г
205. 21 апреля 1937 г
206. 23 апреля 1937 г
207. 26 апреля 1937 г
208. 26 апреля 1937 г
209. 27 апреля 1937 г
210. 29 апреля 1937 г

211. 1 мая 1937 г
212. 3 мая 1937 г
213. 5 мая 1937 г
214. 7 мая 1937 г
215. 10 мая 1937 г
216. 10 мая 1937 г
217. 12 мая 1937 г
218. 13 мая 1937 г
219. 14 мая 1937 г
220. 15 мая 1937 г
221. 15 мая 1937 г
222. 17 мая 1937 г
223. 18 мая 1937 г
224. 19 мая 1937 г
225. 21 июня 1937 г
226. 22 июня 1937 г
227. 3 апреля 1939 г
228. 4 апреля 1939 г
229. 5 апреля 1939 г
230. 6 апреля 1939 г
231. 7 апреля 1939 г
232. 8 апреля 1939 г
233. 9 апреля 1939 г
234. 10 апреля 1939 г
235. 11 апреля 1939 г
236. 12 апреля 1939 г

237. 13 апреля 1939 г
238. 14 апреля 1939 г
239. 15 апреля 1939 г
240. 16 апреля 1939 г
241. 17 апреля 1939 г
242. 18 апреля 1939 г
243. 19 апреля 1939 г
244. 20 апреля 1939 г
245. 21 апреля 1939 г
246. 1 июня 1939 г
247. 2 июня 1939 г
248. 3 июня 1939 г
249. 4 июня 1939 г
250. 5 июня 1939 г
251. 6 июня 1939 г
252. 7 июня 1939 г
253. 8 июня 1939 г
254. 9 июня 1939 г
255. 10 июня 1939 г
256. 11 июня 1939 г
257. 12 июня 1939 г
258. 18 марта 1941 г
259. 19 марта 1941 г
260. 20 марта 1941 г
261. 24 марта 1941 г
262. 25 марта 1941 г

263. 26 марта 1941 г
264. 28 марта 1941 г
265. 31 марта 1941 г
266. 1941–1942 (?) гг
267. Не ранее мая 1942 г
268. 3 августа 1942 г
269. 2 октября 1942 г
270. 2–3 октября 1942 г
271. 5 октября 1942 г
272. 7 октября 1942 г
273. 11 октября 1942 г
274. 12 октября 1942 г
275. 14 октября 1942 г
276. 17–18 октября 1942 г
277. 20 октября 1942 г
278. 5 ноября 1942 г
279. 7 ноября 1942 г
280. 9 ноября 1942 г
281. 11 ноября 1942 г
282. 7 декабря 1942 г
283. 15 апреля 1943 г
284. 5 июня 1944 г
285. 5 июня 1944 г
286. 7 июня 1944 г
287. 8 июня 1944 г
288. 9 июня 1944 г

289. 11 июня 1944 г
290. 13 июня 1944 г
291. 9 февраля 1945 г
292. 10 февраля 1945 г
293. 18 апреля 1954 г
294. 20 апреля 1954 г
295. 3 мая 1964 г
296. 15 апреля 1965 г
297. 2 октября 1966 г
298. 8 июня 1968 г
299. 15 апреля 1969 г
300. 4 июля 1969 г
301. 22 июля 1969 г
302. 6 апреля 1970 г
303. 7 апреля 1970 г
304. 8 апреля 1970 г
305. 8–9 апреля 1970 г
306. 10 апреля 1970 г
307. 15 апреля 1970 г
308. 15 апреля 1971 г
309. 22 января 1973 г
310. 5 января 1974 г
311. 14 июня 1974 г
312. 14 июля 1975 г
313. 7 апреля 1976 г
314. Без даты

Благодарности
Эдиционные принципы

Аннотация

Владимир и Вера Набоковы прожили вместе свыше пятидесяти лет – в литературном мире это удивительный пример счастливого брака. Они редко расставались надолго, и все же в их архиве сохранилось более трехсот писем и записок Набокова, с 1923 по 1975 год. Один из лучших писателей XX века, блестящий, ироничный и взыскательный Набоков предстает в этой книге нежным и заботливым мужем. «…Мы с тобой совсем особенные; таких чудес, какие знаем мы, никто не знает, и никто так не любит, как мы», – писал он в 1924 году. Вера Евсеевна была его первым читателем, его машинисткой и секретарем, а после смерти писателя переводила его английские произведения и оберегала его обширное наследие.

Собранные в настоящем издании письма рисуют детальный портрет молодого Набокова: его ближайшее окружение и знакомства, литературные замыслы и круг чтения, его досуг, бытовые привычки, воспоминания о России и Кембридже, планы на будущее

и т. д. В письмах более поздних лет неизменными остаются его любовь и восхищение женой, разделившей с ним и нелегкие испытания, и всемирную славу.

Владимир Набоков
Письма к Вере

Copyright © 2014, Dmitri Nabokov
All rights reserved
© The Vladimir Nabokov Literary Foundation, Inc., предисловие и комментарии, 2014
© Penguin Books LTD, фотографии
© Philippe Halsman/Magnum Photos/East News, фотография на обложке
© А. Глебовская, перевод предисловия, постскриптума и комментариев, 2017
© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

* * *

H

Владимир Набоков
Письма к Вере

Вступительная статья
Брайана Бойда

Комментарии
Ольги Ворониной и Брайана Бойда

издательство аст
Москва

Хронология

Настоящая хронология предназначена для удобства соотнесения публикуемых писем с событиями в жизни Набоковых. В ней приведены только 1*) основные даты жизни В. В. Набокова и его близких родственников;* 2*) даты выхода в свет набоковских романов и автобиографии;* 3*) те периоды разлук, в которые В. В. Набоков отправлял жене более одного письма.*

1870 Родился Владимир Дмитриевич Набоков.

1876 Родилась Елена Ивановна Рукавишникова.

1897 Венчание В. Д. Набокова и Е. И. Рукавишниковой.

1899, 23 апреля Родился Владимир Владимирович Набоков.

1900 Родился Сергей Владимирович Набоков.

1902, 5 января Родилась Вера Евсеевна Слоним.

1903 Родилась Ольга Владимировна Набокова (в замужестве Шаховская, затем Петкевич).

1906 Родилась Елена Владимировна Набокова (в замужестве Скуляри, затем Сикорская).

1911 Родился Кирилл Владимирович Набоков.

1917 Февральская и Октябрьская революции; в конце года Набоковы покинули Петроград и уехали в Крым.

1919, апрель Набоковы перебираются в Грецию, а в мае поселяются в Лондоне.

1919, октябрь В. В. Набоков поступает в Тринити-колледж в Кембридже, С. В. Набоков — в Оксфорд.

1920 В. Д. Набоков перевозит жену и младших детей в центр русской эмиграции, Берлин, где становится одним из основателей и главным редактором либеральной русскоязычной газеты «Руль».

1921 В. В. Набоков, с 1916 г. публиковавшийся под своим именем, берет псевдоним В(ладимир) Сирин.

1922, 28 марта В. Д. Набоков убит в Берлине русскими эмигрантами-монархистами.

1922, июнь В. В. Набоков оканчивает Кембрижский университет и переезжает к родным в Берлин.

1923, 9 января Помолвка В. В. Набокова со Светланой Зиверт расторгнута по настоянию ее семьи.

1923, 8 мая В. В. Набоков знакомится с В. Е. Сло-

ним на эмигрантском благотворительном балу в Берлине.

1923, май В. В. Набоков уезжает на юг Франции и нанимается рабочим на ферму в Солье-Пон в Варе.

1923, ок. 18 августа Возвращение в Берлин. В сентябре В. В. Набоков начинает встречаться с В. Е. Слоним.

1923, ок. 29 декабря Семья Набоковых переезжает в Прагу; В. В. Набоков сопровождает родных и помогает им обосноваться на новом месте.

1924, 27 января В. В. Набоков возвращается в Берлин.

1924, 12–28 августа В. В. Набоков гостит у матери в Праге и Добржиховице, Чехословакия.

1925, 15 апреля В. В. Набоков женится на В. Е. Слоним в Берлине.

1925, ок. 16 августа В. В. Набоков сопровождает ученика Александра (Шуру) Зака на приморский курорт в Померании и в походе по югу Германии.

1925, 4 сентября В. Е. Набокова присоединяется к мужу и А. Заку в Констанце.

1926, 1 июня — ок. 21 июля В. Е. Набокова уезжает в шварцвальдский санаторий для лечения от депрессии, тревожности и потери веса.

1926 Выходит в свет роман «Машенька».

1926, 22–26 декабря В. В. Набоков гостит у родных в Праге.

1928 Выходит в свет роман «Король, дама, валет».

1929 Публикация романа «Защита Лужина» в журнале «Современные записки».

1930, 12–25 мая В. В. Набоков навещает родных в Праге, где выступает с чтением своих произведений.

1930 Публикация романа «Соглядатай» в журнале «Современные записки».

1931 Публикация романа «Подвиг» в журнале «Современные записки».

1932, ок. 3–20 апреля В. В. Набоков гостит у родных в Праге.

1932, май Публикация романа «Камера обскура» в журнале «Современные записки».

1932, октябрь В. В. Набоков с женой, двоюродным братом Николаем Набоковым и его женой Натальей две недели проводит в Кольбсхайме под Страсбургом; В. Е. Набокова возвращается в Берлин 13 октября; В. В. Набоков 18 октября уезжает в Париж (который к тому времени стал новым центром русской эмиграции) для участия в русских и французских литературных вечерах,

подписания договоров, установления деловых контактов; возвращается через Бельгию.

1932, ок. 28 ноября Возвращение В. В. Набокова в Берлин.

1934 Публикация романа «Отчаяние» в журнале «Современные записки».

1934, 10 мая Родился Дмитрий Владимирович Набоков.

1935 Начало публикации романа «Приглашение на казнь» в журнале «Современные записки».

1936, 21 января — 29 февраля В. В. Набоков уезжает в Брюссель и (29 января) в Париж, где выступает с чтением своих произведений и завязывает деловые контакты.

1936, ок. 9 — ок. 22 июня В. Е. Набокова, ее кузина А. Л. Фейгина и Дмитрий уезжают на отдых в Лейпциг, где живут их родственники.

1937, 18 января После назначения приказом Гитлера одного из убийц В. Д. Набокова, Сергея Таборицкого, заместителем директора департамента по делам русской эмиграции В. В. Набоков уезжает из Германии по настоянию жены. Он направляется в Брюссель, а потом (22 января) в Париж, где проводит литературные вечера и начинает готовить переезд семьи во Францию.

1937, февраль В Париже у В. В. Набокова начинается роман с И. Ю. Гуаданини.

1937, ок. 17 февраля В. В. Набоков едет в Лондон для участия в литературных вечерах, подписания договоров, установления деловых контактов и поиска работы.

1937, 1 марта В. В. Набоков возвращается в Париж.

1937, апрель Начало публикации романа «Дар» в журнале «Современные записки».

1937, 6 мая В. Е. и Дмитрию Набоковым удается покинуть Германию и приехать к Е. И. Набоковой в Прагу.

1937, 22 мая В. В. Набоков приезжает к родным в Прагу; оттуда с женой и сыном едет во Франценсбад в Чехословакии (теперь Франтишковы Лазне в Чехии).

1937, 17 июня В. В. Набоков едет в Прагу, чтобы выступить с литературными чтениями и устроить переезд жены и сына из Чехословакии во Францию.

1937, 23 июня В. В. Набоков воссоединяется с семьей в Мариенбаде (теперь Марианске Лазне); 30 июня Набоковы едут в Париж.

1937, июль Набоковы обосновываются во Франции, в Каннах; В. В. Набоков признается в своей

связи с И. Ю. Гуаданини, но решает остаться с женой.

1937, ок. 9 сентября И. Ю. Гуаданини приезжает в Канны вопреки желанию В. В. Набокова; происходит окончательный разрыв их отношений.

1937, октябрь Набоковы переезжают в Ментону.

1938, июль Переезд в Мулине, неподалеку от Ментоны. В. В. Набоков ловит бабочку, которую назовет *Lysandra cormion*.

1938, август Набоковы поселяются в Кап д'Антиб во Франции.

1938, октябрь Переезд в Париж.

1939, 2–23 апреля В. В. Набоков едет в Лондон для проведения литературных чтений на русском и английском языках, подписания договоров и поисков места преподавателя в университете или частной школе.

1939, 2 мая Смерть Е. И. Набоковой в Праге.

1939, 31 мая — 14 июня В. В. Набоков едет в Лондон, где продолжает поиски должности преподавателя и литературных заработков.

1940, 28 мая После многомесячных попыток выбраться из Франции Набоковы покидают Сан-Назер на пароходе «Шамплен». По прибытии в США они обосновываются в Нью-Йорке.

1941, 15 марта — 2 апреля В. В. Набоков читает лекции в колледже Уэлсли в штате Массачусетс.

1941, сентябрь Годичное назначение на должность преподавателя литературы в Уэлсли, куда вся семья и переезжает; В. В. Набоков начинает работать безвозмездно в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

1941 Публикация романа «Истинная жизнь Себастьяна Найта» («The Real Life of Sebastian Knight»).

1942, сентябрь Набоковы переезжают в Кембридж, штат Массачусетс. В. В. Набоков подписывает годичные контракты на преподавание русского языка в Уэлсли и на работу исследователем-лепидоптерологом в Гарвардском Музее сравнительной зоологии.

1942, 30 сентября — 12 декабря Лекционное турне В. В. Набокова: в октябре он выступает на юге США, в ноябре — на Среднем Западе, в декабре — в Фармвилле, штат Вирджиния.

1944, 1–15 июня В. Е. Набокова везет сына Дмитрия в Нью-Йорк, где ему удаляют аппендикс.

1945, ок. 8 — 11 февраля В. В. Набоков читает лекцию в Балтиморе.

1947 Выходит в свет роман «Под знаком незаконнорожденных» («Bend Sinister»).

1948, январь В. В. Набоков начинает публиковать главы из автобиографии в журнале «Нью-Йоркер».

1948 В. В. Набоков получает должность профессора русской литературы в Корнеллском университете, штат Нью-Йорк.

1951 В США выходит первый вариант автобиографии под названием «Убедительное доказательство».

1952 Роман «Дар» выходит в свет без купюр в нью-йоркском Издательстве имени Чехова.

1954, ок. 16–22 апреля В. В. Набоков читает лекции в городе Лоуренс, штат Канзас.

1955 В парижском издательстве «Олимпия Пресс» выходит «Лолита» («Lolita»).

1957 Публикация романа «Пнин» («Pnin»).

1958 Публикация «Лолиты» в США и других странах.

1959 Успех «Лолиты» позволяет В. В. Набокову уволиться из Корнеллского университета; Набоковы переезжают в Европу.

1961 В. В. и В. Е. Набоковы поселяются в отеле «Монтрё-Палас» в швейцарском Монтрё.

1962 Публикация романа «Бледный огонь» («Pale Fire»).

1969 Выход в свет романа «Ада, или Отрада»

(«Ada or Ardor»).

1970, 4 апреля В. В. Набоков уезжает на отдых в Таормину на Сицилии.

1970, ок. 14 апреля В. Е. Набокова присоединяется к мужу в Таормине.

1972 Публикация романа «Сквозняк из прошлого» («Transparent Things»).

1974 Публикация романа «Взгляни на арлекинов!» («Look at the Harlequins!»).

1977, 2 июля Смерть В. В. Набокова в больнице в Лозанне после двухлетней болезни.

1991, 7 апреля В. Е. Набокова умирает в больнице в Веве, Швейцария.

2012, 22 февраля Смерть Д. В. Набокова.

Брайан Бойд
Конверты для «Писем к Вере»

Вчера я видел тебя во сне – будто я играл на рояли, а ты переворачивала мне ноты…

Из письма В. В. Набокова
от 12 января 1924 г.

I

Ни один из крупных писателей XX века не прожил столько лет в одном браке, сколько прожил Владимир Набоков, и не много найдется изображений, столь наглядно запечатлевших эту многолетнюю семейную идиллию, как запечатлела ее фотография 1968 года, сделанная Филиппом Халсманом: Вера Евсеевна приютилась под правой рукой мужа и смотрит ему в глаза с неизменным обожанием.

Первое посвященное Вере стихотворение Набоков написал всего через несколько часов после их знакомства в 1923 году, а в 1976-м, спустя более чем полвека, он посвятил ей свою последнюю, изданную при жизни, книгу. В заключительной главе первого посвященного жене произведения — опубликованной в 1951 году автобиографии — автор обращается к неназванной собеседнице: «Годы гаснут, мой друг, и, когда удалятся совсем, никто не будет знать, что знаем

ты да я»[1]. Эти чувства предвосхищает письмо, написанное почти через год после начала их отношений: «…мы с тобой совсем особенные; таких чудес, какие знаем мы, никто не знает, и никто *так* не любит, как мы»[2].

Впоследствии Набоков назовет свою семейную жизнь «безоблачной»[3]. Почти так же он охарактеризует ее в письме к Ирине Гуаданини[4], с которой у него случится пылкий роман. Год этой связи стал самым мрачным и болезненным в жизни Набоковых, но письма свидетельствуют, что он был исключением. Впрочем, хотя в ранних посланиях Набокова по большей части сияет или проблескивает солнце молодой любви, и эту переписку омрачают заботы: болезни Веры Евсеевны и Елены Ивановны Набоковых, постоянная

---

[1] Сноски: 1

Conclusive Evidence: A Memoir (N.Y.: Harper and Brothers, 1951); в новой редакции: *Nabokov V.* Speak, Memory: An Autobiography Revisited. N.Y.: Vintage, 1967. P. 295 (Цит. по: *Набоков В.* Другие берега. М.: АСТ: Corpus, 2022. С. 302). Набоков впоследствии утверждал, что первое англоязычное название автобиографии «Убедительное доказательство» («Conclusive Evidence») построено вокруг сочетания двух «v» в середине, обозначающих Владимира и Веру (*Dommergues P.* Notes et Documents: Entretien avec Vladimir Nabokov // Les Langues modernes. 1968. № 62 (январь — февраль). P. 92–102, 99).

[2] Сноски: 2

Письмо от 13 августа 1924 г.

[3] Сноски: 3

Nabokov V. Strong Opinions. N.Y.: McGraw-Hill, 1973. P. 145.

[4] Сноски: 4

Письмо Набокова к Ирине Гуаданини от 14 июня 1937 г., в котором говорится, что 14 лет его брака представляли собой «ясное счастье» (Коллекция Татьяны Морозовой).

нехватка денег, нелюбовь к Германии, а также изматывающие поиски убежища для семьи во Франции, Англии и Америке после прихода к власти Гитлера, поставившего под вопрос само существование русской эмигрантской общины, в которой Набоков быстро стал знаменитостью, хотя и продолжал жить очень стесненно.

Но сначала Вера Слоним познакомилась с Владимиром Сириным — этот псевдоним Набоков взял в январе 1921 года, чтобы его не путали с отцом, тоже Владимиром Набоковым, основателем и главным редактором русской эмигрантской газеты «Руль» в Берлине — городе, который в 1920 году стал центром притяжения для русских эмигрантов, покинувших родину после революции. Набоков-младший начал публиковаться еще в 1916 году в Петрограде, за два года до окончания школы. Ко второму году жизни в эмиграции его стихи уже были признаны такими писателями старшего поколения, как Тэффи и Саша Черный.

В «Письмах к Вере» Владимир Владимирович и Вера Евсеевна часто раскрываются с незнакомой нам стороны. Их образы оказываются более привычными нам в 1950 году, в середине истории их любви, когда Набоков впервые посвящает

свою книгу жене[5]. В 1958 году в США выходит «Лолита». В последующие годы там появляется множество переводов написанных прежде на русском произведений Набокова, равно как и его новых сочинений на английском — романов, стихов, киносценариев, научных статей и интервью, — и они тоже посвящены «To Véra». На гребне новообретенной славы писателя и его жену фотографируют вдвоем для бесконечных интервью, а истории о том, как Вера Евсеевна редактировала и перепечатывала сочинения мужа, водила машину, преподавала, вела его переписку и деловые переговоры, становятся частью набоковской легенды. При этом за вторую половину их совместной жизни, то есть с 1950 по 1977 год, написано всего лишь 5 % опубликованных здесь писем. Остальные 95 % относятся ко времени намного более сложному, чем последний набоковский «период», осененный мировой славой.

Евсей Лазаревич Слоним, его жена Слава Борисовна и их дочери Елена, Вера и Софья перенесли много злоключений в Восточной Европе после бегства из революционного Петрограда. Они обосновались в Берлине в начале 1921 года после

[5] Сноски: 5

Посвящение на книге, опубликованной в 1951 г., было сделано в 1950 г.

долгих мытарств в Восточной Европе. Как рассказывала мне Вера Евсеевна, она еще до знакомства с Набоковым «прекрасно отдавала себе отчет», насколько он талантлив, «хотя и жила в нелитературных кругах, среди бывших офицеров»[6]. (Учитывая, что в Белой армии процветал антисемитизм, это был, пожалуй, несколько неожиданный выбор компании для молодой еврейки из России. Однако собственное мужество Веры Евсеевны, когда она и ее сестры бежали из России, обратило враждебно настроенного к ним белогвардейца в защитника; кроме того, она уверяла меня, что в Берлине было множество порядочных белых офицеров.)

Самые первые стихи Набокова, которые она вырезала из газет и журналов, относятся к ноябрю — декабрю 1921 года[7]: ей тогда было девятнадцать, а ему — двадцать один. Молодой Сирин, уже часто публикующийся в эмигрантских журналах и антологиях как поэт, автор

[6] Сноски: 6

Интервью В. Е. Набоковой Брайану Бойду 20 декабря 1981 г.

[7] Сноски: 7

Так помечено в альбоме стихов Сирина, который В. Е. Набокова, судя по всему, начала собирать позднее, когда она стала его архивариусом, одновременно с другими альбомами его прозаических произведений и критических отзывов (Vladimir Nabokov Archive. Henry W. and Albert A. Berg Collection, New York Public Library. Далее — Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке).

рассказов, эссеист, рецензент и переводчик, всего через год поразит берлинскую эмиграцию своей работоспособностью[8]: в ноябре 1922-го у него выйдет перевод романа Ромена Роллана «Кола Брюньон» («Николка Персик»), в декабре 1922-го — 60-страничный поэтический сборник «Гроздь», в январе 1923-го — 180-страничный сборник стихов последних лет «Горний путь», а в марте 1923-го — перевод «Приключений Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла («Аня в стране чудес»).

Привлекательную, сильную духом и влюбленную в литературу молодую женщину особенно интересовали романтические обертоны недавних стихов Сирина. 28 марта 1922 года погиб отец Владимира Набокова, и родители Светланы Зиверт дали согласие на его помолвку с этой жизнерадостной красавицей, несмотря на то что невеста была моложе жениха — семнадцать лет против его двадцати трех. Стихи, которые он писал Светлане в первый год знакомства, соста-

---

[8] Сноски: 8

Тот факт, что двадцатитрехлетний автор смог незадолго до встречи с будущей женой опубликовать четыре книги за четыре месяца, ставит под сомнение такие, например, утверждения: «Адвокаты, издатели, родственники, друзья — все сходились в едином мнении: “Без нее он ничего бы в жизни не достиг”» (*Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография / Пер. с англ. О. Кириченко. М.: КоЛибри, 2010. С. 13).

вили его поэтический сборник «Гроздь». Однако 9 января 1923 года ему объявили, что помолвка расторгнута: она слишком молода, а он, поэт, имеет недостаточно определенные виды на будущее.

Если после встречи Набокова со Светланой стихи лились, то после их расставания они хлынули бурным потоком. В следующие месяцы в эмигрантской прессе появился целый ряд стихотворений, посвященных любовной утрате. В марте Сирин опубликовал «Жемчуг»[9] («Посланный мудрейшим властелином / страстных мук изведать глубину ‹…› Я сошел в свою глухую муку, / я на дне. Но снизу, сквозь струи, / все же внемлю шелковому звуку / уносящейся твоей ладьи».) и «В каком раю впервые прожурчали…»[10] («Вставали за разлуками разлуки, / и вновь я здесь, и вновь мелькнула ты, / и вновь я обречен извечной муке / твоей неуловимой красоты…»),

---

[9] Сноски: 9

Стихотворение написано 14 января 1923 г., опубликовано в альманахе «Медный всадник» (Берлин, [б. д.] С. 267; рекламировался в «Руле» 18 и 25 марта 1923 г.). Перепечатано: *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 76. Сестра Набокова Е. В. Сикорская, всегда внимательно следившая за литературной и личной жизнью брата, сообщила мне, что стихотворение посвящено Светлане.

[10] Сноски: 10

Написано 16 января 1923 г., опубликовано в альманахе «Медный всадник», как и «Через века» (с. 268). Е. В. Сикорская утверждает, что оно тоже адресовано Светлане.

а 6 мая в «Руле» вышло самое откровенное — «Бережно нес…»[11] («Бережно нес я к тебе это сердце прозрачное. Кто-то / в локоть толкнул, проходя. Сердце, на камни упав, / скорбно разбилось на песни ‹…›»).

Однако стихотворение «Я Индией невидимой владею…»[12], написанное в тот же день, что и «Бережно нес я…» и опубликованное 8 апреля, свидетельствовало о перемене в душе поэта. Поэт — повелитель воображения, он был готов начать все заново, предлагая вызвать из небытия все сокровища мира для новой царевны — пока остававшейся незримой. Скорее всего, «царевна» приметила и это обещание, и намек на окончание любовной драмы в другом, написанном в тот же день стихотворении. Как бы то ни было,

---

[11] Сноски: 11

Написано 7 марта 1923 г. (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 8. P. 26), опубликовано как «Сердце» в цикле «Гекзаметры» в «Руле» (1923. 6 мая. С. 2); перепечатано: *Набоков В.* Стихи. С. 94.

[12] Сноски: 12

Написано 7 марта 1923 г. (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 8. P. 27), опубликовано как «Властелин» в «Сегодня» (1923. 8 апреля. С. 5); перепечатано: *Набоков В.* Стихи. С. 125. В издании 1979 г. ошибочно датировано 7 декабря 1923 г.; в беловом автографе 1923 г. (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 8) пометка к месяцу «III» сделана так, что ее можно прочитать как «XII», однако стихотворение идет вслед за другим, датированным «7–iii–23», а за ним следует датированное «19–iii–23».

8 мая 1923 года, через два дня после публикации «Бережно нес я…», В. Е. Слоним явилась Владимиру Набокову незнакомкой в черной арлекиновой полумаске, которую отказалась снять. Сам Набоков впоследствии вспоминал, что они познакомились на эмигрантском благотворительном балу[13]. «Руль», печатавший подробную хронику событий русского Берлина, упоминает о единственном благотворительном бале, состоявшемся в ту пору, а именно 9 мая 1923 года. Тем не менее Набоковы всегда отмечали день первой встречи 8 мая. Когда я процитировал Вере Евсеевне рассказ мужа об их знакомстве — записи в его дневнике о том, что 8 мая для них особенный день, а потом сообщение в «Руле» о благотворительном бале 9 мая, она ответила: «Неужели вы думаете, что мы не знаем, в какой день познакомились?»

Но Вера Евсеевна умела скрывать истину. Многое из того, «что знаем ты да я», нам неведомо, и на эмигрантском благотворительном балу она обратила на себя внимание Владимира Сирина, однако не сняла маску. По мнению любимой сестры Набокова Елены Владимировны Сикорской,

[13] Сноски: 13

Nabokov V. Strong Opinions. P. 127; *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы / Пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 640, примеч. 37.

Вера скрыла лицо, чтобы ее изумительная, хотя и небеспримерная красота не отвлекла поэта от других ее уникальных достоинств[14] — отзывчивости к поэзии Сирина (она запоминала стихотворения после двух прочтений) и поразительной духовной созвучности его стихам. Они вместе вышли в ночной Берлин, гуляли по улицам, восхищались игрой света, листьев, теней. Через день или два[15] Набоков, как было запланировано, уехал на юг Франции работать на ферме, которой управлял один из коллег его отца по Крымскому временному правительству 1918–1919 годов. О поездке он условился заранее в надежде, что перемена обстановки облегчит скорбь по погибшему отцу и боль от разрыва со Светланой.

25 мая с фермы Домэн-де-Больё под Солье-Пон, близ Тулона, Набоков написал Светлане

---

[14] Сноски: 14

Интервью Е. В. Сикорской Б. Бойду 24 декабря 1981 г.

[15] Сноски: 15

В беловике альбома стихов Набокова (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 8) часто появляется по несколько стихотворений в неделю, иногда — по стихотворению в день, однако с 7 мая по 19 августа 1923 г. в нем нет ни одной записи.

последнее, запретное, прощальное письмо[16], полное страстных сожалений, «словно бы само расстояние, разделяющее их, давало ему на это право»[17]. Неделю спустя он посвятил новой возможности, открывшейся в его жизни, следующее стихотворение[18]:

Встреча

И странной близостью закованный…
А. Блок

Тоска, и тайна, и услада…
Как бы из зыбкой черноты
медлительного маскарада
на смутный мост явилась ты.

---

[16] Сноски: 16

Копии этого письма к Светлане сохранились в архивах Зинаиды Шаховской в Библиотеке Конгресса США и в Амхерстском центре русской культуры (Амхерстский колледж, США).

[17] Сноски: 17

Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. С. 247.

[18] Сноски: 18

Дата создания «Встречи» — 1 июня 1923 г. — взята из рукописи Набокова, сохранившейся в одном из альбомов, куда его мать вклеивала или переписывала его стихи (Album 9. С. 48–49). Опубликовано: Руль. 1923. 24 июня. С. 2; перепечатано: *Набоков В.* Стихи. С. 106–107. Эпиграф из стихотворения А. Блока «Незнакомка» (1906).

И ночь текла, и плыли молча
в ее атласные струи
той черной маски профиль волчий
и губы нежные твои.

И под каштаны, вдоль канала,
прошла ты, искоса маня;
и что душа в тебе узнала,
чем волновала ты меня?

Иль в нежности твоей минутной,
в минутном повороте плеч
переживал я очерк смутный
других – неповторимых – встреч?

И романтическая жалость
тебя, быть может, привела
понять, какая задрожала
стихи пронзившая стрела?

Я ничего не знаю. Странно
трепещет стих, и в нем – стрела…
Быть может, необманной, жданной
ты, безымянная, была?

Но недоплаканная горесть

наш замутила звездный час.
Вернулась в ночь двойная прорезь
твоих – непросиявших – глаз…

Надолго ли? Навек? Далече
брожу и вслушиваюсь я
в движенье звезд над нашей встречей…
И если ты – судьба моя…

Тоска, и тайна, и услада,
и словно дальняя мольба…
Еще душе скитаться надо.
Но если ты – моя судьба…

Молодой поэт уже знал, что девушка, выбравшая столь странный способ знакомства, читает все его произведения. Он отправил новое стихотворение в «Руль», и 24 июня оно было опубликовано. В определенном смысле с него и начинаются письма Владимира Набокова к Вере Слоним. Внутри общедоступного текста заключен тайный призыв к тому единственному читателю, которому могло быть известно, какое прошлое описано в стихотворении и какое будущее оно предвосхищает.

Как Набоков отозвался на смелый отклик

новой знакомой на сердечные терзания, вычитанные ею в недавних стихах Сирина, так Вера с присущей ей смелостью откликнулась на его поэтическое приглашение. В течение лета она отправила ему на юг Франции не менее трех писем. Эти письма не сохранились: всегда тщательным образом оберегавшая личную жизнь семьи, она уничтожила все свои послания к Набокову, которые смогла обнаружить. Поэтому нельзя сказать наверняка, стало ли ее первое письмо ответом на публикацию «Встречи» в «Руле». Однако вся логика их романтических отношений указывает именно на такое развитие событий. 8 мая она явилась ему в маске, и могла решить, что увлечение ею было мимолетным. Прочитав «Встречу» в «Руле» от 24 июня, Вера получила возможность убедиться: он хочет, чтобы она знала, какое произвела впечатление и какие затеплила надежды.

Если Вера Евсеевна отправила письмо Набокову почти сразу после прочтения «Встречи», то он, возможно, ответил на ее первое послание еще одним, сочиненным 7 июля стихотворением «Зной», где он намекает на желание, пробужден-

ное в нем жаром южного лета[19]. Не отослав его в Берлин немедленно, Набоков получил от нее еще не менее двух писем и 26 июля сочинил стихотворение «Зовешь, — а в деревце гранатовом совенок…»[20]. После этого, всего за несколько дней до отъезда с фермы, он отправил ей свое первое письмо[21], вложив в него оба поэтических ответа («Вот тебе стихи»). Письмо начинается с приметной отрывистостью, без обращения («Не скрою: я так отвык от того, чтобы меня — ну, понимали, что ли, — так отвык, что в самые первые минуты нашей встречи мне казалось: это — шутка, маскарадный обман… А затем… И вот есть вещи, о которых трудно говорить — сотрешь прикосновеньем слова их изумительную пыльцу… Мне из дому пишут о таинственных

---

[19] Сноски: 19

Стихотворение (см. с. 45) пропитано не только полдневным зноем, но и жаром влечения. Никогда раньше не публиковавшееся, оно было адресовано одной-единственной читательнице. Набоков уже знал, что она умеет читать и понимать его поэзию, но вот сможет ли она почувствовать и разделить его желание?

[20] Сноски: 20

Впервые опубликовано: *Набоков В.* Стихи. С. 112.

[21] Сноски: 21

Письмо было написано около 26 июля 1923 г. или позднее. Стейси Шифф начинает свое жизнеописание В. Е. Набоковой именно с первых месяцев их знакомства, однако сразу же запутывается в фактах. Она верно указывает датировку письма Владимира к Светлане (25 мая), но потом допускает, имея в виду первое письмо к Вере: «А через два

дня писал Вере Слоним. ‹…› Были ли его помыслы по-прежнему заняты Светланой? ‹…› Через сорок восемь часов после того, как он убеждал Светлану, что готов отправиться на другой континент, молодой поэт чувствует, что должен вернуться в Берлин, отчасти ради матери, отчасти ради некой тайны, которой “отчаянно хочется поделиться”» (*Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков). С. 20–21). Однако в первом письме Владимира к Вере дата не указана; Шифф путает датировку стихотворения «Встреча» (май 1923 г.), неверно приведенную в набоковском посмертном сборнике избранных стихотворений 1979 г. (*Набоков В.* Стихи. С. 107; тогда как настоящая дата написания — 1 июня 1923 г., что следует из рукописи (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 9. Р. 48–49)), с датой первого письма к Вере, не замечая того, что в письмо включено стихотворение «Зовешь…», написанное только 26 июля. В первом письме к Вере есть и другие указания на то, что оно не могло быть написано 27 мая 1923 г. Так, в него включено стихотворение «Зной», написанное 7 июня (список Елены Набоковой, см.: Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 9. Р. 54), и в нем есть отсылки к пьесам «Дедушка» и «Полюс», написанным 20 июня и 6-го и 8-го июля 1923 г. соответственно (см.: Руль. 1923. 14 октября. С. 6; 1924. 4 августа. С. 3).

Шифф пытается сказать, что, хотя Набоков выражает свою вечную любовь в письме к Светлане, он уже два дня спустя пишет страстное послание к Вере. Но согласно фактам, последнее прощальное письмо к Зиверт он написал 25 мая, после чего, через неделю, сочинил стихотворение «Встреча» — отклик на знакомство с Верой тремя неделями ранее, — которое в опубликованном виде стало непосредственным призывом к ней. На этот призыв Вера ответила несколькими письмами. Набоков, в свою очередь, отозвался на них двумя стихотворениями и письмом, к которому они прилагались. Так что перед нами не перемена романтических чувств всего за два дня, как это выглядит у Шифф, а два месяца призывов и откликов.

цветах. Хорошая ты… И хороши, как светлые ночи, все твои письма…»). Набоков продолжает послание с уверенностью («Да, ты мне нужна, моя сказка. Ведь ты единственный человек, с которым я могу говорить — об оттенке облака, о пеньи мысли…») и, прежде чем предложить Вере Евсеевне свои стихотворения, заканчивает словами: «Таким образом, в Берлине я буду 10-го или 11-го… И если тебя не будет там, я приеду к тебе, — найду…»

Отсюда, то есть от первого письма Владимира Владимировича к Вере Евсеевне, и следует продвигаться вперед в хронологическом порядке, сопоставляя письма с их жизнью и любовью, с их миром, чтобы в конце пути разобраться, в чем же исключительность этой переписки и что она может нам сказать о Набокове — человеке и писателе.

В конце лета 1923 года Набоков нашел Веру Евсеевну в Берлине — она сняла маску, а вместе с ней отбросила все свои опасения. Как и другие бесприютные юные влюбленные, они еженощно бродили вместе по вечерним улицам. Единственное письмо этого периода, датированное ноябрем 1923 года и отправленное из одного конца русского западного Берлина в другой, отражает

интенсивность их раннего взаимопонимания, накал их первых разногласий.

В конце декабря 1923 года Набоков отправился с матерью, младшими братом и сестрами, Кириллом, Ольгой и Еленой, в Прагу. Там Елена Ивановна Набокова могла получать ежемесячное пособие как вдова русского ученого и писателя. В период этой ранней, продлившейся несколько недель разлуки Владимир писал о сосредоточенной работе над своим первым большим произведением — пятиактной пьесой в стихах «Трагедия господина Морна»[22], о впечатлениях от Праги (глядя на замерзшую Влтаву: «…по белизне этой с одного берега на другой проходят черные силуэтики людей, похожие на нотные знаки: так, например, фигурка какого-нибудь мальчишки тянет за собой значок диеза: санки»[23]) и о том, как страшно ему не видеть любимую чуть ли не целый месяц.

Они воссоединились в Берлине в конце января

---

[22] Сноски: 22

В журнальном варианте «Трагедия господина Морна» была опубликована лишь в 1997 г. (Звезда. 1997. № 4), а в составе книги она вышла только в 2008 г. (*Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы, лекции о драме / Состав., предисл., коммент. А. Бабикова. СПб.: Азбука-классика, 2008).

[23] Сноски: 23

Письмо от 8 января 1924 г.

1924 года и вскоре стали считать себя помолвленными. Когда в августе Набоков уехал, чтобы провести две недели с матерью в тихом местечке Добржиховице под Прагой, — первое свое письмо к невесте он начал так: «Моя прелестная, моя любовь, моя жизнь, я ничего не понимаю: как же это тебя нет со мной? Я так бесконечно привык к тебе, что чувствую себя теперь потерянным и пустым: без тебя — души моей. Ты для меня превращаешь жизнь во что-то легкое, изумительное, радужное, — на все наводишь блеск счастия…»[24] Их свадьбу, которая состоялась в Берлине 15 апреля 1925 года, предвосхищает несколько столь же вдохновенных коротких записок. Вот, например, полный текст одной из них: «Я люблю тебя. Бесконечно и несказанно. Проснулся ночью и вот пишу это. Моя любовь, мое счастье»[25].

Набоковы зарабатывали по большей части преподаванием английского языка. В конце августа 1925 года родители основного ученика, Александра Зака, пригласили Набокова за вознаграждение сопровождать подростка сначала на приморский курорт в Померании, а потом

---

[24] Сноски: 24
Письмо от 13 августа 1924 г.

[25] Сноски: 25
Письмо от 19 января 1925 г.

в настоящий пеший поход по Шварцвальду. Это путешествие Набоков запечатлел в коротких открыточных зарисовках, которые отсылались в Берлин, пока Вера Евсеевна не присоединилась к мужу в Констанце.

Жизнь несколько омрачилась летом 1926 года: Вера Набокова сильно похудела из-за тревожности и депрессии. Вместе с матерью она отправилась в санаторий в Шварцвальде, чтобы поправиться и набраться сил. Набоков остался в Берлине, где продолжал преподавать. Жена взяла с него обещание посылать ежедневные доклады — что ел, что надевал, что делал; он честно сдержал слово.

Другой столь подробной ежедневной хроники откликов Набокова на события внешнего мира не существует. Судя по всему, в перерыве между работой над первым («Машенька», 1925) и вторым («Король, дама, валет», конец 1927 — начало 1928 г.) романами жил он необременительно и солнечно: давал уроки, которые часто сводились к продолжительному загоранию, плаванию и развлечениям в Грюневальде, играл в теннис, читал, иногда писал; составил для друзей и литературного кружка Татариновых критический обзор новой советской литературы; сочинил

стихотворение для Дня русской культуры; участвовал в театрализованном суде над убийцей из «Крейцеровой сонаты» Толстого — и сыграл в нем роль Позднышева, виртуозно ее переработав; быстро придумал и быстро написал рассказ; составил, опять же для кружка Татариновых, список того, что вызывает у него страданье, — «начиная от прикосновенья к атла́су и кончая невозможностью присвоить, проглотить все прекрасное в мире»[26]. Чтобы подбодрить Веру Евсеевну и убедить ее остаться в санатории, пока она не наберет то количество «фунтиков», которое могло бы показаться достаточным ему и ее отцу, Набоков, всегда отличавшийся любовью к игре, мучительно старался (отчего результат порой действительно кажется вымученным) забавлять и развлекать жену, повышая градус веселья по мере удлинения разлуки. Каждое письмо он начинал с нового обращения, поначалу употребляя имена игрушечных существ, которых они коллекционировали. Со временем эти прозвища становились все более странными: Козлик, Тюфка, Кустик, Мотыленок… Еще он сочинял для жены загадки, крестословицы, ребусы,

[26] Сноски: 26
Письмо от 19 июня 1926 г.

лабиринты, головоломки, другие игры в слова, а под конец придумал крошечного сочинителя — «редактора отдела» загадок, Милейшего, который якобы вмешивался в то, что Набоков сам хотел написать.

Берлин стал центром притяжения для первой волны эмигрантов, покинувших Россию после октябрьского переворота. В 1920–1923 годах в городе насчитывалось около 400 тысяч русских, среди них множество представителей интеллигенции, в том числе творческой. Однако после небывалой инфляции 1923 года курс немецкой марки стабилизировался, и жизнь в Германии начала стремительно дорожать. К концу 1924 года многие эмигранты перебрались в Париж. Там они, в большинстве своем, и оставались, пока в Европе не разразилась Вторая мировая война.

Набоков оставался в Берлине, потому что не хотел разбавлять свой русский язык французским — языком, которым, в отличие от немецкого, владел хорошо. К 1926 году набоковская «звездность» уже была признана берлинской эмиграцией. Это видно по тому, с каким восторгом его приветствовали на празднованиях в честь Дня русской культуры: в форме неспешного прозаического стриптиза он описывает эти чествования жене.

Литературный дар Набокова продолжал быстро совершенствоваться (хотя «Руль», в котором он в основном публиковался, в Париже читали мало), и они с Верой Евсеевной жили в Берлине относительно безбедно благодаря скромному быту и невеликим, но достаточным доходам от его уроков, издания первых двух его романов на немецком языке и от ее секретарской работы по несколько часов в день.

В 1929 году, когда Сирин начал публиковать «Защиту Лужина» в наиболее престижном эмигрантском издании с самыми высокими гонорарами — парижском журнале «Современные записки», — Нина Берберова так откликнулась на первые главы романа: «Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Все мое поколение было оправдано»[27]. Иван Бунин, патриарх эмигрантской литературы, будущий первый русский писатель — лауреат Нобелевской премии, по-своему высказался о «Защите Лужина»: «Этот мальчишка выхватил

[27] Сноски: 27

Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 370–371.

пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня»[28]. Третьим важнейшим центром европейской эмиграции была Прага — там собралось представительное научное сообщество, привлеченное стипендиями чешского правительства. Приехав в Чехословакию в мае 1930 года, чтобы повидаться с родными, Набоков и в Праге стал литературной звездой, хотя его больше волновали стесненные бытовые обстоятельства матери (в том числе клопы и тараканы), замужества сестер, литературные амбиции младшего брата, а также любимая такса всех домочадцев, Бокс, который от старости его не признал.

Следующая поездка без Веры Евсеевны снова состоялась в Прагу к родным: Набоков отправился туда в апреле 1932-го. Он восхищался маленьким племянником Ростиславом, сыном сестры Ольги, но его тревожило, что родители мало занимаются ребенком. С показавшимся мрачным городом его примирило только перечитывание Флобера, сухой и отрешенный пересмотр собственных ранних стихов и знакомство с коллекцией бабочек в Национальном музее.

---

[28] Сноски: 28

Цит. по: *Любимов Л.* На чужбине // Новый мир. 1957. № 3. С. 167. *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 402.

Возможно, именно тревогой Набокова объясняется то, что в письмах 1932 года нет потока ласковых прозвищ, — но установить это теперь не представляется возможным. Дело в том, что текст писем доступен нам только в записях, которые Вера Евсеевна надиктовала мне на магнитофон в декабре 1984-го и январе 1985 года. Собирая материал для биографии Набокова, я много лет настойчиво просил ее показать мне письма мужа. Просмотреть их лично она мне так и не позволила, но в конце концов согласилась начитать под запись то, что сочтет уместным. Позднее часть архива Набокова была передана в Нью-Йоркскую Публичную библиотеку, в которой ныне хранятся оригиналы его переписки с женой. Но, по-видимому, в конце 1990-х годов связка писем, относящаяся к 1932 году, исчезла. Поскольку во время этого чтения Вера Евсеевна опустила большинство любовных обращений и игривых подробностей, частых в других рукописных посланиях, письма 1932 года, и особенно те, что относятся к апрельской поездке в Прагу, утратили часть своего очарования.

Письма за октябрь-ноябрь 1932 года тоже дошли до нас в отредактированном Верой Евсеевной виде. Однако, по-видимому, они не так

пострадали, как предыдущие, потому что представляют собой хронику набоковского триумфа в Париже, которую его жена рада была сохранить для потомков. В октябре Набоковы гостили у кузена Николая Набокова и его жены Наталии в Кольбсхайме под Страсбургом. После возвращения Веры Евсеевны в Берлин Набоков провел еще несколько дней у двоюродного брата, а потом отправился в Париж, где пробыл месяц. Там его горячо приветствовали писатели-эмигранты (Иван Бунин, Владислав Ходасевич, Марк Алданов, Борис Зайцев, Нина Берберова, Николай Евреинов, Андре Левинсон, Александр Куприн и многие другие) и издатели — прежде всего Илья Фондаминский и Владимир Зензинов из «Современных записок». В большинстве своем раньше они не были знакомы с «Сириным» лично. Многие стали деятельно заниматься поиском заработков для него, организуя публичные чтения и встречи с руководителями французских издательств («Грассе», «Фаяр», «Галлимар»), писателями (Жюлем Сюпервьелем, Габриэлем Марселем, Жаном Поланом) и переводчиками (Дени Рошем, Дусей Эргаз). Потому-то относящиеся к той осени письма Набокова пестрят искусными зарисовками русских и французских литераторов. Он изумлен

и восхищен их щедростью по отношению к себе, особенно «милейшим и святым» издателем и главным меценатом «Современных записок» Фондаминским[29].

В 1932 году Набоковы переехали на другую берлинскую квартиру, тихую и доступную им по цене, так как она принадлежала двоюродной сестре и близкой подруге Веры Евсеевны Анне Лазаревне Фейгиной. В мае 1934 года у них родился сын Дмитрий. Власть Гитлера укреплялась, Вера Евсеевна как еврейка уже не могла работать, а Дмитрия нужно было обеспечивать всем необходимым. Поэтому у супругов были все основания искать немедленного заработка, а также долгосрочных перспектив в другой стране. Беспокоясь о будущем, Набоков сам перевел на английский роман «Отчаяние» и написал первый свой рассказ на французском, «Мадемуазель О». В январе 1936 года он отправился в Брюссель, Антверпен и Париж, где должен был провести ряд литературных чтений как на русском, так и на французском языках, упрочив тем самым свои связи с литературным миром Франции. Набоков быстро сдружился с Францем Элленсом, ведущим

---

[29] Сноски: 29
Письмо от 3 ноября 1932 г.

бельгийским писателем. В Париже он жил у Фондаминского и Зензинова и скоро проник — порой глубже, чем ему того хотелось бы, — в высший свет эмигрантской литературы, примером чему служит эпистолярный рассказ жене о том, как Бунин силком тянул его ужинать. И хотя на совместном вечере с Ходасевичем Набоков добился оглушительного успеха, его письма прежде всего посвящены впечатлениям от других писателей, а также энергичным и настойчивым, хотя и безуспешным, попыткам установить деловые отношения с издателями.

В конце 1936 года Гитлер назначил Сергея Таборицкого, одного из двух ультраправых террористов, убивших в 1922 году отца Набокова, заместителем руководителя службы по делам эмигрантов. Вера Евсеевна настаивала на том, чтобы муж прежде, чем перевозить семью во Францию или в Англию, сам бежал из Германии. В конце января 1937 года Набоков окончательно покинул Третий рейх: сначала заехал в Брюссель для выступления на литературном вечере, а потом направился в Париж, где вновь остановился у Фондаминских.

К столетию гибели Пушкина он написал статью по-французски и начал переводить на француз-

ский некоторые рассказы. Чтения на русском и на французском, как публичные, так и в частных домах, проходили с большим успехом, однако Набокову никак не удавалось получить удостоверение личности и тем более разрешение на работу во Франции. В конце января у него начался страстный роман с Ириной Гуаданини, поэтессой, зарабатывавшей стрижкой пуделей, с которой он познакомился в 1936 году. Измена так мучила Набокова, что вызвала у него почти невыносимое обострение хронического псориаза. Одновременно он пытался устроить переезд семьи во Францию, однако Вера Евсеевна, которую беспокоили денежные вопросы и слишком беспечно-оптимистичное отношение мужа к перспективам на будущее, отказывалась уезжать из Берлина. В конце февраля Набоков провел несколько выступлений в Лондоне, стараясь установить там контакты в литературных и общественных кругах в надежде не только найти издателя для своей краткой автобиографии, написанной по-английски, и сборника рассказов в переводах, но и получить преподавательскую должность в университете. Несмотря на титанические усилия и возникшие в их результате прекрасные связи, он почти ничего не добил-

ся. Опереться в Англии Набоковым оказалось не на что.

По возвращении в Париж в начале марта любовная связь Набокова с И. Гуаданини возобновилась. Из-за нее переписка с женой становится все более напряженной. Теперь он пытается уговорить ее выехать из Германии и присоединиться к нему на юге Франции, где друзья друзей предлагали места для проживания. Набоков хочет, чтобы Вера Евсеевна миновала Париж, но до нее уже дошли слухи о его романе, и она соглашается ехать куда угодно, только не во Францию: в Бельгию, в Италию, лучше всего — в Чехословакию, где они могли бы показать Елене Ивановне внука. Наконец Вера Евсеевна признается, что прослышала о его любви к другой женщине, Набоков это отрицал. Натянутость в отношениях выражается не в обвинениях или отпирательстве, а в том, что планы их воссоединения постоянно меняются: вслед за каждым ходом Набокова следует контрход его жены. Как заметила Стейси Шифф, в письмах 1937 года «голоса супругов звучат в томительном диссонансе»[30]. Дополнительным препятствием к встрече,

---

[30] Сноски: 30

Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков). С. 125.

отразившимся в переписке, стали почти непреодолимые сложности, связанные с получением выездных виз из Германии для Веры и Дмитрия, а для Набокова — с поездкой из Парижа в Прагу, где они в итоге воссоединились из-за упрямого сопротивления Веры его французскому плану: Набоков приехал в Чехословакию 22 мая, через Швейцарию и Австрию, минуя Германию.

Через полтора месяца, опять в объезд Германии, Набоковы вместе отправились обратно во Францию и обосновались в Каннах. За признанием в измене последовали семейные бури, но после того, как Набоков поклялся, что увлечение — в прошлом, наступило затишье; однако он продолжал писать к Гуаданини. Опасаясь полного разрыва, она 8 сентября пренебрегла запретом на свидания и приехала в Канны. После короткой встречи Набоков велел ей возвращаться в Париж, поставив тем самым точку в их отношениях. Несмотря на этот шаг, им с женой понадобилось немало времени, чтобы вернуться к прежней близости.

Проведя больше года в Каннах, Ментоне и на Кап д'Антиб, они снова отправляются на север, в Париж. У Набокова появился американский литературный агент Альтаграция де Жанелли,

которая сумела продать издательству «Боббз-Мерил» переработанный автором вариант перевода «Камеры обскуры» — «Смех в темноте». Однако, несмотря на восторженные отзывы русскоязычных рецензентов во Франции, Англии и США на другие, более сложные произведения, проза Набокова оказалась слишком оригинальной, чтобы немедленно заинтересовать издателей не из эмигрантской среды. Так и не получившему разрешение на работу во Франции Набокову становилось все сложнее содержать семью литературными заработками. Наваливается бедность; Набоков начинает выглядеть все более изможденным.

В начале 1939 года, рассчитывая на обретение убежища за пределами Франции, он написал свой первый английский роман «Истинная жизнь Севастьяна Найта». В апреле он отправился в Лондон, где узнал, что на русском отделении Лидского университета открывается вакансия: если ее займет кто-то из сотрудников Лондонского или Шеффилдского университета, то в одном из них освободится место лектора. Письма к Вере Евсеевне в Париж свидетельствуют, что темп, присущий набоковским поискам заработков во время поездок 1936 и 1937 года, стал еще лихо-

радочнее. Тем не менее ни напряженные усилия, ни поддержка высокопоставленных русских и английских друзей из мира науки и литературы не дают ожидаемого результата: из Англии Набоков привез лишь новые дружеские контакты и рассеявшиеся вскоре надежды. Еще одна поездка состоялась в начале июня и породила новую связку писем, но заветная цель так и не стала ближе.

Набоковым удалось вырваться из Европы лишь благодаря счастливой случайности. На лето 1941 года Марку Алданову предложили место преподавателя писательского мастерства в Стэнфордском университете, но Алданов счел свой английский слишком слабым для работы в США и передал приглашение Набокову. Оно позволило обратиться за разрешением на выезд из Франции. Хотя на получение виз и поиск средств на переезд через Атлантику ушло много времени, 28 мая 1940 года — всего за две недели до оккупации немцами Парижа — Набоковы отплыли в Нью-Йорк. Там снова пришлось заняться частными уроками. Кроме того, Набоков писал рецензии для местных газет, а также — благодаря завязавшемуся знакомству с Эдмундом Уилсоном — для журнала «Нью репаблик». В марте

1941 года при содействии двоюродного брата Николая его пригласили прочитать двухнедельный курс лекций в колледже Уэлсли, в связи с чем образовалась еще одна стопка писем к жене.

Как раз тогда был подписан пакт Молотова–Риббентропа о ненападении между Германией и Советским Союзом. Антисоветские взгляды Набокова сделали его лекции особенно привлекательными. Согласно письмам, писатель не мог поверить комплиментам, которыми его одаривали слушатели. В результате успешных выступлений он получил контракт на преподавание в Уэлсли в 1941/42 учебном году. Однако, несмотря на то что в конце 1941 года вышла в свет «Истинная жизнь Севастьяна Найта», а другие набоковские сочинения регулярно появлялись в журналах «Атлантик» и «Нью-Йоркер», финансовые обстоятельства вынудили Набокова отправиться в лекционные турне: в октябре 1942-го — по американскому Югу, в ноябре — по Среднему Западу, а в декабре — в Вирджинию. На этот раз у него было даже больше свободного времени, чем во время короткой поездки в Уэлсли в 1941-м, чтобы описывать жене свои американские приключения и наблюдения. Его самый занимательный, воистину «пниниан-

ский», день породил и самое длинное из всех писем: в нем три тысячи слов!

С 1943 по 1948 год следуют ежегодно возобновляющиеся контракты: преподавание русского языка в Уэлсли и лепидоптерологические исследования в Гарвардском музее сравнительной зоологии. С 1948 по 1959 год Набоков занимает постоянную должность преподавателя в Корнелле. Теперь он редко разлучается с женой надолго. Но в июне 1944 года ей необходимо везти Дмитрия в Нью-Йорк на диагностическую операцию, завершившуюся удалением аппендикса, а ему — оставаться на работе в Кембридже. 6 июня, в день высадки союзников в Нормандии, Набоков стал жертвой феерического пищевого отравления, с упоением описанного жене в забавных подробностях, наряду с рассказом о мучительном пребывании в госпитале, из которого едва выздоровевший пациент сбежал в одной пижаме. После этого писем становится и того меньше. За весь период работы над автобиографией, «Лолитой», «Пниным», переводом «Евгения Онегина» и комментариями к нему лишь почетное приглашение прочитать курс лекций в Канзасском университете в 1954 году подарило нам еще одну стопочку писем Набокова к жене.

В 1958 году по Северной Америке и большей части Европы пронесся ураган «Лолита». В 1959-м Набоков смог подать в отставку в Корнеллском университете и уехать с Верой в Европу — отчасти чтобы навестить сестру Елену Сикорскую, жившую теперь в Женеве, отчасти чтобы присмотреть за Дмитрием: повзрослевший обладатель прекрасного баса обучался пению в Милане. Набоковы не собирались оставаться в Старом Свете, но скоро выяснилось, что там проще укрыться от бремени славы, обрушившейся на них в Америке. За все последующие годы жизни в Европе у них не было причин разлучаться. Лишь однажды им довелось обменяться письмами — когда в начале апреля 1970 года Набоков поспешил уехать в Таормину, чтобы застать на Сицилии ранних бабочек. После этого «(пере)писка» становится фрагментарной. Самая короткая записка содержит всего три слова: «Сорок пять весен!»[31] и прилагается к букету, подаренному Вере Евсеевне на годовщину свадьбы. Всего три слова, но какая изящная языковая игра: вместо формы множественного числа слова «лето» Набоков использует слово «весен», будто утверждая, что

[31] Сноски: 31
Записка от 15 апреля 1970 г.

совместно прожитые годы были по-весеннему свежи и радостны.

II

Совсем иной эпистолярный ритм последних лет и даже десятилетий совместной жизни Набоковых указывает на то, как существенно изменились их жизненные обстоятельства. Очарование всей переписки в какой-то мере определяется и этим: голос и мировосприятие писателя остаются неизменными, но приобретают разные черты в зависимости от перемен в жизни и любви, в связи со сдвигами исторического контекста, а также при изменении требований к Набокову как человеку и корреспонденту: батрак на ферме и пишущий под псевдонимом поэт — в 1923 году; сын, брат и начинающий драматург — в 1924-м; репетитор и временный опекун мальчика-подростка — в 1925-м; ободряющий голос из берлинского дома — в 1926-м; приехавший повидаться сын и брат — в 1930-м и 1932-м; странствующий литератор в поисках издателя — в 1932-м, а позднее еще и измученный соискатель должности и доведенный до крайности проситель консулов и паспортных «крыс» в 1936-м, 1937-м и 1939-м. Помимо этого, неверный муж, страдающий псориазом и близкий

к самоубийству, — в 1937-м; пытающийся всех очаровать будущий преподаватель — в 1941-м; бедствующий лектор в разъездах — в 1942-м; пациент госпиталя — в 1944-м; уехавший по приглашению выдающийся лектор — в 1954-м; человек, наслаждающийся временным отдыхом, — в 1970-м. В каком-то смысле такие перемены отражают нормальное течение любой жизни, но набоковские ипостаси в одно и то же время и типичны, и уникальны: беззаботный молодой супруг, занятый необременительным трудом; признанный, но мало зарабатывающий писатель, кумир исчезающей эмигрантской аудитории; востребованный внештатный преподаватель, с успехом странствующий лектор без постоянного места и уважаемый профессор на почетной должности; наконец, богатый прославленный писатель. И в некотором смысле эти перемены отражают вполне предсказуемые перипетии долгой любви Набоковых. Но и здесь есть противоречие, ибо неповторимы сами любящие. С самого первого момента, когда Вера Евсеевна появилась перед Набоковым в маске, они были обречены пережить страстные первые признания и сложности привыкания друг к другу; всевозможные жизненные тревоги и трудности, среди кото-

рых — трудный ребенок, супружеская измена, больная мать и угрожающая им государственная тирания; переиначивание себя для новой и в некоторых отношениях все еще небезопасной жизни в новой стране. Наконец, тончайшая душевная перенастройка последних лет жизни.

Есть нечто странное в том, что эпистолярная летопись этого долгого брака оказалась вдвойне односторонней. Судя по всему, Вера Евсеевна уничтожила все свои письма к Набокову, которые ей удалось разыскать. Даже приписки на открытках к свекрови она посчитала недостойными сдачи в архив: сохраняя его часть послания, она густо вымарала каждое *свое* слово[32].

Как мне всегда помнилось, все до единого письма Веры Евсеевны к Владимиру Владимировичу были уничтожены. И все же, непосредственно перед тем, как приступить к работе над этим предисловием, я обратился к своим спискам с трех ее

---

[32] Сноски: 32

Исключение составляет одна игривая открытка, написанная новобрачными, — она сохранилась, видимо, потому, что слова жены неразделимо переплелись со словами мужа. В первую зиму их совместной жизни Набоковы катались на лыжах в Круммхюбеле в Германии (теперь город Карпач в Польше). Через несколько дней после возвращения, 7 января 1926 года, Вера Евсеевна начала писать открытку к свекрови, но получилось так (его слова даны курсивом): «Володя так мешает мне писать, что я лучше напишу в другой раз, когда его не будет дома — *я не мешаю* — это неправда — *правда* — что неправда» (из моего архива. — *Б. Б.*).

коротких деловых записок. Две оказались в портфельчике, который мне принесла году в 1981-м одна из ее секретарш: она знала, что я занимаюсь каталогизацией архива, а портфель обнаружила в дальнем углу, где вдова Набокова его не приметила. По крайней мере одно из этих писем стоит того, чтобы быть процитированным полностью, ибо развеивает ожидания читателя. Оно относится примерно к 1 июня 1944 года — поездке Веры с десятилетним Дмитрием в Нью-Йорк на операцию:

> Ехали благополучно. Жара была неистовая. Сегодня были у Д., делаются дополнительные анализы и т. д., но операция назначена на среду окончательно. Подробнее напишу в понедельник, когда увижу Д. опять, утром будут еще X-Rays. Ждем письма. Все кланяются.
>
> ***Вера***[33]

В архиве Владимира Набокова в собрании Бергов Нью-Йоркской публичной библиотеки нет

---

[33] Сноски: 33

Копия, снятая мною с оригинала, тогда находившегося в Монтрё (нынешнее местонахождение неизвестно). Д. — неустановленное лицо, возможно врач по фамилии Дынник или Дынкин (см. примеч. к письму от 9 июня 1944 г.). X-Rays *(англ.)* — рентген.

ни одного письма от жены писателя, — по крайней мере, ни одно из них до сих пор не внесено в каталог. Но уже после того, как я завершил, как мне казалось, это предисловие, написав в том числе и предыдущий абзац, я углубился в собственный архив и обнаружил в нем неполный список с письма, отправленного Верой Евсеевной 9 мая 1971 года биографу Набокова Эндрю Филду: в нем она цитирует свое письмо к мужу. В этом письме, переписанном ее рукой для Филда, содержатся некоторые новые сведения относительно странной судьбы «Жизни Чернышевского» — четвертой главы «Дара». Несмотря на то что «Современные записки» гордились возможностью печатать Сирина — в особенности его наиболее яркий русскоязычный роман «Дар», — редакция журнала наотрез отказалась публиковать четвертую главу из-за выраженного в ней непочтительного, едко-критического отношения к Н. Г. Чернышевскому. Приехав в США, Набоков продолжал искать возможности обнародовать эту главу и, если получится, весь «Дар» без купюры размером в сто страниц. Поэтому, когда Владимир Мансветов и другие русские писатели, уже обосновавшиеся в Америке, предложили Набокову дать им образец прозы для включе-

ния в антологию[34], он предоставил им именно «Жизнь Чернышевского». В связи с этим 17 марта 1941 года Вера Евсеевна из Нью-Йорка писала мужу, в это время читавшему лекции в Уэлсли:

> Сейчас была у меня Кодрянская. «Чернышевский для социалистов икона, и если мы это напечатаем, то погубим сборник, так как рабочая партия его не будет раскупать». Сама в отчаянии, но совершенно курица. Повторяет слова Мансветова. Я просила все это письменно, чтобы тебе переслать. Я сказала твое мнение о цензуре – всякой. Еще: «Эту вещь нельзя в Америке печатать, т. к. он загубит свою репутацию». На это я прямо сказала: передайте, что ему наплевать, о репутации он сам позаботится.
>
> …Сегодня у них заседание все о том же[35].

Вера Евсеевна предоставила это письмо Филду,

---

[34] Сноски: 34

Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы. Нью-Йорк: Ассоциация русских писателей Нью-Йорка, 1942.

[35] Сноски: 35

Пропуск в цитате В. Е. Набоковой оригинального письма Филду (из моего архива. — *Б. Б.*).

поскольку гордилась способностью мужа одерживать победы и его принципиальностью; ее не остановило даже то, что в письме отчетливо проявляется и такая черта ее собственного характера, как несгибаемость, необходимая для отстаивания интересов Набокова. Однако свои письма она уничтожила прежде всего потому, что считала, будто они никого не касаются и не стоят того, чтобы их хранить. Вспоминаю при этом, как она сказала мне однажды, что ее золовка Е. В. Сикорская проявила тщеславие, включив в опубликованную «Переписку с сестрой»[36] не только письма брата, но и свои собственные. Иными словами, женщина, в юности не снявшая маски перед человеком, которого стремилась очаровать, в свои зрелые годы решила не снимать маски перед всем миром. И это даже после того, как она сделала все возможное, чтобы помочь Набокову стать всемирно известным писателем, чего, по ее мнению, он безусловно заслуживал.

Выше я писал, что переписка между супругами «оказалась вдвойне односторонней». Еще более странным, чем уничтожение Верой Евсеевной своих писем, представляется их малое число. По-

[36] Сноски: 36

Набоков В. Переписка с сестрой / Под ред. Е. Сикорской. Анн Арбор: Ардис, 1985.

сле первого знакомства и последовавшего за ним стихотворения, посвященного девушке в маске, она написала Набокову несколько писем на юг Франции, дождавшись в ответ всего лишь одного послания. Но затем их переписка стала по большей части односторонней в противоположном направлении: в ответ на каждые пять писем Набокова Вера зачастую писала не более одного. Он был истовым, неутомимым корреспондентом, и хотя порой ее молчание вызывало у него досаду, очень терпимо относился к тому, что многие на его месте сочли бы недостатком внимания со стороны любимого человека. Этот дисбаланс сохранялся и во время длительных разлук, от его поездки в Прагу в 1924 году («“Ты безглагольна, как все, что прекрасно…” Я уже свыкся с мыслью, что не получу от тебя больше ни одного письма, нехорошая ты моя любовь»[37]; «Ты не находишь ли, что наша переписка несколько… односторонняя? Я так обижен на тебя, что вот начинаю письмо без обращенья»[38]) и ее пребывания в санатории в 1926 году («Тюфка, по-моему, ты пишешь ко мне слишком часто! Целых два

[37] Сноски: 37
Письмо от 12 января 1924 г.

[38] Сноски: 38
Письмо от 14 января 1924 г.

письмеца за это время. Не много ли? Я небось пишу ежедневно»[39]; «Будет завтра мне письмыш? Сидит ли он сейчас в почтовом вагоне, в тепле, между письмом от госпожи Мюллер к своей кухарке и письмом господина Шварц к своему должнику?»[40]) до Праги в 1930 году («Мне грустно, что ты так мало пишешь, мое бесконечное счастие»[41]) и Таормины в 1970-м («Неужели не получу от тебя весточки?»[42]).

Невзирая на свои частые сетования, Владимир Владимирович бурно радовался тем письмам, которые все-таки получал: «Зато получил сегодня — наконец — твое чудное (звездное!) письмо»[43]; «Душенька моя, любовь, любовь, любовь моя, — знаешь ли что, — все счастие мира, роскошь, власть и приключенья, все обещанья религий, все обаянье природы и даже человеческая слава

---

[39] Сноски: 39
Письмо от 9 июня 1926 г.

[40] Сноски: 40
Письмо от 28 июня 1926 г.

[41] Сноски: 41
Письмо от 19 мая 1930 г.

[42] Сноски: 42
Письмо от 8–9 апреля 1970 г.

[43] Сноски: 43
Письмо от 8 января 1924 г.

не стоят двух писем твоих»[44]; «Любовь моя, я все гуляю по твоему письму, исписанному со всех сторон, хожу, как муха, по нем<у> головой вниз, любовь моя!»[45]

У тех, кому известно, сколько Вера Евсеевна сделала для мужа как его секретарь, агент, архивариус, шофер, редактор, ассистент по научной и преподавательской работе, машинистка на четырех языках, часто возникает ощущение, что она в каком-то смысле была у него в услужении. Это не так: она посвятила себя служению Набокову, но на собственных условиях. Она вела себя смело и решительно с того самого момента, когда, едва достигнув двадцати одного, подошла к Сирину, скрыв лицо под маской, а после его отклика на ее приглашение написала несколько писем, прежде чем получила от него в ответ хотя бы одно слово. В Европе и в Америке она носила в сумочке пистолет и впоследствии очень гордилась тем, что Дмитрий, титулованный профессиональный гонщик, владелец нескольких «феррари» и скоростных катеров, с гордостью говорил: мама водит, как мужчина.

---

[44] Сноски: 44
Письмо от 19 августа 1925 г.

[45] Сноски: 45
Письмо от 10 февраля 1936 г.

В Вере Евсеевне был определенный напор, внутренняя твердость — но была и хрупкость, особенно в молодости. Она с первого слова давала понять, что свои правила не изменит. В первом письме с фермы на юге Франции Набоков пишет: «И хороши, как светлые ночи, все твои письма — даже то, в котором ты так решительно подчеркнула несколько слов»[46]. В следующем, относящемся к стадии вечерних свиданий и прогулок по сверкающим огнями берлинским улицам: «Нет — я просто хочу тебе сказать, что без тебя мне жизнь как-то не представляется — несмотря на то, что думаешь, что мне “весело” два дня не видеть тебя. ‹…› Слушай, мое счастье, — ты больше не будешь говорить, что я мучу тебя?»[47]

Как и Набоков, она умела восторгаться житейскими пустяками и литературными находками; он утверждал, что из всех женщин, которых он когда-либо встречал, у нее самое лучшее, самое живое чувство юмора. Однако сам Набоков был жизнерадостен по природе, в то время как его жене было свойственно впадать в уныние. Он упрашивал ее незадолго до возвращения из аме-

---

[46] Сноски: 46
Письмо написано около 26 июля 1923 г.

[47] Сноски: 47
Письмо от 8 ноября 1923 г.

риканского лекционного турне: «Люблю тебя, моя душенька. Постарайся — будь веселенькой, когда возвращусь (но я люблю тебя и унылой)»[48]. Она же признавала, что склонна подвергать все критике. Например, не могла удержаться от упреков даже в адрес человека, которого любила всей душой. Во время своей первой изматывающей поездки в Париж, где он налаживал литературные связи, Набоков пишет с досадой: «…но что же я буду тебе все рассказывать, если ты считаешь, что я ничего не делаю»[49]. Или во время первого посещения Лондона с той же целью: «Душка моя, it is unfair (как я уже тебе писал) говорить о моем легкомыслии. ‹…› Я прошу тебя, моя любовь, не делай мне больше этих ребяческих упреков, je fais ce que je peux»[50]. Снова из Лондона, два года спустя: «Я готов к тому, что вернусь в Париж, оставив лидский за́мок висящим в сиреневой мути на вершок от горизонта, но если так, поверь,

[48] Сноски: 48
Письмо от 9 ноября 1942 г.

[49] Сноски: 49
Письмо от 3–4 ноября 1932 г.

[50] Сноски: 50
Письмо от 6 апреля 1937 г. It is unfair — несправедливо *(англ.)*. Je fais ce que je peux — я делаю все, что могу *(фр.)*. «Лидским замком» Набоков называет желанную должность преподавателя в Лидском университете Англии (намек на выражение «строить воздушные замки»).

что будет не моя вина, — я предпринимаю все, что в моих силах и возможностях»[51]. И на следующий день: «Не пиши мне про “don’t relax” и про “avenir” — это только меня нервит. Впрочем, я обожаю тебя»[52].

С той же строгостью она обращалась и с другими. Т. Г. Гексли был бульдогом при Дарвине, а Вера Евсеевна — при Набокове, пусть и в образе изящной гончей. То, что он выстроил свою жизнь на прочном фундаменте Вериной поддержки, является известной далеко не всем стороной его личности.

На протяжении 1920-х и 1930-х годов Набоков добивался все большего признания. Поскольку он никогда не искал ни покорного, ни льстивого одобрения, в письмах к жене об этом повествуется не только с гордостью, но и со смущением. Да и в собеседники он выбирал людей скорее независимых, чем покладистых: язвительного Ходасевича, задиристого Эдмунда Уилсона, напористую Эллендею Проффер, неугомонного Альфреда Аппеля. Известный своей непочти-

---

[51] Сноски: 51

Письмо от 13 апреля 1939 г.

[52] Сноски: 52

Письмо от 14 апреля 1939 г. Don’t relax — не расслабляйся *(англ.)*. Avenir — будущее *(фр.)*.

тельностью, порой даже к Шекспиру, Пушкину и Джойсу, не говоря уже о Стендале, Достоевском, Томасе Манне, Элиоте и Фолкнере, в письмах к жене он избегал благоговейности и высказывался против преклонения перед общественным положением, властью, богатством или репутацией. Редко откликаясь на текущие новости, Набоков тем не менее бурно отреагировал на одну заметку 1926 года: «Приехал финляндский президент в гости к латвийскому, и по сему поводу в передовице “Слова” восемь раз на протяженье сорока шести строк повторяется “высокие гости”, “наши высокие гости”. Вот лижут!»[53] Эта же ненависть к чванству породила искрометно-уничижительную зарисовку критика Андре Левинсона и его трепещущего от почтительности семейства; неотразимые выпады против случайного знакомого Александра Гальперна, «не очень приятненького, осторожно двигающегося, чтобы не просыпать себя, которым он полон»[54]; порицания Кисы Куприной с ее «улыбкой “поговорим

[53] Сноски: 53
Письмо от 24 июня 1926 г.

[54] Сноски: 54
Письмо от 21 апреля 1939 г.

обо мне”»[55] или Вериной сестры Софьи — Набоков с неприязненностью вспоминает, как она извивалась в кольцах собственного величия. Набоков сумел сохранить дружбу с Алдановым, но при этом в письме не преминул посетовать, что тот «как будто впивает похвалу»[56].

Набоков с юношеским пылом относился к чужим комплиментам. Выходя в Берлине с вечера у друзей, где вызвал общее восхищение, он от восторга даже прошелся колесом. Однако из письма видно, что, делая акробатический трюк, он не потерял голову: «…опять похвалы, похвалы… мне начинает это претить: ведь дошли до того, что говорили, что я “тоньше” Толстого. Ужасная вообще чепуха»[57]. Через десять лет он напишет: «Чтобы потом не было неловко (как случилось с моими письмами из Парижа — когда я их перечитывал), теперь же и впредь — совершенно отказываюсь от приведения всех тех прямых и косвенных

---

[55] Сноски: 55
Письмо от 25 ноября 1932 г.

[56] Сноски: 56
Письмо от 24 октября 1932 г.

[57] Сноски: 57
Письмо от 12 июля 1926 г.

комплиментов, которые получаю»[58]. Еще через год сообщит, что Габриэль Марсель хочет повторения «conférence (которую он перехваливает)»[59]. Набоков мог критически отзываться о своих предыдущих и даже текущих работах («Не знаю, как сегодня сойдет моя “Mlle” — боюсь, что длинно и скучно»[60]; «…как мне наплевать на эти мои французские испражнения!»[61]). Те, кто путают его с такими тщеславными персонажами, как Германн, Гумберт, Кинбот и Ван Вин, непроницательны, ведь тщеславие для Набокова было мишенью, а не способом существования.

Набокову случалось проявлять несдержанность и досаду, однако в письмах он по большей части предстает человеком, способным судить о других с душевной щедростью и уважением: «А он со своими выдающимися глазами, которые точно вылезают из глазниц, оттого что сдавили

---

[58] Сноски: 58

Письмо от 24 января 1936 г.

[59] Сноски: 59

Письмо от 4 февраля 1937 г. Conférence — лекция *(фр.)*.

[60] Сноски: 60

Письмо от 24 января 1936 г. Имеется в виду «Mlle O» (1936) — написанные по-французски воспоминания Набокова о его французской гувернантке.

[61] Сноски: 61

Письмо от 12 февраля 1937 г.

его (впалые до болезненности) щеки, — милейший»[62]; «...я окружен сотнями милейших людей»[63]; «Он оказался большой упругой душкой»[64]. В парижском метро: «Контролера я как-то спросил, что это такое так хорошо блестит в составе каменных ступеней, — блестки, вроде как игра кварца в граните, и тогда он с необычайной охотой, — делая мне les honneurs du métro, так сказать, — принялся мне объяснять и показывал, куда нужно стать и как смотреть, чтобы сполна любоваться блеском; если б я это описал, сказали бы — выдумка»[65].

Как и всякий лепидоптеролог того времени, пойманных бабочек Набоков пронзал булавкой, а потом расправлял. В результате журналисты называли его, как князя Влада Дракулу — Vlad the Impaler или «Влад, сажающий на кол». Однако в письмах к жене, очень любившей животных

---

[62] Сноски: 62

Письмо от 19 февраля 1936 г.

[63] Сноски: 63

Письмо от 4 февраля 1937 г.

[64] Сноски: 64

Письмо от 21 апреля 1939 г.

[65] Сноски: 65

Письмо от 24 февраля 1936 г. Les honneurs du métro — почести метро *(фр.)*, вместо стандартного les honneurs de la maison — домашние почести.

(они перечисляли деньги Обществу борьбы с вивисекцией), снова и снова проявляется его нежность ко всяческим тварям и понимание их прелести: «Я спасаю мышей, их много на кухне. Прислуга их ловит: первый раз хотела убить, но я взял и понес в сад, и там выпустил. С тех пор все мыши приносятся мне с фырканьем: “Das habe ich nicht gesehen”. Я уже выпустил таким образом трех или, может быть, все ту же. Она вряд ли оставалась в саду»[66]. «Душа моя, какой у них кот! Что-то совершенно потрясающее. Сиамский, темного бежевого цвета, или taupe, с шоколадными лапками ‹…› и дивные ясно-голубые глаза, прозрачно зеленеющие к вечеру, и задумчивая нежность походки, какая-то райская осмотрительность движений. Изумительный, священный зверь, и такой молчаливый — неизвестно, на что смотрит глазами этими, до краев налитыми сапфирной водой»[67]. «Каким легоньким и послушным кажется здешний щеночек — он вчера ушел головой в мой боковой карман и там

---

[66] Сноски: 66

Письмо от 17 октября 1932 г. Das habe ich nicht gesehen — Я этого не видела *(нем.)*.

[67] Сноски: 67

Письмо от 24 октября 1932 г. Taupe — серо-коричневый *(англ.)*.

увяз, отрыгнув немножко голубого молочка»[68].

С той же нежностью Набоков относился и к детям. Переход от одних к другим выглядит у него естественно: «На каждом постаменте парового отопления сидит по кошке, а на кухне скулит двадцатидневный щенок-волчонок. А как-то наш щеночек? Странно было проснуться нынче без голоска, проходящего на твоих руках мимо моей двери»[69]. Двумя днями позже, все еще из дома Малевских-Малевичей в Брюсселе: «Здесь слуга, Боронкин, с меланхоличным лицом, очень милый, возится со щенком и чудно готовит. Посматриваю на младенцев, — тут все коляски на толстых шинах. Проснулся en sursaut вчера с полной уверенностью, что мальчик мой попал ко мне в чемодан и надо скорее открыть, а то задохнется. Напиши мне скорее, любовь моя. Топики, топики, топики — об подножку стульчика на кухне по утрам. Я чувствую, что без меня там вылупляются новые слова»[70]. «…мне мучительно пусто без тебя (и без теп-

---

[68] Сноски: 68
Письмо от 24 января 1936 г.

[69] Сноски: 69
Письмо от 22 января 1936 г.

[70] Сноски: 70
Письмо от 24 января 1936 г. En sursaut — подскочив *(фр.)*.

ленького портативного мальчика)»[71]. В другом письме: «А он, — маленький мой? Мне прямо физически недостает некоторых ощущений, шерсти бридочек, когда отстегиваешь и застегиваешь, поджилочек, шелка макушки у губ, когда держишь над горшочком, носки по лестнице, замыкания тока счастия, когда он свою руку перебрасывает через мое плечо»[72].

Его завораживала красота маленьких детей, их живость, незащищенность. Про сына двоюродного брата Сергея: «Какая прелесть маленький Ники! Я не мог от него оторваться. Лежал красненький, растрепанный, с бронхитом, окруженный автомобилями всех мастей и калибров»[73]. Об Ольгином «чрезвычайно привлекательном»[74] сыне: «Я вложил свою лепту в покупку для Ростислава некоторых носильных вещей. Единственное слово, которое он говорит, — это “да”, с большим чувством и много раз подряд “да,

---

[71] Сноски: 71
Письмо от 4 февраля 1937 г.

[72] Сноски: 72
Письмо от 6 февраля 1936 г.

[73] Сноски: 73
Письмо от 22 января 1937 г.

[74] Сноски: 74
Письмо от 4 апреля 1932 г.

да, да, да, да", утверждая свое существование»[75].

Или про семью друга Глеба Струве: «Трое из детей в отца, очень некрасивые, с толстыми рыжими носиками (впрочем, старшая очень attractive), а четвертый, мальчик лет десяти, тоже в отца, да в другого: совершенно очаровательный, нежнейшей наружности, с дымкой, боттичелливатый — прямо прелесть. Юленька болтлива и грязна по-прежнему, увлекается скаутством, носит коричневую жакетку и широкополую шляпу на резинке. Чая не было в должное время, зато "обед" состоял из кулича и пасхи (прескверных) — это все, что дети получили, причем так делается не по бедности, а по распущенности»[76].

Трепетным отношением Набокова к детям проникнуты образы Давида из романа «Под знаком незаконнорожденных», Лолиты из одноименного романа, Люсетты из «Ады». Ничто не может сильнее отличаться от липкого подглядывания Гумберта за школьницами, чем то, как Набоков смотрит на самую маленькую и хрупкую девочку

---

[75] Сноски: 75

Письмо от 6 апреля 1932 г.

[76] Сноски: 76

Письмо от 11 апреля 1939 г. Attractive — привлекательная *(англ.)*. Юленька — жена Г. П. Струве, Юлия Юльевна.

во дворе берлинской школы, который виден ему из окна пансиона: «Учительница хлопала в ладоши, и школьницы — совсем крохотные — бегали и подпрыгивали в такт. Одна, самая маленькая, все отставала, все путалась и тоненько кашляла»[77].

[77] Сноски: 77
Письмо от 2 июня 1926 г.

III

На обложке набоковских «Избранных писем, 1940–1977» Джон Апдайк напишет: «Углубляйся в них с любого места, испытаешь восторг. Какой писатель! И право же, какой разумный и порядочный человек». Письма к жене раскрывают внутренний мир Набокова. Но что они говорят о нем как писателе? Разумеется, многое зависит от читающего. Лично меня поражает несколько вещей. Например, присущая набоковским посланиям живость, стремительность смены тем, интонаций и точек зрения. Они как будто на мгновение воплощают в себе реакцию Веры, вкратце передавая речь собеседника, или слова критика, или героические усилия Сирина:

«Сейчас барахтаюсь в мутной воде сцены шестой. Устаю до того, что мне кажется, что голова моя кегельбан, — и не могу уснуть раньше пяти-шести часов утра. В первых сценах — тысяча переделок, вычерков, добавок. И в конце концов буду награжден очередной остротой: “…не лишен поэтического дара, но нужно сознаться…“ и т. д. А тут еще ты — молчишь…

Но — дудки! Так развернусь, что, локтем за-

слонившись, шарахнутся боги… Или голова моя лопнет, или мир — одно из двух. Вчера я ел гуся. Погода морозная: прямые розовые дымки и воздух вкуса клюквы в сахаре»[78].

Не только ласковые обращения Набокова к жене содержат элемент игры, но и упреки его шутливы («Сейчас я выйду купить марок, нехорошо, что ты мне так редко пишешь, и бритву-жилетт»[79]). Игрой оборачиваются и его старания избежать бдительности немецких властей. В 1936–1937 годах, докладывая жене-еврейке, все еще остававшейся в Берлине, о деньгах, которые он заработал чтениями и публикациями за границей и которые он либо посылал матери в Прагу, либо отдавал родственнику на хранение, Набоков придумывал подставных лиц — Григорий Абрамович, Виктор, Калмбруд, — а заработанную тем или иным «представителем» сумму обозначал постоянно менявшимися терминами. Речь в письмах шла не о деньгах, а о книгах, журналах, страницах, колонках, бабочках и даже «Семен-

[78] Сноски: 78
Письмо от 14 января 1924 г.

[79] Сноски: 79
Письмо от 11 июня 1926 г.

людвиговичах»[80], ведь он писал из Брюсселя, и Вера Евсеевна, знавшая Семена Людвиговича Франка, могла догадаться, что гонорар получен в бельгийских франках.

Образы, создаваемые Набоковым в письмах, превращали такую будничную обязанность, как ежедневный отчет жене о житейских мелочах в 1926 году, в искреннюю радость («Погодка была ничего утром: мутненько, но тепло, небо прокипяченное, в пленках — но ежели их раздвинуть ложечкой, то совсем хорошее солнце, и следственно, я надел белые штанишки»[81]); подчеркивали романтику их отношений («Ты пришла в мою жизнь — не как приходят в гости (знаешь, “не снимая шляпы”), а как приходят в царство, где все реки ждали твоего отраженья, все дороги — твоих шагов»[82]); наделяли чертами бессмертия человека или пейзаж («Как он, Бунин, похож на старую тощую черепаху, вытягивающую серую, жилистую, со складкой вместо кадыка шею и что-то жующую и поводя-

---

[80] Сноски: 80
Письмо от 27 января 1936 г.

[81] Сноски: 81
Письмо от 10 июня 1926 г.

[82] Сноски: 82
Письмо от 8 ноября 1923 г.

щую тусклоглазой древней головой!»[83]); а также приуменьшали докучливость бюрократической волокиты («Жизнь моей немецкой визы — этого лишая на разрушающейся стене паспорта ‹…›»[84]).

Набоков за всем наблюдает с жадностью — за животными, растениями, лицами, характерами, речью, небесными, земными и городскими пейзажами («В метро воняет, как в промежутках ножных пальцев, и так же тесно. Но я люблю хлопание железных рогаток, росчерки (“merde”) на стене, крашеных брюнеток, вином пахнущих мужчин, мертво-звонкие названия станций»[85]). Музыкофил и выдающийся психолог Оливер Сакс справедливо отмечает его амузыкальность («…для меня музыка, — признался он в автобиографии, — всегда была и будет лишь произвольным нагромождением варварских звучаний»[86]),

---

[83] Сноски: 83
Письмо от 13 февраля 1936 г.

[84] Сноски: 84
Письмо от 24 февраля 1936 г.

[85] Сноски: 85
Письмо от 2 февраля 1936 г. Merde — дерьмо *(фр.)*.

[86] Сноски: 86
Sacks O. Musicophilia: Tales of Music and the Brain. N.Y.: Knopf, 2007. P. 102; *Nabokov V.* Speak, Memory: An Autobiography Revisited. N.Y.: Putnam, 1967. P. 35–36 (Цит. по: *Набоков В.* Другие берега. М.: АСТ: CORPUS, 2022. С. 38).

однако письма обнаруживают, что иногда музыка доставляет Набокову удовольствие: «Вернувшись восвояси, часок почитал — и удивительно играл танцевальную музыку “громкоговоритель” во дворе. Скрипичное томленье саксофона, свирельные пируэты, мерный бой струн…»[87]; «…поехали к цыганам в очень симпатичное русское заведение Au Papillon bleu. Там пили белое вино и слушали действительно прекрасное пение. Настоящие цыганки плюс Полякова»[88].

Его сумбурное чтение почти непредсказуемо. Как того и ожидаешь, Набоков перечитывает Флобера, Пруста и Джойса, но случаются и сюрпризы. Он заставляет себя знакомиться с советской художественной прозой, с энтузиазмом читает Анри Беро, Ральфа Ходжсона или Арнольда Беннетта. Еще ценнее свидетельства писательского труда Набокова, то, как письма отражают всплески его вдохновения. Перед нами предстают самые разнообразные жанры — стихи, пьесы, рассказы, романы, мемуары, киносценарии, переводы. Они приходят на ум автору, чтобы потом исчезнуть в никуда, подобно блуждающим огням

[87] Сноски: 87
Письмо от 27 июня 1926 г.

[88] Сноски: 88
Письмо от 28 или 29 октября 1932 г.

вокруг рощи завершенных сочинений. И хотя большая часть переписки относится к ранним годам и не может ничего сообщить о великих англоязычных романах Набокова или о его замечательных русских произведениях позднего периода (он был слишком занят налаживанием деловых связей и поиском издательских возможностей во время поездок в Париж и Лондон в 1930-е годы, чтобы найти время на сочинение чего-то нового), в письмах 1920-х годов отражена напряженная творческая работа над первым крупным произведением, «Трагедией господина Морна», и показано зарождение и создание двух стихотворений, в том числе одного из лучших — «Комнаты». Мы видим, как замысел рассказа про комнату трансформируется в стихотворение, и это превращение помогает лучше его понять. Но еще более интересен отчет о появлении на свет стихотворения «Тихий шум», ибо благодаря письмам мы можем проследить весь путь поэта — от досады до победы. В 1925 году Набоков стал звездой первого берлинского Дня русской культуры, а год спустя решил превзойти самого себя. Имея в своем распоряжении всего несколько суток, он тревожился из-за того, что у него ничего не было готово… Потом

возник ритмический ряд, предшествующий появлению стихотворения, потом — отвращение к первоначальным ностальгическим клише, хлынувшим из временно закупоренной трубы его воображения. Затем Набокова захлестнули недавние впечатления, в том числе воспоминание о том, как он начал раздумывать над новым стихотворением, несколькими днями раньше проникшее в письмо. Память о былом и такие сиюминутные ощущения, как долгое хлюпанье воды в клозете, постепенно соединяются в поэтические фрагменты, которые вдруг оборачиваются строфами: он все более захвачен ими, образы одолевают его перед сном. По пробуждении он идет к ученику, продолжает сочинять, и наконец, во время визита к Вериной двоюродной сестре, переносит стихотворение на бумагу, выучивает его наизусть, а потом, на празднике, с триумфом декламирует — и его раз за разом вызывают на бис.

Эта переписка велась отнюдь не для будущих читателей, что отчетливо видно из посланий 1926 года, где Набоков держит слово и подробно описывает, что ел, во что одевался, чем занимался. Очевидно, что письма к жене разительно

отличаются от писем к Эдмунду Уилсону[89], в которых сходство и несходство литературных вкусов заставляет Набокова задействовать все силы своего писательского мастерства. Помимо прочего, к концу 1960-х Набоков стал, пожалуй, самым знаменитым из живущих писателей. Он не мог не отдавать себе отчета в том, что рано или поздно переписка с Уилсоном будет опубликована.

В 1968 году Набокову прислали из Праги его письма к родителям. Узнав об этом, Эндрю Филд, автор первого исследования творчества Набокова, получившего широкую известность, попросил у супругов разрешения начать работу над его биографией. Проект был одобрен, и, приехав в конце 1970 года в Монтрё, Филд снял фотокопии с переписки с родителями (отдельные наиболее личные пассажи от него все же были скрыты), а также с некоторых писем к жене, особенно за 1932 год, где говорилось о приеме Набокова в русских и французских литературных кругах. И хотя Набоков раскрыл Филду личности неко-

[89] Сноски: 89

См.: The Nabokov–Wilson Letters: Correspondence Between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1940–1971 / Ed. by Simon Karlinsky. N.Y.: Harper & Row, 1979; Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001.

торых упомянутых в этих письмах людей, часть эпистолярных фрагментов супруги также предпочли утаить. Возможно, именно перед приездом Филда Вера Евсеевна и уничтожила свои послания к мужу.

Почти все свои письма к жене Набоков сочинял, не догадываясь, с каким любопытством потомки будут заглядывать ему через плечо. Однако во время их последней многодневной разлуки в Таормине в апреле 1970 года (если не считать вынужденных отлучек в больницы, которыми отмечены 1970-е годы) он уже знал, что Филд ознакомится с некоторыми его письмами к жене, и не мог не задумываться о том, что часть супружеской переписки, возможно, попадет в печать. Поэтому его первое письмо из Таормины домой в Монтрё[90] великолепно сочетает в себе пародию, поэзию, стремительность слога и словесную игру, характерные для стиля поздних публичных выступлений Набокова, и при этом отражает их с Верой редкую близость. В отличие от многих предыдущих посланий, где слышны тревожные отзвуки трудных жизненных ситуаций, это таорминское письмо в особенности прониза-

[90] Сноски: 90
Письмо от 10 апреля 1970 г.

но покоем, который принесли слава, достаток, наличие свободного времени и почти полвека, прожитые вместе. В завершающих письмах из этой последней связки Набоков, судя по всему, возвращается к стилистике ежедневной переписки с женой и гораздо меньше думает о потомках. Вера Евсеевна вот-вот должна присоединиться к нему, и он обращается к ней с предчувствием того, что это, может быть, его последняя возможность писать лишь к ней одной, день за днем:

> Теперь жду тебя. Немножко жалко в каком-то смысле, что кончается эта (пере)писка, обнимаю и обожаю.
>
> Буду записывать белье, а затем около девяти пойду собирать.
>
> ***В.***

Письма к Вере

1. Ок. 26 июля 1923 г.
Солье-Пон, Домэн-де-Больё – Берлин

Не скрою: я так отвык от того, чтобы меня — ну, понимали, что ли, — так отвык, что в самые первые минуты нашей встречи мне казалось: это — шутка, маскарадный обман… А затем… И вот есть вещи, о которых трудно говорить — сотрешь прикосновеньем слова их изумительную пыльцу… Мне из дому пишут о таинственных цветах. Хорошая ты…

И хороши, как светлые ночи, все твои письма — даже то, в котором ты так решительно подчеркнула несколько слов. Я нашел и его, и предыдущее, по возвращенью из Marseille, где я работал в порту. Это было третьего дня — и я решил тебе не отвечать, пока ты мне не напишешь еще. Маленькая хитрость…

Да, ты мне нужна, моя сказка. Ведь ты единственный человек, с которым я могу говорить — об оттенке облака, о пеньи мысли и о том, что, когда я сегодня вышел на работу и посмотрел в лицо высокому подсолнуху, он улыбнулся мне всеми своими семечками. Есть крошеч-

ный русский ресторанчик, в самой грязной части Marseille. Я харчил там с русскими матросами — и никто не знал, кто я и откуда, и сам я дивился, что когда-то носил галстух <sic> и тонкие носки. Мухи кружились над пятнами борща и вина, с улицы тянуло кисловатой свежестью и гулом портовых ночей. И слушая, и глядя — я думал о том, что помню наизусть Ронсара и знаю названья черепных костей, бактерий, растительных соков. Странно было.

Очень тянет меня и в Африку, и в Азию: мне предлагали место кочегара на судне, идущем в Индо-Китай. Но две вещи заставляют меня вернуться на время в Берлин: первая — то, что маме уж очень одиноко приходится, вторая… тайна — или, вернее, тайна, которую мне мучительно хочется разрешить… Выезжаю я 6-го, — но некоторое время пробуду в Ницце и в Париже — у человека, с которым я учился вместе в Cambridge'e. Ты, вероятно, знаешь его. Таким образом, в Берлине я буду 10-го или 11-го… И если тебя не будет там, я приеду к тебе, — найду… До скорого, моя странная радость, моя нежная ночь. Вот тебе стихи:

вернуться на время в Берлин: первая — то, что меня уже очень близко касается, — вторая ... тайна — или вернее тайна, которую мне мучительно хочется разгадать. Выпускают я 6го, — но некоторое время пробуду в Кенигсберге и Париже. В головном из которых я училась вместе в Сатвидже. Ты хорошо знаешь его. Таким образом в Берлине я буду 10го или 11го. И если тебе не будет тяжело я приеду к тебе, — найду ... До скорого, моя странная радость, моя нежная ноги. Вот тебе стихи:

Вечер

Завесив, — и в деревне гранатовым совенком
полаивает, как щенок.
В вечерней вышивке так одинок и звонок
лунный изогнутый клинок.

Завесив, — и плещет ключ вечернего лазурью:
как голос твой, вода свежа —
и в глиняный кувшинок, лоснящийся глазурью,
луна, вонзаясь, дрожа.

Утро

Я стер со лба укусы капель жгучих
и навернул мех на скользкий теплый скат,
где голосами сплюснутых гикад
грелось солнце в сосенках плакучих.

И я нырнул в ныряющую тьму
дня южного, — под пенистый плеск тихтака,
под лепет флейт — и рот пурпурный Пана
прижался жадно ко рту моему.

Я здесь очень много написал. Между прочим — два драмы „Дедушка" и „Полюс". Первая будет в альманахе „Гамаюн" — вторая в след. номере „Русской мысли".

В.

Вечер

Зовешь, – а в деревце гранатовом совенок
полаивает, как щенок.
В вечерней вышине так одинок и звонок
луны изогнутый клинок.
Зовешь, – и плещет ключ вечернею лазурью:
как голос твой, вода свежа,
и в глиняный кувшин, лоснящийся глазурью,
луна вонзается, дрожа.

Зной

Я стер со лба уколы капель жгучих
и навзничь лег на скользкий теплый скат,
где голосами сплюснутых цикад
гремело солнце в сосенках пахучих.

И я поплыл в пылающую тьму
дня южного – под пьяный плеск тимпана,

под лепет флейт, и рот пурпурный Пана

прижался жадно к сердцу моему.

Я здесь очень много написал. Между прочим — две драмы, «Дедушка» и «Полюс». Первая будет в альманахе «Гамаюн» — вторая в след.<ующем> номере «Русской мысли».

В.

2. 8 ноября 1923 г.
Берлин – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

8–xi–23

Как мне объяснить тебе, мое счастье, мое золотое, изумительное счастье, насколько я весь твой — со всеми моими воспоминаниями, стихами, порывами, внутренними вихрями? Объяснить — что слова не могу написать без того, чтобы не слышать, как произнесешь ты его, и мелочи прожитой не могу вспомнить без сожаленья — такого острого! — что вот мы не вместе прожили ее, будь она самое, самое личное, непередаваемое, а не то просто закат какой-нибудь, на повороте дороги, — понимаешь ли, мое счастье?

И я знаю: не умею я сказать тебе словами ничего, а когда по телефону — так совсем скверно выходит. Потому что с тобой нужно говорить — дивно, как говорят, например, с людьми, которых больше нет, — дивно, понимаешь, в значенье чистоты и легкости и душевной точности, а я — je patauge ужасно. Меж тем тебя можно ушибить некрасивым уменьшительным — оттого что ты

вся такая звонкая, как морская вода, хорошая ты моя.

Я клянусь — и…[91] клякса тут ни при чем — я клянусь всем, что мне дорого, всем, во что я верю, — я клянусь, что *так*, как я люблю тебя, мне никогда не приходилось любить, — с такою нежностью — до слез — и с таким чувством сиянья. На этом листке, любовь моя, я как-то (Твое лицо межд)[92] начал писать стихи тебе, и вот остался очень неудобный хвостик — я спотыкнулся. А другой бумаги нет. И я больше всего хочу, чтобы ты была счастлива, и мне кажется, что я бы мог тебе счастье это дать — счастье солнечное, простое — и не совсем обыкновенное.

И ты должна простить меня за мелочность мою — за то, что я с отвращеньем думаю о том, как — practically — я буду завтра отсылать это письмо, а вместе с тем готов отдать тебе всю кровь мою, коли нужно было бы, — трудно это объяснить — звучит плоско, — но это так. Вот, скажу тебе — любовью моей можно было бы заполнить десять веков огня, песен и доблести —

---

[91] Сноски: 91

В рукописи клякса.

[92] Сноски: 92

Начало стихотворной строки написано перпендикулярно основному тексту, который ее окружает, и взято в скобки.

десять целых веков, громадных и крылатых, полных рыцарей, въезжающих на пламенные холмы, — и сказаний о великанах — и яростных Трой — и оранжевых парусов — и пиратов — и поэтов. И это не литература, ибо, если перечтешь внимательно, увидишь, что рыцари оказались толстыми.

Нет — я просто хочу тебе сказать, что без тебя мне жизнь как-то не представляется — несмотря на то, что думаешь, что мне «весело» два дня не видеть тебя. И знаешь, оказывается, что вовсе не Edison выдумал телефон, а какой-то другой американец — тихий человечек, фамилию которого никто не помнит. Так ему и надо.

У меня прошение за вот свои претензии
обманы. Как-не мне ужжать от тебя,
моя скука, моя одиночество? Понимаешь
если бы я меньше любила бы тебя, то
я должна была бы ужжать. А так —
— просто смысла нет. Я умирать мне
не хочется. Есть два рода, будь-то будет
безвольное и волевое. Прости мне — но я
живу вторым. И ты не можешь этого
у меня вырвать в то о чем я думать
боюсь. Такая это было бы сладость...
Вот опять — хвостик. Это Кусочек
моей ночи — не вошедший в нее.
записал — как-то чтобы не забыть
и вот — теперь — дальше.
Все это я пишу лежа в постели,
окружая — листок обгорелую
книжку. Когда я долго ночью
работаю — то у одного из портретов
на стене — (какая-то пробадушка
нашего — кофтка) — он кажется
кристальные — прекрасно-яйцевые глаза.
Очень хорошо — Что я дошла до конца
этого — хвостика; Очень мягкая
Любовь моя, спокойной ночи...
Не знаю разберешься ли ты это бульканье
письмо... но все равно... Я люблю тебя,
Буду ждать тебя завтра в 11 ч. вечера — а не то
любовь моя хоть в час. В.

Да, сбоку: Забытая мелочь ручки
стальное перо... Этим сердцу нужно
было накалывать полотно.

Слушай, мое счастье, — ты больше не будешь говорить, что я мучу тебя? Как мне хочется тебя увести куда-нибудь с собой — знаешь, как делали этакие старинные разбойники: широкая шляпа, черная маска и мушкет с раструбом. Я люблю тебя, я хочу тебя, ты мне невыносимо нужна… Глаза твои — которые так изумленно сияют, когда, откинувшись, ты рассказываешь что-нибудь смешное, — глаза твои, голос твой, губы, плечи твои — такие легкие, солнечные…

Ты пришла в мою жизнь — не как приходят в гости (знаешь, «не снимая шляпы»), а как приходят в царство, где все реки ждали твоего отраженья, все дороги — твоих шагов. Судьба захотела исправить свою ошибку — она как бы попросила у меня прощенье за все свои прежние обманы. Как же мне уехать от тебя, моя сказка, мое солнце? Понимаешь, если б я меньше любил бы тебя, то я *должен* был бы уехать. А так — просто смысла нет. И умирать мне не хочется. Есть два рода «будь что будет». Безвольное и волевое. Прости мне — но я живу вторым. И ты не можешь отнять у меня веры в то, о чем я думать боюсь — такое это было бы счастье… Вот опять — хвостик.

Да: старомодная медлительность речей,

стальная простота… Тем сердце горячей:

сталь, накаленная полетом…

Это кусочек моей поэмы — не вошедший в нее. Записал как-то, чтобы не забыть, и вот теперь — заноза.

Все это я пишу, лежа в постели, опирая листок об огромную книжку. Когда я долго ночью работаю, то у одного из портретов на стене (какая-то прабабушка нашего хозяина) делаются пристальные пренеприятные глаза. Очень хорошо, что я дошел до конца этого хвостика; очень мешал.

Любовь моя, спокойной ночи…

Не знаю, разберешь ли ты это безграмотное письмо… Но все равно… Я люблю тебя. Буду ждать тебя завтра в 11 ч. вечера — а не то позвони мне после 9 часов.

В.

3. 30 декабря 1923 г.
Прага – Берлин

30–xii–23
Praha Třida Svornosti, 37
Smichov

Дорогое мое счастье,

какая ты была прелестная, хорошая, легкая на этом суматошном вокзале… Ничего я не успел сказать тебе, счастье мое. Но из окна вагона я видел тебя, и почему-то, глядя, как ты стоишь, локтями прижимая шубу и засунув руки в рукава, — глядя на тебя, на желтое стекло в вокзальном окне за тобой и на твои серые ботики — один в профиль, другой en trois quarts, — почему-то именно тогда я понял, как я люблю тебя, — и затем ты так хорошо улыбнулся, когда заскользил поезд. А знаешь — ехали мы совершенно исключительно плохо. Вещи наши были рассыпаны по всему поезду, и до границы пришлось торчать стоймя, на сквозняке. Мне так хотелось показать тебе, как забавно пристал к внутренней части тех, знаешь, кожаных фартуков, которые соединяют вагоны, снег мерзлый, похожий на се-

ребряную кукурузу, — ты бы оценила.

Представь себе три комнатки: мебель — некрашеный стол, дюжина стульев, таящих занозы, семь постелей — сплошь деревянных, без матрацов, с перекладинами вместо днища, и одной кушетки, купленной по случаю. И все. На перекладины протягивается тюфяк — но чувствуешь насквозь деревянные ребра эти, так что утром такая ломота… а в кушетке обитают клопы, которые исчезли было после скипидарной атаки, но вот сегодня появились на потолке, откуда они будут ночью, как жаворонки, падать на спящих — на меня и на Кирилла: я ему рассказал, что двенадцати (через «е» правильнее) клопов довольно, чтобы умертвить человека, но, вспомнив, как ты чудно говоришь: он ведь маленький! — взял, как говорится, слова свои обратно. Добавь ко всему этому неистовый холод в комнатах и нежеланье двух изразцовых печь топиться (что, конечно, для них было бы неприятно), и ты получишь изображенье нашей жизни здесь. Денег нет совершенно, вилок тоже, так что приходится питаться бутербродами. При первой возможности я перевезу маму обратно в Берлин, куда сам приезжаю 5 апреля — минус восемьдесят пять дней (высчитала?). Прагу я еще не видал — да

вообще мы с нею в ссоре.

Слушай: как только буду иметь возможность, позвоню тебе отсюда по единственному телефону, находящемуся в этом городе: в доме Крамаржа. Постараюсь — двадцать третьего <декабря> (ст.<арый> ст.<иль>) в 7 часов.

Я тебя очень люблю. Нехорошо люблю (не сердись, мое счастье). Хорошо люблю. Зубы твои люблю. Сейчас я работал, сидел у меня Морн, — он просит передать тебе «сердечный привет». Любовь моя, знаешь, мне просто очень скучно без тебя. У меня такое чувство, будто ты все стоишь на вокзале, как я видел тебя на последях, — точно так же, как тебе, вероятно, все кажется, что я стою у вагонного окна, в котелке. До суда — испанский твой роман прелестен, дальше — плохо. Завтра передам пакет.

Как мне хотелось бы, чтоб ты сейчас мне говорила — проникновенно так: но ты ведь мне обещал?! Люблю тебя, мое солнце, моя жизнь, люблю твои глаза — закрытые, все хвостики твоих мыслей, твои протяжные гласные, всю душу твою от головы до пят. Я устал. Ложусь. Люблю тебя.

В.

4. 31 (?) декабря 1923 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

3<1>–xii–23
Třida Svornosty, 37
Smichov Praha

От тебя еще ни слова, моя любовь, — вероятно, завтра будет. А если нет? Знаешь, я не думал, что я так заскучаю по тебе («Ах, ты не думал!..»). Нет, — это просто оборот речи, чтобы сказать тебе, моя хорошая, мое счастье, how I long for you (как ты мне нужна). А меж тем я отсюда выберусь только 17-го — хочу кончить моего Морна, а то еще один переезд, и он рассыплется. Это человек, который совершенно не переносит чувство новоселья. Вчера за весь день я написал всего *две строчки*, и то я их вычеркнул сегодня. Сейчас пошло неожиданно хорошо, так что завтра кончу первую сцену третьего акта. Я почему-то очень touchy относительно этой вещи. Зато с каким наслажденьем я читал ее двум людям — тебе и вот на днях маме. Третий человек, который понимал каждую запятую, оценивал мне дорогие мелочи, — был мой отец. Мама всегда вспоминает это,

когда я читаю что-нибудь, — и больно.

Только что я написал Татаринову, прося его 6-го или 7-го поместить в «Руле» объявленье, что я (имя рек) ищу комнату с пансионом в русской семье. Иначе выйдет слишком дорого. Твой пакет я, к сожаленью, оставил в поезде. Я в «полном отчаяньи»! На самом же деле я третьего дня отнес его по адресу, — который ты написала едва слышным шепотом… Знаешь, что мне сейчас захотелось? Видеть, как ты приседаешь на одно колено, всходя с мостовой на панель (Аставь!..). Я тебя сегодня так люблю, что, кажется, пишу глупости.

Вот что я пока заметил в Праге: очень много ломовых и на магазинах такие надписи, как когда француз вставляет в роман русские словечки, желая щегольнуть, — и щеголяет безграмотно. Кроме того, здесь есть широкая река — подо льдом. Кое-где расчищены площадки под каток. На каждом таком ледяном квадрате катается по одному мальчишке, ежеминутно шлепаясь. На него смотрят зеваки с громадного старинного моста, по которому влачится ломовик за ломовиком. У одного конца моста стоит толстый человек в мундире, и каждый прохожий должен платить ему медяк за право перехода на другую сторо-

ну. Обычай старинный, феодальный. Трамваи маленькие, краснобокие, и внутри, на крюках, висят последние журналы — для общего пользования. Хороший город?

Вчера мне один профессор рассказывал, что когда его дочке было всего несколько месяцев, она часто притворялась, что падает в обморок. Потом, когда она немного подросла, он ее пугал следующим образом: он сидит, читает, она играет на полу. Вдруг он опускает книгу, делает страшные глаза, проводит рукою по лбу и говорит медленно: «Знаешь, Машенька, я, кажется, превращаюсь в орла…» Она — в слезы: «Вот всегда тебе что-нибудь кажется, когда никого нет в квартире…»

Завтра в семь часов я постараюсь с тобой «созвониться». Это будет, вероятно, мучительно, — но мне хочется услышать хоть краешек твоего голоса. А что-то будет в Берлине, моя любовь? Поедешь ли ты со мной в Америку? О, если б ты знала, как мне противна этакая угловатая жизнь, денежная суета, отвратительные переводы, над которыми нужно корпеть, — и гроши, гроши… А я ведь bourgeois в житейских вещах. Автомобили Крамаржа, его мраморная ванна, слуги — меня бесят… Buffon надевал кружевные

маншеты <sic>, когда садился работать. Мне, понимаешь, нужны удобства не ради удобств, а затем, чтоб не думать о них — и только писать, писать — и развернуться, громыхнуть… А в конце концов — кто знает, — может быть оттого, что я пишу «Господина Морна», сидя в шубе на арестантской кровати, при свете огарка (это, впрочем, почти поэтично), он выйдет еще лучше. Не терпится мне прочитать тебе пятую сцену.

Знаешь ли ты, что ты — мое счастие? Ты вся создана из маленьких стрельчатых движений — я люблю каждое из них. Думала ли ты когда-нибудь о том, как странно, как легко сошлись наши жизни? Это, вероятно, у Бога, скучающего в раю, вышел пасьянс, который выходит нечасто. Я люблю в тебе эту твою чудесную понятливость, словно у тебя в душе есть заранее уготовленное место для каждой моей мысли. Когда Монтекристо <sic> приехал в купленный им дворец, он увидел, между прочим, на столе какую-то шкатулку и сказал своему мажордому, который приехал раньше, чтобы все устроить: «Тут должны быть перчатки». Тот просиял, открыл эту ничем не замечательную шкатулку, и действительно: перчатки. Я немного запутался в образе — но это как-то относится к тебе и ко мне. Знаешь, я ни-

кому так не *доверял*, как тебе. Во всем сказочном есть черта доверчивости.

Я боюсь, это вышло очень спотыкающееся письмо. И не совсем грамотное. Я за последнее время столько говорю пятистопным ямбом, что трудно писать прозу. Слушай: позвони как-нибудь на бывшую мою квартиру в полночь или даже позже. Я то же просил сделать Татариновых и Струве. Жильцов хочу обрадовать.

Целую тебя, мое счастие, — и ты помешать мне не можешь…

В.

5. 8 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

Hullo! (слегка задыхаясь). Здра-аствуй (тихо и мягко — такое слово-подушечка).

Нет, не удалось мне позвонить тебе, моя любовь… Зато получил сегодня — наконец — твое чудное (звездное!) письмо. Ты знаешь, мы ужасно похожи друг на друга… Например, в письмах: мы оба любим 1) вставлять незаметно иностранные слова, 2) выдерживать из любимых книг, 3) переводить впечатленье одного чувства (например, зрительного) на впечатленье другого чувства (например, вкусового), 4) просить в конце извинение за мнимый вздор; и еще многое другое. Ты очень хорошо написала про себя, моя хорошая: я тебя *увидел.* И захотелось еще больше растрепать. А в маске ты действительно не смеешь ходить. Ты — моя маска… Хочешь знать, какой у меня вид из окна, благо любишь снег? Так вот: широкая белизна Молдавы, и по белизне этой с одного берега на другой проходят черные силуэтики людей, похожие на нотные знаки: так, например, фигурка какого-нибудь мальчишки тянет за со-

бой значок диеза: санки. За рекой — снежные крыши в далеком легком небе; а направо — тот феодальный мост, о котором я уже тебе писал.

Морн растет, как пожар в ветряную ночь! У меня осталось всего две сцены сочинить, причем уже есть самый конец последней — восьмой — сцены. Я пишу Лукашу, что это все — блистательный пустяк, но не верю… Впрочем…

Господи, как я хочу тебя видеть… Глаза мои милые… Не знаю, что с тобой сделаю при встрече. Не могу дольше писать сегодня — надо идти на вечер. Меня вывозят в свет! Из моих знакомых тут только вечно юный Сергей Маковский. Люблю тебя. Бесконечно.

В.

Только что вернулся с вечера у Крамаржа. Непременно должен тебе привести диалог, который там «имел место» (галлицизм).

Дама (пожилая)

А как вам нравится Прага? (следует несколько строк относительно красот Праги. Пропускаю. Затем:)

Вы поступаете в здешнюю гимназию, не правда ли?

Я

???

Дама

Ах, простите, — у вас такое молодое лицо… Значит, вы будете слушать лекции. Какой факультет?..

Я (с грустной улыбкой)

Я кончил университет два года тому назад. Два факультета — естественный и филологический.

Дама (теряется)

А… вы, значит, служите?

Я

Музе.

Дама (немного оживляется)

Ах, вы — поэт. И давно пишете? Скажите, вы читали Алданова — занятно, не правда ли? Вообще, в наше трудное время книги очень помогают! Возьмешь, бывало, Волошина или Сирина — и сразу на душе легче. Но сейчас, знаете, книги так дороги…

Я

Да, чрезвычайно дороги (и скромно удаляюсь инкогнито).

Веселенький разговор? Я тебе привел его *бук-*

вально.

Счастье мое, знаешь, завтра ровно год, как я разошелся с невестой. Жалею ли? Нет. Это должно было так случиться, чтоб я мог встретить тебя. После Господина Морна я напишу второе — заключительное — действие «Скитальцев». Вдруг захотелось. А сейчас тушу свечу и — спать. Нет, еще почитаю немножко. Люблю тебя, моя хорошая. Пиши мне почаще — а то я не могу. И семнадцатого встреть на вокзале.

В.

6. 10 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

10–1–24
Smichov, Třida Svornosty, 37
Prague

Любовь моя, сегодня я был уверен, что влетит ко мне сестра с криком: «Письмо от Madame Bertrán!» — ан нет. Очень мне грустно стало… «Что письма? — белые заплаты на черном рубище разлук» (парафраза известного стиха господина Лермонтова).

Вчера был вечер, сошедший с фламандского полотна, неподвижный в туманной поволоке. Над снегами, в тумане, закат просвечивал нежно и смутно, как непроявленные цвета декалькомании (знаешь?). Перейдя реку по льду, я поднялся на холм — белый, в черных кустах голой бузины; холм с одной стороны обрывается вниз крепостною стеной, а на вершине его стоит темный двухбашенный собор, схваченный кое-где червонной резьбой, — словно лег славянский отблеск на готическую геометрию. Тут же, за чугунной оградой, находится и католи-

ческая скудельница: ровные могилки, золотые распятья. Над дверью храма — дуговой барельеф, оканчивающийся по бокам двери двумя головами — лепными выпуклыми лицами двух… шутов. У одного крупные, лукавые черты, лицо другого искажено кривою усмешкой презренья; оба — в тех лопастых кожаных шапках-капюшонах (напоминающих одновременно и крылья летучей мыши, и петушиный гребень), в которых ходили средневековые шуты. На других дверях я нашел еще несколько лиц таких — и выраженье у всех разное: у одного, например, прекрасный, строгий профиль — под складками грубого убора: ангел-шут. Мне нравится думать, что ваятель, обиженный нещедрой наградой, скупостью хмурых монахов, которых ему поручено было изобразить на стенах, обратил их лица, не меняя сходства, в лица шутов. А может быть, — это есть мне милый символ, — что только через смех смертные попадают в рай… Ты согласна?

Я обошел собор по скользкой тропе, между сугробов. Снег был легкий, сухой: захватишь в горсть, кинешь — он пылью рассыпается в воздухе, словно летит назад. Небо померкло. В нем стояла тонкая, золотая луна: половинка разбитого венчика. Шел я по краю крепостной стены.

Внизу в густе<ю>щем тумане лежала старая Прага. Громоздко и смутно теснились снежные крыши; дома казались свалены кое-как, — в минуту тяжкой и фантастической небрежности. В этой застывшей буре очертаний, в этой снежной полумгле горели фонари и окна теплым и сладким блеском, как обсосанные пуншевые леденцы. В одном месте только виднелся и алый огонек: капля гранатового соку. И в тумане кривых стен, дымных углов я угадывал древнее гетто, мистические развалины, переулок Алхимиков… А на обратном пути я сочинил небольшой монолог, который Дандилио скажет в предпоследнем действии:

…вещество

должно истлеть, чтоб вещество воскресло, –

и, если символ древний разгадать, –

выходит так, – вы, Тременс, проследите:

пространство – Бог, и вещество – Христос,

и время – Дух. Отсюда – вывод: мир

божественен, и потому все – счастье,

и потому должны мы распевать,
работая (ведь бытие и значит
на этого работать властелина
в трех образах: пространство, вещество
и время), но кончается работа,
и мы на праздник вечности уходим,
дав времени воспоминанье, облик –
пространству, веществу – любовь…

На что Тременс отвечает: «Крайности сходятся, я с вами согласен, — но то-то и есть, что я бунтую против властелина — бытие: не хочу работать на него, а сразу отправиться на гулянки».

Несмотря на мою литературу, я тебя очень люблю, мое счастье, — и очень сержусь на тебя, что ты не пишешь мне. Все эти дни я нахожусь в напряженном и восторженном настроении, так как сочиняю «буквально» не переставая.

Мне говорили, что в «Руле» есть заметка госпожи Ландау о нашем агасферическом чтении. Ты читала?

До скорого, моя хорошая. Ты меня не «разлюбила»?

В.

7. 12 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

12–1–24
12 часов ночи

«Ты безглагольна, как все, что прекрасно…» Я уже свыкся с мыслью, что не получу от тебя больше ни одного письма, нехорошая ты моя любовь. Посылаю тебе мой лик, который случайно нашел у мамы (а у нее еще один такой же. Снялся я два года тому, в Кэмбридже of sweet memories, накануне экзамена, — чтобы в случае «провала» найти знак обреченности, фатальную черточку на своем изображенье. Но, как видишь, я горд и беспечен.

Вчера наконец приехала наша мебель u.s.w. Оказывается, она пространствовала окружным путем (Гамбург — Америка — Сингапур — Константинополь) — чем и объясняется задержка. Теперь квартира наша немного повеселела, т. е. сперва было в каждой комнате (крошечной!) по одному стулу, теперь их целый полк — что напоминает вид комнаты, где показывают детям волшебный фонарь. (Мокрое полотно

и длиннейшие объяснения при каждой картине: я ненавидел это в детстве.) Знаешь ли, что на обложке первого номера «Граней» наши фамилии рядом. Символ?

Сейчас у меня сидел Кадашев-Амфитеатров и рассказывал о знаменитых опечатках: в одной провинциальной газете было напечатано вместо «Богородицы» — «пуговица», — власти, конечно, не заметили бы, — но газета на следующий день извинилась за ошибку — и тут ее мгновенно прихлопнули. А Немирович-Данченко поругался со «Сполохами» за то, что в одном его рассказе, в самом драматическом месте, вместо «Бэппо, седлай коня!» было уютно и скромно напечатано «Бэппо, сделай коня!». Вот какие бывают истории…

Лампы тоже приехали, так что сейчас бумага и моя пишущая рука купаются в конусе света.

Сегодня произошло несчастие: мы пошли навещать с мамой и Кириллом одного больного профессора. Кирилл тащил санки. Попался мне на глаза высокий и крутой снежный скат, — я решил показать, что значит скатываться. Лег ничком на санки, посадил его к себе на спину — и оттолкнулся. (Меж тем собралась толпа зевак.) На половине пути что-то хрястнуло — и я уже

летел без салазок и без Кирилла в вихре снегу. Оказалось: одна из полозьев не выдержала, сломалась (я очень потолстел за это время). Плач и упреки продолжались несколько часов. А вот что говорит Морн, прощаясь с Мидией:

…ты уйдешь.
Забудем мы друг друга. Но порою
названье улицы или шарманка,
заплакавшая в сумерках, напомнят
живее и правдивее, чем может
мысль воскресить и слово передать,
то главное, что было между нами,
то главное, чего не знаем мы…
Тогда-то в час, когда душа почует
очарованье мелочи былой,
поймет душа, что в вечности все вечно:
мысль гения и шуточка соседа,
Тристаново страданье колдовское
и самая летучая любовь.

…вроде твоей (сердишься?). Душка моя, я тебя сегодня очень хорошо, очень радостно люблю — ты не знаешь как…

Вчера я видел тебя во сне — будто я играл на рояли, а ты переворачивала мне ноты…

В.

8. Не позднее 14 января 1924 г. *Прага – Берлин, Ландхауштрассе,* 41

Число – неинтересно.
Адрес – все то же, «свороности».

Ты не находишь ли, что наша переписка несколько… односторонняя? Я так обижен на тебя, что вот начинаю письмо без обращенья. Сперва я решил тебе послать просто чистый лист бумаги с маленьким вопросительным знаком посредине, но потом пожалел марку. Правда — почему ты не пишешь мне? Это мое пятое письмо — а от тебя я получил только одно. Или, может быть, ты больна? Или опять — «острые углы»? Или, наконец, ты так поступаешь с целью, чтоб я тебя забыл? Удивительно плохо я пишу сегодня.

Мне приходится отложить мой приезд в Берлин на неопределенный срок ввиду бесконечной медлительности, с которой я работаю. Иногда после целого дня творческих потуг мне удается написать всего две-три строки. Я выкинул из второй сцены рассказ Клияна и все, что относится к этому месту. Сейчас барахтаюсь в мутной воде

сцены шестой. Устаю до того, что мне кажется, что голова моя кегельбан, — и не могу уснуть раньше пяти-шести часов утра. В первых сценах — тысяча переделок, вычерков, добавок. И в конце концов буду награжден очередной остротой: «…не лишен поэтического дара, но нужно сознаться…» и т. д. А тут еще ты — молчишь…

Но — дудки! Так развернусь, что, локтем заслонившись, шарахнутся боги… Или голова моя лопнет, или мир — одно из двух. Вчера я ел гуся. Погода морозная: прямые розовые дымки и воздух вкуса клюквы в сахаре.

Семнадцатое число близится, но на какую берлинскую улицу я в этот день попаду — где буду жить, — не вем. Татаринов не пишет, мой boss не пишет, Дроздов не пишет, ты не пишешь… Я один пишу — и то неважно.

Повторяю, что это очень нехорошо с твоей партии. А если ты меня не любишь — скажи прямо. Искренность раньше всего! Впрочем: ты — мое счастье.

В.

9. 16 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

16–1–24

Спасибо, моя любовь, за твои два изумительных письма. Вот глупый афоризм, который я придумал: пером пишет ум, карандашом — сердце.

Счастие мое, я и 17-го не могу приехать. Кроме Трагедии, есть другая побочная причина, — которая, к сожалению, важнее первой. Дело в том, что, говоря грубо, я жду из Берлина денег (за те переводы). Мне обещали их прислать 7-го, — с тех пор прошло десять дней — и я все жду. Как только я получу их, в тот же день я и уеду отсюда, — а это может случиться хоть завтра. У меня кое-что с собой было, но вчера пришлось все ухлопать на хозяйственные нужды; меж тем приехать в Берлин с пятью марками, на ура, — опасно. Трагедия же не сегодня завтра дойдет до такой точки, после которой ее можно будет кончать где угодно. Я так раздражен всем этим, что с трудом пишу тебе.

Если бы я встретил того косматого троглодита, который первый додумался до того, чтобы пой-

ти к соседу по пещере предложить ему оленью шкуру за горсть самоцветов, я бы охотно оторвал ему голову. Милая ты моя любовь, радость моя, вот как вышло! Я не приезжал из-за одной глупой причины, а теперь появилась другая, еще глупее, — почти похожая на предлог. И теперь занимает меня только — ты, — никаких Морнов мне не нужно. Да, новый год начался довольно коряво.

Прости, что я писал тебе глупости, но мозги у меня растрепались, выпали шпильки: я какой-то простомозговый, как бывают люди простоволосые… Понимаешь ли?

Подожду еще денька два-три и отправлюсь в Берлин пешком. Когда бывает солнце, ты — пушистая. Я все еще не знаю, что сделаю с тобой, когда приеду. А насчет этих самых мудрецов ты меня не переубедишь! Я читал Нилуса и Краснова — c'est tout dire. Знаешь ли, например, что землетрясенья в Японии устроили масоны? Люблю тебя действительно больше солнца.

В.

Виденье[93]

---

[93] Сноски: 93
Написано на обороте письма.

В снегах полуночной пустыни
мне снилась матерь всех берез,
и кто-то – движущийся иней –
к ней тихо шел и что-то нес:

нес на плече, в тоске высокой,
мою Россию, детский гроб;
и под березой одинокой,
в бледно-пылящийся сугроб,

склонился, в трепетанье белом,
склонился, как под ветром дым.
Был предан гробик с легким телом
снегам чистейшим и немым.

И вся пустыня снеговая,
молясь, глядела в вышину,
где плыли тучи, задевая
крылами тонкими луну.

В просветы лунного мороза
то колебалась, то в дугу
сгибалась голая береза,
и были тени на снегу:

Там на могиле этой снежной

сжимались, разгибались вдруг,
заламывались безнадежно
как будто тени Божьих рук.

И поднялся, и по равнине
в ночь удалился навсегда
лик Божества, виденье, иней,
не оставляющий следа…

Вл. Сирин

10. 17 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

17–1–24

Любовь моя, я возвращаюсь в среду, 23-*го* сего месяца. Это уже окончательно. В «Руле» уже появилось мое объявленье. Фамилия моя напечатана так жирно, что я подумал было: извещенье о смерти. Если и тебе попадется на глаза комната с пансионом не дороже «долла́ра» в день (а желательно: 3 марки), то сообщи этому самому господину Н. Я, знаешь, так привык к своему псевдониму, что странно видеть истинное мое названье.

Сегодня — мороз и солнце, отчего снег на крышах кажется слоем лиловатой гуаши и в воздухе отчетлив каждый дымок. Мне осталось полторы сцены до конца моей пресловутой трагедии; в Берлине попробую издать. А знаешь, бедный наш Якобсон третьего дня бросился в Шпрей, пожелав, как Садко, дать маленький концерт русалкам. К счастию, его подводный гастроль был прерван доблестным нырком «зеленого», который вытащил за шиворот композитора

с партитурой под мышкой. Лукаш мне пишет, что бедняга сильно простужен, но в общем освежен. Так-то.

Я никогда не думал, что буду грезить о Берлине, как о рае… земном (рай небесный, пожалуй, скучноват — и столько там пуха, серафимского, что, говорят, запрещается курить. Иногда, впрочем, сами ангелы курят — в рукав, а когда проходит архангел — папиросу бросают: это и есть падающие звезды). Ты будешь ко мне приходить раз в месяц чай пить. Когда же заработок мой лопнет — амери́ку, с тобою вместе. Только что обе сестрицы мои отправились держать экзамен, — и я сочинил для них «песню о провале», после которой они расплакались. Люблю тебя.

Перечел я за эти дни всего Флобера. Прочти — или перечти — «Madame Bovary». Это самый гениальный роман во всемирной литературе, — в смысле совершенной гармонии между содержаньем и формой, — и единственная книга, которая, в трех местах, вызывает у меня горячее ощущенье под глазными яблоками: lacrimae arsi (это не по-латыни).

Мне сегодня почему-то кажется, что мы с тобой скоро будем очень счастливы. «Багряной лентою заката твой стан, как шелком, обовью» (кажется,

так) — что, впрочем, не особенно модно, любовь моя.

Сейчас опять засяду за Морна. Боже, как хочется тебе почитать… Неистово и бесконечно люблю тебя, — почерк твой, похожий на твою походку, голос твой — цвéта осторожной зари. Целую тебя, глаза твои целую, — и вдоль черной тесемкой…<sic> Люблю.

В.

11. 24 января 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

Любовь моя дорогая,

я приезжаю в Берлин в воскресение, 27-го, в пять часов вечера, на Анхальтерский вокзал.

Задержала меня причина денежная. К тому же заболела мама, и я сам сильно простудился, переходя Молдаву по тающему льду. Насморк мой легчает, маме тоже лучше, так что *ничего* не может мне помешать уехать в воскресенье. Мне кажется, счастье мое, что ты на меня сердишься за мою неповоротливость? Но если бы ты знала, сколько мелочей стесняют меня, сколько глупых колючек на каждом шагу… Семья моя вынуждена переехать с этой квартиры на другую — вот тебе снова хлопья хлопот на плечи — и унылые разговоры. Одно меня радует: послезавтра застрелится Морн, мне осталось каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят строк, в последней — восьмой — сцене. Конечно, придется еще долго подпиливать и лаковать всю вещь — но главное будет сделано. Что до пантомимы нашей, то ее облюбовала некая Аста Нильсен — но просит

кое-что изменить в первом действии. Другая наша пантомима, «Вода живая», пойдет на днях в «Синей птице».

Я неимоверно устал от своей работы. Мне снятся ночью рифмованные сны, и весь день ощущаю привкус бессонницы. Толстая моя черновая тетрадь пойдет к тебе — с посвященьем в стихах. Косвенно, какими-то извилистыми путями — подобными истории мидян — эту вещь внушила мне ты; без тебя я бы этак не двинул, говоря языком цветов.

Но я устал. Когда мне было семнадцать лет, я в среднем писал по два стихотворенья в день, из коих каждое отнимало у меня минут двадцать. Качество их было сомнительное, но я лучше писать и не старался, считая, что я творю маленькие чудеса, а при чудесах думать не надобно. Теперь я знаю, что действительно разум при творчестве — частица отрицательная, а вдохновенье — положительная, но только при тайном соединении их рождается белый блеск, электрический трепет творенья совершенного. Теперь, работая по семнадцати часов, я в день могу написать не больше тридцати строк (которых я после не вычеркну), и это одно есть уже шаг вперед. Я помню себя туманным

и взволнованным, в нашем грибном березняке, подбирающим случайные слова, чтобы выразить случайную мысль. Были у меня слова любимые, как, например, «блики», «прозрачный», и странная склонность рифмовать «лучи» и «цветы», хотя в женских рифмах я был очень щепетилен. Впоследствии — и поныне — у меня бывали настоящие филологические романы, когда в продолжение месяца — и даже больше — я носился с одним определенным словом, нежно облюбовав его. Так, недавно у меня была маленькая история со словом «ураган», — может быть, заметила…

Обо всем этом я рассказывать могу только тебе. Я все тверже убеждаюсь в том, что the only thing that matters в жизни, есть искусство. Я готов испытать китайскую пытку за находку единого эпитета, — и в науке, в религии меня волнует и занимает только краска, только человек в бачках и в цилиндре, опускающий — за веревку — трубу первого смешного паровоза, проходящего под мостом и влачащего за собой вагончики, полные дамских восклицаний, движенья маленьких цветных зонтиков, шелеста и скрипа кринолин; или же — в области религии — тени и красные отблески, скользящие по напряженному лбу, по жилистым, дрожащим рукам Петра, греюще-

гося у костра на холодной заре, когда кричат то далеко, то близко вторые петухи, — и проходит ветерок, сдержанно кланяются кипарисы…

Сегодня я рассматривал громадный коленкоровый план (который с другими бумагами, к счастью, остался у меня) моего именья и мысленно гулял по тропинкам; и сейчас у меня такое чувство, словно и вправду я только что побывал у себя. Сейчас, должно быть, там сугробы, ветки в белых рукавщиков[94] и очень явственны звуки за рекой — кто-то колет дрова… А сегодня в газетах весть о том, что Ленин умер.

Любовь моя, какое счастье снова увидеть тебя, услышать пенье твоих гласных, моя любовь. Приди на вокзал — а то вот что случилось (– только не сердись), я не могу вспомнить (– ради Бога, не сердись!), я не могу вспомнить (– обещай, что не будешь сердиться?), не могу вспомнить номер твоего телефона!!! Помню, что была в нем семерка — но дальше?..

И поэтому придется, приехав в Берлин, писать тебе, — а как я достану марки на письмо? — ведь я боюсь почтамта!!!

В Берлине мы будем с тобой страшно веселить-

---

[94] Сноски: 94

Так в рукописи. Возможно, Набоков имел в виду «в белых рукавицах» или «рукавчиках».

ся. Я здесь вел очень скромную жизнь. Бывал только у Крамаржей — да и то редко, — а сегодня иду проветриться к Марине Цветаевой. Она совершенно прелестная. (Ах… так?)

До скорого, моя любовь, не сердись на меня. Я знаю, что я очень скучный и неприятный человек, утонувший в литературе… Но я люблю тебя.

В.

12. 13 августа 1924 г.
Прага (?) – Берлин

13–vii<i>–24

Моя прелестная, моя любовь, моя жизнь, я ничего не понимаю: как же это тебя нет со мной? Я так бесконечно привык к тебе, что чувствую себя теперь потерянным и пустым: без тебя — души моей. Ты для меня превращаешь жизнь во что-то легкое, изумительное, радужное, — на все наводишь блеск счастия, всегда разного: иногда ты бываешь туманно-розовая, пушистая, иногда — темная, крылатая, и я не знаю, когда я больше люблю глаза твои, — когда они открыты или когда закрыты. Сейчас одиннадцать часов вечера — я стараюсь всеми силами души увидеть тебя через пространство, мысль моя хлопочет о райской визе в Берлин via воздух… Милое мое волненье…

Сегодня я ни о чем другом не могу писать, кроме как о тоске моей по тебе. Мне грустно и страшно: глупые мысли бродят — что ты оступишься, прыгая из подземного вагона, что тебя кто-нибудь заденет на улице… Я не знаю, как проживу эту

неделю.

Нежность моя, счастие мое, какие слова мне тебе написать? Как странно, что, хотя дело моей жизни — движенье пера по бумаге, я не умею тебе сказать сейчас, как люблю, как жажду тебя… Такой трепет — и такой дивный покой: тающие, налитые солнцем облака, — громады счастия. И я плыву с тобой, в тебе, пламенею и сливаюсь, и вся жизнь с тобой — как движенья облаков, — воздушные, тихие выпады их и легкость и плавность и райское разнообразие в очертаниях, в оттенках, — любовь моя необъяснимая. И я не могу выразить эти перистые, эти кучевые ощущенья.

Когда мы с тобой последний раз были на кладбище, я так пронзительно и ясно почувствовал: ты все знаешь, ты знаешь, что будет после смерти, — знаешь совсем просто и покойно, — как знает птица, что, спорхнув с ветки, она полетит, не упадет… И потому я так счастлив с тобой, хорошая моя, маленькая моя. И вот еще: мы с тобой совсем особенные; таких чудес, какие знаем мы, никто не знает, и никто *так* не любит, как мы.

Что ты сейчас делаешь? Мне почему-то кажется, что ты в кабинете: вот встала, прошла к двери, сдвигаешь створки и замираешь на мгновение, — ждешь, не раздвинутся ли. Я устал, я ужасно устал, спокойной ночи, моя радость. Завтра напишу тебе о всяких будничных вещах. Любовь моя.

В.

13. 17 августа 1924 г.
Добржиховице – Берлин

17–vii<i>–24

Я больше чем думаю о тебе, — я живу о тебе, моя любовь, мое счастие… Уже жду от тебя письма, — хотя знаю, оно запоздает, так как мне должны будут переслать его из Праги сюда. Мы живем с мамой в прекрасной гостинице, где настолько все дорого, что приходится обитать в одной комнате — правда, громадной. Из окна просторный и вольный вид: ряды тополей вдоль реки, за нею обработанные поля — зеленые, бирюзовые, бурые квадраты, — а дальше — лесистые холмы, по которым очень хорошо блуждать: пахнет грибом, и есть мокрая, дикая малина. Народу мало — все пожилые четы пражан, подобные медленным тихим тумбам. Русских нет — слишком для них дорого, но зато неподалеку, там, где в долине краснеют крыши деревушки, живут Чириковы и Цветаева.

Моя дорогая любовь, моя радость бесценная, не забыла ли ты меня? Всю дорогу я ел твои сандвичи и сливы да персики: очень вкусные, моя

любовь. Приехал я в Прагу около девяти и довольно долго трясся в черном рыдване до дому. Квартира у моих маленькая, но отличная — только цену на нее набавляют, а средств нет. Кроме того, с пяти часов утра начинается грохочущая процессия ломовиков, фур, грузовиков, так что спросонья кажется, что весь дом медленно катится куда-то, громыхая и дребезжа.

Оказывается, что Ольге нет смысла ехать в Лайпциг. Если она отсюда уедет, то теряется ее пенсия, да и с пением у нее здесь дело налажено: голос у нее необыкновенный, скоро она начнет выступать. Пожалуйста, поблагодари твою двоюродную сестру от моего имени и от имени мамы, — тепло поблагодари.

Я вернусь в Берлин в следующий понедельник или вторник. Хочу набрать побольше уроков, — пособи, если можешь, моя душка. Но, вообще говоря, дела плохи, нечем жить, мама моя очень грустна, нервна, мечтает о том, как бы поехать в Берлин, в Тегель. Я готов был бы камни раскалывать, только бы как-нибудь ей помочь. Те десять долларов, которые я привез, хватят на неделю жизни — очень удобной и спокойной. Только вот дождь бусит сегодня, и приходится на биллиарде кокать.

Солнце мое, трепет мой восхитительный, — вот если бы еще ты была здесь со мной, я был бы совсем счастлив. Тишина здесь, уединение, зелень. В саду тут и там ужасные глиняные аисты и карлики — явно немецкого происхожденья. Террасы, фонтанчики. Обедаем и ужинаем на воздухе.

Маленькое поручение: перепиши, пожалуйста (на машинке), стихотворенья «Молитва» (пасхальное) и «Реки». Первое пошли в «Руль», второе тоже в «Руль». Без ошибок, моя радость. Сделаешь? А также напиши мне, появилось ли что-нибудь в «Сегодня».

Надо идти обедать, моя радость. Я люблю тебя. Слышу твой маленький зубной вздох. И шорох твоих ресниц о мою щеку. Счастие ты мое. Если хочешь — позвони Татариновой и скажи, что приезжаю через неделю. И пожалуйста, поклонись от меня твоему отцу.

Целую тебя, моя любовь, глубоко, до обморока, жду письма, люблю тебя, двигаюсь осторожно, чтобы не разбить тебя, звенящую во мне, — так хрустально, так упоительно…

В.

14. 18 августа 1924 г.
Добржиховице – Берлин

18–viii–24

От тебя еще ничего не получил, моя любовь. Но я полон надежды (с маленькой буквы). Ты нежно закусываешь нижнюю губу, потом говоришь: «Я не люблю, когда ты так шутишь…» Простите, моя радость.

Я люблю тебя сегодня какой-то особенной, широкой, солнечной любовью, пропитанной запахом хвой, — оттого что я день-деньской блуждал по холмам, отыскивал изумительные тропинки, с умилением кланялся знакомым бабочкам… В прогалинах летал цветочный пух, как мягкий редкий снежок, тиликали кузнечики, и золотые паутины — колеса солнца — протягивались через дорожку, липли к лицу. И по деревьям пробегал пышный шум, и вдали по склонам скользили тени облаков. Очень было вольно, и светло, и похоже на мою любовь к тебе. А в Мокропсах (такая есть деревушка) стоял на веранде Чириков, маленький, в русской рубахе. Совершенно бездарный старичок.

Я ложусь в девять часов и в девять встаю. Пью ведрами сырое молоко (тоже моя слабость). Нас с мамой разделяет белый шкап, поставленный посреди комнаты. Спорим по утрам, кому первому брать tub.

Одно только неприятно: есть тут собачка, мохнатенькая, женского пола, с кроткой мордочкой и с хвостом, загнутым трубой. И вот, только ляжем мы спать, собачка эта начинает под окнами тявкать. Остановится и опять. Сперва мама умилялась, потом стала считать секунды между порывами тявканья, потом пришлось закрыть окно. Собачку мы сегодня встретили в саду: она поглядела на нас умно и ласково. Но страшно подумать, что будет ночью. Это хуже пражских ломовиков.

Как ты поживаешь, мое счастие чудесное? Много ли выучила новых слов по-английски? Играешь ли в шахматы? До тошноты хочется мне, чтобы ты сейчас вошла в комнату, и захлопала бы ресницами, и сделалась бы вдруг мягенькой, как тряпочка… Ноги мои милые…

О, моя радость, когда же мы будем жить вдвоем, — в прелестной местности, с видом на горы, с собачкой, тявкающей под окном? Мне так мало нужно: пузырек с чернилами, да пятно солнца

на полу, да ты; но последнее совсем немало, и судьба, Бог, серафимы отлично знают это — и не дают, не дают…

Я нарочно сейчас ничего не пишу, давлю метрические строчки, Бог весть откуда выпрыгивающие, учтиво, но твердо отклоняюсь от увещеваний музы. И только перевожу — с тихой яростью — такие фразы коростовецкие: «современная Европа после, с одной стороны, тяжелых передряг в сфере достижения политических par excellence, но тем не менее обреченных, как таковые, на гибель или в лучшем случае забвенье, благ, а с другой стороны –» И так далее. Чума какая-то.

Ну-с, моя любовь, пора спать, девятый час… Что ты делаешь теперь? Спускаешь, может быть, ставни… Я полюбил их напряженный грохот. Спокойной ночи, мое счастие. Нужно ложиться. Собачка уже начала.

В.

15. 24 августа 1924 г.
Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41

24–viii–24
Прага

Моя любовь, твои письма — до сих пор четыре письма — просто чудные, — они почти-прикосновенья, а это самое большее, что можно сказать о письме. Я обожаю тебя.

Вчера мы вернулись с мамой в Прагу — из деревни, где было все время сыро и солнечно, где по сторонам тропинок, на буковых и дубовых стволах, а иногда просто на камнях намалеваны цветные полоски в виде флажков, указывающие путь в то или иное село. Я заметил также, что крестьяне надевают на своих першеронов красные наушники и жестоко поступают со своими гусями, которых у них очень много: еще при жизни ощипывают им грудь — так что бедный гусь ходит словно в декольте. Часто виделся я с семьей Чириковых (у него две прелестные дочки и сын, который ухаживает за моей младшей сестрой), и мы со стариком придумывали сценарии и гадали, как выйдут наши «карточ-

ки» в рижской газете. А накануне моего отъезда Дирекция Западных и Восточных Небес угостила нас чудовищно-прекрасным закатом. Наверху небо было глубоко-голубое — и только на западе стояло громадное облако в виде лилового крыла, раскинувшего оранжевые ребра. Река была розовая, словно в воду капнули портвейна, — и вдоль нее летел экспресс из Праги в Париж. А на самом горизонте, под тем фиолетовым облаком, отороченным оранжевым пухом, полоса неба сияла легкой зеленоватой бирюзой — и в нем таяли огненные островки. Все это напоминало Врубеля, библию, птицу-алькогност <sic>.

Нашла ли ты комнату, милая моя любовь? Не можешь ли ты поселиться просто в моем пансионе — ведь там есть еще комната? Устройся так, чтобы нам было удобно встречаться, — я должен буду тебя видеть сорок восемь часов в сутки, после этой недели безверия (это остроумно?). Я выезжаю в *четверг,* в 9 часов утра — раньше не могу из-за некоторых семейных комбинаций. Ты не сердись на меня, моя любовь, за это запозданье, — не говори «я знала, что так будет…». И если я и в четверг не приеду, можешь считать меня непорядочным человеком и бездарным литератором. Сегодня холодно, моросит, в семь

часов утра играл под самыми окнами оркестр цеха мясников — воскресный обычай.

А вчера вечером я читал записки, дневники моего отца и письма его к маме из Крестов, где он просидел три месяца после Выборгского воззванья. Я так живо помню, как он возвратился, как во всех деревнях от станции до нашего именья были устроены арки из хвои и цветов, и толпы мужиков с хлеб-солью обступали коляску, и как я выбежал на дорогу встречать его — бежал и плакал от волненья. И мама была в большой светлой шляпе, а через неделю она и отец уехали в Италию.

Я тебя скоро увижу, мое счастие. Я не думаю, что будут опять такие расставанья. Весь этот год прошел как парус, вздутый солнцем, — и теперь ничто не нарушит этой плавности — моего райского скольженья в воздухе счастия… Ты понимаешь каждую мысль мою, и каждый час мой полон твоего присутствия, и весь я — песнь о тебе… Видишь, я говорю с тобой, как царь Соломон.

Но уедем, любовь моя, из Берлина. Это город несчастий и неудач. То, что я встретил тебя именно там, — невероятный промах со стороны неблагосклонной ко мне судьбы. И я со страхом

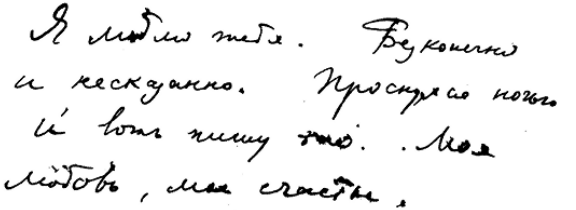
думаю, что придется опять шарахаться с тобой от моих знакомых, и раздражает меня мысль, что случится неминуемое — и добрые мои друзья поднимут хищную болтовню о самом чудесном, божественном, невыразимом, что есть у меня в жизни. Ты понимаешь, моя любовь?

Моя любовь, о, моя любовь, ничего нет страшного, когда ты со мной, — так что напрасно я пишу это, не правда ли? Все будет хорошо, — да, моя жизнь?

В.

16. 19 января 1925 г.
Берлин (?) – Берлин, Луитпольдштрассе, 13

Я люблю тебя. Бесконечно и несказанно. Проснулся ночью и вот пишу это. Моя любовь, мое счастье.



17. Приблизительно март – апрель 1925 г.
Берлин – Берлин, Луитпольдштрассе, 13

Моя милая, милая любовь, моя радость, радуга моя солнечная, я, кажется, съел весь треугольничек сыра, но, правда, я был очень голоден… Но теперь сыт. Сейчас ухожу в мягкий свет, в остывающий гул вечера и буду любить тебя и сегодня вечером, и завтра, и послезавтра, и еще очень много очень даже много завтр.

Ну вот и все, моя нежность, моя прелесть невыразимая.

Да: забыл тебе сказать, что люблю тебя.

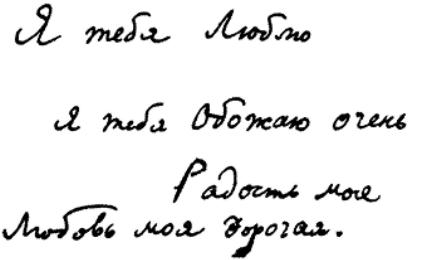
В.

P.S.

Люблю тебя.

18. 14 июня 1925 г.
Берлин (?) – Берлин (?)

Я тебя Люблю
Я тебя Обожаю очень
Радость моя
Любовь моя дорогая.



19. 19 августа 1925 г.
Цоппот – Берлин, Нойе Винтерфельд-штрассе, 29

Душенька моя, любовь, любовь, любовь моя, — знаешь ли что, — все счастие мира, роскошь, власть и приключенья, все обещанья религий, все обаянье природы и даже человеческая слава не стоят двух писем твоих. Была ночь ужаса, страшной тоски, когда я представлял себе, что твое недошедшее письмо, застрявшее на неведомом почтамте, — истребляют, как потерянную больную собачонку… А сегодня оно пришло — и вот мне уже кажется, что в ящике, где оно лежало, в мешке, где оно тряслось, все другие чужие письма проникнись от прикосновенья его прелестью твоей единственной и что в этот день все немцы получили непонятные изумительные письма — письма, сошедшие с ума, оттого что они трогали твой почерк. Мысль, что ты существуешь, так божественно-счастлива сама по себе, что смешно говорить о житейской грусти разлуки — недельной, десятидневной, не все ли равно? — раз вся жизнь моя принадлежит тебе. Я

просыпаюсь ночью, и я знаю, что ты со мной вместе, — чувствую твои милые длинные ноги, шею твою сквозь волосы, ресницы твои дрожащие — и потом во сне преследует меня такое счастье, такое накипающее упоение, что просто воздуха не хватает… Я люблю тебя, я люблю тебя, не могу больше, воображенье не заменит тебя — приезжай… Я совсем здоров, *великолепно* чувствую себя, приезжай, и мы будем купаться — волны здесь, как дома. В воскресение мы собираемся вернуться — а вот эти последние дни я должен прожить с тобой, слышишь? И вот еще, знаешь что: мне кажется, что у нас была одна и та же болезнь. Еще в день накануне отъезда у меня все болело внутри — углами как-то — больно было даже смеяться, — а потом здесь начался жар. Теперь я чувствую себя дивно. Боюсь, что здесь, в гостинице, думали, что я просто запил.

Погода прохладная, но дождя нет, Шура купается мало, пишу сегодня С.<офье> А.<дамовне> Право, не знаю, что дальше предпринять. В Баварию, что ли?

Приедешь ли, моя любовь? Выезжай-ка послезавтра (21-го) — два-три дня здесь проведем. Дорога стоит 12 марок, комната 1½ марки (ты ко мне въедешь), обеды и ужины — пустяки.

Кошенька моя, радость моя, как весело я люблю тебя сегодня… Целую тебя — а куда, не скажу, слов таких нет.

В.

20. 27 августа 1925 г.
Фрейбург, отель «Рёмшиер кайзер» – Констанц

Фрейбург
27–viii–25

Здраствуй, кошенька, любовь моя дорогая, мы отлично доехали, взбирались сегодня на ближний холм, вечером были в кинематографе. Завтра в 9 ч. едем в Döggingen, будем там в полдень, пообедаем и пешком отправимся в Bol<l>, где переночуем. Оттуда пошлю открытку. Очень весело, Ф.<рейбург> чудесный городок, чем-то похожий на Cambridge. Посередке старый собор цвета сырой земляники, внутри цветные стекла, всякие узоры, райские колеса, а также черная ботфорта на золотом фоне, очень милая, по соседству с личиками святых. Люблю тебя, моя собаченька. Стоим в хорошей гостинице. Люблю тебя, моя К.

21. 28 августа 1925 г.
Фрейбург – Констанц

28–viii–25

Здраствуй, моя душенька, мы сегодня прошли верст 20 (с 1 ч. дня до 8-ми), прошли через Bad-Bol<l> и теперь ждем на станции Reiselfingen поезда в Titisee, где проведем завтрашний день. Смуглый вечер, над черными елями летает стая воронья, шурша крыльями. Чудная была прогулка, романтические места. Здесь на скамейке у полустанка темновато писать. Воронья стая каркает, слышен дождевой шелковистый шум, когда они пролетают низко и рассыпаются по елям. Очень это красиво. А ходить было местами грязно, так что я радовался, что надел черные башмаки. Только что переобулся. Светит желтая луна, воронье уселось, умолкло. Люблю тебя, мое счастье, подходит наш поезд.

22. 29 августа 1925 г.
Титизее – Констанц

29–viii–25

Здраствуй, собаченька,

пишу тебе с берега Титизе, где сейчас тянем шоколад со льдом. Переночуем и завтра вползем на Фельдберг. Сегодня чудесно купались, лежали на угреве.

Люблю тебя. Очень.

Здесь мы проезжали[95].

---

[95] Сноски: 95

Написано на лицевой стороне открытки, где изображен локомотив, пересекающий известный железнодорожный мост Равеннавиадукт через долину Шварцвальда Холленталь. Внизу типографская подпись: «Холленталь-Бад. Шварцвальд. Равеннавиадукт».

23. 30 августа 1925 г.
Фельдберг – Констанц

По дороге сюда, на верхушку Фельдберга, сочинил и про себя повторял маленький стишок: «Не люблю ничевошеньки, кроме одной кошеньки». Погода сыроватая, на проволоках бисер дождя, и меж них кружевные колеса паутин. Вид скрыт туманом. Я люблю тебя.

Здесь переночуем, а завтра двинемся в St. Blasien[96].

[96] Сноски: 96

Написано на лицевой стороне открытки с изображением пейзажа, под которым стоит типографская подпись: «Цастлерхютте».

24. 31 августа 1925 г.
Санкт-Блазиен – Констанц

31–viii–25

Шура предлагает назвать эти стихи: что я подумал, гуляя по Шварцвальду и встретив знакомое растенье[97].

Здраствуй, мое солнце,

пришли с Фельдберга в милейший St-Blasien. Завтра идем в Wehr и, вероятно, в пятницу будем в Констанце. Перепиши *точно* эти стихи и пошли их в «Руль» с просьбой («мой муж…») напечатать. Изумительно жаркая погода. Люблю тебя.

В.

Вершина[98]

Люблю я гору в шубе черной
лесов еловых, потому

---

[97] Сноски: 97

Сначала была написана дата, а две верхние строки письма — вокруг нее; они добавлены уже после того, как был написан текст открытки и стихотворения.

[98] Сноски: 98

Написано на другой стороне открытки.

что в темноте чужбины горной
я ближе к дому моему.

Как не узнать той хвои плотной
и как с ума мне не сойти
хотя б от ягоды болотной,
заголубевшей на пути?

Чем выше темные, сырые
тропинки вьются, тем ясней
приметы, с детства дорогие,
равнины северной моей.

Не так ли мы по склонам рая
взбираться будем в смертный час,
все то любимое встречая,
что в жизни возвышало нас?

В. Сирин
Schwarzwald

25. 31 августа 1925 г.
Санкт-Блазиен – Констанц, Нойхаузерштрассе, 14*, пансион Цейс*

31–viii–25
St. Blasien

Здраствуй, моя хорошая,

только что отправил тебе (poste restante) открытку со стихами, а зайдя на почту, нашел, мое счастье, открыточку твою. Черные полусапожки пришлось дать здесь починить, — резиновая подметка отлипла, в серых же я гуляю мало, и они пока что целы. Вообще говоря, путешествие удалось на диво, проходим через упоительные места. Певуч и прелестен на склонах музыкальный ручей коровьих колоколец. Мы истратили до сегодняшней ночи ровно 100 марок (осталось 500). Обожаю тебя.

B.

26. 1 сентября 1925 г.
Тодтмос – Констанц, Нойхаузер-штрассе, 14*, пансион Цейс*

Завтра идем через Wehr в Зекинген на Рейне. Люблю, люблю, люблю тебя.

1–ix–25

Здраствуй, моя жизнь.

Можешь проследить путь, нами совершенный сегодня[99]. Сейчас 4 часа. Сидим в тодмосском кафе. День безоблачный, я шел без рубашки, валялся на вересковых скатах. Todtmoos — прелестное местечко, хорошо бреют. В гостинице две русских барышни (!)

В.

---

[99] Сноски: 99

Набоков отметил его на карте Тодтмоса и Санкт-Блазиена, напечатанной на лицевой стороне открытки.

27. 2 сентября 1925 г.
Вер – Констанц,
Нойхаузерштрассе, 14*, пансион Цейс*

2–ix–25
Wehr

Здраствуй, моя жизнь дорогая, приезжаем в пятницу, возьми для нас две комнаты в твоем пансионе.

Здесь в Вере нашел от Веры изумительное письмо. Пошлю телеграмму, каким приедем поездом (в пятницу). В твоей тезке не останавливаемся (только выпьем молочка) и идем дальше в Sä<c>kingen (всего 30 верст от Todtmoos). Люблю тебя.

28. 2 сентября 1925 г.
Бад-Зекинген – Констанц, Нойхаузерштрассе, 14*, пансион Цейс*

2–ix–25

Здраствуй, моя песнь,

мы в Säckingen, на берегу Рейна, а по той стороне — Швейцария. Завтра идем в Waldshut, а послезавтра утром оттуда приедем в Констанц. Погода прелестная. Полюбуйся очаровательной открыткой.

29. 1925 (?)
Берлин

Я звонил туда, и, к счастию, оказалось, что комната уже сдана, так что нужно найти что-нибудь другое. Я пошел искать. Если вернешься не поздно, пойди и ты побродить.

В.

30. 26 апреля 1926 г.
Берлин

Иван Верных

I

Электрические фонари освещали косыми углами синий ночной снег, огромные сугробы, подступавшие к дому. Все было странно и немного неискусственно светло в этих провалах мерцающего блеска, и черные тени фонарей, ломаясь по сугробам, перерезали легкие мелкие узоры на снегу — тени голых лип. Иван Верных, потопав мягкими валенками в сенях и натянув кожаные руковицы <sic>, толкнул стеклянную дверь, которая не сразу поддал<ась> — с морозца — и потом внезапно туго выстрелила в снежный мрак сада. Собака Чернышевых, мохнатая, дряхлая, как и сам старик Чернышев, быстро покатилась следом, но теперь ты ушла, и я больше писать не буду, моя радость. Вот ты толкнула стул в спальне, вот обратно вошла, звякнула тарелочкой, зевнула по-собачьему, поскулила, спросила, хочу ли молока. Котишь, моя котишенька.

26–iv–26

31. 2 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

2/vi–26

Кош, мой К-ко-ош,

вот и первый день бестебяшный прожит. Сейчас без четверти девять. Я только что поужинал. Я буду всегда писать в это время. Каждый раз будет другое обращенье, — только не знаю, хватит ли маленьких. Пожалуй, придется еще нескольких сотворить. Эпистолярики. О, моя душа, я даже не знаю, где ты сейчас — в St. Blasien'е, или в Тодмосе, или в Готтерчтототакое… Увезли в автомобиле. Я пошел к себе (марочки портье не дал, ибо он куда-то исчез, оставив сундучок посреди комнаты), почитал «Звено», но скоро бросил, так как шнур лампы не дотягивается до дивана (а сегодня я уже просил хозяйку мне это устроить. Обещала — завтра). Около десяти перебрался в постель, покурил, потушил, кто-то жарил на рояле, но скоро перестал. Сейчас встану, чтобы смешать себе питье — воды с сахарком. Нашел. Я думал, он в мешочке. Довольно долго гремел в шкапчике, сидя на корточках. Выпил, поставил все на место.

Теперь вошла горничная, делает постель. Ушла. А выспался я хорошо. Утром часов в восемь стало слышно, как гремят школьники вверх по лестнице. В девять мне дали яичко (нужно очень мелко писать, а то весь мой день не поместится на этой странице), и какао, и три булочки, я встал, принял холодный душ и, одеваясь, глядел во двор, где шел урок гимнастики. Учительница хлопала в ладоши, и школьницы — совсем крохотные — бегали и подпрыгивали в такт. Одна, самая маленькая, все отставала, все путалась и тоненько кашляла. Потом (все под шлепки ладош) они пели песню: синее, синее у меня платье, синее — все, что у меня есть. Повторяли они это несколько раз, заменяя «синее» «красным», потом «зеленым» и т. д. Поиграли они еще в кошку-мышку, в другую игру, которой я не понял, с припевами, — потом разобрали свои сумочки, сваленные в уголок, и ушли. Очень хорошо шевелились тени листьев на стене двора. Я почитал («Albertine», потом пошленький советский рассказ) и, не дождавшись человека от портного, пошел (нет, вижу, придется еще листик непременно взять) к Каплану, но оказалось, что maman Каплан ушла к дантисту. В синем костюме и кремовой рубашке с галстучком-бантиком в белую

горошинку я поплыл на Regensburgerstr.<asse>, где, впрочем, никого не оказалось. Но на лестнице повстречал Софу, которая и дала мне твой адрес. Оттуда (ветрено, мутновато-солнечно, под деревьями сетки тени сползают на прохожих, не могут удержать, скользят, не зацепляясь, превращая пальто в движущуюся пятнистую шкуру) пошел в магазин бабочек, получил свою прелестную Arctia hebe и поспорил кое о чем с хозяином (он полагал, что Daphnis nerii на Сицилии не водится, а я ему сказал, что не только там nerii водится, но и livornica, и celerio, и даже niceae. Каких он мне показал чудесных Aporia crataegi augusta!). Я вернулся домой и попросил обед дать мне в комнату. Бульон с вермишелью, мясо тушеное, много овощей, трясучка в сладеньком соку (я ее не ел). Пока я обедал, пришли мои серенькие штанишки: великолепно сделаны. Переоделся дважды — сперва серенькие, потом беленькие — и отправился — к трем — к Шуре. В коридоре встретил хозяйку (нет, это было раньше, до обеда, когда я перетыкал моих бабочек, чтобы сделать место для hebe, и потом вышел в коридор, услыша голос хозяйки и решив попросить у нее лампочный шнур подлинней), и она сказала мне, что относится ко мне как к

сыну — и «если у вас что-нибудь на душе, придите, потолкуем». (Тут же, до обеда, горничная принесла мне книжку с записями фамилий, и я написал — Nabokoff-Sirin.) У Шуры пил чай, говорил с Софьей Ад.<амовной> о Б. Г. Она считает, что дело очень скверно обстоит. Туберкулез. К счастью, пятнадцатого приезжает сестра Б. Г. После чаю играли с Шурой в теннис. По дороге видели пожарище: сгорел сарай, где был склад каких-то театральных принадлежностей. Очень красиво среди обугленного мусора алели и синели куски ковров, тюфяков. Поиграли, я проводил Ш.<уру> домой и поехал в свой клуб, где опять лупил (ветрено, клубы пыли, колокольный звон в кирке) до половины восьмого. Вернулся восвояси, ах, забыл опять: когда я уходил к Шуре, то встретил не хозяйку (я помнил, что кого-то встретил!), а человека с другими штанишками — из чистки. Заплатил марку пятнадцать, почитал еще немного советской дряни, а также «Руль», в котором заметка о выступлении моем восьмого. Сохраню. На столе нашел пришедший по почте лоскуток из Финанс амта. (Посылаю тебе его. Ответь им, что так и так, я не католик, а православный, и чтобы они, мол, меня больше не беспокоили.) Около половины девятого принесли мне ужин

(то же самое, что вчера, но только вместо яйца — макароны с тертым сыром). Я поел и сел тебе писать. Вот и весь мой день, моя кош. Сейчас я лягу, — уже четверть одиннадцатого. Долго же я тебе пишу! О, мой милый, о моя душенька, не волнуйся, не скучай… Знаешь, так странно не слышать трамваев и автомобилей, когда лежишь в постели. До свиданья, мой кош, мой косч. Никогда не угадаешь, какой завтра будет маленький в начале письма.

В.

32. 3 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

3/vi–26

Старичок,

утром получил извещенье от полиции, что паспорты <sic> наши готовы, — будьте добры явиться и заплатить-де двадцать государственных марок. У меня их нет. Как быть, старичок?

А день нынче выдался серенький, склонный к дождю, и потому я с Ш.<урой> не поехал купаться, как собирался. Мы встретились у шарлоттенбургского вокзала (я в новеньких, очень широких, пепельных штанах) и пошли в зоологический сад. Ах, какой там белый павлин! Он стоял, веером распустив хвост, а хвост — словно сияющий иней на звездообразных ветвях или снежинка, увеличенная в миллион раз, и этот чудный хвост, стоящий выпуклым веером — сзади выпуклым, как будто вздутый ветром кринолин, — изредка потрескивал всеми своими инистыми спицами. А потом в обезьяньем доме мы видели двух огромных рыжих орангутангов: муж с рыжей бородой, движется медленно, с какой-то патриар-

хальной степенностью, торжественно чешется, торжественно вынимает из ноздри козявку (у него насморк) и звучно обсасывает палец. И такая была добренькая сука с висячими сосками, откормившими двух пухленьких львят, которые, сидя на гузках, неподвижно смотрели желтыми своими глазами, как сторож красит перило перед решеткой. И другие удивительные звериные взоры: мать этих львят, старающаяся сквозь решетку своей клетки заглянуть за угол — в ту клетку, где ее дети с их собачьей мамкой, — и отец, задумчиво смотрящий на круп першерона, запряженного в телегу, с которой рабочий сваливает какие-то доски. Я проводил Ш.<уру> до угла Вильмерсдорфштрассе и, купив по дороге «Observer», вернулся домой, почитал до обеда. Подали мне (в комнату — я так просил) бульон с рисовым пирожком, баранью котлету и яблочный мусс. Затем позвонил Татариновым (буду у них в субботу). Затем переоделся и пошел в клуб. Играл — очень недурно — до шести — и по дороге обратно зашел к Анюте. Там видел всех, посидели в сумерках, я вернулся домой ужинать (яишница, картофель жареный с кусочками мяса, редиски, сыр, колбаса). Поужинав, сел тебе писать (сейчас ровно девять). Ну вот, старичок, прелесть моя, жизнь

моя милая. Мне так — соломенно… Но мне здесь очень хорошо, очень уютно. Спокойной ночи, мой старичок. Сейчас буду сочинять стишок, затем лягу — в 10.30.

В.

33. 4 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

4/vi–26

Мысч, мыс-ш-с-ч-щ-с-ш…..

утром получил от Штейна открытку: «Мне нужно поговорить с вами относительно перевода “Машеньки” на немецкий язык. Не будете ли вы любезны позвонить или еще лучше зайти ко мне в “Слово”». Я не мог сделать ни того ни другого, так как спешил к Шуре. (Да, было еще письмо — от мамы. Ее чуть-чуть не вернули с границы благодаря отсутствию немецкой визы! Она очень довольна своей чешской деревнею.) С Шурой мы пошли в плавательное заведение на Круммештрассе. Там был человек без руки (отхваченной до самого плеча, так что он был похож на статую Венеры. Все казалось, что у него рука спрятана где-то. Глядя на него, я ощущал какую-то физическую неловкость. Просто гладкое место с каемкой подмышечных волосков), а другой человек — с тончайшей татуировкой по всему телу (у левого соска два зеленых листочка, превращающих сосок в какой-то гаденький

розовый цветочек). Мы выкупались, выпили на вилле бутылку сельтерской воды, и я поехал (к часу) на Капланов урок (с мадам). В два пришел домой (белые штанишки, белая фуфайка, макинтош) и, заперевшись в телефонной будке, позвонил Штейну. Чрезвычайно косноязычно, с мучительным обилием «обли-обли», он сообщил мне, «что в немецких литературных кругах заинтересовались “Облимашенькой”, и также рассказами мелкими и хотят и “Машеньку”, и облирассказы перевестиобли; и что, облиесли я согласен, то меня просят не предприн<им>ать никаких шагов на стороне (это в связи с Грэгером) до 20 июня. И пожалуйста, обли доставьте ко мне все ваши рассказы и ждите дальнейших известий, и обли это дело совершенно верное». Почему-то боюсь, что они меня облиоблапошат. Я решил потребовать шестьсот марок, и никаких испанцев, — за «Машеньку», а за книжку рассказов — пятьсот. Поговорю об этом завтра с Евсей Лазарычем (он завтра вечером уезжает в Амстердам, а сегодня на весь день уехал отдохнуть в Ванзей). Как бы то ни было, я очень доволен. И судя по тому, как Штейн волновался и обли-облил, — дело действительно верное. Мой Мысч, люблю тебя. А к обеду мне дали чету

битков с морковью и спаржей, неприметный бульонистый суп и тарелочку вполне сладких вишен. Литр молока мне дают с первого же дня. После обеда я сразу пошел опять к Капланам и затем до семи играл в теннис. Погодка весь день была мутненькая, но очень теплая. Каким-то чудом получил вечером «Руль». Вернувшись, почитал его и стал мучительно сочинять стихи о России, о «культуре», об «изгнанье». И ничего не вышло. Выплывают какие-то отдельные глуповатые образы: «и уходит / аллея кипарисовая в море…» или «в Богемии есть в буковом лесу / читальня…», и мне делается тошно, оскомина, муть в голове, всплывают старые, давным-давно употребленные сочетанья слов… Мне нужно ухватиться за какое-то виденье, углубиться в него — а сейчас передо мной проносятся только поддельные виденья; раздражают ужасно. За ужином (чета битков — холодных, колбаса, редиски) я вдруг поймал будущую музыку, тон, но еще не размер, обрывок музыкального тумана, — несомненное доказательство, что это стихотворенье я напишу. Люблю тебя, мысч. Шнур удлинили, очень теперь удобно (ах, какой сейчас хлынул дождь… сперва неразборчивый шелест, затем стук капель по чему-то жестяно-

му — подоконнику, кажется, и усиливающийся шум, и где-то во дворе с треском закрылось окно. Теперь расшумелся вовсю… широкий отвесный шум, жестяное туканье, влажная тяжесть…). Забыл написать, что все-таки не совсем сразу пошел к трем часам на урок (шум дождя стал глуше, мягче, ровнее), а успел четверть часа полежать и слышал — с какого-то балкона, — как две девицы разучивают вслух французские предложенья «иль э эвиданг… эвиданг…» (Шум на мгновенье усилился, теперь опять тише… великолепный дождь…) Розы на моем столе еще не увяли, конфеты сегодня кончил (одна капля упала совсем отдельно, отдельным чистым звуком. Теперь уже не шум, а шелест… И стихает). Сейчас ровно девять, в десять лягу. Хочу еще написать маме. Мысч моя, где ты? Полагаю, что завтра утречком будет письмецо. Знаешь, что мне напомнит вид конверта? Вовсе не поездку в Прагу (сестры с воплем: от Mme Bertrán!!), а того почтальона, который бабьим голосом окликал меня с белой дороги, возле которой я работал — под огромным, стопудовым провансальским солнцем: «Ouna lettra por vous, mossieu…» Так-то, мысч. Сегодня уже третий день бестебяшный. Дождь почти совсем смолк, стало прохладнее, нежно звенят

посудой на кухне. Спокойной ночи, моя мысч, моя мышенька. Мое дорогое. Милое мое… Опять обрывок маленькой музыки. Может быть, сегодня еще сочиню. Мысч моя…

В.

34. 5 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

5/vi–26

Гусенька,

сейчас вернулся домой (7 часов) и нашел на мраморе умывальника твое письмецо. Гусенька, что же это такое? Немедленно покидай S. B. (не Славу Борисовну, а Sankt-Blasien) и поезжай в теплое место. Поговори с врачом. Узнай, как обстоит дело в Tod<t>moos или Titisee. Бедненькая моя… С тобой ли твоя шуба? Не прислать ли тебе еще что-нибудь тепленькое? Знаешь, когда прошлым августом я был в S.<ankt>-B.<lasien>, там так и парило. Все это очень неприятно. Пожалуйста, не оставайся там, милое мое. Я пока ничего твоим не скажу, подожду следующего твоего письмеца (которое придет завтра). Ознобысч мой… Почему же твой идиот-доктор посылал тебя именно в горы? Нехорошо все это. Но все устроится, моя гусенька, ты завтра переедешь, да? Сегодня весь день шел дождь, только теперь прояснилось. Утром я пошел узнать насчет часиков, — оказалось, что только на будущей

неделе выяснится, сколько это будет стоить. Затем под теплой моросью поплыл к Ладыжникову за советской беллетристикой. Записался — это стоило мне семь марок (пять — залог) — на месяц, — иначе нельзя было. Там мне сказали, что продано свыше ста экземпляров «Машеньки». Я взял идиотические рассказы Зощенки и прочел их до обеда. Обед был сегодня неважнец: суп с какой-то крупой, бежевая толстокожая колбаса и рисовая лепешка. После обеда пошел на урок к Сергею К.<аплану> и по дороге попал под проливной дождь, — такой дождь, что мои серенькие (старые) штанишки промокли под полой макинтоша и сразу потеряли свежую свою складочку. В пять, после урока, опять зашел к Ладыжникову и променял идиота Зощенко на две другие книжки. Затем посетил регенбургских жителей. Беседовал с Е.<всеем> Л.<азаревичем> (который уезжает только в понедельник), посоветовался с ним насчет этих самых переводов. К семи вернулся, нашел твое письмецо. Совсем маленький день сегодня. Сейчас принесут мне ужин, и потом я пойду к Татариновым (там Mlle Иоффе — приятная фамилия — читает доклад о Фрейде — приятная тема). Костенька, кланяйся, благодари и все такое, — я же в моих письмах те-

бе не буду об этом писать. Вчера вечером так и не сочинил стишонка, — а день культуры на носу. У меня осталось пять марок. Молоко мне дают в большой закрытой бутылке — очень аппетитно. Ночью здорово шуркали мыши. Радость моя, счастье ты мое, гусенька, мне так неприятно, что тебе холодно и неуютно… Но все должно устроиться, ведь есть же другие места… Ну вот, несут ужин. До завтра, моя любовенька.

В.

35. 6 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

6/vi

Собаченька моя, саба-аченька,

вечор у тартаров был доклад и разговоры о знахаре Фрейде (на диспуте «о современной женщине» Карсавин доказывал, что мужчины бреются и носят широкие штаны благодаря влиянью женщин. Умно?). Айхенвальд получил анонимное письмо после его статьи о Пуришкевиче: «Как вы могли так плюнуть на могилу вашего друга?» Некий журналист Гриф сообщил мне, что послал большую статью обо мне в голландский литературный журнал; жаль, что по-голландски не понимаю. Вообще-то говоря, было скучновато, говорил главным образом Кадиш; разошлись около часу — так что встал я сегодня поздно, около одиннадцати. Пошел погулять — кругом, через Гедехнискирку, на набережную, где смотрел на ветрено-кубистические отраженья каштановых воланов в воде. А на Шильштрассе видел в антикварной лавке старинную книжечку открытой на первом листе — путешествие како-

го-то испанца в Бразилию, в 1553 году. И рисунок очаровательный: автор в рыцарских доспехах — кольчуга, бедряные латы, шлем, — все честь честью, едет верхом на ламе, и сзади туземцы, пальмы, змея вокруг ствола. Представляю, как ему было жарко… Я сегодня в новых сизеньких штанах и в норфольском жакете. До обеда читал «Барсуков» Леонова. Немного лучше, чем вся остальная труха, — но все-таки не настоящая литература. К обеду дали бульон с пельменями, жаркое со свежей спаржей и кофе с пирожным. И потом я залег на диван и просидел весь день за книгами — кончил Леонова, прочел «Виренею» Сейфуллиной. Вредная бабища. Ужин был такой же, как вчера, — яищница и холодные мясики. Видишь, какое у меня было тихенькое воскресенье. Я так нынче много наслышался — из книг — мужицкого говору, что, когда вдруг во дворе кто-то крикнул что-то по-немецки, я удивился — откуда вдруг немец? Сейчас половина девятого; погодя я выйду пройтись, опущу письмо, и потом сразу спатушки. Радость моя дорогая, где ты? Зябнешь ли все? Собаченька моя… Пора лампочку зажечь. Так. Я думал, что сегодня утром будет письмецо… Зато уж завтра непременно. В Tod<t>moos не поезжай — там,

оказывается, еще выше. Мне так не терпится, чтобы ты поскорее устроилась. Моя собаченька, моя любовь… Ножки мои милые. Кажется, завтра будет хорошая погода — небо такое нежное.

В.

36. 7 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

7–vi–26

Мой обезьянысч,

вчера около девяти я вышел пройтись, чувствуя во всем теле то грозовое напряженье, которое является предвестником стихов. Вернувшись к десяти домой, я как бы уполз в себя, пошарил, помучился и вылез ни с чем. Я потушил — и вдруг промелькнул образ: комнатка в тулонской плохенькой гостинице, бархатно-черная глубина окна, открытого в ночь, и где-то далеко за темнотой — шипенье моря, словно кто-то медленно втягивает и выпускает воздух сквозь зубы. Одновременно я вспомнил дождь, что недавно вечером так хорошо шелестел во дворе, пока я тебе писал. Я почувствовал, что будут стихи о тихом шуме, — но тут у меня голова затуманилась усталостью, и, чтобы заснуть, я стал думать о теннисе, представлять себе, что играю. Погодя я опять зажег свет, прошлепал в клозетик. Там вода долго хлюпает и свиристит после того, как потянешь. И вот, вернувшись в постель, под этот тихий шум

в трубе — сопровождаемый воспоминанием-ощущеньем черного окна в Тулоне и недавнего дождя — я сочинил две строфы в прилагаемом стихотворенье, вторую и третью: первая из них выкарабкалась почти сразу, целиком, вторую я теребил дольше, несколько раз оставляя ее, чтобы подровнять уголки или подумать об еще неизвестных, но ощутимых остальных строфах. Сочинив эти вторую и третью, я успокоился и заснул — а утром, когда проснулся, почувствовал, что доволен ими, и сразу принялся сочинять дальше. Когда в половину первого я направился к Каплан (мадам) на урок, то четвертая, шестая и отчасти седьмая были готовы, — и в этом месте я ощутил то удивительно-необъяснимое, что, быть может, приятнее всего во время творчества, а именно — точную меру стихотворенья, сколько в нем будет всего строф; я знал теперь — хотя, может быть, за мгновенье до того не знал, — что этих строф будет восемь и что в последней будет другое расположенье рифм. Я сочинял на улице, и потом за обедом (была печенка с картофельным пюре и компот из слив), и после обеда, до того как поехать к Заку (в три часа). Шел дождь, я рад был, что надел синий костюм, черные башмаки, макинтош, и в трамвае сочинил стихотворенье

до конца в такой последовательности: восьмая, пятая, первая. Первую я докончил в ту минуту, как открывал калитку. С Шурой играл в мяч, потом читали Уэллъза под страшные раскаты грома: чудная разразилась гроза — словно в согласии с моим освобожденьем, ибо потом, возвращаясь домой, глядя на сияющие лужи, покупая «Звено» и «Observer» на вокзале Шарлот<т>енбурга, я чувствовал роскошную легкость. В «Звене» оказалось объявленье «Воли России» (посылаю его тебе, а сборник завтра достану). По дороге домой зашел к Анюте, видел Е.<всея> Л.<азаревича>, он как раз получил письмо от С.<лавы> Б.<орисовны> Около семи они отправились в какой-то магазин, я пошел домой и по уговору с Анютой выскреб из-под газет и нафталина твою шубку (с таким милым обезьянышем на воротнике…). Завтра Анюта ее упакует, и я тебе ее пришлю. До ужина читал газеты (от мамы получил письмо; им живется тесно, но не плохо), потом ел картофель с кусочками мяса и много швейцарского сыра. Сел писать к тебе около девяти, т. е. потянулся за блокнотом и вдруг заметил письмецо, пришедшее за мое отсутствие и как-то не замеченное мной. Милое мое. Какое обезьянышное письмецо… Кажется, не столько воздух, сколько «семейные дела» гонят

тебя из S.<ankt> B.<lasien>? Анюта говорит — и я думаю, что она права, — что горный воздух часто действует так сначала, но потом, через два-три дня, привыкаешь — и становится очень хорошо. Нет, обезьяныш, не возвращайся — будешь сунут в самый старенький, самый гаденький чемоданчик и отослан обратно. Католикам завтра пошлю твой выговор, — спасибо, обезьянысч. Я оставлю спинку этого листа — белой, — спать хочу. Без меня человечек принес папирос. Я взял у Анюты 30 марок и завтра столько же получу от Капланов. Люблю тебя, обезьянысч.

B.

Тихий шум[100]

Когда в приморском городке
средь ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи

---

[100] Сноски: 100
Написано на отдельном листе.

ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
и вот проходит день незваный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире –
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире.

Не моря шум – в часы ночей
иное слышно мне гуденье, –
шум тихий родины моей,
ее дыханье и биенье.

В нем все оттенки голосов,
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и шепот памятного бора.

Отдохновенье, счастье в нем,
благословенье над изгнаньем,
но этот шум не слышен днем
за суетой и дребезжаньем.

Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, ее шумящей,
ее бессмертной глубине.

В. Сирин

37. 8–9 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

8/vi–26

Радость,

раньше чем описывать тебе сегодняшний необыкновенный, оглушительный успех (о котором, вероятно, будет намек в газетах), должен тебе, как полагается, рассказать мой день. Утром покатил к Заку, под дождем играл с ним в мяч. По дороге домой зашел в «Москву», но там последнего номера «Воли России» не оказалось. Под дождем вернулся восвояси. К обеду была белая безвкусная рыба и черешни. (Нет, ты прямо не можешь представить себе, какой успех!) Затем — все под дождем — понес твою шубку к Анюте (тщательно завернув ее, — не Анюту, а шубку). У Анюты нашел симпатичное Ленино мыльце, за которое очень, очень благодарю. Метнулся к Капланам (это, знаешь, первый раз такой успех. Я страстно жалел, что тебя не было, радость моя) и в пять уже был дома — с двумя новыми книжками, взятыми по дороге у Ладыжникова. Почитал, повторил несколько раз вслух стишок,

переоделся в смокинг, поужинал (мясики, вайсекэзишко) и, трахнув коньячку, отправился к восьми часам на Бельвюштр.<ассе>, 3, где должно было произойти торжество. Народу уже было много, поговорил с Айхенвальдом, с Сергеем Горным, с неожиданным Кардаковым. Кардаков мне удивительно рассказывал отношенье крестьян к нему, энтомологу, работающему в Уссурийском краю. Это отношенье было скверное (чуть не дошло до убийства) по двум причинам. Во-первых: он просил мальчишек доставлять ему жуков, платил за штуку 2 копейки. Мужики стали говорить, что вот, мол, «доктор» покупает жука за грош, а продает за тысячу рублей. Однажды он посоветовал ребятам поискать для него одного редкого сибирского жука среди сложенных дров. Ребята жуков нашли, но поленья здорово пораскидали — и мужики решили Кардакова прикончить. Во-вторых: все они считали (я теперь понял, что значит «гром аплодисментов». Это была настоящая овация), что Кардаков — доктор, и к нему валом валили больные да беременные бабы. Он старался объяснить им, что лечить не умеет, но они были уверены, что он это нарочно, из злобы, из гордости. Наконец не выдержал и перебрался в другие места. Затем подскочил ко мне

Лясковский — не человек, а крючок (а должен тебе сказать, что утром он ко мне написал — прося быть ровно в восемь и добавляя, что билета, мол, вам не нужно — у вас место в президиуме), и этак небрежно, не глядя на меня, заметил: «Знаете что, Вл.<адимир> Вл.<адимирович>, вы лучше сядьте в первый ряд, — вот у меня как раз билет. Вот, пожалуйста». Звонок, все расселись. Когда разместился президиум (Ясинский, Зайцев, проф.<ессор>, Айхенвальд, Татаринов и т. д.), оказалось, что одно место пустует, — но, несмотря на просящий шепот Ясинского и Айхенвальда, я отказался его занять. А Лясковский сидел у краешка стола и избегал со мной встретиться взглядом. Удивительная личность. Началось. Ильин сказал недурную речь после вступительного слова Ясинского, и затем какие-то юноши разыграли «Юбилей» Чехова. Последовал антрактик, — наконец звонок, и Лясковский на лету бросает: «Вы, Вл.<адимир> Вл.<адимирович>, там скажите, чтобы кто-нибудь вас объявил, — а то, пожалуй, сейчас начнет Офросимовская группа». Тут я наконец рассердился и сказал ему буквально: «Нет уж, батенька, это уж вы устройте. А я здесь посижу в артистической». Он блеснул пенсне и покорно побежал. Из-за зана-

веса я услышал, как в полной тишине Ясинский назвал меня. И сразу обрушились рукоплесканья. Я раздвинул занавес и вышел на передок сцены. И когда я кончил читать (а прочел я без запинки и, кажется, достаточно громко), весь огромный зал, набитый битком, так захлопал, так зашумел, что даже приятно стало. Я трижды выходил. Грохот все не умолкал. За кулисами пронесся Лясковский и сухенько бормотнул: «Отчего такой шум? Неужели это вам?» Несколько людей меня снова вытолкнули на сцену — и зала не хотела смолкать, орали «бис», и «браво», и «Сирин». Тогда я повторил опять мое стихотворенье и прочел его еще лучше — и опять грянуло. Когда я вышел в залу, ко мне бросились всякие люди, стали трясти руку, Гессен с размаху лобызнул меня в лоб, вырвал мой листок, чтобы стишок напечатать в «Руле». И потом, после одного действия из «Не все коту масленица», опять все меня поздравляли, и я ужасно жалел, радость, что тебя не было. Где-то вдали сидел бледненький Шура с отцом, были и Капланы, и всякие девы, и та глухая дама, которая помогала тебе переводить словарь. Я вернулся домой к двум, сел тебе писать, — но не кончил и продолжаю сегодня. Погода лучше, но ветрено. Получил письма от ма-

мы и от Панченко. Сейчас пойду к Maman Каплан на урок. О, моя радость, моя любовенька, как ты поживаешь, что делаешь, помнишь ли меня? Я тебя очень люблю сегодня. А вчера вечером, когда шел по Потсдамерштр.<ассе>, вдруг почувствовал так тепло, что ты существуешь — и какая ты радость. Подумай, если хорошую сумму получу за перевод «Машеньки», мы еще покатим с тобой в Пир<е>неи. Хозяйке я вчера заплатил (когда вернулся от К.<аплан>). Вышло всего 55 м.<арок> 20 пф.<еннигов> (52 + за молоко). Милое мое, счастье мое, милое, милое… Ты не думай, я и вечером сегодня тебе напишу. Ну вот, моя душенька (какая душенька…), надо мне идти, да и второй листочек очень кстати кончился.

В.

38. 9 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

9–vi–26

Тюфка,

написав к тебе — а также и маме, — я опустил письма в синий ящик на улице Зимних полей и на почте начертил открытку Каминке, который вчера просил меня дать ему мамин адрес. Затем поплыл к Капланше и в сотый раз ей объяснял, что «Joan» — не какой-то господин «Иван», а девушка Иоанна. Затем вернулся домой и поел: курицу с рисом и ревеневый компотик. Затем читал Гладкова «Цемент», из которого должен выписать для тебя следующие фразы: «Она не гасила усмешки, и усмешка отражалась от стены опять на лицо, и лицо огнилось мутным накалом между черными пятнами во впадинах глаз. Тогда Глеб налил кровью кулаки и заскрипел зубами. Оправился и раздавил сердце. Сам усмехнулся и проглотил со слюною кадык. Но от сердца судорогой рвала мускулы горящая дрожь. Она взмахнула на него белками. Глеб укрощенный, мосластый, бравый, со сжатыми челюстями

до провала щек, скрипел зубами от занозы в мозгу». Как тебе нравится, тюфка, этот перл? Читал и делал свои заметки до ужина. Пришел «Руль», посылаю тебе небезынтересную вырезку. Ужин состоял из яичницы и мясиков. Сейчас половина девятого. Я еще хочу выйти пройтись до сна.

Тюфка, по-моему, ты пишешь ко мне слишком часто! Целых два письмеца за это время. Не много ли? Я небось пишу ежедневно. Сегодня за стеной был какой-то тихий, но проникновенный скандал — к сожаленью, на немецком диалекте. «В изумлении Жук выпучил глаза, и лицо его ахнуло и раскололось на черепочки. Парализованный, инженер Клейст стоял, прямо опираясь на парапет спиною, и голова его подбрасывала шляпу редкими срывными толчками». Мне думается, что инженер Клейст… был бы хорошим форвардом.

Да, тюфенька, нехорошо… Я, например, сегодня на письмецо очень даже рассчитывал. Маленькие убывают (кстати, Лалоди нет в списке на первом листе «Машеньки». Он очень обижен), прямо не знаю, что делать, сегодня письмо прошло под знаком Тюфки — а завтра? Я нынче в новеньких штанах.

В.

39. 10 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

10/vi–26

Тушкан,

утром, вместе с постоломом, принесли мне третье твое письмецо. О, тушкан…

Погодка была ничего утром: мутненько, но тепло, небо прокипяченное, в пленках — но ежели их раздвинуть ложечкой, то совсем хорошее солнце, и следственно, я надел белые штанишки. К одиннадцати поехал к Заку, играл с ним в мяч. Потом пенки сгустились — и закапало. Когда я вернулся домой, шел проливной дождь, который продолжался весь день. Во дворе у меня образовалась большая лужа, и по ней расходились концентрические кольца — одни поменьше, другие побольше, — быстро-быстро, так что в глазах рябило, — и уж вместо кругов приливали, приливали тонкие, неисчислимые, волнообразные линии, — и нужно было как-то переключить зренье, чтобы опять увидеть круги под каплями дождя. Я так больше и не выходил весь день. Обед был недурной — баранья котлета и компот

из кружовника. После обеда читал Федина, потом решился разобрать манускриптики. Мне ведь нужно приготовить для Штейна — он давно уж просил — все мои рассказы, — а тут оказалось, что «Драки» нет. Кроме того, ведь нужно все это переписать на машинке (пока только «Благость» и «Порт» в приличном виде), — так что я не знаю, как быть. Потом опять читал, потом разложил доску шахматную, стал придумывать задачку, но вскоре бросил. Принесли «Руль» и ужин (не знаю, почему такой галдеж сегодня в районе кухни. Хозяюшка, вероятно, не в духах). В «Руле» отвратно написанная рецензия о вечере («В. Сирин прочел свое последнее стихотворенье о родине [словно я больше уж не буду писать!], вчера помещенное в “Руле”, “Тихий шум”, талантливое, особенно задушевное в передаче конкретной обстановки, как повода [?!] к основным, глубинным переживаньям»). Ужин состоял из яицка и обычных мясцов. «Руль» я сохраню для тебя, а ужин съел. А доклад — в субботу, и думается, что он выйдет недурно. (Куда это я спички дел? У вещей есть какой-то инстинкт самосохраненья. Если кинешь мяч в огромной комнате, где никакой мебели нет, кроме одного кресла — ничего-ничего, кроме него, — то мяч непременно под него

закатится. А спички я нашел. Они были в пепельнице.) Ты знаешь, я уже около недели не играл в теннис — благодаря дождю… Тюфенька, я сегодня решил поцеловать тебя в конце письма. Подожди, не двигайся. Нет, подожди. Тюфенька ты моя… О, моя любовь, мое милое, мое дорогое. А в Тодмос мы ходили из St. Blasien'а пешком. Была жарища, и я снял рубашку. Тюфенька… Тушканысч мой баснословный… Почитаю и лягу.

B.

40. 11–12 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

11/vi–26

Комочек,

утречком, не торопясь, отправился к Ладыжникову, отдал книжки, получил обратно залог и поплыл в «Москву», где зря истратил две марки на «Волю России». Госпожа Мельникова-Папоушек (ей папа ушек не драл) пишет, что «Машенька» не роман, что я подражаю Прусту, что некоторые описанья «миниатюрны», что есть длинноты, которых, мол, у Пруста нет, что вообще задумано не скверно, но выполнено слабо, — что она, мадам Мельникова-Папоушек, не понимает тех критиков, которые увидели в «Машеньке» символ России. Вообще, рецензия дамская и неблагосклонная. Вернувшись домой, сел писать доклад и писал не переставая весь день (Капланы отменили урок) до половины второго утра. Вперемежку с докладом писал рассказик под теперешний советский стиль. Если хватит нахальства, я его сегодня у Татариновых прочту, выдав его за русское изделье. А доклад за-

нял двадцать восемь больших страниц (не этих, а тех других листов, которые ты, Комочек, мне оставил в наследство) и вышел, кажется, недурно. Издеваюсь и терзаю. Пришлю тебе его, как только кончу читать.

Комочек, не удивляйся, что я пишу «сегодня у Татариновых». Дело в том, что вечером 11-го я не мог из-за усталости тебе написать, — и хотя начало письма так звучит, как будто пишу я 11-го вечером, на самом деле сейчас утро 12 июля[101], я только что встал и в неубранной моей комнатушке сел тебе писать. Обед вчера состоял из телячьей котлеты и банана в компании черешен. К ужину подарили яишницу и мясики. Вчера дождило, сегодня солнечно, но свежо, и ветер пушит яркую кривую акацию у дворовой стены. Доклад мой называется так: «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного». Завтра пришлю, прочтешь.

---

[101] Сноски: 101
Так в рукописи.

Под моим письменным столом целый остров пеплу. Стучится горничная, хочет убирать. Сейчас я выйду купить марок, нехорошо, что ты мне так редко пишешь, и бритву-жилетт. У меня для тебя есть две программы кисти Голубева-Багряноороднова, относящиеся ко дню моего торжества. Книжки Бунину и дяде Косте я еще не послал, Панченко и полицей-президиум ждут, и не собрался я еще сообщить мой адрес «Рулю», хотя непонятным чудом получаю газету каждый вечер. Ждет и Штейн моих рассказов. Не удосужился я Б. Г. позвонить. Все это очень нехорошо. Мой комочек, как ты в общем поживаешь? Как поживают шерстки? В моей акации есть что-то птичье, попугайное. До вечера, мой комочек, — вечером беспременно тебе напишу. А доклад в девять часов, у Татариновых. Радость моя…

В.

41. 12 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

12/vi–26

Катюша,

кончив письмо к тебе, вышел его опустить, зашел в часовой магазин (оказалось, что до сих пор еще не могут мне сказать стоимость починки!), затем купил бритву, затем приобрел за две марки коллекцию марок — десять по десять и пять по двадцать, — а также на лотке две английские книжки за полтинник — Squire, «Steps to Parnassus» (литературные пародии) и знаменитого Henry James, «The Outcry» (роман). Вернулся домой (а погодка потеплела, и я — в новеньких штанах) и пообедал (тушеное мясо и яблочный плевок). Пообедав, стал просматривать свой доклад — и тут позвонила Софа, что, мол, Е. И. приехала. По дороге к Капланам я и зашел на Регенсбург, видел там Е. И. и Е.<всея> Л.<азаревича>, который вчера вернулся. Особенно много о тебе от Е. И. не узнал. Она необыкновенно неразговорчива. Узнал, во всяком случае, то, что ты переехала в Tod<t>moos, — что очень

приветствую. Шубка тебе все-таки посылается. Затем был на уроке у К.<аплан>, тихонько вернулся домой, думал найти от тебя письмецо и, разумеется, ошибся. Я тоже, кажется, перестану тебе писать. До ужина почитал приобретенные книжки, ужинал (макароны и мясики) и около девяти поплыл к Татариновым. Постепенно там собралось большое множество народу (конечно, Айхенвальд, Волховыский, Кадиш, Офросимов и т. д.), и я приступил. Говорил (не читал, только изредка заглядывал — когда приводил выдержки) больше часу. Доклад признали блестящим, но очень злым и несколько «фашистским». Особенно на меня нападал Волховыский. Кончилось все это около часу, я проводил до угла Аугсбургштр.<ассе> мадам Фалковскую и тихонько вернулся в свою одинокую комнатку. Сейчас без четверти два, завтра воскресенье, дольше посплю. Доклад посылаю тебе — я, конечно, очень много менял и прибавлял, когда говорил, — это только конспект. Ну вот. Пора спатушки, Катюша. Я тебя больше чем обожаю. Ты мое счастье и жизнь. Когда я думаю о тебе, мне делается так весело и легко, а так как я о тебе думаю всегда, то мне и всегда легко и весело на душе. А сегодня кто-то будет писать рассказик — вернее, при-

думывать его, пока не придет сон. Радость моя, Катюшенька, маленькая моя музыка, любовь моя. Не правда ли, Тодмоос уютен? Мы там стояли в гостинице «Орла». Спокойной ночи, Катюшенька.

В.

42. 13 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

13/vi–26

Тепленький,

с утра дождь, дождь… Хорошенький июнь, нечего сказать… Капает на подоконник, потрескивает, словно отпирает без конца тысячи крохотных шкапчиков, шкатулочек, ларочков, — бессмысленно и деловито, в темноте, во дворе, где по-своему, с послушным, ровным шелестом принимает дождь моя кривая акация. Утром вышел опустить письма, а потом больше не шевелился. Размышлял. Вот хочу написать рассказик. Будет он называться так: «Комнаты». Или даже: «Сдается комната». О комнатах, об этой длиннющей анфиладе комнат, через которую приходится странствовать, о том, что у каждой комнаты свои голоса (замков, окон, дверей, мышей, стон шкапа и скрип кровати), непохожие на голоса другой, о том, что зеркало смотрит на человека, как тихий больной, утративший разум, способность воспринимать, удерживать видимое, — безумным, ясным взглядом, — и о

том, что мы так незаслуженно оскорбляем вещи своим невниманьем, о том, как трогательны лепные орнаменты потолка, на которые мы никогда не смотрим, которых никогда не замечаем. А ты помнишь, тепленький, чету паутинок, висевшую над моей постелью на Траутенауштр.<ассе>? Так я раздумывал, потом читал Henry James, попивал молочко. Изредка доносились пансионные звуки. Мелькнуло — в дебрях коридора — пререканье между хозяйкой и ее сыном:

…«А в четыре –»

«Я не понимаю, мама, отчего ты никогда не хочешь выслушать мое мненье –»

«В четыре пойдем в Зоологический, в пять вернемся, в шесть –»

Но в общем, пансион очень тихий, очень приятный. Горничная и сестра до приторности услужливы. Я очень рад, что поселился здесь. А обед был сегодня воскресный: суп с пельменями, хорошо поданное мясо, тарталетка с земляникой и битыми сливками. Зато ужин был как всегда — яйцо, мясики.

Тепленький, и сегодня от тебя не было ничего. Вероятно, дождь помешал.

Сейчас без четверти десять, еще напишу маме, потом лягу. Это ужасно — я, кажется, ничего

не смогу ей послать пятнадцатого: от Заков мне следует 120 мар.<ок>, 30 — Анюте, 60 — квартира и мелочи, 25 — в Тегель, 5 про запас. А паспорта?

Тепленький, мы вас очень любим, очень уважаем. Розы совсем высохли, но еще стоят на столе. В черном зеркальном блеске окна отражается моя пишущая рука и оранжевый тюльпан лампочки. Тепленький…

В.

43. 14 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

14/vi–26

Любовь,

только что вернулся из кинематографа и нашел твое грустненькое письмецо. Любовь, переезжай в другое место в среду, — попробуй Титизей, где есть чудное озеро и где горы, по-моему, не давят, или попробуй то место, что советовал доктор, — во всяком случае поищи, ведь все дело в том, что тебе неприятно жить в воронке, в долине, а ведь другие места — на склоне, на вершине, на плоскогорье — можно найти. Не надо так падать духом, моя любовь. Я понимаю, что от дурной погоды — тоска, но дурная погода сейчас повсюду, — я тоже сетую на дождь. Неужели ты не можешь найти себе уголок в Шварцвальде (тут я капнул молоком[102]), — собери несколько адресов санаторий — и поезжай. Пойми, моя любовь, мы никто не хотим тебя видеть, пока ты не будешь совершенно здоровенькой и отдохнувшей. Я прошу тебя, моя любовь, ради меня

---

[102] Сноски: 102
Слово «Шварцвальде» частично расплылось.

плюнуть на всякую тоску и перебраться в другое место, во второе, в третье — только наконец найти приют. Подумай о том, что я должен испытывать, зная, что тебе нехорошо, — и постарайся устроиться лучше. Любовь моя, маленькая моя, милое мое счастье…

К часу пошел читать о Деве с Мадам К.<аплан> и по дороге туда встретил моржа и маленького святого Нуки. Я нагнулся, чтобы тронуть его, а он пробежал мимо, не обратив абсолютно никакого вниманья. Обедал (рагу, салат, черешни), потом поехал к Заку. Гулял с ним по дебрям Груневальда: погодка сегодня ведряная, и было чудесно. Затем заехал на Регенсбург, где обсуждалось твое письмо и где мне дали очень вкусный ужин (овощи в сметане, земляника). Зашел Веревкин — у него сильные головокруженья, и он очень напуган. К девяти я пошел в кинематограф с Сергеем К.<апланом> и видел новое изданье фильмы «К силе и красоте», мало отличающееся от первого. Теперь пью молоко, ем мне оставленные мясики, смотрю на твое письмецо. Моя душенька, не надо плакать… Вот увидишь, — я уверен, что, если найдешь место, где не чувствуются горы, — все пойдет хорошо. Вот еще насчет вещей: я держу марки, которые наклеиваю на письма в Todtmoos, в том складном алюминиевом стаканчике, из которого я пил у ручья по дороге в Todtmoos… Нежное совпаденье. Любовь моя, что мне сделать, чтобы тебе было хорошо?

В.

44. 15 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

15/vi–26

Воробышко,

нынче лил дождь, не переставая ни на одно мгновенье, — ужас, — и сейчас льет. Я хотел поехать к Заку на мотоцикле, но шофер отказался ехать — слишком скользко от дождя. Целый ряд мотоциклов, а шоферов не видать. Мне указал прохожий на кабак. Там они все сидели и пили кофе с молоком, в больших чашках. Пришлось покатить трамвайчиком — и когда я пришел к Заку, перёд макинтоша был сырого, шоколадного цвета. Гимнастику делали, читали. Вернулся домой и нашел письмо от мамы, пересылающей мне письмо от Bobby de Calry (очень милое, собирается, кажется, нас пригласить к себе) и письмо — к ней — от Сергея. Не могу удержаться, чтобы не переписать его: «…я не сразу ответил на твое письмо. Не мог писать, потому что в душе была страшная буря. Я хочу сегодня объяснить тебе, в чем дело. Нужно, чтоб ты поняла всю важность того решенья, к которому я пришел,

к которому я не мог не прийти. Ты знаешь, что вся моя жизнь за последние десять лет была ужасной жизнью, жизнью не только грешной, но и преступной к самому себе. Я никогда не прибегал к той силе, которая помогает и направляет на иные пути. Ты знаешь, что мы не были воспитаны в *православном* духе. Для меня православие никогда не было и не могло быть помощью. Но, как всегда бывает в жизни, наступила минута, когда я почувствовал толчок *извне.* Я оказался перед мертвым и страшным тупиком. С другой стороны, человек, с которым я связал свою жизнь и которого я люблю больше всего в мире, — вернулся к церкви, т. е. получил такой же толчок *извне.* Это были страшные дни. Я перехожу в *католичество* с полным сознаньем неминуемости этого шага и с совершенной верой в его необходимость. Да, влиянье на меня, конечно, было, но влиянье не минутное, не преходящее. Скорее, помощь. Влияние бессознательное, исходящее от Бога. Католическая церковь строже, требовательнее православной. Мне нужна сила, руководящая и сдерживающая меня. Вера пришла, Бог подошел ко мне вплотную. На этой неделе состоится церемония, и я прошу думать и молиться обо мне. Я знаю, что это не наносное,

а верное, истинное, настоящее. Я буду причащаться *каждый день*, чтобы убить в себе грех, чтобы Бог дал мне силы, бодрость и волю. Я буду жить *один.* Мы не расстаемся в полном смысле этого слова. С ним я все так же вместе, как был. Но жизнь наша в одной комнате несовместима с вхождением в какую бы то ни было церковь. Мне нелегко, мне очень трудно: нельзя одним ударом отрезать громадную часть моего “я”. Эта часть должна перемениться, дать место чему-то новому и не грешному. Если бы можно было в православной церкви причащаться чаще четырех раз в год — я не уходил бы от нее. Пойми, как все это важно, и не укоряй меня: мне самому трудно, но жду небесной благодати».

Обедал (телячья котлета, компот из черешен), затем поплыл (в шоколадном макинтоше) к Каплану на урок. Придя домой, сел писать письма — к Bobby, к маме (посылаю ей двадцать пять марок), к Панченко (тоже 25) и к Лене. А затем… Кош, какой рассказик! Я облизывался, когда приступил. Называется так: «Нечет» (сказка), — и это о том, как чорт (в образе большой пожилой дамы) предложил маленькому служащему устроить ему гарем. Ты скажешь, ветреная Геба, что тема странная, ты, может быть даже, поморщишься,

мой воробышко. Но увидишь. Je ne dis que cela…

Ужинысч был обычайный. Сейчас половина десятого, и я в стареньких сереньких штанах.

Воробышко, как твое настроение? Надеюсь, что уже не в Тотмосе получишь это письмо. Боюсь, что если ты откроешь на второй странице, то подумаешь, что я сошел с ума. Правда, я на всякий случай понаставил кавычек[103]. Я думаю, это, в общем, хорошо для Сергея. Правда, католичество — вера женственная, стрельчатая, — сладость расписных окон, страждущая нежность молодых Севастианов… Я лично предпочитаю самого завалящего, лысенького попика — этакому шелестящему аббату с лжевдохновенным, восковым ликом. И когда я подумал о том, какая у меня чудесная, счастливая, «своя» религия… Ну все равно. Вероятно, у Сергея это увлеченье, но увлеченье глубокое, хорошее, которое очень поможет ему. Ты ж, мой воробышко, не слишком сердись на дождь. Понимаешь, ему нужно идти, он не может удержаться, — это не его вина; ведь падать *вверх* он не умеет. Счастье мое, я из<-за> него почти две недели не играл в теннис (я не сравниваю, конечно). А просто — люблю тебя.

---

[103] Сноски: 103

Набоков отметил кавычками начало каждой строки цитируемого письма.

B.

45. 16 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

16/vi

Милое мое,

видел во сне, что с кем-то иду по Дворцовой набережной, вода в Неве свинцовая, густо переливается, — и мачты, мачты без конца, большие судна и маленькие, разноцветные полоски на черных трубах, — и я говорю моему спутнику: «Какой большой флот у большевиков!» И он отвечает: «Да, вот мосты пришлось убрать». Потом мы обогнули Зимний дворец, и почему-то он был совсем фиолетовый — и я подумал, что вот нужно отметить для рассказа. Вышли на Дворцовую площадь, — она была вся сжата домами, играли какие-то фантастические огни. И весь мой сон был озарен каким-то грозным светом, какой бывает на батальных картинах.

Около двенадцати вышел (в новеньких штанах, благо солнце), переменил книги в Librairie, заплатил там восемь с полтиной и направился в сквер на Виттенбергплац. Там на скамейке, между старичком и нянькой, читал с полчасика,

наслаждаясь прерывистым, но жарким солнцем. К часу пошел объяснять Madame К.<аплан>, что Joan — женщина, историческое лицо, и, объяснив (до субботы), вернулся домой, пообедал (битки, земляника со сливками). Затем сел писать «Нечет»; около шести зашел на Регенсбургер.<штрассе>, но видел только Софу, вернулся, отдал (и записал) белье горничной — и сел опять за рассказик. Уже написано семь страниц (больших), а будет, я думаю, около двадцати.

Меж тем пошел дождь — и он, кажется, помешает мне пойти погулять до сна. А к ужину, кроме мясиков, было три сладеньких пирожка — макаронистые, сверху поджаренные и посыпанные сахаром (и преневкусные). Насчет молока: это другое молоко, подороже, в герметически закрытых бутылях, замечательное, — не киснет. Вот, милое мое, каков был шестнадцатый денек моей соломенности. От тебя ни слуху ни духу. Отчего ты так редко пишешь, милое мое? Я ужасно жалею, что не устроил тебе такой блокнотисч, как ты мне устроила, — с числами. Сейчас без пяти девять. Во дворе резвятся две толстеньких кофейных таксы — сверху, кажется, — просто катятся две колбасы без лапок. Милое мое, не знаю, где ты сейчас (где ты будешь читать это письмо). Я тебя люблю. Мое милое, я тебя люблю. Слышишь?

В.

46. 17 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

17/6–26

Комарик,

получил утром твое письмецо. Что же это в самом деле? Комарик, приободрись…

Как только встал, сразу сел писать (нет, пошел опустить письмо к тебе и переменить французскую книжку) и к семи часам кончил рассказ. К обеду была унылая рыба и черешни (о супах я давно перестал писать: не различаю их). Вообще говоря, дают много, постоянно спрашивают, сыт ли я. Я совершенно сыт. На днях пожаловался, что, мол, какао слабое, — с тех пор дают мне прекрасное, темное и сладкое. А рассказик вышел недурной (ах да, что же я сегодня такой забывчивый… Утром почтальон принес мне двенадцать марок — за твои урокишки, — и из них десять я заплатил папироснику, пришедшему пять минут спустя. Очень удачно), довольно длинный — около двадцати страниц, как я и думал. Завтра буду его переписывать. В семь зашел на Регенсбург.<ерштрассе>, всех видел, ужинал

там (большевики идут на уступки. Full-size у них нет, но есть другие размеры. Дают от 20 до 25 %. Краем уха слышал. Все здоровы. Л.<юся> достал билеты для Е. И. Ее, вероятно, проводят в Штеттин Е.<всей> Л.<азаревич> и Анюта. Анюта была в голубом платье, порвавшемся между лопаткой и подмышкой. Я тайком бросил трупик папиросы под диван, — кажется, никто не заметил). К девяти пошел к Татариновым, — народу там не было, очень мило побеседовали. На днях у них был Айхенвальд, и они его уверили, что старушка София С. ездит на велосипеде. В субботу у них будет вечер… афоризмов. Нужно придумать афоризмы на тему «Страданье и наслажденье». Не пищи, комарик. А вернулся я домой около половины двенадцатого и вот пишу тебе. Погодка сегодня была сносная (только один ливень — между пятью и шестью). Нежный мой комарик, я тебя люблю. Я тебя люблю, комарик мой превосходный. Может быть, устроишься под Heidelberg'ом, — там, говорят, чудесно, а? Вообще, мне не терпится, чтобы ты устроилась поскорее. Милое мое существо… Я не знаю «наслажденье» и «страданье», я только знаю «счастье» и «счастье», т. е. = «мысль о тебе» и «ты сама». Тут очень волнуются о каких-то князьях и каких-то миллионах. Не знаю точно, в чем

дело. Я тебя люблю. Ложусь спать, Комарик. Мне так хочется, чтобы тебе было хорошо. Покойной ночи, моя душа, моя нежность, счастье мое.

В.

47. 18 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

18/vi–26

Муренька,

ты мне пишешь безобразно редко. Утром под неизменным дождем (который начинает меня выводить из себя) я потек к Заку, по дороге сочинял стихи, которые вчера перед сном начал и сегодня только что окончил. Посылаю. С Заком делал гимнастику и писал диктовку. Вернулся домой (продолжая сочинять), обедал — причем дали очень твердое мясо, — хозяйка потом прибегала, извинялась (и за то послала прекрасный ужин — большая яичница и ветчина). После обеда пошел давать урок Каплану — переводил с ним Rousseau, — потом вернулся, сочинял до шести и отправился на Реген<с>бург<ер>штр.<ассе> Там была одна Софа. Я сел за стол и записал несколько строф. Через несколько минут пришла Е. И. Мы очень тепло с ней простились — и я поплелся домой, наполовину ошеломленный потугами моей музы. Ужинал, — и тут потуги разрешились, и я полностью написал стихотворенье. Думаю по-

слать его в «Звено». Мой милый, видишь, какой у меня был нынче маленький день. Я небритый, и когда повожу ладонью по щетине на щеке, то такой звук, как будто тормозит автомобиль. Забыл тебе написать, что когда вчера был на Регенсб.<ургерштрассе>, то попросил ножницы и пилочку и тщательно обрезал себе ногти, которые здорово запустил. Предполагаю завтра проделать ту же операцию и относительно ног (но у себя дома). В среду хозяйка уезжает на месяц в Териоки вместе с сыном и дочерью. Муренька, как ты поживаешь? Узнаешь ли меня, когда увидишь? Маленький Шоу очень вырос, и скоро придется ему покупать игрушки. Тюфка хотела себе сделать бубикопф, но по недоразуменью ей гладенько обрили головку (совсем стала похожа на пешку). Остальные маленькие все здоровы.

Милое мое, дорогое, нашла ли ты пристанище? Когда же ты мне напишешь, что тебе хорошо, уютно, легко? Ты ж обо мне, радость моя муренька, не беспокойся: я отлично живу, сытно питаюсь, много читаю и пишу. Очень мне интересно, понравится ли тебе мой стихотворенысч.

Сейчас десять минут десятого, скоро лягу. Дождь перестал, но — судя по луже во дворе — и завтра нельзя будет играть в теннис. Это чрезвычайно скучно. Муренька моя, я сегодня опять решил тебя поцеловать. На бирже за последнее время удивительная тишина. Нет ли в Шварцвальде спроса на какие-нибудь тарелочки? Напиши, муренька. Я не думал, что ты будешь так редко мне писать. Покойной ночи, мур.

В.

Пустяк – названье мачты, план – и следом[104]

за чайкою взмывает жизнь моя,
и человек на палубе, под пледом,
вдыхающий сиянье, – это я.

Я вижу на открытке глянцевитой
развратную залива синеву,
и белозубый городок со свитой
несметных пальм, и дом, где я живу.

И в тот же миг я с криком покажу вам
себя, себя – но в городе другом:

---

[104] Сноски: 104
Стихотворение написано на отдельном листе.

как попугай пощелкивает клювом,
так тереблю с открытками альбом.

Вот это – я и призрак чемодана,
вот это – я, по улице сырой
идущий в вас, как будто бы с экрана,
и расплывающийся слепотой.

Ах, чувствую в ногах отяжелевших,
как без меня уходят поезда,
и сколько стран, еще меня не гревших,
где мне не жить, не греться никогда!

И в кресле путешественник из рая
описывает, руки заломив,
дымок из трубки с присвистом вбирая,
свою любовь, тропический залив.

В. Сирин
18–vi–26

48. 19 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

19/vi–26

Козлик,

утром начал переписывать «Нечет», затем давал урок С.<ергею> К.<аплану> Вернувшись, обедал (телячья котлета, компот) и продолжал переписывать. Кончил около семи и затем — для тартаровского вечера — сделал список всего того, что вызывает во мне страданье, — начиная от прикосновенья к атла́су и кончая невозможностью присвоить, проглотить все прекрасное в мире. Вышло около двух страниц мелким почерком — и, Козлик мой, прости! — я куда-то этот лист запропастил, а то бы послал тебе. Ужинал при участии мясиков и двух сосисок и к девяти с рассказом, стихотвореньем и списком страданий поплыл к Mlle Иоффе. Там были: Татариновы, Фальковская, Данечка, Русина, Кадиш с женой, Троцкий с женой, Гриф, отвратительный Звездич, Айхенвальд. Я им прочел рассказ. Совершенно оглушительный успех. Недолго думая, прочел стихотворенье. Заставили прочесть три раза.

Обсуждали около часу. Звездич и Айхенвальд чуть не подрались. Затем Татаринова собрала все написанные афоризмы о «страданьи и наслажденьи» (а написали Айхенвальд, Татаринова, Иоффе, Фальковская, Гриф) и прочла их. Было одно недурное: «Один в наслаждении — не воин». Наконец, прочла мой списочек — и опять взрыв непонятного восторга. Вообще, весь вечер обратился в чествование пишущего эти строки — и он, чтобы, так сказать, поставить достойную точку, венец над вечером, выйдя на улицу (Пассаурштрассе), когда все между собой прощались, тут же на панели перекувырнулся через голову.

Когда же я вернулся восвояси, то попал, как кур во щи, на grand gala в хозяйской столовой. Совершенно пьяное общество, состоящее из каких-то немецких артистов (друзей сына), служащих американского консульства (друзей дочери) и какого-то Профессора Полетика (должны были быть также Коростовцы, но не пришли). Я выпил водки, бокал крюшона, съел бутерброд, протанцевал один тур фокстрота с хозяйской дочкой (очень непривлекательной дамой) и незаметно стушевался. Сейчас около двух, и вот, Козлик, пишу тебе. Козлик мой, мне так больно, что не ты первая слышала мой рассказ и что вообще этот

вечер был без тебя… Рассказик я в понедельник передам в «Руль», там перепишут его на машинке, и я сразу пошлю тебе манускриптик. «Говорят, что страданье — хорошая школа. Да, это так. Но счастие — лучший университет». Хорошо? Это написал Пушкин. А вот эмигрантски-политический афоризм: «Нули поняли, что для того, чтобы стать чем-нибудь, они должны становиться по правую сторону». А знаешь, как в немецком переводе чеховского рассказа передано «я иду по ковру, ты идешь, пока врешь»? «Teppich, tepst du». Козлик мой, счастье мое, — где ты? Я тебя так сейчас люблю, мое милое… Ложусь спать, немножко устал. Аккуратненько все кладу в шкап, ничего по комнате не валяется. Бесконечно люблю тебя.

В.

49. 20 июня 1926 г.
Берлин – Тодтмос

20/vi–26

Жизнь моя,

весь день шел дождь. Утром написал к маме письмо и отправил в «Звено» стихотворенье. Благодарил за помещенье перевода и добавил: «Брат мне пишет из Парижа, что автор рецензии о моей “Машеньке” думает, что я “обиделся”. Будьте любезны передать ему, что это не так. Меня только удивили фактические неточности в рецензии, дающие неправильное представленье о самой фабуле и стиле книги». Коротко и ядовито. Кстати: мне вчера Айхенвальд говорил, что Элкин (поехавший в Париж) ему написал, что Мочульский «раскаивается». Вся эта история довольно глуповатая. Обедал (хорошее мясо, виктория с битыми сливками), после обеда почитал, затем на два часа соснул. Посмотрел в окно и пожалел, что не добавил в письме к «Звену»: «Пенять на критика — то же, что пенять на дождь». Позевал, мысли валандались, ни писать, ни читать не хотелось. Принесли ужин (яйцо и мясики),

съел, зажег лампу и вот тебе пишу, жизнь моя. Знаешь, ведь у меня нечего будет рассказать тебе, когда ты приедешь, — все уже до мелочей будет известно тебе по письмам! Зато у тебя накопится — уйма… Жизнь моя милая, я люблю тебя. Лапки твои таксичьи люблю и розовые черточки у глаз. Я получил еще одно посланье от католической церкви. Пускай полежит. Я ни аза в нем не понял. Сейчас без четверти девять, горничная устраивает мою постель. Кончу письмо и выйду — под легкой моросью — пройтись. Папиросок нужно купить — все вышли. Завтра придет человечек. Сегодня я весь день просидел дома, только сбегал перед обедом опустить письма. По утрам, если не хожу к Заку, делаю гимнастику — роскошно стою на голове! — и потом принимаю tub. (В ванную не хожу — ибо там линючий красный коврик, и все становилось ярко-малиновым — пятки, края купальной простыни, пятки носков.) Как моя жизнь поживает? Как потягивается утренний слепыш? Как оно — мое счастье, мое длинное, теплое счастье? Я сегодня в синем костюме — и, конечно, в рябчике, которого я полюбил больше всех jumper'ов и sweater'ов, которые когда-либо у меня были. Между моим соседом (молодым голландским художником)

и моей сморщенной хозяйкой эгзистирует странная дружба… Но, повторяю, пансионом я очень доволен — и кормят совсем прилично. К колбасе я привык и иной раз ем ее без отвращенья. А ты, жизнь моя, смотри, тоже питайся хорошо… Мы очень любим вас. Очень обожаем. Простите, что так редко вам пишем. Новенькое перо сегодня вставил. Жизнь моя…

В.

50. 21 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

21/vi–26

Скунксик <sic>,

утром около половины одиннадцатого поехал в «Руль», отдал Гессену мой рассказ (я еще не знаю, назову ли его просто «Сказка» или «Нечет». Он довольно велик — восемнадцать страниц; вообще, неизвестно, пойдет ли он. Если пойдет, то к среде его отпечатают на машинке и я его прокорректирую. Если же он не пойдет, то пошлю его в «Слово» с таким условием: 30 марок к 1-му числу. Ни копейки меньше и ни на день позже. Отлично?). Вернулся в свой район и, видя, что до урока с Mme Каплан остается целый час, сперва зашел к Берте Гавр.<иловне> (ей гораздо лучше, по словам Шуры), но никто не открыл мне, и от нечего делать я посидел в открытом кафе на углу Баварской площади и выпил бокал черного пива. Затем давал урок (Сегодня очень тепло, но перепадает дождь. Я в новеньких, серебьких). Обедал (отличная котлета и земляника) и, полежав на диванчике

(радость моя, я в той же комнате, — ведь я тебе писал, кажется, что отказался переехать в другую?), отправился к четырем Sackwards. Играл с ним в мяч. На обратном пути (купил «Observer») зашел на Регенсбург.<ерштрассе> Всех видел, посидел полчаса, забрал белье чистое и вернулся домой ужинать (отличная яичница и мясики). Сегодня в «Руле» статья Коноплина о Таборицком и Шабельском-Борг. Странно читать. Им осталось восемь лет каторги. Нашел письмецо твое дорогое, скунсовое. Я счастлив, что тебе лучше. Оставайся, скунсик, в Святой Блазии. Бабочек нельзя так описывать. Что значит «желтая»? Есть миллион оттенков желтого. Та маленькая, в черных крапинках, должно быть, не просто желтая, а оранжевато-рыжая — вроде мази для желтых сапог. Если это так, то принадлежит она к роду Brenthis или Melithea (дневные бабочки с пестрым, часто перламутровым исподом). Другая же, ты пишешь, белая с желтым кантом? Не знаю. Опиши подробнее, — и вообще, еще отметь нескольких. Вчера я вышел пройтись вечером — и вместе с толпой глядел (на Ноллендорфплац) на удивительную световую рекламу — пробегавшую, как освещенный поезд, ленту слов: новости голосованья и просто новости, — целая световая

газета. Изумительно красиво. А сейчас четверть десятого. Выходить сегодня больше не буду. Что мне писать тебе о регенбуржцах? Все здоровы, уютны, сидел сегодня в полутьме с Е.<всеем> Л.<азаревичем>, рассказывал ему о вечере у Иоффе, прочел ему стихи, — понравились. Говоря, он вставал, засунув руки в карманы штанов, чуть набок нагнув голову, — медленно шагал через комнату, поворачивался на каблуке, опять шел, чуть опуская голову. Я это все люблю, и мне очень с ним хорошо.

Ну, скунсик, покойной ночи. Никогда не угадаешь (я целую тебя), что именно целую.

В.

51. 22 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

22/vi–26

Родимысч,

(сегодня маленький выбран некрасивый, — зато очень мохнатенький) утром встретился (пишу таким мелким почерком оттого, что сейчас мелко переписывал стихотворенье и рука еще не отвыкла. Ну-с — увеличиваю) с Заком и — благо погода тускловато-солнечная и очень жаркая — отправились (теперь наконец выровнялся — не Зак — почерк) в Груневальд, где великолепно выкупались. Мы лежали на песочке, когда вдруг грянул дождь, гром выломал лиловое кусище неба и по озеру запрыгали серебристые стрелки. Густой дуб нас от дождя охранил. Вернулся я через Rozeneck (сегодня я в старом сером костюмыше) и вполне густо пообедал (хорошее мясо, компот из черешен). Одновременно продолжал сочинять стихотворенье, которое возникло ночью. Пошел к Капланам (нет, поехал в автомобиле — так как шел оглушительный дождь). По дороге домой (погода к пяти часам стала райской) продолжал

сочинять, купил бритвенное лезвие, переменил книжку, приобрел новые подвязки (сегодня старые порвались), а также… симпатишный серый галстух (длинный) и, совсем уж раскутившись, разорился еще на плитку шоколада Nestles с орешками. Придя домой, нашел, родимыш, твое тепленькое, как ты сама, письмо — и очень порадовался, что тебе как будто веселее. Но, мое счастие, не возвращайся первого! Тебе нужно еще поправиться, — помни. Не раньше 20-го возвращайся, родимыш… Затем, лежа на диване (да, заплатил сегодня по счету 52 марки и человеку за папиросы 5), сочинял, разразилась тем временем страшнейшая гроза, и я под раскаты грома стихотворенье кончил. Посылаю тебе его. Посылаю также и мамино к тебе письмо. К ужину были мясики (телятина и ветчина). Сейчас десять часов. Розы, совсем уже погасшие, еще стоят у меня на столе. Интересно, понравится ли тебе стишок… А галстух цвета одного платьица, которого не могу вспомнить без рыданий (оно шерстками встречало меня!), едва намечаются более темные ромбы, шелковый. Сегодня шумно в доме: завтра утром уезжает хозяюшка. Прислуга ликует. Родимыщ, здраствуй!.. Люблю тебя. Это хорошо, что ты много снимаешь. Я тоже хотел бы

много снять… Радость моя, витьеватыщ, сыщ, любобыщ, любовь моя… На днях, когда я засыпал, меня томили крохотные словесные кошмары, — вот один: «Попам попался папоротник, порт, / где зарапортовался Раппопорт». Отделаться не смог. А звучит как-то… ритуально. Ну, счастье мое, пора спать. Что-то я нынче устал. Стихотворенье это пойдет в «Руль». Люблю тебя, жизнь моя.

В.

Комната

Вот комната. Еще полуживая,
но оживет до завтрашнего дня.
Зеркальный шкап глядит, не узнавая,
как ясное безумье, на меня.

В который раз выкладываю вещи,
знакомлюсь вновь с причудами ключей, –
и медленно вся комната трепещет,
и медленно становится моей.

Совершено. Все призвано к участью
в моем существованье, каждый звук:
скрип ящика, своею доброй пастью

пласты белья берущего из рук;

и рамы, запирающейся плохо,
удар в ночи – отмщенье за сквозняк;
возня мышей, их карликовый грохот,
и чей-то приближающийся шаг:

он никогда не подойдет вплотную,
как на воде за кругом круг идет
и пропадает, и опять я чую,
как он вздохнул и двинулся вперед.

Включаю свет. Все тихо. На перину
свет падает малиновым холмом.
Все хорошо. И скоро я покину
вот эту комнату и этот дом.

Я много знал таких покорных комнат,
а пригляжусь, и грустно станет мне:
никто здесь не полюбит, не запомнит
старательных узоров на стене.

Сухую акварельную картину
и лампу в старом платьице сквозном
забуду сам, когда и я покину
вот эту комнату и этот дом.

В другой войду: опять однообразность
обоев, то же кресло у окна...
Но грустно мне... Чем незаметней разность,
тем, может быть, божественней она.

И может быть, когда похолодеем
и в голый рай из жизни перейдем,
забывчивость земную пожалеем,
не зная, чем обставить новый дом.

В. Сирин
22–vi–26

52. 23 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

23/vi–26

Длинная райская птица с драгоценным хвостом,

утром я покатил в Груневальд и роскошно там выкупался. Час лежал на песке. (Солнце с пенками — но жаркое.) Оттуда к часу поехал на урок с Mme К.<аплан> Она очень уговаривает нас с тобой поехать в Биарриц (они туда отправляются 1 июля на пять недель). Она говорит — вполне резонно, — что, во-первых, тех 150 марок в месяц, которые я там буду получать за уроки с ней и с Сергеем, почти достаточно (при низком поведении франка) для существованья одной персоны — и что, во-вторых, наравне с дорогими гостиницами там есть совсем, совсем дешевенькие пансионы. Полагаю далее, что Зака (у которого каникулы начинаются 20 июля) можно будет уговорить поехать. Вообще, — единственно, что дорого это путешествие (около ста двадцати марок — для двоих). Если, таким образом, у нас будут 150 (путешествие) + 150 (твой

пансион) + 50 (разные расходы) + 150 (обратное путешествие) = 500 марок, то мы можем смело двинуться в путь, скажем, 20-го (я бы заехал за тобой в St. Blasien) и пробыть до того дня, пока деньги не иссякнут. Разумеется, как только Капланы прибудут в Биарриц, они постараются найти для нас дешевенький закутик. Такое путешествие чудесно бы закончило твою поправку. Все дело в том, как достать 500 марок? Можно, конечно, занять. Во всяком случае, моя длинная, райская птица, попроси Лену, чтобы она (если скоро вернется в Париж) похлопотала немножко о визе для нас (я не знаю — может быть, это можно?); я же со своей стороны достану паспорта, поговорю с Ф., — и даже если придется запросить Париж, мы до 20-го успеем. Знаешь, у Татариновых около 500 марок в месяц, из которых они дают 200 матери, — и все-таки они занимают и едут (в Италию). Отчего бы нам тоже? К обеду были битки и ревень. Хозяйка уехала. После обеда почитал, потом пошел играть в теннис, — лупил два часа. Вернулся и опять читал. К ужину были мясики. Сейчас половина девятого. Мое райское, подумай о Биаррице. Мне кажется, что это возможно. Если же я получу деньги за перевод «Машеньки» или если Зак тоже поедет — то, ко-

нечно, все само собой устраивается. Посоветуйся письменно с Анютой и Е<всеем> Л<азаревичем>. Постарайся не смотреть на все это как на миф. Мои купальные штанишки сохнут на подоконнике. Я забыл нынче узнать в «Руле», покупают ли они «Нечет». Завтра до ухода к Заку — позвоню туда. Небо пепельно-голубое, граммофон жарит фокстрот из соседнего окна. Да, хорошо бы в Биарриц… Какое море! И баск, продающий вафли на пляже. Огромные вафлища, как корсеты. Любовь моя, я сегодня наконец чувствовал солнце. Скоро лягу. Еще напишу маме. У меня осталось пятьдесят фенигов. Очень люблю тебя. До свиданья, мое райское, длинное, с ослепительным хвостом и таксичьими лапками.

В.

53. 24 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

24/vi

Кустик,

утром встретился с Заком у шарлоттенбургского вокзала. Мы хотели пойти на собачью выставку — но оказалось, что она закрыта. Погуляли в дебрях Вестенда. Вернулся и позвонил в «Руль». Рассказ выйдет в воскресном номере (послезавтра). В субботу утром поеду в «Редакцию», прокорректирую его. Гессен в восторге. Погода облачная, но сухая (утром и днем). Пообедав (печенка и желэ из кружовника — вроде лягушачьей икры), полежал, перечитал «Машеньку» (понравилось) и к четырем пошел играть в теннис. Забыл вчера тебе сказать, что от сильной подачи лопнули пять струн. Сегодня исправлено. Играл хорошо. У павильона гуляла очаровательная борзая с пепельно-голубым (как вчерашнее вечернее небо) крапом на лбу. Она играла с рыжей таксой, — и эти две длинные нежные морды, тыкающиеся друг в дружку, были чудесны. В шесть пошел дождь (он и по сей час льет). По дороге

домой переменил в библиотеке книгу: я читаю сразу два романа французских, оба в нескольких томах — по системе Пруста, — но как все мелко и пресно по сравненью с его совершенной художественностью, глубиной, божественным косноязычием… Вернулся домой — открываю дверь — вхожу — гляжу на стол — вижу — письмыщ. Что такое — откуда — от кого? — беру — вскрываю — и вдруг — что-то выпадает! О, милое! Чудный, чудный снимок… Я все гляжу на него, да посмеиваюсь, да приговариваю: «Какой милый зверь… Какой зверь смешной…» И как ножки хорошо стоят. И сзади какие-то кустики. А к ужину, кустик мой, были: яишница с картофелем и шпинатом, два куска ветчины, швейцарский сыр и т. д. До ужина читал Martin du Gar. Сейчас половина девятого. Дождь прыщет вовсю. Кустик средь кустиков стоит, опершись о коробку из-под папирос, в которой недели две тому назад я принес из энтомологической лавки берлинскую Гебу и чету лапландских Brenthis borealis (разновидность pales или aphirape — не знаю точно). Кустик, еще не пора выписывать тебя… Повремени, Кустик… А с лыжными снимками ты все же подумай о Биаррице случилась ужасная хорошенько подумай вещь: они от сырости

(стоят ведь на туалете у открытого окна) согнулись, не держатся… Я их перевел было бы там дивно на пляже в желтенький портфельчик, куда складываются твои письмыши. Приехал финляндский президент в гости к латвийскому, и по сему поводу в передовице «Слова» восемь раз на протяженье сорока шести строк повторяется «высокие гости», «наши высокие гости». Вот лижут! Теперь без четверти девять — скоро пора спать. Теперь без десяти. Теперь без пяти. Девять. Спокойной ночи, мой кустик. Юбочка очень хорошая — это какая? I love you, my own darling, my sweetheart, my life…

В.

54. 25 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

25/vi–26

Моя нежность,

утром поехал с Шурой в Груневальд — благо погода солнечная; там купались, бегали в одних купальных штанишках вокруг озера, блаженствовали на песочке. Прошла какая-то русская старушка и спросила: «Простите, тут не мужской пляж?» (пляж!) Вернулся к обеду (непонятное мясо и тарталетка с земляникой) и поплелся к Капланам. Они обедали еще. Каплан будет сегодня вечером советовать Заку послать сына со мной в Биарриц. Урока не было, так как Сергею рвали сегодня зуб. Пошел на теннис, играл до половины седьмого. На обратном пути переменил книгу и зашел на Регенсбургер.<штрассе> Письма твои получены; Анюта говорит: «Я письмом довольна. Я одно только скажу: я письмом довольна». Советовался с Е.<всеем> Л.<азаревичем> насчет поездки в Биарриц: он — против: море тебе не к здоровью. Я думаю, моя нежность, что он прав. И прав он, когда говорит, что тебе нужно остаться

в St. Blasien'е до первого августа. Я знаю, как это трудно. Но тебе нужно поправиться… Мне же он советовал поехать все-таки в Б.<иарриц> — но я, право, не знаю. Без тебя мне не хочется. А с другой стороны, я и здесь — без тебя. Какое твое мненье насчет всего этого, моя нежность? А к ужину были, как всегда, мясики, — а кроме того, макароны, — а кроме того — один письмыщ. Нежность моя, какой вкусный закат! Я прочел твое описанье — и прямо слюнки потекли. А насчет денег… Я нынче занял у Анюты еще 5 марок, да еще взял денег, чтобы завтра, когда буду в «Руле», продлить абонемент для С.<лавы> Б.<орисовны>. Вчера принесли белье (нет, что я говорю, сегодня), и это стоило 3.85. Отдал еще партию. У Анюты оставил свой белый светер — чтобы локоть заштопали. Сейчас половина десятого. Небо — чистое. Слава Богу. О моя нежность, я все гляжу на снимыщ… Писал ли я тебе, что Кустик мне прислал снимыщ? Очень на него похоже. Покажу, когда приедешь. В «Руле» сегодня сказано, что Дядя Костя получил от Кэмбриджского унив.<ерситета> почетную степень. Получил ли он и что-нибудь другое, например «Машеньку», не знаю. Во всяком случае, его экземпляр и бунинский преуютно лежат рядышком в моем ночном

столике. Это симпатично? От купанья у меня уже все загорело. Бледны только те места, которые покрываются штанишками, — т. е. верхние части ног и чресла. Некрасиво, но оригинально. А моя нежность тоже загорела? Какой меня встретил загарыщ — в ужасном клетчатом пальтише — на вокзале в Констанце!.. И вот я тебя целую, моя нежность… Целую все, что может быть названо тобой, твоим… Не скучай, моя нежность. Хочешь, буду писать дважды в день?

В.

55. 26 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

26/vi–26

Кутиш (маленькая помесь между Кутей и Котишей), утром поехал в «Руль», правил корректуру. Гессен пригласил ужинать. (Сегодня вышла первая половина; вторая выйдет в понедельник, и тогда я пришлю тебе, мой кутиш, оба номера. Я продлил абонемент для С<лавы> Б<орисовны>. Быть может, на два-три дня будет приостановка присылки. Но я распорядился, чтобы прислали все номера, начиная с того дня (вероятно, 23-го), когда «Руль» к вам перестал приходить. Все же на всякий случай пришлю тебе номера со «Сказкой».) В «Руле» же я условился с Людвигой, что в понедельник [когда приду исправлять вторую часть. (Кстати, в первой довольно много опечаток, так как я правил очень бледным карандашом)] занесу книги для Бунина и Дяди К.<ости>, чтобы она их послала по адресам. Вернулся домой с книжечкой стихов Шаховского (он мне прислал ее в «Руль»), прочел ее: очень недурно, — ясная темнота, прохлада, волненье.

Я ему так и написал и сразу письмо отправил (в «Благонамеренный»). Затем переменил надпись (пришлось вырвать страничку) на книжке, предназначенной Дяде К.<осте>, и вместо идиотической надписи, которая на ней была, написал поздравленье с полученьем почетного звания. Кутиш, я люблю тебя. Затем обедал (мясцо довольно хорошее, компот из слив) и к трем поплыл на капланский урок. К пяти вернулся восвояси. Нынче довольно прохладно; я в новеньких сереньких, в норфольке и в новеньком галстухе, и, побрившись, поехал унтергрундом к Гессену. Ужин у них был совсем вкусный. Гессен поблескивал лысиной, золотыми ободками пенсне, много говорил, пощупывал одной рукой воздух. От них поехал в девять часов к Татариновым, где был скучноватый доклад о Пиранделло. Потом я сказал «Комнату» и… ну обычные последствия. Следующий раз Волховысский будет читать об эмигрантской литературе. Разошлись поздно, я провожал Айхенвальда, говорили о России. Кутиш, Кутиш, когда мы вернемся? Сейчас четверть третьего, я немножко устал. Забыл написать, что получил очень кутикутиковое письмо. Котиш, я умоляю тебя остаться подольше в St. Blasien… Пойми, что это важнее всего — твое здоровье. Ку-

тиш, нежность, легкость моя, правда, это нужно… Твой отец настаивает на этом — и он совершенно прав. Кутиш, моя радость, раз ты уж там, воспользуйся… Тебе еще нужно пополнеть, — ну хотя бы стать такой, как Анюта. Хотя бы. Если ты меня любишь — ты все это поймешь. Я же решил никуда не ехать: здесь я все-таки ближе к тебе. А без тебя разъезжать не хочется. Останешься, Кутиш? Я же учредил диктатуру: Шоенька и все остальные маленькие не имеют права голоса… Кутиш, «список страданий» пропал. А это, знаешь, двадцать пятый письмыш. Люблю тебя, моя маленькая, мое счастье. Покойной ночи. Кажется, собирается светать. Небо — зеленое.

В.

56. 27 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

27/vi–26

Мотыленок,

встал поздно, одевался не спеша, долго делал гимнастику. Обедал: телятина и земляника со сливками. Потом вышел пройтись. Разглядывал старинные литографии и книжки в антикварных лавках по Шильштрассе. Думал вот о чем: какая прелесть будет в старинных фотографиях! Скажем так — в 2126 году. Фотография, которой двести лет, — фотография улицы с людьми в пиджаках и с автомобилями («пиджак» будет звучать как «камзол» для нас, а «автомобиль» как, что ли, «пироскаф»). Будут страшно дорогие снимки. Будут коллекции снимков, стоящие миллионы. «Приходите посмотреть мою коллекцию фотографий начала двадцатого столетия?» — «С большим удовольствием». — «Вот смотрите — улица, автомобили, мотоциклы». — «Да, но у господина Х есть еще более старый снимок: на нем видна — лошадь!» Сочиняя такие разговорчики, я прошел, мой

мотыленок, мимо великолепного фонтана близ прежнего жилища Лукашей и полюбовался мокрыми, лоснистыми спинами каменных тритонов, улыбающихся сквозь блеск и дрожь спадающей воды. На Геркулесовом мосту пожалел бедного льва, у которого реставрированная часть хвоста — бледная, голая, — как у пуделя. Побрел прямо, углубился в аллейку Тиргартена — где тени то и дело теряли сознанье, оттого что скрывалось солнце. Посидев на скамейке, пошел обратно той же дорогой, и на Шильштрассе меня остановила тучная старуха вся в черном и попросила сопроводить ее через улицу. Я взял ее под руку, и медленными шажками мы перешли на ту сторону. Я себя чувствовал, как картина «The Boy-Scout or One good deed every day». Вернувшись восвояси, часок почитал — и удивительно играл танцевальную музыку «громкоговоритель» во дворе. Скрипичное томленье саксофона, свирельные пируэты, мерный бой струн… И потом я задремал — и когда проснулся, было уже половина восьмого. Небо сейчас бледно-голубое в тающих облачках — как на плафоне с аллегорическим, апофэозным сюжетом. И все играет джаз-банд в радио — обожествленное собачье поскуливанье. Ужинал: мясики. И вот пишу к те-

бе, мой мотыленок… Как твои крылья и сяжки, как поживают все их пятнышки и шелковый их пушок? Я еще выйду погулять сегодня, письмыщ опущу. Мотыленок мой, счастье мое, любовь… Как тебе нравится такое определенье: сон, который видит один, это сон; сон, который видят двое, это полудействительность; сон, который видят все, это действительность. Кстати, у меня есть чудное названье для газеты или журнала: «Явь». Хорошо? Мотыленок, как вам посиживается на санблазийских цветочках? Любовь моя…

В.

57. 28 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

28/vi

Мой Катышок,

утром мылся, брился, надел новенькие, серые, и синий пиджак — и поехал в «Руль» корректировать вторую часть рассказика. Как он тебе — нравится? По-моему — ничего. Между прочим, оказалось, что улица Гофмана действительно есть (это, конечно, мне Шура открыл), и вовсе не «за Кайзердаммом», а в Трептове. Книги — посланы (большое облегченье). Из «Руля» поехал на урок к Капланам, затем вернулся к себе, обедал: рулад и компот из слив (нехорошо…). К трем отправился на Dernburgstr.<asse>, играл с Ш.<урой> в мяч, ел в саду землянику и кружовник, затем — около шести — пошли вместе на Цо, где я купил «Observer». Там подпорхнула ко мне твоя сестрица. Что она там делала, неизвестно. Расстался я с Заком, пешочком пошел домой, мой Катышок, читал газетки. Посылаю тебе вырезку из «Слова»: совершенно прелестные стихи — и форма и содержанье совершенно

исключительные. Купил также «Звено», — но стихов моих там нет. Зато Адамович здорово выругал госпожу Папоушек. Ужинал: яичница и ветчина. Сейчас пять минут десятого. Катышок, Катышок, райское мое существо, что у тебя слышно? Будешь ли благоразумна и останешься ли еще на двадцать-тридцать писем в St. Blasien'е? Знаешь, мне иногда кажется, что я только теперь понял, *как* я люблю тебя и *как* мы с тобою счастливы… Мой Катышонок. Стихи Пертса сохрани. Такие они — свежие, русские. Пришли мне как-нибудь шифрованное письмо (цифры — вместо букв), мне будет приятно его разгадывать. Вот тебе, например (по старой орфографии):

/22'/9'7'3'31'/15'17'21'17'18'7'17'/4'/
13'11'18'26'17'/,
/2'1'17'/20'23'/27'11'13'19'32'/
21'3'19'17'20'17'4'/1'20'17'33'4'/,
/20'23'/27'17'27'32'18'27'1'20'32'/
9'33'26'19'3'21'28'16'3'/
/4'/6'11'18'26'29'/,
/27'6'4'1'23'/2'33'26'7'29'4/19'3'13'33'7'28'/
– /27'33'13'28'/
/27'13'33'26'1'33'4'/.

Маленькие черточки разделяют буквы, боль-

шие — слова. Интересно, угадаешься <sic> ли (определенная цифра отвечает всегда той же букве, разумеется). Посмотрим, мой Катышек. Если будешь хорошей, в каждом письме пошлю тебе новую маленькую игру. Ты же еще снимись! Тут большой спрос на этот товарик. Милое мое, я люблю тебя… Собираюсь рассказик писать. А может быть, стихи. Будет завтра мне письмыш? Сидит ли он сейчас в почтовом вагоне, в тепле, между письмом от Госпожи Мюллер к своей кухарке и письмом Господина Шварц к своему должнику? Тема для стихотворенья: мы все — письма, идущие к Богу. Или нехорошо?

Катыш, маленький мой, так давно нецелованный…

В.

...ожу Калошеньки. Ужинали: ...ичкина и ...ейника. Сейчас ...ть минут десятого. Катышок, Катышок, райская ...ая существо, что у тебя слышно? Будешь ли ... Екатеринин и останешься ли еще на двадцать пришлет письмо из St. Blasien'a? Знаешь, мил... ...ается, что я только теперь поняла ... я люблю тебя, и как мы с тобою счастливы... Мой Катышок. Стихи Н.рэса сохрани. Такие они - свежие, русские. Пришли мне как-нибудь шифрованное письмо (шифр - вместо буквы) мне будет приятно его разгадывать. Вот тебе, например (по старой орфографии):

22	9'7'3'31	15'17'21'17'18'7'17	4'	13'11'18'26'17'
2'1'17'	20'23	27'11'13'19'32	21'3'19'17'20'17'4'	1'20'17'33'4'
20'23'	27'17'27'32'18'27'1'20'32	9'33'26'19'3'21'28'16'3'
4'	6'11'18'26'29'
27'6'4'1'23'	2'33'26'7'29'4	19'3'13'33'7'28	—	27'33'13'23'
27'13'33'26'1'33'4'	.

Маленькие черточки разделяют буквы, большие - слова. (Интересно, догадаешься ли (определенная цифра отвечает всегда тайной букве, разумеется)... Посмотрим, моя Катышенька. Ваш будет хорошей и каждый день мне пошлешь тебя новую маленькую муку. Ты же еще спишься! Тут большой спрос на твоих товарищ. Милое мое, я люблю тебя... собираюсь разучить писать и кожаные стихи. Будет забавно мне письмишко? Сидишь ли ты сейчас в поезде, в вагоне, в теплом, между письмом от господина Мюллер к его кузине и письмом господина Шварца к своему должнику? Тебе они спят вместе: мы все - письма идущие к Богу. Или нехорошо?

Катышь, маленький мой, так давно не целовала... В.

58. 29 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

29/vi–26

Душа моя,

ты давно не писала. Ты давно не писала. Ты давно не писала. Моя душа…

Утром поехал с Ш.<урой> в Груневальд, там купался, бегал. Очень было тепло и хорошо. На обратном пути, переходя то место мостовой на углу Лютер и Клейст, где идет оргия починки, встретил рамолистого проф. Гогеля, который мне сказал: «А вы будете играть Позднышева. Да-да-да…» Думая, что он меня с кем-то спутал, я улыбнулся, поклонился и пошел дальше. Обедал: битки с фаршированными томатами и отличное черничное варенье. Заплатил по счету (54. 80 — с молоком). Вдруг входит горничная: «К вам — дама». Входит дама с портфелем. «Меня к вам послал Грэгер. Я продаю папиросы. Муж мой, офицер, был расстрелян в Киеве». Я взял сотню — чувствуя, что страшно изменяю нашему человечку. К трем отправился на урок с Капланом. Около пяти пошел на теннис. По дороге, моя

душа, купил марок, послал тебе газеты с рассказом, купил также теннисные башмачки (4. 45). Завтра отдам Анюте тридцать марок. Хорошо играл. В половину восьмого вернулся, ел мясики. Нашел письмо от Айхенвальда. Правленье Союза журналистов устраивает «Суд над Позднышевым». Меня просят играть Позднышева. Я только что написал Айхенвальду, что согласен. Это будет в конце июля. Comment tu regardes sur ça? Rien à soi? («Ничего себе?»). Душа моя, когда ты ко мне не пишешь, у меня делается маленькая паника. Ты, может быть, сердишься на то, что я прошу тебя продолжать толстеть в St. Blasien'e? Все равно — очень прошу. А папиросы эти ничего, — табак, по-моему, лучше майкапарского. У человечка возьму на сотню меньше. Моя душа, я единственный русский эмигрант в Берлине, который пишет к своей жене каждый день. Но маленькой игры тебе сегодня не пошлю — так как ты нехорошая. Сейчас половина десятого. Пойду опустить письма — к Дубняку и к тебе и лягу спать. Акация у стены, во дворе, по утрам купается в собственной кружевной тени, которая колеблется за нею на стене и сквозь ее листья, мешается с движеньем листьев: акация в теневом пенуаре <sic>. Но сейчас в окне отра-

жается только моя голова в рембрандтовском свете и оранжевая лампа. Я люблю, я люблю тебя, моя душа, мое счастье… Боюсь написать: завтра будет письмо, — так как всякий раз, когда я так пишу, — не бывает. Моя душа, я люблю тебя. Мой полет, мое трепетанье…

В.

59. 30 июня 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

30/vi–26

Мой маленький,

сегодня — последний тобою отмеченный лист. Завтра будет месяц, что ты в отъезде.

Утром не спеша мылся, одевался и поплыл на урок с Mme Каплан. В последний раз (до августа) объяснял ей, что St. Joan не Апостол Иоанн, а девушка с бубикопфом и воинственными наклонностями. Затем обедал: рыба и красная смородина. Затем пошел стричься. Посередине парикмахерской на высоченном табурете, закутанная в простыню, спускающуюся почти до пола, сидела совсем маленькая девочка, нагнув золотисто-желтую голову, и вся морщилась, в ужасе закрывала глаза, когда парикмахер ей подравнивал волосы на лбу и затем прыскал в нее из огромного флакона. Сам я вышел оттуда с кругленькой и молоденькой головой — и отправился на теннис. Был нынче в ударе. Припекало солнце. Около семи вернулся домой, переоделся, пошел менять книжку, а потом за-

глянул на Регенбургер.<штрассе> Там ужинал и составлял с твоим отцом телеграмму к тебе. Около половины десятого поехал унтергрундом на Потсдамерплац (по дороге читал «Руль» и вот посылаю тебе вырезку. Забавно?) и там послал вышеупомянутый телеграмыщ. Домой вернулся пешком и вторично ужинал (мясики — с преобладанием колбаски. Но не следует забыть двух яиц, и овсянки, и земляничного компота, которыми в совершенно неправильном родительном падеже [«неужели электрическая сила частицы “не” так велика, что может влиять на существительное через два, даже три глагола?» — говаривал Пушкин] угостила меня Анюта), думая о том, что давненько не ел сырка Kohler, и поглядывая на Кустика среди кустиков. Сейчас уже без четверти одиннадцать, — а еще нужно написать маме (и вложить двадцать пять марок: больше не выходит, мой маленький). Напишу еще С.<лаве> Б.<орисовне> Анюте деньги — отдал.

Маленький мой, потерпи еще немножко… Правда же, тебе нужно поправиться… И нельзя ведь считать те две недели, которые ты испортила всякими переездами. Я знаю, что трудно, мой маленький, — но потерпи. Е.<всей> Л.<азаревич> рассказывал, как Пел<ь>тенбург, летя

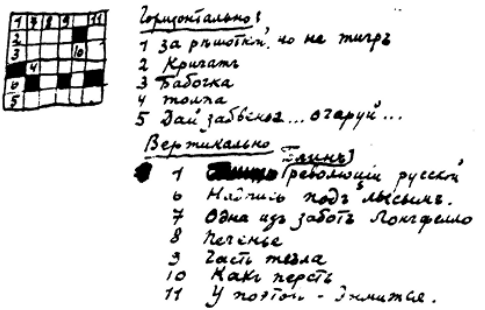
на аэроплане из Москвы в Ковно, попал в опасную полосу тумана. Люся: «Ну, я хотел бы знать, ну что он испытывал в эту минуту, ну?» Анюта (отрываясь от спиртовки): «Во всяком случае — больше мужества, чем ты имеешь, вот, слушая рассказ об этом». Люся: «Как? Нет, но все-таки интересно знать…» Твоему отцу моя «Сказка» нравится, но он находит, что я «специализируюсь на клубничке». Правда, этот рассказ немного — фривольный.

Маленький мой, как вы поживаете? Я вас люблю. Небо сейчас звездное, и напирает теплый ветер. Розы, теперь уже окаменевшие, еще стоят на моем столе. Целый месяц! Маленький мой, обцеловываю тебя. Письмыщ был сегодня. Что это насчет обезьянки?

В.

60. 1 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

1–vii–26



Горизонтально:
1 За решеткой, но не тигр
2 Кричат
3 Бабочка
4 Толпа
5 Дай забвенье… очаруй…
10 Как перст
11 У поэтов — дымится

Вертикально:
1 Блин революции русской

6 Надпись под лысым
7 Одна из забот Лонгфелло
8 Печенье
9 Часть тела

Кошенька моя,

забыл вчера вложить вырезку. Вот она. Утром встретился на вокзале Шарлоттенбурга с Ш.<урой>, поехали в Груневальд, но, так как погода очень пасмурная, не купались, а только гуляли по лесу. На обратном пути я вылез из трамвая на Шилльштр.<ассе> — ибо на днях отметил упоительного мурмурика, — которого сегодня и купил. Он совсем кругленький, пятачок премилый, — и весь он не больше виноградины. И предназначается он тебе. Только вот как послать его, не знаю, — в письме? Нет, слишком толстенький. Завтра с кем-нибудь посоветуюсь и пошлю. Имей только в виду, что он очень, очень милый.

К обеду была телячья котлета, компот из Королев Клавдий и письмо от мамы. Она пишет, что очень тронута всем тем, что ты ей пишешь о Сергее. Что именно ты писала? После обеда полежал, затем переоделся и пошел играть в теннис. По дороге туда встретил Коростовца, а по дороге обратно нагнал господина, который шел

и странно жестикулировал, приговаривая что<-то>. Перегнав его, я узнал в нем актера Орлова. Он слегка смутился, затем принялся болтать о всяких пустяках. Рассказал, что на днях его вызвали на частный вечер какие-то люди, прося его прочесть им мою «Сказку», — что он и сделал… На следующей неделе буду играть на состязании. Бертман выиграл хрустальный графин — я ему очень завидую. Ах, Кошенька моя, только что заметил, что конвертов у меня больше нет. Придется завтра утром — до Зака — купить и в магазине написать адрес. Досадно.

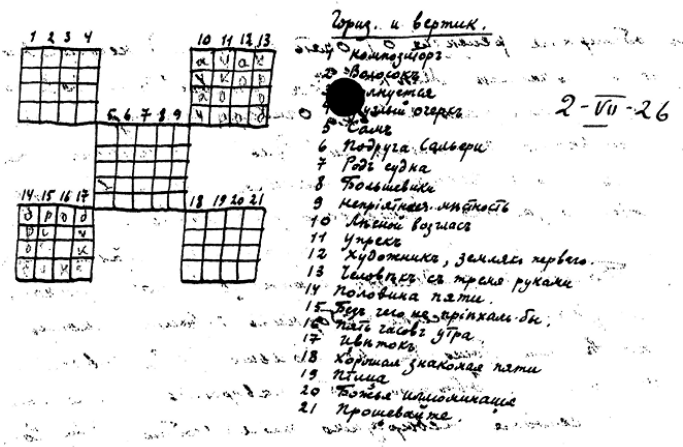
Домой я вернулся около семи, читал идиотический французский роман пошляка Rosny Jeune, затем ел обычные мясики. Да, забыл написать, что (для того, чтобы отделаться от Орлова) зашел в пивную, выпил пива, — да еще купил плитку шоколада, которую дома запил молочком. Сейчас четверть десятого. Скоро лягу.

Моя Кошенька, я еще не знаю, как ты приняла телеграмыш. Обещанную маленькую игру — крестословицу (как приятно писать слово, которое сам создал! Ему уже годика два) найдешь выше. Моя Кошенька, пришли мне еще снимочек! Кустику одному — скучно… И описанье виденных бабочек. Стихи мои «Комната» Фальковская взяла, чтобы переписать на машинке. Они пойдут, вероятно, в субботу, — я уже предупредил Гессена. Любовь моя, не скучай очень, прибавляй фунтики, по фунтику в день, чтобы к приезду было полпуда. Кошенька моя…

В.

61. 2 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

2–vii–26



Гориз. и вертик.
1 Композитор
2 Волосок
3 Волнуется
4 Круглый очерк
5 Сам 16 Пять часов утра

6 Подруга Сальери
7 Род судна
8 Большевики
9 Неприятная местность
10 Лесной возглас
11 Упрек
12 Художник, земляк первого
13 Человек с тремя руками
14 Половина пяти
15 Без чего не приехал бы
17 Цветок
18 Хорошая знакомая пяти
19 Птица
20 Божья иллюминация
21 Прощевайте

My love,

сейчас собачка лает на аэроплан: он где-то басом жужжит — стена мешает видеть, — а собачка стоит на балконе и тявкает в небо.

Утром великолепно купался с Ш.<урой> в Груневальде. Солнце огромное, жаркое. Прищуришься на него — и дрожит серебряный блеск, осколочек радуги. По дороге обратно купил конвертов, чернил (и, как всегда бывает в день покупки

чернил, поставил кляксу)[105], отослал письмо. Обедал (да, должен тебе открыть маленькую тайну: до сих пор I had my meals либо на письменном столе, либо — если работал — на ночном столике. И то и другое было чрезвычайно неудобно. Сегодня уехал кто-то из жильцов, и наконец я получил удобный стол для meals. Он стоит у печки) — какое-то мясо и земляника, — потом пошел на теннис. Я так много играл и так было жарко, что промок, как мысч, — и, вернувшись, I took a perfectly delicious cold bath. Затем полежал (звонил Каплан: проститься), продумывая новый рассказик. Это будет обширная рецензия о (опять капнул…) несуществующем «литературном альманахе». Мне кажется, что выйдет довольно забавно (заметила, как я ловко огибаю лужицу?)[106], но совершенно неизвестно, поместит ли «Руль». Ужинал — на новом столе, — ел яичницу и мясики. (Тут вот просвечивает словесная задачка; интересно, разгадаешь ли) Сейчас половина десятого. My love, нынче — тридцатый письмыш! Больше шестидесяти страниц! Почти роман! Если бы мы издали книжечку — сборник

---

[105] Сноски: 105
На странице несколько клякс.

[106] Сноски: 106
Строки огибают одно из чернильных пятен.

твоих и моих писем, — то в ней было бы не больше 20 % твоего труда, my love… Советую тебе наверстать, — еще есть время… Я сегодня невыразимо тебя люблю. My love, в газетах пишут, что 29-го было землетрясенье по всей южной Германии, — что во Фрейбурге «шатались дома». Ты что-нибудь чувствовала? Когда я был маленький, я всегда мечтал о громадном наводнении: чтобы на лодочке прокатиться по Морской, свернуть… Торчат из воды фонари, дальше — торчит рука: подплываю, — оказывается, это бронзовая длань Петра! My love, do you miss me frightfully? Когда ты приедешь, я тебя встречу на станции один — или совсем не встречу. В «альманахе» будут стихи некоей Людмилы N., подражающей Ахматовой. Приведу пример:

Только помню холодность вашу
и вечерней звезды алмаз.
Ах, сегодня я не подкрашу
этих злых, заплаканных глаз.

Занятно? А рассказы, а статьи… Но я не хочу наперед говорить. My love, I seal you with six kisses: eyes, mouth… and the others I shan't tell you.

В.

я клянююсь муре я тоже кутя

62. 3 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

3/vii–26

Ломота, игумен, тетка, Коля, Марон
версификатор, Лета, чугун, тропинка
ландыш, Ипокрена

Из *слогов* данных слов требуется составить *десять* других слов, значенья которых: 1) место свиданий науки и невежества, 2) двигатель, 3) город в России, 4) историческое лицо, 5) добрая женщина, 6) часть повозки, 7) благовест диафрагмы, 8) первый архитектор (см. Библию), 9) бездельник, 10) женское имя.

My grand ciel rose,

утром один поехал в Груневальд, с десяти до часу валялся голый на песочке, затем вернулся и обедал (печенка, яблочное пюре). Неожиданно явился почтальон и вручил мне пятнадцать марок от какого-то Lazarus (полагаю, что он твой ученик?). Это было спасенье, так как у меня ни копейки не было, а тут пришло белье (4. 50) и дама с папиросами (2. 50). А человечек, знаешь,

совершенно пропал! A t'il eu vent de quelque chose? Должен тебе сказать, что начал я сегодня писать этот письмышь около половины третьего; остановился; пошел играть в теннис (опять прекрасная жара). Однако около шести хлестнул ливень, я побежал домой et je me régalai d'un bain froid. Полежал в одном халатике — и вдруг заметил, что промокашка, которую ты, мое розовое небо, так бережно несла в тот далекий день, когда мы ее купили, все еще лежит свернутая на шкапу. Я поспешил ее разложить на столе, плотно прикрепил по углам кнопками (punaises). Оделся (все новенькое — галстучек, штанишки, твоя рубашка), и вот сейчас принесли мне ужин. Стоп.

Поужинал: мясики и макароши. Пока я ел, пришел твой дорогой, дорогой письмыщ. 1) Маленький мой, умоляю тебя потерпеть еще недельки две… Я чувствую, что ты поправляешься. А причина температурки — ты ведь знаешь какая… 2) Burns мне очень нравится, но имей в виду, что строчка «My dearest member nearly dozen» — чрезвычайно непристойная. 3) Не знаю еще точно, когда стану Позднышевым. Во всяком случае не раньше твоего возвращенья. 4) Шифрованное четверостишие есть «Я знаю холодно и мудро» и т. д. Очень стыдно, что не угадала. Я

бы сразу разобрал. Мне жалко, что мои маленькие игры тебе не по вкусу… Еще сегодня пошлю, а завтра уже нет… 5) Исправил письмо к Ханне — и воздерживаюсь от замечаний…

О мое милое, родное, бесконечно любимое… Какой милый письмыш… Как я люблю тебя… Сейчас восемь часов. Нужно собираться к Татариновым. Дождь перестал. Я люблю тебя. Стоп.

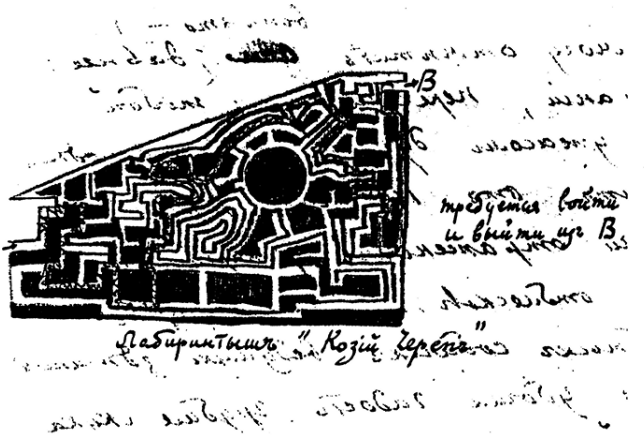
Вернулся. Около двух. Действо происходило у Кадишей, читала Данечка о «танце». (Волховысский сегодня не мог.) Татаринов мне дал № «Русского слова» (Харбин), в котором полностью перепечатана статья Айхенвальда о «Машеньке». Любовь моя, это приятно? Сложил в картонку. Я массу съел абрикосов и очень-очень-очень люблю тебя. Я тебе запрещаю рассуждать о том — скучаю ли без тебя или нет!

Верх невежества: думать, что «curriculum» — это маленькое имя графа Витте. А на вечере один из присутствующих утверждал, что танцем можно все выразить, — что можно танцевать «бесконечность». Я возразил, что нельзя танцевать без конечностей. Душа моя, ложусь спать. Поздновато. Этот письмыш я писал в три приема. Люблю тебя, мой Котищ, моя жизнь, мой полет, мой поток, собаченька…

В.

63. 4 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

4–vii–26



Требуется войти в А и выйти из В. Лабиринтыш «Козий Череп»

Душенька моя,

с утра шумел дождь, — я только вышел, чтобы опустить письмо, а потом весь день провел дома. К обеду было: телячье жиго и компот из абрикосов. Явился папиросный человечек — с огромным

мокрым зонтиком и чрезвычайно небритый. Я взял у него сотню. После обеда читал, пробовал писать, но был не в ударе. Затем задремал под шум дождя, и когда проснулся — пролетало над крышей и в лужах чистое голубое небо. Опять читал — и вскоре принесли ужин. Яишница и мясики. Сейчас половина девятого. Видишь, моя душенька, какой у меня был интересный денек. Пожалуй, на полчасика выйду пройтись до спанья… Моя душенька…

Моя душенька, я теперь особенно живо чувствую, что с того самого дня, когда ты в маске пришла ко мне, — я удивительно счастлив, наступил золотой век для души (ах, по бумаге прыгает моль: не беспокойся, это не pellonela или carpetiella), и, право, я не знаю, что мне еще нужно, кроме тебя… Моя душенька, из побочных маленьких желаний могу отметить вот это — давнее: уехать из Берлина, из Германии, переселиться с тобой в южную Европу. Я с ужасом думаю об еще одной зиме здесь. Меня тошнит от немецкой речи, — нельзя ведь жить одними отраженьями фонарей на асфальте, — кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, есть еще вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус

гнилой колбасы и самодовольное уродство. Ты это все понимаешь не хуже меня. Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране. Моя душенька…

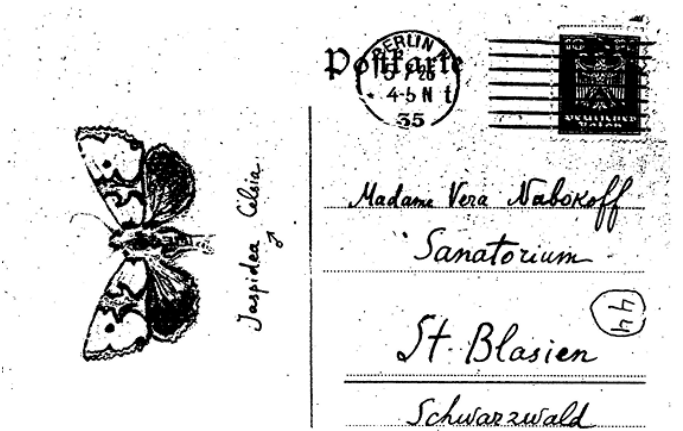
Моя душенька, все-таки посылаю тебе и сегодня загадку — очень милый лабиринтыш. Послал бы тебе шахматную задачку, если у тебя были бы шахматы. Ведь по диаграмме не решишь?

Завтра заседанье правленья союза журналистов (в Литер.<атурно> худ.<ожественном> кружке), на котором выяснится, когда будет «Суд», и окончательно распределятся роли. («Прокурор» — Айхенвальд). Все это довольно глупая история, — но цель — пополненье фонда — благая.

Забыл тебе вчера написать: латинское названье капустницы — Pieris brassicae L. (Pieris — пьерида, brassicae от brassica = капуста, «L» сокращен<но> «Линней», который в своей «Системе природы» впервые классифицировал бабочек и дал латинские названия наиболее распространенным). Моя любовь, я так рад, что вы нахватываете фунтики. Я люблю вас чрезвычайно. Целую отдельно каждый фунтик, счастье мое головокружительное…

В.

64. 5 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен



Аэроплан

Как поет он, как нежданно
вспыхнул искрою стеклянной,
вспыхнул – и поет
там, над крышами, в глубоком
небе, где блестящим боком

облако встает!

В этот мирный день воскресный
чуден гул его небесный,
бархат громовой…
И под липой, у решетки
банка запертого, кроткий
слушает слепой.

Губы слушают и плечи:
тихий сумрак человечий,
обращенный в слух.
Неземные реют звуки…
Рядом пес его со скуки
щелкает на мух.

И прохожий, деньги вынув,
замер, – голову закинув,
смотрит, как скользят
крылья сизые, сквозные
по лазури, где большие
облака блестят.

В. Сирин

5–VII–26
Полдень

65. 5 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

5–vii–26

Что-то вроде эпиграммы на Айхенвальда.

Он свысока не судит ничего, –
любитель слов, любовник слова.
Стих Пушкина есть в имени его:
«Широкошумная дуброва»…

Фунтики мои,

получили ваш исключительно дорогой письмыш и отвечаем по пунктам. 1) Деньжата у нас, к сожаленью, не водятся. В наших кармашах сейчас семьдесят три фенига. Поговорим с Анютой, ибо все равно завтра нам нужно платить за закут. 2) О «Руле»: в письмыше от 27 июня вы к нам пишете: «Заплатил ли ты за июль? На *август* не выписывай, т. к. мы уже выписали отсюда». Естественно, что мы сразу распорядились насчет *июля.* Письмыши ваши мы, кстати, знаем наизусть. 3) Анюте мы только должны старые 29 мар.<ок> Завтра займем до пятнадцатого 50. 4) В Тегель мы должны двадцать марочек. 5) Грегер

ни гугу. 6) Любим вас. 7) В дырявых.

Ночью я сочинил новый стишок, мои фунтики, и утром тебе его послал. А встал поздно: мало спал. Обедал: битки и шоколадный студень. На полчаса опоздал к Заку (у которого должен был быть в 3 часа) по следующей причине: во дворе грянула сиплая русская песня. Я выглянул. Маленький коренастый человек стоял в соседнем дворе — отделенном от моего забором — и орал во весь голос «Калину». Потом сдернул картуз и обратился к пустым окнам: «Ну что же, православные». Я положил полтинник в спичечный коробок и швырнул. Попал в забор, — коробок остался лежать желтым квадратиком на моей стороне забора. Человек крикнул, что обежит кругом. Я ждал, ждал — он не появился (потом, когда я вернулся, то желтый квадратик исчез. Надеюсь, это он его нашел). С Ш.<урой> мы пошли играть в теннис. Около пяти небо почернело (я никогда не видал такой сплошной черной дали. Все на этом фоне — дома, деревья казались электрически-бледными) и ухнул такой ливень, что через несколько минут площадки превратились в бассейны — где плавали листья, окурки и даже половина бутерброда. Мы долго ждали в павильоне, потом перебежали в каба-

чок (все это происходило близ Кайзердамма), там выпили пива. Вернулся я домой мокроватенький — с «Observer'ом» и «Звеном» (который тебе послал. Там запятая испортила первую строку моего стишка). Ужинал (мясики, яишница, холодный биток) и поплыл (переодевшись) в Лит.<ературно> худ.<ожественный> круж.<ок>, где обсуждался вопрос о «Суде». Оказывается, что нет «защитника». Но еще надеются найти. Пунктики мои, в «Современных Записках» (мне это показал Арбатов) великолепная большая рецензия о «Машеньке» (Осоргина) — одна из самых приятных рецензий. (Книжку достану в «Слове».) А в варшавской газете «За свободу» необычайно похвальный отзыв о моем выступленье на Вечере культуры (тоже постараюсь достать). Дома я был <в> половину двенадцатого и вот тебе пишу, мой килограммыш. Скоро вы можете собираться в путь-дорогу. Мы из принципа не пишем вам, скучаем ли без вас… Фунтики мои, жизнь моя… Какая хорошая пчелка над головой араба!..

В.

66. 6 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

6–vii–26

Милая моя жизнь,

утром (было перламутрово-пасмурно) поехал к Заку, читал с ним рассказ Wells'а (о том, как у одного человека вследствие электрического удара случилась престранная вещь с глазами: он видел остров на антиподах — морской берег, скалы, загаженные пингвинами, — но там жили одни его глаза, — он вскоре понял, что сам находится, где и был раньше, — в Лондоне, слышал слова друзей, мог ощупать предметы — но видел только этот берег, и пингвинов, и тюленей, которые, переваливаясь, ползли *сквозь* него, — и когда он сам с помощью друзей взбирался по лестнице — в Лондоне, — ему казалось, что восходит по воздуху, висит над песчаным берегом, над скалами). Почитав, долго ели кружовник (похожий на маленькие футбольные мячи) в саду и затем погуляли. Я вернулся домой, обедал (что-то вроде «беф Строганов» и очень вкусная сладкая поджаренная яичница) и, увидя, что солнце вышло,

отправился (с «Крейцеровой сонатой») в Груневальд. Там было удивительно хорошо, хоть и людно, — и вода после недавних бурь сористая. Прошел торговец, неся на отвесе словно нити разноцветных бус и выкрикивая: «Метр — один грош». Оказалось, что это — бумажные ленты леденцов! Пробыв на солнце около трех часов, я не спеша, пешочком, — отправился домой. В одном месте, на Hohen zollern dam, строился дом, сквозь него, в кирпичные проймы, видна была листва, солнце омывало чистые, пахнущие сосной балки — и не знаю почему, но какая-то была старинность, божественная и мирная старинность развалин, — в кирпичных переходах этого дома, в неожиданной луже солнца в углу: дом, в который жизнь еще не вселилась, был похож на дом, из которого она давно ушла. А дальше в глубине одной из боковых улиц мне явился — восточный вид: настоящая мечеть, фабричная труба, похожая на минарет, купол (крематории), деревья на фоне белой стены, похожие на кипарисы, — и две козы, лежащих на желтой траве, среди маков. Это было мгновенное очарованье — его рассеял грузовик, — и восстановить его я уже не мог. Прошел я дальше через Фербеллинерплац, где некогда на скамеечке сиживали

большой, красивый — и маленький, гаденький, и через Гогенцоллернплац, где разошелся я случайно с такой милой, милой маской, — в еще более давние времена. Насчет давних времен: в берлинской «Иллюстрированной газете» воспроизведен рисунок из журнала мод 1880 года: платье для лаун-тенниса. Изображена, как-то боком к сетке (похожей на рыбачью сеть), дама с малюсенькой ракеткой, поднятой этаким жеманным движеньем, — а за сеткой стоит с такой же жеманной ракеткой господин в высоком воротнике и полосатой рубашке. Дама же одета так: очень темное платье, большущий турнюр, полоса кушака по нижней части стянутого живота, тугой бюст — и посередине, с подбородка до пупа, ряд бесчисленных пуговок. Ножка на высоком каблучке скромно мелькнула из-под нарядного подола, и, как я уже говорил, ракетка поднята — над большой волнистой шляпой. В таком платье, вероятно, играла в теннис Анна Каренина (см. роман того же названья). Эту картинку мы вчера видели с Шурой, когда в кабаке пережидали дождь, — и очень смеялись.

Дальше пошел я по Регенсбург и зашел к Анютам. Однако там никаких анют не оказалось, и я сел поджидать их в небезызвестном кафе

на углу, где последние мои монетки ушли на стакан пива. Вскоре (с пакетами) проплыла Анюта, и я за ней проследовал. Посидел у нее, съел тарелочку малины и условился, что завтра зайду в контору за деньгами. (Нынче занял у нее одну марку.) Вернулся я к восьми домой, ужинал (мясики и салат томатовый). Звонила Татаринова, сообщила, что завтра утром в Тегеле — похороны матери Усольцевой (у них произошла настоящая трагедия: Усольцев делал впрыскиванья жене и теще. У обеих последовало зараженье крови. Н. Я. выжила, мать ее, шесть недель промучившись, третьего дня умерла). Сейчас половина десятого. Небо чистое. Теплынь. И я пишу к тебе, жизнь моя милая. Милая моя жизнь, отчего это ты мне ничего не пишешь о твоем новом знакомом «из Москвы»? А? Мне очень любопытно… Он молодой, красивый? А?

Культяпушка, милое мое, дней через десять, я думаю, что вернешься. (Но все-таки постарайся дотянуть до двадцатого… Мне очень трудно это говорить тебе, но право же — чем дольше ты там пробудешь, тем лучше тебе будет, жизнь моя.)

Хорошая бабочка? Я ровно два часа над нею бился — зато ладно вышло. Жизнь моя, если б ты знала, как кошки кричат на дворе! Одна кричит истошным басом — другая мучительно завывает. Будь у меня сейчас револьвер под рукой, я бы стал в них палить, честное слово! Меня эта бабочка здорово утомила. Жизнь моя, люблю вас. Читал нынче «Крейцерову сонату»: пошловатая брошюрка, — а когда-то она мне казалась очень «сильной». Немало еще интересного найдешь в боковых отделеньицах, жизнь моя милая.

В.

сцы, отлего что ты ничего не пишешь о твоем новом знакомом "из Москвы"? А? Мне очень любопытно... Он молодой, красивый? А?

Кукушечка, милый мой, злой герой Десятой, я думаю, что вернешься. (Но все-таки постарайся дотянуть до двадцатого... Мне очень трудно тебя говорить тебе, но чем-чем дольше ты мне пробудешь, тем лучше тебе будет, жизнь моя)

Хорошая бабочка? Я ровно два часа над ней билася — зато гладко вышло. Жизнь моя, если бы ты знала, как кошки кричат на дворе! Одна кричит истошным басом, другая мурчательно завывает. Буду у меня сегодня революция под окном, я выстрелю в них, и они разбегутся... Ах, если бы стать в них метким честное слово! Меня эта бабочка здорово успокоила. Жизнь моя, любишь Васю. Читала книгу Крейцерову Сонату? Я позавчера ее дочитала — а вчера она мне казалась очень сильной. Не мало еще интересного найдешь в боковых отделениях, жизнь моя милая. В.

Crestos lovitza Sirin

Гор. 1. Часть розы. 2. Восклицанье. 3. Дедушка. 4. Если не — то глуп. 5. Видно в мешке. 6. Древний автор. 7. Сговор.

Верт. 1. В столицах… 8. Злой человек. 9. Хорош, только когда открывается. 10. Дерево. 11. Говорится о винограде. 12. Философ-экономист. 13. Река.

Гор. 1. Сверхъестественный жулик. 2. Женское имя. 3. Рыба. 4. Коричневое. 5. Невежа. 6. Игра. 7. Человек, выбор, опыт.

Верт. 8. Река. 4. Художник. 3. Плати… 9. Рыба. 1. Камень. 10. Прощай. 11…Все вторит весело громам!

Песенка
Кош хороший, Коши, Коши,
Коши, Коши, мой роскоши…

Песенка
Лезет люд на башню ратуши,
удивляются людú:
Ах вы милые, мохнатыши,
ах, лохматыши мои!..

67. 7 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

7/vi<i>–26

По средам у Милейшего (редактора) отпуск, так что нынче маленькой задачки нету.

Милый мой,

сегодня был у меня очень приятный день. Утром, около десяти, покатил в Груневальд. Сперва было пасмурно, потом хлестнул великолепный, насквозь золотой ливень (пронзенный солнцем), и после этого солнце жарило вовсю и я купался, делал гимнастику, бегал, лежал на угреве — до 4-х часов! На обратном пути зашел в контору и там нашел (он утром вернулся из Амстердама и послезавтра едет в Бордо — и обратно через Париж в Амстердам) твоего отца, который очень важно, в роговых очках, сидел в своем деловом кабинете. Анюта дала мне (до 13-го) шестьдесят марок и обещала тебе кое-что послать. Страшно голодный, я вернулся домой: там было ужасное волнение — пропал, мол, хотели звонить в полицию. Обед, однако, мне дали: холодный вишневый суп (очень вкусный), мясцо,

завернутое в капустные пеленки, и нечто, похожее на засахаренный ананас — оказавшийся реповым компотом. А на столе улыбался беленькой улыбкой дорогой письмыщ. Милый мой, не «рай мне», а просто «опьяни» — и соответственно с этим не «сухари», а «сухарь». Ты хочешь знать, почему «араб» есть «забота» Longfellow? А вспомни-ка стих его: «…and the *cares* that infest the day shall fold their tents like the *arabs* and as silently steal away». То-то же. С мехами и «Рулем» — все устрою. Шрифтиш разобрал без помощи ключа (клянусь, — ка, эль, я, эн, у, эс, мягкий знак). Same here, my sweet love…

Пообедав, прилег и ровно час продрыхал. Проснувшись в шесть часов, пошел на теннис. На углу увидел две плотных спины: Анюту и Веревкина, покупавших у лотка кружовник. Играл я до восьми часов. Принял великолепный душ, прилично оделся и к десяти (поужинав: сосиски с картофельным салатом да мясики) отправился к Татариновым, где заседали те восемь человек, которые будут участвовать в «суде», а именно: Айхенвальд (прокурор), Гогель (эксперт), Волковысский (второй прокурор), Татаринов (представитель прессы), Фальковский (защитник), Кадиш (председатель), Арбатов (секретарь) —

и маленький я (Позднышев). Было не без юмора отмечено, что в этой компании евреи и православные представлены одинаковым числом лиц. «Суд» произойдет не раньше середины будущей недели.

Сейчас половина первого, мой милый, и я тебя чрезвычайно люблю. Страшно меня радует мысль, что, верно, погодка у вас хорошая. Милый мой, радость, любовь, сердце мое, сладкое мое сердце, набавь еще фунтиков… У меня локоток совсем прошел от солнца — но это, конечно, временно. Целую тебя, мой милый, все возможные и невозможные штучки целую — и потом, очень осторожно — Жизнь моя!

В.

68. 8 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

8–vii–26

Вот тебе новая задачка. Сперва пример, вот:

1	К	аи	р
2	у	ни	я
3	д	е	д
4	а	дь	е
5 ↓	г	аши	ш ↓

Первым двустишием объясняю *целое* — составленное из первых и последних букв заданных слов (напр.<имер>, как здесь «Куда грядеш»). Затем объясняю двустишием первое слово («Каир»), затем второе и так все слова. Так вот тебе такая загадка.

Целое

1

2

3

4

5

6

Поляна, домик в розах… Благодать!
Вот тут бы, друг, и жить и поживать…

Плод чрезвычайно вкусный – но не дыня;
в средине же – парижская богиня!

Великий царь! Здесь кроется донос!
О царь, вглядись: здесь ухо есть и нос.

Я в них ходить не очень-то люблю.
Предпочитаю хижину мою.

Копейка – вход! Смотрите, шестипалый,
весь в волосах, – но в общем добрый малый.

Тронь: острое! Я вижу, трепеща, –
Толедо, ночь и блеск из-под плаща.

Не раз царица оживляла ужин
уничтоженьем дюжины жемчужин.

Разгадай-ка!

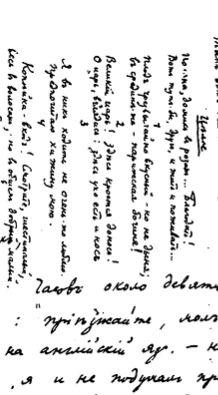
Петушок,

часов около девяти утра звонит из «Руля» Людвига: «Приезжайте, мол, нужно сделать для Гессена перевод на английский яз.<ык> — несколько строк. Срочно, мол». Конечно, я и не подумал приехать, так как в половине одиннадцатого должен был встретиться с Ш.<урой> на Шарлоттенбурге. И встретились мы с ним, и поехали, мой петушок, в Груневальд, и там до часу баловались на солнышке. И то сказать: погода была удивительная, небо — обезумевшая от зноя синева, и песок горячий, как манная каша. Еще на один тон потемнев, вернулся я домой, обедал: телячья котлета и пуддинг с сиропом. Затем около полтора часа поспал и отправился играть в теннис. На обратном пути переменил книжку, пришел восвояси, насладился душем. Получил письмо от С.<лавы> Б.<орисовны>, очень милое. Благодарю и приветствую. Что сказал в среду доктор? Затем ужинал — рано, в семь, — и ел я, мой петушок, яичницу и небезызвестные вам мясики. Поужинав, потек к регенбуржцам, там еще раз поужинал: салат со сметаной, яйцо, чай с малиновым вареньем. Твой отец уезжает завтра. Анюта, покупая сегодня с Софой материю, хотела объяснить Софе, почему материя нехоро-

ша, и заговорила почему-то на жаргоне, — чтобы приказчик не понял. Люся потел и неосторожно откашливался — прямо мне в чай. Софа показывала, как у нее загорели руки. Тем временем грянул роскошный дождь, и я вернулся — в половине десятого под одолженным зонтиком и с новенькой, т. е. чистенькой, кэмбриджской фуфайкой под мышкой (я сейчас в серебьких и в новом моем креп-жоржетовом галстухе). В общем, был очень анютный ужин, — и я теперь здорово сыт (впрочем, я всегда сыт, мой петушок, не беспокойся). Горничная здешняя очень мила, но чрезвычайно фамильярна («я расскажу мадам, что вы каждый вечер уходили» и т. д.) и любопытна. Дождь сейчас шпарит вовсю. Вот с такой же силой, как он льет, с такой же влажной и звучной силой, — я люблю тебя, мой петушок… Забыл сказать, что для тебя есть письмо от «Lazarus», но, кажется, нет нужды его тебе препровождать. Получил я сегодня от мамы письмо: Ольга была больна, ее рвало, но теперь все хорошо. Друг Сергея болен тифом. Милый и разноцветный мой петушок, не спеши с приездом слишком, еще пополней, петушок… Я полагаю, что никогда в нашей жизни таких разлук не будет больше, — но вот эту нужно вытерпеть до конца. Хороший

мой, тепленький, не могу тебе сказать, как пронзительно-беспрестанно думаю о тебе.

8-VII·26



Голова около девяти утра звонит муж "Руля"
Любовь: "пришлите, пожа, нужно сделать для Госсена перевод на английский яз. – несколько строк. Срочно, пожа."
Конечно, я и не подумал пришлать так как в половине двенадцатого должен был встретиться с М. на Шарлоттенбургн. И встретились мы с ним, и поехали, как полагается, в Груневальд и там до часу баловались на свежем воздухе. И то сказать: погода была удивительная, небо – обрушившаяся от жары синева и песок, горящий как джанкайская каша. Еще на один тон потемнел, вернулся я домой, обтерся, выпил стакан молока и съел котлету и пудинчик от сарафана. Затем около полутора часа поспал и отправился играть в теннис. На обратном пути перехватил книжку, пришел в свояси, насладился душем. Получил письмо от С.Ф., очень милое. Благодарю и приветствую. Что сказал в среду вечером? Затем ужинал – рано, в семь – и пил чай, мой потрудясь, с лимоном и небудничными вами мясцом. Поупражнял, потем к регенерирующей, там еще раз поужинал: салата. Со мятной, кажо, и с лимонным вареньем.

Разговаривал!

Покойной ночи, мой петушок…

В.

69. 9 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

9–vii–26

Романс, сатин, буфет, рама, лопух
мошенник, засов, тина, тишина
одинокий, тура.

Требуется: из этих одиннадцати слов (т. е. из их слогов) составь *девять* других: 5 — русских поэтов, 2 — формы поэтических произведений, цветок, птица.

Козлок,
утром было пасмурно, поехал к Заку (кстати: он теперь будет лишний раз «заниматься» — в субботу. Деньги брать?), ели крыжовник, читали, затем я покатил в «Руль». Отменил второй экземпляр. «Комната» появится завтра. Все меня поздравляли с рецензией в Совр.<еменных> Зап.<исках> Вернулся домой, на верхушке автобуса. Обедал: печенка и компот из слив. Подремал часок, небо тем временем прояснилось. Выглянул из окна и видел: рыжий маляр поймал в тачку мышку и ударом щетки убил ее, потом бросил в лужу.

В луже отражалось темно-голубое небо, быстрые черные ижицы (отраженья высоко летавших ласточек) и колени ребенка, который, присев на корточки, внимательно разглядывал серый кругленький трупик. На маляра я заорал, — он не понял, в чем дело, обиделся, стал яростно ругаться. Я переоделся и пошел на теннис. Хорошо играл: все хвалили. К сожаленью, левый башмак разинул рот: придется завтра отдать починить. Такие-то дела, мой козлик.

Вернулся, вымылся, надел черную пижамку, поужинал: яишница с мясом и картофелем, обычная ветчинка да колбаска. Затем сочинил для тебя новые «волшебные слова» и вот теперь пишу к тебе, мой козлик. Двадцать минут десятого. Обожаемое мое, опять письмыши прекратились… Думал, нынче будет, — ан нет. Я тебя люблю. Я потерял счет моим письмам.

Козлик мой, скоро должен появиться у вас аполлон, Parnassius apollo L., — большая белая бабочка в черных и красных крапинках. Летает на горных полянах, полет вялый; рано утром может быть найдена спящей на клевере. Если увидишь, напиши.

Мой козлик, получила ли ты мою карточку с новым стихом и рисунком? Я тебя люблю. Я сегодня не брился, — лицо так и хрустит под ладонью. Люблю тебя. Вчера (когда шел на теннис) купил бритву, спичек и марок — в новом почтамте на Гайзбергерштр.<ассе> (Винтерфельдовский закрылся.) Все забываю зайти в часовой магазин, — а также — позвонить к Б. Г. Я люблю тебя. Пора опять стричь ногти. Я очень люблю тебя. Козлик мой, ты слышишь, я люблю тебя… Нужно купить новый блок. Люблю тебя. Покойной ночи, мой козлик.

В.

70. 10 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

10–vii–26

За июнь месяц

Получено	Потрачено
288 Зак	55 × 5 = 305 квартира
98 Капл.<ан>	25 + 25 = 50 маме
27 Жизнь моя	25 Тегель
8 «Руль»	25 папиросы
	10 белье
	20 мелочи
421	435
	30 теннис
	465
	10 libraire
	475

Кое-что мне еще следует из «Руля» (мало).
Во вторник — 13-го — получаю 150. Из них 50

Анюте, 55 вперед за комнату (до 20-го) и 25 маме. (За теннис больше *ничего* вносить не нужно.)

Любимыш,

утром Ш.<ура> отзвонил урок, так что я не спеша мылся, брился, одевался и сел писать. Шел сильный дождь. В лужу на дворе пролилось масло: сперва образовался огромный стального цвета овал, и в середке его медленно расцвело чудеснейшее пятно, которое медленно стало менять цвета. Представь себе материк на карте — где, скажем, горы дивно фиолетового цвета, переходящего в нежно-сиреневый по краям, — где малахитовым оттенком отмечены лесистые места, и розовым равнины, и оранжеватым плоскогорья. Затем, мой любимыш, эти краски медленно стали блекнуть, все пятно принимало песочные и коричневатые оттенки, словно высохла растительность и материк превратился в пустыню. Но еще долго медлили там и сям зелено-розовые узлы, так что лужа была похожа на огромный тускловатый опал.

Сперва я писал «рецензию» (кажется, занятно выйдет), затем принялся за «речь Позднышева» (еще не знаю, как выйдет). Принесли белье — 4 марки (мне, кстати, приходится почти каждый день менять рубашку — страшно потею). По-

том был обед: толстокожая колбаса и яблочное пюре. Явилась дама с папиросами. Моя тетка Витгенштейн крестила ее мужа. Опять сел писать. Получил письмо от Веры Набоковой (она кротко удивляется финансовому гению мужа). Погодка меж тем прочистилась, акация надела свой теневой пенюар. Да. Получил еще телеграмму от С.<ергея> Каплана из Биаррица такого содержанья: 90 Pension Lefevre cheaper possible too. Девяносто франков — это, кажется, около девяти марок. Продолжал писать, затем пошел в библиотеку переменить книжку. Ах, должен тебе выписать упоительное место из «Le Martyre de l'Obèse» — любовное приключенье одного толстяка (очень талантливая книга Henri Béraud). Глядя на его полноту:

«…mon tailleur ébahi en avalait ses épingles. Sans compter que mon cas épuisait ses euphémismes.

— Monsieur est un peu fort, disait-il tout d'abord.

Puis il changea:

— Monsieur est fort… Monsieur est très fort… Monsieur est puissant…

Puissant, il s'en tint là. Après cela, il prit mes mesures en silence, comprenant, soudain, que d'un adjectif à l'autre, il en viendrait bientôt à me dire: "Monsieur est formidable… Monsieur est

phénoménal… Monsieur est répugnant…”»

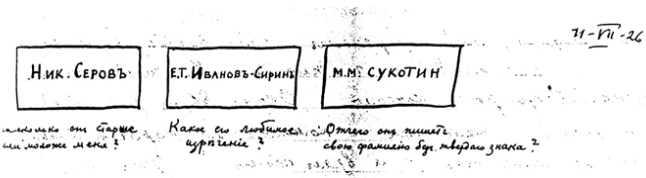
Правда смешно? Прочтешь, когда вернешься.

Ужинал: мясики. Собираюсь сейчас к Татар.<иновым>, где Айхенвальд читает «о пошлости». Дам ты всех видела. Ах, знаешь, что сейчас случилось? Я нашел Милейшего (редактора нашего отдела «задачек»), маленького, в помятом сюртучке, рыдающего в мусорной корзине. Спрашиваю: «В чем дело, Милейший?» Всхлипывает. Не понимаю, кто это мог его так обидеть… Может быть, ты знаешь?.. Посылаю сейчас письмо, чтобы ты раньше получила. Очень, очень целую и обымаю тебя, мой любимыш.

В.

71. 11 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

11–vii–26



Тигришенька,

с почтовой бумагой неладно — приходится сегодня писать на полосатой, — и размаху нет.

Утром лил дождь. Да: ведь я еще про вчерашний вечер не писал. Так вот. Айхенвальд сладостно, но не убедительно глаголил — о метафизической пошлости (доказывая, что раз человек «черта начальна божества» и высшее достижение материи, то он тем самым как бы сидит меж двух стульев — это уж мой образ, — между стулом материи и стулом духа, т. е. является золотой серединой, т. е. посредственностью, т. е. пошлостью. Человек обречен на пошлость. Были еще сравненья с «водометом» Тютчева и с «богочер-

вем» Державина). Я сочинил с Раисой «анкетные» вопросы, которые посылаю тебе с просьбой заполнить. Между прочим, чтобы не забыть: последние три строчки второй строфы «Аэроплаши» я переменил. Нужно читать: «И у парковой решетки, на обычном месте, кроткий слушает слепой». А то «банк» ни при чем. Итак, утром, мой тигреныш, лил дождь и я решил весь день сидеть дома и писать. К шести часам Позднышевскую речь кончил. Около двух (а обед был такой: телятина и компот из Королев Клавдий) заходил человечек, — я взял сотню. Уже на моей акации листочки желтеют и осыпаются, золотыми язычками покрывают землю. А после дождя их собрала огромная лужа, иные скучились у решетки водостока, образуя коричневато-желтое пятно, похожее на чуть поджаренный край яичницы. Читал немножко, затем ужинал: глазунья и мясики. Сейчас без десяти девять. Только что потухли на матово-голубом небе чудесные розовые перья параллельных облаков — эфирные ребра неба. Речь Позднышева — сплошная отсебятина. Пошлю тебе, как только прочту (милое мое, это будет во вторник — и я не могу тебе сказать — и не должен тебе сказать, — как мне хотелось бы, чтобы ты на этом «Суде» была…

Милое мое, только когда ты приедешь, я тебе расскажу, как я бесконечно тосковал без тебя, — но сейчас ты не должна это знать — «мне очень весело без тебя» — и должна еще немного поправиться. Мое милое, рыженький мой портфельчик толстеет вместе с тобой — ты на фунтик, он — на письмыш. А розы с моего стола исчезли: больше месяца стояли. Я почему-то сейчас думал о том, что жизнь такой же круг, как и радуга, — но мы видим только часть — разноцветную дугу. Мое милое…)

На сколько он старше
или моложе меня?
Какое его любимое изречение?
Отчего он пишет
свою фамилию
без твердого знака?

В.

Анкета для нескромных и любопытных[107]

(ни для кого не обязательна)

1. Имя, отчество, фамилия
2. Псевдоним или желательный псев-

---

[107] Сноски: 107
Машинопись на отдельных листах.

доним

3. Возраст и желательный возраст

4. Отношение к браку

5. Отношение к детям

6. Профессия и желательная профессия

7. В каком веке хотели бы жить?

8. В каком городе хотели бы жить?

9. С какого возраста себя помните и Ваше первое воспоминание

10. Какая из существующих религий больше всего приближается к Вашему миросозерцанию

11. Какую литературу больше всего любите. Какой род литературного произведения

12. Ваши любимые книги

13. Ваше любимое искусство

14. Любимое произведение искусства

15. Ваше отношение к технике

16. Признаете ли философию? Как науку, как времяпрепровождение

17. Верите ли в прогресс

18. Любимое изречение

19. Любимый язык

20. На каких основах стоит мир?

21. Какое чудо Вы бы совершили, ес-

ли бы имели к этому возможность

22. Что бы сделали, если бы внезапно получили очень много денег

23. Ваше отношение к современной женщине

24. Ваше отношение к современному мужчине

25. Добродетель и порок, который Вы предпочитаете в женщине и какие порицаете?

26. Добродетель и порок, который Вы предпочитаете в мужчине и какие порицаете?

27. Что доставляет Вам самое острое наслаждение?

28. Что доставляет Вам самое острое страдание?

29. Ревнивы ли Вы?

30. Ваше отношение ко лжи

31. Верите ли в любовь?

32. Ваше отношение к наркотикам

33. Наиболее памятный сон

34. Верите ли в судьбу и предопределение?

35. Ваше следующее перевоплощение?

36. Боитесь ли Вы смерти?

37. Хотели ли бы Вы, чтоб человек стал бессмертен?
38. Ваше отношение к самоубийству
39. Антисемит ли Вы? Да. Нет. Почему?
40. «Любите ли Вы сыр?»
41. Любимый способ передвижения
42. Отношение к одиночеству
43. Ваше отношение к нашему кружку
44. Придумайте название для него
45. Желательное меню

72. 12 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

12–vii–26

Моя бесконечная любовь,

нынче мне не хочется рассказывать тебе о том, как ездил в Груневальд, как обедал, как играл в теннис, как читал мою «речь» на заседанье правленья (опять похвалы, похвалы… мне начинает это претить: ведь дошли до того, что говорили, что я «тоньше» Толстого. Ужасная вообще чепуха), — обо всем этом мне нынче не хочется тебе рассказывать, а хочется только говорить о том, как я люблю, как я жду тебя. Даже задачки сегодня не будет: Милейший отпросился в Зоологический сад, по делу (туда привезли тетку маленького Шоу; он еще не знает. Ужасно сложная и грустная история. Как-нибудь расскажу тебе подробнее). Мне хотелось бы, чтобы ничего, ничего не было бы в этом письме, кроме моей любви к тебе, счастье и жизнь моя. Когда я думаю о том, что я тебя скоро увижу, обниму — у меня делается такое волненье, такое чудное волненье, что перестаю на несколько мгновений

жить. За все это время я всего только раз видел тебя во сне, — да и то очень мимолетно. Я не мог, когда проснулся, вспомнить весь сон, но я чувствовал, что в нем было что-то очень хорошее; как иногда чувствуешь, не открывая глаз, что на дворе солнце, — и потом неожиданно, уже к вечеру, снова задумавшись над этим сном, я вдруг понял, что то хорошее, восхитительное, что скрывалось в нем, была ты, твое лицо, одно твое движенье, — мелькнувшее через сон и сделавшее из него нечто солнечное, драгоценное, бессмертное. Я хочу тебе сказать, что каждая минута моего дня как монета, на исподе которой — ты, и что если б я не помнил тебя каждую минуту, то самые черты мои изменились бы — другой нос, другие волосы, другой — я, так что меня просто никто бы не узнавал. Моя жизнь, мое счастие, мой милый чудесный зверь, умоляю тебя обо одном. Сделай так, чтобы я один тебя встретил на вокзале, — и больше того — чтобы в этот день никто бы не знал, что ты приехала, — а объявилась бы ты только на следующий. Иначе все будет для меня испорчено. И я хочу, чтобы ты приехала очень полной, и совсем здоровой, и совсем не встревоженной всякими глупейшими, практическими мыслями. Все будет хорошо. Жизнь моя, сейчас

поздно, я немножко устал, небо раздражено звездами. И я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю, — и вот как может быть создан целый, громадный, сплошь сияющий мир — из пяти гласных и пяти согласных. Покойной ночи, моя радость, моя бесконечная любовь. Я сейчас думаю о том, как ты вздрагиваешь, когда засыпаешь, — и еще о многом другом — о том единственном, что словами не выразишь.

В.

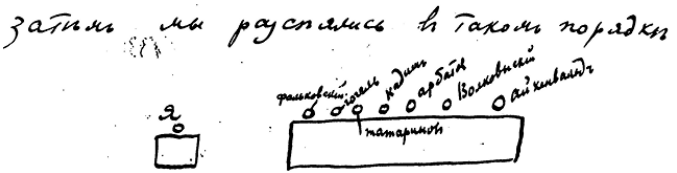
73. 13 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

13–vii–26

Мышенька,

утром груневальдовал с Ш.<урой>, потом на обратном пути пришлось сделать кое-какие покупки — почтовые марки, теннисные туфли, «Современные Записки» (которые завтра утром пошлю тебе — или, может быть, не стоит? Ведь ты скоро приедешь, моя мышенька, любовь моя милая…). Зашел в контору, отдал Анюте долг (остался ей должен 27 марок (старых самых), — но еще десять отдам в субботу (получу из «Руля»)). Обедал: великолепный черничный суп холодный и телячья котлета. Затем пошел играть в теннис — и играл довольно недурно. Вернулся, обливался, почитывал до ужина (мясики) и около девяти поплыл по направлению Гутманзал. Был я не в смокинге (подсудимому все-таки как-то неудобно быть в смокинге), а в синем костюме, крэмовой рубашке, серењком галстухе. Народу набралось вдоволь (должна была быть Анюта, но она почему-то не явилась), сыграли presto

из Крейцеровой сонаты (кстати, ко мне пристали госпожа Шор с мужем, — непременно хотят, чтобы мы с тобой у них бывали; пришлось телефон дать), затем мы рассеялись в таком порядке:



Я, Фальковский, Гогель, Татаринов, Кадиш, Арбатов, Волковыский, Айхенвальд

я — у отдельного столика, направо от главного стола. Арбатов — довольно плохо — прочел обвинительный акт, Гогель — эксперт — говорил о преступленьях, которые можно простить, затем председатель задал мне несколько вопросов, я встал и, не глядя на заметки, наизусть сказал свою речь (которую и посылаю тебе). Говорил я без запинки и чувствовал себя в ударе. После этого — обвиняли меня Волковыский (сказавший: мы все, когда бывали у проституток…) и Айхенвальд (сказавший, что Позднышев совершил преступленье против любви и против музыки). Защищал меня — очень хорошо — Фальковский. Так как я дал совершенно другого Позднышева, чем у Толстого, — то вышло все это очень забавно. Потом публика голосовала — и я нынче уже пишу из тюрьмы. Мышонок мой, когда ты приедешь? Тебя ждет кругленький, очень милый мурмур. Я боялся его послать, — могли ему ножки отбить. Мышенька моя, отчего ты ко мне не пишешь? Сейчас поздно, у меня страшная жажда, все время пью. Татариновы и Айхенвальд завтра собираются в Ванзее, звали меня, — еще не знаю, поеду ли. Милое мое, радость, жизнь…

В.

74. 14 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

14–vii–26

Кош, Кошенька,

любовь моя обожаемая… Сегодня около одиннадцати поехали в Ванзей. Татариновы, Айхенвальд, Гуревич (замечательно образованный господин, мой товарищ по Тенишевскому), Данечка, Mlle Иоффе и бывшая ученица Татаринова — полная, веснушчатая, смешливая дева. В общем, было скучновато, но эту скучноватость я подслащивал тем, что одну половину времени купался — один, — а другую беседовал с Айхенвальдом. Какой он прелестный, нежный человек… Кстати, пражский Слоним — его племянник, так что я с ним в отдаленном свойстве! Погода была очаровательная, Гуревич взял с собой две бутылки сотерна, я еще больше загорел. Дома был около девяти, поужинал (мясики) и вот пишу тебе, любовь моя обожаемая. Как ты, любишь ли меня, скоро ли вернешься? — я ведь ничего не знаю… Для меня тайна, почему ты мне не пишешь, mais je ne t'en veux pas, не хочешь — не пиши:

я все равно тебя люблю. Душенька моя, представленье Татариновых об «аусфлюге» — это сидеть в кафе. Они все так и делали, — а я купался, и Гуревич приносил мне в воду стакан за стаканом белого вина. Несколько раз ездили на пароходе, а назад вернулись на верхушке автобуса — до Цо. Я забыл ключи (т. е. просто не взял их, так как поехал без пиджака, в белом, и только прихватил твой рябченыш, который и надел под вечер), и Татаринова позвонила ко мне домой, чтобы мне открыли. Все удовольствие мне стоило около трех марок. Было весело? Нет.

Кошенька, посылаю тебе вырезку, статью в «Observer» об открытии касательно наружности Христа: «Человек среднего роста, сутуловатый, с длинным лицом, с сильно выдающимся носом, со сросшими<ся> бровями, с жидкими волосами, разделенными пробором посередке…» Все очень убедительно, по-моему, — и очень интересно.

Должен сообщить тебе одну вещь… Выслушай ее внимательно, постарайся вникнуть в нее, понять ее до конца. Может быть, эту вещь я уже тебе сообщал, но на всякий случай сообщаю еще раз. Кошенька, это очень важно, — пожалуйста, обрати вниманье. Есть немало важных вещей

в жизни, напр.<имер>: теннис, солнце, литература, — но эта вещь просто не сравнима со всем этим, — настолько она важнее, глубже, шире, божественнее. Эта вещь — впрочем, нет нужды в таком долгом предисловии; прямо скажу тебе, в чем дело. Вот: я люблю тебя.

Кошенька, кош, да, я люблю тебя, я невыносимо тебя жду. И есть еще одна вещь, которую я хочу тебе сказать, — и эту вещь ты, пожалуйста, тоже выслушай внимательно и хорошенько запомни. Я хочу тебе сказать… Нет, пожалуйста, вникни хорошенько — я хочу тебе сказать, что я: бесконечно тебя люблю.

В.

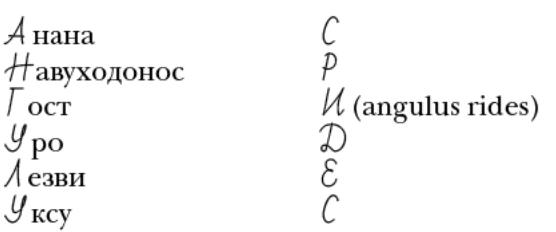
75. 15 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

15–vii–26

Волшебные словечки

Толпа, **стой**ка, **чех**арда, **ов**чина, **го**ра, ще**голь**, подагра, бирюза, заноза, Каин, гончая, государь, рама, маяк, сила, Минск.

Из етих сесьнацати слоф тлебуйця зделять цецирнацать длюгих, снаценье католих: 1) люский писятиль, 2) тозе, 3) тозе, 4) цасть Сфинкся, 5) тозе, 6) делево, 7) пцица, 8) цасть дямской одезды, 9) двизенье, 10) неподзвизность, 11) плязник, 12) утес, воз петый Пускиным, 13) гелоиня Никлясова, 14) маянькое отвельстие. С потьценьем МИЛЕЙШИЙ



Жар-звереныш,

утречком поехал с Ш.<урой> в Груневальд, солнце было чудесное, мы три часа грелись и купались. Вернулся домой (Милейший совсем разошелся — хочет и письмо писать вместо меня, вырывает перо…), обедал: шницель и компот яблочный. Представь себе, жар-звереныш, что весь фасад сего дома в лесах, а нынче рабочие забрались и во двор; глянул я в окно — а там невозмутимо выросла лестница. Внизу говор и стук, навалили кирпичей, <о>сыпается штукатурка, хлякают доски. Очень весело. Несмотря на шум, великолепно поспал часок и к четырем пошел на теннис. Играть было невероятно жарко. ВЕЛЬНУЛСЯ ДОМ (я встал, чтобы выпить воды, и этим воспользовался Милейший, — прямо невозможно!). Вернулся домой и нашел ваш письмыш драгоценный. Милейший просит скаЗАТЬ (нет, не хватай, — все равно не пущу!), что художник — это Коро (Corot), а «возглас», значит, должен быть «ку-ку». В квадратике «сам» = «Сирин». Крылья бабочки — верно. Только один квадратик правилен (рука, удод и т. д.) А акростих:

«Словечки» решены хорошо. Прочитав, жар-звереныш, твой письмыш, я стал мыться в tub’e,

и в это время рабочие ввалились в окно, стали (добродушно извинившись) ладить доски снаружи подоконника. Я преспокойно продолжал обливаться, потом делал гимнастику. Через пять минут они ушли. Поужинал: яичница и мясики. Так хотелось пить, что после ужина пошел в кафе на Виктория-Луизенплац, там выпил пива, и Милейший (кстати, он сейчас заснул, и писать гораздо спокойнее) сочинил там «словечки». Он непременно хотел, чтобы их «значенье» я переписал бы именно как он произносит, — а он, между нами говоря, — шепелявенький. Впрочем, задачка очень трудная.

Милый мой просит сказать: (нет, не хватай, — вышло не лучше!) что художник это — Коро (Corot), — а "вошь", значит, должна быть "кукушка". В квадратиках "сам" = "Сирин". Кривые бабочки — вверху. Только один квадратик правилен (рука, уши и т.д.). А акростих:

Анна Сергеевна
Наумовна
Гостинодворец
Уездный
Лекарь
Уксусник

(Andrius Rides)

"Две вещи" решены хорошо. Прогнав, жарко умоляя, мои мысли, я стал мыться в тазу, и во это время рабочие взялись в окно, стали (добродушно пыхтя) ладить доски снаружи подоконника. Я преспокойно продолжал обливаться, потом делал гимнастику. Через пять минут они ушли.

Позавтракали: яичница и мясики. Так хотелось пить, что после ужина пошли в кафе на Викторию Луизен платц, выпили пива и Л'Эльский (кстати, он сейчас в Берлине, и писать гораздо спокойнее) согласились нами "сливаться". Они не очень хотят, чтобы их "значение" я переписал бы мягко, как они произносят, — а они, между нами, говоря, — шестерки вообще. Вопрос задачка — очень трудная.

В связи с вершиной в своем и вот пишу к тебе мой жарко-умоляющий. Жду, жду, жду тебя.

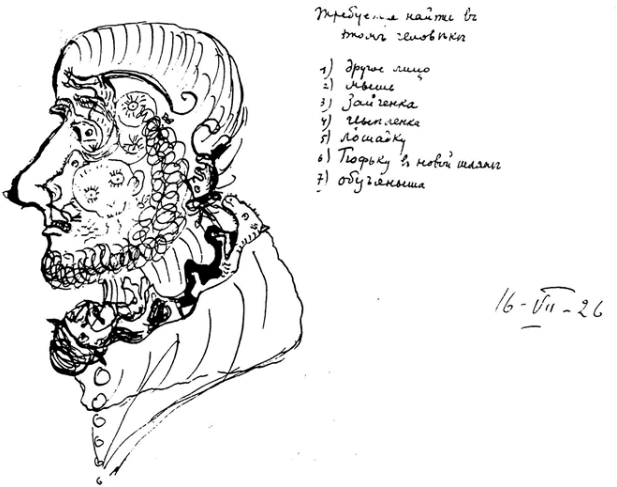
Нельзя ли больше удерживать тебя в Св. Вене. Счастье мое, жизнь моя... Очень душно, — опять пойду в мокрые воды. Я ЖИВУ ВЫЛЕЗЛ СПЯЩИХ КЛЯНУСЬ. МИЛЫЙ — ах как невыносимый.

В девять вернулся восвояси и вот пишу к тебе, мой жар-звереныш. Жду, жду, жду тебя. Нет сил больше удерживать тебя в Св. Блазии. Счастие мой, жизнь моя… Очень душно, — опять пойду глотнуть воды Я ПЛИТВОЛЯЛСЯ СПЯСЩИМ КЛЯНЮЮСЬ. МИЛЕЙ — ах какой невыносимый: опять воспользовался. Душа моя, покойной ночи. Люблю очень.

В.

76. 16 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

Требуется найти в этом человеке:
1) другое лицо
2) мышь
3) зайчонка
4) цыпленка
5) лошадку
6) Тюфьку в новой шляпе
7) обезьяныша



16–vii–26

Моя любовь,

утром поехал с Ш.<урой> в Груневальд, вернулся домой (в комнате темно от лесов, все время стук, невыносимо), обедал: печенка и компот из вишен. Полежал (каменщики, к счастью, по-

шли обедать), затем сел писать. Однако у меня ничего не вышло, так как работа снова началась, сверху сыпались с грохотом мимо окна куски штукатурки, ударяли в стекло. Главное — я не могу добиться, чтобы мне толком сказали, когда эта гнусная работа прекратится, когда снимут леса, — подумываю даже переехать (конечно, если это продолжится еще два-три дня — можно выдержать. Я предпочел бы остаться здесь). В общем — скучноватая история. Зато погода дивная, под каждой липой облако благоуханья, чудесно. И скоро ты будешь здесь, моя любовь (только не в этой комнате — если к тому времени не снимут этих поганых досок), скоро ты будешь здесь — это такое счастие, что прямо не знаю, как его переживу… Ужинал: обычные мясики, сыр, редиски. Сейчас девять часов. В «Современных Записках» великолепный рассказ Бунина и недурной отрывок из многологии Альданова <sic>. Есть тоже очаровательная баллада Ходасевича. Книжку, пожалуй, все-таки тебе пришлю, — только не знаю, как это делается. Завтра зайду к Анюте и с нею решу. Моя любовь, когда ты приедешь, я буду страшно тебя бранить за то, что ты мне так редко писала, и страшно хвастаться тем, что я к тебе писал каждый день. Заполнила ли ты анкетный

лист? Я уже это сделал, и завтра вечером у Татариновых будет обнародование. Финансики мои вопиют. Так-то, моя любовь.

Моя любовь, целую тебя — с бровей до колен и обратно. Как тебе нравится сегодняшнее произведение Милейшего? Мне — не очень, но не хочется его обижать. Мне страшно нужны носки и одеколон. А рубашек у меня почему-то всегда вдоволь. Моя любовь, не поехать ли нам в Чехословакию на неделю? Между досок уже появились звезды. Покойной ночи, моя любовь. Ужасно жарко спать. Сплю без пижамы — и все-таки жарко. Люблю тебя.

В.

77. 17 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

17–vii–26

Кошенька,

(кажется, маленькие повторяются, но у меня нет списка уже пущенных в ход, так что ничего не поделаешь). Утром пахло скипидаром, оттого что маляры сияющей на солнце красноватой краской мазали перила балконов налево от моих окон. Я надел все беленькое и поехал на мое озеро. Небо было безоблачно и наложило на меня еще один слой загара. Там купил и съел большой, бородавчатый, изогнутый соленый огурец. Человек с татуированной по локоть рукой разносил их в ведре, восклицая: «Зауер-юркен, зауер-юркен!» Вернулся я, обедал: битки и безымянное жэлэ (и простоквашка, оставшаяся от вчерашнего молока). Затем написал письмо к маме, затем поплыл на теннис. Жарища была страшная. Вернулся около шести, побаловался холодной водицей, полежал. В «Руле» рецензия о вечересуде. Написала Раиса, и очень мило написала. Поплыл на Регенсбург.<ерштрассе> — хотел там

поужинать, чтобы оттуда прямо пойти к Тартарам, — но хозяйка — кстати сказать, похожая на старого суслика — объявила мне, что никого нет дома. Я побродил (нынче надел faute de mieux ажурные бальные носки) по вечерним улицам, покурил в сквере и не торопясь (около половины девятого) отправился к Татариновым, где Гуревич читал длинный и довольно занятный доклад о современной живописи (чтенье анкет будет в субботу). Были Ландау, она — в совершенно уморительном платье из каких-то лоскутков, розовеньких, белых, кружевных, с несимметричными вышивками-цветочками. Маленькая птичья голова с седыми колбасками локонов, сзади спадающими на шею, была тоже очень комична, — но комичнее всего были пелеринки, которые она надела уходя, и высокая, слоеным колпаком, малиновая шляпа. Ни дать ни взять старенькая средневековая фея. А на вопрос «Какой ваш самый памятный сон?» и Гуревич, и я написали случайно одно и то же: Россия. Вернулся я поздно — и хотя очень устал, все ж таки (как говорит Голубев) пишу к тебе, моя Кошенька. Скоро ты приедешь! Скоро ты приедешь! Милейший уже спит, так что задачки сегодня не будет. Скоро ты приедешь! Я люблю тебя. Я

тебя жду. Моя кошенька, я люблю тебя… И почему ты не пишешь?

В.

78. 18 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

Волшебные словечки

Из семи дней недели и из слов: лоно, евреи, Синай, пародия — требуется составить 13 слов, значенье коих:

1) не делится пополам, 2) кустарник, 3) мотор, 4) властвование, 5) что религия берет у энтомологии, 6) низложи! 7) бывает на солнце, 8) борец, 9) занятие, 10) помощь, 11) центр, 12) часть света, 13) части корабля.

18–vii–26

Щенуша,

сегодня Татариновы опять устроили вылет, но я отказался ехать, позвонил утром, что не могу. Оделся поздно, очень спать хотелось. Обедал: говядина с горошком и Клавдии, — и уже в половине третьего был в Груневальде, где оставался до шести. Вернулся, ужинал: яичница и мясики, — надел халат и вот пишу к тебе, щенуша. По телефону нынче Раиса сообщила мне, что получила (и очень ею тронута) карточку от тебя. Ты, кажется, ко всем пишешь, кроме как ко мне.

Хорошо ли это, щенуша? Кстати, помнишь ли стихи Боратынского:

своевольное названье
дал я милой в ласку ей
мимолетное созданье
детской нежности моей –

я не уверен, правильны ли первые два прилагательные, а остальные строфы не могу вспомнить. Помнишь ли ты? Сегодня тихо, маляров и каменщиков не слышно, — благо воскресение. Говорят, что эта музыка продлится еще недели две. Право, не знаю, как поступить. Щенуша, без аполлона не возвращайся! Как поживает твой знакомый (из Москвы)? Скоро ли ты будешь назад? Щенуша, обещай мне, что у нас никогда, никогда, никогда не будет к ужину колбасы. Обещаешь? Думал нынче вечером пойти к Анюте, да так и не собрался, — разомлел от солнца. А народу-то сколько там сегодня было! Я лежал с закрытыми глазами и думал, слушая широкий шум, человеческий гам: вот сейчас я мог бы быть и в десятом веке, — тот же галдеж, плеск, жар солнца, легкое кряхтенье сосен, ничего нет в окружающем шуме такого, чего не было всегда, с наипещернейших эпох. Но я ошибался. Совсем рядом раздался

какой-то равномерный посапывающий звук. Не открывая глаз, я старался решить, что это такое. Наконец посмотрел: оказалось, это ребенок играет велосипедным насосом. Тот же ребенок потом подошел ко мне, внимательно поглядел на мой крест и сказал: «Христос». Очень было смешно, щенуша. Сейчас без четверти десять. Я люблю тебя. Лучше пускай будет от тебя письмыщ завтра, а то «я буду мстить». Насекомышь мой любимый, сегодня, по моим расчетам, я пишу к тебе сотую страницу. А твоих наберется десяточек, не больше. Симпатично ли это? Сейчас без двенадцати десять. Сейчас лягу спать. Тальк у меня еще держится, но вода для волос давно иссякла. Жду ответов из-за границы от Бунина, Шаховского, де Калри, — до сих пор ни один из них не ответил. Да, еще — от Дяди Кости. Всего вам доброго, щенуша, лапки ваши целую.

В.

79. 19 июля 1926 г.
Берлин – Санкт-Блазиен

19–vii–26

Любовь моя,

утром получил милейший письмыщ — с описаньем муравьиных самочек. Если приедешь в среду, то, конечно, это письмо не успеет прийти до твоего отъезда, моя любовь, но на всякий случай пишу, — дабы ты паче чаянья не осталась лишний — и бесписьменный — день. Не торопясь оделся, поехал в «Руль», где взял маленький аванс. Страшная жарища, хожу без пиджака. Вернулся на империяле автобуса. Обедал — телятина (кажется) и яблочный мусс. Затем поехал к Заку, играли с ним в теннис (кстати, слово «теннис» происходит от французского «tenez»: так — в древней игре — в крытом помещенье — восклицал подающий мяч (у Генриха IV был очень сильный service), как теперь восклицают (впрочем, это делают только русские дачники, — в Англии это перевелось) «play!»). Вернулась из «Маришкиных Владин» Mme Зак, привезла мне в подарок очень милый серебряный карандаш (который

собираюсь отдать в ломбард). По дороге обратно купил «Звено», «Observer» и — ввиду некоторого внутреннего расстройства — восемь капсюль Ol.<eum> Ricini, — очень красивые, аппетитные на вид, прозрачно-глянцевитые — и глотаются как устрицы (сейчас половина десятого, я в шесть проглотил четыре штуки — по совету аптекаря, — но пока никакого действия не произошло). К ужину съел только яйцо и выпил чаю. Занимался шахматами. Позвонил Элькин и сообщил, что 1) Адамович в «Звене» еще напишет о «Машеньке», 2) мне он привез письмо — перешлет завтра — от «Совр.<еменных> Записок» с просьбой дать им рассказ для следующего номера. Моя любовь, неужто ты приезжаешь? Неужто не сегодня — завтра ты ко мне войдешь? Любовь моя, все маленькие ошалели от счастья… (Не понимаю, почему нет последствий?..) Посылаю тебе «Звено». Люблю тебя. Сегодня каменщиков не было, хотя леса все тут как тут. (Может быть, еще одну принять?) Бесконечно люблю и жду тебя. Пришли телеграмму. Моя любовь, моя любовь, моя любовь. Моя жизнь.

В.

80. 22 декабря 1926 г.
Прага – Берлин

Мама тебе пишет завтра. Боксик лежит навзничь, выпятив крутую губку[108].

Здраствуй, зеленый,

моя любовь и мое счастие, мое одно-и-все. Я доехал отлично. Отопленье было под самыми ногами. На границе здорово потрошили вещи. Чиновник никак не мог понять — что эта за штука — красная, — и мои спутники долго объясняли ему, что это «пияма». Меня встретили на вокзале Елена с женихом и Кирил<л>. Кирилл — огромный и говорит не то петухом, не то простуженным басом. Елена очень похорошела. Петр Михайлович — сплошное очарованье. (Что он делал для мамы, не поддается описанью…) Елена и он страшно ласковы друг с другом, прямо приятно смотреть. Они поженятся в феврале, а Ольга и Шаховской — весною. У мамы вид неплохой, но к моему приезду был легкий припадок астмы. Живут они в общем неплохо.

---

[108] Сноски: 108

Написано над начальными строками письма в положении страницы вверх ногами.

Меня поместили в комнату мамину, мама спит с сестрами, Скуляри — с Кириллом. Есть чешская прислуга, но не стряпает (ее взяли Епатьевы). Моя любовь и мое счастие. Рассказывала мама очень интересно о Сергее. Один из галстуков (бантиковый) я подарил Петру Михайловичу. Все были в упоении от гостинцев. Кириллу костюм — как раз. Как ваше здоровьице? Я очень тоскую без вас… Вы мне очень нужны, мой зеленый. Я вернусь в воскресенье. Привезу шахматы и моих бабочек. О, мое счастие… Тут читали на одном собрании мой «Ужас». Сегодня вечером буду показывать поэмку. О пьесе все каким-то образом уже знают — и ходют слухи, что эмиграция в ней выявлена не в очень эмиграциозном виде. В комнатах холодновато. Ты ж пиши мне, мой милый. На крышах — снежок. Я тебя гораздо больше люблю, чем в первые мои приезды сюда…

В.

81. 23 декабря 1926 г.
Прага – Берлин, Пассауерштрассе, 12

Старенький, но почтенный,

только что получил твой письмыщ. Приедем в воскресенье. Читали вчера нашу поэмыщ. Были оба жениха. С Ольгиным играл в шахматы, раз — выиграл, раз — проиграл. Оказывается, прививали Боксин хвост маме, оттого что бывают случаи, когда астма — от собаки (в данном случае не помогло). П.<етр> М.<ихайлович> называет Бокса — «Ботя». Он пополнел и постарел. В мокредь переходит улицу медленно-медленно. Когда он в пальтишке, то он называется «нищий», так как пальтишко на боку прорвано (от тренья об стену). У мамы легкие припадки. Она очень нервна. Скуляри ей делает вспрыскиванье адреолина. Вообще, настроенье в Праге — невеселое.

В «Красной нови» меня помянули «добрым словом». Нужно было бы достать этот № (последний). Был тут некоторое время тому назад вечер моих стихов. Читал некий Берс (он тоже прочел «Ужас» и «Благость»). Вчера посетили нас проф. Катков с сыном и Бобровский (его жена на сносях).

Спасибо за марковки, мой милый. Возьму сегодня билет. Душка моя, как я счастлив тобой, с тобой. А Айхенвальдыш-то как расхвалил прете<н>зиозный выкидыш Ландау! Я здоров и бодр. Задумываю (но не пишу) рассказ (не о Горации).

Как мне не хочется встречать Новый год на людях! Мне Гессен говорил, что поместит в «Руле» неприятнейшую заметку против «Пути». Ответ «г-ну Двурогину» (читай «Тригорин» = Волковысский). Обожаю вас.

В.

82. 18 апреля 1929 г.
Ле-Булу (Восточные Пиренеи)

83. 1929 (?) г.
Берлин (?)

Моя любовь,

позвони мне к К. около 8.30.

У меня болят десны, язык, вся левая часть морды, и в шее желваком вздулась железа — прямо чорт знает что такое!

Я люблю тебя.

В.

84. Ок. 9 мая 1930 г.
Берлин

Мое милое,

вот мое первое письмо. Звонил старик Гессен и просил меня взять пакет (книжки и пара ночных туфель, старых) для сына. Принесет на заседанье. Затем звонил другой старик (Каминка) и просил сделать перевод — за коим я зайду, между Фальковской и заседанием. Письма были? Нет, если не считать воскресного кружка поэтов. Только что вошла моржа, спросила, везу ли я сундук (вчера принесенный) с собой в Россию, т. е. она думала, что я завтра еду в Россию (что мама живет в России). Прелестно. Во-вторых, она попросила для дочки «одну из ульштейновских книжек, которые вы получили. Моя дочь читает охотно ульштейновские книги». Кроме того, сообщила, что вчера умер брат ее мужа. Дай ей «К.Д.В.», если есть. Я все купил, что нужно. Сейчас зайду к Анюте и по дороге еще куплю кое-что. Я поел, но немного, — никакого вкуса, из-за насморка, который, впрочем, лучше.

Ну вот, мое счастье. Целую вас. Вернусь не поздно.

В.

85. 12 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Душа моя,

приехал превосходно, на вокзале был встречен мамой: у нее прекрасный вид и прекрасное настроение. Боксик стар и толст, с седой мордочкой, не обратил на меня никакого вниманья. Еленочка и Е.<вгения> К.<онстантиновна> очень похорошели. Мне отвели маленькую, очень уютную комнатку. Елена рисует плакаты для моего вечера. Вообще, все очень хорошо. Душа моя, пиши мне.

В.

86. 12 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Душа моя,

я люблю тебя. Сейчас разбирал пыльные книги, кое-что привезу, объелся старыми номерами «Entomologist». Я люблю тебя, мое счастье. Мне везет — первый человек, который пришел в воскресенье в гости, оказался энтомологом: вообрази, моя душа, как мы с ним раскалякались; в четверг он мне будет показывать в музее знаменитую коллекцию Papilio. В Подольской губ.<ернии> он поймал совершенно черного podalirius, — pendant к черному махаону в Коллекции Пюнглера. Сегодня вечером идем всей семьей в кинематограф, а завтра я приглашен в «Скит поэтов». Мой вечер 20-го. Я люблю тебя. Вчера был старенький генерал, похожий на Янингса в «Последнем приказе», и читал свой рассказ («мраморная ножка выглядывала из-за атласного одеяла» и т. п.). Кирилл замечательно красив и изящен, много читает, сравнительно хорошо образован, очень веселый. Он рассказывает, что брат мой Сергей

(приехавший толстым, с жирной шеей, похожим на Шаляпина) спрашивал его, где тут кафе, где встречаются мужчины, и очень советовал ему нюхать кокаин. К счастью, Кирилл совершенно нормален. Ольги я еще не видел, она с Петкевичем на даче. Елена же очаровательна, а *Петя* «при мне» очень мил (Е.<вгения> К.<онстантиновна> и мама его недолюбливают, и он говорит «коклюш» и «зави́дно»). Я люблю тебя. Петкевич, оказывается, один из лучших здешних шахматистов (тоже повезло мне). Семья моя поняла «Соглядатая» в том смысле, что герой в первой главе умер, а душа его потом перешла в Смурова. Кстати, насчет души, — мне очень без тебя скучно, моя душенька. Боксуша на меня смотрит мутными глазами и продолжает не узнавать. Тут полагают, что он меня принимает за возвратившегося Сережу. Мама так бодра, что диву даюсь. Она увлекается «Christian Science» (не так, конечно, как Mrs. Bliss), и астма прошла, и нервы в порядке, так что это следует очень и очень одобрить. Она и Е.<вгения> К.<онстантиновна> все чудесно для меня устроили, тома «Entomologist» лежали на моем ночном столике, специально были куплены марки, новые перья, бумага для моих писем к тебе, моя душа. Я тебя люблю. Жильцов

тут две четы и еще пресловутая чешка, очень безобидная и милая старая дева. Погода ужасная, святые гадят. Мама на кухне спрашивает у Боксики, «пойдет ли он сейчас гулять с Володей?», но тот молчит. Счастье мое, целую тебя, мою милую, мою душеньку. Скажи Анюте, что я ее очень люблю. Держи ушко востро насчет рецензий, казачьих хоров и т. д. Напиши мне, напиши, здорова ли ты, нет ли болей и вообще. «Собака больше ждать не может», — доносится с кухни. Счастье мое.

В.

87. 16 мая 1930 г.
Прага – Берлин

Мой нежный зверь, моя любовь, мой зелененький, с каждым новым бесписьменным днем мне становится все грустнее, поэтому я тебе вчера не написал и теперь очень жалею, прочитав о лебеди и утятах, моя прелестная, моя красавица. Ты всегда, всегда для меня тиргартенская, каштановая, розовая. Я люблю тебя. Тут водятся клопики и тараканы. Только потушил вчера — чувствую на щеке шмыглявое присутствие, усатенькое прикосновенье. Зажег. Таракаша. А на днях был на вечере «Скита поэтов». Возобн<ов>ил дружественные отношенья с Чириковым, Кадашевым, Немировичем-Данченко. Он очень старенький, Немирович. Познакомился с лысым евреем (тщательно еврейство свое скрывающим), «известным» поэтом Ратгауз.<ом> Стихи читал Эйснер, под Гумилева, с «краснорожими матросами», «ромом» и «географической картой», полные новейших клише, очень звонкие, одним словом, ты понимаешь, какая это гнусность. А с Ратгаузом я совершенно не знал, о чем

говорить, неловко говорить с человеком, чье имя стало нарицательным для дурных поэтов. Он мне сказал между прочим: «Вот вас сравнивают со мной…» Трогательно и гадко. Читали много молодых поэт<ов> и поэтесс, так что я себя чувствовал как на наших «поэтических» собраньях, все то же самое, тошно. Целую тебя, мою милую, мою душеньку. Мне пришло в голову, что Baudelaire никогда в действительности не видел «jeune éléphant», правда? Ну конечно, были всякие «среди нас присутствует…», «наш дорогой гость…» и т. д. При этом Кирил<л> становился малиновым. Но интереснее всех поэтов и писателей был для меня Федоров, еще один энтомолог, очень страстный и знающий, мы с ним сразу соловьями запели, к некоторому недоуменью присутствующих. Подумай, недавно его большую коллекцию продали за долги, он совершенно нищий. Не знаю, буду ли я читать «Пильграма» во вторник. Первую главу «Согл.<ядатая>» прочту непременно (он у мамы есть). Ольга еще не изволила явиться. Прочту несколько стихов. Кирилл хорошо учится. Никаких технических позывов у него нет. Он хочет быть естественником, бороться, например, с малярией в Африке. Были всей семьей в кино, видели ту картину, о которой

так забавно говорил Шерман (кольцо, сползающее с пальца по мере «паденья» женщины). Мама мне подробно подтвердила то, что об одном старике и одной старухе рассказывала Раиса. Мама это, оказывается, таила пятнадцать лет, и был один очень крупный скандал в Берлине. Генерал Долгов (читавший свой рассказ), как бабушка, говорит «spleutni». Сейчас вошла Еленочка и с невинным лицом спросила, где находится Фламандия. Ах, мое счастие, как мне нестерпимо без тебя. Ты моя жизнь. Трудно будет выдержать приближение к анхальтерову вокзалу. Ты деньги получила? Милое мое, как я тебя целую…

В.

Мама тебя целует. Кланяйся хозяевам (и вообще, по получению каждого моего письма сразу кланяйся). Анюте привет. Шерману и Каминкам — тоже[109].

---

[109] Сноски: 109

Приписка в верхней части первой страницы письма, перевернутой вверх ногами.

88. 17 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Здраствуйте, моя радость,

Горлину можешь сказать, что 1) на их вечере выступать не буду — пусть сами выгребают, 2) будут ли они выпускать сборник в «Слове» или в «Петрополисе», — все равно участвовать не буду — я не молод и не поэт. Шерману передай, что мне очень понравилась его статья об Иване Алексеевиче. Поклонись хозяевам. Купи, моя любовь, «Посл.<едние> Нов.<ости>» от четверга (у этого самого, как его — ну ты знаешь, — не могу сейчас вспомнить). Был я вчера в музее, мне показывали прекрасные коллекции — не такие, конечно, полные, как в Берлине, но это чехам сказать нельзя (вспомнил, — Лясковский), и много у них неверно названо. Только что был Федоров, о котором я вам писал, мое счастье. Он очень советует ехать в Варну, там чрезвычайно дешево и много бабоч.<ек> Дорога отсюда стоит 20 марок, всего — от Берлина — значит, 40, на две персоны или зверя — 80, туда и обратно — 160, а комнату

можно за 20 (для двух животных) в месяц, и пища стоит на двух в день 1 марку, — итого, нам нужно с тобой на месяц жизни и путешествие марок 250 (широко). Мы поедем, я думаю, в первых числах июня. Змей там нет, а Нем.<ирович>-Данченко в два счета устроит визу.

Я тебя люблю, — прямо смешно, как ты мне недостаешь, моя душенька. Тут на трамвайных остановках ярко-голубые круглые фонари, много аспидно-черных домов, очень узкие панели и нельзя курить в прицепном вагоне трамвая. На днях отправляемся к Бобровским. Кирил<л> образован, прекрасно знает литературу и влюблен в очень миленькую барышню. Мама помнит Масальского по Петербургу, о том, что он сидел в тюрьме, здесь никто не знает, так что я всем рассказываю, с подробностями, скажи это Анюте. А на самом деле молчу, как рыбка, или говорю только хорошее. Продолжаются рауты у Крамаржа, с хозяевами не разговаривают, а только жрут, и недавно Кизеветтер подрался с каким-то другим старичком из-за заливного. В одном советском сборнике были мемуары одного комиссара, он рассказывает, между прочим, как раздавали вещи из нашего дома и как он взял себе китайского болванчика с кланяющейся головой. Я так

его помню, этого болванчика. Были ли вы у Миш, моя красавица, что вы поделываете, вообще? В Варне дивное морское купанье. Мы там будем ловить Papilio alexanor. Mme Федорова любит целовать гусениц в головку, это у нее прямо вошло в привычку. Как только получишь деньги, пришли мне что-нибудь, скажем десять-пятнадцать марок, кроме путевых 20. Веду сейчас переговоры с одним чешским издательством насчет «Машеньки», не знаю, выйдет ли (это через чешку, живущую у мамы). Милое мое, я вас целую. Как ваше здоровьице? Да, я тебя люблю, я тебя бесконечно люблю. Пожалуйста, пиши мне, а то я опять захандрю и перестану писать. Любовь моя, ларентия моя teplovata.

B.

89. 19 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Получил, мой зверь Бусса, ваше краткое и мало тюфистое письмецо. Написал Фондамину, что согласен (хотя я предпочел бы — в смысле деньжат, — чтобы Пильграм умер в подвале «Последних новостей»). Послал и Фаяру, что следовало. Боксуша продолжает на меня глядеть мутными глазами. Вчера он произвел подряд 157 лайка, мы считали. Сегодня погодка пристойная, пойдем гулять. Мне грустно, что ты так мало пишешь, мое бесконечное счастие. Финансы тут кислые, нет денег на марки, мне довольно неловко.

Я тебя обожаю.

В.

90. 20 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Моя любовь,

не знаю, какая у тебя служба, ты мне очень невнятно пишешь. Как бы старушку подлую уличить? (уверена ли ты, что это она украла, — ведь последнее время бывали всякие монтеры, — и где лежала брошка?). Видела ли ты рецензию Адамовича в «П.<оследних> Н.<овостях>»? Привезти номер? Сегодня читаю, — прозу и стихи, нужно набрать на полтора часа по крайней мере. Я уже писал тебе, моя любовь, что именно буду «зачитывать». Я пороюсь в архиве, ты ж попробуй достать недавний № «За свободу», где обо мне что-то пишет Нальянч. Становится немного сложна эта погоня за статьями обо мне, не прекратить ли? В конце концов, я не актриса. Моя любовь, мне делается без вас все невозможнее и невозможнее. Я вернусь в воскресенье, 25-го вечером, — кажется, в 11, — я еще напишу точнее. Подтверждаю твое почтенное с деньжатами. Теперь буду чаще писать, любовь моя. Третье-

го дня гуляли, был дивный бледно-солнечный день, мы взобрались на холм неподалеку от нас, и внизу был виден целый полотняный городок — бродячий цирк, — и оттуда был слышен густой рев тигров и львов, — и поблескивали карусели (а на всех заборах реклама: зеленые оскаленные тигры и между ними отважный усач с бранденбургами). Я снова был в энтомологическом музее, и Обенбергер — очень болтливый жуковед — поносил Германию и говорил, что немцы sont pires que les juifs. Русская колония тут тоже, говорят, черновата. А Ольга до сих пор не является, зато был Шаховский, который снова женился. Душа моя, скучаете ли вы без меня? Я целую вас. Поклонитесь Анюте, пожалуйста, и Мишам. Завтра тебе напишет мама. Сейчас моют Боксу. Мама помолодела, бодра, весела, — когда мы гуляли, я все любовался, как она хорошо ходит и какие у нее изящные ноги — в серых чулках. Она утверждает, что это все от Крышчен Саянс. Да, мое счастье, я скоро вас увижу. Отчего ты мне ничего не пишешь про Варну? I thought you would jump at it (ухватишься). Прочел вчера «Les Caves du Vatican» A. Gide'a, ужасная чепуха, но местами хорошо написано. Мне не терпится засесть снова за романчик. Посылаю тебе статейку, мама пере-

писала. Я очень счастлив, что ты существуешь, моя красавица, — но если служба утомительна — берегись! Я очень счастлив; без тебя мир немного осунулся, но все-таки я знаю, что ты есть, и поэтому я все-таки счастлив. Как я тебя целую!

В.

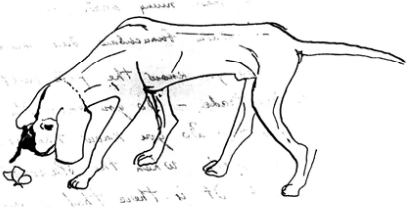
91. 22 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Моя душа,

очень бодренько тебе пишу опять, хотя от тебя neither rumour nor smell. Кстати, выписываю для тебя из Киплинга следующее: «Do you know the pile-built village where the sago-dealers trade. — Do you know the reek of fish and wet bamboo? — Do you know the steaming stillness of the orchid-scented glade when the blazoned, bird-winged butterflies flap through? — It is there that I am going with my camphor, net, and boxes, to a gentle, yellow pirate that I know — To my little wailing lemurs, to my palms and flying-foxes, For the Red Gods call me out and I must go!» Особенно хорошо — «flap». Если от тебя завтра — а сегодня четвержок — ничего не будет, я и последую зóву Красных Богов. А вот про нас с тобой: «*She* was Queen of Sabaea — And *he* was Asia's Lord — But they both of 'em talked to butterflies / When they took their walks abroad!» Вчера было у нас к ужину много гостей, Панина и Астров, чета Горн, чета Ковалевских, я читал

«Университетскую поэму», было всего 13 человек.

Я выеду, моя душка, 25(10) в 2, 47 и буду на Аптекарской в 10, 15. Попрошу меня встретить, — хорошо, Бобо. Я не нашел среди статей моего отца статью о Волковысском, а № Возрождения где напечатан Шульман обязательно достану. Очень аккуратно накрыто рабочее заполненное бумагами крыло. [Я вас очень люблю, моя душка]



Личико не очень вышло. Сегодня солнечно. Я ждала вера в половину шестого, когда уже воробьи пели. Душки мои отправятся в деревню к Богровским, но не поедем. Я дам в редакцию русскую заметку "недели" или стихотворение — старый — для вкрапления в статейку о моем вечере. Чуч Брюсовы мне были только Троюки. [Я люблю тебя, — невыносимо и очень очень нежно.]

Я выезжаю, моя душка, 25-го, в 2.47 и буду на Ангальтере в 10.15. Попрошу меня встретить, — конечно, solo.

Я не нашел среди статей моего отца статью о Волковыском. А № «Возрожденья» ведь, кажется, Шерман обещал достать? Очень аппетитно напротив рабочие заполняют черепицами крышу. Я вас очень люблю, моя душка.

Личико не очень вышло. Сегодня солнечно. Я заснул вчера в половину шестого, когда уже воробьи пели. Думали нынче отправиться в деревню к Бобровским, но не поедем. Я дал в здешнюю русскую газету «Неделя» три стихотворенья — старых — для вкрапленья в статейку о моем вечере. Из берлинских лиц был только Троцкий. Я люблю тебя, — невыносимо и очень, очень нежно.

В.

92. 23 мая 1930 г.
Прага – Берлин, Луитпольдштрассе, 27

Здраствуй, моя душа. Я люблю тебя. Ни тогда, когда я был в Праге без тебя, ни тогда, когда ты была в St. Blasien'е, мне не было так без тебя нестерпимо, как <в> этот раз. Это, вероятно, объясняется тем, что я все больше и больше тебя люблю. Вчера был мой вечер, много народу, я прочел 10 стихотворений (все боевики, конечно), одну главу из «Соглядатая» — первую — и «Пильграма». При этом высосал две кружки пива. Астров сначала многословно обо мне поговорил и потом дал мне № «России и Слав.<янства>» со статьей Глеба, и там я узнал его фразы, ибо они были карандашиком отмечены им в статье, он прямо оттуда черпал и потом, очевидно, забыл стереть. Познакомился с массой людей, писал в альбомы, улыбался и т. д. На вечер явилась Ольга с мужем, который, оказывается, один из лучших пражских шахматистов. Вообще, было довольно весело, — но вас не было, моя душка. Познакомился с А<в>ксентиевым, который,

не зная, что Вишняк написал мне о прекращенье «Третьего Рима», сказал, что Иванов дал только «отрывок». Он очень приглашал в Париж. Статья Адамовича в П.<оследних> Н.<овостях>, как всегда, сдержанная. Зато милый Шерман написал прелестно. Очень поблагодари его демапар.

Тепленький, ты редко мне пишешь. Я, в общем, на это обижен, хотя не показываю. Осталось три дня с хвостом.

В.

93. Ок. 23 мая 1930 г.
Прага – Берлин

Мой маленький,

это последнее письмецо, назначаю вам свидание в 10.15 на вокзале в воскресенье.

Мой маленький,

мне не нравится ваша служба, я сержусь, мне очень не нравится. Главным образом мне не нравится то, что нужно так рано вставать, это,

должно быть, страшно тебя утомляет, — а работать с 9 до 5 ты просто не будешь, я поставлю мою ногу вниз (англицизм), это абсурд. Как только приеду, помещу в «Руле» объявленье — с именем и прозвищем — об уроках. Маленький, нежненький, слабенький, который прилежно трудится с 9 до 5, — это перспектива невозможная. Поговорю с Анютой (кстати, очень целую ее ручку).

Вчера был Изгоев — приехавший из Парижа, — говорил то же самое, что Ника. Иванов живет с Зинаидой. Сегодня будет Кадашев, Варшавский, а вечером Ольга с мужем, — сыграю с ним в шахматы. На днях был Сергей Гессен с женой, очень расспрашивал, каковы сейчас отношенья между его отцом и Обштейном. Я рассказал все, что знаю, и еще многое придумал, чтобы вышло пластично. Кирил<л> бредит стихами, отлично знает литературу, написал прекрасное сочинение о Лермонтове. День-деньской сочиняет — и одно стихотворенье уже сочиняет дней пять, — читает мне, а я ругмя ругаю. По-английски у него отличное произношение, и он хорошо знает английскую поэзию. Скуляри по-прежнему сладок и все время не смешно острит, — но муж он прекрасный, а Елена — прекрасная жена. С Боксушей у меня отношения холодноватые, все жду, чтобы он меня узнал. Питаемся хорошо, обильно, у всех аппетиты гораздо больше, чем у меня. До скорого, моя любовь.

Бусса

94. 1930-е (?) гг.
Берлин (?)

Душа моя,

заходил Миша, звал сегодня вечером, я сказал, что тебе передам, но добыть тебя не удалось. Пойди к ним. Я же зайду за тобой (к Каминкам) попозже (от Гессенов).

Целую ваши ручки.

В. Набоков

95. 4 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Первая часть дороги была очень приятна. Я почитывал и смотрел в окно на весеннее детское небо ‹…›[110]. На вокзале встретили меня Елена и мама. Мама в отличном настроении. Очень бодра, хорошо выглядит, хотя похудела. Елена мечтательно настроена и очень мила. Выяснилось, что Скуляри не был для нее ‹…›. Кирилл мне пока больше нравится, чем прошлый раз. Его младородство наносное, слегка озорное, в пику Евгении Константиновне. Впрочем, он страшный бездельник. Ольгин муж все так же мрачен, а Ольга очень похорошела. Ростислав чрезвычайно привлекателен и уже разгуливает по комнатам. Евгения Константиновна поседела, но еще больше поседел и полуослеп бедный Боксик. На днях, быть может, приедет Сережа, и тогда мы все снимемся в тех же позах, как на одном ялтинском снимке. Боксик тоже. Мой

---

[110] Сноски: 110

В. Е. Набокова, при чтении письма вслух, делала купюры, вставляла свои ремарки или замечания. В тех случаях, когда ее пропуски и слова можно отличить от текста письма, они либо заменены многоточиями в угловых скобках, либо вынесены в комментарии.

насморк все еще держится. Я сплю в маминой комнате на коротком и узком диване со спинкой. Ни в какие Парижи не поеду. Пришли мне, очень прошу, во-первых, «Уста к устам» (прочту только маме без комментарий), во-вторых, статью о бабочках. Ты знаешь, мы с тобой все-таки очень удобно живем. Боксику разрешается ходить в клозет и поднимать ножку у фарфоровой тумбы (для него тумбы). ‹…›

96. 5 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Передай Бертрану, что благодарю его за письмо. Томпсону я, как видишь, написал. По-моему, очень изящно получилось. Не забудь прислать то, что я тебя просил. Насморк мой немного лучше. Я бодр, выбрит, собственно говоря, пользуясь естественным окончанием странички, я хотел тут остановиться, но я подумал, что, может быть, <ты> не совсем превратно поняла мои намеки насчет смородины и красноножих. Не думаешь ли ты, что его отношение к героине Лескова и Замятина такое же приблизительно, как отношение жука к кузнечику? Тут солидность, медлительность, некоторая даже тупость, там легкомыслие, проворство, неуловимость. Мама на уроке, Кирилл очень хотел открытку Бертранову, но я ему не дал. У меня тоже есть альбомчик. Сегодня я его заставил принять душ. Думаю засесть за новый роман. ‹…›

97. 6 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Отрывки ты выбрала хорошо. Я пошлю «Магдино детство» в «Последние новости», а «Визит» ее в «Россию и славянство». Сегодня, однако, послать их не могу. Сделаю в понедельник. Я уже потратил на себя (папиросы, марки) около 20 крон. Мне не очень ловко брать на посылку отрывков, но придется. Может быть, ты перевела бы мне 3–4 марки? Или это сложно?

Из-за Азефа погиб младший брат Бобровского. Задолго до разоблачения Азефа он, брат, каким-то образом узнал, что Азеф — провокатор. Это было в Карлсруэ, и вернулся он в Россию сумасшедшим. Мания преследования. Он решил, что Азеф его теперь убьет. Он ни с кем не говорил, почти не ел, целый день катался на коньках. Однажды он попытался зарубить топором старшего брата. Вскоре после этого он бросился под поезд. Был страшно изуродован и умер. Мне это только что рассказал Петр Семенович, который пришел к обеду. А сейчас около семи, и он все еще сидит.

Сегодня Ольга рыдала, муж потерял ту неболь-

шую работу, которая у него была. Я вложил свою лепту в покупку для Ростислава некоторых носильных вещей. Единственное слово, которое он говорит, — это «да», с большим чувством и много раз подряд «да, да, да, да, да», утверждая свое существование. Погода мерзкая, холодно. По небу бегут оголтелые облака. Я сегодня не выходил, а насморк почти совсем прошел. Мне было сегодня неудобно почему-то брать на отправку, но это психологически. Разговоры по поводу положения Петкевичей и так далее. Но в понедельник я это сделаю. Ошибка, я оставил себе всего 20 крон. Мне казалось, что это хватит надолго. Знаешь, как забавно: мне по утрам мама приносит твои письма совершенно тем же манером, с той же ужимочкой, как в «Подвиге». Кстати, пиши чернилами, а то карандаш стирается, и написанные карандашом твои странички похожи на серые крылья ночниц, с которых сходит пыльца. Петр Семенович мне обещал достать тот номер «Русской мысли», где были впервые нап<ечатаны> мои стихи. Разбирая лишние тетрадки, я нашел совершенно забытое мной, но неплохое свое стихотворение, написанное в Beaulieu, которое начинается так: «Кресты, кресты…» Если не знаешь, спишу для тебя. Мне ужасно недостают

апельсины. Я забыл привезти Кириллу те книжечки стихов, которые ему посулил. В комнате разговор. Трудно писать. Тут все живут на взаимном сквозняке. Не ндравится <sic> мне «Камера». Кстати, я не знаю адреса «России и славянства», в понедельник Кирилл мне узнает. Мама газеты этой не получает, как, впрочем, и «Нашего века». Хамье этот «Наш век». Перечитываю в сотый раз «Бовари». Как хорошо, как хорошо! Вероятно, в понедельник буду в «Ските». Там, правда, бездарь на бездаре, но все-таки любопытно. Евгения Константиновна спрашивает, хочу ли я всмятку или яичницу. ‹…›

98. 7 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Сегодня иду с Раевскими смотреть свеженькую коллекцию бабочек в музее, а оттуда с мамой и с Кириллом едем к Сергею Гессену. Кстати, куда я положил деньги? А вот они, под диваном.

Я начал уже сомневаться в эпистолярных достоинствах вчерашнего моего письма к Томпсону, но хочу верить, что ты от него в восторге, особенно от фразы насчет fine, rich, warm, etc. Ростислав, в розовой кофточке, голубых шароварах и фиолетовых сапожках, стоит в дверях, прислонясь к притолоке, и вот пошел, как пьяный, хотел поднять мяч, уронил коробочку, поднял коробочку, уронил мяч и застенчиво мне улыбнулся. Бокс страшно ревнует, несмотря на слепоту и глухоту свою, начинает лаять, как только Евгения Константиновна берет Ростислава на руки. Ольга разговаривает исключительно на шахматные темы. Муж ее убежденный молчальник и настолько старомоден в своем личном обиходе, что Ольга рикошетом говорит о том, как это отвратительно — краситься, носить яркие вещи и так

далее. Вследствие, краски для губ она не взяла, а ему не пригодились клинки, ибо он, конечно, бреется обыкновенной бритвой. Насморк мой почти высох, погода отчаянная. Ледяной ветер, пасмурно. Я надел два пуловера. Привезу Флобера и футбольные сапоги. Летом поедем в Болгарию. Это решено. Пожалуйста, поцелуй от меня Анюту. Боюсь, что хозяйка, пользуясь моим отсутствием, частенько заходит к тебе и говорит, говорит, говорит. Купи сразу несколько марок по 20 пфеннигов и пиши. Меня, например, интересует, как твое здоровье. ‹…›

99. 8 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Насчет птиц и зверей могу тоже тебе написать. Я вчера был с Раевским в музее, но так как в одной из нижних зал открылась Пушкинская выставка, у меня несколько спутались впечатления. Любительская фотография — щеголь Гоголь с тросточкой среди русских художников в Риме, и изумительная птица *Pteridophora alberti*, о которой я тебе два года тому назад уже писал. На бумаге такого же голубого цвета оригинал «О Делия драгая», и прелестные геометрические виды старого Петербурга, и маленький плоский блондинистый грызун с соломенной крышей на спине, *Chlamydophorus truncatus.* Хламидоносец. А насморк лучше. Погода же дрянная, холодная. Рассказ Газданова я прочел. Он очень слабый. Мне очень неприятна эта телеграмма по поводу гранок. Я их наверное послал.

У Сергея Гессена мы не были. Он болен. Поедем в воскресенье. Вчера мы вместе с Ковалевским разгромили Бориса Владимировича в шахматы. Мама рассказала мне интересные вещи про свои

спиритические сеансы с семьей Рериха.

Вообще, убога и грязна жизнь в Праге. Но каким-то чудом мои сестры и брат сохранили поразительную душевную чистоту. И мама бодра, и Евгения Константиновна не унывает. Только что прочел в «Последних новостях» пошлейшую и глупейшую статью Адамовича о пошлейшем и глупейшем романе Лоренса. Педераст о педерасте. А сейчас буду писать Анюте. Мне нынче мешают писать, так что вышло несколько мозаичное письмо. ‹…›

100. 11 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Были мы у Сергея Гессена. Там был невыносимо разговорчивый Плетнев и очень приятный профессор Карпович из Харварда. В общем, Прага — ужасно безобразный город. В здешних памятниках старины, в какой-нибудь, скажем, черной ощипанной пятисотлетней башне есть что-то воронье. Церкви здесь носят груз веков без грации, а о домах пестрых, о магазинах, о мордах жителей нечего и говорить. Ночью было снова нашествие. Погода потеплела, но ветер завивается. Пыль. Солдаты около казармы играют в футбол. Прыгают воробьи по газону сквера. Уличное движение для меня как в зеркале. Понимаешь? Правое кажется левым. На остановке трамвая большие круглые сине-лиловые фонари, о которых я тебе когда-то, кажется, писал. Слушай.

’Twould ring the bells of heaven,
The wildest peals for years,
If Parson lost his senses
And people came to theirs,

And he and they together
Knelt down with angry prayers
For tamed and shabby tigers,
And dancing dogs and bears,
And wretched blind pit-ponies
And little hunted hares.

Ralph Hodgson. Я попробовал перевести, но пока что выходит не очень удачно. Милые стихи. Я привезу кое-какие книжки. Палец мой все еще болит и все еще брюхатый. Я его, по видимому, здорово расшиб. Привезу тебе остатки очень настойчивого насморка. «За собак и медведéй ученых, / тигров, унизительно ручных, / и петлящих зайчиков, и в шахтах / лошадей слепых».

Вчера был Сикорский и другой хохол, мучительно собирающийся сделать предложение Волконской. Пока еще он все не может решиться. Причащался вчера, но не помогло. Они чинили электрический звонок. Я приеду в субботу вечером. Кажется, в одиннадцать. Еще выясню. Приготовь мне обильный ужин. У меня в голове этакими лучами проходит роман, за который сяду, как только вернусь. Напиши мне два слова. На стенке передо мной висит акварель — Царская тропа между Мисхором и Ялтой. Там были див-

ные запахи. Там я ловил впервые Libythea celtis. А на столе стоит, между прочим, мраморный круглый кусок, который мы украли в Акрополе. Как ты думаешь, может быть, лучше так: «и слепых лошадок-углекопов / и затравленных зайчих»? Или, может быть, иначе: «за жалких, приручённых тигров, / собак ученых, медведе́й, / за маленьких преследуемых зайцев / и шахтенных ослепших лошадей». Скажи мне, как тебе больше нравится. В 8 часов мы встретимся с Кириллом у музея и идем в «Скит». ‹…›

101. 12 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Собственно говоря, я должен быть в Берлине к 20-му: вечер Гёте, но буду рад избежать этого. Я завтра буду в полиции, узнаю, можно ли мне остаться здесь еще 4–5 дней. У меня виза до 16-го, и если это возможно, то вернусь 20-го или 21-го, но во всяком случае не позже. Ты бы видела, как мама просияла, когда я сказал ей, что еще останусь несколько дней. Вчера был в «Ските». Узкая каменная лестница, мастерская Головина. Сомнительные произведения скульптуры по стенам, полусвет, сидят на каких-то низких ящиках, чай, у небольшого стола маленький Бем, похожий на цадика. Читал некто Маркович, краснолицый молодой человек, рассказ претенциозный и бездарный. Пример: «Она его процедила через ресницы», «Кельнер, как будто проглотивший метр» — и такие названия глав, например: «Блондинка на длинной волне» или «Ветер голубой романтики». Беднягу выругали. Затем поэт, Мансветов, длинноволосый, бледный, безглазый, прочел смутные стишки с такими пастернаков-

скими словечками, как «наобум», «вслепую», «под спудом», «овации» и так далее. После этого поэтесса Алла Головина прочла маленьким голосом грациозные и игрушечные стихи. И все. Был там Хохлов. Он летом едет в Россию. Поэтесса Ратгауз, дочь лучшего нашего лирика, с которым, кстати, случился удар, ему 64 года, спросила меня с восторженной улыбкой, как я отношусь к Вики Баум. Домой я вернулся один, ибо Кирилл пошел проводить своего друга Женю Гессена. Нынче вечером буду en famille читать «Уста». Сейчас иду на почту отсылать отрывки. Я не мог одолеть маленькие шедевры Ивана Алексеевича в «Последних новостях». А ты? Насморк прошел. Холодно. Ветер. То солнце, то облака. Знаешь ли ты, что во дни «Мадам Бовари» была, как сейчас, мода на кактусы? Вчера опять был Скуляри. Принес водки, чаю, жестянку килек и рассказывал, что американцы выдумали способ ловить и собирать молнию. Играю изредка в шахматы. Мне трудно отложить свой приезд, но ты права, я сам думал остаться (пару дней) лишних. ‹…›

102. 14 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Как тебе нравится статейка, уже вторая, таинственного «Обывателя» <?> в «Последних Новостях»? По-моему, довольно мило. Отрывки отосланы. Вчера читал «Уста к устам». Понравилось.

Пишу сегодня в Дрезден. Сегодня идем с мамой к Альтшуллеру, а завтра пойдем насчет визы. И то сказать, Сикорский, который ездит на мотоцикле с придатком, зарабатывает вдвое меньше, чем в прошлом году, а ездит всю ночь. Днем вообще никто не ездит. Погода мрачная, холодная. Я в двух фуфайках. Здоров, но палец болит. Покажу его Альтшуллеру. Вот тебе мои старые стишки, о которых я тебе говорил. Это не Бог весть что, но все-таки ничего.

Кресты, кресты, нагие очертанья
крестов могильных видел я во сне.
Не скорбь, не скорбь, а только ожиданья
и сладкий ветер с вестью о весне.

И отовсюду шепчущие звуки
дышали, распускались, как цветы,
и медленно кресты вздымали руки,
цветущие деревья – не кресты.

Beaulieu, 7–vi–23

Тебе придется позвонить Гессену и сказать ему, что мне пришлось задержаться в Праге и что поэтому я не сумею «участвовать в гётевском торжестве». Ne précise pas la date de mon arrivée, ибо il se peut, что как раз приеду 20-го, да, наверно 20-го, и я не хотел бы ехать прямо с корабля на бал. Сделай это, пожалуйста. Вот еще старый, очень старый стишок:

Я Индией невидимой владею.

‹…›

103. 15 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Семь лет тому назад мы ходили в Standesamt. Сегодня я тоже был в присутственном месте. Ничего не вышло с продлением визы. Не было некоего пана референта, который этим занимается. Придется зайти опять завтра утром. Но во всяком случае чиновник, отказавшийся со мной говорить по-немецки под предлогом, что мы, дескать, оба славяне, отнесся скептически к возможности моего дальнейшего пребывания в его отчизне. Ежели и завтра будут пытаться ставить бревна в мои часовые колесики, я просто плюну, останусь здесь до 20-го, а там будь что будет. Возможно, что на границе у меня из-за этого будут неприятности, но я проеду. Спрашивается, как они смеют, эти крысы, эти совершенно несъедобные господа, чинить мне затруднения.

Вчера у Альтшуллера я познакомился с прелестной черной ласковой таксой, принадлежащей его сыну, тоже доктору. Женат на гречанке, две девочки. Чудная квартира в нарядном районе. Огромная практика у сына. Я показал старику мой

больной палец. Воспаление сустава. Компресс на ночь. Говорили о том о сем, о берлинских знакомых, о знакомых крымских. Такса не отходила от меня. Требовала, чтобы ее гладили. У меня потом весь вечер оставалось на ладони ощущение гладкой шелковой черноты. Был вчера и Сикорский, и Сергей Гессен, а также приползли из своих апартаментов Ковалевские. Он розовый, круглолицый, моложаво лысый, в голом пенсне, в пижаме, тоже болен (язва желудка). Она — очень красивая, картавящая, играющая глазами. Написал я Мульману, но боюсь, что это peine perdue. Привезу тебе всю корреспонденцию, Флобера, а также «Лик человеческий» Гиппиуса. Сумбурная поэма, но есть в ней чудесные, вдохновеннейшие места. Например, такая строфа: «Если не верите, идемте к морю, / закиньте невод, вам ответит глыбь / обильных рыб. И как рабы, не споря, / бросали невод мы в морскую зыбь / и радовались, что обильем рыб / был невод наш тяжел, и густ, и черен». Правда хорошо? Маму я соблазнил Джойсом. Но, к сожалению, его здесь не достать. В публичной библиотеке его просто нет. Есть в чешском переводе. Представляю, какая ерунда. Кроме названных, были вчера Вацек, чешка, старая дева, жила прежде у мамы, и долж-

на была прийти пассия Кирилла, Ирочка Вергун. Но не явилась. Я хочу написать очень стройную, очень простую книгу. Я пока вижу только большие лучи и испытываю приятное щемящее чувство. Ух, как мне попадет за бедную «Камеру». И поделом. Боже, как мне хочется апельсинов. Тут и питаются недостаточно, а самое грустное — это то, что, пока я здесь, питаются лучше, чем обычно. Евгения Константиновна сейчас принесла мне чашку кофе и рогульку и просит тебе передать привет и говорит: «Бедненькая, ей сегодня грустно без вас». Мама сейчас на уроке. Кирилл в университете. Погода мягче, но небо серое. Ты не можешь себе представить, какие они оба нечистоплотные. Если не уследить, может, например, вымыть мальчику лицо в той же посуде, в которой варит суп, и наоборот. На днях я застал такую картину: Ольга на диване читает безобразно истрепанный том Герцена, а ребенок на полу мечтательно посасывает жестяную лоханку Бокса. Если они уедут или съедут, то решено оставить Ростислава здесь. ‹…›

104. 16 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Куколки никогда так не висят, как ты нарисовала, и дым не так идет из очень симпатичного домика, зато молодой лев очень хорош, как, впрочем, и медвежата. Разумеется, я уже буду в Берлине в субботу, так что можешь звать Кожевниковых. Я буду очень рад повидать Володю.

Роман, о котором ты спрашиваешь, будет об экзамене. Представь себе такую вещь. Человек готовится к автомобильному экзамену по городской географии. Об этом приготовлении и разговорах, связанных с ним, а также, конечно, о его семье, человеческих окрестностях и так далее с туманной подробностью, понимаешь, говорится в первой части. Затем незаметно переход во вторую. Он идет, попадает на экзамен, но совсем не на автомобильный, а, так сказать, на экзамен земного бытия. Он умер, и его спрашивают об улицах и перекрестках его жизни. Все это без тени мистики. На этом экзамене он рассказывает все, что помнит из жизни, то есть самое яркое и прочное из всей жизни. А экзаменуют

его — люди давно умершие, например кучер, который ему сделал в детстве салазки, старый гимназический учитель, какие-то отдаленные родственники, о которых он в жизни лишь смутно знал. Вот эмбрионыш. Я, кажется, тебе плохо рассказал. Но это трудно. Он у меня, этот роман, еще в стадии чувства, а не мысли.

Мои добрые знакомые и поклонники — хамье. Ничего не поделаешь. А оптимист из Данцига очарователен. Мама простудилась. Сегодня лежит. Боюсь, что бронхит или грипп. Настроение у нее ужасное. Да это и понятно. И так невесело, а тут еще простуда. Седьмая с осени. Утром мы с Кириллом были в комиссариате, где заполнили какой-то бланк, где ты тоже фигурируешь (так по-чешски), жёнка. В общем, это, кажется, называется прописаться. В понедельник мне продлят визу до среды. Это очаровательно. Вот стихотворение мое второе. Первое (самое первое) было напечатано в «Вестнике Европы» или «Русском богатстве», не помню. И года не помню. Кажется, <19>16-й, зимой. Из «Русской мысли» <19>17 года. Оно очень трогательное.

Зимняя ночь

1

2

3

4

Зимнею лунною ночью молчанье
Кажется ровным дыханьем небес…
В воздухе – бледных лучей обаянье…
Благословенные лунным сиянием,
Дремлют аллея, и поле, и лес…

Лыжи упругие сладко скрипят;
Длинная синяя тень провожает…
Липы, как призраки черные в ряд,
Странные, грустные, в инее спят…
Мягко сугробы луна освещает.

Царственно круглое белое пламя
Смотрит на поле, на снежную гладь…
Зайца вспугну за нагими кустами;
Гладь нарушая тройными следами,
Он пропадет… и безмолвно опять.

Нивой пойду… Беспредельна она…
Воздух хрустально-морозный целую…
Небо – сиянье, земля – тишина…

В этом безмолвии смерти и сна
Ясной душой я бессмертие чую.

В. В. Набоков

Все это очень слабо, но и весь журнал тоже очень слабый, с какими-то переводами с норвежского, с романом Тырковой «Добыча» и с такими дамскими стихами:

Изысканный паж с улыбкою фавна,
изнеженный паж уйдет на войну.

Только что мама померила температуру: 38, 2. Очевидно, грипп. Тут нынче очень мрачно. Не забудь сказать мне насчет «Уста к устам». Приеду в среду, благо рифма. ‹…›

105. 18 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Ну что ж, послезавтра, в среду, приеду. Сегодня Кирилл узнает мой точный час прихода поезда. Были мы с ним опять в гнусном заведении, где лениво покуривают три хамоватых чиновника. Паспорт мой остался там. Я должен за ним в среду утром зайти, но на нем, по-видимому, будет какой-то штемпель. Мерзкая и никчемная канитель. Я очень жалею, что вообще затеял это хождение, но мама волновалась, думала, что меня вернут с границы. Она нынче немного лучше себя чувствует, но жар еще держится. Перечитывал я на днях мой перевод «Alice in Wonderland». Есть два-три удачно переданных места. Я, помнится, очень спешил и допустил несколько безграмотностей. Иллюстрации же ужасно пошлые. Неудачная книжка.

Вчера этот балда Петкевич, рассердившись на ребенка за опрокинутую чашку, крепко шлепнул его. Ольга рыдала и приговаривала: «Ты уж лучше меня колоти». Евгения Константиновна говорит, что это уже не первый раз. Мрачный

мещанин. «Дети должны бояться отца». Крахмальный воротничок и грязные ноги <ногти?>. А ты бы видела маленького. Нежный, тихий, задумчивый. Шаховской, поймавший за лето несколько редких бабочек вместе с Федоровым, написал мне вчера. Встретимся, мол, в «Очаге». Обычное здесь rendez-vous. Ольга об этом узнала и пришла в дикую ярость. Я сказал ей, что если это ей так неприятно, то, конечно, с ним не встречусь. Ничего не поделаешь.

Помнишь, я тебе писал о некоем Плетневе. Встретив Еленочку (они вместе служат в библиотеке), он сказал ей про меня: «Надменен, аглицкая складка». Обижен, что я предпочитаю Джойса Достоевскому и не люблю Лескова. Зато говорит, что у Раевского лицо принимает какое-то райское выражение, когда он упоминает мое имя. Завтра утром мы с ним идем смотреть коллекцию ископаемых насекомых, вернее, их отпечатков. По нашей старой доброй вестфальской привычке я на днях уронил лампу, и с ней случился разрыв сердца. Думал, что Сережа приедет, но сегодня пришло от него письмо, что приехать он не может. Должен экономить. То есть, по-видимому, друг его должен экономить. Кризис. Друг его плотный, довольно полный сорокалетний муж-

чина. Сережа, когда последний раз был здесь, показывал снимки. Вот тебе очередной стишок: «I hear a sudden cry of pain! / There is a rabbit in a snare…» Это стихи Джеймса Стивенса, и я их не переписываю.

Я решил в матчах футбольных больше не участвовать, а только тренироваться. Забавно: вот сейчас вошел Кирилл с твоими и Анютиным письмами и с «Последними новостями» с «Камерой». Поговорю с Ольгиным мерзавцем, как мы здесь его называем. «Камеру» надо послать сегодня. От Мульмановича ни гугу. Письмо Анютино валять не буду. Оттого, что я не прочту пушкинского «Фауста» вслух, Союз не погибнет. Так и надо было сказать Гессену. А если он думает, что я собирался читать доклад, то он ошибается. ‹…›

106. 19 апреля 1932 г.
Прага – Берлин

‹…› Встреть меня в 10.25 вечера завтра, в среду, на Анхальтер-вокзале. Знаешь, мы напрасно затеяли эту историю с Дрезденом. Они предлагают устроить вечер в эту субботу и так далее. И хотя мне жаль разочаровать их (письмо, повторяю, крайне радушное, с обещанием горячего приема и широкого гостеприимства), но в Дрезден я не поеду. В общем, вышло довольно глупо. Сегодня утром я был опять в музее. Видел очаровательные отпечатки стрекоз, цикад, муравьев, сороконожек, а также мумии насекомых в прозрачном янтаре. Маме, в общем, лучше. Слава Богу, нет астмы. Вчера вечером за отсутствием Кирилла я помогал Евгении Константиновне мыть кухню. ‹…›

107. 13 октября 1932 г.
Кольбсхейм – Берлин

‹…› Тебе письмо от Лизбет. Ничего интересного. А мне от Фонда, который будет в Париже 14-го или 15-го. Тут все по-прежнему. Ну и погодка. Рассказ зреет. А пилку для ногтей ты так-таки увезла. Поцелуй Анюту и кланяйся Дите.

Из Парижа будут длинные письма. ‹…›

108. 15 октября 1932 г.
Кольбсхейм – Берлин

‹…› Я посылаю тебе письмо, которое сегодня получил от Ульштайна. Они берут «Звонок». Позвони Крелю, скажи, что я в Париже. Поговори с доктором Якоб. Согласись на сокращение. Перевод и так — труп, можно его еще кромсать, не жалко. Только не знаю, кто должен сокращать. Письмо Креля очень милое.

Теперь второе. Ника меня свел с главным здешним книгопродавцем Herz, который на дружеской ноге с Грассе и Фаяром. Чрезвычайно «заинтересовался» мною. Обещал устроить кое-что. А именно, он с другими книжными друзьями основал общество библиофилов, которое заказывает издателю 100 лишних экземпляров «люкс», выборные книги для эльзасских любителей. И вот он обещал выбрать одну из моих книг. А кроме этого, устроить рекламу, выставить в своей витрине портрет и черновик и так далее. Им как раз нужен иностранный писатель. Он просит, между прочим, отзывы. Надо ему послать «Nouvelles Littéraires», но я хочу сперва выяснить,

когда мои книги выходят. «Nouvelles Littéraires» и еще из «Mesures» пошли сюда Нике. Он передаст. Кроме того, мне очень нужны главные пункты моих договоров с Грассе и Фаяром. Напиши, прошу <теб>я. Я боюсь напутать. В Париж я еду завтра, в четверг буду там (ужасное перо) в 8 часов вечера. Получил сравнительно бодрую открытку от мамы. Она просит меня повидать Сережу, который сейчас в Париже.

Еще одно. Я получил из Брюсселя предложение приехать почитать, но условия мне не очень по душе. Чтение устраивает клуб русских евреев, а пишет Наташина сестра — Малевская-Малевич. Советует сделать contre-proposition 50 % и дорогу туда и обратно. Или прямо 75 %. Кроме того, приглашает русский кружок в Антверпене. Я ей сегодня напишу. Сделаю эту самую контру. Приезд в Брюссель нужно будет сообразить с страсбургским выступлением, о котором Ника еще будет с Герцем говорить. И вообще, все это нужно будет приурочить к времени моего возвращения из Парижа. Правда, вчера, когда был в Страсбурге, постригся и исправил часы. В трамвае на видном месте огромное объявление: «Société Protectrice des Animaux». Так что мы напрасно грустили.

Только что, то есть пока я пишу, выяснилось, что в четверг вечером будет обедать глава вышеупомянутых библиофилов, так что я поеду в Париж в пятницу утром. Страшно деловое письмо. Сегодня солнце, и одна потрепанная Io нежится на потрепанной астре. Паршивая бритва, если случайно вспомнишь, пришли мне штучку в письме, а то мучительно бриться. ‹…›

109. 17 октября 1932 г.
Кольбсхейм – Берлин

‹…› Сперва, чтобы не забыть. Старушку зовут мадам Морис Грюнелиус. Сообразуясь с твоей просьбой, буду очень осторожно переходить улицы в Париже, куда поеду во вторник. Получил очень милое письмо от Denis Roche. Благодарит за похвалу. Счастлив будет встретиться, и так далее. Ты, кажется, не поняла фотографии Мунго и змея. Ведь Мунго или, вернее, мангуст всегда убивает змею. Это его страсть, должность и свойство. Вообще, это милейший, кроткий зверек, но, когда дело доходит до змей, он сатанеет, а потом торжествует победу маленьким танцем.

Вдохновение не приходит. Боюсь, не напишу ничего до приезда в Париж. Тут очень холодно. Ты знаешь, я, кажется, запропастил Лизино письмо, но, не правда ли, в нем ничего не было важного. Еще поищу. Была соседка к чаю у Грюнелиусов. Очень много спрашивала о тебе. Я спасаю мышей, их много на кухне. Прислуга их ловит: первый раз хотела убить, но я взял и понес в сад и там выпустил. С тех пор все мыши приносятся

мне с фырканьем: «Das habe ich nicht gesehen». Я уже выпустил таким образом трех или, может быть, все ту же. Она вряд ли оставалась в саду.

Не понимаю, почему не пишет мама. Мне прямо нестерпимо хочется засесть за рассказ, но еще не все созрело. Подумываю и о статье о французском языке русских дворян, «Ne parlez pas devant les gens». «Bibliothèque Rose», гувернантки, французские стихи. Читал, то есть перечитывал письма Александры Федоровны к царю. В общем, страшно трогательно. Они очень хорошо друг друга любили, но с политической точки зрения… Кстати, ты, вероятно, читала ничком или полуничком на Анютином диване о Блоке в «Последних новостях», о его письмах. Знаешь, что Блок был из евреев. Николаевский солдат Блох. Это мне страшно нравится. Я все сделаю, что могу, в Париже. Поцелуй Анюточку. ‹…›

110. 22 октября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Дорога из Страсбурга до Парижа была совершенно упоительна по своей живописности. Холмы покрыты рыже-красно-зеленой листвой. Курчавые, как резеда. Я приехал в 5 часов вечера. Вселился в маленькую, но очаровательно-удобную Никину квартиру. Побрился, переоделся, пошел в кафе, оттуда позвонил Фондаминскому и уже в половине восьмого был у него. Был еще Зензинов, а жены не было дома. Потом пришел Керенский, похожий на старого, но еще бодрящегося актера, громко говорит, смотрит сквозь золотой лорнет, прижимая его к левому глазу. Посидели, поговорили. Устраивается комитет (Фонд, Зензинов, Алданов и другие) для устройства моего вечера.

Фонду нужно было идти на заседание «Современных Записок», я проводил <его> до Вишняка. Там видел Вишняка (чудовищный акцент, акропольские расписания, поговорим обо мне), тихого Руднева, черного Демидова и Алданова, ставшего похожим très en gros на Шермана. Со мной все

очаровательно милы. Совершенно неожиданный успех имеет «Камера». По словам Фонда, даже Зине понравилось. А Керенский пожал мою руку, выждал паузу и драматическим шепотом: «Изумительно». Сегодня масса дел. Буду сейчас пить кофе, потом звонить Сюпервьелю, писать Кокто, потом «Последние новости», свидание с Алдановым и так далее. Ника и Наташа — страшные душки. Дали на дорогу тайно всякие вкусные вещи. Тут всё есть. ‹…›

111. 24 октября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Бурная деятельность продолжается. Звонил вчера Сюпервьелю и буду у него сегодня в 11 часов утра. Сейчас очень рано ‹…›, прустовское утро. Послал письмо Кокто. По телефону его достать трудно. Полиция будто бы следит за тем, чтобы он не устраивал оргии опиума, так что в телефоне сквозняки. Вчера позавтракал в русском ресторанчике, где сидят на табурете за стойкой, потом поехал в редакцию. Там меня приняли прямо трогательно. Видел Ладинского: очень милый, с простым лицом. Служит телефонным мальчиком. Опять Алданова, Демидова. С ними втроем выпил кофе внизу. Полякова, Волкова и так далее. Затем явилась довольно хорошенькая дамочка (но портят ее промежутки между выдающихся зубов), оказавшаяся Берберовой, и мы с ней пошли в кафе. Разговор ее чуть-чуть пошловат. Подробно рассказывала о разрыве с Ходасевичем. Намекнула, что у него появились какие-то непокорные серые очи. Сказала, что моя эпиграмма на Иванова вписана в особый альбом

группой «Перекрестка», что она представляла меня именно таким, «слегка загорелым». Перерыв, надо было вставать. Поехал домой. По дороге купил в русском магазине пирожков и так далее. Поужинав, отправился на вечер Дон-Аминадо. Он прислал мне билет эстрадный. Сидел с Алдановым. А перерывы объявлял во фраке (взят<ом>, по-видимому, из-за фрака и титула — ужасно) Рауш, который приезжал, помнишь, ко мне. Кстати сказать, предложил комнату у себя. А вечер был кошмарно скучный. Публика точь-точь как в Берлине. Те же дамы, среди них Адамова, которая зовет к себе. Очень все это мрачно. Морили юмором из старых номеров «Последних новостей», но, конечно, слава Богу, кончилось рано. Сегодня утром начал к тебе письмо и получил два твоих. Напишу Фрумкину слова благодарности. Хорошо, что ты дала С. Г. посылку для мамы. Зёку еще не успел повидать. Насчет Страсбурга и Бельгии жду известий. Лизавете сегодня звонил. Сговорился, буду завтра у них обедать в 7 часов. Мне очень нравятся лимузинские стишки. Продолжаю рассказ.

Был я, значит, сегодня утром у Сюпервьеля. Долговязый, похожий на лошадь. Побеседовали о литературе. Обещал меня в пятницу познако-

мить с редактором «Nouvelle Revue Française» Поланом. Был очень любезен. Буду у него опять во вторник утром с «Лужиным». О собственном творчестве говорил охотно, высокопарно, но, в общем, очень симпатично. С бульвара Lannes прошел пешком. Очень симпатичная погода. Рыже-голубая. Пообедал в русском ресторане и оттуда перешел в кафе, вспомнив, что нужно написать Нике. Когда мне дали бумагу, оказалась на ней «Ротонда». В три зашел к Фонду, говорить о вечере моем. Познакомился с Амалией Осиповной и с очень симпатичным полковником. Душа моя, какой у них кот! Что-то совершенно потрясающее. Сиамский, темного бежевого цвета, или taupe, с шоколадными лапками и таким же хвостом. Причем хвост сравнительно короткий, так что в крупе есть что-то от собачки или, скорее, кенгуру, да и цвет такой. И особая гладкость короткой шерсти, и какие-то нежнейшие белесые оттенки на сгибах, и дивные ясно-голубые глаза, прозрачно зеленеющие к вечеру, и задумчивая нежность походки, какая-то райская осмотрительность движений. Изумительный, священный зверь, и такой молчаливый — неизвестно, на что смотрит глазами этими, до краев налитыми сапфирной водой.

Оттуда же я и звонил Лизбет, и, когда опять сел к чайному столу, Амалия Осиповна, полненькая пожилая дама, очень тихая и приятная, молча протянула мне мое письмо к Степуну, о ее переводе на английский язык «Переслегина». Tableau. Степун сказал, что я не знаю, кто делал перевод, и я сделал вид, что очень удивился, и все добродушно хохотали. Так что все благополучно. К пяти поехал к Ходасевичу. Маленькая, неопрятная кислая квартирка за городом. Ходасевич похож на обезьяну или даже на Ачария, и тоже такие индусские движения, и не очень смешные шутки, и щелкает словами, и все это на довольно грустной подкладке, и очень тощий, и страшно был мил со мной. А еще сидела за круглым столом с бедненьким угощением Берберова. Она потом сказала мне: «Вы заметили, как там грязно с тех пор, как я там с ним не живу». Терапиано и Смоленский — приятные молодые люди, типа наших «поэтов», и так же говорят. Оттуда поехал обедать к Алданову. Обедали à trois: его жена — полная, черная, я вдруг опьянел от двух рюмок водки. Да, забыл, Ходасевич знает немножко бабочек: Антиопа, Ио, Аполло. Вообще, какой-то трогательный. Он мне очень понравился, гораздо больше Берберовой. С Алдановым поговорили

по душам о моей судьбе, можно иметь в Пасси квартиру, 2–3 комнаты, со всеми удобствами, за 5000 франков в год. Показывал мне целый шкап переводов на 14 языков, огромные, очень аккуратные склады рецензий, стол, где он пишет, рассыпанные страницы черновика, неоконченную страницу, папку с заметками. И как будто впивает похвалу. К десяти пошли с ним к Фонду. Там был опять Керенский, забравший мои спички (сейчас мучаюсь без курения) и называющий Алданова «мсьё Алданов», образец шуток его, — все это очень громко, — и говорящий с какой-то легкой завистью о Муссолини. Дивный сиамский кот и огромный, толстый, с толстыми пальцами Рутенберг, убийца Гапона (повесил его). Он занимался тем, что выковыривал из какой-то копилки Амалии Осиповны в виде собачки монеты, су, франки, а Вишняк рассказывал Алданову, впивающему его слова, что Грузенберг пишет о его вещах. И пили прекрасный чай. Это оценит Анюта. Скажи ей, что я люблю и целую ее. В начале двенадцатого я поехал домой. Ужасно устал за день и вот лежу и пишу тебе. Уже половина второго, нашел в подкладке пиджака спичку, закурил. Я еще не видал «Современных Записок». Не успел. Завтра утром — Сергей и Милюков. Ан-

дрей Седых — вовсе не Осоргин, как мы думали, а Цвибак. Собирается меня интервьюировать. Алданов находит, что я лицом похож на Осоргина. Тут нет ни Адамовича — он в Ницце, — ни Иванова (сидит в Риге, ждет смерти отца Одоевцевой). «Мой дядя самых честных правил…» Завтра, если успею, буду кое-что писать по-французски. Фонды очень хотят, чтобы я пришел, когда будет у него мерзкая чета Мережковских. Но я ему прямо сказал, что не хочу с ними видеться. Фельзен, оказывается, мой большой поклонник. Еще нужно повидать тысячу людей. Идет дождь. Видишь, как я много тебе написал. У Грюнелиуса во время обеда у меня слетела пуговица с синего пиджака, а все были в смокингах. Ника, правда, сделал компромисс: шелковая рубашка, без жилета. А у меня слетела пуговица, и мне ее пришила Антуанетта. Стараюсь не делать gaffes и так далее, в меру сплетничаю. Сегодня, выйдя из метро к Супервьелю, я спросил у прохожего, где бульвар Lannes. «Oh M'sieur, c'est loin d'ici, c'est tout à fait de l'autre cote, devers les fortifications». Мы оба стояли на бульваре Lannes. Это уже третий случай этого рода. Самое было ужасное, когда в трактире, где телефон, хозяин мне объяснял, где salle de vue. Аминада вечер. Он посылал меня Бог знает куда.

Хорошо, что я не послушался, а сообразил свои движения с планами, указаниями Фонда. Вероятно, буду читать ему, Ходасевичу и Алданову «Отчаяние» и дам главу в «Последние новости» после вечера, который будет 19-го или 20-го.

Как говорит Фонд, «началась кампания». Куприна, говорят, нельзя приглашать. От одной рюмки он вдребезги пьян. Уж очень тут много литераторов. I've had my fill. Алданов не совсем понимает, когда шучу, когда нет. Смотрит недоверчиво, а Ходасевич сразу понимает. Я Алданову сказал: «Без жены я не написал бы ни одного романа». Он ответил: «Да, мы уже здесь слыхали, как она вам помогает». Вейдле совсем молод. Я еще не видел его. Он в отъезде. Здесь гораздо, гораздо приятнее было бы жить. Ох, как поздно. ‹…›

112. 25 октября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Все у меня идет очень и очень успешно. Я уже успел подружиться с Супервьелем, который страшно милый и талантливый. Провел у него сегодня все утро. Я ему «Лужина», он мне стихи. Некоторые — замечательные — я предложил ему перевести на русский. Беседовали очень хорошо и тепло. Он пришел в состояние восторга от отрывков из «Лужина»: начало и партия. Говорит, что перевод неплох, чуть неуклюж местами. На днях опять буду у него. Вот еще на кого он похож — на Сергея Родзянко. Сейчас сижу в кафе, а только что изумительно пообедал за 6 франков у Прокопа. Четверть третьего. В три должен быть у Анри Мюллера (Grasset), а в четверг у Жана Фаяра. Условился с обоими вчера по телефону. А завтра днем у Полана, «Nouvelle Revue Française». Буду предлагать переводы рассказов и так далее. Может быть, «лужинскую партию», по совету Супервьеля. Вчера днем звонил еще Лукашу, Милюкову (условился о встрече) и Адамовой, которая обещала продавать биле-

ты. И написал письма Дени Рошу, Коварскому, Фрумкину. Крелю подписал, а Левинсона увижу в четверг у Фаяра.

Утром же вчера виделся с Сергеем и ужинал у Томпсонов. О моей литературе мы не говорили. У него здесь какие-то уроки, у Сергея. Этот ужасный стеклянный взор и какая-то атмосфера трагического. А говорит очевидные вещи. Но сказал, что хочет поговорить со мной о сути, выяснить, по-видимому, мое отношение к его жизни, и для этого зайдет ко мне завтра, в среду, в 3 часа, после чего поеду в «Nouvelle Revue Française». Нужно писать Грассе. Прерываю. L'addition, s'il vous plaît. Одно кофе.

Вот вернулся домой от Грассе. Прилег, к половине седьмого нужно к Фондаминскому. У Грассе меня очаровательно приняли. Мюллер, милейший молодой человек, по-моему еврей, и другой, тоже милейший, Тиссен, который специально занят моим романом. С Мюллером мы поговорили очень весело и по-дружески. Обещал на днях мне черкнуть словечко, встретиться. Очень советовал повидать Эргаз Габриэль Марсель, критик. И еще кое-кого; дал адреса. А Тиссен признался мне, что «Камеру» взяли вслепую или, вернее, взяли благодаря отзывам Немировской (!), Брянчанинова

(??)[111] и Эргаз, которая переводы еще не сдала. Мне посоветовали ее подтолкнуть. О денежной стороне я там ничего не говорил хотя бы потому, что это неудобно было бы без Коварского. К Марселю у меня есть письмо от Ники, а у издательства ужасно пыльный, непрезентабельный вид, вроде склада «Логос» бывшего. Очень симпатично и просто, без немецких штучек, сидят на столах, говорят о пулях и так далее. Какие-то потрепанные, мятые фотографии на стене без рамок. Между прочим, бородатый, толстоносый Лоренс и рядом какая-то девица. Прелестно. Там думали, что Набоков — представитель Сирина. Кажется, что все складывается превосходно. Той, той, той. Днем вчера писал, значит, письма и телефонировал, а потом поехал к Томпсонам с таким расчетом, чтобы купить по дороге foie gras. Был в дюжине магазинов, не нашел, хотел купить цветов. Тоже не нашел и явился к ним с повинной. Подробно рассказал все, что случилось. Они очень благодарили тебя за внимание. Угостили дивным обедом с шампанским, и вообще, масса вина. Но не в том дело. Оба так милы. Он так интересен. Мы так славно беседовали,

[111] Сноски: 111

В. Е. Набокова при чтении указывала некоторые знаки препинания.

что прямо жаль было уходить. Показывал дивные старые книги. Все издания «1001 ночи», средневековый учебник анатомии со скелетами в непринужденных позах на фоне пейзажей, чудных английских поэтов с авторскими исправлениями и еще много чего. А я сейчас очень в форме, в смысле en train. Лизбет играла в Ю. Ю. и очень трогательно о тебе говорила. А в четверг я иду с Томпсоном на обед в Американском клубе, где будет говорить драматург Бернштейн. Он, кажется, пошляк, но все-таки интересно. Скажи Татариновой, что я звонил Ромочке и повидаю ее. Подсуну билеты. С Лукашем встречусь в четверг после Американского клуба. Завтра примусь за Шкляверов. Кому ни позвонишь, уже все знают, что я здесь. На улице по вечерам со мной заговаривают по-английски блудницы. Да-с. Ах, какая прелесть Супервьель, а Томпсону я посоветовал достать музыку Николая. Он сказал, что сделает это непременно. Я уже меньше устаю. Привыкаю. ‹…›

113. 28 или 29 октября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Вчера с татариновскими девушками и женщинами — Рома, Даня, сестра Ромы Адамова — и братом Ромы, который, собственно, и приглашал, поехали к цыганам в очень симпатичное русское заведение «Au Papillon bleu». Там пили белое вино и слушали действительно прекрасное пение. Настоящие цыганки плюс Полякова. Это мой первый кутеж здесь, и не ахти какой. Нас развез Клячкин по домам (он сегодня утром в Берлине, кстати сказать). Я был дома уже в 1 час ночи. Очень примерный и милый, но беготня и недо<сыпанье?> последних дней сказались. Проснулся я в половине третьего. К счастью, никаких утренних дел не было. А сейчас около пяти. Скоро должен ехать к Denis Roche. Я для него приготовил открытку с «Бак берепом», чтобы он наконец понял, в чем дело. Париж уже полон разговоров обо мне, и уже они приходят ко мне обратно. Меня находят «англичанином», «добротным». Говорят, что путешествую всегда с tub’ом, по соответствию с Мартыном, что ли.

И уже bon mots мои возвращаются ко мне. Вот мы какие.

Читала ли ты статью Осоргина и словеса Адамовича? Показывают, как, в общем, приятно ‹…›. Не могу от тебя скрыть, что я опять сейчас сижу в «Ротонде». Тут очень удобно писать. Пью кофе. Завтра и отчасти в воскресенье буду сочинять. Я себя отлично чувствую здесь. Во-первых, потому, что пишу очень удобно, во-вторых, потому, что отдохнула голова и хорошо, хотя недолго, сплю. Не забудь мне прислать «Музыку». А если не найдешь, то придется взять в «Последних новостях». Но тогда напомни мне, когда это было приблизительно. Звонил к Шкляверам, но не застал. Зайти ли к Соне? Узнай у старика, где Зёка. Я звонил ему, но сказали, что он уехал или переехал.

Как тут мало собак на улицах! Вчера, впрочем, я ласкал милейшего молочноглазого щенка в каком-то переулке. Завтра непременно напишу Анюточке. Передай ей мою нежность. Люблю ее очень. Уже поймал две блохи. Даня и Рома мало изменились. Кажется, удастся продать много билетов. «И снова всеми четырьмя цветными крыльями на астру ложится бабочка плашмя». Это стихи о Кольбсхайме. Послал их Нике и Наташе. Писал им дважды, но они молчат. Не знаю

даже, когда приедут, но комната у милейшего Рауша мне обеспечена. ‹…›

114. 29 октября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Был сегодня у Denis Roche и у Дани. Оба живут в одном доме, в очень мрачном районе, около бульвара Араго, где казнят. Даня рассказывает мне свой роман с французом. A Roche оказался седым господином с долгим лицом, слегка старосветским. Говорит, что еще многое подчистит и поправит в переводе. Буду опять у него во вторник вечером — просмотреть вместе некоторые места. Будет Зноско, а сегодня был у него старик, оказавшийся сыном художника Ге. Собственно говоря, я уже писал тебе сегодня, остановился в кафе. Но сейчас, когда вернулся домой, нашел твое двойное письмо, и хочется вторично тебе написать.

Кстати, насчет кафе. Я кончил на том, что появилась пятилетняя русская девочка. Вот как это было. Через столик от меня (столик расположен вдоль длинного дивана) сидел крупный, в черной шляпе, пожилой господин с русской маленькой девочкой. ‹…›[112]

---

[112] Сноски: 112
Комментарий В. Е. Набоковой: «Это все неинтересно вам».

115. 31 октября 1932 г.
Париж – Берлин

Воскресенье вечером

‹…› Сейчас около одиннадцати. Только что вернулся домой. Ужасно устал за день. Вчера, значит, пил чай вдвоем с Фондиком. Это прямо ангел, и все его называют ангелом. Прописываться не нужно. Я встречаюсь на днях у Алданова с американским профессором, который мною «заинтересовался». И если американцы купят хоть один роман… Ну, ты сама понимаешь. Галлимар мне еще не ответил насчет «Подвига». Авось возьмет. Впрочем, и другие розово-сомнительны. Оттуда поехал в «Последние новости». Там у Демидова сидел Александр Николаевич Бенуа, с которым мы облобызнулись. Он мало изменился, только бородку сбрил. Но так же темен с лица, широкий нос, очаровательный голос, носит пенсне и поверх их очки. Я буду у него в четверг вечером. Дал Демидову кое-какие библио- и биографические сведения. Говорил с Алдановым и Цвибаком, который будет меня завтра утром интервьюировать и угощать

завтраком. Поужинал в ресторане и к восьми был уже дома. Разделся, лег, кое-что пописывал до полуночи. А потом ветер мешал спать. Едва успел сегодня утром быть вовремя у Томпсонов. Прямо натощак выпил два коктейля. К завтраку были перепелки. Очень хорошо и уютно беседовали до трех. Буду у них опять в пятницу. В три поехал по электричке в Meudon, со станции влез на холм. Очень своеобразный городок. Наконец, нашел Лукаша. ‹…›[113] Потом пришел Борман, и я погодя ушел, насилу добрался до Ходасевича, где сидели Берберова, Довид Кнут, Мандельштам, Смоленский, жена Вейдле и еще кое-кто, не уловил фамилии. Все читали стихи. Я тоже. Потом читали эпиграммы из их тетрадей. Одна, очень милая, на меня, — что совращаю прелестями Магды пожилых эсеров. Потом к восьми все ушли. Мы остались вдвоем с милейшим Ходасевичем. Он на кухне состряпал ужин. ‹…›

[113] Сноски: 113
В. Е. Набокова: «Пропускаю все про Лукаша».

116. 1 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

Вторник утром

‹…› Вчера давал интервью для «Последних новостей» и «Сегодня», Цвибаку. Ставил он дурацкие вопросы, я отвечал не очень находчиво, выйдет, кажется, ужасная ерунда. Он маленький, пухленький и пошлый. Добыл наконец Марселя. Буду у него в четверг днем. У него тонкий голос. Днем пытался писать, не шло. Потом час спал. Вечером поехал к Рошу. Он сейчас занимается тем, что кропотливо, добросовестно и довольно талантливо проверяет каждую фразу перевода. Он уже исправил много из того, что мы с тобой там нашли. А наша корректура пошла теперь к Левинсону. Он (Рош) достал толстый том — шахматы и другие игры — и оттуда черпает сведения. По-моему, это идеальный переводчик в этом смысле. «Лужин» должен выйти очень неплохо. Насчет «ложь» и «ложъ» он перевел «loge» и «l'auge». Мне пришлось ему дать мой экземпляр «Лужина» с надписью. Потом пришло семейство Зноско-Боровских: он, жена и сын. Пили чудесное

сладкое вино и говорили без конца о «Лужине» (они все его помнят лучше меня). Тут же Рош, советуясь со Зноско, исправил некоторые шахматные места. Вообще, провел чрезвычайно приятный вечер. Мы теперь стараемся с Рошем устроить напечатанье «Лужина» в газете; гонорар поделим. Буду говорить об этом с Левинсоном, а с Евреиновым о шахматной фильме. Пришел к часу ночи домой, написал письмо в Брюссель, согласился приехать 20-го. Немного устал ото всей этой беготни. Мне непременно нужно написать рассказ к 15-му и поскорее приготовить перевод для «Nouvelle Revue Française». А покоя нет. И скоро приезжает Наташа с ребенком, и я не знаю, переехать ли мне к Раушу или остаться здесь. Получил только что открытку от Кянджунцева, позвоню ему. Купи билет и приезжай, а? Днем повидаю Фонда, потом вернусь домой, буду писать, а вечером у Берберовой.

Сейчас двенадцать, надо вставать, очень голоден. Сегодня, кажется, первое утро, когда могу поваляться. Буду сегодня звонить Левинсону, Каминке и другим. Да, я звонил брату, его не оказалось. ‹…›

117. 2 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

Среда

‹…› Только что позавтракал, вернулся домой. В три придет Сергей, к пяти я должен быть в «Nouvelle Revue Française» у Полана, а потом у Коварского, от которого получил изысканно-вежливое письмо. На каком месте моей жизни я вчера остановился?

Да, вспомнил: перед вечерней поездкой к Фондаминскому. Итак, значит, я к семи часам покатил к Фондаминскому, застал еще чайную эпоху и в ней уже собирающихся уходить, слава Богу, чету Мережковских. Она рыжая, глухая, он — маленький, похож на Бема, с такой же бородкой. Поздоровались, прошел холодок (как потом сказал Алданов). Я с ними не говорил вовсе, ни полслова. Они скоро ушли. К обеду (нашему ужину) остались от чая Алданов, Вишняк (он очень симпатичный, смешной, кругленький), неизменный Керенский, тоже все время острит с замечательной еврейской интонацией, и вообще манера немного как у старика Капла-

на. Зензинов — тишайший, невидный (это он упустил Азефа), — и мать Мария — монахиня, толстая, розовая, очень симпатичная, бывшая жена Кузьмина-Караваева. И когда я, не зная этого, рассказал, как его избили гитлеровцы, она с чувством сказала: «Так ему и надо». После ужина Алданов, Фондаминский и Зензинов толковали об устройстве моего вечера — билеты, зал и т. д. В четверг будет первая заметка в «Последних новостях» (это делает Алданов). Еще хотят привлечь Осоргина, «большого вашего поклонника». Вообще, дело налаживается. К девяти все вместе поехали на религиозно-политическое собрание, причем так: в небольшой таксомотор втиснулись полная мать Мария, Илья Исидорович, Алданов, Керенский, который все время дразнил Алданова, что у Грузенберга тоже, как и у Кременецкого, сахарная болезнь. А Алданов по-настоящему обижался. И я. А веселенький Вишняк сел рядом с шофером, который, конечно, оказался русским, но еще по фамилии Кременецкий, и когда мы выбрались из автомобиля, Вишняк с видом conférencier представлял нас по очереди шоферу: вот, мол, кого вы возили, и мы все с ним за ручку, и он был смущенный и сияющий. Необыкновенно все это глупо.

На собрании говорил Струве, Кирилл Зайцев, Карташёв (изумительно говорит, с плотно закрытыми глазами, с потрясающей силой и образностью), Флоровский и Фондаминский (страшно взволнованный: задели «Новый град»), с большим темпераментом. Меня, конечно, не столько занимала суть, как форма. Поговорил я с Лоллием Львовым и Зайцевым, с Петром Рыссом, с неким журналистом Левиным, который, помнишь, восклицал «я говорю им черным по белому», а сидел я рядом с Берберовой. У нее чудные глаза, искусственным образом, кажется, оживленные и наглазуренные, но совершенно у нее ужасный между двумя передними большими, широко раздвинутыми зубами мысок розового мяса. Она сказала мне, что Фельзен и другой, я запамятовал фамилию, однокашник мой, нашли для меня какое-то прибыльное дело, чуть ли не службу. Во вторник будущий их увижу у нее. Все это кончилось довольно поздно, я едва поспел на метро. Когда я уходил, Струве орал на весь зал с огромным нелепым жестом: «Иван Грозный — сволочь, сволочь». А Карташёв в своей речи сказал о Толстом-мыслителе: «Дурак и извозчик».

Уснул я сразу (я теперь не могу читать перед сном, так <с>он до́лит) и утром сегодня по-

шел к Милюкову, который живет почти рядом со мной. Бодрый старик, масса бумаг на столе, пианино, радио, он очень любезен и обещал сделать все возможное для успеха вечера. Ни одного слова не спросил о маме, и я тоже молчал. Писал я вчера очень поздно, за полночь лежа в постели, а сейчас только что консьержка разбудила меня: половина десятого. В половине первого — Американский клуб, потом Лукаш, потом Фаяр, потом Клячкина. После ухода Сергея я поехал в «Nouvelle Revue Française», где меня сразу принял и был очень приятен Paulhan, обещал узнать, как обстоит дело с «Подвигом», и мы с ним сговорились, что пришлю ему для «Nouvelle Revue Française» две-три коротких nouvelles. Да, между прочим, у меня нет «Музыки». В чем дело? Где она — не у Эстер или у Анюты? Если найдешь, пришли. Я же буду переводить для «Nouvelle Revue Française» мою «Terra Incognita», вот хочу и сделаю. Paulhan — небольшой, черный, похож на хозяина Терюз <?>. Поговорили о «Подвиге», который завтра поступает в продажу, о его распространении и о «Камере обскуре». Копию договора пришлет мне сюда на днях. Я еще все равно увижу его, придется зайти, чтобы сделать надписи на экземплярах «Подвига». Он

их разошлет, двадцать пять штук. Оттуда поехал к тете Нине, там видел Муму. Тете Нине 72 года, но она сохранила большую живость и бодрость, а Николай Николаевич похож на бодрого старого английского colonel. Я принес ей экземпляр «Подвига», она его уже читала в «Современных Записках». От нее вместе с Мумой поехал к Раушам. Они, особенно он, имеют репутацию добрейших на свете людей. Они трогательно милы, я непременно к ним перееду, когда прикатит Ники. Он очень дружен с Дон-Аминадо. Я говорил стихи, барышня — некрасивая, с косами, дочь от первого брака тети Нины — читала мне свои произведения: луна, березы, грезы, волны, и фамилия Мумы — Запольская. Он — певец, сейчас с русской оперой в Италии. Сидел я у Раушей до половины первого, поздно заснул. Надо вставать. ‹…›

118. 2 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Наташа с Иваном приезжает в пятницу, а я переезжаю к Раушам. Туда мне и пиши. Утро, лежу в постели, пью кофе, принесенное швейцарихой. Вчера я сказал Фонду, что был у Кянджунцевых. Он сказал, что Бунин в большой дружбе с ними. Ни Саба, ни мать ничуть не изменились, вот сестры бы я не узнал. Красивые глаза, но очень собой дурна. И они были так нежны, так милы, все до последней строки знают, что я писал, и тебя помнят. У меня было такое чувство, что я только что на днях был у них на Литейной. На стене портрет старшего брата, умершего. Саба пошел к себе, порылся и вернулся с длинными стихами, которые я ему послал в Кисловодск из Петербурга 25 октября семнадцатого года, то есть в первый день советской эпохи. Непременно перепишу их для тебя. Массу знают обо мне, даже историю со Спиреско. Кто-то им говорил: «У него (то есть у меня) плечи — во, бицепсы — во», так что они думали, что войдет великан. Я у них завтракаю в субботу. Вот какая

приятная встреча.

Оттуда я покатил к Берберовой. Она очень симпатичная, но такая густо-литературная и одевается ужасно. У нее познакомился с Фельзеном, говорили исключительно о литературе, меня скоро от этого начало тошнить. Таких разговоров я с гимназических лет не вел. «А это вы знаете? А этого любите? А этого читали?» Одним словом, ужасно. ‹…›

119. 3 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

Четверг

‹…› Есть всякие вещи, которые нужно решить. Вчера был днем у Раушей, у которых буду с завтрашнего дня стоять, и у Фонда, который занят деятельно распространением билетов. Вместе с ним пошли к Алданову, у которого застали калифорнийского профессора, оказавшегося русским евреем, Ходасевича, Вишняка, Зайцева и одного алдановского родственника, через которого Алданов хочет тебя устроить у Hachette, но я вовсе не знаю, хочешь ли ты это. Калифорнийский очень заинтересовался моей литературой, кое-что читал, пригласил меня к себе на завтрак в понедельник. Алданов всех пригласил явно на него, но так вышло, что никто с ним не разговаривал, а сперва рассуждали о том, получит ли Бунин Нобелевскую премию, а потом и до самого конца вечера завелся жаркий спор о современности и молодежи, причем Зайцев говорил христианские пошлости, Ходасевич пошлости литературные, а мой милейший и святой

Фондик очень трогательные вещи общественного характера, Вишняк изредка вставлял словцо, проникнутое здоровым материализмом, Алданов же и его родственник молчали. Я, конечно, пустил в ход свои мыслишки о несуществовании эпох. Бедный Алданов был страшно мрачен, по-видимому, его потрепали в кулуарах. В печати не решаются, хотя в «Возрождении» Ходасевич его кольнул — потрепал за «Пещеру». Во время небольшого aparté он, Алданов, мне сказал, что, мол, кончается его литературная карьера, решил бросить писать и т. д. Зайцев позвал меня к себе. У него странные впалые щеки и сильно развитые веки. Чуковский о нем как-то писал, что все его герои много и подробно спят. Я опоздал на метро и шел вместе с Фондаминским на Пасси, он упрекал себя и других, что калифорнийцу не задали ни одного вопроса. Вышло неловко. Уже я получил письмо от Кулишера, что проценты повышаются до семидесяти пяти и делается необыкновенная реклама, но чтоб я приезжал не 20-го, а 26-го. 20-го приезжает туда Даманская, вышла какая-то путаница, я, правда, ответил им только на следующий день, а они просили сразу. Не знаю теперь, соглашаться ли, особливо потому, что не знаю ваших планов и не знаю,

куда дену эту неделю от 21-го по 29-е. Провести ее в Бельгии мне совсем не хочется, и вообще не хочу, чтобы ты приезжала туда. К чорту Бельгию! Сегодня в «Последних новостях» ужасным стилем написанное interview. Страшная пошлятина, и все мимо. А почему так попало моему бедному пальтишку, не знаю. Оно вовсе не так уж плохо. Особенно мило это выраженьице «смешно» в смысле «помилуйте».

Сегодня завтракал около Люксембургского сада с Сергеем и его мужем. Муж, должен признаться, очень симпатичный, quiet, совершенно не тип педераста, с привлекательным лицом и манерой. Я все же чувствовал себя несколько неловко, особенно когда на минуту подошел какой-то их знакомый, красногубый и кудрявый. Оттуда я пошел в «Россию и славянство». Лоллий опять вспоминал историю с «Таиром», приглашал к себе. Придется, кажется. Будет, кажется, та самая Рахманинова. Сейчас я сижу в довольно гнусном маленьком кафе, ибо нахожусь недалеко от местожительства Марселя, у которого должен быть в 5 часов. А сейчас четыре. Не стоит идти домой. Вечер<ом> я у Бенуа. Не знаю, буду ли писать тебе завтра. Переезжаю, и масса дел. ‹…›

120. 3–4 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

Четверг ночью

‹…› Я очень подружился с Gabriel Marcel. Он, оказывается, отлично знает мои вещи, читал по-немецки «К.Д.В.», знает фабулу других моих трех романов, страшные комплименты и все такое, хочет непременно, чтобы «К.Д.В.» вышел по-французски, ведет иностранный отдел у «Plon», говорит, что, когда я им предлагал мои вещи, они как раз переживали трудное время, боялись. Условились, что на днях буду у него обедать еще с другими людьми, между прочим, автором «Oeil de Dieu». Завтра я обедаю у Супервьеля с четой Paulhan, в «Grasset». Послезавтра я… — но что же я буду тебе все рассказывать, если ты считаешь, что я ничего не делаю. Отказ печатать «Подвиг» был для меня не неожиданным, увы, я знал и таил, что чтец у них паршивец Познер, да и, по-видимому, Эренбург близок к ним. Мне Roche, между прочим, рассказывал, что перевод шмелевского «Солнца мертвых» в «Plon» был совершенно заглушен критикой, благодаря советским вли-

яниям. Интриги, интриги, как говорила Maman Лужин. Только что вернулся с очень приятного вечера у Бенуа, было там много художников, я там продал четыре билета. Бегаю весь день-деньской, высунув красный, как ветчина, язык, а мне говорят «растяпа». То, что они послали письмо в Берлин, их вина, а не моя. Paulhan не имеет прямого отношения к «Галлимару», но обещал мне навести справки. Большего я требовать не мог. Решил я ехать в Брюссель, о Страсбурге не имел известий. Меня, по правде сказать, не тянет туда ехать. Еще раз все это устраивать, выйдут книги только в январе, и потом, это слишком утомительно. Здорово все-таки устал, и хочется писать. Даманская уже здесь, поздравь меня, вот на кого не буду тратить время. Мое бедное истерзанное время. ‹…›

121. 5 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Я уже в таких отношениях с Поланом, что могу в любую минуту дать ему рассказ, но для этого нужно иметь этот рассказ, то есть перевод его. Окромя «Nouvelle Revue Française», у меня есть свободный доступ и в «Candide», и в «Nouvelles Littéraires», не говоря о других газетах. Тут все друг с другом так или иначе связаны, но, повторяю, нужно иметь переводы. Denis Roche мне в принципе обещал переводить, но сейчас слишком занят службой. Мадам Эргаз была все это время больна. Я буду у нее в понедельник и ей предложу перевести «Музыку». Я сам начал переводить «Terra <Incognita>». Наконец, я написал Львовской. Завтра я у Левинсона и там тоже кое-что налажу. Большего сделать, чем делаю, не могу. Я начал писать рассказ, но совершенно не знаю, кончу ли его к 15-му. Вчера я обедал с Поланами. Она — этакая простовато-социалистического типа женщина, малосимпатичная, невероятно одетая, в коротком и, по-моему, вязаном платье, а с ним я говорил много, о лите-

ратуре. Хочет прочесть «Подвиг», но как он будет читать по-русски, неизвестно. Пробую узнать, кому «Подвиг» переслать от «Галлимара». Супервьель по-прежнему очарователен, называем друг друга «шерами». В понедельник же я завтракаю с Коуэном и на днях встречусь с Брэдли. На днях же встречаюсь у Раушей с Евреиновым, а останусь в Париже во всяком случае до 23–24-го, так как вечер в Антверпене и Брюсселе 26-го и 27-го. Ника справедливо думает, что сейчас преждевременно рекламировать в Страсбурге книгу, которая выйдет только в январе, так что вечер там отпадает пока. Я думаю, что мы должны переехать сюда. А для сего пойди в посольство, закажи визу, поговори с Вильгельмом или Piquet. Тебе дали они свои рекомендации для полученья здесь permis до первого. Я же буду говорить о том же с Маклаковым, хотя, кстати сказать, есть службы у русских, например, или армян, где можно долго обходиться без permis. Я бы и жилище присмотрел, и так далее. Мне, повторяю, не хочется, чтобы ты служила, и этому плану уделяю меньше внимания. Впрочем, опять же, настаивать на твоем приезде не намерен. В конце концов, это все трудно решить, и тогда пусть будет, как ты предлагаешь. Вернусь в Берлин

28-го или 29-го, перепишем «Отчаяние» и в январе переедем сюда. Я переехал к Раушам, где мне до ужаса неудобно. Сплю в гостиной, вещи разбрелись по всей квартире, в ванной негде повесить полотенце, и так далее. Но они так бесконечно милы, что ничего.

Вчера завтракал у Томпсонов, а потом повидал Августа Исааковича и царя Бориса. Сегодня завтракал у Кянджунцевых, которые купили у меня билетов на 250 франков. На эти деньги, конечно, не живу. Есть еще от Фонда, и завтра мне даст Вишняк из «Современных Записок». Я очень мало трачу. Все удивлены. Буду выступать с «Музыкой». Сейчас иду проводить Наташу. Вечером буду писать, если найду уголок. Нигде я денег не занимал, все это литературные деньги. Тут шумно, трудно писать. Я просто удивляюсь тому множеству вещей и связей, которые я один сделал и наладил. ‹…›

122. 8 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Продолжаю вчерашнее письмо. Коуэн, побывавший, кстати, у Горького и Бунина, хочет увезти в Америку для издательств, с которыми он связан, «Лужина», «К.Д.В.», «Подвиг». «Камеру» он не знает. Я хотел бы, чтобы он ее взял, именно ее, но я не знаю, есть ли у нас полный экземпляр, который можно было бы ему прислать. Помни, что и Эргаз нужно будет непременно прислать окончание, то есть минус напечатанное уже в «Современных Записках», этой самой «Камеры». Кроме того, он уже достал и увезет «Чорба», то есть (ему надо прислать) все рассказы, кроме «Чорба». Он производит очень дельное и приятное впечатление. Уже кое-какие книги устроил Осоргина. С ним ведет переговоры и Алданов. Маленький, тихий человек, пожилой, с подстриженными усами, в теннисной рубашке. У него в номере я познакомился с Макс Истманом. Это очень известный американский поэт и переводчик. Помнишь, Бунин просил его разыскать? И с русской, très soviète, женой Истмана, а сам он

полукоммунист, троцкист, огромный, загорелый мужчина с чудесными, совершенно белыми волосами, похож на какаду. Затем мы с Коуэном пошли в ресторан завтракать, и он снял меня, как я уже писал, и условились встретиться опять. Важное: позвони в «Слово», чтобы ему послали «Лужина» и «К.Д.В.», может быть, и немецкого «К.Д.В.», по адресу «Daily Times». Это не следует откладывать, ибо к концу месяца он собирается уезжать. От него я поехал к Эргаз. Она производит очаровательное впечатление, и оказывается вот что: она настолько обеспечена, что совершенно не нуждается в гонорарах, и, если я верно понял ее, она мне даст свои 45 процентов и вообще готова для меня даром переводить мои рассказы, но сейчас, из-за «Камеры», она делать этого не может, хотя готова исправлять перевод другого лица, и предлагает мне, очень рекомендуя его, Евгения Шаха (старый знакомый), которому я буду давать 40–50 процентов. Это относится, конечно, только к этим двум рассказам, которые я ей дал («Обида» и «Совершенство», а не «Музыка», как я, кажется, обмолвился). Ибо потом я сам буду делать черновой набросок, а она остальное или полностью — когда кончит «Камеру». Это очень любезная дама с огромными связями

через богатого юриста-коммерсанта мужа. Она предлагает мне, что пойдет прямо к министру для твоего permis, получение оного почти обеспечено. У нее очень изящная мебель, и, представь себе, она знакома с Леной, но говорит, что не сошлась с ней во взглядах. Что-то между ними случилось неприятное. На днях, вероятно в среду, я у нее обедаю с Gabriel Marcel и другими людьми. Как видишь, с той стороны полная удача, и приятно, между прочим, что она предложила теперь же выплатить мне 1000 франков. Кажется, я уже писал об этом. Пришли мне список лиц, которым нужно послать «Подвиг». Сделай это не откладывая. Знаешь, какая трогательная маленькая вещь. Рядом со мной сейчас лежит аккуратно завернутое твое коричневое платьице с цветным шарфиком. Ты его, растяпушка, забыла в Колбсхайме, и я его сейчас взял у Наташи, у которой завтракал. Сказал послать — скоро ты получишь. Сегодня вечером у меня свобода. Я бы писал, но, к сожалению, приехал сын Коки, буду спать с ним в одной комнате. Это все ужасно. Так что у них шумно, и задумываю пойти ненадолго с кем-нибудь. Сейчас буду звонить Томпсонам, у которых в пятницу обедаю. Завтра буду у Коварского (нужно послать кое-кому «Подвиг»)

и увижусь с Сергеем. Евреинова увижу в субботу. Знаешь, я от всего этого здорово устал. Тут играют в биллиард, шумно, выпил шоколаду.

До свидания. ‹…›

123. 8 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Сегодня было письмо, и я больше не сержусь. Дела мои идут неплохо, подробности ниже. Это не чернила, а разбавленная сирень, благожелательно говоря. Пожалуйста, будь осторожна, не гуляй. Тут уже воображают, что в Берлине революция. Я узнаю, когда обратиться насчет виз, и обращусь, во всяком случае буду на днях у Blackborough. Я не помню, писал ли я тебе, что в субботу завтракал у святых Кянджунцевых, что он переделывает для меня свой смокинг, и так далее. Под вечер поехал к Наташе, толстая немецкая горничная занимает одну комнату, Наташа с Ваней — другую. Так что, в общем, негде сидеть и довольно <отчаянный?>[114] ералаш. Мы с ней поехали в кафе на Монпарнас, а потом зашли в балаган, бросали деревянные шары, и если попадешь в определенную точку, то из постели, вдруг переворачивающейся, вываливается полуголая девица. В общем, pas mal <à cela>, но только девица, которая должна лежать в постели часами

---

[114] Сноски: 114
Здесь В. Е. Набокова сделала паузу, не смогла разобрать слово.

на глазах у всех ‹…›.

В воскресенье завтракал у Мумы, которая, по словам Наташи, выступает с группой певиц. Она недурно спела несколько романсов. Потом пошел к Вишняку. Там пил чай. Он мне дал в счет «Камеры» еще 300 франков, которых мне хватит до отъезда. С получением ‹…›[115] это составляет (350 + 200 + 300) 850, из коих эти 300 почти еще совсем целы. Кроме того, получаю 22 ноября от Эргаз 1000 франков. Брюссель и Антверпен с избытком оплатят путешествие в Берлин, если в Берлин поеду. Я все больше склоняюсь к тому, чтобы ты переехала сюда. От вечера будет, по расчетам Фонда, чистых 2500–3000 франков. Он оптимист, но, правда, билеты идут недурно. Я сам не занимался этим специально и уже продал на 690 франков, из коих наличными получил 480 и сдал их Фонду для бухгалтерии. От Вишняка поехал к Левинсонам, и тут нужно круто изменить тон повествования. Начинается эпос. Среди роскошной квартиры сидит в креслах (отметь множественное число) сильно небритый, толстомордый, большеносый Андрей Яковлевич, в красном халате, и цедит, смакует, взвешивает

---

[115] Сноски: 115
Ремарка В. Е. Набоковой: «Не знаю чего».

слова. Взвешиванье длится иногда с полминуты, при этом лицо принимает брезгливо-надменное выражение этакого упитанного римского проконсула, мать которого некогда согрешила с маленьким местечковым портным. Это продолжается, но вступает скрипка, а именно — на некотором расстоянии от него, от кумира, сидит его жена, дама типа жены Крымова, но, в отличие от нее, невыносимо говорливая, перескакивает со слова на слово, будто объезжая с наскока, вставляет предполагаемый ответ в уста собеседника, говорящего Бог знает какую ерунду, а главное, говорящая о муже в его же присутствии (и при этом его тяжелые веки торжественно-благосклонно опускаются), как, скажем, о Льве Толстом. Андрей Яковлевич говорит, или Андрей Яковлевич хочет вам сказать, или, наконец, Андрей Яковлевич очень огорчился сухим тоном ваших писем. На заднем плане — неказистая, раздавленная величием отца и энергичной матерью — худенькая Mlle Левинсон, сообщившая мне на лестнице: «Я большая ваша поклонница. Папа вас ждет, мсье Сирин». Мне было сообщено: «Андрей Яковлевич вам друг, да, друг». Торжественно подтверждает сам. Я внутренне помирал со смеху. Это было феноменально забавно. Сам говорит

о себе как о старшем друге. Небольшая фраза продолжается минут пять. Сделает, что возможно сделать. Это для помещения рассказов в «Кандиде» и для напечатания в какой-нибудь газете «Защиты». Оба они презирают эмигрантскую печать, как какой-нибудь император далекую маленькую непокорную страну. It was a rare treat. Я на днях буду у них опять.

Вечером я был у Адамовой, где встретил Вадима Андреева. ‹…›

124. 10 (?) ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Я вчера как-то не успел тебе написать, хотя день был сравнительно неинтересный. Завтракал у Кянджунцевых, а обедал с Сергеем, его приятелем и Наташей, после чего пошли в кинематограф. Зато я серьезно занялся вчера новым рассказом. Хочу непременно — по сему случаю перечти сонет Ронсара «Je veux lire en trois jours…» — кончить его во вторник. Так что попытаюсь уединяться и эти последние несколько дней, хотя <они> уже очень пестреют наперед всякими делами и свиданиями. Я ужасно здесь устаю. Я абсолютно уверен, что здесь дела мои преуспеют, но совершенно решительно и беспрекословно вытребовать тебя сюда я все-таки боюсь, то есть ты должна как-то присоединить и свою волю к моей, и ты тоже не решаешься. На днях приезжает Ника. Поведет меня в разные места. Знаешь, укладывая Ваню спать и закалывая одежду на нем большой английской булавкой, Наташа насквозь проколола ему кожу и не заметила, а он, конечно, орал, и наконец она

спохватилась, осмотрела его и тут увидела, что животик его ладно заколот и схвачен булавкой. Я получил милейшее письмо от Зёки и другое от Глеба из Лондона. Читает там обо мне целую лекцию. Посылаю тебе дурацкую рекламную штучку. ‹…›

125. 11 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Исполняю ваши маленькие наставления. Думаю, что на днях переводы будут готовы, и, конечно, сам их отвезу. Я встретил вчера в метро Элькиных, которые мне сказали, что в «Revue de Paris», такой журнал, в списке выходящих книг имеется «Король, дама, валет», но другого автора. Чуть ли не Giraudoux. То же самое случилось с Алдановым. Вышла книга «Sainte-Hélène, petite île», он с автором встретился, и тот в предисловии отметил совпадение заглавий. Я узнаю в подробности, в чем дело. Был вчера у Осоргина: моложавый, худой человек с намеком на шевелюру, в какой-то бархатной куртке с поясом и в раскрытом теннисном воротнике. Разговор был не очень интересный, ненавидит Ходасевича и дружен с Оцупом. Называет его замечательным, порядочным. Оттуда поехал к Зайцевым: иконы и патриархи. Они довольно симпатичные, простодушные, рассказали, между прочим, что Ремизов смертельно обижен на меня. У них масса друзей-евреев, но вместе с тем

Зайцев любит просмаковать еврейский выговор. И вообще, что-то в них не то, какой-то есть не очень приятный пунктик. Я выпил у них чая и отправился к Лоллию, у которого оказалась очень симпатичная молодая жена с прической à la пушкинская барышня. У них видел Рахманинову и чету Поль. Было адски скучно. Но зато Рахманинова отвезла меня на своем автомобиле домой. А я прямо валился от усталости, ибо ужин еще был у Кянджунцевых и у Портновых. Сегодня написал несколько писем Юле, бедной Раисе и т. д. И писал рассказ. В пять нужно зайти к Фондаминскому, а оттуда обедать к Томпсону. Забыл прошлый раз вложить в письмо к тебе рекламное объявление о «Подвиге». А теперь не могу найти.

Прости, что пришлось переписывать рецензии. Ведь это было по Никиному совету. Я вполне уже реваншировался и ужинал с Наташей в кафе, пил и так далее. А Ника будет на моем вечере, и конечно, я им устрою места. Ян Рубан до сих пор поет романсы в моих переводах. Она и Поль, ее муж, <вернулись?> из Saurat и даже ели в той гостинице, где, помнишь, было так вкусно, и есть у него пейзажи из Saurat. Он — музыкант, художник и оккультист. А вообще, похож на того гомеопата, к которому мы однажды ездили.

Как забавно, правда? Рубанова в Обществе защиты животных и очень горевала по поводу ушек. Сейчас сижу в крохотной гостиной Раушей, где и сплю. На стене портреты его предков и дяди Жени и Юрика. Над диваном, где сплю, висит гитара, все стулья просижены так, что надо подкладывать подушку, когда садишься. Очень они милые люди, и дети, дочь Марии Васильевны и сын Коки, тоже очень милы и живут в ужасной бедности. Буду на днях у старика Куприна. Если увидишь Зёку, скажи ему, что пишу ему. «Бельгийцев» отложить поздно, да и думаю, что успею к 26-му сделать все, что сделать нужно. ‹…›

126. 12 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

В воскресенье вечером я переезжаю к Фондаминским на три дня, ибо хочу немного отдохнуть до вторника, а тут, несмотря на очаровательность Раушей, отдохнуть мудрено. В среду у них освобождается задняя комната, съезжает жилец, и я въеду туда до конца моего пребывания здесь. Предлагаю за то платить, они пока что отказываются. Но думаю, что надо их уговорить. Продолжай писать на этот адрес или правильно рассчитай, вернусь в среду сюда или в четверг, а то будет путаница. Я буду читать, вероятно (все еще не могу окончательно решить), первую и, быть может, вторую главу романа. Нет, начну со стишков, потом главу, потом перерыв, потом «Хвата» и «Музыку». Послал приглашение бедной Ю. Ю. и тете Нине. Вчера был у Фонда, а оттуда — пешком — пошел к Томпсонам по прелестной rue du Docteur Blanche, где стены летом сплошь в розах. Напиши Лизавете письмо, а то написала только два слова. Сегодня завтракал с Наташей. Вернулся около четырех и только выйду, чтобы

опустить это письмо и зайти на минуту к Алданову, который живет поблизости. Чувствую себя чрезвычайно усталым, но все-таки очень мил и весел. Пишу все в той же маленькой гостиной. Тут же говорят, мастерят на столе какие-то полотна. Совершенно не могу сосредоточиться. И все очень неудобно: и стол, и стул, и перо. Завтра обедаю у Евреиновых. Меня страшно раздражает, что не кончу рассказа ко вторнику. Посмотрим, как пойдет у Фонда. А тут писать невозможно. Вечером будут к обеду Дон-Аминады и Мума с мужем. Сегодня письмо какое-то кущее и кисленькое. В этих самых «Nouvelles Littéraires» и «Candide»'ах можно найти все-таки немало пошлятины. Мне очень-очень жалко старушку Тейш. Давненько не видал Берберовой. ‹…›

127. 14 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Как я сегодня чудно спал! Как отдохнул! В прелестной комнате на rue Chernoviz, под сенью книжных полок, с часу ночи до двух следующего дня, и сам Фондик напускал мне ванну. Окончательно установил программу. Прочту шесть стихотворений, то есть что читаю обычно, затем «Музыку», а после перерыва полторы главы из «Отчаяния». Я только что продиктовал четыре страницы Амалии Осиповне в машинку — до того места, где он приезжает из Праги и она делает гоголь-моголь. Тебе все равно придется эти страницы перестукать заново, хотя бы потому что там твердых знаков нет. Дивный сиамский кот. Зовут Зен-Зин (его достал Зензинов), греется на камине, тихо, уютно, хорошо. Перо прекрасно пишет. В субботу вечером были у Раушей <Дон->Аминадо с женой и чета Запольских, Мума с мужем. Все очень дружны между собой, играли на гитаре. Запольский жил на Сиверской, ухаживал за Люсиной сестрой, потом видел их в Полтаве. Удивительно забавная комбинация.

Получил от трогательных Томпсонов приглашение работать, жить, столоваться у них. Звонил им вчера. Буду у них обедать в среду. Чувствовал себя отвратительно усталым вчера. Не высыпался уже с неделю. Играл в шахматы с Кокой, потом отвез чемодан к Фондаминским, потом зашел за Мумой и пошли с ней к Евреиновым. Там была Софья Прегель и некто Шайкевич, знаток искусств, директор бывшего Романтического театра. Довольно забавно рассказывал об армянине Гурджиеве, распутинообразной личности с огромной гипнотической силой. Вообще, в доме Евреинова дух царит мистико-фрейдо-гойевский. Не от «гой», а от испанского художника. Евреинова, авторша нашумевшего романа «Je veux concevoir», имеет прекрасные связи с газетой «Gringoire», но предупредила, что если печататься в «Candide», то нельзя в «Gringoire», и наоборот. Она «из купчих», как сама говорит, бурно исходит словами, довольно миловидная, худая, близорукая, с длинными серьгами. Говорили, конечно, о Плаксине, а Прегель навела <?> телефон Юзи Билига, но я забыл его записать. Сам Евреинов — человек совершенно чуждого мне типа, но очень смешной, и приветливый, и горячий. Когда он изображает что-нибудь или кого-нибудь, то выхо-

дит талантливо и чудно. Но когда философствует, то ужасная пошлятина. Говорил, например, что все люди делятся на типы — начитался какого-то немца, — и что Достоевский — величайший в мире писатель.

Рауш — безнадежный фантазер. ‹…›[116]

Просматриваю то, что буду читать. Сегодня <сейчас?> уже пять часов. В семь обедаю у Кянджунцевых. Сейчас приходила к Фондам бедная родственница и принесла тейглах. Пришел Александр Федорович и уже гремит на весь дом. ‹…›

[116] Сноски: 116
В. Е. Набокова: «И так далее, пропускаю».

128. 16 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

Вторник, 2 часа утра[117]

‹…› Пиши на адрес Фондов. Посылаю маме 600 франков. Все равно на Рождестве надо быть в Берлине по случаю маминого приезда, так что, пожалуй, и не имеет смысла сейчас переселяться сюда и так далее.

Ну и успех! Огромная зала полным-полна, три тысячи уже у меня в бумажнике, восторги, народная любовь, вообще чудесно. Святой Фондик прыгает буквально от радости. Утром сегодня зубрил стишки, пробовал на зуб прозу. В 3 часа лег в постель, то есть днем в 3 часа, чтобы два часа поспать перед вечером. Но только что начал очень сладко съезжать в сон, явился Рауш, принес с бульвара Murat your letter. Это было дивно, но он, к сожалению, пришел и с другой целью. Битый час сидел у меня в ногах и подробно развивал свои кинематографические планы. А я говорил вчера с Сабой, который навести успел справки, и узнал, что в «Возрождении», напри-

---

[117] Сноски: 117

В. Е. Набокова: «То есть, значит, теперь, скорее, среда».

мер, Рауш очень бестолково и неудобно служил, и вообще, не от него зависит дать ему службу, а от компаньона, да и служба, на которую он может рассчитывать, — грошовая, и так далее, а главное, невозможно убавить его пыл. Что я ни скажу убавляющего, прохладного, он все умудряется повернуть в свою пользу. Одним словом, полный энергии — говорил, говорил, и потом мне пришлось надеть халат и вести его к телефону, по которому он стал звонить и не дозвонился какому-то третьему лицу, который близок к компаньону Кянджунцева. Ужасная ерунда. Надел наконец свое бедное жентильомское пальто с двумя пуговицами сзади, взял перчатки и, полный энергии, ушел. Я валялся до шести, слышал издали голосишки Мережковских, потом опять тихие шаги. Фонды и Керенский шли, боясь меня разбудить, на цыпочках по коридору в кабинет, чтобы править какую-то статью, но уже на пороге не выдержали. Взрыв, спор о Муссолини, где-то закрылась дверь, но сквозь нее продолжалось громыхание и вопли повелительной беседы. Отлично выбрился и стал одеваться. Оказалось, что рукава смокинга слишком коротки, то есть торчат слишком манжеты чудной шелковой рубашки все того же происхождения. А кроме

того, ремень выглядывает из-под жилета, когда выпрямляюсь, так что пришлось, во-первых, Амалии быстренько сделать мне из резинок этакие, знаешь, рукаводержатели, а Зензинову дать мне свои подтяжки. У него потом все падали штаны. Хватал себя за животик, не приспособленный к моему ремню. Когда все это было устроено, я оказался очень нарядным. Сели втроем обедать: Александр Федорович, Амалия и я; остальные поехали вперед. Я съел гоголь-моголь, и втроем же на таксомоторе поехали к девяти на rue Las Cases. Приехал — битком набито. Ни места, ни билетов больше нет. Теснятся, продолжают валить. Не буду перечислять знакомых, все были. И уже до начала ко мне без конца подходили знакомые и незнакомые. Я так устал улыбаться и уже не пытался установить, с кем, собственно, разговариваю. К счастью, вскоре началось. Я фертом взбежал на эстраду и под гром рукоплесканий… Чтобы не забыть, послал Веревкиной приглашение, но ее, кажется, в зале не было. В первом ряду сидели Кянджунцевы, Сергей с Наташей (прилагаю Никину телеграмму) и еще родственники. Были все писатели, Адамович, тысячи дам, Митька Рубинштейн — одним словом, все. Длинный, удобный стол, уютнейшее кресло, графин с водой.

Я не спеша выложил свои штучки из милейшего портфеля, взятого у Руднева, почувствовал себя совершенно at home и не спеша начал читать наизусть стихи. Прочел «К музе», «Воздушный остров», «Окно», «Неродившемуся читателю», «Первая любовь», «Ангелочек» и «Вдохновенье, розовое небо». После каждого — приятнейшие рукоплескания. Отпил воды и принялся tackle «Музыку». Великолепная акустика. Дивно слушают. Одним словом, дошло. Опять гром, и затем перерыв. Тут меня затеснили окончательно, и какая-то ужасная женщина, от которой невозможно разило пóтом (оказалась фалерской моей приятельницей Новотворцевой), — Бог знает что она говорила. Мелькали Дени Рош, старик Август, тенишевцы, тетя Нина, татариновские девицы, Ходасевич, Берберова и много оставшихся неизвестными мне. Настоящее наслаждение началось, однако, когда я принялся за «Отчаяние». Прочел 34 страницы. Все доходило. Я читал, выражаясь скромно, совершенно замечательно. Ужасно глупо об этом писать, но я действительно был в ударе. И как-то с самого начала было поблескивание успеха, и публика была хороша, прямо чудесная. Такое большое, милое, восприимчивое, пульсирующее животное, которое

крякало и похохатывало на нужных мне местах и опять послушно замирало. Кончилось в половине двенадцатого, и опять восторг. Рукопожатие, чудная улыбка Фондика. Одним словом, лафа для тщеславного человека. Повалили в кафе большой компанией. Я произнес маленькую речь и так далее. Наконец, домой. И тут уже сидели à trois Фондики и я. Он считал деньги. Завтра пришлю тебе 1200 франков. Так радовался каждой новой сотенке. На мою долю, то есть минус расходы на зал и билеты, приходится, как я уже говорил, три тысячи.

Вдруг выясняется такая вещь. Я, собственно, не должен был бы тебе говорить, пока не разобрался в этом хорошенько. Но так и быть. В общих чертах скажу тебе. Одна неизвестная мне еще дама, мы к ней едем на днях с Амалией Осиповной, предложила тебе и мне теперь же провести у нее в замке около По три-четыре месяца, причем ее самой там не будет, а у нас будет в нашем распоряжении прислуга, автомобиль и так далее. Я послезавтра буду в Министерстве иностранных дел, где подталкиваю визы. (Впрочем, не влияние ли <это> Рауша и его бурной фантазии?) Посмотрим, но как хорошо, если бы что-нибудь вышло такое. Я чувствую себя как-то

очень радостно. Touch wood. Удобно лежу, удобно пишу. Но ах как поздно, а завтра я решил пойти с Фондами на панихиду по жене Демидова. Это нужно. Он страшно был мил со мной. Вообще, я прямо удивляюсь прелестному какому-то бескорыстию, нежному отношению всех ко мне. Это ведь была нелегкая штука — организация вечера. Прилагаю еще фото, нашел рекламу. ‹…›

129. 18 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Кажется, мы так-таки едем на несколько месяцев в По. Мы с Амалией Осиповной хотели сразу сегодня же ехать с визитом к этой даме, но Фондик настоял, чтобы сначала, до принятия предложения, выяснить, кто она такая. До сих пор мы выяснили, что она замужем за шведом Aschberg, а не Amber, как я писал, и не родственница Берских, а приятельница, что зовут ее Ольга Николаевна, что она очень сама симпатичная и давно уже носится с мыслью нас в своем замке поселить. Сейчас я в «Café de la Paix», где жду Алданова, который тоже обещал разузнать. Затем мы поедем к ней, вероятно завтра, и обо всем поговорю. Было бы, по-моему, неплохо, если бы мы поехали туда в январе или в начале февраля с таким расчетом, чтобы сперва провести недели две в Париже и вернуться в Париж же в июне, скажем, или еще поехать в Grasse или Saurat, а осенью в Париж. Я напишу для нее оду, как делает Ника. Все это очень забавно. Рауш добрался до компаньона Кянджунцева, и там оказалось,

что даже место контролера уже занято. Завтра я у Роша. Он на днях мне сказал (да, был на моем вечере), что есть надежда пристроить в газете отрывок из «Лужина». Должен быть и у Эргаз насчет переводчика. ‹…›

130. 18 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Узнал сегодня от Томпсонов, что ты звонила, а я как раз напутал и не мог у них быть в среду. Я, кажется, не удержусь и позвоню тебе. Я условился с дамой en question. Буду у нее завтра в три с половиной вместе со святой Амалией. Боюсь, что я несколько огорошил тебя этой поездкой, но я сам огорошен. И во всяком случае твердо решил принять ее предложение, если не окажется чего-нибудь предосудительного. Но я вообще положился на Фондика и на Алданова, которые советуют предложение принять. Пристроил «Соглядатая». Он выйдет в «Петрополисе» и «Современных Записках». Как раз только что говорил с Чертоком. Прибавляю к нему «Пильграма». Сегодня же был у Галлимара. Взял «Подвиг». Все там очень любезно ждут рассказов, но, увы, ужасно заигрывают с Советами.

Вчера обедал у Алданова, а потом пришлось ехать к Раушам. Он пригласил двух масонов, Шереметева и Оболенского. Сидели вчетвером, но я, не стесняясь, выразил всякие мои инди-

видуалистические идеи и рано ушел, увильнув от масонских заманиваний. Прием у бедного Коки (совершенно, кстати, уверенного, что в конце концов уговорит Дастакияна дать ему место заведующего кинематографом) был таков: «Неужели у тебя нет неразрешенных вопросов? Ведь не может быть, чтобы некоторые вопросы духовного порядка тебя не мучили». Я отвечал, что наплевать мне на вопросы, и масоны смотрели на меня круглыми глазами. Несомненно, вышла неловкость, то есть, несомненно, Кока им сказал с тем же весом, с каким говорил о своей кинематографической мечте, проявляющейся и воплощающейся при одном его прикосновении к ней, — сказал, что вот, господа, будет Сирин, который очень заинтересован в масонском движении. Желает приобщиться к нему и так далее. А я все сворачивал на хоккейный матч, на котором был в среду вечером, когда ты звонила. Было чудесно, мы сидели у самого льда, играли шведы, а в перерывах танцевала на льду Соня Хени. Собственно говоря, я так подробно и не без смака описываю Рауша, потому что имею тайную мысль переработать его, пустить в рассказ. Очень соблазнительно.

Сижу в кафе. Выпью шоколаду, отсюда отправ-

люсь обедать к Шкляверам. «Весь город» говорит о моем вечере. Доходит до меня даже эпитет, начинающийся на *г*, дальше *е*, потом *н*, так что раздуваюсь, как раздувался молодой Достоевский. Рецензию в «Последних Новостях» написал Адамович! В «Возрождении» — <рецензия> Мандельштама. На меня обижен Цвибак за то, что я его не поблагодарил за интервью. Сегодня ужасно полный день опять. Был в «Последних Новостях». Замятин не собрал и четверти количества людей, бывших на моем вечере. Вообще, старожилы не помнят… Мне стыдно обо всем этом писать, но я хочу, чтобы ты была в курсе.

История с замком в По is too good to be true. Она же автоматически решает наш переезд во Францию. Трудно без слез писать об отношении ко мне Амалии и Фондика. Она сама напускает мне ванну, устроила для меня специальный туалетный стол, где для меня приготовлены тальк, одеколон, чудное мыло. Это только один из тысячи примеров их неслыханной доброты. Зен-Зина часто нахожу у себя в постели. Тепло, уютно, очаровательно. Завтра опять тяжелый день. Масса свиданий. Ну-с, надо идти к Шкляверам. ‹…›

131. 21 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› У меня опять началась целая оргия дел и свиданий, так что я вчера просто не успел тебе написать. Слушай, все устроилось. Мы с тобой приглашены в По с конца января или начала февраля до июня. После чего в Грасс. Дело в том, что надо быть в Берлине на Рождестве, если приезжает мама. А в начале или середине января хочу быть в Париже к выходу моих книг. Совершенно между нами, на ушко: я хочу быть в По именно с февраля до июня, оттого что это совпадает с нашим пребыванием, в прошлом, в Boulou и Saurat. А мне, понимаешь, важно сравнить по дням появление тех или других бабочек на востоке Пиреней и на западе. Voilà. Возьми, значит, на месяц комнату для нас неподалеку от Анюты. Я привезу 300 марок. Кроме того, в среду отвезу утром, послав телеграмму (ага, не забыл), в «Последние новости» первую главу «Отчаяния», а из Берлина пришлю рассказ, который здесь не успеваю докончить.

Мы с Амалией Осиповной посетили госпожу

Aschberg. Довольно пышная, сорокалетняя, нарядная, волновалась и сказала несколько глупостей (выражение Анюточки, которую целую в обе щечки и в лобик). Муж ее, швед, помер. Замок находится почти рядом с Perpignan, с замком, принадлежавшим дяде Васе. Вот совпадение. Два часа езды до Биаррица. Там у нее дачка, туда тоже махнем. Сама уезжает в Италию. В общем, довольно симпатичная, но очень буржуазная, учится петь, колоратура. Амалия Осиповна пригласила ее к чаю в четверг. Я был, конечно, очень и очень любезен. Благодарил, сказал, когда приедем. По-моему, эта непредвиденная удача вполне уже оправдала мой приезд сюда. Что это ты беспокоишься насчет рассказов? Я же вам писал, что они переводятся и, когда будут готовы, предложат себя журналам. В среду вечером я у Эргаз с Gabriel Marcel'ем. Отрывок из «Лужина» появится в одной газете, куда вхож Denis Roche. «Grasset», «Plon» и «Gallimard» ждут «Отчаяния». Разговорчик о «К.Д.В.», «Подвиге», «Соглядатае».

Повторяю тебе, больше сделать, чем делаю, — невозможно. Сейчас иду завтракать к Kaun, американцу. Он получил книжки и очень доволен. С Сабой больше о Рауше не говорю. Принимаю к сведению твой совет. «Отчаяние» перешлем

в Берлин. Идут разговоры через Струве, жену Петра Бернгардовича, у которых я побывал, о моем вечере в Белграде: нужно будет установить срок. Видел эти дни Роша, Раушей, Наташу, Сергея, Эргаз, Кянджунцевых и других. Забавная вещь: привезу тебе два длинных письма, полных ужасной ругани по моему адресу от гнусной госпожи Новотворцевой. Это безумно смешно. ‹…›

132. 22 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Скоро уже увидимся. Сейчас иду на вечер у Эргаз, с Marcel и Куприными, а только что в течение трех часов надписывал книжки, 24 штуки, и писал адреса, сидючи у довольно милого Коварского. Я опять начинаю ужасно уставать. Утром бегал на почтамт, писал в Бельгию, а то все визу не дают. Но если мне не дадут, просто поеду с транзитной. Потом завтракал в ресторане с Берберовой, а сейчас до Эргаз нужно еще успеть забежать по дороге к Струвам.

Коварский мне сказал, что я уже заработал 600 франков на «Подвиге», но они еще не поступили, а продано уже 300 экземпляров, что считается очень хорошо. И вообще, проснулись и другие мои книги. Здесь почему-то все любят «К.Д.В.». Это забавно. Подумать, через месяц-полтора мы уже будем собираться в По. Да, я вчера был в переводной конторе Слонима. Я сказал, что дам им трехмесячный опцион на английский «К.Д.В.», но сделаю это уже из Берлина, так как боюсь напутать. Они жаждут этого. Кажется,

есть возможность английского издания. Спасибо за «Камеру». Вечером вчера был у Волконских. Был бомонд, потом играли в petits jeux, и тут я попал в свою стихию. Я эти дни не успеваю хорошенько тебе писать, вечно я на торчке, уже прямо мечтаю о спокойном Берлине. Видался вчера днем с Сергеем. Очень мирно и даже тепло беседовали. Завтра посылаю свадебную телеграмму и постараюсь поймать Соню. Мне нужно идти. ‹…›

133. 25 ноября 1932 г.
Париж – Берлин

‹…› Ну что ж, завтра иду с Николаем на Feux croisés, а послезавтра, 26-го рано утром, еду в Бельгию. Предчувствую невероятное утомление. В тот же вечер читать, и опять читать в следующий. Во вторник был у Струве. Видел Ю.<лию> Ю.<льевну>, которая сузилась лицом и почернела (волосы, ресницы), но все так же механически разговорчива. Глеб на днях, вчера кажется, читал в Лондонском университете лекцию обо мне. Четверо детей, а у жены Алексея Петровича, очень похожего на Глеба, трое. Не знаешь, кто она? Катуар. Музыкант и двоюродный брат и друг детства. Оттуда я пошел к Эргаз, где нашел Марселя, чрезвычайно похожего на Айхенвальда, но гораздо моложе, и — en route — Куприных и Сергея, который дает Эргаз уроки английского языка. Куприны почти не говорят по-французски. Он ужасно милый, этакий старенький мужичок с узкими глазками. Когда мы потом вышли с ним, была теплая ночь, чуть моросило, блестели в свете фонаря,

на панели, желтые, бурые и еще зеленые листья. Он мне сказал: «А какая чудесная, но короткая вещь — жизнь». Вчера, в среду, я опять был у него, а завтракал у Томпсонов. Он прелестный, чуть-чуть gaga. Пошел за вином и принес бутылку красного, неряшливо завернутую в газету. Ходит он осторожно и тихо, подаваясь вперед лицом. Хорошая такая, тихая улыбка. Сели друг против друга за стол, беседовали о французской борьбе, о собаках, о клоунах и о многом другом. «Перед вами — ух какой путь». Между прочим, он как-то замечательно глубоко — ты бы оценила — трудно передать — говорил о евреях. Зато дочь Киса — довольно противная, фильмовая актрисочка, с намазанными ультрамариновыми веками, глазами, как уральские камни, и улыбкой «поговорим обо мне». Кстати, это выражение так понравилось Амалии Осиповне, что она все его повторяет. Оттуда поехал в «Последние новости». ‹…›

134. 22 января 1936 г.
Брюссель, рю Вашингтон, 4 – *Берлин, Халензе*

Любовь моя обожаемая, все благополучно (правда, путешествие мое было несколько испорчено мучительной говорливостью ковенского портного, дошедшего в своем дружелюбии до предложения мне в подарок аршинной кошерной колбасы). Сейчас утро, я чудно выспался. Нечего говорить о том, как Зина мила. На каждом постаменте парового отопленья сидит по кошке, а на кухне скулит двадцатидневный щенок-волчонок. А как-то наш щеночек? Странно было проснуться нынче без голоска, проходящего на твоих руках мимо моей двери. Дорогая моя любовь, мне очень страшно думать, что ты будешь еще больше уставать. Перо что-то очень толстенькое. Борюсь с острым желанием курить. Скажи Анюте, что целую ее. Удивительно удобно были запакованы бутерброды. Если бы не сдвиг в часах, не знаю точно во сколько, то теперь он вернулся с прогулки, топорщит руки. Сегодня история в Pen-Club. В Антверпене выступаю 27-го. Зина полагает, что выступать у студентов не надобно. Как-то он топает и тукает без меня? Чувствую себя отлично. Дивно тобой все упаковано. На границе живо интересовались обувью. Любовь моя и счастье, глаза мои дорогие, жизнь моя!

B.

135. Ок. 24 января 1936 г.
Брюссель – Берлин

Любовь моя дорогая, заодно со мной «чествовали» двух других, португальца и перуанца, которые, как только все собрались в трогательно безобразной зале, украшенной золотым плющом, достали бумажки и пошли жарить по ним, с катастрофическим акцентом. После чего я сказал три своих голеньких фразы. Потом угощали сладким вином, вроде православной «теплоты». Зато людей я встретил удивительно приятных и интересных. Сейчас он гуляет с невозмутимой Элли. Встретил, например, P.<aul> de Reul, книгу которого о Swinburne я хорошо помнил (Магда приносила, когда я был болен), нескольких поэтов — René Meurant, Charles Plisnier, Paul Fierens, а вечером пошли в гости к художественному критику[118] «Gringoire»'а, который сказал, что, к сожалению, Franz Hellens не может прийти, так как его сейчас рисует Зак. Люстра из Рима с голубыми, розовыми и просто ледяными подвесками — очень

[118] Сноски: 118
Здесь стрелка рукой Набокова, соединяющая имя Фиренца со словом «критику».

сладкая, но если разбавить шипучей водой, ничего, — а жена Фиренца Одетта показывала стеклянный медальон, принадлежавший ее прабабке Mme Roland («Liberté, quelles crimes…»), которую казнили. Душка моя, я тебя люблю. На стекле остались — палеонтологические — следы волос, бывших когда-то в медальоне, но изъятых целомудренной дочерью Mme R.<oland> по соображениям нравственности: это были волосы ее любовника — Brisson, тоже погибшего славной смертью. И вдруг вместе с художником Заком и неоконченным портретом вошел Эленс, стареющий господин с примечательным хищноватым бритым лицом, и мы сразу с ним «чудесно сговорились» (как выражается Анюточка, которую целую). Женат он на русской, служит библиотекарем при Парламенте. Зак же оказался братом… проф. Франка: очень неожиданно. Разговор вообще был живой, разнообразный — такой, в каком я давненько не участвовал. Я показывал, конечно, снимок мальчика, и хозяйка дома заметила: «il à cinq ans — ou plus?» Утром на следующий день пошел с Зиной гулять в местный Bois, днем просматривал «Mlle O», а вечером были Meurant и Plisnier, и опять была беседа об изящном с вылазками во все соседствующие области. Чтобы

потом не было неловко (как случилось с моими письмами из Парижа — когда я их перечитывал), теперь же и впредь — совершенно отказываюсь от приведения всех тех прямых и косвенных комплиментов, которые получаю. Зина здесь такую сделала пропаганду «С. О.» и «Course du F.<ou>», что Fayard и Grasset должны поклониться ей в ножки, — у которых я давно, оттого что она неописуемо прелестна. Каким легоньким и послушным кажется здешний щеночек — он вчера ушел головой в мой боковой карман и там увяз, отрыгнув немножко голубого молочка. Радость моя, туфли упоительны. Пожалуйста, напиши мне поскорее — я здесь до 28-го.

Сначала я помещался в большой комнате, но вчера туда въехал новый жилец — перс, который первым делом поставил на стол портрет в рамке Греты Гарбо — c'est tellement typique. Я же переехал в не менее уютную комнатку под крышей — и дивно сплю. Сейчас послал известие Кириллу о своем прибытии. Говорят, он учится хорошо, — Зина его до основания разбирает и складывает опять: безалаберность, конечно, осталась, и девочки, и путаница, и ветер — одним словом, все его черточки, — но вот она утверждает, что он учится. Гуляючи по парку (где стволы

так же зелены, как и газоны), я Зине сказал все, что надо было, о барышнях Пельтенбург. В Пнях была заметка, что Pen Club меня угощал завтраком, но это неправда. Страшно милы и муж, и свек<o>р Зинины, — муж Святослав = Светик (что мне странно произносить, правда?), тоже тенишевец: он теперь занялся писанием романа, показывал мне отрывки — и очень неплохо.

Буду отсюда писать маме и Фондаминскому. Здесь слуга, Боронкин, с меланхоличным лицом, очень милый, возится со щенком и чудно готовит. Посматриваю на младенцев, — тут все коляски на толстых шинах. Проснулся en sursaut вчера с полной уверенностью, что мальчик мой попал ко мне в чемодан и надо скорее открыть, а то задохнется. Напиши мне скорее, любовь моя. Топики, топики, топики — об подножку стульчика на кухне по утрам. Я чувствую, что без меня там вылупляются новые слова. Скажи Анюте, что, когда после первого разговора с персом он ушел (с тем чтобы въехать вечером), не заплативши аванса, Зина воскликнула: «Вот если бы мама была на моем месте, выкрутила бы у него деньги, так что он и сам бы не заметил».

Напомни мне, знаешь, сказать «Совр.<еменным> Зап.<искам>», что я хотел бы написать статейку о «Якоре». С подозрительной легкостью и красноречивостью говорю по-французски. Не знаю, как сегодня сойдет моя «Mlle» — боюсь, что длинно и скучно. Добрейшего Александра Яковлевича еще нету здесь, но встречу его в Париже и все вам о нем напишу. Хорошо было бы, знаешь, жить тут — прекрасная тишина после наших гаражей, за окном большой сад, все утро щекочут слух воробьи, а иногда примешивается дрозд — вот и все звуки. Ванная комната имеет тот покорно и безнадежно грязный вид, который имеют все ванные. Целую тебя, моя дорогая любовь. Я немножко отступил от картины, и вижу ее лучше, и вижу, как ты хороша. Напиши мне скорее, моя жизнь.

В.

136. 27 января 1936 г. *Брюссель, рю Вашингтон, 4 – Берлин, Несторштрассе, 22*

27–i–36

В тот же вечер выступал Моруа, и давали премьеру фильмы <об> Анне Павловой!

Дорогая моя любовь, получил твое письмо, с вихревым следом его лапки, и мамино: я ей, кстати, уже написал обо всем. Я начинаю бешено скучать по тебе. Французский вечер прошел «блистательно», но народу было маловато, — впрочем, была вся «элита»[119]. Hellens (который мне звонит каждый день, а завтра я у него завтракаю) находит, что нужно дать «Mlle O» Полану («N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise>»), но думаю, что газета заплатит дороже. Отчет о вечере привезу (вообще, масса мелких заметок и статеек, — собираю, что могу, но ты знаешь, как я неохотно это делаю), — сравнивают с Рильке, который сейчас очень в моде. Читалось хорошо, так как чудно слушали. А вчера был русский вечер

---

[119] Сноски: 119
Набоков провел от слова «элита» стрелку к строкам вверху письма.

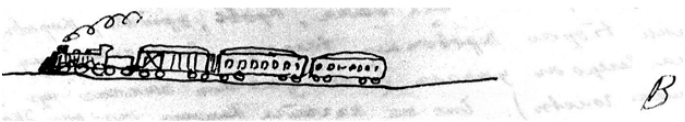
и народу было много, — и зал очаровательный, и «все доходило». Сперва я прочел стихи, потом «Уста к устам», причем. Я думаю, что он сейчас спит — душенька мой — или деловито выбрасывает за борт балласт — и уже лежит подушка на полу, а рядом соска, а он стоит стоймячком и что-то приговаривает. Причем очень смеялись в нужных местах; во втором же отделении я прочел три последних главы «Приглашения» (накануне у Зины был чай, и я читал у нее главы промежуточные, так что она теперь знает всю штуку), и результат был таков, что я, разумеется, буду эти главы читать и в Париже. После сего был ужин в ресторане. Теперь насчет Элеоноры: она была на моем французском чтении, тут же очень удачно была сведена с Зиной (которая все милее и милее), и на другой день (значит, в субботу) была Зиной приглашена на чай, и пришла первая с кучей тюльпанов. С Зиной она прекрасно сошлась — ходили уже в обнимку, ибо Зина faisait de son mieux, после чая было это самое чтение — промежуточных глав, — после чего гости (Ауэрбах с женой, Базилевская, Ильяшенко, еще кто-то) ушли, но Элеонору (и Кирилла) удержали на ужин (т. е. обед по-ихнему), после чего отправились все вместе в кинематограф. Мало

того: по окончании довольно неудачной фильмы пошли в кабачок-подвальчик (знаешь, обычная пошленькая тусклота-теснота-уютность, с испанцем, играющим на гитаре, табачным туманом и картинами, изображающими безглавых танцоров, падающие дома, кровь, уродов, коров) и уже около половины второго провожали Элеонору в гостиницу; вчера она тоже была, а вечером уехала (с ужасной смесью из «Уста к устам» и «Приглашения» в голове). Что же касается Каплана, то он дважды заезжал к Зине, пока я благополучно завтракал у Щербатовых, а затем с женой и автомобилем присутствовал на моем чтении в клубе и, хотя я многое делал, чтобы этого не случилось, проскользнул с автомобилем и женой в ресторан, где мы ужинали, — и Зина с ним сговаривались (пока я ей не наступил на ногу), как бы устроить чтение мое в Энтхофене. Я тебя, любовь моя, люблю, душенька моя дорогая, — наверное, здорово устаешь, я все думаю о тебе, о мальчуганчике. Сергей и Щербатовы трогательно возятся с Кириллом, который и спит, и столуется там; и мальчик есть у Сергея, пятилетний, чудесный, — было так странно его поднять с полу. Он очень изменился к лучшему, Кирилл, во всех смыслах, Зина его

очень любит. За это время он успел: 1) упасть с мраморной лестницы в Maison d'Art, 2) растянуться на мостовой перед рестораном, где мы вчера ужинали. Я покамест набрал всего только семьсот Семен Людвиговичей. Сегодня вечером еду в Антверпен, а завтракал только что у совершенно очаровательнейшего издателя Masui, который женат на… Маргарите. Получил от Татариновой письмо с приглашением на вечер к ней (с французами) 29-го, так что я отсюда выйду в среду около часу дня. Сергей мне показывал чудные гравюры и портреты Грауна и другие генеалогические штучки. Я не знал, например, что мы в родстве с Шаховскими, а у Щербатовых подали гигантскую кулебяку, ибо за столом четырнадцать человек и атмосфера «Войны и мира». On a beaucoup admiré мальчика моего и тебя. Très svietski.

Чтой-то «Отчаяние» не выходит? Анюту приветствую, — прочти ей о Элеоноре и т. д. I did my best — и обе друг дружке весьма понравились. Напиши мне еще, душенька моя. Тут теплынь, в конце бульвара скверик с черными канделябрами араукарий, причем те, что помоложе, тщательно прикрыты ельником — хвойный камуфляж. Кулишер всех людей делит на киевлян

и некиевлян. Очаровательной оказалась Регина, молоденькая, седоватая дама, с талантом au dire de Zina. Муж Зины необычайно прямолинейный человек и сказал мне: 1) что он меня не терпел, потому что он думал, что я сноб, как Ника, 2) которого он не терпит за неискренность. Кирилл побаивается его. Ну, моя радость, нужно мне теперь написать две открытки в Париж, а там пора и в Антверпен собираться. Я тебя очень люблю. Я тебя очень целую. А вот это ему:



В.

137. 30 января 1936 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Как адрес Long?

30–i–36

Любовь моя, радость моя, существо мое дорогое, меня уже так завертело, что я два дня тебе не писал. Я, кажется, остановился на антверпенском чтении. Да. Значит, поехал я туда и читал, прочел двести пятьдесят бельгийских страниц, что с прежними составило девятьсот с лишком. Пумпянский необыкновенно похож на старого попугая. Было скучновато. Я читал не «Приглашение», а «Пильграма». В перерыве, и после чтения, и до чтения, меня занимала убийственно-нудная, большая черная дама, а другой из устроителей показывал фокус — зажигал бумагу без огня. Я вернулся около часу ночи в Брюссель и, конечно, не справился с замком, так что пришлось бедной Зиночке в сером своем халатике… На другой день я завтракал у Элленса. Он женат на русской еврейке из Ростова-на-Дону, трое милейших детей,

говорящих по-русски лучше, чем по-французски, семейственная атмосфера. Они предлагают нам устроиться летом там, где и они летом живут, первоклассный пансион в деревне, день стоит двадцать франков, причем для нас троих сделали бы там и еще более сходную цену. У них очень было приятно. Мешки под глазами, хищный нос, длинные зубы, монокль. Оба обещали вообще хорошенько подумать о «моей судьбе»: он, как первый писатель в Бельгии, пользуется большим влиянием. Днем был с Зиной у Фиренцов. Они будут в Париже через неделю и устроят мне встречу с Жалу, — not that I want it. С ними я очень тоже сошелся и тоже обсуждал с ними свою судьбу. Hellens предложил написать к Paulhan о «Mlle O», для помещения в журнале: там платят триста франц.<узских> франков за страницу. А здесь в Париже, au dire de Татариновой, уже заинтересованы ею и Марсель, и Эргаз, и du Boz, так что, вероятно, и здесь будет чтение. От Фиренцов пошли на собрание «Thyrse», — пожилые бельгийские литераторы сказали мне «приветственное слово». Писатель, сидевший рядом со мной, нос в сетке пурпурных жилок, известен тем, что, будучи юношей, поживился человечиной: отец его был железнодорожный

служитель; переехали какого-то рабочего; пока бегали за помощью, он, отчаянно торопясь, съел кусок полуоторванной ноги, — хотелось попробовать: une occasion comme celle çi ne se presentera jamáis plus, — а рабочий потом ему предъявил иск, хотя ногу все равно ампутировали. Поэт, сказал он мне, должен все испытать. Вечером были у скульптора Le plaa. У меня собралась маленькая библиотека книг с автографами — большинство я оставил у Зины, ибо на обратном пути остановлюсь на три дня в Брюсселе, так как клуб рассчитывает устроить снова вечер, причем в первом отделении буду читать «Mlle O» (qui commence à m'agacer). У Щербатовых возник фарсовый проект, чтобы я выступал с чтением вместе с… В. В. Барятинским (дядя). Вчера Зина провожала меня на вокзал. С Gare du Nord я поехал на av.<enue> de Versailles посредством метро, так что прибыл с моими постепенно каменевшими и мрачневшими чемоданами в полном изнеможении. Билеты уже все разошлись. Пни совершенно непристойно печатают в объявлении меня большими буквами, а Ходасевича маленькими. Тысяча пятьсот каждому уже обеспечено. Намечаются и еще возможности. Здесь мне дали очаровательнейшую комнату в прекрасной

квартире. Ильюша и Зензинов соперничают с Зиной в смысле нежнейшей доброты. Зензинов подробно рассказал мне всю историю болезни А.<малии> О.<сиповны> Сжимается сердце, когда смотришь на потемневшего, подобревшего кота. Только я начал раскладываться — было около половины восьмого, — явился в нос говорящий Бунин и, несмотря на ужасное мое сопротивление, «потащил обедать» к Корнилову — ресторан такой. Сначала у нас совершенно не клеился разговор — кажется, главным образом из-за меня — я был устал и зол — меня раздражало все — и манера его заказывать рябчик, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитое подобострастие лакеев, — так что он потом Алданову жаловался, что я все время думал о другом. Я так сердился (что с ним поехал обедать), как не сердился давно, но к концу и потом, когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и, когда пришли в кафе Мюра, где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. Там же я мельком повидался с Ходасевичем, очень пожелтевшим; Бунин его ненавидит, а про Фондаминского: «Что ж! С Ильюши как с гуся вода, а вот Зензинов ее (А.<малию> О.<сиповну>) любил тридцать лет. Тридцать лет!» (и поднима-

ет палец). Алданов сказал, что, когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппарата. Очень мне хорошо рассказывал Ив.<ан> Ал.<ексеевич>, как он был женат в Одессе, как сын у него шестилетний умер. Утверждает, что облик — переносный — «Мити Шаховского» (отца Иоанна) дал ему толчок для написания «Митиной любви». Утверждает, что — ну, впрочем, я это лучше расскажу изустно. После кафе мы втроем ужинали у Алданова, так что я лег поздно и спал неважно — из-за вина. Душенька моя. Как-то мой мальчик обожаемый? Тысяча дел, и не знаю, с чего начать. Скажи, почему до сих пор нет «Отчаяния»?

Сделаю с Лонгом, как ты говоришь. Люблю тебя, люблю тебя.

В.

138. 2 февраля 1936 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя дорогая, любовь моя, ты молчишь; пожалуйста, пиши; меня изредка — на улице или среди разговора — прямо насквозь пронзает мысль о тебе и о мальчике (вообще, когда я думаю о нем, то это какое-то райское таяние внутри души), радость моя, пиши. Меня раздражает, что я адрес Лонга забыл записать, но думаю, завтра получу его от тебя и тогда сразу напишу, ужасно вышло бестолково. Знаешь что, пришли мне копию «Mlle O»! Радио у Влад.<имира> Мих.<айловича> в соседней комнате играет «Эй, ухнем». Получил от тебя два «Отчаяния» — ничего издано, — вроде трехцветного знамени. Пришлют ли они мне еще экземпляры? Как насчет раздачи знакомым? Кому дать? Список? Получил от Зины письмо, — говорит, что принимаются деятельнейшие меры к нашему тамошнему обоснованию. Я перевидал уже массу людей. Третьего дня (четверг) я себя так отвратительно чувствовал, что думал — грипп,

едва мог двигаться; но затем отменно выспался и развил кипучую д.<еятельность> вчера и сегодня. Дастакиян оказался симпатичнейшим человеком, блондином в очках, средних лет и скорее коротыш, — его все очень любят, он руководит кинематографом Кянджунцевых. У них все то же, они так же беспечно-приветливы, я у них пообедал и после этого поехал в этот их кинематограф, где Саба вел себя подчеркнуто по-хозяйски, а Ирина так же очаровательна, как была (и совершенно влюбилась в портрет мальчика). За нами сидели (он — похудевший, постаревший, она — со слепым фоксом на коленях)… Калашников с женой. Мне придется с ними встретиться (Ира мгновенно ему продала два билета). После фильмы Кянджунцевы уехали на своем лимузине, а я с Дастакияном отправились в кафе Мюра поговорить, кое-что обсудили по дороге, а в кафе встретились с Алдановым и Керенским, так что деловой разговор не вышел. Керенский пришел в ужас от моей аполитичности. Сегодня Дастакиян был у меня, и я ему подробно рассказал мою фильму («Hôtel Magique»), он очень одобрил ее и на днях сведет меня с Шифриным и еще кем-то, посмотрим (я очень стараюсь). Вчера днем я был в редакции

и сказал насчет безобразия, которое прилагаю, они обещали, что образумятся. Передал Игорю рассказ Матусевича и отказался от интервью. Меня навещали Шерман, Вишняк, Федотов. Первый прекрасно толкует «Приглашение» и в понедельник выступает с докладом обо мне. (Послано ли «Отчаяние», в Пни, это важно!) Он так же плюется и рукой прикрывает рот. У Зельдовичей буду в понедельник днем — получил от нее письмо и звонил к ней. Написал Сюпервьелю и Д.<енису> Рошу. Что делать с далями? Дело в том, что книжный магазин Гиршфельд делит с Пескиным, — меня поэтому не очень тянет туда (или позвонить ему?). Послать ли маме? Зеке пишу, — я сегодня посетил старика, Сарра очень похорошела. Душка моя дорогая, я даже успел поработать над «Mlle O» и побывать на Монпарнассе, где после смерти Поплавского поэты ходят с лицами кротких мучеников. Зашевелились тенишевцы. Говорил по телефону с Берберовой. Завтра я у Ходасевича. Сегодня выступление Милюкова, на которое я, конечно, не пойду. Живу я в чудеснейших условиях (ванна лучше нашей) и постепенно отхожу, а то просто не могу тебе сказать, как я себя чувствовал в первые два дня. Любовь моя дорогая, я пишу это письмо

очень торопливо, не могу как-то сосредоточиться. В метро воняет, как в промежутках ножных пальцев, и так же тесно. Но я люблю хлопание железных рогаток, росчерки («merde») на стене, крашеных брюнеток, вином пахнущих мужчин, мертво-звонкие названия станций. Знаешь, с удовольствием думаю об обработке «It is me». Ты уже послала «Despair»? Люблю тебя и очень целую тебя и мальчика моего[120]. На днях напишу Анюточке.

В.

---

[120] Сноски: 120
Крохотный рисунок автомобиля для Дмитрия.

139. 3 февраля 1936 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Счастие мое дорогое, никаких вечеров в Голландии устраивать не буду, это совершеннейшая ерунда. В Брюсселе вечер франко-русский будет, вероятно, 18-го или 19-го, после чего вернусь в Берлин. Не хочу больше слышать об идиотической затее Каплана (собственно, подбивала-то его по доброте душевной Зина). Ерунда какая.

Не забудь мне прислать копию «Mlle O» (как же я мог отдать мой единственный экземпляр Hellens'у?). Вечер (в среду прошлую) у Раисы распался, оттого что муж и дочь заболели гриппом, — теперь выздоровели, и она опять соберет ту же компанию. Зине я подарил две орхидеи, а dédommagement она, конечно, не приняла. Скажи «Петрополису» — надо, чтобы «Отчаяние» появилось здесь в некотором количестве, в обе газеты нужно послать (персонально — критикам обоим), ведь сейчас в связи с моим вечером можно кое-что продать. Мне совершенно несносна жизнь без тебя и без мальчика, летал только что мокрый снег, Сена — желтая, сырость мгновенно

принимает форму ног, как только выходишь. Так ты говоришь, что он, маленький, видит меня во сне? Душенька мой.

Господи, я побывал у Калашниковых — и больше к ним н<и> ногой (они живут сразу за углом — но этого *не знают*), разговор был исключительно о Корсике, Феликсе и Бобби (которому я отсюда написал, он, оказывается, несколько раз запрашивал общих знакомых, как достать мои книги, о которых читал в «N.<ew> Y.<ork> Times», — это мне сказала графиня Граббе, которую я знавал, когда она была Белосельской), Калашников рыдал, много говорил о своих и чужих половых органах, о богатстве (Татьяна разбогатела), о трепанации черепа, которой он дважды подвергался, и советовал мне читать Claude Farrère'a. Завтракал я — вчера — у Кянджунцевых, оттуда поехал к Ходасевичу: у него пальцы перевязаны — фурункулы, и лицо желтое, как сегодня Сена, и ядовито загибается тонкая красная губа (а темный, чистенький, узенький костюм так лоснится, что скользко глазам), а жена с красивыми, любящими глазами и вообще до поясницы (сверху вниз) — недурна, но дальше вдруг бурно расцветают бедра, которые она виновато прячет в перемещающихся плоскостях походки,

как пакет с грязным бельем. Владислав ядом обливал *всех* коллег, как обдают деревца против фил<л>оксеры, Зайцевы голубеют от ужаса, когда он приближается. Довольно остроумно говорил о «Приглашении», и маленький нос его шевелился между стеклами больших очков, и топырились забинтованные персты. Был там же Фельзен, смотрел на меня преданным взором. Вечером обсуждал с Шерманом и Ил.<ьей> Ис.<идоровичем>, что читать, и остановился на следующем: прочту три рассказика, все одинаковой длины: 1) «Красавица», 2) «Случай из жизни», 3) «Оповещение».

Я себе поставил две задачи — пристроить «Mlle O» и «Отчаяние». С Шифриным, насчет моей фильмы, встречаюсь в среду в три. Жду звонков Сюпервьеля и Дениса. Повидаю Эргаз и Марселя в среду. Билеты на вечер Ходасевича расходятся необыкновенно, т. е., собственно, давно все разошлись, и теперь растет склад добавочных стульев. Сегодня вечером «доклад» Шермана (он вообще очень в ударе). Ильюша очень трогательно старается на меня «повлиять» в религиозном отношении, заводит, например, издалека разговор — вот какие, дескать, бывают замечательные священники, не хотел бы я послушать одну ко-

ротенькую проповедь и т. д. Некая мать Мария нашла, что я какой-то «накрахмаленный». Оцени тончик and the implication. Счастие мое, пиши мне, я много раз перечитывал твое последнее бледненькое дорогое письмо, — душка моя, я чувствую, как ты устаешь, это ужасно; когда я приеду, то буду мальчиком заниматься весь день, ты отдохнешь. В доме дикие сквозняки, не представляю, как тут жила бедная А.<малия> О.<сиповна>, и никогда не бывает солнца, но самая квартира очаровательно-удобная. Бешено хочется курить, но, кажется, все-таки сохраню невинность. Я Зёке писал — был у Вавы, видел старика, там они снимают все голых, вся квартира в шерсти линяющего (и очень бойкого) фокса. Любовь моя!

В.

140. 4 февраля 1936 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Мурочка, а вот мой ответ на твое дорогое от 2-го.

Прошу тебя, не откладывая больше, послать перевод Лонгу (приложив или не приложив — как хочешь — письмецо, которое прилагаю). Отмеченное и подправленное — все это совершенно не имеет значенья, — любой русский читатель может найти ровно столько же родинок на любой странице любого моего русского романа, и любой (хороший) английский писатель допускает вот такие, как твоя англичанка отметила, грамматические неточности. Пожалуйста, не тревожь британских майоров и старых дев, а пошли мною приготовленную копию, не внося ни одного из исправлений чужих, в Англию (для примера: она переправила «compared with» на «compared to», но Douglas всегда пишет «with»; а об ее украшениях не хочу и говорить). Для этого и произойдет обмен писем (и предложенных, и мною наконец утвержденных улучшений)

между reviser ихним и мной. Пожалуйста, немедля пошли. Пишу Лонгу.

Теперь вот какая штука: есть у меня большая надежда устроить «Отчаяние» здесь, и Marcel хотел бы прочитать английский перевод — это очень все ускорило бы и упростило бы. Может быть, душка, с помощью Зёки ты перевела бы исправления с моего <одно слово нрзб.> (кроме тех пяти страниц, которые оставляю у себя) на копию и прислала бы мне as soon as possible (а я уже отсюда послал бы эту копию, после того как с нею Marcel ознакомится, Альта Грации). Это очень важно, по-моему.

Не забудь мне прислать копию «Mlle O», ибо я в пятницу условился встретиться с Сюпервьелем и хотел бы уже ему дать. Раиса с другой стороны энергично старается устроить мне постоянную работу в французской газете (критика литературная и театральная).

Душка моя, как я соскучился по тебе. Любовь моя счастливая. Мальчик сейчас купается (как ты справляешься?), душенька мой[121]. Я повидал вчера очень рыжую Б.<ерту> Г.<ригорьевну> и прогулялся с ней по бульвару, а на днях бу-

[121] Сноски: 121
Посреди строки рисунок идущего паровоза с вагонами.

ду у нее вечером. Потом был у «Editeur Reunis» (не по издательскому делу, а чтобы повидать Парчевского). Затем встретился с Татариновой, и обсуждали всякую всячину. Вечером было тут собрание поэтов: я, кажется, спутал — доклад Шермана в следующий понедельник, — а вчера читал доклад Бердяев, перебиваемый собственным языком. Очень милы и молоды Алферов, Софиев, Кнут. (Последний похож больше на индуса — маленького, кривоногого, — чем на еврея.) С темным, опухшим лицом седоватый Терапиано. Вейдле, похожий на Чичикова. Монголоватый и тихий Федотов. Шаршун, косноязычный, болтливый, — нес страшную ахинею, говоря со мной. Яновский — курчавый блондин, enfant terrible с запозданием. Мать Мария с двумя зубами. Поэтесса Червинская, губастая, белолицая, болезненно-длинная девушка с темными очами и кружевным воротником во всю грудь. Мочульский — улыбающийся и гепнеровидный. Зензинов присутствовал, как пушкинская няня, Илья председательствовал, а Шерман секретарствовал. Доклад был «посвящен» философскому разбору стиха «Мысль изреченная есть ложь», но получилось, что: мысль изреченная есть болтовня. Сегодня у меня был занятой и занятный

день, но опишу его в следующий раз. О, моя радость, моя милая прелесть, ангел мой.

B.

141. 6 февраля 1936 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Жизнь моя, радость моя, Марсель, с которым мы очень тепло и толково поговорили, — светленький, танцующий, но и косолапенький, с faux-airом Айхенвальда, — и мне не терпится дать ему прочесть английское «Отчаяние»; кроме того, он страшно allégché, как он любезно выражается, эпиграфом к «Приглашению». Он не будет держать «Despair» долго. О самом переводе буду говорить с Рошем в воскресение (хотя меня бы гораздо больше устроил другой переводчик, побойчее). Завтра приезжают Фиренцы, я с ними обедаю, а утром буду разговаривать с Жюлем Сюпервьелем о «Mlle O». В Брюсселе французский вечер 15-го или 17-го, а русский 16-го. Душка моя, мне очень жалко заваливать тебя почтовыми повинностями, но мне очень нужен «Соглядатай» по-французски, так что если бы ты послала теперь же Зине этот том «Oeuvres libres», то было бы очень хорошо (впрочем, постой, — я попытаюсь добыть оный у Роша в воскресение,

так что погоди, в воскресение напишу), зато мне совершенно необходимы здесь копия «Mlle O» — и «Despair». Сейчас буду звонить Шкляверу, надеюсь узнать у него адрес Софы, но до того просмотрю твои письма, может быть, ты мне его написала. Не думаю.

Был у Нины. Plus belle — osait-on dire. Муж ушастый, коренастый, genre «русского американца», живут в чудесной студиовидной квартире. Рассказывает, что все педерасты всполошились, когда узнали, что она пишет жизнь «Чайковского», согузника их. Блистала зубами, глазами, ногами; но, в общем, было как-то не то, — быть может, из-за присутствия мужа (некто Макеев, первый муж первой жены Осоргина). Оттуда, имея свободное après midi, поехал к Le Cerf в музей. Там, т. е. в изумительно уютной и мучительно меня взволновавшей энтомологической лаборатории, меня приняли с тем радушием, о котором я, по правде сказать, мечтал. Le Cerf мне показал последнее свое открытие — еще неопубликованное (мускул, движущий необыкновенные, еще замеченные Chapman'ом, *челюсти* у *куколки* Micropterух и зачаточная *третья* пара крылышек — чехольчиков их — спереди, древнейшая весть — из эпохи каменноугольной). А новый,

только что полученный вид Ornithoptera, самец которого имеет на желтых крыльях (задних) диковинный аквамариновый отлив, не встречающийся ни у одного из известных видов… А аберрация румины — уникум из Алжира, лишенная красных пятен и похожая до смешного на мелитэю… А коллекция Parnassius'ов… Очень было хорошо, и если б я жил здесь, то бывал бы там ежедневно и, может быть, устроился б так, как Кардаков в Далеме. Подумай — Лесерф сотрудничал с Обертюром!

Меня снимала (кажется, отвратительно) Сарра, а потом со стариком отправились к Алданову. Там между прочим я поговорил с англичанином (не знаю — он какой-то шепелявый, но довольно забавный) Haskell'ом, — помнишь, написал книжку о балете. Губский его секретарь; и еще есть такой Malcolm Burr, любящий будто меня, большой знаток русской литературы. Я все это туго мотал на ус — и в общем, наладил «связь» (думаю, что не ахти какую). Он был с хорошенькой балериной, совершенной дурочкой. У Алдановых народу же вообще навалило уйма; и опять длительно — и довольно тягостно — я беседовал с мрачным (от него ушла Галина!) Буниным. Знаешь, кто мне гораздо больше понравился, чем

в прошлый раз: Зайцев. Несчастный, веселый, красный от вина, беззащитный, замученный Ходасевичем.

Вчера завтракал с Шифриным у милейшего многосемейного Дастакиана и сегодня в пять вновь встречаюсь с Шифриным. Затем был с Раисой у Marcel'a. Затем поехал к Коломейцевым и нашел их такими же, как всегда, а ведь ей уже за 75. У Ники с Грунелиусом была в юности связь. Тетя Нина в точности au courant моих писаний через Лэона (которого собираюсь повидать). На вечере у Алданова — и вообще где бы я ни был — фотография мальчика обходит всех присутствующих. Я вернусь, вероятно, 20-го днем. Душка моя, вспоминаешь ли ты меня? А он, маленький мой? Мне прямо физически недостает некоторых ощущений, шерсти бридочек, когда отстегиваешь и застегиваешь, поджилочек, шелка макушки у губ, когда держишь на<д> горшочком, нóски по лестнице, замыкания тока счастия, когда он свою руку перебрасывает через мое плечо. Не забудь мне сказать, нужно ли послать книжек маме. Издателю я написал. Просто наслаждение слушать, как Шерман «толкует» «Пригл.<ашение> на казнь», — обыкновенно ведь толкователи только раздражают. Я тебя люблю,

моя радость. Не забудь всех моих просьб. Устрою для тебя отдых, когда вернусь. Поцелуй мальчуганчика. Все хочу написать Анюте длинное письмо. Многое у меня есть специально для нее.

Люблю тебя, мое обожаемое.

В.

142. 8 февраля 1936 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя, что это такое, почему ты не пишешь?

Сегодня у меня вечер и насморк. Трудно будет читать, кажется. Люсе я звонил, не застал, велел передать ему номер моего телефона Aut. 19–42. С Софой говорил [дорогая Анюточка, это для тебя. Разговор, значит, был такой. Я начал с того, что написал ей, а потом с этого и начал телефонный диалог, — что, дескать, почетный билет ей оставлен. Тогда, украшая голос легкой гнусавостью и другими узорами, она принялась мне длительно объяснять, что, «видишь ли, у нее как раз в субботу вечером важное дело с режиссером и вот она не знает, «сможет ли она освободиться», но чтобы я «на всякий случай» оставил бы ей этот билет и что она будет очень рада, конечно, прийти, если «все-таки сможет». Я сказал: Софа, реши сейчас, потому что кандидатов множество на бесплатное место. Она вдруг как-то всполошилась, притворилась, что вспом-

нила что-то, и сказала: впрочем, я, наверное, буду. Знаешь, оставь мне в кассе.] Шкляверу я тоже звонил, буду у них во вторник. Час битый разговаривал с Шифриным в его конторе (очень носатый, белые ресницы, щуплый, жемчуг в галстуке), и условились, что я для него приготовлю сценарию, причем он подробно объяснил мне свои requirements. Я уже кое-что сочинил: история мальчика, сына короля; его отца, как тогда в Марселе, убивают, и он становится королем, — швейцарский гувернер, et tout ce qui s'ensuit. Потом революция, и он возвращается к игрушкам и к радио — это звучит довольно плоско, но можно сделать очень забавно. Вообще, у меня сейчас такое буйное движение в отделе мозга, заведующем музами, музыкой, музеями, такой зуд, что просто, кажется, напишу рассказ, если будет хоть день свободный. Счастие мое, я тебя люблю. Зека пишет, что мальчик мой много разговаривает. Мне не верится, существует ли он, не сон ли это все был, мучительно хочется его ощупать. Вчера утром был у Сюпервьеля, он очень постарел, нос в винных жилках; мы очень дружески побеседовали, и он мгновенно снесся с Поланом насчет «Mlle O». Полану, оказывается, уже написал по тому же поводу милейший Hellens. В три

я уже был в «N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise>» с манускриптом (переведя исправления на отдельный листок, чтобы потом их переписать, когда ты мне пришлешь копию. Сейчас я остался без всего, а нужно читать ее в Брюсселе). Когда я пришел, то его еще не было, а когда он явился, то вошел вместе с Ремизовым, который его поймал на лестнице. Ремизов похож на евнуха, а также на шахматную фигуру, уже взятую (do you see my point? Чуть криво стоит на краю столика, малоподвижная и резная). Толстоватый, короткий, в наглухо застегнутом пальто. Был очень сладок со мной. Полану я объяснил все, что нужно было, насчет «Mlle O» и дал ему манускрипт. Если он ее не возьмет (условились, что ответ он мне даст до 14-го), то передам Фаяру. От него я пошел к Слониму и там получил манускрипт «Пильграма» по-французски. Если ты мне пришлешь еще «Соглядатаю» по-франц.<узски>, то у меня будет «богатый материал» для вечера в Брюсселе. Обедал я вчера (и какой обед!) со святыми Фиренцами, которые продали сорок билетов уже. Мы очень симпатично поговорили, он удивительно рассказывал. Сегодня встретились опять у du Bos, а в понедельник завтракаем у Жалу. Со Слонимом разговор был длинный, ласковый,

но довольно никчемный. Он меня свел с неким Уоллосом из цюрихской газеты. Теперь так: в субботу, 15-го — французское чтение в Брюсселе, в воскресение 16-го — завтрак у критика Melo du D'y (имя, а!?), а вечером — русское чтение. Зина немного поторопилась в смысле времени, я, собственно, хотел остаться здесь до 18<-го>, так как Mme Bataud (через Татаринову) готова устроить мне здесь французский вечер, а между тем зал в Брюсселе уже снят и т. д. (а выйдет ли что-нибудь с Bataud, тоже в конце концов неизвестно). Я гораздо меньше устаю, чем в прошлый приезд, так как живу в чудесных удобствах. Какие душки — Зин-Зин и Николай. С ними Елена Александровна говорит голосом Амалии. Радость моя, пиши! Спасибо за две книжки — только что пришли. Не забудь мне ответить насчет мамы и вообще (привезти ли книг из Бельгии?). Душенька моя, я тебя очень, очень целую. I've been dreaming of you, my darling. Посоветуй, что привезти Анюте, какую-нибудь штучку. Мальчик мой сейчас гуляет. Старик здорово здесь пристраивал свои мемуары.

Люблю тебя, мое счастие, усталенькая моя. Отдохнешь, когда приеду, увидишь.

В.

143. 10 февраля 1936 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Счастие мое дорогое, — чтобы не забыть, ради Бога, пришли мне «Despair», у меня все на мази, надо поскорее дать Marcelle'у. Прости, моя душа, что наседаю. А кроме того, надо будет, вероятно, собираться в Лондон, только что получил письмо от Глеба, предлагают оплатить дорогу (он пока что только «в принципе» спрашивает, согласен ли я приехать, — я только что ответил, что — да, но предпочитаю из Берлина на пасхе), там будет англо-русское выступление. Чтобы покончить с делами: здесь усиленно стараются устроить чтение «Mlle O», но если это устроится, то произойдет двадцатого, двадцать первого приблизительно, так что придется мне вернуться сюда из Брюсселя, куда еду 15-*го утром.*

Вчера днем был у du Bos (très catholique), и толковали о литературе. Он подчеркнуто ласков; наполовину англичанин. Было, в общем, довольно приятно. Вечер же прошел, пожалуй, даже успешнее, чем прошлый раз, публики навалило

много (причем валили, пока Ходасевич читал, а читал он очаровательную вещь — тонкую выдумку с историческим букетом и украшенную псевдостаринными стихами). Я сидел с Бунином (в пальто и каскете, нос в воротнике, боится безумно простуд) и раздобревшим, напудренным Адамовичем (qui m'a fait un compliment du pédéraste: «вы еще моложе выглядите, чем прежде»). После перерыва читал я. 1) «Красавицу», 2) «Terra Incognita», 3) «Оповещение». Для меня все это было огромное удовольствие, treat. Нажрался конфет, насморк лечил мазью, и в общем голос вел себя хорошо. Старец тебе расскажет о рукоплесканиях. Потом поехали большой компанией в кафе «Les Fontaines» и там пили шампанское. Пили писатели: Алданов, Бунин, Ходасевич, Вейдле, Берберова и др. Все пили за здоровье Митеньки. Против Владислава, сидящего рядом с Ниной, сидел ее муж, а против Нины сидела его жена. Ça m'a fait rêver. Было очень весело и оживленно (что-то у меня смахивает на каникульную реляцию школьника, но я не выспался). Алданов кричал, что 1) «вы всех нас презираете, я вас вижу насквозь», 2) «вы первый писатель», 3) «Иван Алексеевич, дайте ему ваш перстень». Иван, однако, артачился, «нет, мы еще поживем»,

и через стол обращался так к Ходасевичу: «эй, поляк». Не снимая нимбов, Ильюша и Зензинов тихонько сидели за другим столиком. Домой мы пришли после трех утра. Душка моя, как ужасно жалелось, что тебя не было в Ля Сказе, — душенька моя, любовь моя. Неизбежная протиснулась ко мне Новотворцева (предварительно послав мне записку с таким окончанием: «sans rancune». Это, по-моему, восхитительно!). Софа сидела, кажется, со старцем (который был мрачнее тучи). Было много выходцев из прошлого, — знаешь, не совсем уверенное выражение в глазах — примет ли меня настоящее. Калашникова я что-то не приметил. Обнялись с Денисом. Тенишевцы. Дамы. В. Лоллий. Поэты. Ходасевич, читавший первый, так спешил (чтобы меня не задержать, это было очень мило), что Фондик послал ему записку — медленнее. Сбор полный. Любовь моя, я все гуляю по твоему письму, исписанному со всех сторон, хожу, как муха, по нем<у> головой вниз, любовь моя! Heath'у напишу, — да, это правильно. Берта меня зажала, никак не вывернусь, придется у нее быть. С Анной виделся на вечере и говорил длительно по телефону. Люси так и не видел. Сейчас иду завтракать к Рудневу. Потом к Рошу. Вечером еще выступление, читаю «Уста

к устам» для «избранных». Радость моя, как мой мальчик? Душенька мой! Вот ему.

Целую тебя, моя любовь.

В.

144. 13 февраля 1936 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Шерман умоляет прислать ему карточку мальчика (которая без пальто).

Любовь моя, ликование мое, elder-bush значит не «куст постарше», а *бузина*; но все равно, пускай будет по-твоему, пошлем из Берлина, как только вернусь (23-го au plus tard); напишу ему — Лонгу-то, — как ты советуешь. Билетов на французский вечер в Брюсселе уже продано пятьдесят по десять бельгийских Семенов Людвиговичей, а вечер в клубе даст тоже кое-что, — так что нашему дорогому Григорию Абрамовичу очень даже стоит съездить туда. Здесь же Григорий будет по-французски читать 21-го — взяты в оборот энергичной Раисой Дуся и Марсель и du Bo<s>, а у меня есть Supervielle и Jaloux. Жду письма от Струве насчет лондонского выступления: хотят это организовать «Общество Северян» — очень культурные господа. После многочисленных неудачных попыток я наконец условился с Люсей встретиться (в пятницу). Вот,

кажется, все ответы на вопросы в твоем последнем письмеце.

Девятого я завтракал у Руднева с Керенским и Вишняком, а днем встретился с Roche — пили шоколад в гостинице, — он немножко гага, по-моему. «Отчаяние» он хочет для какого-то нового журнала, а меня просит перевести на русский язык собственную его повесть, которую он по семейным причинам не может опубликовать по-французски! Прежде всего, однако, я передам (сегодня вечером, — сегодня среда, кажется, — да, среда, — значит, сегодня) «Despair», только что пришедший, Марселю, а в пятницу дам Рошу русский экземпляр. Вечером тут было большое общество (писатели были представлены Буниным, Алдановым, Берберовой), и я читал «Уста к устам», а потом стихи. Разошлись поздно, — и автоматически собрались все опять в кафе, так что домой вернулись Бог знает когда. Мы довольно забавно повздорили с Б.<униным> о Толстом. Как он, Бунин, похож на старую тощую черепаху, вытягивающую серую жилистую, со складкой вместо кадыка шею и что-то жующую и поводящую тусклоглазой древней головой!

Десятого был с Фиренцами у Jaloux: хрусталь, левретка, негритянка-прислуга, паркеты, шам-

панское за завтраком. Он, пышноватенький, забавный, упал со стула, пытаясь под ножкой стула расквасить орех, — tu va te tuer, Edmond, — спокойно сказала при этом его жена — красивая, синеглазая, вдвое моложе его и наполовину русская. Конверсация была очень блестящая — и вообще было вполне приятно. Он хочет написать о «Камере» и просил ему дать ее. Днем был — недолго — у Берты Григор.<ьевны> Вечером был доклад Шермана обо мне. Адамович (со сладкими глазками) и Терапиано (очень противный с виду) говорили мне преданные речи. Общий тон был настроением апофеоза, примирения. Шерман говорил очень остроумно, но немножко слишком — too much of the good thing. Пресимпатичен Вейдле. Было человек двадцать поэтов. Варшавский нашел во мне сходство со Стендалем. Прибавляю его к списку моих мнимых учителей. Вчера завтракал у Шкляверов (см. мое описание в 1932 году — было точь-в-точь то же самое, даже те же закуски), днем правил французского «Пильграма» (перевод вообще *прекрасный*, но есть много неточностей, хотя очень старались. Делали Slonim и Campaux), а вечером был у Вавы — узнал, что старик уехал очень обиженный на то, что ни «Совр.<еменные> Зап.<иски>»,

ни «Посл.<едние> Нов.<ости>» не просили у него мемуаров. Буду по этому поводу говорить с Ильей и Алдановым. Сегодня был у Маклакова, который почти совсем глух, но очень шармантен (ему подражает Фальковский). Пишу *четыре*, нет, даже *пять* сценариев для Шифр.<ина> — причем мы с Дастакианом на днях пойдем регистрировать их — против кражи. Тетя Нина принесла три чудных фуфаечки и оставила записку: «Пусть эти фуфаечки согреют твоего мальчика, как ты согрел мое старое сердце в тот вечер 8 февраля». Я неистово скучаю по тебе (и Митеньке моем) и люблю тебя, моя душенька, душенька моя. Достану «Aguet» у этого — у Роша, — тебе ж спасибо за подправки и присылки. Знаешь, кто мне звонил: Ева! «Как я жалела, что не могла быть на вашем реферате (sic!)». От встречи я уклонился, — хотя очень любопытно. Мальчика моего целую. Люблю тебя, напиши мне скоро. Анюте привет.

В.

145. 16 февраля 1936 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

15 ч.

Любовь моя, я совсем замотался — страшный кавардак с получением обратной визы сюда из Бельгии, часов десять ухлопал на всякие префектюры <sic>. Сейчас еду в Бельгию и вернусь сюда 18-го. Вечер здесь 21-го. Потом сразу вернусь в Берлин. Пишу тебе так кратко, потому что некогда — из Брюсселя опишу подробно последние дни.

Не могу сказать, как соскучился по тебе, по маленькому моем.

С Люсей завтракал.

Целую тебя, моя любовь.

В.

146. 17 февраля 1936 г.
Брюссель – Берлин, Несторштрассе, 22

Любовь моя, душенька моя, последние дни в Париже были посвящены главным образом устройству моего французского вечера. Эргаз (которая немножко пополнела и разошлась с мужем) очень деятельно принялась за это и свела меня с дамой (S. Ridel), у которой будет все это происходить (зальце вмещает 80 персон). Кроме того, есть большие надежды найти французского издателя для «Отчаяния». Я попросил Superviell'a сказать предисловие к моему чтению, но он отказался, ссылаясь на заботы и застенчивость. Ищут теперь другого француза (быть может, Marcelle). Был я и у Роша, который по-прежнему прелестен, но до ужаса бестолков. Он готов переводить «Отчаяние», если возьмет его некая литературная газета, в которой он сотрудничает (но я спокоен: не возьмет, — судя по номеру этой газеты, показанн<ому> мне). Если же «Stock» возьмет его, как сулит Эргаз, то придется ей дать переводить — она очень этого хочет. Не очень мне это по душе. Теперь представь себе меня дважды по-

сещающим министерства, дважды ожидающим там по три часа каждый раз, затем составляющим с помощью Раисы прошение, затем дважды посещающим (по часу) префектуру и наконец получающим обратную визу в Париж. Дважды был я и в бельгийском консульстве, где в конце концов дали мне только транзитную визу, так что мне пришлось с риском опоздать на вечер вылезти в Шарлруа (поезд не шел через Брюссель) и пересесть в электрический — впрочем, подробности расскажу изустно. Вечер у Фиренцов («Pilgram» и «Aguet») был очень нарядный и удачный, было человек 50, и мне предложено послать королю экземпляр «Пильграма», ибо он интересуется бабочками. Вчера обедал у Masui (причем было бургонское 1872 года в лежащей, крепко спящей бутылке), а потом читал в Клубе — сперва «Mlle O», потом «Красавицу» перед полной залой. Сегодня завтракал у Hellens'ов, а потом чай пил у тетушки Fierens, умнейшей и милейшей старушки, которая всерьез приняла за наш переезд сюда. Сейчас (понедельник, 8 часов вечера) начнут стекаться двадцать человек, приглашенных Зиной. Elle est plus ange qui jamais. Кирилл готовится к экзамену химии и ведет себя хорошо. Мне очень трудно писать

на этой бумаге — и главное, нечего подложить. Исполню все, что ты мне пишешь, радость моя дорогая! Я видел во сне, что мальчик болен, и вышел из сна, как из соленой, горячей воды. Я люблю тебя. Тысяча мелочей проходит сквозь петли моего невода-письма, я пишу тебе только о более или менее важном; об ambiance благожелательства, говоря скромно, расскажу, когда вернусь. Тебе бы страшно понравился Hellens! Он первый писатель Бельгии, а его книжки не приносят ему *ничего.*

Думаю, что душенька мой сейчас уже почивает. Я люблю тебя. Завтра (18-го) возвращаюсь в Париж и сразу после вечера — в Берлин. Я здесь получил предложение приехать на пасхе прочесть лекцию о русской литературе с оплаченным приездом в 1-м классе. Не сомневаюсь, что либо в Париже, либо здесь Гришенька с семьей мог бы устроиться, но надо решиться на переезд. Я очень люблю тебя. Щеночек подрос, все жует, упоителен. Что бы я делал без моего дивного брюнета — черного костюма. А синий пиджак можно было не брать. Я безумно люблю тебя и безумно по тебе скучаю.

В.

147. 19 февраля 1936 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Любовь моя милая, счастие мое, знаешь, роман будет называться иначе, — к его первоначальному заглавию я прибавляю одну букву, и отныне он будет называться «Дар». Хорошо, правда? Зуд музовой у меня страшный, так бы и погрузился сейчас в свою частную бездну — не говоря о том, что здорово хочется пробраться вновь сквозь «It is me» и «Despair». Вчера вечером я благополучно вернулся в Париж. Раут у Зиночки (третьего дня) был очень веселый — между прочим я добыл много адресов для посылки билетов (здесь). Вчера утром ездил с Зиночкой покупать кой-какие штучки — боюсь, что будут меня бранить. Григорий Абрамович оставил излишек у нее же, но Кирилл об этом не знает. Он мне все больше и больше нравится, Григорий Абрамович. Сообразительный, дельный, красивый. Каюсь — приехал вторым классом, но я стар и гузок тощ, — устал от путешествий. Опять увидел Эйфелеву башню, стоящую в кружевных панталонах, со световыми мурашками, пробегающими

по спине. Все это на фоне восхитительного, обращенного Бог весть к кому, в общем совершенно потерянного заката. Мое французское чтение грозит быть очень пышным. Вступительную речь, на девяносто персон, произнесет Марсель (который сейчас деятельно читает «Despair»). Душка моя, это будет только 25-го сего месяца, а 26-го такой же вечер, но по-русски, у Кянджунцевых с примесью Буниных и Шик, так что вернусь 27-го. Я позвонил Люсе и рассказал ему это, а то mon premier movement было отказаться от всего этого ввиду удлинения моего здешнего пребывания; но, по-видимому, стоит остаться. Напиши мне, пожалуйста: 1) адрес Heath'a (Лонгу я написал), 2) раздать ли добрым знакомым экземпляры «Отчаяния» или, может быть, попробовать сбыть на русском вечере, 3) любишь ли ты меня еще.

«Подвиги» от Коварского я получил. Для Mlle Пельтенбург есть жених — приезжающий из Конго, бельгиец русского происхождения, кузен Зинин, состоятельный и положительный. Меня немножко раздражает жена Элленса (Марся Марковна), упорно проводящая параллель между ее мужем и мной вплоть до того, что жены одной национальности. Но что в чудесном его «Naïf», который я сейчас читаю, есть абзац, почти

буквально соответствующий тому месту в «Mlle O», где говорится о «fente» или «barre lumineuse» (у него «perche lumineuse», что гораздо лучше!), это тоже правда. А он со своими выдающимися глазами, которые точно вылезают из глазниц, оттого что сдавили его (впалые до болезненности) щеки, — милейший.

Ирина ~~Кянджу~~ Брунст (вот довольно пошлая описка) старается изо всех сил наладить вечер. Она усердно берет уроки немецкого языка — не у эллина, — что мне понравилось, а Саба все расспрашивает про Кирилла — не сознавая, впрочем, тогдашнее свое свинство. Зензинов проболел те три дня, которые я отсутствовал, и сейчас лежит еще, — страшно похожий (ибо весь окружен книгами, бумагами, что-то пишет, подняв костлявые колени под одеялом) на картину немецкую «Arme Dichter». Под подушкой медальон — Амалии.

Душка моя, au fond можно было бы теперь переехать. На днях, думаю, выяснится судьба «Mlle O» — не знаю, позвонить ли Полану или ждать от него известия. Посмотри, все ли длиннее средняя ресничка всех остальных, как прежде, — мы что-то последнее время не смотрели. Ты пишешь о его новых словах Зине, а я их не знаю. Лапки

мои. Я, кажется, разучился его одевать!

Бальмонт по ночам ходил по улицам, ругал французов кошонами, выискивал розетку, чтобы ее сорвать, бывал бит — и друзья отыскивали его по всем участкам. Теперь он в сумасшедшем доме — и показывает посетителям дерево, в котором сидит и поет желтый ангел. Тепло, идет дождик, кот Николай спит у меня на кушетке, уткнув лицо в хвост, жуя что-то, во сне шевеля серебристым усом.

Вышло нынче неинтересное какое-то письмо, но я очень люблю тебя, мое существо милое, бесценное, душенька моя. I would like you to come in just now. Просрочу визу.

Душка моя, пришел Дастакиан, так что кончаю.

Люблю тебя.

В.

148. 21 февраля 1936 г. *Париж, рю де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя,

с русским вечером ничего не выйдет, так что сам выйду отсюда 26-го вечером или 27-го утром, — извещу заранее (хотелось бы по некоторым маленьким и тепленьким соображениям встречного свойства приехать днем!). Душой затеи был Рабинович, оказавшийся наглым шарлатаном. Он деловито крутил что-то, всем руководил, созывал дам, назначил дамский чай у Кянджунцевых — на который ни он, ни дамы, кроме личных двух знакомых Иры, — не явились. Когда ему позвонили, ссылался на флюс и на путаницу в голове. Еще имел наглость позвонить мне и, ни словом не обмолвившись о своем хамстве, пригласить к себе. Я любезно отказался. Я, главное, чувствовал, что он шарлатан, — и отговаривал Кянджунцевых. Глупо.

Зато приготовления к французскому вечеру идут вовсю. Прилагаю билет. Вчера целое après-midi возился с адресами, данными мне в Бельгии.

С ~~Софой~~ говорил по телефону (условился о встрече) и предложил ей билет, но она сказала: «Видишь ли, я еще не знаю, дело в том, что я очень простужена (?), а кроме того, мой директор –» Вечером, зайдя домой, чтобы переодеться и ехать к Кянджунцевым обедать (рождение Елизаветы Самойловны, которой привез гвоздик), нашел записку — с отпечатком переданного по телефону волнения — что, мол, ~~belle-soeur~~ просила срочно позвонить по очень важному делу. Я звонил, ее не оказалось, я оставил номер Кянд.<жунцева>, куда она мне и позвонила, чтобы сказать, чтобы я не вмешивался в историю с некой Ратнер, которую за долги ~~Софа~~ собирается «сажать в тюрьму» и которая намерена «обратиться ко мне, чтобы на нее воздействовать». Все это страшно неинтересно, но так очаровательно характерно, что принужден описать.

Лонг мне сегодня пишет, что мое намерение еще раз просмотреть рукопись «is very wise». О некоторых других пунктах в его письме посоветуюсь с Люсей, с которым в три часа сегодня встречаюсь. Не забудь: адрес Heath'a! (я перечел все твои письма, моя любовь, потому что мне казалось, что ты мне его уже посылала, — но нет).

Тут прямо какой-то парад-аллэ моих бывших

пассий: звонила Катерина Берлин, с которой завтра увижусь на обеде у Lэона. Третьего дня вечером (после того как я с трудом отделался от милейшего, добрейшего, но несколько навязчивого Достакьяна, — уведя его наконец, — … — и приведя его обратно к себе, так как он сопровождал меня во все те лавки, в которые я заходил, — и даже в лифт в неведомом доме, куда я с отчаяния вошел, чтобы подняться к несуществующему знакомому, которого пришлось спешно отменить, когда Дастакиан, сияя сквозь золотые очки, поднялся вместе со мной) звонил Бунин, приглашая на обед — вместе с Алд.<ановым> и Зайц.<евым> для чествования Кюфферлэ, но я уклонился — и очень рад, что уклонился.

О моя душка, я скоро увижу тебя и моего самого маленького, которому покажи вот это ; знаешь, я уже с трудом воображаю его, потому что слишком многого требу<ю> от воображения, которое таких больших процентов не дает, а от меньших сам отказываюсь, так что, например, воспроизвести мальчика моего на внутреннем бархате века — как делаю успешно с тобой — не могу.

Хозяйство у Ильюши ведется неважно — стараюсь поменьше пользоваться им, ибо всякий

meal — неурочный и случайный плод сборной фантазии — и сбирающейся-то случайно, — так что скромнейший обед кажется вдохновенной импровизацией. Сегодня дождь — вся сетка на чугунной решетке соседнего сада в одинаковых перлах дождя, и где-то очень звучно и взволнованно митингуют воробьи. Сегодня буду у Ходасевича, а вечером у Кокошкиной. Завтра — Фиренс. Я плохо спал после шампанского у Кянджун.<цевых>, болят брови. Старику сейчас напишу — это идея, правда? Он думал, что «Совр.<еменные> Зап.<иски>» (которые, кстати, на днях выходят) или Пни заинтересуются его мемуарами, — я поговорил об этом с Ильюшей, но, кажется, зря. Надобно будет хорошенько переписать французского «Пильграма» для бельгийского короля, — эта глуповатая затея мне нравится — газонная травка традиции, — все-таки по ней хорошо ходится, как хаживалось Шекспирам, и Горациям, и Пушкиным.

Я тебя очень много и очень нежно целую, моя душка. Анюте скажи, чтобы она мне написала! Соскучился по нашему быту. А маленькому не знаю, что сказать, — душенька мой, сейчас он возвращается с прогулки, — вырос небось, как и брюшко Элли. Милая моя радость.

В.

149. 24 февраля 1936 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

My darling, счастлив, что мальчоночек здоров, а то почему-то мысли о нем были у меня с многоточиями какого-то волнения. Жизнь моей немецкой визы — этого лишая на разрушающейся стене паспорта <sic>, — длится до мая — если к тому времени он совсем не рухнет, — я его подклеил, — после того, как в министерстве меня спросили with pained surprise (ибо он раздвоился): «c'est avec ça que vous voyagez?» Пересылаю тебе два письма — американское, очень важное, так как, по словам знатоков, это издательство хорошее, щедрое; матвеевское же предложение — курьез, на которое следовало бы ответить так: «К сожалению, никак не подходит. Кстати, каких это "знакомых" вы имеете в виду?» (или, может быть, действительно: направить к ним Матусевича? Подумай об этом). Мне кажется, что надобно немедленно (письмо McBride'а от 10 — XII!) послать в Америку экземпляр «Отчаяния» с берлинским моим адресом на нем, — сделай это, душка моя!

Наборщик Аристархов говорил Кокошкиным о «Камере Обскуре» (которую он набирал — и держал их в курсе ее развития): «Сначала была такая веселенькая история, — кто бы мог ожидать…» (и при этом качал головой). У Кокошкиных я встретил читательниц замечательных, вот для кого стоит писать. Третьего дня пил кофе с Люсей (я его угощал) и кое-что обсуждали. Потом был у Ходасевича, который лежал больной на оттоманке, странно похорошевший, — смахивающий, пожалуй (оттого ли, что я видел его в новом ракурсе), на индейского вождя, — темные, плоские волосы и худоба; но и другое сходство щек<о>тнуло воображение: закутанный в клетчатый плед, растрепанный и красноречивый, «с печатью гения на матовом челе», он вдруг напомнил что-то старомодное — и старомодное обернулось Пушкиным, — я ему приставил бакенбарды — и право же, он стал на него похож (как иной энтомолог смахивает на майского жука или кассир — на цифру). Был он очень в ударе и поил меня своим играющим ядом. Вчера завтракал у Кянджунцевых, потом поехал в Лувр на лекцию моего милейшего Фиренса, с которым нынче обедаю. Гулял с Ириной по Тюлери <sic>, потом поехал к Лэону, где обедал с тетей Ниной.

Гиршман еще очень красива, но младшая (сравнительно), Екатерина, — ужасно постарела. Лэон мне подарил (поскольку я мог понять) несколько книг Joyce'a с его надписями и предложил после обеда поехать к нему, но окружил этот визит такими фиксенфаксами и предупреждениями, что я в конце концов отказался, сославшись на недосуг (и никчемность такой встречи. С Прустом Джойс встретился только один раз, случайно; Пруст и он оказались в таксомоторе, окно которого первый закрывал, а второй отворял, — едва не поссорились). Вообще, было довольно нудно.

Об этих новых его вещах: абстрактные каламбуры, маскарад слов, тени слов, болезни слов. Пародирую его: creaming at the pot of his joyce. В конце концов: ум заходит за разум, и пока заходит, небо упоительно, но потом — ночь.

Душенька моя, а что, если ты бы закутала мальчика и приехала с ним сюда? На первое время хватит, а погодя работа найдется. А? Такие вещи, по-моему, нужно решать сразу, ковать железо, пока aurait chaud (продолжаю его пародировать).

Я вчера прервал письмо, чтобы пойти к Рудневу на блины, а обедал я с Фиренсом, прелестный провел с ним вечер. Сейчас утро. Пойду завтракать с Софой, потом к Марсель, потом к Бунину.

Ежели ты не решишься приехать, то отправлюсь в обратный путь в четверг, 27-го, — сегодня узнаю, если успею, когда приходит поезд, и дам тебе знать.

Анюта, кажется, уже отмечала: на станциях метро часов вообще нету, зато на станции «Трокадеро» целых двое — одни даже с маятником. Контролера я как-то спросил, что это такое так хорошо блестит в составе каменных ступеней, — блестки, вроде как игра кварца в граните, и тогда он с необычайной охотой, — делая мне les honneurs du métro, так сказать, — принялся мне объяснять и показывал, куда нужно стать и как смотреть, чтобы сполна любоваться блеском; если б я это описал, сказали бы — выдумка.

Целую тебя, мое счастие… Ты что-то очень кратко мне пишешь. Ильюша за все мое пребывание здесь ни разу не выкупался.

Еще целую тебя.

В.

Дурацкая открытка Матвеева, не входит в конверт, — привезу.

150. 26 февраля 1936 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Любовь моя, вчерашнее matinée прошло упоительно, <одно слово вымарано> человек сто, было нарядно, весело — одним словом, лучше не могло сойти. Марсель говорил около часа обо мне (накануне я ему в придачу ко всему, что он прочел, «рассказал» идею «Приглашения»; кроме того, он вызвал Вейдле, который напичкал его до конца), и очень, очень умно. Каждая деталь «Mlle O» встречалась с перекатием сочувствия, улыбки, одобрения, — а раза два меня «прервали рукоплесканиями». Я очень доволен.

Кажется, можно считать решен<ным> вопрос о помещении «Désespoir» («Stock» или «Plon»). Судьба «Mlle O» и «Pilgram'a» еще не решилась, я останусь здесь еще два дня, т. е. выйду в пятницу, — это окончательно. Сегодня вечер раут у Марсель'я. Эта открыточка не в счет моих писем, а просто чтобы ты знала, как было удачно вчера, моя любовь. Знаешь, в конце концов наш дорогой Григорий Абрамович перевалил за предыдущий приезд. Сегодня увижу Ан.<ну>

Нат.<ановну>

Душка моя, целую тебя и маленького моего, I am longing for you.

В.

151. 27 февраля 1936 г.
Париж – Берлин

Любовь моя, счастье мое чудесное, по словам Кука, я выезжаю в 22.45 и прибываю на Шарлоттенбург в 17.19, так что, если погода хорошая и нет насморчка — В субботу, значит, в девятнадцать минут шестого. В понедельник (сегодня четверг, вечер) я завтракал с ~~Софой~~ в русском ресторанчике, она опять рассказывала с ненавистью о Ратнер (которая, по словам Раисы, в свое время, т. е. месяца три тому назад, добывала и добыла деньги для ~~Софы~~ же: за борт, как выразился бы тот же Джойс). Я взял тот тон с нею, который ты в письме наметила. Она сказала: «Все это нужно было мне говорить, когда мне было восемнадцать лет; теперь поздно». На чтение мое у Ридель она не явилась. Засим я заехал за Ириной и с нею в ее лимузине поехал с корректным визитом к Бунину, который принял нас в вишневой пижаме, — мешки под глазами, простуда, тоска, — и угостил самос<с>ким вином. Мы посидели с четверть часа (собственно, визит был предназначен ~~Марии~~ Вере Никола-

евне, которая, однако, отсутствовала) и поехали к Jones'y — такой магазин. Вернувшись домой, нашел у себя Дастакияна, которого скоренько увел по направлению к бульвару Мюра, где таким образом пришлось изобрести визит (к Каминкам). Вернувшись опять домой, нашел то же общество, которое было в прошлый понедельник, и обсуждался вопрос «святости и творчества». Милее всех был Ладинский, похожий на старого, потерявшего голос петуха, — смирного петуха. Разошлись в половине третьего. Во вторник было французское чтение, более чем удачное, и я после этого лег спать в девять часов, донельзя утомленный (длилось с трех до восьми, tout compris!). Вчера завтракал в «Куполе» с Татариновой; в три часа там же встретился с Анной Натановной, с которой сидел до четырех, после чего явилась симпатичная, но безнадежно рыжая Зельдович, проводившая меня до метро. Вечером было собрание у Марсель: он читал свою новую пьесу, совершенно бездарную, с музыкальным немецким эмигрантом в главной роли. В полночь заехали на обратном пути в кафе, где собрались Керенский, Алдановы, Тэффи и еще много других. Сегодня говорил с Рудневом о «Совр.<еменных> Зап.<исках>»: он хочет непременно «Чернышев-

ского» для следующего номера. Будет писать старику насчет мемуаров, — обещал. Прощался с Кянджунцевыми, потом побывал в Бельгийском консульстве. Затем купил тюльпанов и под проливным, украшенным снегом дождем пошел с визитом к Mme Ridel (она, кстати, кузина Понсе, амбасадера <sic>), где провел очень приятный и полезный час. Завтра увижу Полана и Слонима, а вечером пущусь в обратный путь. С мучительнейшей нежностью думаю о тебе, моя душка. И о моем маленьком. Кажется, придется послать это письмо авионом, а то оно не поспеет. Мне хочется в Берлин. Получил письмо от Лонга, что все в порядке. Идет дождь, чмокает в саду за окном; устал. Я тоже.

Когда-то Теффи, дебелая и белошеяя, сидела в «Бродячей собаке», в декольте на сорок восемь персон, и приблизительно столько же молодых людей с проборами присасывались все вместе к ее плечам, а теперь это страшноватенькая старуха с лицом, необыкновенно похожим на галошу. Слышу голос Шермана, пришел к Зензинову. До скорого, моя душенька, уж не знаю как целую тебя.

В.

152. 10 июня 1936 г.
Берлин, Несторштрассе, 22 *– Лейпциг, Эренштейнштрассе,* 34–1

Душенька моя, спасибо за отчет. Очень было грустно смотреть на маленькое уплывающее лицо. Я только что пообедал, но не в русском, а в немецком ресторане, а то в русском оказалось дорого — свыше марки. Пришло сообщение от Fid. Kom., что дело кончено и что через две недели деньги; а Зельдович пишет, что книжки не получила. Доесть ревень вчера было невозможно. Пришел журнал «Круг» со статьей обо мне Вейдле. Холодно. Смотри, чтобы он не простудился. Я сегодня без него, как без души. Сейчас половина второго, пишу с почты, вернусь домой и буду писать. Завтра вечером я у Зеки. Любовь моя, побольше пребывай в неподвижном состоянии.

Привет Анюте и Елене Львовне.

В.

153. 11 июня 1936 г.
Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

Любовь моя, письмо от Лонга. Извинившись за «delay», он дальше пишет: «up to the present, however, we have not made any plans for the publication of this book, the chief reason being that some of our Readers' reports have not been at all

enthusiastic, especially in regard to your translation. In view of the latter, we are now writing to ask you whether it would be possible for you to get hold of the translation that the <A>merican publishers used?» Что отвечать?

Звонила Нина П.<иотровская> с предложением тебе места во французском Verkehr'овом обществе: от 9 до 6, фран.<цузская> нем.<ецкая> машинк<а> стеног.<рафия>, плата 150 мар.<ок> Я сказал, что я тебе напишу (но это, конечно, невозможно взять).

Жданов прислал обратно манускрипт.

Сочинял я ночью пьесу и отвратительно спал. Люблю тебя, не огорчайся слишком. Воображаю, какие у них «readers» (что, впрочем, небольшое утешение).

B.

154. 12 июня 1936 г.
Берлин, Несторштрассе, 22 *– Лейпциг, Эренштейнштрассе,* 34–1

Любовь моя, смотри пиши ко мне, а то я тоже остановлюсь. Милейшая и трогательнейшая открытка от Ф. Он пишет, что номер Полана 15–00. Все в порядке. Он сам будет здесь в конце лета. Переслал Анюте письмо в долгом конверте. Мне очень скучно без тебя и без мальчика. Почему у него в комнате настойчиво и добродушно попахивает кислым молочком? Был только что у Аксенова и по дороге поговорил со встреченной княгиней Ш<аховской>. Получил рецензию Адамовича о «Пещере», где он очень нагло «провел параллель» между драгоценным М.<арком> А.<лександровичем> и мной. Вчера «обедал» дома, а сегодня в русской кухмистерской на Pariser Str<asse>. I love you, my darling. Пиши.

B.

Анюте-анюте привет.

155. 13 (?) июня 1936 г. *Берлин, Несторштрассе,* 22 – *Лейпциг, Эренштейнштрассе,* 34–1

Душенька моя, очень радуюсь, что вам хорошо в Лейпциге. Получил еще статью о себе (третию <sic> за три дня!) — от Глеба, в русско-английской газетке.

Письмо от мамы с тревогой о К.<ирилле> (который сдуру хочет непременно в Англию на каникулы) и квартирной тревогой — как уже раз было.

Сегодня дивная погода, был в Груневальде. «Современные <Записки>» выходят I–VII. Приходится несколько жонглировать, чтобы в день не тратить больше марки на все[122].

Звонила Никина мать. Душенька моя, постарайся немножко на солнце полежать. Когда вы, собственно, вернетесь? I love you.

В.

---

[122] Сноски: 122
В конце строки маленький рисунок гоночного автомобиля.

156. 14 (?) июня 1936 г. *Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе,* 34–1

Любовь моя,

ничего нового, кроме длинного благодарственного письма <вымарано два слова в скобках> от Пиотровской; я тебе его не пересылаю. Завтра жду Гертруду. Был сегодня в Груневальде. Погода больно хорошая. Напиши-ка мне более точно, когда мне вернут сына. Целую тебя, моя душенька. Странно, что он боится белок. Сейчас буду варить себе какао.

В.

157. 15 июня 1936 г.
Берлин, Несторштрассе, 22 – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

Душенька моя дорогая, вчера был большую часть дня в лесу, а сегодня ужинаю у Гес.<сена>. По ошибке использовал овсяное какое, и получилась такая бурда, что едва меня не стошнило, а пришлось выпить три чашки, чтобы не пропало молоко, которое я одновременно кипятил, всыпая в него «какое». До полночи гремело вчера радио (при открытом окне) у каких-то гнусных соседей (из всех изобретений оно, пожалуй, самое пошло-дурацкое); я и кто-то еще орали «Руэ!», но тщетно: коричневый в красную клетку оперный голос продолжал вовсю. Сегодня опять пасмурно. Скучаю по вас.

I love you.

B.

Два письма пересылаю Анюте, которую целую.

158. 16 июня 1936 г.
Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

Душенька моя,

письмо от Руднева со страстной мольбой написать для них о «Пещере», — никто не хочет это делать. Нужно к первому июля. Пожалуйста, привезите книжку.

Я покамест не нуждаюсь в твоих пяти марках, еще держусь. Старец попросил прочитать (перечитать!) и починить, где нужно, его «мемуары». Сегодня у него ужинаю (что, по-моему, как-то смутно-бессознательно ставится в связи с правкой) и вообще просит каждый день ужинать, but I don't.

Мне очень скучно без тебя, моя любовь. Я к тому же несколько раздражен. Очень хорошо, что мальчишечка научился сидеть на горшке. Заходила Труда и принесла ему пяток яиц. Два письма переслал Анюте. I love you.

В.

Сердечнейший привет Елене Львовне!

159. 18 июня 1936 г.
Берлин – Лейпциг, Эренштейнштрассе, 34–1

Душенька моя, сегодня письмо от Карповича, что будет здесь в Воскресение (с тем чтобы в понедельник утром уехать), и предлагает зайти сюда в 5 часов (а вечером он у Гессена). Угощу его чаем.

Видел сегодня на озере нырка, который плыл, неся на спине своего птенца, — и позавидовал. Видел — и слышал — компанию русских, из коих одна, собственно, была толстой немкой и соответственно произносила, так что, когда муж ее спросил: «Пупуша, ты на чем там сидишь?» — то она ответила: «на шопе».

Я еще ничего не купил на купон в Hemdenhalle. Целую тебя, моя любовь, и его, его.

В.

160. 20 января 1937 г.
Брюссель – Берлин, Несторштрассе, 22

Душенька моя, снег на крыше вагона начал вскоре таять — и вдруг: закапали лампочки, постепенно потопляя купе. На границе оказалось, что Анюточка была совершенно права: чиновник смертельно обиделся на булавки, которыми были скреплены внутренние ремни, и был обмен грубостей, закончившийся компромиссом: он отстегнул левую, я — правую. Со злости все распотрошил. Потом налезло много веселых бельгийских коммивояжеров, говорили о телосложении знакомых дам и о процентах. Pendant que l'avoine pousse, le cheval crèvera, — заметил один по какому-то поводу. У Зиночки — чудесно. Я выспался в мягкой постели, в великолепной комнате. Меня все обнюхивает желтоглазый волк.

Я хотел еще много написать, но вижу, не успею. Предпочитаю так отослать. Люблю тебя, его. Анюту поцелуй.

В.

161. 22 января 1937 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

22–1–37

Душенька моя, любовь моя дорогая, пишу тебе в поезде, едучи в Париж, отсюда некоторая дрожь в почерке. Французский вечер прошел еще успешнее, чем прошлый раз, большой и нарядный зал был битком набит. Очаровательно и умно обо мне поговорил в виде вступления Jasques Masui. Старик de Rieux (теперь выпускающий книжку о… Лоуренсе, — не полковник, а любовник), подойдя ко мне, заметил qu'il n'aurait jamais cru, что у Пушкина могла быть такая прекрасная строка, как «…l'étoile n'est plus là parceque l'eau se ride». Чтение было посередине перетянуто пояском аплодисментов, а в конце был совсем большой и добротный шум. Виктор заработал на такой же лекции тысячу франков, — молодец, правда? Была Элеонора, я все время держал ее около себя (что-то очень торопится экспресс, говорит под руку), вместе были в кафе и т. д. Между прочим, они говорят, что они не совсем поняли

таинственный намек Александры Лазаревны (о «подарке»), но отец ее высказал правильное предположение. Кирилл, увы, соответствует всему тому представлению о нем, которое у нас уже было (душенька моя, мне уже безумно скучно без тебя — и без мальчонка — целую тебя, мое счастие), он очень худ и грустен, совершенно лишен прежней бойкости. Не буду писать о его «лампочках». Я выкупил за двадцать пять франков (!) его вещи, сам был с (ним) за ними, так как он один боялся хозяйки. Скажу только, что среди охапки вещей, которую мы там заворачивали, была ложечка с остатком варения и ножницы, сплошь оранжевые от ржавчины. Сергей и Анна очень к нему добры, так же как и Зина. Какая прелесть маленький Ники! Я не мог от него оторваться. Лежал красненький, растрепанный, с бронхитом, окруженный автомобилями всех мастей и калибров. Я о Кир.<илле> говорил с Маргаритой, у нее план устроить его в игрушечный магазин, — во всяком случае, отнеслась ко всему очень серьезно. Фиренц в Париже. Был у Hellens'a, еще больше, чем прежде, смахивающего на голодного кондора. Он был в халате, «в гриппе». Я ему передал «l'outrage», причем надписал посвящение (только потом вспомнив, что по-русски-то

это посвящено Бунину, — так что если это будет напечатано, то получится забавно). Он все интересовался, достаточно ли я ясно написал его фамилию, а затем *взял и сам ее начертил*, — вот мы какие. Эта мелочь меня убеждает в том, что он уж постарается, чтобы рассказ появился; а доклад он советовал сразу дать Полану. Меня очень мучит мой грек, мечтаю о пресипитате. Я много ем, не курю, ou presque. С тоской думаю, моя радость, о том, как ты, верно, сейчас устаешь. Леонора настаивает на голландском твоем визите. Не поехать ли тебе туда пораньше, т. е. до окончательного исхода?

Зина была в восторге от аметистов. Она, и Светик, и Свят.<ослав> А<н>др<еевич> были со мной совершенно небесно-милы. Оказывается, Виктор сегодня расплатился с ней и заплатил за карт д'identité брата.

«Mesures» считается лучшим французским журналом.

Спасибо, моя душенька, за сообщение о Рудневе. Здорово мчится поезд. Поля зелены, как весной; сижу без пиджака. Трудно писать, мысли рассыпаются от тряски. Еще о Кирилле: он сейчас живет в отличной, большой, чистой комнате, с приветливой и терпеливой хозяйкой, содержащей внизу кабак. Она, только увидя меня, поверила, что это действительно Кириллин брат изображен в газете, и теперь Кирилл считает, что «его акции повысились». Туровец (лампочки которого он разносит) подарил ему шляпу, костюм. Он, в общем, одет прилично, но башмаки выдают. Слава Богу, кажется, станция. Да. Мы на границе. Я все показываю снимочки. Целую его в височек, моего маленького. Напиши мне скоро, моя любовь. Я тебе многого недосказал о вечере, но вышло бы приторно. Зина и Светики сияли. Я доволен, ибо это предвещает и успех в Париже. Ну вот, поезд опять двинулся. Будь здорова, моя любовь. I kiss you a lot and very tenderly.

В.

Анюте привет и скажи ей, что в точности я «провел» все разговоры.

162. 25 января 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Здраствуй, моя душенька,

вчера вечером было русское чтение (два отрывка из «Дара»: треугольник и Буш). It was quite a treat. Все билеты были распроданы, публика слушала идеально, я читал с десятиминутным перерывом с десяти до без двадцати двенадцать (около 45 стр.<аниц>). Сначала поговорил Ходасевич, остроумно и односторонне, — все больше о «приемах», о том, как у меня «живут и работают приемы». Люся очень смеялся, когда я читал о Буше. Софа мне сообщила, что она накануне всю ночь «диктовала секретарше». Видел Моревскую. Видел еще уйму людей. Потом, по традиции, всем обществом переселились в кафэ, человек двадцать с непременными Бунином, Алдановым, Берберовой, Ходас.<евичем> и т. д. On est très, très gentil avec moi.

Завтра буду у Маклакова. Все свободное время (а вчера до половины четвертого утра, ибо сво-

бодного времени мало) корректирую первую главу «Дара» (так как нужно поспеть до какого-то срока, когда поднимут ставки) и сегодня наконец сдал все Рудневу (который со мной очарователен). Английские гранки просмотрел, кроме той части, которую сегодня от тебя жду, — и тогда все пошлю Лонгу.

С «Таиром» я уже наладил сношение, обо всем поговорив с Лол.<лием> Львовом — и кажется, может это выйти. Был у Эргаз, которая с румяным насморком, отвез ей конфеты, все очень было мило. Был у Раисы (очень, очень старающейся), у старика, у Ходасевича. В среду у меня серьезный разговор с Алдановым — единственный человек, который имеет хоть какое-либо влияние на П. Н. Мне уже предлагают (Илья) квартиру в 3 комн<аты>, со всеми удобствами в Boulogne (там дивно сейчас, — я там проходил, идя к Ходас.<евичу>) за 300 фр.<анков> в месяц, а Шерман предлагает другую за 400, в новом доме и т. д. С Люсей я встретился сразу по приезде, отвез ему сапоги и сон. Все, кого ни вижу, хвал<я>т мою «Фиальту». Говорил с Теффи о Лондоне: у Саблина чтение было замечательно, с бо-мондом и первый ряд по гинее и т. д. Не написать ли ему отсюда? Но что? Пришли мне проект! В пятницу

с Фондам<инским> и Зензин<овым> обедаю у Кокошкиных. Ирина подурнела. С другой Ириной (Кянд.<жунцевой>) говорил по телефону, недели три тому родила девочку, буду у них завтра. Уже разговаривал с Ильюшиными актерами о пьесе. Напишу ее, как только будет время. На завтра сговорился с Поланом.

Милая моя любовь, ты и он мне очень не хватают <sic>. Его снимочки вызывают восторг.

Тут мне очень удобно, ни йоты не изменилось с прошлого раза, чувствую себя «как дома».

Спал я нынче не больше трех часов. Днем я у старика. Сейчас половина второго, я еще не выходил и не обедал, идет дождь, Жанна говорит за дверью с кошкой: «mon pauvre petit martyr!..»

Привет Анюте.

My dear love!

В.

163. 27 (января) 1937 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Дорогая моя душенька, солнышко мое,

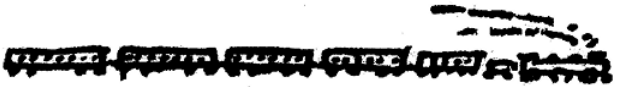
был я у Маклакова. Он утверждает, что никаких трудностей не будет. Прежде всего, однако, нужно продлить до 3 месяцев мою визу с правом вернуться из Лондона. Завтра опять иду по этим делам; утром, завтра же, буду у Павла. Помнишь такого Calmbrood? Он, оказывается, заработал две тысячи с хвостиками. Был я вчера у Полана и передал ему обе вещи (он обещал быть на чтении, но что-то такое мелькнуло в его карем глазу, что заставило тут же, не откладывая в здешний продолговатый ящик, отдать ему «Le Vrai». Он был необыкновенно мил — и обещает, вообще, мне помочь). У Даманской третьего дня я достал несколько адресов в дешевые пансионы на Ривьере (20 фр.<анков> в день), и кроме того, она обещала написать своему дядюшке в Beaulieu-sur-mer. Об этом же будет хлопотать Ильюша, с которым я обо всем подробно потолковал. Он мне хорошенько объяснил все оттенки (совершенно, впрочем, схожие с твоими и Анютиными

наказами), в которых выдержать разговор с Милюковым. Мой план, чтобы ты с мальчишечкой в середине (или начале?) марта пропутешествовала через Париж прямо на юг. Для меня очевидно, что Виктор (он очень тебя целует, моя жизнь, — он испытывает такое longing for you, for your soft dear whiteness and everything. I have never loved you as I love you now) найдет здесь способ существовать. Вчера меня посетила тетя Нина и страшно трогательно принесла целое приданое для мальчика: чудесный синий с розовым халатик, две розовых пижамы, вязаные кофточки, гетры красные, гетры белые, шапочку, рубашечки и еще много чего. Может быть, ты ей напишешь два слова? 16, av.<enue> de la Grande Armeè. Приложи снимочек.

В понедельник вечером было собрание христиан и поэтов у Ильюши. Был и Георг<ий> Иван<ов>, шепелявый господинчик, похожий лицом и на удода, и на Бориса Бродского. Я избежал рукопожатья. Обсуждался вопрос: половой акт в свете христианства — и Яновский, Мамченко, Иванов несли страшный и стыдный вздор, а начал Федотов (докладчик не пришел, и Федотов предложил тему о «откровенности в литературе»).

Я сделал половину «Отчаяния» и отослал (40 гранок) Лонгу. Вчера должен был обедать с Буниным (вместе с Алдановым и Цетлином), но что-то спутал (был у Полана, а потом ужинал один в знакомом мне кабачке на rue Bonaparte, — за 6 фр. все-все-все), так что с 7 часов до 11 они звонили Ильюше. Завтракал вчера у Кянджунцевых. Видел девочку Иринину, — темноволосенькая, в огромной розовой коляске. У Сабы новый автомобиль. Он мне долго рассказывал свои любовные злоключения. Ирина в Лейпциг не возвращается, а муж — в Англии. Завтра буду по совету Полана у Gaston Gallimard, а послезавтра завтракаю с Софой. Сейчас сижу в кабаке по дороге к Моревской, где увижу Люсю и передам ему. Часы тикают в пальто. Дивная погода, Сена как молоко.

Меня так мучит мой грек (не сплю по ночам, оттого что неистово чешется, — и это очень влияет на настроение), что решил повидать врача, а то от précipité blanc только хуже. Дурацкий этот деготь повлиял ужасно. На днях приезжает сюда Саблина (рожденная Фомина, бывшая страсть Юрик<a> и сестра Гогель), и я с ней поговорю. Напиши мне много про Митеньку. Вот для него.



Прилагаю рецензию из бельг.<ийской> газ.<еты> Маме написал.

Душенька моя, целую тебя.

Анюточке привет. За вещами еще не пришли.

В.

164. 28 января 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя дорогая,

Paulhan только что мне написал, что «Outrage» «délicieux, merveilleux, convaincant» и что он его берет для «N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise>». О «Poushkine» он хочет со мной еще поговорить, так что я опять иду к нему.

П.<авел> Н.<иколаевич> был со мной крайне любезен. Я ему все изложил — как урок — и получил пятерку с плюсом. Виктор просил у него две тысячи в месяц за три-четыре статейки. На днях это решится.

Опять был у Маклакова — вернее, у Н. М. Родзянко, который специально этим занимается и составил длинное прошение. Насчет мебели у вас не совсем точные сведения: нужно просто иметь permis de séjour, и тогда, по уведомлению фр.<анцузского> консула в Берлине, можно ввозить сюда без пошлины.

Радость моя, пиши мне. Целую тебя и его, моих душек. Прилагаю милейшую заметку Алд.<анова>

В.

Был у М. с Люсей, а потом был у доктора. Он советует делать какие-то уколы, двадцать раз по двадцать фр.<анков> Я отказался.

165. 1 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя, любовь моя,

все письма, о которых ты спрашиваешь, давно написаны — и Саблину, и Зеке, и Лонгу, и Глебу, и Молли, и Галимару (от которого еще нет ответа; если не будет — позвоню). Живу в каких-то концентрических вихрях, переходя из одного в другой. Полан берет и conférence, но находит, что в переводах стихов нет «envolée», и, посоветовавшись с ним, я отправил их к Melot du Dy, для оперения. В четверг вечером был с томпсоновским (и шахматным — и очень милым) Бернштейном у Рашели. В пятницу завтракал с Софой и Люсей, а вечером с Ильюшей и Влад.<имиром> Мих.<айловичем> (который не расстается с галстухом моим, очень ему идущим) ужинали у Кокошкиной-Гуаданини и вернулись по мрачным и пустым бульварам в 2 часа утра, — и с тех пор Ильюша с умилением все говорит о русских девушках, зарабатывающих <на> жизнь стрижкой собак.

В субботу было очень нарядное и веселое чтение у Ridel (но Вейдле was not a success, ибо, оказывается, он заикается, — зацепится за слово, и не может соскочить, и секунд пять работает на месте, а потом опять гладко, вообще же, он — милейший). Вечером был в русском театре и потом до утра в кафе сидел с актрисами (и Ильюшей). Вчера был у Буниных (где были и Алд.<анов>, и Рощин), а сегодня виделся с Поляковым в кафе (вопрос П. Н. еще не выяснен), затем был у ген.<ерала> Головина и получил у него перевод на англ<ийский> язык. Виктору дают двести франков за десять страниц. Был у меня казах-киргиз Чохаев, специально для разговора об обстановке гибели Годунова-Чердынцева, и сообщил все, что мне нужно. Был я у сестры Канегиссера (между прочим: упоминание этой фамилии в моем «Даре» прозвучало — по уверению Алданова и Татариновой — страшной гаффой) и дал ей опцион, кинематогр.<афический>, на «К.Д.В.». Был в Лувре (для работы Годун.<ова>-Черд.<ынцева>, К.<онстантина> К.<ирилловича>, о бабочках в старинных натюрмортах), а завтра встречаюсь со Ждановым. Был опять у Полана: если «Outrage» выйдет в N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise>, то больше 40 фр.<анков> за стр.<ани-

цу> не даст, а выйдет только через четыре месяца, так что он попытается устроить в «Mesures», а если нет, то в N.R. F. Достал «полезного» человека в Кэмбридже и несколько адресов на юге. Душенька моя, готовься к отъезду! Не буду тебе говорить о невыносимых терзаниях, причиняемых мне греком; зуд не дает мне спать, и все белье в крови, — ужасно. Есть хорошая новая мазь, но я не смею ее употреблять, так как на ней сказано «sali énormément le linge». Да, пожалуй, повидаю Дынкина. Виктор получил от Ridel около восьмисот. Я тебя люблю. Маленького моего целую. Еще много было всяких встреч, но что-то у меня все спуталось. Завтракал опять у Кянджунцевых: Ирина разводится с мужем и говорит, что он ей закатывал скандалы, когда они приглашали кого-нибудь и т. д. Девочка очень мило fait rotototo после бутылочки (рыжок). Вся неделя у меня «расписана». Прилагаю две рецензии. Все было бы хорошо, если бы не проклятая кожа. Люблю тебя. Старик был потрясен первой главой. Душенька моя, я *так тебя* жду. И его.

В.

166. 4 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Любовь моя, благодаря геройскому упорству сделал промеж всех здешних моих посещений, дел и бесед сложнейший технический перевод на англ.<ийский> язык, — вчера около двух кончил. Продлил визу на два месяца, т. е. получу ее в Лондоне по истечении этой. В министерстве встретил Ге<о>р.<гия> Абр.<амовича>, которому там обратной визы не дали. За вещами зашли. Встретился с бедным Ждановым, который приехал по случаю смерти отца: снова возникла возможность фильмы, так что я первым делом встречусь с Кортн.<ером> в Лондоне. Душенька моя, как ты, что ты, мне мучительно пусто без тебя (и без тепленького портативного мальчика), люблю тебя, моя душенька. Завтракал у Берберовых с Адамовичем: мы очень сладки друг с другом. У нее новая «Dawson girl» прическа, но тот же розовый мысок мяса между передних зубов. Сегодня увижу G.<abriel> Marcel, который хочет, чтобы я повторил conférence (которую он

перехваливает) в сорбоннском кругу: кажется, придется согласиться, хотя денег они как будто не заплатят. Получил длинное письмо от Саблина с «очень любезным» приглашением у него читать и с практическим советом найти «состоятельного» потомка царей, который бы вечер «пропагандировал», ибо, дескать, *они* «больше интересуются русск<ой> литературой, чем истинно русские люди». От Струве — совершенного идиота — получил небрежную открытку, что он считает «нецелесообразным» двойное выступление. Я написал Саблину, Гринбергу, Гавронской, Лонгу (отослал очень изящный title-page), Чернавиной. Вчера завтракал у Antonini, который очень мил (если не считать тошного снобства). Мне нужен *договор с Лонгом*, чтобы знать, сколько он дает. *Непременно* пришли — или выпиши. У Виктора, по его словам, уходит масса денег, но он еще кое-что напишет Люсе. Кажется, я свой выбор останавливаю на Rochebrune, Cap. St. Martin. Как только я вернусь из Лондона, тебе будет выслана виза. <Вымарано одно предложение.> От мамы — ни строчки, не понимаю. Псориазис все хуже. По возвращении из Лондона что-нибудь предприму. У меня временами мечта: намазаться с головы до ног и лечь на месяц в больницу.

Если бы не это — все, в общем, было бы отлично. On me fête beaucoup, я окружен сотнями милейших людей. De-Monza на похоронах Навашина сказал: «il ya cent ans, on a tué Pouchkine… Maintenant on a tué Navachine…» Сейчас иду завтракать с Roche, а потом я с Ridel у Mme Chardonne. Вечером должен «по делу» увидеться с Ходасевичем в кафэ. У меня белье в таком виде, что было неловко дать Жанне и пришлось дать в прачешную, где стирка рубашки стоит чуть ли не три франка. Привет Анюточке. Душенька моя, начинаю считать дни до 15-*го марта.* Пиши.

В.

Мне тут сватают меблирован.<ную>, квартир<у>, 3 комн.<аты>, весь комфорт, за 650 в мес.<яц> через Зину.

167. 5 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя, любовь моя, вот ответы на все твои пестроватенькие вопросы: о Кирилле написал Зине и Mazui. Виктора прогнал. К Bonnier и Jannelli написано. «Mercury» пришлет — если уже не прислала — Зина. С «Таиром» дело еще не выяснено. Кушак Раиса приняла довольно равнодушно. О Maurois: перед началом Ridel мне сказала, что «mon grand ami Maurois n'a malheureusement pas pu venir», и тогда, тут же, посоветов<ав>ш<и>сь с Вейдле, я вычеркнул весь абзац о «Byron'е». Не знаю еще, какую из двух вещей Полан поместит в N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise> и какую в «Mesures». Gallimard'а поймать очень трудно, но я сегодня позвонил в N.R.F., напомнив, что я жду от него известия (другого пути нет), и мне там ответил его секретарь, что я получу un mot demain.

Шварца найти невозможно, да и времени у меня сейчас нет на лечение, а если пойти к Дынкину за советом, то он берет за этот «совет»

75 фр.<анков>, но все же после моего возвращения из Лондона я к нему пойду, если, однако, не получу бесплатного лечения в госпитале, где служит Шерман. Я спросил сегодня нескольких людей, и все в один голос сказали, что 400 очень дешево и что это, конечно, tout compris, так что все советуют это схватить, и я советую, — хотя еще жду ответов от пансионов через Шлезингер и других. Сегодня из любопытства осмотрел меблированную квартиру (3 комнаты etc., великолепно, чисто, просторно), которую мне посулили из Бельгии через Зину, будто бы 650 в месяц ту компри (все равно не подходит, конечно), — но к тому же оказалось, что не 650, а 800.

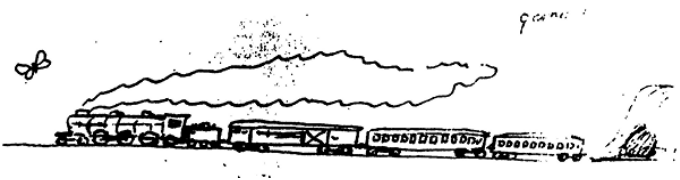
Карточки: конечно, *без* всякого «écrivain», a tout court. У Люси набралась коллекция из около трех тысяч бабочек — пока. Старец Paul мне наконец сделал предложение: два фельетона в месяц за 400, c'est toujours quelque chose, но я еще не согласился, буду поднимать. Это не каменный старец, а картонный. Один фельетон — эссей или критика, а другой «беллетристика». У нас все время чудная весенняя погода. Пожалуйста, собирайся в марте в путь. <Вымарано одно предложение.>

Воинская повинность никак не может меня касаться. Правожительство будет разрешено, как только вернусь из Лондона. Ильюше не нужен бумажник, но был доволен. Старику передал книги и водку, присланную из Румынии с Ел.<еной> Львовной. К Лизбет напишу. И Heath. Анюте напишу. Получил от мамы отчаянное письмо. Au fond, не сделать ли так: я в путевой конторе узнал, что aller et retour в Прагу стоит пятьсот пятьдесят (через Германию). Половину я отработаю на тамошнем вечере. Другую — все равно потрачу, тебя дожидаючи. Так вот: не поехать ли мне на дней десять в Прагу в начале марта? Написал Ксюнину в Белгр.<ад>, но еще нет ответа. Посоветуй. Может быть, это выходит. Сейчас опять появился Виктор! Жалуется, что много уходит на разъезды, на еду, на мелочи. Сегодня очень деловое письмо. Вчера без конца завтракал с Denis Roche, а днем пил чай с массой дам у Mme Jacques Chardonne. Получил от тети Нины несколько «светских связей» в Лондоне, а также от Головиных, у которых был сегодня. Вечером иду к Эргаз на раут. Целую моего марципального, моего машинистенького, моего дорогого. Безумно скучаю по тебе, моя любовь, мой ангел, душа моя…

B.

Very true about Herzen. I love you. And the little man.

168. 8 февраля 1937 г.
Париж – Берлин



Любовь моя обожаемая,

что-то давно не было от тебя ничего. Мальчик не болен? Теперь можно будет скоро уже считать, что через месяц вас увижу. Душеньки мои…

Идут лихорадочные приготовления к моему французскому выступлению — объявления во всех газетах, продажа моих «Course» и «Chambre» на вечере, бесконечные звонки. Все это мне крайне выгодно, но есть, конечно, опасность, что жаждущие слушать пресловутую венгерку не пожелают слушать заместителя (как если бы вместо Плевицкой выступил заезжий глотатель шпаг); но трогательно то, что многие бывшие у Ridel *опять* хотят прийти! Галлимар мне наконец назначил свидание — в четверг

утром. Был очень удачный вечер у Эргазихи, а в субботу вечером читал тут тридцати «рыцарям», причем выбрал «Молодость Чернышевского», удручающим образом подейство<ва>вшую на Вишняка, Руднева и Влад.<имир> Мих.<айлович> (последний с горечью сказал мне: «Он у вас получился омерзительный»), но очень понравившуюся Ильюше. Остальные, кроме Алданова, Тэффи, Переверзева и Татариновой, просто не понимали, о чем идет речь. Вышло, в общем, довольно скандально, но очень хорошо. Вчера завтракал у Этингонов, — он замучить может еврейскими анекдотами. Сын у них умер в Берлине, от гнойного аппендицита, двадцати лет. Что может Анюта сказать про них? Спрашиваю не зря, а потому что они очень интересуются моей судьбой. Но каков старец Поль? А? Четыреста франков… Je n'en reviens pas. Вчера же был у очень милого и очень глухого Маклакова, с визитом. Он мне показывал старые фотографии своего московского имения через стереоскоп: каждая былинка как живая, а люди — плоские.

Получил одновременно: письмо (прелестное) от Чернавиной, из которого следует, что буду «ютиться» на диване в одной комнате с ее сыном, и письмо от Лизбет, предлагающей не запирать

квартиру (уезжают 14-го), так чтобы я мог там остановиться. Я написал тотчас, что благодарю, но буду жить у Ч.<ернавиной>, — и очень об этом жалею, ибо предчувствую, что мне будет дьявольски неудобно в населенной комнате, — особенно в связи с моим псориазисом (который совершенно отравляет мне существование, а лечиться боюсь до отъезда в Лондон). У меня распухла было щека, но Адамова вынула гниющий нерв, и в метро у меня рот наполнился вдруг кровью и гноем — и все чудом прошло; но, по-видимому, зуб рвать придется, — но опять же боюсь это сделать до четверга. Autrement, чувствую себя отлично. Почти каждый день говорю с Люсей по телефону и дам еще несколько журналов до отъезда. Сегодня у меня был некто Изр. Коган с предложением поместить в амер.<иканских> журналах рассказы. Я ему дал «Пассажира» и «Чорба» (в переводах Струве); ты ж мне напиши, *где* они были напечатаны, и если можешь, пришли рецензию из «N.<ew> Y.<ork> Times». Ко мне направил его Бернштейн. Обедаю сегодня с Бунином и Цетлинами.

Жду вас 15 марта. Напиши мне соображения твои насчет поездки в Прагу. Ильюша упоительно, трогательно и бесконечно мил, а Влад.<имир> Мих.<айлович> взгрустнул после «Чернышевского». Душенька моя, обнимаю тебя во всю твою нежную длину. I dreamt of you yesterday night.

B.

169. 10 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя, душенька моя,

ну-с, с печатанием «Le Vrai» выходит очень удачно: оно появится в «N.<ouvelle R.<evue> F.<rançaise>» 1 марта. Сегодня опять еду к Полану, qui est tout ce qu' il y a de plus charmant.

Я не понимаю того, что ты пишешь о юге Франции. Совершенно решено, что в середине *марта* ты выезжаешь (может быть, даже не через Париж, а через Страсбург? Об этом еще подумаем) в выбранное место (выбор этот произойдет в «ближайшем будущем». Человек десять заботятся об этом). Пойми же, что если теперь же не решится, то опять ничего не выйдет, будем медлить, откладывать — одним словом, скажи себе, что берлинская наша жизнь кончена, — и, пожалуйста, собирайся. На пять лет вперед средств, может быть, и нет, но на лето будет. Как только я вернусь из Лондона, тебе будет выслана виза и т. д. Кроме всего, я не могу жить без тебя и без мальчика. Еще один месяц выдер-

жу, а дальше — нет. Между тем появление мое снова на Nestor Str.<asse> граничит с гротеском. Tu ne le voudrais pas.

Мой псор<иаз> все ухудшается — хотя во всех других отношениях чувствую себя прекрасно. Третьего дня был литературный обед у Цетлина, а вчера был за городом у моего киргиза. Сегодня обедаю у Леон и налажу связь с Поляковым в Лондоне. Днем буду с Люсей у Софы. Напишу, конечно, Губскому. Насчет Чехии, боюсь, что ты права. Жду ответа от Ксюнина. Вокруг моего завтрашнего выступления большой шум. Начнет опять Марсель со «словом» обо мне.

Раскаты прочитанного («молодость Чернышевск<ого>») необычайно сильны. Вишняк сказал, что выйдет из состава «Совр.<еменных> Зап.<исок>», если это будет напечатано. Интересно, что будет, когда прочтут всю главу целиком. А ведь до этого еще далеко.

Писать хочется! Я совершенно не сделан для пестрой здешней жизни — или, вернее, все было бы хорошо, если б отыскать в мелькающем ландшафте каждого дня свою маленькую отчизну, — три-четыре часа, которые можно было бы посвятить писанию. Душенька моя, как я люблю тебя… Как это хорошо — разговор с собачкой!

Маленький мой…

Мама опять больна. Живут в одной комнате, чтобы было теплее. Она в отчаянии, что я не приезжаю, что опять — разочарование. Просто не знаю, как быть…

Милюкову письмо переписал и передал Ильюше, к которому сегодня специально приходит Алданов поговорить по этому вопросу. Что ты сейчас делаешь? (Четыре часа дня, среда. Верно, не спал, хлопочет над чем-нибудь.)

Сейчас звонил мне Бунин с предложением найти подходящее для нас место около Lavandou и поселиться рядом. Завтракаю с ним в субботу. Погода такая, какую себе представляет пушкинская Лаура, думая о Париже. Но промеж дождей щебечут воробьи и утешительно блестят железные ограды. Я люблю тебя. Повторяю тебе: жду тебя в середине марта. Будет постоянная должность — хорошо, составные заработки — тоже ничего, справлюсь.

О Butler сейчас говорить невозможно, пусть сперва разрешится вопрос: газеты. В субботу встречаюсь днем с Lady Fletcher. I kiss you, my love.

В.

170. 12 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Счастье мое, душенька моя дорогая, вчерашнее matineé было удачнейшим из моих выступлений (хотя народу было не больше 150 человек, — и толпы местных венгерцев возвращали в кассу билеты). Утром пришли весьма красиво оперенные Мелотом переводы, так что я некоторые читал в двух вариантах. Был, между прочим, Джойс; мы с ним очень мило поговорили. Он крупнее ростом, чем я думал, с ужасным свинцовым взглядом: одним глазом уже не видит вовсе, а зрачок другого (который он наставляет на тебя особенным манером, так как не может им вращать) заменен дыркой, причем эту операцию делали шесть раз, пока не удалось пробуравить зрачок, не вызывая кровотечения.

Письмо к Мил.<юкову> забраковали, и, вероятно, придется опять с ним повидаться — или писать другое письмо. С И.<льей> И.<сидоровичем> мы выработали план жизни, но многое зависит от лондонской поездки. Одно меня очень ободря-

ет: успех моих французских вещиц. За лето, кроме «Дара», непременно сочиню две conférence и переведу — или напишу прямо — рассказ-другой. Лето мы проведем на юге — и только в крайнем случае, если ровно ничего с бабочками не выйдет в Лондоне, то придется селиться под Парижем. Но, повторяю, о всяких подробностях, о которых шла у нас речь, сегодня писать не буду.

К Gallimard'у я пришел в полдень, как было условлено, и барышня-телефонница внизу, в приемной, где я был единственным посетителем, сказала, что у него сидит дама, нужно подождать. Через четверть часа она (телефонница), напевая, надела шляпку и ушла завтракать. Я остался, как в пустыне. В половине я поднялся наверх, спросил у встречного, как пройти к Галимару; встречный сказал, что Г.<аллимар> занят, и впустил меня в другую, очень изящно обставленную приемную, с креслами, пепельницами и видом на дождь, и там в совершенной тишине я просидел еще полчаса — и, вероятно, до сих пор там сидел бы, если бы не догадался опять спуститься вниз. Там у мелькнувшей служащей в шубке я узнал, что Гал.<лимар> ушел завтракать. Я тогда сказал: «c'est un peu fort». Она предложила все-таки справиться, и наконец в другой части здания

мы с ней отыскали Гал.<лимара> уже в пальто. Оказывается, что его никто не предупредил. Оказалось далее, что он сам по-английски не читает, но тут же при мне он записал насчет «Despair», который прочтет Fernandez и даст мне ответ до 15-го (?). Я просил, кроме того, Paulhan, с которым третьего дня прокорректировал «Le Vrai» (он выбросил конец, так что кончается на «grenier» — но как мне наплевать на эти мои французские испражнения! А вместо poète anglais я поставил «allemand»), поговорить еще с Гал.<лимаром> и Fernand.<ez> Вот.

Софа живет в отельной комнате, с собачкой и двуспальной кроватью. Так же невыносима, как всегда. Сегодня завтракал у Шкляверов: совершенно все то же, как в 33-м и в 36-м, вплоть до меню. Сейчас иду к Fletcher. Получил письмо от Лизбет; они отложили поездку на несколько дней, так что я их увижу. Написал ей еще. Послал книжки маме, не тронув Люсиных. Выспался, несмотря на зуд. Matinée, кажется, ничего не дало Виктору, т. е. Татаринова пишет к Foldes, требуя возмещения убытков. Настолько всем понравилось, что решено еще устроить такую штуку — но на других условиях, конечно.

Маленького моего целую! Котенка моего… А тебя, моя душенька, беспредельно люблю и мучительно жду тебя.

В.

171. 15 февраля 1937 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Любовь моя, любовь моя дорогая, напротив: я очень внимательно читаю твои письма — и даже делаю выписки, чтобы на все ответить.

В Лондоне я остановлюсь в квартире Цетлиных (ее ключи уже у меня в кармане). Вот адрес: 15 Princes House 52 Kensington Park Rd c/o M. Zetlin. London W. 11. Еду я туда чуть-чуть позже, а именно 17-го вечером, ибо выступление у Саблиных 25-го. Кроме того, Глеб устраивает целых две англо-русских встреч<и>, из которых одна платная. Предполагаю, вообще говоря, выступить по-английски с отрывком из «Ме» (временное заглавие), так как меня очень ободрили мои французские успехи. Пурталес, автор многих «romancées», извивался, пока я читал о грехах биографов! Письмо от Глеба — неожиданно толковое. Я много писем написал в Англию, сообразно со здешними советами. Leon, его жена и сестры — чрезвычайно обязательны и милы. Получил приглашение от знакомых Канегис<сер>

в Кэмбридж — непременно поеду.

Жданов уже в Лондоне, там «сведет» меня с К.<ортнером>; опять мелькнула надежда на воплощение «Кам.<еры> Обск.<ура>», но я не очень верю, что выйдет. Вижу тысячу людей — Кокошкиных-Гуаданини (don't you dare be jealous), Тэффи, Буниных, Татариновых. Вчера был у Л. С. Гавронской, где перс показывал замечательные фокусы, а потом Берберова, очень ритмично правя, повезла меня и Ильюшу домой, причем у самого дома автомобильчик сломался. Назначены еще два французских чтения, в начале марта. Пожалуйста, пошли Денису (замучившему меня) экземпляр «Весны в Ф.<иальте>» (найдешь оттиск в сундуке): он жаждет переводить и собирается выпустить ее купно с «Aguet». Кроме того, пошли (или скажи «Petrop.<olis>» послать) экземпляр «Отчаяния» к Antonini (6, rue Corot), он пишет обо мне. И прошу тебя, душка, еще: *пошли фотографии мальчиковые маме*. Я с моими не могу расстаться. Рассказ о воронах и ласточках тут имел шумный успех. Душенька мой!

К Wilson отослал. Да, — кухня, кажется, неважнец. Я все-таки смею полагать, что мы поедем именно на юг, — но это решится по возвращению из Лондона. Думаю вернуться сюда 27 февр.<аля>

Часто говорю с Люсей по телефону. He is very nice, but rather impossible. Придумывает сложные паутинки из пустяков и производит опыты вещей, которых заведомо не собирается осуществить. Завтра встречаюсь с ним и с Моревской (бывшей, кстати, у Гавронской). Продолжаю ужасно страдать от псориазиса: он достиг размеров еще не виданных, а особенно неприятно, что и лицо пегое. Но самое страшное — зуд. Дико мечтаю о покое, мази, солнце… Сегодня Зин-Зин болен, и Влад.<имир> Мих.<айлович> купил ему курицу. Сейчас буду писать к Чернавиной, отменяя. Это большое облегчение, должен сказать.

I love you. Вот уже месяц прошел… Очень хочется писать, но об этом сейчас и думать нельзя.

Привет Анюте, напишу ей на днях опять. Люся *не* едет никуда 15-го.

My darling!

B.

Есть у тебя статья Ходас.<евича>? А то пришлю.

172. 16 февраля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя, ну вот, завтра пускаюсь в путь. Со всеми списался, получил телеграммы от Томпсона и Губского — и вообще, все хорошо. Получил от Полана книжки. Маме написал. Получила ли ты «Mercury»? Виделся вчера с Люсей, собирающимся тоже в Лондон. Он теперь сделает тридцать одну страницу, да у меня еще с собой четыре. Я, как автор, доволен. В Прагу я написал пять писем; а от Ксюнина все ответа нет. Вчера был тихий день; рано лег, — а в столовой шло заседание «Нового града». My darling, I am afraid you are tired and lonely, but you have the little one with you at least, and I haven't. Сегодня будем писать с И.<льей> И.<сидоровичем> новое письмо к П.<авлу> Н.<иколаевичу> Погода все время чудная, теплая, сырая. Слышал вчера, как один контролер на метро говорил другому: «moi ce que j'aime chez Montherlant…» I love you, I love you.

B.

173. 19 февраля 1937 г.
Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

52 Kensington Park Rd
Princes House 15
(больше ничего не нужно:
«15» номер квартиры)
Tel: Park 79 74

Душенька моя, любовь моя,

к синему спальному поезду прицепили единственный коротенький вагон третьего класса (где, впрочем, оказалось пустое отделение и мягкая, хоть и узкая, лавка), а в половину второго ночи, в Дункерке (долго ползли мимо бесконечных бочек, а потом мостами, и недобрым портовым светом горели, осторожно пятясь, редкие фонари, и кое-где удивленно чернелась вода), его позорно отцепили, так что спальные, как сомнамбулы, потекли на ferry-boat, мы же (два русских еврея, хромой англичанин, старик-француз и я) после некоторого прозябанья в тускло, бездушно (не могу подобрать наречие: оно должно было бы сразу пахнуть всей этой

вещественной тоской ночных желто-голых таможней) освещенной дуане перешли без вагона на тот же ferry-boat и спустились вниз, в очень удобную кают-компанию, где уж во всяком случае было лучше, чем в роскошных гробах прикованного и вместе с паромом кошмарно-беспомощно качающегося поезда, ибо качка была страшная, долго не решались выйти в море: буря нас задержала на пять часов лишних (а у меня случилось странное: я наслаждался качкой — с четырех до девяти с половиной — и утром увидел такое пронзительно знакомое! чуть-чуть синевой подкрашенное, на все бросающееся море, и чаек, и смазанный горизонт, и справа, потом слева, потом впереди белесые обрубленные берега); качка продолжалась до самого конца, я съел английский брекваст (дороговатый), а потом нас (все ту же отверженную кучку) мучили больше часа (паспорты, осмотр) — и наконец, опять в мягком пустом купэ, полетели через Кент — и снова знакомое: серые замшевые овцы на рыхлых зеленых равнинах. В час я должен был завтракать с Томсонами, а в без четверти приехали на Victoria: помчался в допотопном кубовом таксомоторе (кубово-синем, — не только по форме), не узнавая *ничего*, словно впервые

приезжал: нашел твои <два?> милых душенько-вых письма на столе [а комната — идеальная, с огромной кроватью, спрятанной стоймя в белом шкапу, с радио, с живым, человечьим — не автоматическим — телефоном и с натюрмортами Авксентьевой (дочки от первого бр<ака>) по стенам; ну и ванна, конечно, прекрасная]; позвонил Томсоновым, они из ресторана прислали за мной через четверть часа (успел и выкупаться, и выбриться) автомобиль — и обедали вшестером (с двумя *reader*'ами — причем я уже пустил свою «автоб», т. е. сговорился, что дам ей, ридерше, а она через Curtis Brown, старика, постарается сунуть к Gollanz'у). Лизбет, оживленная, все то же, он все с тем же страшным искусством выбирал <еду> и жрал; за соседними столиками сидела, скажи Анюте, Фрице Массари. Потом мы расстались (завтра, опять с какими-то людьми, у них обедаю). Звонил к Струве и к Молли, обоих увижу завтра: с Молли завтракаю на Чэринг-Кросс и беру у нее для Eileen Bigland — Curt.<is> Br.<own> — Goll.<anz> исправленный «автоб».

Поужинал в молочной, сейчас 10 часов, допишу и лягу, валюсь от усталости, а звуки города за окном по-прежнему до наглости незнакомые, — завтра пойду искать, не может быть,

чтобы от прошлого камня на камне не осталось!

Написал пять открыток: Гринб.<ергу>, Будб.<ерг>, тетке, Bourne'у, Гавронской. Завтра еще кой-кому. Утром позвоню Жданову и Губскому. Заеду, вероятно, к Саблину. Насчет copyright — выясню. От Чернавиной прелестное письмо, буду у них в субботу. О чем, собственно, говорить с Heath? Напиши! Если предлагать «Защиту», то нужно дать франц.<узский> экз.<емпляр>, а у меня нет. Люся все получил (и отлично знал, что получит) и в Л.<ондон> пока не едет. Привез от Лоллия книги Глебу («Таир» «Приглашения» не принимает, но зато *предлагает купить* «*Дар*», даже если выйдет одна глава в «Совр.<еменных> Зап.<исках>» — но уж только одна. Подумаем). Дай «Королька» Риделиус, или нет, лучше «Адмир.<алтейскую> Игл<у>»: есть лишний экземпляр в сундуке. Поездочек нарисую другой раз, устал. Радио «Belge» не пригласило еще. Люблю вас, мои дорогие. Письмо неинтересное вышло, но я страшно истомлен. Душенька моя, любовь моя!

В.

174. 22 февраля 1937 г.
Лондон – Берлин, Несторштрассе, 22

Душенька моя, пишу в перчатках, но все-таки сожги, так как простудился, борюсь успешно[123] с гриппом. Сегодня у Северян буду читать в толстой синей фуфайке. Кстати, смокинг оказался очень удачным: я в нем вчера обедал с Томсонами и sir Dennison Ross с женой, говорили о лекторских возможностях, но все это несерьезно. Молли мне дала отлично исправленный «автоб.», и теперь спешно перевожу ее поправки на свой экземпляр, чтобы не остаться без всего. Позавтракав с ней, помчался к Струве (расстояния тут аховые, хуже, чем в Париже, но сидения moelleux в метро), видел трех детей, собаку, кошку, Ю. Ю., очень полную, но с худым лицом. Записал фамилии всех, с которыми буду встречаться на назначенных parties.

Здесь ветрено и дорого. Мечтаю о Франции.

Моя шляпа (потерявшая всякую форму после

---

[123] Сноски: 123

Слова «но все-таки сожги» вписаны рукой Набокова над строкой чернилами (письмо написано чернилами), а слово «успешно» добавлено карандашом.

первого парижского дождя) вызывает удивление и смех, а шарф волочится по панели, став зато узким, как сантиметр.

Don’t worry about my flu, здесь простужены все. Живется мне очень удобно. Люблю тебя, моя душенька. А его целую в височек. Анюте привет.

В.

175. 22 февраля 1937 г.
Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Любовь моя, счастье мое,

сегодня мне уже лучше, температура колеблется около 36,6–37, очень удобно лежу в постели. Милейший Савелий Исак.<ович> появился с завтраком, фруктами, термометром и предложением переселиться к ним, но от последнего я отказался. Пришлось сегодня отставить несколько дел; думаю, что завтра уже выйду. А вчера вечером было ужасно: полный хины, виски, портвейна, с высокой температурой и хриплым голосом, в холодном зале, я читал через силу («Фиальту» и «Оповещение»), а успех был очень большой (но народу было немного, человек сто). Превосходно — умно, образно и отчетливо — с полчаса говорил обо мне Глеб. Ночью я «метался в жару».

Будберг мне сегодня телефонировала, что Wells зовет меня на завтрак. Кстати: подумавши, я похерил одну фразу о нем в моей штуке, которую все не знаю, как назвать: я целый день занимался переводом исправлений на мой экземпляр, толь-

ко что кончил; сейчас половина десятого вечера, страшная воскресная тишина — но вдруг кто-то свистнул и, продолжая свистать, вскочил, судя по тени звука, на велосипед, вильнувший у меня в слухе, — и этот свист и слуховое мелькание (все это мгновенно) сразу, по прустовской формуле, воскресили Англию моей юности, полностью!

Если завтра от Long'a не будет приглашения, позвоню туда. В двенадцать условился быть у Саблина. Байкалов непрезентабельный и, по-видимому, глуповатый. Он должен был позвонить ко мне сегодня насчет результата, но что-то не звонит. На вечере виделся с Татьяной Васильевной, Mrs Haskell (суженной Алдановой), Флорой Соломон (бывшей подругой Керенского) и еще многими другими малоинтересными людьми (как, напр.<имер>, неизбежный Вольф).

Молодой Цетлин a découché, так что я совсем тут один. В кладовой всякие неожиданные припасы; совершаю туда набеги.

С Гринбергом толковал сегодня о здешних возможностях. Он участлив и тонок. На днях он на автомобиле повезет меня в Кэмбридж, там поговорим с его и моими бывшими профессорами.

Я люблю тебя, душенька моя. Эта бумага, ее формат, хорошо собирает мысли и направля-

ет слог. Если я скоро не засяду за вторую главу «Дара», то лопну. Что делает мой маленький? Я иногда вижу его во сне, но он совсем непохожий. Почему Анюта не ответила на письмо? I am longing for you, как только вернусь в Париж, пошлю тебе визу и, пожалуй, билет на Nord-Express, ne t'en déplaise. Написал отсюда Ильюше, Рудневу, Цетлиной. Меня почему-то плохо понимают на почтамте. Очень забавны быстро поднимающиеся и так же быстро (как железный водопад) спускающиеся лестницы на подземных вокзалах.

Ну вот, моя душенька, сейчас померю и — спать. Тридцать шесть и девять.

Пиши мне, моя любовь дорогая.

176. 24 февраля 1937 г.
Лондон – Берлин

Любовь моя дорогая, я выздоровел и развил невероятную энергию. В понедельник утром был у Саблина. Завтракал с ним (жена больна), обо всем поговорили. Достал и дал ему несколько добавочных адресов для билетов. Вечер назначен на 28-е. Оттуда поехал в контору к Соломон: сама бывшая издательница и с «огромными связями» в «издательском мире». Она кое-что мне передала от «кружка ваших почитателей». Книжка, таким образом, получится довольно длинная: есть всего уже восемьдесят четыре листа, считая Люсины статьи и северяновские три странички. Вечером был у Гринбергов: мать его едет — в субботу, кажется, — в Берлин и привезет паровозик, скажи мальчику. Моя автоб. сейчас читается не томсоновской ридершей (I thought better of it), а Frank Strawson'ом (через Флору). Во вторник я завтракал у Wells'a, à trois (еще был чудный ирландец с яркой желтизной в бородке, красным лицом и седым бобром: однокашник Джойса, — а потому очень забавно рассказывающий о всех тех

намеках на понятные и известные только таким, как он, подробности, спрятанные в трюме «Улисса»). Завтрак был очень оживленный и удачный, в замечательных хоромах. Я и тут (как везде) поговорил о lecturing-job. Оттуда (ах, многое бы мог описать, но я страшно спешу, надо опять бежать) поехал к Чернавиным (он, в халате, рисует лососий скелет), затем домой, где переоделся в смокинг и поехал со Струве к Ridley (neé Бенкендорф); там обедали (скажи Зеке, что моей соседкой слева была дочь Асквита), а затем собрался народ, человек пятьдесят, на мое чтение. Я прочел первую главу «Despair» и спортивную главку из Автоб, — и все были очень довольны. Там был Huntington (Putnam) и литературн<ый> критик из «Observer'a», Leslie Hartley. Первый просит автоб для прочтения; вероятно, дам второй мой экземпляр. Была Будберг. Господи, надо мчаться! Утром сегодня был у Лонга, все в полном порядке. Книжка выходит 8 апреля. В пятницу получу. Душка моя, хочу, чтобы ты не осталась без письма, завтра допишу подробности.

I love you, my dear darling.
Just got your dear letter, luftpost[124]

---

[124] Сноски: 124
Написано вдоль левого поля письма.

V.

177. 27 февраля 1937 г.
Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд, 52 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя милая, душка моя,

все нити, все пружины пущены в ход, дабы добиться lecturing job'a. Я вижу тысячу людей. По сравнению со здешней дикой деятельностью моей парижская кажется отдыхом, пустячками. При этом лондонский underground — ад, даром что благоустроенный, я, должно быть, провожу часа три ежедневно под землей, считая возню с лифтами и подвижными лестницами.

Сначала давай добавлю несколько штрихов к моему последнему торопливому письму. Wells: он пригласил меня на банкет в Pen-Club с участием и выступлением… Майского, — так что, к сожалению, пришлось отказаться, но эта связь с клубом налажена. Будберг, статная, спокойная дама с остатками — вряд ли бывшей — красоты (понятно?), — его метресса: так говорят.

Long: переводчик получил (сегодня прислали) сорок пять; из них три пойдут Молли. Mr Bourne (о котором, кстати, очень хорошо отзывается

милейший Claude Houghton, с которым я сегодня виделся) оказался старым человеком с очаровательной улыбкой, очень приветливым и внимательным (но до фунта поднять отказался). Книжка выходит восьмого апреля (и вероятно, к этому сроку я сюда вернусь на день, на два, чтобы дать платный английский вечер — об этом уже идут разговоры). Publicity он предполагает сделать большую. Уже гранки будут разосланы некоторым людям, как Garnett, Hartley, Nicholson, Wells и т. д. Что касается «Камеры», то продано всего лишь девятьсот семьдесят экземпляров, а нужно дотянуть до двух тысяч, чтобы покрылся аванс. На Америку он может взять copyright, но тогда, если по истечении четырех месяцев книгу там не купят, то уже потом всякий может ее по-пиратски напечатать. Так что это отпадает. Он говорит, что моему американскому агенту беспокоиться незачем: если книжка will be set (набрана?) там, то и ладно. Мы расстались большими друзьями; но печататься у них я больше не хочу: все отговаривают.

Насчет автоб.<иографии>: я флиртую с четырьмя издателями, из коих kommt in Frage: Duckworth (очень солидный, сегодня с ним условился — о прочтении рукописи — на коктейль-парти

у Mrs Allen Harris) или Putnam (это с легким оттенком баронессы, которая хочет «передать», хотя я говорил с самим и мог бы ему дать непосредственно). Два других пути через Strawson (Соломон) и Bigland (Thompson). То, что я из автоба читал у Ridley, всем весьма понравилось. Я не сомневаюсь, что рукопись сбуду, но, может быть, не сейчас, а как только выйдет «D<espair>». Был у тети Бэби, давшей мне несколько tuyaux — между прочим, знакомство с Виленькиным <sic> (Марком), с которым завтракаю в воскресение в Liberal Club. И он, и Флора С.<оломон>, и Haskell, и Чернавина and scores of others стараются мне что-нибудь приискать. Сегодня был в одной организации (куда, кажется, писал Франк), подробно все записавшей. В Кэмбридже я говорил об этом с моим тютором Harrison'ом и профессором французского Dr. Stewart (оба обещали сделать все возможное), а Гринберг меж тем о том же разговаривал с тремя своими профессорами.

Pares'а увижу в понедельник — он был в отъезде на week-end. Вообще, моя душенька, многие хлопочут обо мне (есть, например, проект лекторства в public school, как Итон), но совершенно не знаю, когда это случится, — может быть, завтра, может быть, через год, все зависит от счаст-

ливого случая — и податливой кнопки.

Не знаю, хотел бы я жить в Лондоне. Сам город — ужасен, по-моему. Но пища, например, великолепная, разит свежестью и добротностью. Зато все очень дорого (но фланелевые штаны можно купить за пять шиллингов). Сегодня заехал за визой во французское консульство, там мне дали на две недели. У Виктора, у которого я тоже был в музее, набралось теперь всего сто двадцать девять ящиков бабочек — из британского. Не забудь, кстати, захватить моих. It is quite settled, under these circumstance<s>, что лето мы проведем на юге Франции. Это тебе, мальчику и мне (не хочу больше писать о греке, который бесконечно меня угнетает и которого только солнце сгонит) необходимо. И писать мне нужно: 1) пьесу (не только годную для русского театра, но и для Кортнера, давшего мне сегодня этот заказ), 2) роман, 3) французские штучки, 4) переводы. I haven't done a spot of work since I left.

Из консульства, где совершенно непонятным образом мне визу дали даром, я отвез одному господину (знакомому Гринберга) пакетик для передачи старушке Гринберг (единственный способ сегодня доставить), которая едет завтра в Берлин, — так что зайди к ней, в понедельник, она

у дочери, Pfalzb.<urger> str.<asse>, 83 (кажется!). Орехи — для Анюты. Затем поехал завтракать к Mrs Haskell, где был и Губский, довольно симпатичный, немножко потертый, простоватый, но самобытный. Двухлетняя ее девочка ни за что не хотела ко мне на ручки, расплакалась, а я вспоминал моего дорогого, моего маленького: он сегодня целый день стоит у меня в душе на коленках, как ты описала, и рисует по моей жизни, *по* всему, что я делал сегодня. Душка мой! Между прочим, Губский мне сказал, что дважды мне писал (подробные, важные письма) по поводу перевода «Камер<ы>» (в пору первого беснования переводчицы), но послал их мне… через Отто К.<лемента> Неудивительно, что я их никогда не получил! Он тоже хочет заняться placement автоба, — у Heinemann'а. Я опять встречусь с ним по этому поводу, в воскресение.

Оттуда поехал в организацию (см. выше), а затем на свидание с Кортн.<ером> в «Grosvenor House», но там разговора мы не докончили, так как в шесть я должен был поехать на коктейль-парти (см. выше). Там была бездна народу, всё причастного к литературе. В девять у меня было второе свидание с Корт.<нером>, — уже в «Carlton Hotel». Он, по-моему, набитый ду-

рак, но симпатичный. Прочел мне два version'а «Камеры» — ужасающих, по-моему. Кречмара вылечивает окулист, но он, возвратившись, скрывает от Магды свое прозрение и, притворяясь слепым, накрывает изменницу. Завтра опять встречаюсь, чтобы договориться окончательно об условиях. Он настроен крайне оптимистически, — но нес вообще страшную ахинею. Только что (ну нет, положим, пишу уже с час) вернулся домой, пишу в постели.

Вот это, значит, образец моего дня — и если принять во внимание, что расстояния между свиданьями — длиннейшие, а что во время всех этих разговоров (одно парти чего стоило — толкотня, херес, let me introduce you to Mr. Sirin) нужно сохранить веселый, бодрый вид, то можешь себе представить, как я устаю. I am rather fed up with the whole business, и безумно хочу покоя, тебя и музу.

Я вернусь в Париж только во вторник утром. Дольше оставаться незачем, — да и обходится это дорого, — шиллинги летят. Я все-таки продолжаю думать о поездке в Прагу. Подумай об этом еще, моя душка! Под очень большим секретом мне старик Жозеф сообщил, что Авг.<уст> Ис.<аакович> собирается из того дела, с которым он с дядей

возится, отделить Елене Ивановне и Виктору десять тысяч франков. Не знаю.

Да, — я же тебе ничего еще про Кэмбридж не написал! Мы поехали туда со святым Сав.<елием> Ис.<ааковичем> на автомобиле. По дороге посетили Александра Блока — не поэта, а коммерсанта (бывшего мужа Канегиссер). Трудно, как говорится, передать то, что я испытал, увидев этот городок, в котором не был пятнадцать лет. То, что я хранил в памяти, жило, оказывается, своей жизнью, проделало, оказывается, эволюцию, не соответствующую какой-либо реальности, и теперь:

> *…на очной ставке*
> *с болтливою свидетельницею, – с этой*
> *действительностью, врущей беззаботно,*

бедная память молчала, как я ни старался расшевелить ее, водя ее по знакомым местам. Все мне казалось теперь мельче, серее, проще, все было лишено той гармонической души, которая развилась в нем, пока оно жило у меня. Я вошел в свои бывшие lodgings, машинально толкнул дверь направо, попал в клозет, сделал маленькое дело и со слезами на глазах вышел опять

на улочку (но предварительно щупал, долго и безрезультатно, особенную такую штучку, которая передвигала в передней дощечку с именем жильца — дома и нету дома, — но воспоминание молчало, пальцы не осязали прошлого). Накрапывало; в переулке, тут же, я встретился с человеком, некогда в hall'е отмечавшим обедавших, и он теперь мгновенно узнал меня, что меня несколько потрясло. Затем я побрел на ту сторону колледжа, на Backs. Боже мой, сколько стихов я сложил под этими громадными ильмами! Они не изменились,

и в их сетях – движение ворон,
чертеж гнезда в веленевом просвете;
не карканье, – почти что воркованье,
и крашеные крокусы в траве.

Я глядел на канавы, которые когда-то перепрыгивал, на мутную воду речки, — и прямо-таки пушкинское настроение начинало работать ямбическим поршнем. Я дошел знакомой дорогой (все время воронье воркованье и воробьиные — тоже мелодично-влажные — звуки, и плющ, и букс, и туи, и старые дубы) до футбольного поля, там на темной зелени кикали четверо у гола, и один из мячей, как собака, узнавшая прохоже-

го, несколько раз прибегал ко мне, но, хотя он был тяжел и грязен, как бывало, нога не извлекла из него звона прошлого. Я вернулся к колледжу, зашел к Harrison'у, совершенно не изменившемуся и без особой радости встретившему меня; выпил у него чаю, и он мне рассказал в тех же выраженьях, с той же паузой и улыбкой то, что он рассказывал мне при первой встрече в 1919 году, — о том, как он учился болгарскому. Он знает и шведский — и очень просил ему послать шведскую «Защиту», — так что я тебя попрошу, моя душка, это сделать: E. Harrison, Trinity College. Это важно. Оттуда зашел к Stewart'у, страшно старенькому, но сразу признавшему меня. Ему бы хорошо послать французскую «Защиту»: Rev. Dr. Stewart, Trinity College. Кстати: ввиду необыкновенного вниманья ко мне Соломон, нельзя ли было бы попросить «Petropolis» послать ей две-три книжки мои, например «Отчаяние», «Защиту» и «Подвиг»? (Кто еще, кроме нее и Гринберга, трогательно-заботлив и мил, это чета Струве, все эти парти — это они устроили, — и масса был<а> возни — и он всюду ходит с моими книжками, делая мне рекламу, и звонят мне каждое утро — прелесть!)

На Trinity Street мне показалось, что движе-

нье меньше, — но ведь память все время совала мне некую сумму прошлых впечатлений, а это была лишь доля обыкновенного кэмбриджского дня. Покрой пиджаков (и масть — все больше рыжая) изменился, и теперь мода велит ходить с зонтиком! Я выпил еще чаю в кондитерской (описанной в «Подвиге»), и около шести, сойдясь вновь с Гринбергом (ходившим в свой колледж по моим делам), мы поехали обратно в Лондон. Это посещенье — хороший урок, — *урок возвращения*, — и предупреждение: жизни, жара, бурного пробуждения прошлого — не нужно будет ждать и от другого нашего возвращения — в Россию. Как игрушка продается с ключом, так все уже завернуто в памяти, — а вне ее ничего не шевелится.

Я обожаю твои письма, мое счастье. Конечно, я заметил живопись из окна Багровой (скажи ей, что два раза звонил в гостиницу и его не застал. На самом деле я и звонить не буду). Люся не изволил мне сказать, через кого получил. Заглавия еще не придумал, но что-нибудь вроде твоих. Поездочка не рисую, так как завтра приедет настоящий.

Саблин — приятный, подчеркнуто-либеральный, живет в наряднейшем особнячке.

Фотография купающегося наследника в сочетании с книгой, котор<ую> я в Париже прочел (о маленьком Людовике, в Temple), трогает какую-то плодотворную струну. Очень хочется кое-что написать. Саблин деятельно занимается моим вечером — в воскресение. Мне очень нравится объявление чернил: permanently please people, pens, postmen and posterity. Сидя как-то в «Coupole», в Париже, с Ириной Г.<уаданини>, я вдруг хватился колп<а>чка моего, подаренного Бабусенькой пера и после мучительных поисков под столами нашел его в кармане пальто.

Сегодня завтракаю у милейших Lee, затем в «Hyde Park Hotel» свидание с Ждановым-Кортнером, затем у бар.<онессы> Будбер<г>, затем коктейль у Lady Fletcher, затем обед у Томпсонов — и это сравнительно легкий день.

It is not a very interesting letter, I am afraid — но я совсем разучился писать, да и был утомлен страшно — эту страницу пишу утром в субботу, а то вчера ночью не мог по усталости докончить, а сейчас выспался. Nicholson еще не вернулся из Африки, а Baring посылаю книжку с письмом. Люблю тебя несказанно, несказанно целую тебя. Итак, первого апреля — на юг, — до осени. Послать ли книгу маме?

B.

178. 1 или 2 марта 1937 г. *Лондон, Кенсингтон-Парк-роуд,* 52 – *Берлин*

Душенька моя, сейчас (8 часов вечера, понедельник) еду в Париж. Вечер у Саблина вчера был крайне удачным. Я прочел пятнадцать вещиц. Читал из первой главы «Дара» и «Музыку». Завтракал вчера в Liberal Club (полный теней Gladstone и Disraeli, а населенный белоголовыми старцами; один из них чудно задремал после обеда, за кофе, склонив набок седую голову), и там мне предложили устроить чтенье, платное. Другое английское чтение (платное) будет устраивать мне Струве и Harris (а кроме того, вероятно, у Саблина можно будет повторить). Это будет приурочено к середине апреля: я приеду сюда опять на три-четыре дня (приглашен жить у Arnold Haskell) к выходу книги, — это очень важно. Вот. Я считаю, что я большой молодец. Теперь второе: у меня был очень приятный разговор сегодня с Pares, который при мне написал удивительное письмо к Stephen Duggan в Америку, куда он устроил недавно другого русского и полагает,

что меня устроит тоже: он вообще только второй раз это делает, так что есть большие шансы. Наконец — может быть, самое удачное, — мне удалось так устроить, что мы сможем переехать в Англию осенью, так как меня обещают обеспечить на шесть месяцев здесь, пока не найду работы (а уроки, хорошие уроки, я здесь найду без сомненья, на первое время). Вот таким образом общий результат моей поездки, и план теперь такой: никаких квартир брать в Париже не будем, а сразу поедем на юг, 1 апреля. Не знаю точно, сколько времени уйдет на добычу identité, но во всяком случае мебель везти не нужно. К зиме легко найдем здесь квартиру. Darling, this is final. Как бы то ни было, о carte d'ident<ité> начну хлопотать сразу. Это лето я хочу провести совершенно спокойно, мне нужно писать, а тебе и мальчику нужно солнце, море — и на такое лето больше ста не уйдет. Вот только 15 апреля на 3–4 дня прилечу сюда, — но я хочу, чтобы *до* этого ты была бы устроена на юге.

I love you, my dearest, I am in a dreadful hurry, поезд уходит через час, а еще ничего не уложил, Анюте напишу из Парижа.

В.

179. 4 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Любовь моя, душенька моя дорогая, я говорил с Люсей, и с другим Ильей, и еще кой с кем — и все говорят, что везти мебель совершенно бессмысленно — тем более что ведь обоснуемся мы в Лондоне. Был я у Маклакова насчет carte d'identité. Я получу ее без труда, но это продлится минимум месяц, с сегодняшнего дня. Ты ж, моя душка, немедленно подай прошение о визе во франц.<узское> консульство со ссылкой на Маклакова, 57, rue de l'Abbé Gruelt, и на Monsieur Eidel, Consul de France, Ministère des affaires étrangères, и с указанием, что твой муж здесь. Возьми на месяц или на два, это не имеет значения, так как к этому времени карта уже будет. Рассчитывать на то, что она будет к 25 марта, рискованно. — Voilà.

Я, конечно, останусь здесь до твоего приезда: 1) для Ильи и В.<ладимира> М.<ихайловича> это не стеснительно нисколько, 2) мне обещан аванс в 1000 фр<анков>, если засяду за пьесу, а писать

здесь мне очень удобно, и есть чудная идея — в месяц напишу. И пьеса будет годиться не только для русского театра, но и для Корт.<нера>, и для французов (через Gabr.<iel> Marc.<el>, который сейчас блестяще вышел в драматурги), 3) вчера начал переводить для «Candide» мою «Музыку», — и выходит очень удачно и увлекательно; завтра кончу и сдам.

Мой
«Vrai и V-semblable» уже вышел в N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise> и пользуется успехом. Написал опять к Галлимару, так как он до сих пор мне не ответил об «Отчаянии». Передал сто страниц Л.<юсе> по-английски. Получил от Корт<нера> договор, им подписанный.

Кажется, место на юге для нас найдено. В мое отсутствие сегодня звонила Шлезингер, что все устроено и что полный пансион — мы двое и мальчик — будет нам стоить сорок фр.<анков> (? а погодя найдем домик)[125]. Сегодня вечером все подробно узнаю. Еще имею в виду пансион вдовы Саши Черного в Лаванду. Я хочу, чтобы ты ехала спальным сюда и, проведя день здесь, вечером спальным же на юг. Может быть, я поеду туда

---

[125] Сноски: 125
Текст в скобках добавлен над строкой.

на день-два раньше, и тогда, пожалуй, есть смысл прямо ехать через Страсбург. Люся очень советует, чтобы и Анюта поехала на юг на весну и лето, скажи ей это. (Через час еду знакомиться с Валери, а моя лекция в «Feu<x> croisés» — о «женщинах-писательниц<ах>» или о «выставках» — я еще не решил, — назначена на май, — специально сюда приеду — это в смысле генерала Франко будет во всяком случае очень удачно, с гарантией. О лондонской поездке в середине апреля [я уже сговорился на *почтовом* аэроплане за три фунта туда и обратно] думаю так: два или три выступления там мне обещаны — и надеюсь, более жирные, чем только-чтойные). Отсюда вчера написал в Англию семь писем. В течение этого месяца будет, вероятно, чтение у Тесленко. Должен еще узнать насчет «Обиды» у Paulhan. Он мне обещал.

Мне кажется, что все, что я тебе писал и пишу, очень утешительно, моя радость. Ради Бога, не забудь расправилки, булавки и ящики (один с драгоценными, другие, два, пустые). Их нужно везти в чемодане с собой. Сейчас ехать в Брюссель было бы нелепо, неудобно и очень дорого, — тут ты дала маху, моя любовь. Здесь мне идеально уютно, после *ужасной* лондон-

ской кутерьмы. Кажется, мне удастся устроить бесплатно озарение грека. Книжку маме послал (а фотики — ты послала?), так что всего набрано из моей «энциклопедии» девятьсот чешских страниц. Не совсем понимаю, что ты пишешь о Праге? А узнать о визе французской надобно в Берлине, т. е. из Берлина могут, скажем, дать распоряжение туда выдать, если отсюда будет разрешение. Напиши — меня это тревожит ужасно — мысль о маме. Вообще же, я помалкиваю. Сегодня составил с Ильей новое письмо к П.<авлу> Н.<иколаевичу>: прошу немного больше. Если согласится, сразу дам отрывок (замаскированный) о треугольнике, вписанн<ом> в круг. I adore you. I adore the little one. Через 25 дней жду тебя. Хорошо бы раньше! 20 марта, скажем!

Альтаграции пишу.

180. 7 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Душенька моя, любовь моя нежнейшая, душенька моя…

Должен признаться, что Корт.<нер> и Жданов несколько затеснили и заторопили меня. Но при чем тут Heath? Разве у него есть опцион? Корт. не имеет сейчас к нему никакого отношения. А Grasset, — хотел бы я видеть, как они бы что-нибудь посмели просить! (К тому же сам Grasset сошел с ума, все изменилось, Tisné давно ушел — да и, между нами говоря, «Camera» выйдет под другим заглавием, если будут фильмовать. Кроме слепоты, кажется, ничего там не останется.) Простуда моя прошла, но иногда по ночам начинаю бешено и плодотворно сморкаться. Люсю видел, он очень веселый. Звонил сегодня, прося достать ему даровой билет на вечер «Сов.<ременных> Записок» в «салонах» меховщика Кирхнер. Через два часа встречаемся с ним и идем туда вместе (там Бунин, дурацкое трио, еще что-то). Получил от Heinemann предложение дать им про-

честь «автоб» (который сейчас читает Putnam). От Струве письмо с планом действия в течение тех пяти-шести дней, которые в середине апреля проведу в Лондоне. (Кроме всего, там еще Кэмбридж, Оксфорд и французское общество.) Жду от Будберг перевод «Фиальты», который делается для «Hundred Russian Short Stories». От Цветаевой цветистая записка. Написал Милю.

Можешь поздравить: вчера ночью кончил франц.<узский> перевод «Музыки» (вышло, по-моему, удачнее всего, что я по-франц.<узски> писал) и сегодня вечером передам Иде для «Candide» (увижу ее у К.). Вчера в «Feux croisés» было полно, Раиса сияла, читал (довольно тускло) о Mallarmé Валери. Если в мае будет столь же полно на моем чтении…

Живущая в этом же доме голубоволосая и любезнейшая Коган-Бернш<т>ейн делает мне горное солнце. Завтра сажусь за пьесу. Мне тут хорошо работается.

Любовь моя, тороплюсь, целую тебя, моя душенька, и его, моего маленького.

В.

181. 10 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя, радость моя,

пописываю пьесу, поздно встаю, ежедневно в три часа хожу озаряться: горное солнце мне уже помогло, личику по крайней мере, а то у меня был совершенно непристойный вид. Зуд на теле более или менее прошел — но как я ужасно страдал все эти недели, в каком виде было белье — от крови, — я вообще за всю свою жизнь не бывал я <sic> так utterly miserable… Лечение это мне ничего не стоит. К концу сеансов докторша мне еще вспрыснет мою же кровь, — это, говорят, очень помогает. Оттого ли, что пишется, от лилового солнца ли или оттого, что через три недели тебя увижу, мне сегодня совсем весело.

Видаюсь с актерами, актрисами (моя leading lady, Бахарева, очаровательна, вчера у нее обедали с Ильюшей и В.<ладимиром> М.<ихайловичем>), даю уроки английского языка Ирине Г.<уаданини> (пятнадцать), — еще один будет урок, — но в общем много сижу дома: пьесу

писать мучительно (я тебе рассказывал ее тему — веселая, милая барышня появляется с матерью в курорте — и все это только interv<al> luc<id>, — и кончается — неизбежно тем, что она возвращается в свое («театральное») безумие). Но начал-то я было писать другую вещь — и ничего не вышло, — яростно разорвал пять страниц. А теперь ничего, покатилось — может быть, даже колесиками оторвусь от земли и побежит по бумаге та двукрылая тень, ради которой только и стоит писать. Помнишь мои письма из Праги, моя жизнь? Сегодня у меня такое же настроение.

Уже на днях выходят «Совр.<еменные> Зап.<иски>», и сегодня Вадим Викторович предлагал своему отцу несколько сот в счет гонорара. Отец возьмет.

Завтра буду диктовать просмотренную Дусей «Musique» Раисе, для Кандида. Если возьмут, то перебью писанье пьесы трехдневным переводом на французски<й> еще одного рассказа — это получается гораздо легче и веселее, чем я думал.

Милейшее письмо сегодня от Bourne. Он уже разослал advance copies to Coulson Kernahan, Harold Nicholson, Hartley, Ralph Straus, David Garnett, Maurice Baring и Губскому. Выйдет пятнадцатого апреля, по моей просьбе. Насчет

Губско<го>: это очень обязательный человек, но, по-моему, довольно бездарный. Меня он считает «архимодерн», а себя принадлежащим к линии глубоких и вдумчиво-социальных русских авторов. Мне очень понравилась одна его фраза (он, вообще, пессимист и blasé): «Знаете, если бы даже перевели — ну, *не ваши и не мои книги*, а, скажем, “Анну Каренину”, то и тогда было бы трудно найти publisher’а…» Это то, что называется: le toupet.

Бунин и Хмара напились на вечере у Киршнер и ругались по-матерному. Люся был в смокинге и по дороге туда несколько раз останавливался, распахивал пальто и при свете фонаря демонстрировал себя, чтобы я сказал: прилично ли. Мы на вечере с ним были неразлучны. А вчера я ему звонил — и он клянется, что написал Анюте («я теперь написал иначе», сказал он мне), чтобы мебель не брать. Мое мнение вы знаете (и это мнение *всех*), а действовать можете как хотите. Но это (биранье) безумие, в котором будете раскаиваться!

Вообще, моя мурочка, пора тебе собираться ко мне. Подала ль ты прошение в консульстве? Почему бы тебе не приехать немножко раньше, скажем двадцать пятого? Жду письма из Рокбрюн: это, говорят, дивное и очень тихое место;

говорят некоторые, что лучше в пансионе, чем на своих харчах, а другие советуют пожить сначала в пансионе, с тем чтобы посмотреть кругом и найти хижину типа вильсоновой.

На днях передам Lucy матерьял на десять фельетонов (о Лондоне). Я сейчас немножко отошел, но вчера очень сердился — и до сих пор не понимаю, в чем дело: пожалуйста, объясни. Мне казалось, что все очень хорошо. Перечти мои письма.

Послал тебе сегодня N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise>. Послал Галлимару advance copy «Despair» (т. е. готовую книжку, но в bras de chemise — в буро-бумажной обложке), так как выяснилось (а я на него здорово насел), что данный им в свое время type-script… затерялся! Действую я также через их чтеца (Fernandez).

По утрам, когда купаюсь, кот (Зин-Зин) сидит на мраморном краю ванны, уткнувшись носом в трубу отопления, а ночью то он, то другой (Николай) бросаются всей тяжестью тела об мою дверь, стараясь ее отпахнуть, так что такое впечатление, что к тебе ломится нетерпеливый и хамоватый человек.

I love you, my darling. Я тут встречаю две породы дам: тех, которые мне цитируют выдержки

из моих книг, и тех, которые разбирают вопрос, зеленые ли или желтые у меня глаза. Я набрал очень много хорошего и симпатичного за эти полтора месяца, но и несколько ушат пошлости вдобавок. Чем больше знаю И.<лью> И.<сидоровича> и В.<ладимира> М.<ихайловича>, тем больше люблю их.

Душка моя, come soon! I can't live without you anymore. И маленький мой, маленький мой… Как это чудно — насчет «улыбаешься»!

Привет Анюте — которая мне не пишет никогда.

Любовь моя!..

В.

182. 14 марта 1937 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Завтра напишу длинное.

Любовь моя,

какое это очарование в темном пальтеце, и у тебя улыбка хорошая, счастье мое бесценное. Новостей особенных нет, пишу мою штуку. «Музыка» сдана «Кандиду». «Despair» передан (кроме Галлим.<ара>) еще в одно — Эргазино — издательство. Я сейчас тороплюсь, потому что сегодня воскресение и хочу, чтобы открытка ушла до часу. Радость моя, come soon, come soon! Кажется, окончательно едем в Rocquebrune. Все советуют ехать прямо через Страстбург <sic>. Подумай об этом! Узнай о билете! Непременно нужно купить *tub*, хотя бы маленький для маленького. Вчера был на пьесе Алданова avec les Кокошкин. Душенька моя, то, что ты пишешь об Италии и Аббации, — совершенно, увы, невозможно. Одна поездка что стоит, да и я должен быть близко к столицам. На днях передам своими словами Люсе десять поручений или около того. Все хорошо, жду тебя поскорее. В Р.<окебрюн> нужно ехать

через Ментону. Иду к Черной — тоже по поводу пансиона. Вдова Саши Черн.<ого>

I love you, my own.

B.

Бедный Замятин! Был на выносе тела.

183. 15 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

My love, my darling,

you make me anxious and cross, — что это за фраза о том, «стоит ли мне ехать до твоего возвращения из Лондона?». Так как (если вообще поеду, — ведь поеду-то только в случае полной гарантии приличного дохода с вечера или вечеров) буду в Лондоне только в двадцатых числах апреля (причем не больше чем на четыре-пять дней — а остановлюсь либо у Саблиных, либо у Haskell, оба пригласивших меня), то значит, еще на месяц откладывается твой приезд, так, что ли? (Это «что ли» показывает, how cross I am with you.) А так как в конце мая я буду здесь выступать с французской лекцией (которая будет называться «Lettres de femmes et femmes de lettre<s>»), то, пожалуй, можно отложить и до июня — не правда ли? (crosser and crosser). Теперь слушай.

Я только что был у милейшей Марьи Ивановны Черной, и (в случае, если не получу вполне благоприятного ответа из Рокбрюн, который должен

прийти не сегодня завтра) мы с ней порешили так: она в четверг едет к себе в La Favières (это станция Lavandou, Var) и предлагает нас устроить в хорошо знакомом ей пансионе (с центральным отоплением, между прочим) чуть повыше, в городке — чудесном, среди сосновых лесов, *Bormes*, на апрель (оттуда до пляжа четверть часа на автокаре), ибо там весною приятнее, чем у самого моря. Полный пансион должен обходиться не больше 60 фр.<анков> nous trois. Теперь так: в мае она уезжает и предлагает, если он нам понравится, свой домишко (две комнаты, две террасы, сад) в La Favieres (это уже у самого пляжа — причем это идеальное место для маленьких). Мне кажется, что все это очень соблазнительно. Таким образом, — если остановимся на Bormes, — то я предлагаю следующее: ты с мальчиком берешь билет из Берлина в Тулон через Страстбург <sic> (спальным II от Страстбурга <sic>), — что обойдется, конечно, значительно дешевле, чем через Париж, — и в четверг, первого апреля (смешная дата, но ничего не поделаешь), я встречаю тебя на вокзале в Тулоне при участии нескольких подалириев (куда приезжаю в тот же день, как и ты), и оттуда, за 8 франков, автокар нас везет в Bormes. Если в конце апреля я на неде-

лю уеду, то уж Мария Ивановна обещала за тобой присмотреть. (Насчет пансиона она мне напишет сразу по приезде — так чтобы я мог бы до 23-го сего месяца все решить.)

Как с визой? О билете позаботься за неделю. Я хочу совершенно точный ответ от тебя. О том, чтобы забираться к неизвестному богу на кулички в Аббацию или в Италию, где вовсе не так дешево, если не знать, что и как (а начнем узнавать — пройдет и весна, и лето, и две зимы, и еще восемь весен), да и слишком далеко отсюда и от Лондона. Во всяком случае, — едем ли в Рокбрюн (это на Mentone) или в Bormes (я начинаю писать, как Чернышевский), ты с маленьким выезжаешь не позже 30 — III на Страстбург <sic> (и это уже не предложение, моя душенька, а утверждение).

Встретившись с Уоллосом, я дал ему для Цюриха «Хвата» и «Весну в Фиальте». В Вену пошли «Звонок», — остальные слишком длинные. Или нет — я забыл, — сколько страниц в «Чорбе»? Если десять-одиннадцать, то можно. Вышли, а я напишу ему. К Винаверу обращаться незачем: 1) у меня достаточно там людей, которые думают обо мне, 2) он довольно противный.

My poor tired little Tim. Ты хорошо отдохнешь и поправишься этим летом. I love you, жду тебя.

Павлу я только всего и написал, что, мол, Виктору платили столько-то и что он может теперь давать свои вещи только на тех же условиях: все это сделано под сильным давлением Ильюши.

«Eidel» — правильно, и правильно, что «repos». Чудно, что удалось маме послать воротник! Почему Анюта упорствует в своем молчании — и собирается ли она в Париж? Очень было мало народу на похоронах бедного Замятина. Он умер от грудной жабы. Пьеса Алданова очень неплоха, хотя здешние beaux-esprits страшно ее бранят. Пятое представление проходит при полном сборе, и его играют уже в Праге и Риге. Мое писание идет туго. Как только получу ответа от «Candide», переведу еще рассказ. Эргазихе почти ничего не пришлось исправить. Скажи Анюте, что зубы у нее настоящие, — узнал у дантистки, к которой она ходит. Вообще, она при ближайшем осмотрении оказывается кротчайшим и скромнейшим существом. Обе мои Ирины тоже очень милы. Сегодня обедаю у Алдановых. Вчера были в кинематографе впятером: Ильюша, В.<ладимир> М.<ихайлович>, Шерман и полковник Лихошерстов (о котором я тебе еще в 33-м году писал, — один из самых очаровательных людей на свете). Был на блинах у Antonine. Вижу Кянджунцевых,

старика, Татариновых. Эта, в сущности, довольно праздная жизнь сильно мне приелась. Послал книги в Англию. Грек мой лучше, ибо я каждый день в продолжение часа лежу голый под горным солнцем, а докторша целомудренно сидит, отвернувшись к окну, и занимает меня умным разговором. People are tremendously nice to me, должен сказать.

Знаешь, что я бы сейчас хотел: обнять тебя, мое счастье, поцеловать тебя с губ до ножек, душенька моя, жизнь моя…

В.

184. 17 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя, любовь моя,

получил ответ из Рокбрюн (две комнаты и полный пансион для троих за 70 фр.), но можно устроиться дешевле, — да и вообще, Bormes лучше, так что надо ждать определенный ответ оттуда.

Был вчера на пушкинской выставке. Послезавтра у меня свидание с редактором «Матэна». Перевожу на франц.<узский> «Оповещение». Пьеса скрипит.

От Маклакова донесение о благополучном ходе дела и о скором его завершении. Завтра встречаюсь с Люсей. Душенька моя, I can't do without you any more… чудно поют дрозды. Давыдов (путешественник), с которым здесь видаюсь, говорит, что соловей — это пустой солист, — колоратура, эстрада, — а вот дрозд с настоящей душой и рассказывает песней все, что перевидал при перелете. C'est gentil?

Целую тебя, целую моего маленького. Любовь моя!

В.

185. 19 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Душенька моя, жизнь моя, моя любовь дорогая. I forbid you to be miserable, I love you and… не существует такой силы на свете, которая могла бы отнять или испортить хоть один дюйм этой бесконечной любви. А если пропускаю лишний день без письма, так это потому, что я совершенно не справляюсь с кривизной и извилинами времени, в котором сейчас живу. I love you.

Теперь о деле. По-моему, это безумие — твой план. И Фондаминский, и Люся, которого я только что видел, того же мнения. Но ты поступай как хочешь, и в соответствии с твоим — воздушным же — ответом буду писать в Прагу. Во-первых: если тебе необходимо какое-то специальное лечение (и ты могла бы точнее это написать мне), которое можно получить в специальном же чешском курорте (и тут тоже ты могла бы написать определеннее), то, конечно, рассуждать нечего — надо нам ехать туда. Но если тебе нужно просто хорошо отдохнуть и поправиться, то луч-

шего места нельзя найти, чем Bormes, — и это бы тебе сказал всякий врач. Во-вторых: неужели ты серьезно думаешь, что это нам обойдется дешевле, чем жизнь в Bormes'ском пансионе (а ведь 60 фр. за троих avec tout confort — это дешево, все это говорят!). В-третьих: после всего того, что я наладил с французскими издателями и журналами — не говоря о друзьях, которые так или иначе могут мне помочь, — совершенно нелепо забираться опять далеко (и кто вообще едет на курорт чешский в апреле!). Не говорю еще о том, что с визами будет чрезвычайно сложно, ведь карты у меня еще нет, а тут изволь еще устраиваться с поездкой в Англию. One thing is definite: предпочитаю написать в Англию, что поездка откладывается (если иначе нельзя), тому, чтобы тебя не видеть еще один месяц, — и напишу, если это будет служить помехой, — а между тем я не вижу, как это можно все соорудить, если ехать первого в Чехию. Единственный резонный довод за Чехию — это мама, но мне кажется, что уж во всяком случае дешевле обойдется, если я один съезжу туда на неделю. После всех усилий устроиться, it is rather hard upon me and everyone — Fondaminsky included, — что ты вдруг решаешь ехать на чешский курорт, где мы

опять будем оторваны от мира, где будет холодно, дорого и противно. Теперь сделаем так: если ты все-таки решаешь сделать так, как пишешь, то ответь мне немедленно, и уж приму твое решение и сразу протелеграфирую маме, чтобы она устроила визу, с тем чтобы мы в Праге встретились 1 апреля. Но я совершенно решительно говорю тебе, что уж в мае мы должны быть в Favières (перечти мое письмо), — ибо застрять в Чехии я не желаю, а к тому, пожалуй, сведется.

Хуже всего, что ты уже маме написала о визе! Это ужасно… Меня очень расстроил твой план. Нужно было об этом подумать раньше. Мое убеждение — что на юге (ведь с мальчиком я буду бессменно, пока ты хорошо не отдохнешь) ты поправишься, — если только это не специальное что-либо, что можно только поправить в Чехии.

Люблю тебя, моя единственная любовь. Ответь скорее. Маленького целуй. Пришлю еще паровозик.

Страшно спешу, чтобы послать еще сегодня воздухом.

186. 20 марта 1937 г.
Париж – Берлин

Душенька моя, счастье мое,

вчера послал тебе воздушный ответ и теперь пишу дополнительно. Чем больше я думаю и советуюсь с людьми, тем нелепее кажется твой план. (А вместе с тем мне невыносимо думать, что тут мамин покой en jeu — и что вообще по какому-то высшему — или внутреннему — закону следовало бы — несмотря ни на что — ее повидать, показать ей нашего маленького — это все так мучительно, что просто не могу, — это какое-то нескончаемое утомление души, а прилечь негде.) Обдумай же все, что я писал, все мои доводы. Неужели после всего огромного труда, потраченного на установление живой связи с Лондоном и Парижем, надобно вдруг все это похерить и ехать в чешскую глушь, где (психологически, и географически, и всячески) я буду опять оторван от источников и возможностей существования? Ведь оттуда ни на какой юг Франции мы не выберемся, а моя лондонская поездка в конце апреля усложняется донельзя.

Ручаюсь тебе, что в Bormes тебе будет покойно и отдохновенно, да и врачи там есть не хуже. Образумься же, моя душка, — и решись. Because if you go on like that I shall simply take the next train to Berlin — то есть приеду за тобой, что отнюдь не будет ни умно, ни дешево. Мне даже трудно тебе объяснить, как важно, чтобы мы сейчас не теряли контакта с тем берегом, до которого мне удалось доплыть, выражаясь фигурально, но точно, — ибо, действительно, я после твоего письма чувствую себя как пловец, которого отрывает от достигнутой скалы какой-то Нептунов каприз, волна неизвестного происхождения, неожиданный ветер или что-нибудь такое. Я тебя прошу все это учесть, моя любовь. На днях я должен получить письмо от Черной. И первого апреля мы встретимся в Тулоне. Incidentally, I am not particularly interested in the butterflies of that department — Var, ибо уже там собирал и все знаю, — так что весь день буду с моим маленьким, а вечером буду писать. А в мае мы устроимся дешевле. Мне кажется, что на этот раз здравый смысл на моей стороне. (На одну вещь я *наверное* не соглашусь: чтобы еще на месяц отложить нашу встречу. *Я больше не могу without you and the little one.)*

Long мне пишет, что Kernahan (знаменитый критик), которому он послал «Despair», написал: Reviewers who like it will hail it as genius… Those who don't like <it>, will say that it is extremely unpleasant… It is meant I assume, to be the work of a criminal maniac, and as such is very admirably done и т. д. В общем, глупо, но лестно. Он мне, кроме того, пересылает запрос из Америки от издателя, который посылаю Старой Грации.

My dear love, все Ирины на свете бессильны (я сейчас видел третью у Татариновых, — бывшую Муравьеву). You should not let yourself go like that. Восточная сторонка каждой моей минуты уже окрашивается светом нашей близкой встречи. Все остальное темно, скучно, бестебяшно. I want to hold you and kiss you, я обожаю тебя.

Tub не забудь (али мне здесь купить?). Передал вчера Люсе книги. Завтракал у Petit, с Алдановым, Маклаковым, Керенским, Бернадцким и моими двумя. *Напиши подробно, что сказал доктор.* Люблю тебя — несказанно.

В.

187. 21 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Душенька моя, любовь моя,

я послал к тебе два письма воздушных и жду с нетерпением ответа, а сегодня уже воскресение, и еще ничего нет. Я люблю тебя. Я продолжаю настаивать на том, что именно мой план разумен.

Боюсь, моя любовь, что ты опять осталась два дня без письма, но это получилось оттого, что третьего дня <я> послал авионом, вчера ждал ответа, а сегодня посылаю обыкновенным образом, — да к тому же — воскресение. Я уже плохо могу охватить счастие тебя и маленького моего увидеть. Душеньки мои…

Получил от П.<авла> Н.<иколаевича> ответ: он соглашается очень милостиво платить Виктору девяносто три сантима за строчку, — почему-то при этом ссылаясь на то, что Ремизов получает восемьдесят. Буду давать (выдавая их за рассказы) два отрывочка из «Дара» в месяц. C’est toujours cela.

Издательство «Putnam», которому я предложил

автоб, пишет, что (после всяких комплиментов!) они не решаются выпустить ее in book form. «On the other hand there is a possibility that parts of it might be (пишу в постели, — отсюда раннесредневековая перспектива почерка) published in a literary magazine. If you would like to have me do so, I should be glad to consult an agent about such a plan». Напиши же живо, согласиться ли на это или же передать манускрипт следующему на очереди издателю (Duckworth — а если и этот отвергнет, то Heinemann).

Был в Conciergerie, все осмотрел. Очень хорошо и страшно. Скамейка, на котор<ой> сидела Мария Антуанетта в ожидании роковой тележки. Тошный звон каменных плит. Последним там сидел — Горгулов.

Счастье мое, надо вставать, идти на горное солнце, а потом завтракать к Цетлиным. Не могу тебе сказать, как мне надоел мой «светский» образ жизни. Я люблю тебя. В зависимости от твоего письма позвоню тебе, может быть, по телефону — меня все это мучит и беспокоит ужасно — и главное, мама… Пиши же скорее, моя душенька, my dear one.

В.

188. 22 марта 1937 г.
Париж – Берлин, Несторштрассе, 22

Любовь моя, the whole thing is a dreadful disappointment, но если это тебе необходимо, то, разумеется, поезжай. Ты поправишься, а мама увидит маленького моего — что ж, сосредоточу мысль на этих двух положениях. Еще месяц быть без тебя (и без него) — это какая-то кошмарная тошнота и бремя, I don't think I can stand it. Не пиши ничего маме, но я сегодня уже побывал у Маклакова, через которого добуду чешскую визу (завтра подам в консульстве прошение) без необходимости маминых хлопот. My darling, what *am* I to do? Если бы ты мне могла поклясться, что 8 *мая* ты из Праги приедешь в Тулон (т. е. если бы сделать из этой даты нечто непреложное, как восход солнца), то я еще подумал бы: отставить ли поездку английскую (20 — IV) и вечер в Париже (6 — V). Раиса гарантирует В. В. тысячу. My love! Визу во всяком случае «сделаю», а там видно будет. Я сейчас немножко растерян. Дела идут хорошо. Напишу в следующий раз. Спешу. Виктор мне говорит, что может рассчитывать на шестьсот

в месяц в П.<оследних> Н.<овостях> Ссориться было бы неразумно. Меня волнует теперь твое здоровье. Yes, my dear love, go to F.<ranzensbad>. Пишу Черной, что с начала мая берем дачку ее! I adore you and the baby!

<Одно предложение вымарано.>

Привет Анюточке!

Tub нужен непременно.

189. 24 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе, 22*

Любовь моя, это смешно и хорошо, что мы с тобой написали одну и ту же дату. Да, я так и буду считать, что отложено всего на две недели, раз поеду все равно в Лондон во второй половине месяца. But I feel horribly lonely, sad, and fed up, my dear sweet love. Мне надоели и дела, и безделье — и дамы, и жизнь на торчке, и мои собственные бон-мо, и разговоры обо мне. Одна отрада: мой грек благодаря усиленному освещению почти исчез (с лица, непристойно загоревшего, сошел совсем), и теперь странно и жутко вспоминать, как я страдал — телесно, от чудовищного зуда (я иногда прямо думал, что потеряю рассудок), не прекращавшегося ни на одну минуту (спал *сквозь* зуд) в течение двух месяцев, — и не менее — морально от постоянной мысли о своем окровавленном белье, пегой морде и сыпавшейся на ковер чешу<е>. Только солнце — искусственное, а еще лучше южное — может побороть эту мою дурацкую болезнь. Главное, мне даже

некому было жаловаться. Радость моя милая, как нестерпимо хочу видеть тебя — и моего маленького, моего маленького… Вчера был у Алексея Струве и гладил по головке его шестилетнего милейшего озорного сына. У меня теперь больше свободного времени, но оно как-то разваливается; пьеса идет туго. Софья Григорьевна Пти предлагает работу, которую я, конечно, возьму: перевод французской книги на английский язык. Жду ответов от Candide, Michel, Lausanne (Matin), Paulhan, Gallimard. Скоро придется засесть за французский доклад. «Оповещение» перевожу для «Nouv.<elles> Lit.<téraires>» От П.<авла> Н.<иколаевича> М.<илюкова> получил длинное и сладкое письмо (с приложением на машинке отчета, сколько кто получает в газете) с предложением давать в месяц шестьсот строк по девяносто. Я третьего дня сдал им «Подарок» (т. е. маленький «Дар» — или подарок газете: я так озаглавил отрывок о Яше. Остроумно?). «Соврем.<енные> Зап.<иски>» выходят в конце месяца. Жду из Англии окончательных сведений[126] о моих тамошних выступлениях. Душенька моя дорогая, посылаю еще и это

[126] Сноски: 126
Рисунок поезда над первой строкой в верхней части новой страницы.

письм<о> авионом, чтобы ты не осталась больше дня без письма, а то все не могу рассчитать. Постарайся, мое счастье, выбраться в Чехию не позже все-таки десятого, — а то будет мало времени на лечение. К зиме поедем в Лондон. Думаю, что у Маревской можно поставить белье и книги — она предлагала, — но еще проще здесь, у Ильюши, места тут уйма, и он сам предлагает. Ростовцева еще нет. Другим всем написал. Берегу les petits gros chats. Мне кажется, что with luck Виктору удастся еще подработать, а уж помещение и харчи одного на все лето буд<у>т оплачен<ы> фельетонами П.<оследних> Н.<овостей> Повторяю, что, вообще, в этом смысле перспективы очень румяны. На днях приезжает сюда Август. Вчера был по поводу твоей французской визы в министерстве: там мне Eidel сделал скандал, что, мол, его же написали поручателем, когда он же получает прошение. My fault, sorry. Виза тебе выслана, и непременно возьми ее до отъезда. Подумай и о том, не взять ли сразу билет Прага — Тулон. Чем больше *я* думаю, тем безрассуднее мне кажется уехать на лето из Франции, так что заклинаю тебя (а ведь в таких курортах врачи «удерживают») быть 8-го в Тул<оне>.

Завтра, кажется, приезжает my little friend. Если бы (увы!) не соблазн meals'ов (не гастрономический — экономический, — ибо столоваться у Ильюши совершенно неудобно — и не столько из-за денег, сколько из-за причинения хлопот В.<ладимиру> М.<ихайлови>-чу, который всегда норовит приготовить что-нибудь особенно обильное и вкусное, когда я дома), я бы отказался от всех приглашений, заперся бы и писал. Сегодня холодно, но по-весеннему, и я люблю тебя. Постарайся наладить печатание Пр.<иглашения> на К.<азнь> Душка моя, без tub'а не обойтись, держи его <при> себе для сказанного. Ответь насчет Putnam. Не забудь Филиппова — насчет Тегеля. Я написал маме, что вряд ли приеду, но визу устраиваю. Я люблю тебя — и пожалуйста, не меняй планов больше. Вырос ли мальчик? Не забывай — футбола. Целую тебя, целую вас. Нежность моя…

В.

190. 26 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 *– Берлин, Несторштрассе, 22*

My love, мальчик не болен? Мне что-то снилось в этом роде, — знаешь, дырявый сон с тенью. Попадаю в ритм этой открыткой, так что — довольно аэропланов. К нашим котам заходит все кошечка, нежная, сизая, сладко ноет, те: ноль внимания. Я обратил на это внимание Жанны. Она, со вздохом: «nos messieurs sont aussi comme ça…» Сегодня иду на вечер поэтов, завтра обедаю у кн. Цициановой, послезавтра — премьера пьесы Теффи. Denis Roche кончил перевод «Весны в Ф.<иальте>». Когану я дал для Америки и Голландии два отрывка из автоба. Он надеется, кроме того, там поместить «The Bell», «Passenger» и «Чорба». Завтракал у Татариновой сегодня, а ужинать буду у тети Нины. I love you, I am beginning to derive a certain pleasure from the thought, что мама увидит мальчика, а что ты поправишься в Ф.<ранценбаде> Напиши мне, what did the doctor say exactly? Как будет с коробками ценных бабочек, расправилками и булавками? На днях напишу Анюточке — нет, не напишу: сержусь на нее за упрямое молчание. Говорил с Люсей по телефону, увижу его. I cannot tell you, how I love you and miss you.

B.

191. 28 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

My darling, my love, третий день нет от тебя ничего. Сегодня 28-е, пятнадцатая годовщина. Я загодя напомнил об этом в П.<оследних> Н.<овостях> — но эти пошляки неуязвимы и ничего сегодня не отметили (зато напечатан «Подарок» — и я уже готовлю следующий замаскированный отрывок). У меня очень «светская» пасха: вчера — премьера пьесы Теффи (ужасающей), сегодня пью чай с вел. кн. Мари<ей> Павл.<овной> в George V, потом свидание с бар.<онессой> Будберг, потом обед с Виленкиным в Windsor Hotel. Но с понедельника запираюсь и пишу пьесу. I love you, my sweet one. Мельком видел утром Зеку, он мне передал то, что ты просила, и рассказал, как маленький наш, опустив ресницы, довольненький и мечтательный, ждал автомобиля. Получил от Чехова из Англии просьбу написать для него пьесу, «которая бы отображала социально-моральные конфликты». При ближайшем рассмотрении Бунин оказывается просто — старым пошляком,

а Зайцев, напротив, — выигрывает. Мне неистово скучно без тебя — и мечтаю о поездке в Англию, как о следующем этапе. Мурочка моя, не пиши мне, ради Бога, больше о каких-то Италии и Бельгии. Я уже обо всем списался с Черной. Очень имел приятный разговор с редактором «Matin». Люблю тебя!

В.

192. 30 марта 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Несторштрассе,* 22

Любовь моя, что это такое, я четвертый день без писем. Здоров ли маленький? Я вчера брал на ручки трехлетнего, рыжелоконного, задумчиво-озорного племянника (тоже Дмитрия и тоже прозываемого иначе) б.<аронессы> Будберг — и это до слез напомнило… Какой тут есть изумительный магазин игрушек на Champs-Élys<ées> — не чета чешским нашим, — какие поезда! («le plus rapide train du monde des jouets» со «стремительным» паровозом и дивно сделанными синими вагонами). Знаю, что тысяча хлопот, но все-таки пиши чаще!

Denis Roche отлично переводит «Весну <в Фиальте>», скоро будет готово: мы вчера с ним обсуждали разные трудные места. Будберг же с переводом не справилась, так что в сборник либо войдет «Возвр.<ащение> Чорба», либо я сам переведу «Весну» (или Струве — «Пильграм»): нужно сдать не позже августа. Путнаму *очень* понравилась автоб-я, и все советуют согласиться

на то, чтобы они пустили это «serial»'ом в журнале. Я, вероятно, на это соглашусь. Иначе — потеря темпа; да и размер вещи страшно затрудняет ее издание книжкой. Она же (Будберг) предложила мне свидание сегодня с Алекс.<еем> Толстым, но я, кажется, не пойду. Мария Павловна — маленькая дама с папиросой и ларингитом; никак не могла дозвониться чаю — по случаю пасхи. Я говорил с ней о лекциях в Америке, она обещала пособить. Однажды в глухом месте ловила с Авиновым бабочек. Про Нику и Наташу сказала, что милы, но snobs, — и это выражение, исходя от *нее*, приобрело для меня прустовскую прелесть, а по отношению к ним — свежую и страшную силу. Обедал с Виленкиным, который деятельно занимается устройством вечера в Лондоне и пропагандой моей книги. (Кстати, совершенно стороной узнал, что «Лужин» имеет в Швеции очень большой — мне передали, «феноменальный» — успех.) Завтра видаюсь с Альмой Поляковой и Саблиной. Сегодня обедаю с шестью писателями у какого-то мецената. В «Подарке», появившемся третьего дня, оказалось больше трехсот строк — четыреста двадцать. Отлично. Следующий отрывок назову «Вознаграждение» — и тоже втисну больше строк, чем мне отведено.

Ах, мое счастье, как хочу видеть тебя… Упоительно думать о мае. Зёка говорит, что он еще больше похорошел. Виктор за последнее время, т. е. за один месяц, истратил все-таки свыше двухсот фр.<анков> Иду на днях к Fayard, к Lefèvre («Nouv.<elles> Lit<té>r<aires>») и к Thiébaut («Revue de Paris»).

I adore you, очень трудно жить без тебя, напиши мне скорее. Сейчас 3 часа, иду к докторше, потом буду пытаться писать часок-другой. Люблю тебя, моя жизнь…

В.

193. 2 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Душенька моя, странно тебе писать на этот новый — и зрительно не существующий — адрес. Как хорошо, что мальчонка в порядке. Следующий раз пошлю ему еще паровозик. Получить немедленно карту невозможно, дело идет своим законным ходом, подогнать нельзя, дай Бог получить до лондонской поездки, а то опять придется переть к Эделю за обратной визой. Скучно и сложно. Я начинаю по-настоящему томиться, расслабляющая прелесть Парижа, дивные закаты (на Триумфальной арке вдруг оживает частица фризы — это голубь перелетел), прелесть и праздность, очертанья времени зыбки, не пишется, безумно хочется одиночества с тобой и чтобы в соседней комнате Влад.<имир> Михайлович *не* теребил мычащее, лопающееся, мяукающее радио. I am quite fed up with things. На днях приятненькая была вечеринка, нечего сказать: тра-ла-ла, Алданов во фраке, Бунин в мерзейшем смокинге, Хмара с гитарой и Кедровой,

Ильюша в таких узких штанах, что ноги как две черных колбасы, милая, старая Теффи — и все это в гнусно-роскошном особняке («у них *белая* мебель» — предупредила с восторгом Татьяна Марковна), причем я не потрудился вникнуть в имя хозяев и, только уже попав туда, узнаю морду Mme Гринберг и ее сына; первое, что я сказал: «А где моя Oxford Book of Poetry?» После обеда все — особенно дамы — подвыпили, Вера Николаевна me faisait des confidences hideuses и, слушая довольно хамские романсы пьяного вдрызг Хмары, повторяла: ведь жизнь прожита! а Кедрова (очень глазастая актрисочка, которую Алданов считает новой Комис<с>аржевской) бесстыдно клянчила у меня роль. Ну, конечно, — пение пошлейшее «Чарочки», одинокая ваза с шоколадом, крик хозяйки (про меня): «Ой, он съедает весь шоколад», вид из сплошного окна на остов растущей выставки, на луну. Cétait a vomir. Бунин все изображал мою «надменность» и потом прошипел: «Вы умрете один и в страшных мученьях». Некая мадам Перская, толстая вульгарная баба, лежала на плече у бедного Ильи, который отчаянно поглядывал на меня и просил принести ей воды, а ему объясняли, что это не обморок, а забытье наслажденья. И это все — потому, что

нужны деньги для театра. Infecte.

Объявлен выход «Сов.<ременных> Зап.<исок>» с «Даром» во главе. Лифарь, кажется, обиделся на меня, что я не согласился задарма читать у него на выставке лекцию, а спросил тысчонку. Зато с большим удовольствием я сделал следующее — чудная месть! Был вечер в «Лас Казе», вечер поэзии, в тайную пользу очень больного Терапиано (однажды, если помнишь, подлейшим образом задевшего меня в «Числах»), и я сам вызвался прочесть там стихи (прочел «<L'>Inconnue de la S.<eine>»).

Был в кинематографе, был у тети Нины с массой дам, у Зайцевых, у Кокошкиных (часто), у Кянджунцевых и т. д. Лиловенькое солнце продолжает мне помогать: я совершенно ожил в этом отношении. Любовь моя, я теперь даже не могу представить себе, что ты сейчас делаешь, ибо не знаю новой обстановки… My darling, my darling… Поскорее поезжай в Чехию — and whatever you do, покажись с маленьким маме прежде всего. Сейчас около десяти вечера, выйду опустить письмо, потом лягу. Никто не понимает, как это я так загорел, и подозревают поездку clandestine на юг.

На этих днях должны быть непременно ответы из французских журналов. Мне страшно думать, как ты, должно быть, устала от всех хлопот, бедненькая моя, счастье мое!

В.

194. 4 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

My love, получила ли ты французскую визу? Когда едешь в Прагу? Ответь, моя душенька. Пишу в не очень удобном положении на диване. Вчера виделся с Люсей и Бромб.<ергом> Они сидели на террасе кафе, желтые и грустные. Спрашивали про Анютины планы, а я ничего не знаю. Сейчас дивное утро, рано, все неподвижно в голубом молоке, и дружно поют воробьи. Душенька моя! Сегодня иду на футбольный матч с Кянджунцевыми. Как мой маленький? Взять его на руки, понюхать, поцеловать — это такие райские ощущения, что прямо серд<ц>ебьение делается. Еще месяц. Пиши, мое счастие, и ответь на вопросы. Написал масс<у> писем вчера, но пьеса артачится. I love you dearly, I kiss you.

В.

195. 6 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Душенька моя, твоя бестолковость меня совершенно убивает. Что это такое в самом деле? Прости, мое счастье, но, право же, так нельзя. Неужели нельзя было заранее выяснить вопрос валюты? В следующем письме ты мне, вероятно, напишешь, что остаешься преспокойно в Германии, на баварском курорте. I cannot tell how utterly depressing it is (а ты еще *меня* упрекаешь в легкомыслии). Для мамы будет это ужасный удар, если теперь, после всех планов и хлопот (все зря, зря…), ты не поедешь в Чехию. Я знал, что нечего было все это затевать; и если бы ты меня тогда послушалась, ты бы уже спокойно сидела в Bormes. А теперь ты мне пишешь, что ты что-то такое «на днях» решишь? Что, собственно? И к чему эти повторные и зряшные недоумения по поводу тех средств, которыми можем располагать. Я тебе обо всем совершенно точно и определенно писал, и ты отлично должна знать, что и как, если читала мои письма. Как я тебе писал, мы

сначала остановимс<я> на несколько дней в пансионе в Bormes, чтобы затем взять дачку Черной, если она нам понравится. Если нет, то без труда найдем другое помещение с ее же помощью. В чем дело, почему этот совершенно простой план вызывает в тебе такую нерешительность, а сложнейшие и нелепейшие (как оказывается) путешествия по Чехии кажутся приятно-выполнимыми? Любовь моя, ты мне, например, так и не пишешь, получила ли ты французскую визу? Do so at once, please. Кстати: моя докторша, Коган-Бернштейн (святейшая женщина и прекрасный врач, который *ежедневно* освещает меня по *часу*, что обошлось бы в другом месте *сто* франков сеанс, а так — дармаком), говорит, что грязевые ванны францисбадские совершенно заменимы — и даже перезаменимы — электрическими ваннами, которые она бы делала, и остроумно порицает пристрастие к немецко-чешским бадам. Душка моя, it is unfair (как я уже тебе писал) говорить о моем легкомыслии. Больше того, что мне сказала Флора С.<оломон> касательно шестимесячного пребывания в Англии, написать тебе не могу, — ведь нельзя же привести точную смету, — а то, что она солидный и обязательный человек, — это знают все. Да и не будем так да-

леко заглядывать, чтобы тебе не волноваться, а сосредоточим мысли на теперешнем твоем приезде в Тулон (разумеется, нужно взять билет туда из Берлина). Ради Бога, напиши мне наконец точно, когда и куда ты выезжаешь. Главное — я совершенно не могу быть дольше без тебя — это полу-существование, четверть-существование — становится свыше моих сил — и без того воздуха, который исходит от тебя, я не могу ни думать, ни писать — ничего не могу. Наша разлука становится нестерпимой пыткой, а эти твои постоянные передумыванья, и метанья, и нерешительность (когда все так чудно-просто) только обостряют эту казнь. Нет, я работать в здешней обстановке не могу: день, перерываемый тремя-четырьмя выходами на улицу, — для меня не день работы, ты это хорошо знаешь, а когда я устроюсь писать, то либо Керенский по соседству диктует истошным голосом, либо радио, либо гости у Ильюши, — не говоря о телефоне, который звонит ежеминутно. С другой стороны, если б постоянно не обедал в гостях, то проживал бы гораздо больше, чем проживаю, — а ведь я ухитряюсь тратить совершенные пустяки. Сегодня завтракал у Татаринов<ых>, вечером буду у Добужинского, вчера обедал в ресторане с четой

Родзянко и П. Волконским, послезавтра завтрак у Поляковой и обед у Бромберг и т. д. и т. д., а днем поездки в Nouvelle<s> Littéraire<s>, Revue de Paris, Candide, с утомительно-любезными разговорами. Я прошу тебя, моя любовь, не делай мне больше этих ребяческих упреков, je fais ce que je peux — и в конце концов, будущее наше здесь налажено, если в Лондон не решимся ехать: одних уроков я без труда наберу здесь достаточно на жизнь, это в крайнем случае, если ничего другого не выйдет, да и помощь и возможности идут отовсюду — мне кажется, ты совершенно не представляешь себе здешнюю атмосферу по отношению ко мне.

Я страшно расстроен твоим письмом, — и может быть, следовало сперва успокоиться, а потом тебе писать. Я безумно боюсь, что ты мне предложишь еще какой-нибудь «план». Не делай этого. Приложи все усилия, чтобы все-таки съездить в Чехию — это для мамы, — но главное, бери визу и билеты на юг.

Мне скучно, грустно. «Цветы меня не радуют…» Жду окончательного ответа из Лондона, ибо до сих пор не знаю, когда и где выступаю. К Альтаграции я давно написал. О copyright с писателями говорил — да и сообщал уже тебе об этом. К Putnam написал в том смысле, что ответьте

подробнее насчет печатания в журнале, — и главное, чтобы это было сделано теперь же. Томсона поздравлю. Написал к Черной, не связываясь, да и она сама говорила мне, что не хочет меня связывать, не показав дома, а что сдаст его крайне дешево. Лето обойдется (6–7 месяцев) максимум в десять тысяч, *ту компри*, а вернее, дешевле, и половину этого я уж наверняка выработаю писанием, так что не все грошики на это уйдут.

Я прочел части твоей открыточки (о переезде — ужасном! Воображаю…) вслух Ильюше и Зинзин.<ову>, и они сказали, что теперь понимают, кто за меня книги пишет. Лестно? I love you, my own one — and please don't be jealous of the «светская» жизнь, которую я здесь веду. People are very nice to me. Ну вот: пришли двое беглецов из России и, «окая», громко разговаривают с Алекс.<андром> Фед.<оровичем> в соседней комнате — насчет цен на хлеб, <о> стахановцах и т. д. Как тут писать пьесу? Душенька моя, сколько я дал бы, чтобы ты и мальчик мой сейчас вошли. Кудрявенький мой! Поскорее, пожалуйста, напиши мне. Жизнь складывается отлично, а ты все с сомненьями (мелеет перо, вот как я расписался). Вот — вошел Авксентьев и говорит надо мной по телефону. Не добился, значит,

зайдет через пять минут. Молодые люди сдобно рассказывают о новых пароходах «Декабрист» и «Ленин», а Керенский спрашивает, «какие настроения у местных людей». Те отвечают: «как у волка». Воробьи дико поют в зазеленевшем саду. Я люблю тебя. Если я тебе пишу коротенькие письма, то потому, что чувствую себя пустым, унылым и не в своей тарелочке, да и временем своим не умею распорядиться. Вернулся Авксентьев и — добился. Мне рассказывали об одном господине, который запоем читает меня, а потом, чтобы опохмелиться, — Лескова.

My dear darling, it is not a very nice letter, I'm afraid, но меня все безумно тревожит — и путешествие твое, и мальчик, и твое здоровье… Завтра я у Маклакова утром по делам identité. Душка моя, ты же перестань беспокоиться. Да: *tub* нужен непременно, у Черной есть море, но ванны нет. Буду на днях писать в пансион, когда буду точно знать, когда встретимся. Может быть, *до* 8-го? Люблю тебя, моя жизнь.

196. 7 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

My love,

решительно отказываюсь от Бельгии. Я не понимаю, что происходит, почему ты мне предлагаешь планы один нелепее другого. Что это за бред, что Var дороже и климатически хуже, чем какой-то умозрительный, никому не известный (интересно, как это Зина будет «подыскивать») бельгийский курорт. То место на юге, которое я наметил, идеальное место для детей (кстати, там летом прохладнее, чем в Ницце) и вообще для слабых, утомленных; поездка (т. е. вот это «лишнее», что придется доплатить сравнительно с разъездами по Бельгии — that hideously grey and cold country) стоит сущие пустяки; там на юге мы сперва будем жить не у Черной (с tub'ом), а повыше, в бормском пансионе (Hotel с ванной Beau Soleil). Если — предположим — ты сегодня бы знала определенное лечебное место в Бельгии (вроде Франба-да), имела бы визу и могла бы завтра выехать — то, что ж, как этап по дороге

на юг (т. е. та же комбинация, как с Чехией). Это было бы хорошо, но так как месяц уйдет на одно нахождение такого курорта, то просто не стоит об этом говорить. Я полагаю, что я уже к 1 мая разделаюсь с Лондоном, так что уже к этому сроку прошу тебя выехать в Тулон. Darling, that is really my last word.

I dreamt of you this night. Я тебя видел с какой-то галлюцинационной ясностью и все утро сегодня хожу в каком-то облаке нежности к тебе. Я чувствовал твои руки, твои губы, волосы, все — и если бы мне чаще могли сниться такие сны, жизнь была бы легче. Ты моя любовь.

Сегодня иду к Marcel Thiébaut. Вчера с Бенуа и Сомовым сидел у милейшего Добужинского. Напиши же мне наконец, получила ли ты визу!

Виктор вчера послал четвертый экземпляр маме — итого, тысяча двести страниц чешского перевода за эти два месяца.

Готовлю отрывок для П.<оследних> Н.<овостей>. «Подарок» имел большой успех. Завтра, кажется, выходят «Современные <Записки>».

Не могу тебе сказать, как меня мучит твое мысленное кружение по средней Европе.

Привет Анюте. Право же, она бы могла как-нибудь написать ко мне.

Целую моего маленького. I kiss you, my love.

B.

197. 9 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь и душенька моя, я, конечно, очень счастлив из-за мамы, если все-таки поедешь в Чехию. Good luck, my darling. Но, знаешь что, напиши мне в следующем письме подробно диагноз врача. Воображаю, как ты, моя душенька, устала и изнервничалась, но поверь, летом хорошо поправишься и отдохнешь. Буду неотлучно при маленьком, а писать буду вечером. Насчет паспорта: ты не совсем себе отдаешь отчет в том, что мое положение исключительное и that I haven't to bother about «récépissés» etc. as other people <do>. Говорил Родзянко и Маклакову о твоих опасениях: они, моя душка, смешные. I'm afraid it is your cousin's panicky influence. То, что я здесь получаю, это — перми де сежур перманан, кстати сказать. Please, do not think any more about it!

«Пильграм» в «Revue de Paris», «Musique» в «Candide», «Outrage» в «Mesure<s>», «Весна в Ф.<иальте>» обещана Nouv.<elles> Lit.<téraires>

От Putnam письмо, что он принялся за устройство «English associations» в журнале. Обедал вчера у Бромб.<ерга> Пьеса решительно не идет, я уничтожил, что написал. I love you, my sweet one and am terribly anxious about your health, особенно в связи с тем, что мальчик мой нервен и буен. Hold out еще немножко, и все будет хорошо. Дивно тепло. Сейчас иду к Lefèvre, потом к Яблоновск.<ому>, Сергею. My darling…

B.

198. 12 апреля 1937 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Счастье мое милое, я еще не уверен, поедешь ли ты в Чехию, но теперь страстно надеюсь, что поедешь. Your last letter was lovely.

Послал Bourne'у список из 25 имен и адресов (английских критиков и писателей), которым послать книжку, как только она выйдет. Список составлен с помощью Будберг и Струве, от которого получил наконец толковое письмо: вероятно, поеду в Лондон 20-го. Кроме англ.<ийского> вечера, устрою и русский, опять у Саблина. Альтаграции послана уже книжка, а о copyright буду еще толковать со знающими людьми и напишу ему, хотя тогда ясно написал то, что мне сказал Bourne. Получил уже от Томсона письмецо в ответ на мое поздравление. Получил от Mesures милейшее приглашение на завтрак в среду. Был вчера у С.<ергея> Яблоновского, обедал у Цетлиных, вечером был у Берберовой, с Добужинским etc. Последние два дня, моя любовь, усиленно работаю над арестом Чернышевского, который

(под остроумным заглавием «Награда») должен сегодня продиктовать Ковалевой и послать в П.<оследние> Н.<овости>

Сегодня же должна была, собственно, докторша мне сделать операцию-опыт (берут у меня кровь из одной жилы и впрыскивают в другую), но меня сильно от это<го> отговаривают «студенты» (как Алекс.<андр> Фед.<орович> называет Ильюшу и В.<ладимира> М.<ихайловича>), да и грек мой от солнца великолепно проходит. Корректировал вчера статью мою об Амалии Ос.<иповне> Во вторник должны выйти «Совр.<еменные> Записки».

Первого апреля, свято празднуя этот день, я утром сказал «студентам», что накануне у Зайцевых мне сообщили о том, что ночью, покамест Бунин кутил, его квартиру ограбили. Весть быстро распространилась, и в тот же день репортер из П.<оследних> Н.<овостей> отправился к — весьма сердитому — Ивану. Кажется, он обиделся на меня, когда все выяснилось. Не понимаю, что тут обидного.

Душенька моя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя! «Человека» моего целую, моего маленького… К пятому мая освобожусь от всех conférences. Восьмого встретимся в Тулоне.

Как зелено у нас все, как тепло, какие у меня серые штаны за семь с половиной шиллинг<ов> из Лондона!

Люблю тебя, мое единственное счастье.

В.

199. 14 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, я устал волноваться по поводу твоей поездки в Прагу — будь что будет, пускай решает судьба; но почти так же сильно, как я мечтаю увидеть маленького моего, мечтаю о том, чтобы его увидела мама. Насчет твоих пунктиков: 1) просуществуем, 2) *до* снятия хижины во всяком случае поживем в пансионе, 3) жара в тех краях значительно мягче, чем, скажем, в Ницце. Насчет А.<льтаграции>: «Despair» ему послан; но, кроме того, он сразу получит еще экземпляр, когда выйдет. В Лондон я раньше 25-го числа не попаду. Со Струве полный контакт, письма так и летают. В англ.<ийских> газетах уже объявлен выход Деспера. Все утро сегодня диктовал Черныша. Я отказался в последнюю минуту от операции, о которой тебе писал, причем сказал, что, мол, ты просила меня этого не делать, — а то зашел слишком далеко и докторша was rather looking forward to that experiment. Льет дождь, деревья зеленеют на глазах, я люблю тебя. Осталось немножко

больше трех недель. Я почти боюсь силы этого счастья. Зензинов находит, по-прежнему, моего Черныша «омерзительным». Может быть, вечером нынче зайду к старику — он, кажется, обижен на меня, и Зека тоже. Завтра завтракаю с Полан и редакторшей «Mesures». Я *физически* чувствую твою усталость, моя душенька, и бесконечно, невыразимо, каштаново люблю тебя.

В.

200. 15 апреля 1937 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Жизнь моя, любовь моя, it is twelve years to-day. И сегодня же вышел «Despair» и «Дар» в С.<овременных> З.<аписках>

Полная удача с «Outrage». Оно появится в майском номере «Mesures», и наш Виктор уже получил за него тысчонку. Завтрак на вилле Henry Church'a (издателя «Mesures» — это миллионер-американец с чудным фурункулом на загривке, — старый, молчаливый, с литераторствующей женой из немок) был замечательно удачным. Сборный пункт был в книжной лавке Adrienne Monnier, на Odéon, а оттуда поехали на автомобиле к Church'ам, за St. Cloud (все зелено, мокро, цветет миндаль, мошки толкутся). Меня очень «фетировали», и я был в ударе. Из писателей был Мишо. Очень я подружился с издательницей Joyce'a, Sylvia Beach, чопорная лезбияночка, через которую многое можно будет сделать в смысле распространения «Despair» и налаживания французского его изданья, ежели Gallim.<ard> и Albin

Mich.<el> ne marcheront pas. После завтрака было нечто вроде собрания редакции «Mesures», и нас пятнадцать раз снимала фотографша. Был разговор о том, что при помощи каких-то волн можно установить звук растений. Я утверждал, что тополь поет сопрано, а дуб басом, но Полан гораздо остроумнее меня утверждал, что нет, — у дуба, оказывается, такой же голос, как у маргаритки, — «peut être parce qu'il est toujours un peu embarrassé». Завтра завтракаю с ним, Cingria, Сюпервьель и Michaud на Монпарнасе. Душенька моя, я люблю тебя. Рассказ о моем маленьком («для берегов») упоителен. Зензинов все время смеется и всем рассказывает. Your letter to Илюша is quite nice, my darling one. Паспорт твой будет продлен во Франции, как только приедешь. Мне ужасно больно, что опять провалилась Прага, но я не очень и верил, что это выйдет. В Англию еду на неделю в конце месяца. Завтра в пять буду у ~~Надежды~~ ~~Иван~~ Саблиной — налаживать русский вечер там. До 25-го я во всяком случае не уеду — надо дать книжке немножко побродить, так пишут и Будберг, и Струве. Послал Лонгу еще адреса, данные мне Sylvia Beach. Мой «Пушкин» имеет очень симпатичный успех. Я потолстел, загорел, сменил кожу — но чувствую постоянное

раздражение, оттого что негде и некогда работать. Сегодня обедаю у Кянд.<жунцевых> Старику сейчас буду звонить.

My love, my love, как давно ты не стояла передо мной в халатике, — Боже мой! — и сколько нового будет в моем маленьком, и сколько рождений (слов, игр, всяких штучек) я пропустил… Написал к Черной вчера. Душка моя, смотри, соберись осмотрительно, чтобы в последнюю минуту не оказалось каких-нибудь задержек. Как забавно — насчет Барделебенши. Умер бедный Ильф — и как-то думаешь о делении сиамских близнецов. Люблю тебя, люблю тебя.

Мои французские акции очень поднялись, Paulhan est tout ce qu'il y a de plus charmant и чем-то напоминает — живостью, быстрым темным взглядом, ста́тью и небритостью — Ильюшу. Кланяйся Анюте, жду от нее письма.

Целую тебя, мое счастие, усталенькая моя…

В.

201. 15 апреля 1937 г.
Париж – Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

congratulations my dear love

202. 17 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Душенька моя дорогая,

спасибо за журнальчики. Скажи, послать ли тебе номер «Совр.<еменных> Зап.<исок>», или это будет лишний груз при путешествии? Напиши мне также определенно насчет tub'a: это вещь совершенно необходимая, bath or no bath. Тут можно купить очень дешево.

У меня был очень приятный завтрак с братьями-писателями — французскими, bien entendu, — у земляков я к себе большой любви не чувствую; — было человек пятнадцать — и некоторым для меня сюрпризом оказалось то, что каждый платит за себя, — что влетело в тридцать франков. Супервьель (у которого буду в четверг) стал совсем уже похож на старую лошадь — с очаровательно лошадиной улыбкой, — так и хочется дать ему на ладони большой, в шерстинках кусок сахара. Полана я умолял подействовать на Галлимара, а то я не знаю où j'en suis с «Désespoir». Молодые писатели

из N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise> Сироп комплиментов по поводу все того же Vraisemblable. Обмен адресов.

Маленький контр-тан: М.<илюков>, прочтя мой отрывок (арест Черныша), пришел в ярость, затопал и наотрез отказался печатать. Это мне нынче сообщил Ильюша. Дилемма: отказаться от дальнейшего сотрудничества или дать другое (путешествие Г.<одунова>-Ч.<ердынцева>, над которым я здесь немножко работал). Склоняюсь, увы, ко второму. Зато Илья мне предложил — ежели Руднев не пожелает главу о Черн.<ышевском> печатать в Совр.<еменных> Зап.<исках>, — поместить оную главу на тех же условиях в новом журнале «Русские Записки». Согласился.

С Саблиной столковался о вечере и буду писать сегодня ее мужу. «Despair» уже получен указанными мною лицами, но мне еще не прислали. Сегодня Denis Roch<e> мне читает окончательный перевод «Весны», — молодец, скоро сделал. На днях буду в Candide — а то они что-то тянут. Больше всего на свете мне сейчас хочется двух вещей: чтобы ты была (с ним, тепленьким моим) рядом, близко, my sweet darling, — и чтобы я мог спокойно продолжать мой «Дар» (ни одной опечатки в первой главе — и вообще очень приятно подано). В понедельник буду в английском консульстве. Как ты думаешь, ~~послать ли~~ просить ли Bourne разослать экземпляры (мои) Despair'a (скажем, Томсону, Соломон, Church'y, Harrison и т. д. — человек десять-пятнадцать наберется) или сделать это самому из Лондона? Ответь мне сразу на все эти вопросики, my precious. Счастье мое, я больше не могу без тебя. Целую тебя, целую тебя — и еще целую.

В.

203. 19 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, is the little man all right?

Получил нынче 6 экземпляров Despair'a в знакомом (гнусном) жакете, но в очаровательной обложке. Прислать тебе? Сегодня иду в английское консульство за визой, потом к И.<осифу> В.<ладимировичу> слушать продолжение мемуаров… По-видимому, английский вечер будет 3-го мая. Перевод Роша просто великолепен, но мы 4 часа с ним разбирали его и правили — и не совсем кончили; в среду опять придется встретиться. Был с Ирой и Сабой в мюзик-холле, где пляшут жалкие голые женщины. Написал сегодня в Англию пять писем. От почтамта известие о прибытии пакета. Руднев просит следующую главу к 1-ому июля. Неужели через двадцать дней я увижу тебя и его? There are days when I adore you just a little more than a human being *can* adore — and to-day is one of them. Как ты чувствуешь себя? Любовь моя дорогая…

В.

204. 20 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

My only love, как хорошо, как прелестно все то, что ты пишешь о маленьком (и о чердаке!), и вообще, это было особенно дорогое письмо (кроме «гнусных сплетен»). В четверг утром я увижусь с приехавшей в Париж с юга Марьей Ивановной. Она пишет: «я с удовольствием сдам вам с мая месяца свой домик, если это вам подойдет. Также дам вам подробные указанья, как устроиться в Фавьере, если вы захотите поселиться в пансионе. Теперь уже нет смысла ехать в Bormes, так как в Фавьере уже хорошо в мае». А я-то как looking forward к его теплу, словам новым, хитренькой улыбке. My darlings! Но я не знаю, как устроить с перелетом из Берлина сюда — тут Марья Игнатьевна <Будберг> не может пособить. Она была, знаешь, любовницей Горького, Локарта, теперь Wells'a — quite the mysterious adventuress type. Вообще, не знаю, как лучше, ехать ли через Париж, с перерывом, значит, или через Страсбург. Мне кажется — вто-

рое; это уж будет последнее твое испытание, это путешествие, моя усталенькая. Я совершенно перейму его от тебя в Фавьере. По причине (нашей, тебе понятной) даты, мне хочется тебя встретить в Тулоне не позже восьмого мая (да и по причинам коронационным нельзя делать вечер в Лондоне позже этого срока). Из полановских пошлю сегодня книги маме. Готовлю отрывок для П.<оследних> Н.<овостей> Операции делать не буду. С Зиной я в контакте — и по ее просьбе просил в Nouv.<elles> Lit.<téraires> отослать ей обратно пушкинский матерьял, который она им в свое время послала. О Кирилле я спрашивал ее в двух письмах, но она еще ничего не ответила.

Те же слухи дошли и до меня — и я не сомневался, что они доползут до Берлина: морды скользкие набить их распространителям! От старца слышал другую версию: что у меня роман с Берберовой. У Кокошкиных действительно бываю довольно часто — и они обе милейшие — подчеркиваю: «обе». Каждое мое действие, высказывание, жест, выражение лица подробно и недоброжелательно комментируется в здешних литературных и полулитературных кругах. Вот пример — из наиболее невинных. Как-то между свиданием в Revue de Paris и обедом у Кяндж.<унцевых>

или Кокошк.<иных> я, не зная, куда деться (шел могучий весенний дождь), сел в кафе на Champs Elysée<s> и заказал чашку шоколада. Случайно там оказался Алданов, мы посидели вместе и потом пошли до Place de la Concorde (я под зонтиком, а он в котелке, дождь так и льет с краев котелка), причем я его подробно расспрашивал об исторических ассоциациях площади (о месте, где казнили короля, о зданиях, сохранившихся с тех пор). Результат: на следующий же день до меня доходит слух: Сирин по ночам (!) пьет из снобизма или извращения (!!) шеколад в кафе (т. е., дескать, не Pernot <sic> или другой аперитив, как честный писатель) и из надменного презрения ко всему игнорирует достопримечательности Парижа. Мне в конце концов наплевать на гадости, которые с удовольствием говорятся обо мне, и думаю, что и тебе следует наплевать. А с тобой я считаюсь и буду считаться. Вообще, I pull people's leg a good deal, и это мне не прощается. Жизнь моя, любовь моя, you are part of me and you know it perfectly well. Целую твои руки, твои милые губы, твой голубой височек.

В.

205. 21 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, отсюда ничего нельзя сделать, с аэропланом-то; нужно из Берлина; есть сравнительно удешевленное aller-et-retour, но это же не годится! It is very complicated — не говоря о том, что, может быть, уже 27–28-го соберусь в Лондон, а сегодня уже 21-ое, когда же это все будет и как же можно тебе с мальчиком жить в гнусном Софином отеле, а пока найду что-нибудь здесь… нет, это не выйдет! Меня мучительно взволновало твое письмо, ибо уже заране знаю, что ничего из этого не получится и придется еще 17 дней ждать. Но вот что, может быть: узнай разницу (денежную и часовую) между поездкой в Тулон через Страсбург и поездкой в Тулон через Париж. Если она в обоих случаях небольшая, то поезжай через Париж — теперь же, так чтобы я мог вас повидать хоть entre deux gares, и следуй прямо в Тулон — ведь лучше там меня ждать из Лондона, чем в Париже. Но только завтра я буду знать пансион в Фавьере (и тогда сразу тебе

напишу). My love, I am terribly worried about your plight, воображаю, какая это мука, такая жизнь у поганцев. Все-таки я думаю, что нужно не селиться (без меня) в Париже, а уж лучше ехать прямо тебе в Фавьер. Я люблю тебя, жизнь ничто без тебя — and well, if you are plucky enough, рискни, выезжай теперь же.

B.

А может быть, у Елены Львовны можно остановиться? Или у Анны Натановны? Узнать?

Я ~~тебе об аэроплане ответил во вчерашнем письме, так что не посылаю это авионом~~[127].

Сегодня я два часа писал, два часа диктовал и потом был у Роша и три часа работали. Целую тебя и моего упоительного. Have you things for the plage? Синие штаны, длинные?

---

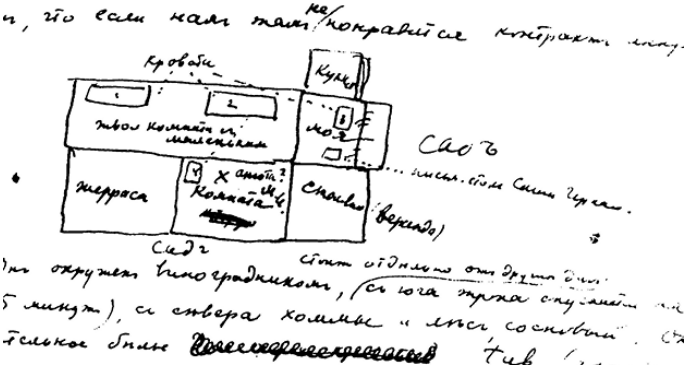
[127] Сноски: 127

Предложение написано на левом поле открытки и вычеркнуто рукой Набокова.

206. 23 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Спасибо, жизнь моя обожаемая, за поздравленьице и за «Mercury» (кстати, читала ли ты очаровательную штучку о Вагнере в Lit.<erary> Digest?). Провожу день рождения так: завтракаю у Татариновых, затем — солнце, затем еду к Sylvia Beach, затем в Candide с Дусей, затем к Leon, а если успею, к Добужинскому, который пишет мой портрет, а вечером придется пойти на чтение Ладинского. Жду из Лондона вестей, но оттуда тянет холодной тишиной — боюсь, что моя книжечка is anything but a best-seller. Может быть, уже были рецензии, но я английских газет не покупаю.

Любовь моя, насчет Фавьер: жребий брошен, дом снят (с условием, что, если нам там не понравится, контракт аннулируется).



Кровати: 1, 2, 3, 4. Твоя комната с маленьким; моя; письменный стол Саши Черного. Анюта? Комната М.<арьи> И.<вановны> Кухня. Терраса. Сад. Столовая (веранда). Сад.

Voilà. Он окружен виноградником, стоит отдельно от других дач, с юга тропа спускается на пляж (5 минут), с севера холмы и лес, сосновый. Она дает постельное белье, *tub* (говорит, что новый), всю нужную посуду. Ключи у фермерши-соседки, которая будет нам стирать (причем простыни стирать на имя Марьи Иван<овны>, которой она считает вдвое дешевле). Матрацы — новые, специально для нас. Мясо доставляет дважды в неделю мясник, оставляя его у фермерши (Mme Angele Montarard). У нее же, вероятно,

можно будет нанять девочку для уборки — хотя там убирать крайне просто, — каменный пол, покрытый циновками. От солнца и песка все по-морскому чисто. Дом, вообще, в чистом, хорошем виде. Все продукты берутся на пляже в épicerie Грудинского. Теперь так: въехать можно немедленно (8 мая), но, может быть, чтобы хоть неделю не заниматься нам кухней, будем первые дни столоваться рядом, в пансионе Елены Ив.<ановны> Гольде, там хорошо и дешево. Электричества нету, но там темнеет (уже в мае) не раньше половины десятого, ложиться будем рано и вставать рано, как все там делают. На террасе большой фонарь, керосиновый, и несколько в доме керосиновых ламп. На угловой веранде (столовой) кран, воды сколько угодно. На кухне — духовка, примус и спиртовка (вообще, это единственное неудобство — отсутствие газа)[128]. За четыре месяца (т. е. от 8-го мая до 15-го сентября) она берет тысячу шестьсот франков (которые можно платить, когда и как нам удобнее); с условием, однако, что в июле она на два месяца приедет и поселится в комнате, отмеченной крестом (she is a very good soul, обожает детей, — и вообще,

[128] Сноски: 128

Над словом «газ» поставлен крестик, от которого проведена стрелка к тексту в квадратных скобках в следующем абзаце.

будет только удобнее от ее присутствия). Теперь так: на жизнь нужно считать еще семьсот франков в месяц — по ее широкому расчету, да еще пятьдесят на дрова[129] и керосин, так что tout compris месяц будет нам стоить 1350–1400 фр.<анков> (из них половину будет Виктор зарабатывать — по крайней мере). Отсюда поезд отбывает в половину десятого вечера и приходит в Тулон в половину девятого. Автокар довозит нас до Lavandou, а оттуда четверть часа таксомотором (25 фр.<анков> с багажом).

[129] Сноски: 129

Это слово тоже помечено крестиком, отсылающим к тому же пояснению в квадратных скобках.

[Нет, устраивается это так: нанимается плита и бидон газа («Buta-Gaz» — совершенно, кстати, безопасный, так как даже если потечет, то стелется по земле тонким слоем). Это стоит 25 фр.<анков> в месяц; привозят и ставят из города, так что ни дров, ни возни не будет.] Любовь моя, любовь моя дорогая — и уже почти воплощающаяся! Да, 6-го или 7-го я уже буду здесь — если ты думаешь, что менее утомительно для тебя проехать через Париж, то встретимся здесь[130], — но я все-таки считаю, что лучше тебе прямо ехать в Тулон. Я, кстати, узнаю и напишу тебе часы отхода поездов из Берлина и цены. Сегодня строго деловое письмо, и спешу его отослать. Помни, что уже *никаких перемен я не потерплю, что домик снят и что он хорош и дешев*. Дешевле нигде устроиться нельзя, а климат там дивный and the little one will paddle to his heart<'s> content. Завтра напишу Анюте. Не поедет ли она с нами? Целую тебя без конца, мое счастье. Купил тебе чудную краску для губ.

В.

---

[130] Сноски: 130
От этого слова проведена стрелка вверх к числу 7.

207. 26 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Моя дорогая любовь, карточки — чудные! Thanks my dear love. Сижу в угловом нашем кафе, на солнце, меня бесит и мучит, что ты не видишь со мной вон ту улыбающуюся липу, сияние пешеходных гвоздей, рубин моего дюбоннэ. Вместо окончательного решения я получил сегодня от Глеба дурацкую вялую открытку с сообщением, что у него нет лишних два фунта, чтобы снять зал; Виктор же просто боится ему их послать, ибо он их растратит. Ссылаясь на то, что об «Отчаянии» не появилось еще ни одного отзыва, Струве виляет, задумывается и предлагает сосредоточиться на Саблине, вследствие чего я пришел в такое бешенство, что едва не послал ему соответствующего письма. С другой стороны, я от Саблина до сих пор не получил ответа — говеет, должно быть. Проект же поехать пораньше, 28-го, чтобы сговориться с Liberal Club, и вовсе лопнул, по-видимому. Подожду еще три дня и, если ничего нового не будет, попрошу тебя не медля

выехать, мое счастие, так чтобы уже к первому быть в Favières. Напишу тебе о поездах. Глебу сегодня пишу, чтобы он хоть русский вечер попытался бы дельно устроить, снесясь с Сабл<иным>, и, кроме того, — английский вечер в частном доме, но никаких залов. I feel quite miserable. Главное, что если теперь Англия не выйдет, то незачем было так откладывать твой приезд. Буду еще говорить завтра с Саблиной. Мне кажется, что все-таки можно все усилия приложить, чтобы эта поездка в Лондон состоялась.

Провел приятнейший вечер с Jules Superv.<ielle> Был у Fayard, взял экземпляры «Course» и предложил им перевести «Despair». Jean был очарователен и обещал скорый ответ. Докончил с Roche «Фиальту» — вышло великолепно. Добужинский сделал мой портрет — по-моему, похоже. Видел Люсю, Sylvia, Ridel, Эргаз. В пасхальном номере мой отрывок, а в мае имею право дать три, так как в этом был только один. У меня прямо сердцебиение делается, когда думаю о нашей встрече. Ты. Тебя. С тобой. И мальчика моего целую, — и Анюте привет.

Перо забастовало[131].

---

[131] Сноски: 131
Написано карандашом.

B.

208. 26 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, я зря послал тебе вчера паническую открытку. Все устраивается. Только что получил милейшее письмо от Саблина с назначением вечера 5-го мая, так что уже 6-го удастся вернуться. Даже если Глеб так и не устроит английское (3-го мая), то все равно стоит поехать. Я послал им список адресов и написал всем своим друзьям в Лондоне. Поеду 30-го или 2-го. У Haskell мне придется жить в гостиной. Все хорошо. Мне нынче весело, оттого что я тебя меньше чем через 2 недели увижу, моя любовь. И его. Об Анне Нат.<ановне> я написал только потому, что она сама в свое время мне это предложила. Если ты все-таки хочешь проехать через Париж, то к 6-му или 7-му постараюсь найти тебе помещение. I want to get sea-and-sun things for you, но не знаю размер и т. д. — меня это мучит! Сегодня вечер памяти Замятина (читаю там по-французски «Пещеру» его) в частном доме, — у дамы, которой посвящена «Синяя звезда» Гумилева. То, что у Люси, — остается неприкосновенным. Люблю тебя. Чудеса экономии. Но вот только на переписку уходит много. Потолстел, говорят, загорел. Как мечтаю о том, что ты будешь отдыхать. Все очень хвалят ее — нашу — дачку. I kiss you.

В.

Бедный, бедный Клем Зон. Зека видел, как он упал. Ses ailes, ses pauvres ailes…[132]

Дорогая моя Анюточка, мне грустно, что ты плохо себя чувствуешь (даже Анна Макс.<имовна> об этом писала) и что столько суеты и неудобств. Огорчает меня и то, что не знаю (и никто не знает) твоих планов. С Люсей я подробно обсудил вопрос дачки и взял ее. Едешь ли ты во Францию вместе с Верой? Сколько рассказов у меня есть для тебя! Обнимаю тебя, будь здорова, соскучился по тебе очень.

В.

---

[132] Сноски: 132
Написано «вверх ногами» на верхнем поле открытки.

209. 27 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, хорошо, я согласен. Мне не под силу длить эту шахматную игру на расстоянии — и сдаюсь. Твое здоровье, свидание с мамой и, что грех<а> таить, возможность спокойно сочинять «Дар» — вот что перевожу на передок сознания. Но мне безумно жаль Фавьер (с Черной я условился, что дам ей окончательный ответ письменно, так что благополучно). Теперь так: боясь новых перерешений de ta part, не рискую сегодня писать маме о визе для меня (я был в чешском консульстве, и там без этого мне визы не дают, т. е. это продолжается 3 недели). Поэтому, — если решено ехать в Чехию, — немедленно, сейчас же (а то до 7-го не получу) напиши ей, чтобы она пошла в министерство и чтобы визу мне послали сюда (так как у нас скоро будет здесь перми перманан, то беспокоиться о паспорте нечего — хотя, действительно, придется его, может быть, послать из Чехии Маклакову). Ты же выезжай без отлагательств. I am furious with you, but I love you very dearly.

B. [133]

Не понимаю, почему нельзя жить у Черной,

---

[133] Сноски: 133
Дальнейший текст написан на обороте открытки.

столуясь в пансионе рядом. Продолжаю думать, что это единственно разумное. Так что никакого особенного хозяйства вести не нужно. Нелепо покидать Францию, когда все на мази, а так меня опять здесь забудут и все нужно будет сначала. Ради Бога, подумай еще. С хозяйством устроимся, уверяю тебя. Но делай, как хочешь.

Ни о каких других французских курортах *печься не буду*.

210. 29 апреля 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя, моя английская поездка окончательно провалилась. Струве вяло лепечет вместо ответа насчет английского вечера, а (после определенного своего приглашения) Саблин спохватился и через жену передает, что ехать рискованно — пасха и коронация. Не могу тебе передать, в какое состояние раздражения меня привели все эти переговоры. К чорту. В конце концов, этот идиот полтора месяца водил меня — и себя — за нос. Я бы никогда не подумал о второй этой поездке в Лондон, если б он не организовал первую так хорошо. А ведь тогда он это делал даром, а теперь я предлагал ему участие в прибое. К чорту. Мне интересно, что дальше будет, то есть сколько еще времени ты будешь решать, куда тебе ехать, и, в случае окончательного и бесповоротного (иначе было бы *преступлением* опять поднимать маму) решения ехать в Чехию, как долго мне придется здесь ждать чешскую визу.

Завтра напишу тебе подлиннее — мне слишком беспокойно сегодня, и только тогда успокоюсь, когда ты (нынче вечером, надеюсь) напишешь, что собираешься в путь.

Still, I adore you, my sweet darling. Обымаю <sic> маленького моего.

B.

211. 1 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Любовь моя и радость, полагаю, что это наконец решение окончательное и что ты действительно послезавтра пустишься в путь. Жду визы и готов выехать. Еще раз повидаю Родзянко и Маклакова по поводу паспорта, — но уверяю тебя, что твое волнение совершенно зряшное. Чтобы не забыть: брать ли мне с собой такие вещи, как смокинг или зимние штучки для мальчика (тети-Нинины)? А ораву книг? Пять экземпляров «Despair», два «Course du Fou», три «Отчаяния»? И сколько экземпляров взять у Люси? Ответь мне на все это.

I am wildly happy at the thought of seeing you — and him — (and mother) so soon. Помни наши даты: 8-го и 10-е. Получу ли визу до тех пор?

Вечер памяти Замятина был наряден, многолюден и чуточку «мимо», — как, впрочем, сам Замятин был «мимо». Я прочитал по-французски «Пещеру» (вполне приличный перевод), а Бунин, по-русски, скверно-лубочный расска-

зец о красноармейце (знаешь, — расстреливает старух, а воробышка — «махонького» пригрел: ‘амславная пошлятина). Какой это неприятный господин — Бунин. С музой моей он еще туда-сюда мирится, но «поклонниц» мне не прощает.

Был в гостях у Mme Ridel: вид из окон на торжественно-оформляющуюся, штукатурно-шутовскую (но освещенную бескорыстным весенним солнцем) безвкусицу Выставки. Над этими продажными и эфемерными зданьями Эйфелева башня стоит и смотрит, как старая «сводня на шашни молодых блядей». А у меня, мое счастие, последнее время бродят стихи в голове, но ничего не могу досочинить.

Чернота соблазнительной Сены;
драгоценные слезы огней;
листья лип и зеленые вены
в театральной тиши фонарей.

В кинематографе видел ужасное, пронзительное падение «человека-птицы» — и какой-то звон долго не давал мне покоя.

Клем Зон, Клем Зон, что было накануне?
В гостинице какой ты видел сон?

…А завтра Лондон, Амстердам – в июне…

Не так ли ты рассчитывал, Клем Зон?

А кроме того, рассказ вертится. Вообще, последнее время оживаю в этом отношении. Вторая глава «Дара» продумана до запятых.

Ильюша истово ходит в церковь (и уже 57 дней — Владимир Михайлович отмечает каждый раз в календаре — не принимал ванны). Обижается (и ужасается) на меня, как на афея. Я сказал, что к заутрене не пойду, потому хотя бы, что, когда вхожу во храм, — тухнут все свечи. Вера Николаевна иначе меня не называет, как безбожник. Tout ça est très rigolo.

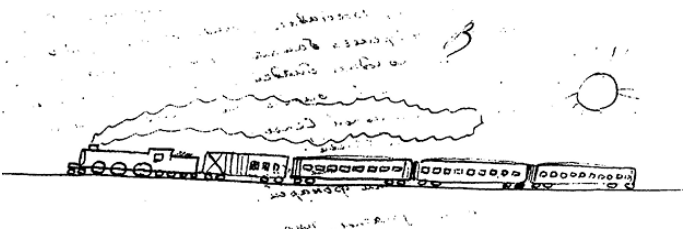
Из Англии продолжаю получать письма, отговаривающие приезжать. Bourne прислал мне бланк для американского copyright. Заполню и пошлю, — нужно приложить 2 доллара. Он же прислал мне выдержки из семи рецензий. «Outstanding quality». «Undoubted distinction». А один журнал написал, что этот роман приобщает меня «to the small number of world humorists!». Пожалуй, это самое верное, что вообще написано обо мне.

Сегодня иду слушать в единственном числе

чтение стариковских мемуаров — вторую часть. Уже одну главу этой второй части он мне както прочел. Обивал пороги редакций (Candide, Revue de Paris, Nouv.<elles> Lit.<téraires>) все эти дни, — хотелось бы, чтобы выяснилось что-нибудь до моего отъезда. Купить сачок?

Я люблю тебя. Да, уж конечно — поедем во Францию после Чехии. Ох, боюсь, моя радость, что в твоем курорте будет дорого, дождливо — и что будем жалеть о гибели Фавьер… Душенька моя, душенька моя! Сколько еще — неделя? 10 дней?

В.



212. 3 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

Душенька моя, от тебя который день нет ничего. Где ты? Что ты? По моим расчетам, ты уже выехала. В следующем письме подробно напишу тебе о пасспорте <sic>. Очень мучительно не знать даже приблизительно, когда получится моя виза. I love you, my dearest. Знаешь, мой отрывок (путешествие по Китаю) имел совершенно «исключительный успех». Зато пошлый кретин Пильский в пространной статье обиделся на мой «Дар», говоря, что «ничего не понял в нем» и «не представляю себе, кто может понять». Вообще, статья — перл тупости. Готовлю новый замаскированный отрывочек — история с Пушкиным. Ем бесконечное количество разных пасок — у Ильюши, Татариновых, Кокошкиных, Рудневых, Вишняков и т. д. Опять возникает идея tub'a. Не купить ли, а? Каштаны цветут — целая иллюминация цветов, — сирень тоже цветет, теплынь, комары, давно хожу без пальто. Хотел бы тебе привезти пижамку — умоляю, скажи мне размер! Безумно хочется писать и безумно надоело жить без тебя, без него. Напиши поскорее! Знаешь ли ты, что от грязевых ванн очень худеют и что после них нужно «поправляться» ailleurs? Целую тебя, моя душенька…

B.

213. 5 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Берлин, Оснабрюкерштрассе,* 21

My love, любовь моя милая, отмечу, что в твоем последнем (otherwise, delightful) письме нету ни слова о твоем отбытьи.

О пасспорте <sic>: разумеется, я беру перми и для тебя, и для себя (Родзянко, кстати, хорошо помнит Евсея Лаз.<аревича> Это грузный, широкоплечий мужчина с бородой и черными очами, — он приходится Мар.<ии> Павловне племянником). Меня очень беспокоит, что до сих пор не получил это разрешение (дающее сразу право на «французский» пасспорт <sic>), ибо прошение я подал еще в феврале, а в марте узнал, что дело в ходу и оборачивается благоприятно. Сегодня Родзянко отправился по этому делу в Сюртэ, и завтра я должен с ним опять говорить. Если бы мы, как предполагалось, поехали в Фавьер, т. е. пребывали во Франции, все вообще было бы очень просто — спокойно ждали бы это перми. Если же до отъезда его не получу, то придется паспорта послать сюда из Чехии. В пятницу по-

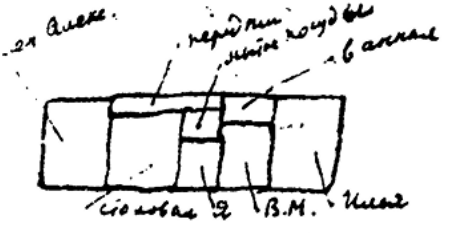
теку в чешское консульство (говорят, что не беда, если виза опоздает на два-три дня против срока). Меня безумно волнует, что я не знаю ни куда, ни когда ты едешь, ни куда, ни когда ехать мне (эти «ни» получили двойную нагрузку, как видишь). Неужели ни 8-го, ни 10-го мы еще не будем вместе? Please, hurry up, ty love! I've had quite, quite enough of this separation. Ни слова от мамы, — что тоже меня сильно беспокоит. Очень ясно вижу твою встречу с Леной.

Сегодня буду вечером диктовать Раисе в машинку «Printemps à F.<ialta>», которую Denis Roche очень старательно и неразборчиво переписал, как старый француз, от руки. Глебу я написал так, между прочим: «искренне благодарю вас за вашу энергичную и дальновидную помощь». Дурак, боюсь, не обидится. Мой «Дар» гремит. Руднев мне сделал маленькую сцену, что я поместил отрывок без спроса. Успею ли я сдать ему вторую главу до 1 июля? Все зависит от того, когда я отсюда выберусь (ибо здесь я совершенно не способен работать, хотя замыслов тьма, — и еще сегодня сделаю попытку хотя бы начать задуманный рассказ). Завтра встречаюсь с Люсей — который, как водится, будет мне задавать вопросы, на которые лучше меня знает ответы. Как-то он мне

звонил, спрашивая, не могу ли я с ним немедленно встретиться, чтобы ему одолжить сто франков, которые у него просит знакомый, а потом через четверть часа позвонил вновь, чтобы отменить, — я так и не понял, в чем, собственно, дело. Some subtle move, I presume. Хорошо, — сеточку не буду покупать, но зато tub — непременно, правда? Мне делается душно от счастья, когда думаю, как увижу тебя и маленького моя <sic>. Целую моего маленького. На ручки беру моего маленького. Маленький мой! Душенька мой! Три столетья с половиной прошло с тех пор, как я его водил гулять, — по улицам, которых никогда в жизни больше не увижу.

Демидов, этот бородатый глист, со мной холодно-любезен — зато П.<авел> Н.<иколаевич> несколько «отошел» после моего последнего contribution, — а то воспринял моего Черныша как личную обиду, ибо сам сейчас занимается той эпохой. (Сейчас был звонок телефонный. Иван. «Хотя вы, дорогой, все это и списали откуда-то — но прекрасно!») Зеку вижу очень редко. Он кисл и как-то потерян. Взял у Раисы серебряную вазочку. Желтые башмаки отдал в починку — разинулись. Люблю тебя, моя жизнь.

B. [134]



[134] Сноски: 134

В левом нижнем углу страницы Набоков нарисовал план квартиры И. И. Фондаминского, обозначив на нем следующие помещения и комнаты: Елен. Алекс.; столовая; я; В. М.; Илья; передняя; мытье посуды; ванная.

214. 7 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

My darling, есть пытка водой, но есть и пытка присутственным местом: после ужасных блужданий по оным получил наконец carte d'identité, по которой тотчас взял и французскую визу aller et retour (так что чешскую поставят уже безусловно). Однако, как следовало ожидать, русское ведомство ошиблось: она годна только для меня, т. е. для тебя тоже готова, но ты должна лично за ней прийти[135] (и по ней могу тотчас получить французский нансеновский паспорт). Тебе ж придется либо — впрочем, я тебе еще это напишу, — во всяком случае, тревожиться тебе не о чем (буду в понедельник об этом еще говорить с одним специальным человечком). Если же вообще мы намерены *до* 7 июля переехать во Францию, то все совсем просто: за несколько дней до истечения тебе поставят визу французскую. Можно и чешское правожительство

[135] Сноски: 135

Эта фраза приписана в верхней части открытки, к ней проведена стрелка от слов «для меня».

без труда добыть, для трамплина. Меня безумно волнует, как ты доехала. Боже мой, мое счастие, как я рад, что ты выбралась! Получил от Анюты милейшее письмо и сегодня выслал тебе 500 кр.<он>

Третий день хожу с дикой *(дикой)* зубной болью. Пришлось пойти к дантистке и убивать нерв. Думаю в среду или четверг выехать в Прагу. Жду от тебя письма! Завтра восьмое — и мы в разлуке. Скорее, — я больше совсем не могу! В понедельник попытаю чешское консульство. Как ехал мой маленький? I am tremendously happy you are in Prague. Как ты нашла маму? Целую ее. До очень скорого, my own darling…

215. 10 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

Мое дорогое счастье, я очень беспокоился, твоя открыточка пришла только сегодня. Я хочу подробностей, как он ехал, маленький мой, трехлетний, как встретился с мамой, узнал ли ее по портрету… Я даже не знаю, где ты остановилась. Как долго, собственно говоря, продлится высылка мне визы? Я хотел бы выехать в четверг. Боюсь, что ты взволнуешься насчет своего паспорта, но надеюсь, что через бонома, которого завтра увижу, можно будет это как-нибудь урегулировать. Во всяком случае хорошо, что я успел добыть свой перми. Ты ж на всякий случай узнай насчет чешского правожительства. Или до 7 — VII приедем сюда?

Получил одновременно известие от Галимара, что они читают «Despair», и известие от Albin Michel (через Дусю) очень отрадное: их читатели дали блестящие отзывы, так что есть все шансы, что Albin книгу купит. Быть может, этой фразой я толкнул счастие под локоть и уже все расплесну-

лось. Посмотрим.

С «Фиальтой» бесконечная возня: Рош переписал не только очень неразборчиво, но еще наделал новых ошибок. Сдам вещь только во вторник. Эта переписка, плюс префектура, плюс зловещая зубная боль, которая и сегодня (борьба нерва с мышьяком) то и дело просыпается, потягиваясь и вздрагивая, несколько меня измучили. А главное, я хочу поскорее приехать к тебе, моя любовь… Как я счастлив, что мы разделались наконец с Германией. Никогда, никогда, никогда я туда не вернусь. Будь она проклята — вся эта холодная сволочь. Никогда.

«Наношу» прощальные визиты. Обедал с Буниными. Какой он хам! («Еще бы не любить вас, — говорит мне Ильюша, — вы же всюду распространяете, что вы лучший русский писатель». Я: «То есть как распространяю?!» — «Ну да, — *пиш<е>те!»)* Зато Вера Николаевна хотя придурковата и еще все жаждет молодой любви («Он иногда так груб со мной, — Лёня», — сказала она мне с каким-то гнусным маточным удовольствием о Зурове), но крайне благожелательна и оказала мне много милейших услуг. А Иван с ней разговаривает, как какой-нибудь хамский самодур в поддевке, мыча и передразнивая со зло-

бой ее интонации, — жуткий, жалкий, мешки под глазами, черепашья шея, вечно под хмельком. Но Ильюша ошибается: он вовсе не моей литературе завидует, а тому «успеху у женщин», которым меня награждает пошловатая молва.

Был я только что у Рашели. Сейчас за полночь. Я здорово устал. Милая любовь моя, как я люблю твой почерк, эту бегущую тень твоего голоса… Завтра жду длинного письма. Ласкаю чужих детей — милейшего младенца Иры Б.<рунст>, чудесную девочку Рощиной (он — Рощин — очень симпатичен, — проводил меня вчера к дантистке).

Видался с Люсей, совершенно замучившим меня разговором о carte d'identité. Насколько я понимаю, теперь через два месяца мебель может двинуться в Париж. Так?

Если б ты знала, как мне хочется писать «Дар». Целую тебя много, много, моя любовь. Устал, перо слепнет и спотыкается. Вчера искал тщетно для мальчика открытку с поездом. В одной лавке мне сказал продавец: «Нет у меня с поездами, mais si vous voulez avec de jolies filles…» Какие тут цветут красные каштаны!

В.

216. 10 мая 1937 г.
Париж – Прага, улица Коулова, 8

my love to the little man[136]

[136] Сноски: 136

Поздняя приписка рукой В. Е. Набоковой: «От Володи из Парижа в Прагу. 1937».

217. 12 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

Любовь моя, получается какой-то чудовищный кошмар с визой. Я тебе *не писал*, что мне ее ставят, — напротив, я умолял и умоляю как-нибудь поэнергичнее нажать в Праге. Как я н<и> уговаривал чешского консула — трижды всего был там, — мне *не* выдается виза: 1) без запроса, который длится около двух недель, 2) без разрешения из Праги же на выдачу визы, невзирая на то, что паспорт годен *меньше* чем на 2 месяца вперед. Я на всякий случай подал прошение в Прагу (в Мин.<истерство> внутр.<енних> дел), но непременно нужно, чтобы там нажали — и главное, объяснили насчет истечения. Прилагаю записку, куда именно пойти и под каким номером. Все это совершенно ужасно. Главное, что меня сейчас беспокоит, это вопрос Франциенбада. Душенька, любовь моя, я больше не могу здесь торчать, это становится застенком — эта разлука, — и я хочу, чтобы ты отдыхала, а не волновалась так. Ты же не можешь ехать во Фран<циен>бад без ме-

ня, одна с мальчиком, это же не отдых будет, а продолжать жить в Праге тоже, вероятно, утомительно, да и дорого. I have set my heart on going to Prague and Fran-bad — и теперь отказаться от этого не могу и не хочу. Пожалуйста, сделайте *все*, что можно, в смысле нажатия в Праге, а я со своей стороны попытаюсь все-таки добыть франц.<узский> нансен.<овский> пасп.<орт>, который до истечения этого, гнусного, не выдается. I cannot tell how utterly miserable I am and how I long to see you, жизнь моя. Только не делай ничего бестолкового и не выезжай во Францию, покуда не будет совершенная уверенность, что никаких нет сил в мире для получения мною чешской визы. Высылаю тебе еще 500 фр<анков> — I adore you, все это бессмысленно и так мучительно, словно судьба prend plaisir мучить нас. Душенька моя дорогая, бесценная, солнышко мое, умоляю попытаться устроить мой приезд!

Прибавь к моему состоянию ежедневное хождение к дантистке. Well, well, this hell must end soon, I suppose. Напиши скорее, моя любовь.

В.

Маму целую.

Я еще попытаюсь завтра получить в немецком консульстве продление паспорта. Если разреше-

ние в Праге будет, то хорошо бы его выслать сюда телеграфно.

218. 13 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

Душенька моя, я сунулся сегодня к немцам, но единственное, что они могли предложить, это поехать в Чехию через Берлин и там продлить паспорт, — ерунда, конечно. Завтра иду во французскую инстанцию через Маклакова, для немедленной добычи фран.<цузского> нанс.<еновского> паспорта. Жду от тебя известия насчет чешской визы. (Пишу из ресторана, — меня что-то перестают понемногу приглашать, и сегодня мне это влетит франков в 10.) Кажется, никогда в жизни я не был в таком состоянии раздражения, уныния и мучительной нерешительности. Если окажется, что нельзя *тотчас* же получить фран.<цузский> пасп.<орт> и что, с другой стороны, из Праги мне не могут прислать визу — без этого идиотского запаса в 60 дней, — то попрошу тебя выехать сюда. Советовался с Люсей — он советует еще похлопотать. Cela devient ridicule — наша разлука. Мальчик мой меня уж не узнает, пожалуй. А тебя я только во сне

ясно вижу, моя любовь.

Завтра пломбируется зуб — а если будет время, придется вырвать *два* корня — распухла и гниет десна. Сегодня вечером я у Калашникова, которого встретил в метро. Не могу тебе сказать, как мне страстно хочется приехать в Чехию. Послал тебе вчера 750 крон. Счастье мое…

В.

Маму целую![137]

[137] Сноски: 137
Приписка на верхней части открытки.

219. 14 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

My darling, не надо ко мне писать этих сердитых писем. Я делаю все, что могу, чтобы выбраться отсюда, — но и ты пойми, что без разрешения из Праги никаких виз (ни курортных, ни иных) чехи мне не дают. Маклаков написал здешней чешской шишке, чтобы все-таки мне визу поставили, но до понедельника я все равно ее не получу. Je ne fais qu' обивать пороги присутственных мест, ибо нужно: 1) либо чтобы чехи мне поставили визу, несмотря на недостаточный и все сокращающийся срок годности немецкого паспорта (ибо французское aller et retour дано мне лишь в пределах этого срока), 2) либо чтобы мне выдали франц.<узский> нанс.<еновский> паспорт — для чего буду сегодня в Sûreté. Умоляю тебя еще потерпеть несколько дней — и не делать глупостей вроде возвращения в Берлин. Если куда ехать, то, конечно, сюда. Но я уверен — по крайней мере, мне так обещали, — что в начале будущей недели я наконец приеду

в Прагу. Письма твои только усиливают страданье. Меня невыносимо и так волнует твое положение — главное то, что ты, по-видимому, не едешь в Франциенбад — да и как же тебе ехать одной. Наши письма превращаются в какие-то канцелярно-волокитные отчеты, а я обожаю тебя и сам с ума схожу от этой задержки. Пожалуйста, не пиши мне так, моя любовь, мое счастие.

В.

220. 15 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

Счастье мое бесценное — до которого теперь, кажется, дорвусь наконец. Телеграмма пришла вчера avec une allure de ласточка. Сегодня уже в десять часов (в субботу закрывается раньше) был в чешском консульстве. Оказалось, что виза еще не пришла, хоть и выслана. А отмечен ли при ее высылке недостаточный запас моего паспорта? — ведь она выслана не в ответ на специальное мое прошение по этому поводу, а по прежним хлопотам маминым? Или все-таки это указано? Я просил это особо отметить и послал номер дела. Из консульства ринулся в чешское Légation с письмом от Макл.<акова>, которое писалось четыре дня (!) к посланнику, но его не оказалось тоже, так что буду и у него, и в консульстве только во вторник утром — и если получу, то во вторник же выйду в Прагу. Видел сегодня во сне, что по тротуару ко мне идет мой маленький, почему-то с запачканными щеками, в темном пальтеце, я его спрашиваю о себе: «кто

это?» — и он в ответ: Володя Набоков, с хитрой улыбочкой. С зубом покончено сегодня — временная пломба на два-три месяца, а корни изъять уже не успею. Опухоль несколько спала от полоскания ромашкой. Дорогая моя душенька, я, в общем, очень смутно знаю, как тебе живется в Праге, чувствую, что тебе страшно неудобно и неспокойно, — сообщение о клопе многое мне сказало. Бедная моя любовь… Вчера я часа четыре провозился в Sûreté, и там обещали к… четвергу устроить мне возможность франц.<узского> паспорта, но, конечно, если во вторник получу визу, ни *одной секундой дольше здесь оставаться не буду* — да и не верю больше этим обещаниям. Я вконец замучен всей этой бессмысленной пыткой, — а еще более мыслью о твоем волнении, о твоем ожидании. Насчет денег: у Люси имеется 3100 фр<анков> и 105 фунтов. Из них я взял 1100 фр<анков> для посылки тебе, дважды (добавил из имеющихся у меня). Кроме этого, у меня еще есть фунт серебром и двести франков. Доберу, вероятно, что нужно, на билет, не трогая фонда.

Сегодня умная рецензия Ходасевича на «Дар». Он был у меня на днях. Вечером сегодня иду в русский театр на первое представление «Азефа». Работал все эти дни над «Printemps à F.<ialta>»,

чтобы ее довести до совершенства, — и кажется, этого добился, но миллион поправок, и все это приходится три раза делать. Продолжаю ежедневно озаряться — и в общем, вылечился, — знаешь, могу тебе теперь прямо сказать, что из-за мучений — неописуемых, — которые я до этого лечения, т. е. в феврале, испытывал, я дошел до границы самоубийства — через которую не пропустили из-за тебя в багаже. Любовь моя, неужели я скоро тебя увижу. Четыре дня, если судьба не подведет. Моя дорогая любовь, ручаюсь тебе, что ты хорошо отдохнешь и что вообще жизнь будет легче и проще. С Ильей и В.<ладимиром> М.<ихайловичем> мы еще больше подружились — они удивительно <пропущено слово>. И не говорю, как я обязан Коган-Бернштейн, которой я был бы должен свыше 5000 фр<анков> (!), если бы она хоть копейку у меня брала. (100 фр<анков> — сеанс, обычно!) Try not to worry to<o> much, my love. We shall soon be together, any way. Скажи маме, что я ее целую и не пишу ей, потому что вся моя эпистолярная сила уходит на тебя.

221. 15 мая 1937 г.
Париж – Прага, улица Коулова, 8

nabokoff koulova 8 dejvici =

saturday not here yet till tuesday closed+++

222. 17 мая 1937 г.
Париж, авеню де Версаль, 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

My darling, мне стало покойнее после твоей и маминой вчерашней открытки. Завтра наконец вторник — иду по визу, как на экзамен. Второй день привожу свое имущество в порядок — я оброс письмами, рукописями и книгами, — не говоря о запутанных отношениях с прачкой. Сегодня в Hotel Meurice у меня свидание с Флорой Григ.<орьевной>, едущей уже завтра обратно в Лондон. Представление третьего дня было прескверное. Душка моя, how wildly happy I am to see you. Целую моего маленького.

В.

Мамочка моя дорогая, если завтра наконец разрешится эта кошмарная канитель, то в среду вечером или четверг утром буду у вас. Просто не верится, что тебя так скоро увижу после всех этих лет. Правда, хорош мой мальчик? Обнимаю тебя, и Е.<вгению> К.<онстантиновну>, и Ростика. Люблю тебя.

В.

223. 18 мая 1937 г.
Париж – Прага, улица Коулова, 8

nabokoff koulova 8 dejvici

=viza obtained starting wednesday <e>vening+++

224. 19 мая 1937 г. *Париж, авеню де Версаль,* 130 – *Прага, улица Коулова,* 8

Любовь моя, я выезжаю в четверг <в> 10 часов вечера и (через Швейцарию и Австрию) приезжаю в Прагу в субботу (!) в 6.20 утра (!!) Wilson, *не* встречай, конечно!![138] Мне *невозможно* ехать иначе — по соображениям, которые потом тебе объясню. Как я счастлив, моя душенька! Вчера метался между посланником и консулом — причем до последней минуты томили, а сегодня между Швейц.<арским> консульством и австрийским. Потом Люся томил. Я бы выехал нынче вечером, да не выходит. С Флорой было приятнейшее свидание. Она предлагает 20 ф.<ранков> в месяц на шесть месяцев, начиная с любого времени. (Пишу в дешевом, шумно-тесном ресторане, очень неудобно.) Еще уйма мелких дел. I love you, I am happy, everything is all right. У Иды только что погиб муж в автомобильном crash. Люблю тебя, мой ангел.

---

[138] Сноски: 138

Эти слова приписаны в верхней части открытки, к ним проведена стрелка от слова «утра».

В.

Грохот, несчастный, потный, как градины, лакей, жующие французы. А завтра путешествие к тебе, к маленькому, к маме. Бедный Алданов ходит ко всем и спрашивает, не оскорбительна ли для него рецензия Ходасевича. Смокинг оставляется у Татар.<иновых> Чудный задумал рассказ.

225. 21 июня 1937 г.
Прага, улица Коулова, 8 – Мариенбад, вилла Буш

Понедельник

Душенька моя, я бы тебе написал раньше, но не знал куда и боялся, что если в Egerländer пошлю, то письмо бумерангом вернется. Был я у Кука, был (только что) и в Итал.<ьянском> консульстве. Лучший маршрут по совету Кука таков: из Праги в 7.15 прямым через Linz до Венеции (5.35 следующего утра), там пересадка, и в Ниццу прибываем в 20.23. Можно и иначе: из Праги в 22.40, Венеция 22.15, Ницца 15.46 (т. е. две ночи в пути). И то и другое стоит вторым <классом> 840 кр.<он>, а третьим — 550. По-моему, первый из этих маршрутов во всяком случае удобнее, чем твой, с ночевкой в Вене. Я бы поэтому предложил тебе, моя душка, приехать сюда (в четверг?), переночевать около вокзала и утром в путь (между прочим, я сдуру отдал свой обратный билет контролеру в Праге). Но вот загвоздка: виза транзитная (ее чуть было мне не стукнули, но я решил повременить, чтоб узнать твое мнение)

стоит для нас вместе 188 крон (т. е. столько же, сколько въездная). Я еще узнаю, сколько стоит швейцарская (австрийскую и так и эдак придется брать, сколько бы ни стоила), и если столько же, то придется s'exécuter, хотя это гнусно дорого, — 188. С другой стороны, если швейцарская совсем дешева (она в Париже мне обошлась даром), то лучше ехать через Париж — как ты думаешь? Thiébaut, видимо, идиот; мне хотелось бы поскорее изъять оттуда «Фиальту» и сразу передать Полану для N.<ouvelle> R.<evue> F.<rançaise> или Mesures. Иначе придется либо посылать отсюда другой экземпляр (у меня их три всего), либо написать Денису, чтобы он зашел в Rev.<ue> de Paris, взял и передал Полану (которому, к сожалению, он в свое время докучал собственными изделиями, так что, конечно, это рискованно ввиду капризности Полана). Насчет Дуси ты, может быть, и права, не знаю… но во всяком случае и это надо было бы уладить лично. В Rev.<ue> de Paris я бы передал «Musique», если окажется, что Rev.<ue> de France ее не взяли. Сколько дней ты хочешь пробыть в Marienbad? Отдохнешь ли ты там? Приехать ли мне к тебе? Не выйдет ли это дороговато? Я, между прочим, засел за рассказик, в три дня кончу (для Ильюши, которому пишу).

Письмо к Altagracia поплыло на «Гамбурге».

Из-за починки пути поезд мой запоздал на полтора часа; так что я был в зале уже после восьми, не переодевшись. Можешь себе представить, как волновалась мама! Было полно. Читал «Фиальту» и «Королька». Потом угостили пивом.

Сегодня иду к дантистке. Он все у меня ходит по душе, как по своей постели, мой душенька, мой зайчик. Какая дрожь и обожание… And I can't tell you how sorry I am that you were so miserable, my poor, sweet darling. Люблю и целую тебя и его. Напиши мне скорее, брать ли итальянскую визу, а тебя завтра извещу, сколько стоит швейцарская. Анюточке привет. Мама была очень тронута папиросами, благодарит и целует ее… Толстой, грубой, сумасшедшей Ольге башмаки подошли, хотя она все намекала, что у нее гораздо меньше нога, чем у тебя. Перчатки пригодились маме. Как печень? Достал для тебя Киплинга и Fargue. Душенька моя…

В.

226. 22 июня 1937 г.
Прага – Мариенбад, вилла Буш

Душенька моя, швейцарская виза ничего не стоит (из осторожности я все-таки не взял ее, боясь, что иначе итальянцы не стукнут), так что теперь решай. У меня в кармане 240 крон. А еще нужно платить Рубчику (или как его) 80 крон и додать маме (я ей дал пока 100). Много ушло на мелочи; и таксомоторы в тот бешеный вечер стоили уйм<y>. И я еще не знаю, сколько стоит австрийская. Решай же поскорее: 1) какую визу брать, 2) ехать ли мне в четверг (или даже завтра) в Мариенбад или ждать тебя здесь. Думаю, что сегодня вечером, если пошлешь экспресс, получу ответ на вчерашнее письмо и буду знать, что делать. Хватит ли денег на все? Получил сегодня от Дуси письмо: vous me voyez navrée, но я, мол, уже послала contrat в Franzensbad (мне его еще не переслали). Если подпишу «je porterai les 2000 fr à M'Feigin». Добавляет, что постарается до выхода книжки поместить перевод «à la revue dirigée par Barbey». Вот. Мне не терпится вас видеть и решить, как, откуда и когда едем. Сколько будет нам стоить остановка в Вене? Все визы могу взять в один час. Целую тебя, my dear darling. And him.

B.

227. 3 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

3–iv–39
10 часов утра

Душенька моя,

во-первых, обожаю тебя; во-вторых, совершил приятнейшее путешествие, хотя море было ужасное, невозможно было стоять на ногах, одну старушку грохнуло чуть ли не за борт. Зато от Фокстона до Лондона едешь в великолепном пульмановском вагоне — я все не мог поверить, что это III кл.<acc>

Комната у меня очаровательная, потолок изрисован бабочками, Саблины очень милы — и кажется, мне тут можно будет остаться до конца. Коновалов, думая, что приеду к шести, устроил какой-то обед, не знаю точно, он должен мне еще позвонить. Я звонил к Harris, говорил с его женой Анжеликой Васил.<ьевной>, условились на среду, но она еще позвонит, так как я просил раньше. Звонила Цетлина, сулит свидание с «влиятельной» особой, сегодня в 3 часа. Mollie я не могу

добиться, но еще буду пытаться сегодня утром. Из-за качки я почти ничего не ел в пути, так что много чего привез и подкрепил им завтрак, который здесь «континентальный», т. е. butler (совершенный Jeeves) подает в постель, — чай и гренки с мармеладом. Звонил еще Брайкевич, обедаю у него завтра. Приятно было погрузиться в настоящую ванну. Душенька моя, твои говорящие глаза так и стоят перед мной. Не забудь: 1) снестись с Ильюшей насчет Бердяева, 2) узнать, как перевести деньги маме, 3) послать Priel'y. Я сегодня или завтра к нему напишу. Jeeves что-то делает с моими шляпами, видом которых он был недоволен.

В «Марианне» пять вполне лестных и вполне ничтожных строчек о «Meprise», привезу газету, не знаю, как послать, а если узнаю, пришлю. Целую тебя, моя любовь. Сейчас буду писать печатными буквами:

Митенька мой, пароход очень
качало тошнило меня
и капитана надеюсь
что ты с ебя ведешь отлично,
мое солнышко люблю тебя

папочка

228. 4 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

4–iv–39
10.30

Душенька моя, любовь моя, карточку нашел, — выглянула и улыбнулась.

Вчера был у Цетлиной — все трое уезжают в Париж и «предоставляли» мне свою — очаровательную — квартиру. Я перееду туда, если стану в тягость Саблиным; это так, на всякий случай. М.<ария> С.<амойловна> страшно мило отдала все распоряжения, а мне — ключ. Тут, у Саблиных, в высшей степени симпатично и удобно, так что без принуждения отсюда не двинусь. С Цетлиной мы пошли к Mrs Whale: старая интеллектуальная англичанка, некогда устраивавшая лекции моему дяде, написавшая книгу о «soul of Russia», знакомая с разными писателями и т. д. Буду у нее опять в воскресение. Вечером встретился в кафе с милейшим, обширным Коноваловым (очень похож на толстовского Пьера!), и он мне дал много всяких сведений — показал

образцы референций, прошений, программ — я многое записал, — вообще, он был необыкновенно участлив. Ваканция будет не только в Leeds, но и в Шефильде. Кроме меня, еще два кандидата, один из них Струве, но К.<оновалов> говорит, что Струве неправильно осведомлен, т. е. он рассчитывает на большее жалование, чем на самом деле будет, и, таким образом, менять Лондон на Лидс нет для него смысла. Он полагает, что дело выгорит. Ночью я составил начало русской грамматики для англичан. Кроме всего, вняв моим настойчивым жалобам, он обещал посодействовать в добыче субсидий. Придется обратиться к Baring'у и Duchess of Atholl письмом, подписанным влиятельными лицами — профессорами и т. д., — которых он соберет, — и это же письмо послать в Америку Бахметьеву. Словом, все это вилами на воде, но вода с синевой отраженных возможностей. Сегодня сговорился о встречах с Глебом, баронессой, звонил к Соломон, потому что она просила это сделать (через Цетлин). Сегодня завтракал у Поляковых, встречаюсь на Charing Cross с Mollie, обедаю у Брайкевича. Звонил вчера к О.<се> Бромберг<у>, не застал, оставил телефон, но он не звонил. Попробую сейчас опять. Jeeves попытался выложить мне чи-

стые кальсоны и был удивлен, заглянув в шкап. Люблю тебя, мое драгоценное существо, напиши ко мне, целую тебя.

В.

душенька мой, тут красные толстые двухэтажные автобусы отражаются кверх ногами в мокром асфальте. люблю тебя.

папочка

229. 5 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

5–iv–39

Любовь моя, пора мне от тебя что-нибудь получить. Как быть с пересылкой маме — опять отчаянное письмо от Е.<вгении> К.<онстантиновны> Получил отличный testimonial от Бердяева. Вчера завтракал у Поляковых — он с виду вылитый Муссолини, было много гостей, я не совсем удачно заговорил о Nicholson'е с Lord Tyrrel, который с ним на рыбных ножах. Затем пил чай с Молли и ее прелестнейшим мужем. Она принесла хорошо переписанную пьесу — но в одном экземпляре… Теперь буду звонить Родзянко. Затем обедал у милейших стариков Брайкевич; у них замечательная коллекция картин — особенно — целая россыпь сомовских, которыми я не мог насосаться. Все это громадные концы — и дождь, дождь. Вечером застал у Саблиных Казим-Бека, Биллига и Шувалова. К.-Б<ек> — бойкий брюнет с миндалевидными глазами, очень звал на их парижские чаи. Сейчас иду к Будберг, потом — Струве, потом к Allen Harris, потом — чтение. Обожаю, обожаю тебя!

В.

митенька мой, пришли мне рисуночек. целую тебя

230. 6 апреля 1939 г. *Лондон, Бречин-плейс,* 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

6–iv–39

Любовь моя, вечер прошел очень удачно, заработал свыше 20 фунтов (еще ожидаются поступления), Саблин сказал вступительную речь, которая кончалась тем, что «на его (моем) челе венок не столько лавровый, сколько терновый». Я читал «Лик» и «Музей». Во время перерыва ко мне подошла маленькая пронзительная женщина в пенсне и спросила: я хочу только одно знать — вы получили в свое время мое письмо?.. (помнишь, — в Ментоне получили), — и когда я это подтвердил (со всякими добавочными радушными звук<ам>и), то она добавила: «Больше мне ничего не нужно» — и с достоинством отошла. Фотограф от «Post (something)» [журнальчик вроде «Match»] снимал и меня, и публику, и картины на стенах. Была Ева Luthyens, страшная, старая, но еще тень «chien» осталась. Бромберга не было, хотя я его пригласил.

Утром вчера был у Будберг — она *очень* сердито

и толково отнеслась ко всем моим делам, наметила несколько планов и потребовала «Seb.<astian> Knight» — я ей передал второй экземпляр, — у нее есть отличный издатель, как раз любящий такого рода вещи. В четыре встретился с Глебом. Он откровенно объяснил, что если в Лидсе будут платить больше, чем в Лондоне (т. е. больше 450 фунтов), то он туда переедет. Пэрс предложил туда двух кандидатов: его — и меня. Если так, то и кандидатура лондонская, моя, поддерживается Пэрсом. Если же третий кандидат (англичан, преподающий в Шефильде) получит Лидс, то освобождается Шефильд. Словом, как будто выходит так, что при любой комбинации какое-то место мне достанется. Перса на днях увижу. Струве не хитрит — скорее, хитрит Коновалов. Я *все* узнал насчет прошений, преподаванья, курса и т. д. Перс снесется с Лидсом, чтобы мне устроить там interview (необходимая процедура для кандидата), благо я нахожусь в Лондоне, а то пришлось бы специально приезжать из Парижа. В шесть часов я был на party у Harris'ов, передал ему «Sebastian», блистал по мере сил, — было очень оживленно и мило.

Утром сегодня два часа провел в энтомологическом отделе музея, где люди (каждую строчку

которых знаю по «Entomologist») приняли меня как родного, пригласили работать там, когда и сколько хочу, дали мне в распоряжение все коллекции, всю библиотеку (все это втрое больше и лучше, чем у Herring'а), и я первым делом разобрался в моих лиценидах — причем выяснилось, что моя штука («гибридная» раса) совершенно неизвестна, хотя там представлено *все*, одни расы «Коридона» занимают *четыре* коробки. Только что был нарядный завтрак у Саблиных, с Поляковыми и чилийкой Mrs Marshall. Сейчас (около четырех) должен быть у С. Родзянко, с пьесой, а потом обедаю с Виленкиным.

Получил только что твое дорогое, голубое письмо, мое упоение, моя нежность! Митеньке пишу отдельно. Чувствую себя превосходно. Спасибо, душка, за пижаму и кальсы <sic>, — чудно. Все testimonials плюс прошения и куррикулум будут здесь переписаны в виде отдельной брошюрки. Люблю тебя, люблю тебя, очень люблю.

В.

Завтра напишу Анюте.

231. 7 апреля 1939 г.
Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, *отель «Роял Версаль»*

7–iv–39
2 ч.

Любовь моя дорогая, добыл еще 10 гиней сверх тех 21 фунт<ов>, но они для мамы. Выслать ли ей отсюда (если возможно)? И как обстоит дело с пересылкой парижских? Кажется, предвидятся еще поступления. Английский вечер будет, если Глеб не разложится в последнюю минуту. Вчера отнес Родзянке пьесу, долго у него сидел (в громадной студии, полной его — совершенно бездарных и мертвых — картин), тепло поговорили (причем случайно выяснило<сь> — очень характерно, — что он не имел ни малейшего представления о смерти моего отца). Он обещал все сделать, что может, назвал пять-шесть лиц, к которым может обратиться; на днях встречаюсь с его бель-сыр. Обедал я у Виленкина в клубе, — это патологический болтун, битый час мне рассказывавший с разных сторон и концов одну и ту же историю (как он попал в 26-м году под автомобиль), пере-

бивая самого себя фразой «ту кат э лонг сторри шоррт», но так как самая эта фраза напоминала ему ту или другую «особенность английской жизни», то она уводила его в новый словесный закоулок, откуда он кружным путем возвращался к центру рассказа. После обеда с ним и с исключительно симпатичным Major Crawford (знавшего моего отца и читавшего «Despair») мы поехали в мюзик-холл, где, между прочим, очень хорош был скетч с Гитри. Сегодня Good Friday, все пусто и тихо. Днем меня пригласил Lee на футбол, а обедаю я у Гринбергов. Утром я погулял в Kensington Gardens (музей — т. е. мой отдел — закрыт, увы, до вторника, — а находится от меня так близко, как Ильюша от нас); странно — в этот приезд я лучше вспоминаю свое житье здесь, нежели в прошлый раз, — может быть, потому, что живу сейчас в том же районе, в двух шагах от нашей бывшей улицы, — пошел посмотреть на дом, озирался и попал каблуком в жирную собачью кучу, от которой долго не мог освободиться. В парке было сыро, газонисто-терпко, плавали злые лебеди между игрушечных парусников, цвели желтые анютины глазки (больше, чем где-либо, похожие на личико Гитлера). Завтракать пришлось в ресторане, оттого что Саблины были приглашены.

Солнышко мое, как тебе спится с маленьким моим? Напиши опять, скоро. Приэля я еще не успел до конца просмотреть, сделал бы это сегодня утром, кабы не строгий ритуал утренней уборки комнаты. Звонить ли мне Осе, который не только не явился, но не удосужился ко мне позвонить? Лурье все устроил с обедом — и, судя по намекам Саблиных, кое-что и там для меня соберут, т. е., вероятно, придется и там что-то читать. Читаю я и у Тырковой в среду. От Будберг и Harris должны быть ответ<ы> в середине будущей недели. Думаю, что 15-го уеду — если только не придется съездить в Лидз. От Зины ни слуха ни духа. Душенька моя, целую тебя нежно, обожаю тебя, не беспокойся ни о чем, люблю тебя.

радость моя, я видел тут на пруду, как мальчики пускали игрушечный дредноут, паровой.

люблю тебя. папочка

232. 8 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 3 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

8–iv

Любовь моя, спасибо за чудное письмецо — и штанишки. Я пишу тебе каждый день, но в четверг (после вечера) утром не успел, а в 11 уже нужно уйти — дать убрать (я, кажется, — да, пошел в музей), так что письмо ушло днем. Сегодня тихий день — завтракал у Haskell, сейчас вернулся (4.30) — у нее чудные дети — особенно девочка, которая отвечает, как наш — «4 с четвертью». Вчера был с Lee на футболе, он заехал за мной на автомобиле (удивительно симпатичный!), а потом отвез меня к Гринбергам. Савелий очень хочет чем-нибудь помочь — без конца расспрашивает о моем положении и т. д. Звонил Струве, написал Персу, буду у Струве в понедельник, чтобы составить циркулярное письмо (к Бэрингу). Больше не выйду сегодня, буду делать Приеля. Не могу себе простить, что не взял с собой своих бабочек — *деревянную коробку*. Если кто-нибудь сюда собирается — пришли мне ее! Очень мягко упаковав и надписав: «Très fragile! Very brittle! Papillons! Butterflies!», можно вполне послать по почте. J'essaye de faire mon petit Kardakoff. Жалко упустить. Кашель прошел. Нежность моя, счастье мое дорогое, целую тебя.

В.

Denis Roche — правильно.

233. 9 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

Светло-сизое воскресение
9–iv
10 ч. утра

Любовь моя, из-за праздника последние три дня были пустоваты, но с завтрашнего ствол недели заряжается опять. Сегодня парадный завтрак на 10 персон у Саблиных; в 4 я у Mrs Whale; а в 6.30 заедет за мной Лурье, чтобы везти на «банкет». Я тщетно звонил Флоре, и наконец выяснилось, что ее отец только что умер. Ответь быстро — написать ли ей два слова? Во вторник, думаю, получу ответы насчет «Sebastian» и тогда сразу явлюсь к Лонгу. Вера Марковна предлагает свести меня с изд.<ательством> «Heineman<n>» (что еще лучше «Duckworth»), у которого ее муж был reader'ом, — так что если Harris и Будберг дадут осечку, то один экземпляр пойдет к Heineman<n>'у, другой к Лонг'у. Это хорошо — с Голландией. По вчерашней открытке Е.<вгении> К.<онстантиновны>, маме чуть луч-

ше — и очень удобно в больнице — как жаль, что раньше не переехала… Я люблю тебя дорого, мое драгоценное. Бунину написал, Парэсу напишу.

митеньку моего целуєю
цеєлую тысячу раз.

В.

234. 10 апреля 1939 г. *Лондон – Париж, рю ле Моруа,* 31, *отель «Роял Версаль»*

10–iv, понед.
10 ч.

Любовь моя и счастье (еще одна карточка — кажется, последняя — найдена в смокинге, — который я вчера в первый раз надел, — можно было и не надевать). Сейчас за мной зайдут, чтобы ехать играть в теннис, с М.<ихаилом> Сумароковым, легендарную шуйцу которого я вчера в клубе с благоговеньем ощупывал. Подумать — играл с бессмертными Wilding'ом, McLaughlin'ом, Gobert'ом, не говоря о всех современниках. Страшно симпатичный, всего 44 года, секретарь англо-русского клуба. После игры повезут меня к Чернавиной, где завтракаю, а оттуда к 5-ти к Глебу, где, вероятно, проведу весь вечер.

Вчера был очень удачный пасхальный завтрак здесь. Как-то я очень хорошо сошелся с милейшим гр.<афом> Шуваловым (приведшим своего мальчика — черноглазенького и ладного, — ему *ровно* столько, сколько нашему!). Шувалов (слу-

жащий в «Paramount», декоратором) обещал мне хорошего театрального агента, у которого оставлю пьесу, если у Родзянки ничего не выйдет. Люблю тебя. Был и священник в ультрамариновой рясе, была и Тыркова (злющая, усатая), с которой вплотную поговорил о возможностях субсидий и т. д. Буду у нее в среду. Днем посетил Mrs Whale, которая уже поговорила обо мне с Lady McDougall, которой, условлено, что напишу сегодня, чтобы с ней встретиться. Это архибогатая дама. Вернулся, застал нескончаемое чаепитие у Саблиных, а в 7 заехал за мной и за Над.<еждой> Ив.<ановной> Лурье, и поехали в клуб. Это очаровательный особняк, с 4 теннисн.<ыми> площадками и русским барманом <sic> типа кап-дантибского повара. Было очень много народу, несколько речей, чарочка и т. д. Были сказаны стихи: «Всех Михайло Сумароков бил на теннисных плацах, а теперь всех бьет Набоков в прозе, драме и стихах». С ужасом я увидел радостно идущего на меня… Нефа, такой взявшего тон, что все должны были невольно подумать, что мы старые берлинские друзья. Между тем он первый раз пришел в клуб (значит, специально на меня) — я же со своей стороны был сначала уверен, что он тут завсегдатай, если не член правления, т. е.

было очень ловко сделано. Когда после обеда мы поехали (Н.<адежда> И.<вановна> и я) чай пить к Лурье и я ему сказал, какова «атмосфера» Нефа, он был необыкновенно потрясен и поклялся выяснить, как он, собственно, попал в клуб, т. е. кто его привел и кто его знает. Люблю тебя, моя нежность. Только что получил открытку от Регины, что, ввиду «настроения у людей», вечер в Брюсселе не может состояться. Не пробыть ли мне еще здесь, до 18-го, скажем?

Еще тысяча дел, которые нужно довести до конца. Ну вот, мое счастье. Надо ехать. I adore you.

В.

люблю тебя, мой митенька, напиши мне.

235. 11 апреля 1939 г.
Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, *отель «Роял Версаль»*

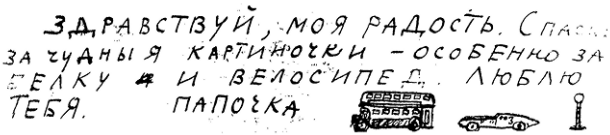
11–iv–39
3.30

Душенька моя, любовь моя, отвечаю сперва на твои вопросики: ведь с Pares'ом я говорил взасос о моих желаниях в 1937-м; кроме того, обо мне ему постоянно напоминала Чернавина (да и я с ним списывался насчет S.<ociety> f<or> Protection), так что он меня имел в виду; а testimonial'а не могу у него взять, ибо он таковой уже сам послал в Leeds и было бы невозможно неловко просить у него «доказательства». Другими словами — кого бы он тишком ни желал продвинуть, за меня он официально подал голос — а больше ничего нельзя требовать. Вчера я попытался просто зайти к нему — он сосед Чернавиных, она мне и посоветовала, будучи с ним в большой дружбе; но оказалось, что он еще не вернулся из деревни (весь Лондон уезжает в деревню на пасху, чем и объясняется некоторая пауза в моих действиях, — пауза, впрочем,

мнимая, ибо я только и делаю, что тормошу людей, а если бываю в музее, то лишь когда никаких других дел нельзя в данные часы придумать). Завтра открывается университет, так что я его во всяком случае повидаю. На письмо Глеба (о том, что, пользуясь моим присутствием в Англии, хорошо было бы теперь же устроить пресловутое interview в Лидзе <sic>) он до сих пор не ответил, т. е., вероятно, ему не переслали. Утром с большим наслаждением сыграл два сета с разными парами в клубе (причем получил там все — белые штаны, туфли и т. д.). Затем выпил double whiskey и был отвезен Лурье к Чернавиной. Какая она прелесть! Рассказала между прочим, что особенно восприняла некоторые страницы «Дара», потому что ее отец был (известный) ботаник-путешественник и она раза два (в 20-х годах) сопровождала его на Алтай и т. д., а затем он пропал, как мой, ей в Томске сказали, что он погиб, но потом выяснилось, что он был взят в плен какими-то местными мятежниками. Муж ее работает в музее в нескольких коридорах от меня. Затем я поехал к Струве. Трое из детей в отца, очень некрасивые, с толстыми рыжими носиками (впрочем, старшая очень attractive), а четвертый, мальчик лет десяти, тоже в от-

ца, да в другого: совершенно очаровательный, нежнейшей наружности, с дымкой, боттичелливатый — прямо прелесть. Юленька болтлива и грязна по-прежнему, увлекается скаутством, носит коричневую жакетку и широкополую шляпу на резинке. Чая не было в должное время, зато «обед» состоял из кулича и пасхи (прескверных) — это все, что дети получили, причем так делается не по бедности, а по распущенности. Я уединился с Глебом и заставил его тут же составить письмо, о котором я тебе говорил (к Бэрингу), затем просмотрел все имеющиеся у него учебники. По его словам, в пятницу будет мой английский вечер, у Шкловской — насколько я понял, платный. Не знаю. К Рами зайду и передам ему для тебя 20 фунтов. Мамины 10 еще у Саблина. Написал к McDougall. У Лонга буду на днях. Будберг обещала поговорить с Wells'ом, не сегодня завтра опять увижу ее. Сегодня утром был у Evans (специалист по гесперидам), обаятельный старик, хорошо знавший дядю Костю по Индии. Поговорили обо всем, начиная от гениталий гесперид и кончая Гитлером. Послезавтра опять увижу его. Как мне жаль, что не взял с собой коробки *(деревянной).* Завтракал дома, жду телефона Губского, к которому звоню и пишу

прошение. В 6 часов поеду к Лиям. Душенька моя, я делаю все, что могу, но таланта или даже сноровки у меня в этих вещах нет. А хорошо, здорово-хорошо было бы Бубке в здешних изумительных парках… Я люблю тебя бесконечно. Парэ<с>у написал. Целую тебя, моя душенька.



236. 12 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

12–iv–39

Любовь моя, во-первых, что это за полувыманранные строки? Какое письмо? Что за глупости? I don't *quite* understand what you mean — или meant, — но я думаю, что по-настоящему ты не можешь не чувствовать, что you, and our love, and everything is *now* always and absolutely safe. Пожалуйста, брось это, — для меня ничего не существует, кроме тебя — и его. Впрочем, я, может быть, отвечаю мимо, так как не понимаю, что именно тебе пришло в голову, — но что бы ни пришло — оно должно немедленно и навсегда — уйти. Теперь насчет моего сидения здесь: у Саблиных я не могу оставаться дольше, чем до воскресения. С другой стороны, мне действительно следовало бы остаться дня три дольше. Если Цетлины не вернутся, то я бы и переехал к ним 17-го, — она мне оставила ключ от квартиры. Сегодня говорил со Струве, и он клятвенно обещает, что если «застряну», то будет платный

большой английский вечер 21-го. Это, конечно, крайний срок, так как во *всяком случае* (кроме в одном — о чем дальше) хочу быть 22-го вечером дома. Между тем я чувствую, что чем дольше я здесь останусь, тем лучше для моих дел, т. е. хорошо было бы дождаться здесь приглашения на свиданье в Leeds (и вот если, скажем, я бы решился остаться до 21-го включительно и в самый последний срок получил это приглашение, то пришлось бы на один день дольше остаться (туда 6 часов езды автокаром, т. е. это можно совершить в один день)). Все мои другие дела — «Sebastian», пьеса, грант, дополнительное завязывание отношений — тоже требуют побольше времени. От Зины сегодня письмо — что и французский вечер не выходит, так что Бельгия окончательно отпадает. Да, кажется, придется остаться до 21-го — значит, повидаю здесь Винавера. Повидай его ты 17-го или 18-го. О положении я уже подробно писал: 1) я приготовил и завтра дам переписать чисто и красиво: прошенье, куррикулум и три testimonials плюс ссылка на три referee Wells, Pares, Коновалов, 2) посылается это в университет только *после* объявления, 3) объявление может появиться и теперь, в апреле, но может появиться и в начале мая, 4) жду Pares, чтобы вы-

яснить, не могу ли *до* объявления, т. е. теперь же, слетать в Leeds для interview, — это вообще делается, т. е. строгой зависимости от объявления кандидатуры нет, — но только *там* должны знать (через Pares'a), что я здесь и что было бы сложнее вызывать меня из Парижа, 5) в Leeds метят трое: Струве и два английских лектора; a) Струве не возьмет, если меньше 500 ф.<унтов>, b) с Morrison'ом, который тоже не возьмет меньше, чем в Лондоне, где он преподает польский, сербский и т. д., не хочет расстаться Pares — и поэтому, по-видимому, дал мою кандидатуру, c) B…. (запамятовал имя) [a, нет — записано — Birket] имеет такой же пост в Шефильде, за 250, кажется, т. е. он единственный серьезный мой соперник, но тогда освоб<од>ится *его* кафедра. Вот все, что до сих пор известно, но, может быть, до 17-го еще что-нибудь выяснится. С Mrs Whale я о Hicks'е говорил, а для контакта Винавера с ним могу ее просить об этом ему написать (во всяком случае увижу ее до отъезда). «Работы» же *сейчас*, конечно, писать не могу — это немыслимо. Но пришли мне на всякий случай «Le vrai…» — есть в моем портфеле. Разумеется, по возвращении только и буду делать, что писать по-английски о русской литературе.

Вчера был у Lee'ев, было очень симпатично — я с ним вконец подружился, а она, кажется, по некоторым намекам, ожидает ребенка. Сегодня утром звонили: 1) Ева, приглашая на обед, — я бы не пошел, если б она не дала 10 гин.<ей> для мамы; обед, конечно, семейный (хотя она и шепнула вкрадчиво, что хранит мои стихи и «никогда с ними не расстанется»); 2) звонил милейший Сергей, очень довольный пьесой, дал ее Leslie Banks (знаменитый актер) и ждет ответа завтра вечером. Еще буду у него; 3) звонила Будберг — говоря, что в упоении и т. д. от «Sebastian», дала издателю, считает, что много шансов, написала обо мне Walpole'у и хочет устроить обед со мной и с ним 20-*го*; я сказал, что дам ответ завтра, — остаюсь ли; завтра буду у нее; 4) звонил Губский — должен сейчас ехать к нему, — и кажется, придется прервать письмо, мое драгоценное, моя неизмеримая любовь. Мое счастье.

Утром был в «Oriental Furs», позвал Осю (другого не было) в bar, угостил его пивом и передал 20 фунтов, которые будут немедленно тебе посланы. Деньги маме, т. е. Евг.<ении> Конст.<антиновне>, предложил отсюда послать Саблин, у него эта возможность есть по его благотворительному

стажу. Хороший выйдет курс: 1 ф. = 22 марки. Завтракал дома. После Губского — вернусь, зайдет Струве, и мы поедем на литер.<атурный> вечер к Тырковой, где буду читать «Тиранов».

Priel'ю напишу, — кстати, я бы очень хотел, чтобы ты повидала этих господ.

Жара! Третий день хожу без пальто. Люблю тебя бесконечно. Когда вернусь от Губского, посмотрю, все ли я тебе написал в смысле ответа на твои вопросы и дела, — и если нет, добавлю завтра. Я тебе пишу каждый день, — получаешь ли ты все? Целую твои дорогие глаза.

В.

митенька мой, любимый мой!
папочка

237. 13 апреля 1939 г.
Лондон, Бречин-плейс, 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

13–iv–39
3 часа

Любовь моя, ангел мой, поздравляю вас: 14 лет! Еще неделя, и поцелую тебя, моя нежность. Сегодня мне вдруг захотелось, вставши, все бросить и приехать — тем более что Глеб кисло говорит, что английский вечер у Шкловской больше 3 фунтов не даст (я, впрочем, приму и свои меры). Завтра буду у нее, чтобы с ней лично все это устроить. Теперь вот что: я только что послал письмо Коновалову на P. O. Euston, London (с тем расчетом, что если он будет тут проездом — а он не знает, что я здесь до 21-го, — то с ним повидаюсь опять). Думаю, что он еще в Париже, у отца. Через «Последн.<ие> Нов.<ости>» легко найти его. Я его спрашиваю в письме: 1) не послать ли, с ссылкой на него, переписанное прошение, C. V., testimonials, прямо вайс-чанслеру лидскому, не дожидаясь объявления (которого, кстати сказать, иногда не помещают *вовсе*, когда заране

наметились кандидаты); 2) не известит ли он Leeds, что я в Англии и могу приехать на необходимое свидание (ибо из Франции будет мне труднее это сделать). Если бы ты могла его поймать, то было бы отлично. Правда, Пэрсу Глеб специально написал насчет второго пункта, и, вероятно, Пэрс это сделал, но зихер ист зихер. С другой же стороны, кандидатура моя уже представлена (но помни, адрес дан сайгонский, так что если я буду еще в Англии, то получу извещение об interview и т. д. от них окружным путем Сайгон = Le Marois — 5, Brechin, — не моим везением это, пожалуй, произойдет, как раз когда я буду в середине обратного пути), представлена Коноваловым и Пэрсом: так как можно было (по словам Глебушки) опасаться, что Pares только *сказал*, что подал (с моим куррикул.<умом>, составленным Глебом), то вчера я специально отправился к Губским, дочь которых служит секретаршей Pares'а же, т. е. знающей его корреспонденцию. Она мне сказала, что, действительно, он мою кандидатуру послал и что его ждут со дня на день. Мы условились, что она даст мне знать, как только он вернется, чтобы немедленно я мог к нему явиться. На всякий случай я сегодня сам ей позвонил, но его еще нет. Он мне главным обра-

зом нужен для того же, о чем пишу Коновалову. Глеб уверяет, что я вообще напрасно беспокоюсь, «что все придет в свое время», что «сами меня известят» и т. д., и никак не может понять, что мне важно все это разрешить теперь же. Зато письмо к Бэрингу он написал отличное (уже переписано в 6-ти экземплярах), и уж послежу, чтобы он собрал подписи быстренько. Вообще, у меня чувство, что что-то должно выйти, да только судьба у нас неряха и больше печется о душе, чем о теле.

Губский все такой же обезьяноподобный и малосимпатичный — в сутуловатости речи, в мрачности с иронической каемкой и даже в облике чем-то похожий на Ахилла К. От него я вернулся домой, переоделся и с «Истребл.<ением> тир.<анов>» поехал к Тырковой. Там было человек тридцать и кулич. Народ был все больше женский, и боюсь, что впечатленье было несколько жутковатое, — сужу по тому, что после вереницы обычных комплиментов Ариадна намекнула, что боится за мой рассудок. Блеющим певком Глеб прочел несколько стихотворений о Петербурге, присланных анонимной поэтессой из России. Меня, собственно, больше всего интересовала Elisabeth Hill, бойкая крупная мужеподобная дама,

с волчьей челюстью и горящими глазами, — лекторша по русскому в Cambridge (та самая). Она мне подробно рассказала о своей работе, о «чудной молодежи» и пригласила меня в октябре прочесть лекцию о 19 веке русской литературы в Кэмбридже, — публичную. Денег за это не получу, но проезд целиком будет оплачен. Я, разумеется, согласился. Вообще, она очень в меня впилась и непременно хочет устроить появление в печати «Sebastian» (у меня все равно нет свободного экземпляра). Она сегодня должна мне позвонить о следующей с ней встрече, пришлось дать два телефона, где я сегодня вечером буду. Несимпатичная. Энергия, напор, ставка на social life (ее студенты поют русские песни — you see what I mean), но прекрасный русский язык — она дочь русского священника. Левоватая — очень даже левоватая. Утром сегодня занимался Приэлем и метаньем au net бумаг для университета, потом купил еще одну (дешевую, но чудную) игрушечку для моего маленького, завтракал и теперь к 5-ти пойду к Будберг, оттуда обедать к Гринбергу (он обещал «что-то придумать», но он тоже размазня, как Глеб), а оттуда к саблинской знакомой, актрисе Чаровой (старой и толстой — так, на всякий случай отмечаю, — хотя если б она была

тонка и молода, дело бы не изменилось — I am only interested in one woman — you). Саблины до крайности милы, особенно он (под оболочкой некоторой помпезности). Я сегодня за завтраком им объявил, что остаюсь в Лондоне до 21-го, а съезжаю от них 17-го утром. Они не возражали. Боюсь, что эти три-четыре лишних дня обойдутся мне дороже всех предыдущих. Кстати: папиросы в день стоят шиллинг, два путешествия под землей (а часто бывает больше двух — до шести или восьми) sixpence — если небольшие расстояния, марка почтовая 2½, а лондонская 1½ pence, ну, и еще бывают мелкие расходы — напр.<имер>, пришлось купить конверты, так что minimum в день уходит два шиллинга. У меня отложено на билет, конечно.

Написал к Соломон. Не забудь Винавера и — Коновалова. Как с мебелью? Переезжаешь ли ты? Priel'у пишу, что я не вернусь до 22-го и что в крайнем случае моя жена и т. д. Старое его письмо было у меня с собой, — о манускрипте.

Ну вот какие дела, моя душенька. Все, что я делаю, я делаю вроде как в потемках, ощупью, так как чувствую себя кретином в хитрых человеческих отношениях. Я готов к тому, что вернусь в Париж, оставив лидский замок висящим в си-

реневой мути на вершок от горизонта, но если так, поверь, что будет не моя вина, — я предпринимаю все, что в моих силах и возможностях. Главным мне сейчас кажется доставить туда бумаги и самому заявиться. Струве еще сомнительнее, чем посланец Кламма.

Yellow-blue bus, я люблю вас. Я обожаю вас.

B.

238. 14 апреля 1939 г. *Лондон, Бречин-плейс,* 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

14–iv–39

Утро, потом в 3 часа

Душенька моя любимая (и немножко глупенькая), я подготовил тебе — очень небольшой — сюрприз, а именно: когда в прошлый раз я был у баронессы, я с ней условился, что она напишет своему приятелю Jules Romain, чтобы меня приняли в парижский Pen-Club. Вчера, когда я у нее был, она мне показала его ответное, очень любезное, письмо — и тут же мы с ней вместе написали нечто вроде прошения туда, с curriculum, т. е. официальное заявление о желании вступить; так что вот. Я к ней явился вчера к половине шестого, ее еще не было, пришла только через час, так что я безнадежно опоздал к Гринбергам и, все время чувствуя ее львиное влияние, отзвонил (буду в другой день). Оказывается, Norman Douglas — злостный педераст, всегда живущий во Флоренции. 20-го lunch с Hugh Walpole. Ответ насчет «Себастьян» будет на днях. Оттуда побрел

к Чаровой, мужа которой зовут Шпунт, худой господин в роговых очках, что-то все напевающий. Она громадная и хлебосольная. Были еще Саблины и Воронцова-Дашкова. Сегодня у меня опять встреча с Elisabeth Hill (на ступенях Британского музея), она уезжает завтра обратно в Cambridge и хотела непременно еще раз меня повидать. Чует кошка, чье мясо съела. Вечером я у Шкловской.

Теперь так: мне удалось так устроить, что английский вечер (21-го) будет у Harris, где есть много места и все такое. Составляю список — и думаю, что платежеспособных наберем. Приелю написал длинное письмо. Miss Mc. Duggals мне почему-то не ответила. С Родзянко (сегодня звонившим ко мне) идем на какой-то вернисаж в понедельник. Я менее уверен в его способностях устроить что-нибудь, чем ты. Губский мне обещал достать перевод (т. е. чью-нибудь книжку с русского на английский) — это довольно хорошо оплачивается и легко. То же мне предлагала Hill.

К Цетлинам переезжаю 17-го утром. Н.<адежда> И.<вановна> мне совершенно просто сказала: «Посидели у нас две недели — и будет». Я ей давно предлагал, что перееду, но она не отпускала. I don't want to hear any more, darling, of those dark hints of yours. Насчет Пэрса я тебе уже все объяснил. Его все еще нет. Wells болен и не в Лондоне. Собравши подписи (четырех будет совсем достаточно, — Саблин уже расписался, Тыркова тоже), письмо уйдет (вероятно, послезавтра) к Baring'у. Оно отпечатано в шести экземплярах, без обращения, так что еще два таких же пойдут к Wells и Hugh Walpole (это не наверно, т. е., может быть, к другим адресатам). У баронессы я опять в понедельник. Во вторник я у Long'а, — в его отчете я с помощью добрых людей более или менее разобрался, но все-таки многое непонятно, — узнаю у него. Не хочу писать, сколько денег привезу, потому что боюсь сглазить. 20 я тебе послал, 10 отосланы маме, — а там будет видно. Не пиши мне про «don't relax» и про «avenir» — это только меня нервит. Впрочем, я обожаю тебя. Целую тебя много, безумно тебя хочу видеть, в глаза тебя поцеловать, скучаю по тебе и по нему больше, чем когда-либо.

В.

Только что звонили от Pares с назначением свидания, а Miss Hill мне дала несколько великолепных советов.

239. 15 апреля 1939 г. *Лондон – Париж, рю ле Моруа,* 31, *отель «Роял Версаль»*

15–iv–39
11 ч.

Душенька моя любимая и драгоценная, я вчера просидел два с половиной часа с Елизаветой Хилль в чайной, и она с необычайной энергией и участием взялась учить меня, как добиться Leeds'a. В понедельник я сговорился увидеться с очень влиятельной дамой, Mrs Curran. Кроме того, я вчера же написал длинное письмо к Гауди в Кэмбридж, к которому, быть может, даже съезжу (в четверг, например, дешевый проезд, всего 5 шиллингов, туда и обратно, но, кроме того, попробую, чтобы меня повез Гринберг). Она не без вульгарности, но замечательно сведущая и умная. За чай сама заплатила и повезла меня домой в такси. Pares меня «примет» в среду, — раньше не может! Хилль, между прочим, несколько иначе рассматривает положение, а именно: если Birkett получит Leeds, то Шеффильд и Leeds сольются (?) (как Бармигам и Оксф.<орд> у Коно-

валова), а если Струве возьмет, то сольется (?) его место и «сербско-польско-албанское», которым сейчас заведует Morrisson. Все же она считает, что ввиду моего литер.<атурного> положения и testimonials я «имею хорошие шансы». Я готов — и ты будь готова — потерпеть неудачу, но она будет очень горькая. Помни — что все делаю, что могу.

Вечером был у очень трогательной старушки Шкловской, и окончательно решили насчет вечера, причем Глебу я выдал 2 шиллинга на отправку приглашений. Вечер у Harris'ов, и будет человек 40. Люблю тебя, мое счастье.

Завтракаю с Лурье, в четыре здесь чай с царем Влад.<имиром> Кир.<илловичем>, обедаю у Lutyens'ов.

Сейчас чувствую, что в доме тревога из-за того, что я уже у себя в комнате, а надо ее убирать. Мне уже дважды было сделано Надеждой замечание, что слишком быстро и шумно сбегаю по лестнице. Вообще, можно многое порассказать. С понедельника мой адрес:

47, Grove End Gardens N. W. 8

Считаю дни, моя любовь, бешено хочу вас видеть.

Люблю, люблю, люблю!

В.

Кс<тати> Поляков передал мне для нашей кошки огромный автомобиль — не знаю, как довезу!

кошка моя, жизнь моя, целую тебя!

папочка

240. 16 апреля 1939 г. *Лондон, Бречин-плейс,* 5 *– Париж, рю ле Моруа,* 31*, отель «Роял Версаль»*

16–iv–39
Воскресение
10.30

Любовь моя, жизнь моя, сегодня, к счастью, пустой день — кстати, дико ветреный, окна гремят, суетятся прыщавые молодые деревья. Вчера чета Лурье (я тебе, кажется, уже писал, что она из Высоцких, т. е. сестра той острой дамы — они все в семье острые, — у которой такой толстоватый мальчик — ты видела их у Ильюши — the aunt thinks he speaks beautiful Russian) повела меня в театр, — бездарнейшая, пошлейшая пьеса — о том, как светлая личность (стареющая женщина) пыталась устроить школу in a Welsh mining village, как нашелся гений среди угольных ребят и т. д., — но старая Sybil Thorndike играла изумительно. Да, вот что: в воскресение, т. е. 23-го, Лурье едут в Париж на автомобиле и предлагают меня захватить с собой. Я, собственно, собирался вернуться 22-го, но меня прельщает эта экономия. Выйдем отсюда

в пять или шесть утра и к семи вечера будем в Париже. Будет несколько утомительно, и три четверти моего birthday я проведу без тебя — но я думаю, что это стоит сделать.

Я опоздал к чаю с царем, т. е. вернулся домой в шесть с половиной, переоделся и поехал к Lutyens'ам. Первым делом она мне показала довольно толстую кожаную книжку (которую я бы никогда не признал за альбом мой 1917 года) с доброй сотней стихотворений (совершенно мною забытых!), объединенных под заглавием «Прозрачность», — по-видимому, я собирался все это издать. Там и о ней, и о революции, и о Выре, — кое-что не так уж плохо, а главное, очень забавно — всюду сквозящее предчувствие каких-то невероятных потрясений, скитаний, достижений. Она предлагает дать переписать на машинке. Вся семья была в сборе — совсем не изменившаяся мать, милейшие Геллеры, Lutyens, с которым я вспоминал наши кэмбриджские попойки и общих друзей, — но он всех растерял, как и я. Все это очень богато и благополучно, Эва объясняет, что, «понимаете, мой дом (мод) здесь то же, что Шанэль в Париже», а он преуспевающий архитектор. Я очень подробно поговорил с ними о моем положении и мечте

устроиться здесь (но не упоминая об университете, а то в конце концов наберется роковой комплект нянек). На днях буду у Геллеров. Ева говорила «родненький» и «смешно!». Мальчик у нее десятилетний, очень симпатичный и миловидный, но тихий, робкий. Она сказала: «Видите, вы все-таки женились на еврейке и на дочери timber-merchant, а я все-таки вышла за христианина и за человека моложе меня на шесть лет». Enfin… Yes, she wants to send you some frocks… I don't know. В общем, было довольно забавно.

Я набрал, кажется, слишком много людей для моего английского вечера. Чувствуешь ли, мое солнышко, как я тебя люблю отсюда? Знаешь, я думаю, что даже если не выйдет Leeds, мы во всяком случае сюда переберемся к осени, — я знаю, что здесь мне помогут. Целую тебя, мое дорогое. Сегодня, кажется, буду целый день дома, если кто-нибудь вдруг не пригласит.

B.

а тебя, мой маленький, я беру на ручки и говорю, глядя на лампу, «а, а, а…»

папочка

241. 17 апреля 1939 г.
Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю ле Моруа, 31*, отель «Роял Версаль»*

Tel. Mai(divale) 70.83
16–iv–39
12 ч. дня

Душенька моя любимая, вот я и переехал. Великолепная изящная квартирка; зеленый вид из окна («партер»), воробьи, облака, нарциссы. Получил твое дорогое письмо с рисуночком (о 15-м, о румыне и т. д.). С деньгами обстоит не ахти как: вечер дал всего 42 ф.<унта> с шиллингами (из них 10 отосланы маме и 20 тебе), а кроме того, я добыл 20 ф.<унтов> у Флоры. Другими словами, у меня сейчас при себе 30 ф.<унтов> с шиллингами. Сколько еще даст вечер у Harris'ов, я не знаю, — в худшем случае (т. е. если никто не даст свыше входной платы, 2/6, — хотя на приглашении намек дать больше) он даст около 3 фунтов. Что принесет «обращение» (к Baring и т. д.), тоже учесть трудно.

Вчера около двух часов просидел у Флоры, позвонившей мне вчера днем. Думаю, что она бы

никогда не вызвала бы меня, если (как потом оказалось из ее некоторых слов) к ней не позвонила Ева (не знающая моих с Фл.<орой> отношений). Пил у нее чай с толпой немецких — благополучных — эмигрантов, поданный двумя — менее благополучными — немецкими эмигранткаами. Она решила поставить «крест на прошлом» и взяться за меня сначала. По-прежнему она советует немедленно переехать в Лондон, а когда я объяснил, что мы уже взяли квартиру в Париже (хотя если бы наверное знать, что я сразу получу здесь работу — reader, кинематограф — что-нибудь, — можно было бы квартирой пожертвовать), то советы ее стали смутнее. Она любит видеть человека перед собой, под рукой у нее, загадывать вперед не склонна, но я думаю, что если действительно решимся и переедем сюда осенью, то она поможет. Она еще советует мне одному застрять на три месяца здесь, с обещанием найти мне кров, но (не говоря уже о том, что мне боязно и не очень даже приятно на нее положиться — ее холодные глаза и сахарный голосок меня бесят невыносимо) это, конечно, дичь — без тебя жить не могу. Эта последняя, сегодня начинающаяся неделя мучительна, хочу домой, в свои угол, энергия моя сякнет, я

дико устал, не могу больше. Единственно, что все бы действительно исправило, это получение Leeds'a (вчера, пока меня не было, у Саблиных был Pares и *определенно* сказал ему, что если паче чаяния — пэрского чаяния, которому Глеб опостылел вконец — так прямо и объяснил, — Глеб получит, а не я лидское место, то я, конечно, получу лондонское (это не вяжется с предположением Елизаветы Гилль по поводу Morrisson). Я у Pares'a послезавтра. Очень неудачно, что он к Евг.<ению> Васил.<ьевичу> пришел ненароком и меня не было. Ответы на два твоих вопросика: 1) да, — Гилль берет<ся> устроить кэмбриджскую лекцию, — и я тебя прихвачу; 2) дочка Губского большая, полная, краснощекая девица с несколько пустыми глазами, как бывает у девиц ее типа.

Вечер провел вчера с Саблиными. Она мне преспокойно сказала, сколько оставить прислуге: 10 ш.<иллингов> Jeeves'y, 5 горничной и 5 кухарке, а так как единственный способ приехать с чемоданом и большой коробкой (Букин автомобиль) от них сюда — это взять такси, то сегодняшнее утро (плюс завтрак, который сейчас съем) обошлось мне в 25 шиллингов, после чего, как я уже писал, остается у меня 30 фунт.<ов> и несколько шилл.<ингов>

После завтра<ка> поделаю Приэля (все не могу кончить, — а к вечеру так устаю, что даже не могу читать газету), в 5.30 буду у баронессы, а в 8 у Геллеров. No, — emphatically, I'm *not* a man about town. В июне поедем в горы. Вот.

Целую тебя, мое счастье, и тебя тоже целую, митенька мой. спасибо за милейший рисунок!

B.

Не забудь отказаться от квартиры при въезде, а?

242. 18 апреля 1939 г.
Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, *отель «Роял Версаль»*

6 ч. 18–iv

Душенька моя, пишу тебе по пути домой, из почтамта, ибо так запарился, что если отложу до дому, то уже не выйду. Вчера днем был у баронессы — ничего нового, читают. Обедал у Геллеров, там встретился с Мишей Люберж.<инским>, все они чрезвычайно энергично принялись за мою судьбу, у них «громадные связи» и т. д. Завтра Геллер должен мне звонить об определенном ходе, предпринятом для Leeds. Какое перо… Сегодня завтракал с Серг.<еем> Родз.<янко> — там тоже «читают». Оттуда поехал в City, передал Осе для тебя 25 фунтов и был у Spurrier (Long), который оказался жеманным восковым молодым красавцем. *Кажется*, удастся продать «Защиту Л.<ужина>», т. е. мы уже говорили об авансе, — 60 ф.<унтов> (перевод включен, мой). Обещают это разрешить вскоре. Авансы мои не покрыты. Сейчас иду домой, буду обедать с Осей, который живет в том же доме, как и я, очень был удивлен.

Рано лягу, истомлен. Целую тебя, моя обожаемая; кажется, еще никогда так не скучал по тебе. Завтра тоже трудный день.

митеньку моего обнимаю.

В.

243. 19 апреля 1939 г.
Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю ле Моруа, 31*, отель «Роял Версаль»*

19–iv

5 часов

Любовь моя, получил оба твоих письма, адресованных сюда прямо и через Саблиных. Все в порядке, пиши прямо сюда мне, *без* c/o Zetlin-47 — это номер моих апартаментов, и швейцар уже хорошо меня знает.

Теперь так: я предчувствую, что мне не управиться с делами за эту неделю. Я жалею, что условился с Лурье ехать на автомобиле, — отказаться теперь ужасно неловко (он уже заказал место на пароходе, да и вообще не предпринял бы автомобильное путешествие с женой и мной, если бы не желание из этого сделать «a treat», мне, себе, жене, — а поехал бы один поездом). С другой же стороны, они возвращаются, на автомобиле же, через неделю и опять-таки предлагают меня взять с собой. Другими словами, мне ничего не будет стоить (кроме новой визы) эта отлучка отсюда. Впрочем, я тебе сперва напи-

шу о моих сегодняшних делах, чтобы было яснее:

Утром звонил Любржинский, а потом Вера Геллер о том, что: 1) будут нажимать через связи на Leeds, 2) Ева через обширных родственников мужа пытается временно устроить мне русскую учебу в военном или морском заведении, 3) нажимают на Dennison Ross'a — с племянником которого я, оказывается, был очень дружен в Trinity, — я совсем забыл! И наконец, 4) М.<иша> Любржинский предлагает мне помочь денежно, если я здесь останусь. Вообще, все мне говорят, что за две-три недели ничего нельзя сделать, а нужно тут засесть. Поехал за твоим письмецом к Саблиным, а потом завтракал с Коноваловым. Ничего нового он мне не сообщил и ничего не может сделать с бумагами. Оттуда я пошел к Sir Bernard. При мне он продиктовал письмо в Leeds (в котором между прочим говорится, что «If G. Struve leaves his post here, it shall be offered to Nabokoff») о том, что посылает им мои бумаги. Бумаги были вложены, и письмо ушло. Он был чрезвычайно приветлив, я сидел у него больше часу. Кроме того, на всякий случай он мне дал — тоже великолепное — рекомендательное письмо к одной из «шишек» Чикагского университета, Professor Samuel N. Harper, находящемуся сейчас

здесь. <П>о дороге к Губскому, у которого обедаю (с какой-то писательницей Beausobre), занесу это письмо в его гостиницу.

Меня страшно нервит, что придется вернуться в Париж, не доделав дел, т. е. не дождавшись разрешения лидского вопроса, а вместе с тем я не могу жить дольше без вас.

Да, переехать в Лондон нужно *непременно:* откажись от квартиры и забери залог. Буду теперь хлопотать насчет виз — не у Будберг, а у тех же Lutyens (Ева в *один день* устроила брату службу у Sir Alfred Mond'a), но поговорю и с Саблиными, и с Губскими.

Charwoman была. Послезавтра зайду к Винаверу. Маму перевели в III класс больницы, положение все то же… Поскорее вышли деньги — а то там 5000 долгу. Румыну написал и старику. Осоргин прав: слишком мало ходов, чтобы ферзю было некуда отступить… Надо ехать, шесть часов. Обожаю тебя свыше меры и слов.

В.

244. 20 апреля 1939 г.
Лондон – Париж, рю ле Моруа, 31, *отель «Роял Версаль»*

12.30

Любовь моя дорогая, вчера обедал у Губских (очень милые) с недавно бежавшей из России дамой, проделавшей <преодолевшей?> много тюрьм (Beausobre). Сегодня утром в 10.30 был у Sir Dennison Ross, написавш<его> обо мне в Leeds своему кузену, профессор<у> вост.<очных> язык.<ов> Теперь уж все на мази. Завтра или послезавтра буду у Гамса насчет виз. Сейчас иду завтракать (пишу тебе из почтамта по дороге) к Miss Curran (Secretary of Hist.<orical> Soc.<iety>), которая тоже pulls strings. Затем пью чай на Pic<c>adilly с Гринбергом, а обедаю у Гальперна. Завтра читаю куски из «Sebastian» у Harris'ов. Прелестная солнечная погода, все блестит и отражается. Синие таксомоторы, проезжая мимо красных автобусов, становятся на мгновение фиолетовыми. Ross был очарователен. Выезжаю в воскресение утром, в 6.30, так что к восьми, думаю, буду в Париже. Я люблю тебя.

В общем, несмотря на то, что конкретного еще ничего нет, the outlook во всех отношениях looks hopeful — и Leeds или no Leeds, но мы к осени сюда переедем. Мне же, вероятно, придется вернуться сюда через неделю, с Лурье. Целую тебя, моя душенька.

и тебя, мой сельтакать, целую.

В.

245. 21 апреля 1939 г.
Лондон, Гров-энд-Гарденс – Париж, рю Буало, 59

21–iv–39
4.30

Любовь меня <sic>, сегодня совсем трагическое письмо из Праги, у мамы нарыв в легком, ее перевели в отдел тяжелобольных, где она делит комнату с умирающей. Денег ни гроша, Саблинские еще не могли прийти, а как насчет твоей высылки из Парижа? Мучительно, мучительно, что нельзя поторопить. Совершенно не знаю, что сделать! Соломон предлагала одну комбинацию, поговорю еще с ней. Письмо Е.<вгении> К.<онстантиновны> вконец отчаянное. Ужасно…

У меня сегодня рекордный день в смысле всяких дел. Вчера завтракал в Historical Society с очень любезной его секретаршей, в hall'е какого-то баснословного века, пригласил ее на мое сегодняшнее чтение. Оттуда отправился на Пикадилли, где пил чай с Гринбергом. Он очень трогателен, предложил мне, смущаясь, «фунтов десять», я ответил, что при случае у него зай-

му, долгосрочно. Затем поехал домой и выбрал, что читать, первые три главы из «Sebastian». Люблю тебя. Послезавтра! Затем поехал обедать к Гальперну, не очень приятненькому, осторожно двигающемуся, чтобы не просыпать себя, которым он полон. Все это громадные концы на громадных автобусах. Сегодня в десять утра был у Prof.<essor> S.<amuel> N.<orthrop> Harper (занимающего в Чикаго такое же — но еще более властительное — место, как Pares здесь). Он оказался большой упругой душкой и сказал, что с первого июля (запомни дату) будут шансы меня устроить в Чикаго, к этому сроку он просит м<еня> прислать ему мои бумаги. Послезавтра он едет в Россию. У него работает Parry. Словом, и тут есть надежда. От него помчался — пришлось взять такси — к Винаверу. Совершенно не изменившему<ся> за 20 лет! Мы очень дружески с ним потолковали, он одобрил все мои действия и обещал поговорить с Трофимовым (русским лектором в Манчестере), чтобы тот дал «удар плеча» в Leeds'е. Кроме того, он по моей просьбе написал ко мне письмо (оно придет на rue Boileau) «с предложением приехать читать в Манчестере». Я это попросил, чтобы получить визу сюда, ибо вижу, что, несомненно, придет-

ся вернуться с Лурье. Комитет (выбирающих кандидатов и т. д.) собирается только в конце будущей недели, и за этим, надеюсь, последует вызов в Leeds на interview, на котором задают тебе всякие самые неожиданные вопросы (what are your hobbies, напр.<имер>) Затем поехал завтракать к Саблиным. Если получу какое-нибудь место в Англии (между прочим, намечаются еще ваканции), то с визой нам никаких трудностей не будет. Во всяком случае (т. е. для того, чтобы просто перебраться сюда к осени, на ура) я еще повидаю Гамса, — к которому вчера и сегодня безнадежно звонил, он неуловим. Сейчас иду к баронессе, оттуда обедать к Haskell и уже с нею на мое чтение к Harris. Сегодня чудно тепло, все зелено, и я волосы вымыл сильвикрином. Валя Цетлин утром приехал и вечером уезжает на week-end. До воскресения вечером, моя любовь. Помни, что может случиться, что мы не к восьми приедем, а к десяти или позже (не думаю). Будет ли мне где спать? Я очень дурно высыпаюсь здесь, хотя ложусь сравнительно не поздно. Ну вот, это последнее письмо отсюда. Не помню, какой этаж наш на Буало, прибей карточку, а то еще швейцариха будет спать, если приеду среди ночи. Обожаю вас.

радость моя, митенька, еду!

B.

Винавер просил ему послать (для Трофимова) «Пригл.<ашение> на казнь». Если есть — пошли! Prof. E. Vinaver, The University, Manchester.

246. 1 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

Tel: Western 49–21
1–vi–39
11.30

Любовь моя, эти три с лишним часа на море были ужасны. Хотя солнце сияло вовсю, море было совершенно разрыто и перевернуто ветром так, что качало чудовищно. Я остался на палубе, жарясь на солнце и орошенный ежем<ин>утно каемкой той волны, которая обливала менее защищенных англичан. Я еще никогда не видал стольких людей одновременно блюющих. В особенности была хороша компания экскурсантток — по-видимому, обожравшихся апельсинами, судя по результатам. Палуба была вся в потоках рвоты.

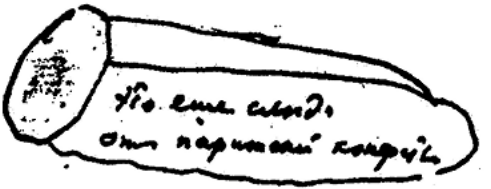
Здесь гораздо симпатичнее и уютнее, чем было у Саблиных. Хаскель очень мил и интересен. В субботу <к> завтраку уже позван Политцер (Collins), и поговорим вплотную о моей книге. Ты была такая хорошенькая, мое счастье, на вок-

зале. Хаскель вообще is very helpful. Звонил я после обеда Цетлиным — сегодня у них обедаю, Любжинскому, которого не застал, тоже звонил, и Соломон (увижу ее в пятницу, а пока она мне продиктовала письмо, которое мне надо написать к Colonel Clive Garsia по поводу возможности получить работу по преподаванию русск.<ого> яз.<ыка> в Staff College), и Губским (у котор<ых> сегодня завтракаю), и агенту Будбергши (Otto Thien, у которого сегодня пью чай), и Глебу (который мечтательно говорит о вечере чтения и которого повидаю завтра), и Эве, к которой вчера же вечером зашел. Она лежит вторую неделю в постели, сердечная слабость, муж сидит у[139] изголовья, буду у них опять в воскресение. Во всяком случае я машину визитов и разговоров и планов опять наладил и пустил в ход. Подожди до завтра или послезавтра с письмом в Пневмоторакс — забыл название! Боже мой, как мне болезненно и безумно хочется бабочек. Если завтра утром не будет дел, поплыву в музей (он опять за углом).

---

[139] Сноски: 139

Набоков обвел пятно на странице, дорисовал к нему овал и написал: «Это еще след от парижской конфеты».



Тут очень уютно и удобно. Втроем брекфастовали в халатах, бэкон и яйца, прелестно. Хаскель окончил Кэмбридж на два года позже меня. Показывал мне очень интересные снимки австралийских животных и ландшафтов, se pique de zoologie. Сегодня еще нужно будет совершить несколько телефонад. Все не могу забыть мальчика, которого неистово рвало каждые пять минут рядом со мной (а что делалось в кают-компании, не поддается описанию). Читал на ночь «Seven Pillars of Wisdom» полк.<овника> Лоуренса, очень длинно, двух было бы достаточно, — но местами дивно написано. Погода серая, наклонная. Очень было странно погрузиться и вытянуться в настоящей ванне после нашего сабо. Душенька моя, remember I adore you more than ever.

здраствуй, мой ролик! как ведет себя капитан белов? обожаю тебя.

В.

247. 2 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

2–vi
8.30

Любовь моя дорогая,

вчера завтракал у Губских, потом сидел в крохотном саду на солнце, — виноград, собственными руками навиты<й> на стену, ушел через забор к соседям и никогда не вернется. Я пытал Губского насчет переводов, он обещал «сделать что может», но надежды и планы способны тоже уходить, как вьюны. После пасмурного утра стало все очень ярко, небо бежало, летали белянки. Он мне дал свою книжку «My double and I», я читал ее в метро, и, по-моему, отлично, — начало, по крайней мере. Оттуда, перейдя через оживленную Темзу, я поехал к Otto Thien: это тот, похожий на Silberman'а, человечек будбергский, голландский, кажется, еврей из Америки, о котором я тебе говорил. Особенных новостей он мне сообщить не мог. Думает, что окончательный ответ получится через неделю. Мура возвраща-

ется скоро, я еще успею ее повидать. Жена Тайса, журналистка, работает в «N<ews> Chronicle». В понедельник устраивают какую-то party. Оттуда поехал домой — все это громадные грохочущие расстояния, — захватил Люсину бутылку и поехал к Цетлиным (бутылку оставил у швейцара для передачи Бромбергам). У Цетл.<иных> было очень приятно. Мы весь вечер проговорили о моем положении — она обещает развить максимальную деятельность, устроить конференцию из себя, Соломон, Веры Геллер, Веры Марковны etc. — словом, добиться того, чтобы были у нас деньги на первые месяцы жизни в Англии начиная с октября. Судя по четверговому № «Посл.<едних> Нов.<остей>», который у них видел, Пио так-таки долизался до самого вкусненького чувствилища Адамовича, — это очаровательно по обоюдному бесстыдству.

Я приехал домой около двенадцати и еще до часу читал очень забавный «Дневник» Арн.<ольда> Беннетт<а>, — вообще, тут оргия книг. Во сне ясно слышал голосок моего мальчика и проснулся. Пишу в постели, сейчас горничная позовет к завтраку. Вчера я звонил Гринбергу (буду у него в субботу) и Саблиной (которая одинаково взволнована уходом ее кухарки и свадьбой какого-то из вел.<иких> кн.<язей> Просила еще раз позвонить, когда у нее будет яснее голова для важного решения, когда меня принять. Idiot). Сегодня утром еще серия звонков — Геллерам, Соломон, Родзянко, тете Бэбэше. Счастие мое, мне уже скучно без вас. День мой сегодня еще окончательно не распределился, во всяком случае встречаюсь с Глебом и с Мишей Л.<юбржинским> dans le courant дня. А вчера, вдруг, с совершенной ясностью установилось, что задуманное мной, когда был болен, можно и должно написать по-английски, — все мгновенно сложилось и стало по местам, — и теперь очень хочется поскорее запереться и залечь за писание. Целую твои глаза, мое счастие, очень целую.

В.

пиши, моя жизнь, и делай большие шаги, скользя, раз-два, раз-два… бумс!

радость моя!

248. 3 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

3–vi–39
8 ч. утра

Душенька моя, ну конечно, я вчера утром (после обычных телефонных упражнений — звонил Соломон, у которой обедаю во вторник, Вере Г.<еллер>, Тырковой, Цетлин, — у Тырковой буду в четверг) отправился в свой музей. Сначала я зашел к Capt.<ain> Riley (редактор «Entomologist»). Он, посмотрев на мой meladon, сказал: 1) it is something quite new, 2) единственный человек who may know *something* about the question — это Stempfer, живущий в Париже (и с которым у Riley была в 29-м году знаменитая история насчет carswelli-arcilani, — помнишь), 3) что я должен непременно publish it в «Entom.<ologist>» и дать фотографии красавицы — нормально это обошлось бы мне в 2 фунта, но, кажется, можно будет устроиться задаром. Затем я пошел к Brigadier Evans, и мы с ним 2 часа сряду разбирали моих гесперид, среди которых опять-таки

есть одна неизвестная, но по многим причинам вопрос так сложен (Evans сам подозревал, что рядом с alveus'ом летает еще один вид, — кроме armoricanus и foulquieri), что придется мне еще там поработать. Завтракал я с Верой Марк.<овной>, тет-а-тет. Выяснилось, что Полицер прийти в субботу завтракать не может, но зато я вызван к нему, т. е. к Collins, в понедельник утром. Любржинский, которому я звонил, утверждает, что они жаждут «Севастьяна». К 3.30 я поехал в School of Slavonic Lang.<uages> повидать Струве и Sir Bernard. С Глебом довольно платонически поговорили об устройстве вечера, который он предлагает устроить 3-го, — но где, как и у кого — неизвестно. Сплетни о том, что он получил «повышение оклада», — чушь. Затем я повидался с Якобс.<оном> (у которого буду обедать в среду) и с некоторым трудом проник к Пэрсу. Он (может быть, чувствуя, что меня зря обнадеживал, и выказывая — кажется, искренне — возмущение по поводу отказа Лидса, который будто бы даже не нашел нужным его об этом известить) был со мной крайне мил и тут же продиктовал два письма — одно из них, нажимающее на Harper, другое… Словом, есть новая очень интересная возможность, в Intel<l>igence Service, который

к нему обратился за специалистами. Из университета я с Глебом зашел к Harris'ам, живущим неподалеку, там выпили чаю. В семь я был дома, обедал, покалякали, и я рано лег. Безумно хочется заняться новой книгой. Душенька моя, напиши мне два слова, обожаю, обожаю тебя. Сегодня звоню к Наде, пишу Винаверу, Чернавиной, Mrs Hill, и еще кто-то отмечен у меня, чай пью у Шкловской, а вечером иду, кажется, с Арнольдом на open air представление Шекспира. С деньгами пока обстоит так. Я до сих пор достал только 5 фунтов (от Пэрса — дар), но во всяком случае поездка моя окупилась. Смешной анекдот: частный сыщик докладывает, что влез на дерево, чтобы заглянуть в окно, на пару: «first she played with him, then he played with her, then I played with myself and fell off the tree». Радость моя, я думаю, что не нужно откладывать до первого июля нашу поездку. Целую тебя, очень целую тебя, еще десять дней.

как поживаете, машки собашки мои? устройте к моему возвращению бабочек. целую вас.

В.

249. 4 июня 1939 г.
Лондон – Париж, рю Буало, 59

4–vi–39
8 утра

Моя любовь, утром вчера, конечно, был в музее, где гесперид засасывают меня (вообще, это обаяние бабочек — какая-то блаженная бархатная бездна), завтракал дома и после завтрака написал три, — нет, четыре письма, — нет, даже пять: к Винаверу, Елизавете Гилль (с мольбой о переводческой работе), ответ полковнику Гарсию (пригласившему меня завтра к чаю), два слова Флоре (просившей меня ее известить, когда Гарсиа откликнется), Лиям и Чернавиной, — от которой через десять минут после ухода моего письма получил приглашение (и предложение небольшой работы — перевод), — буду у нее завтра. К четырем отправился к Шкловской, при мне написавшей письмо некоей Левицкой (бывшей пассии Милюкова), которая, по уверению Зин.<аиды> Дав.<ыдовны>, охотно предоставит апартаменты для вечера английского чтения — платного, разумеется. Оттуда пошел к Сабли-

ным, — она с сильным насморком, в синих очках, в коричневом платке, у нее живет в мое замещение Владимир Кирилл.<ович> В семь часов обедал и поехал с Гаскеллем в театр, — шекспировское представление на вольном воздухе, «Much ado about nothing» — во всех смыслах. Представь себе уголок парка (Regent<'s> Park), ряды стульев, зеленых, садовых (которые обычно сдаются черными старушками) в задних рядах и зеленых, палубных в первых. Тут же выдаются пледы, — я надел две фуфайки, хозяйский overcoat и берет. Сцена — свежепобритый газон в окружении деревьев и цветущих кустов, у «рампы» ряд холмиков из скошенной травы, остроумно скрывающих микрофоны. «Блестящая», хоть несколько закутанная публика, — великолепные актеры. Погода была идеальная, долго держался день, все время, пока укладывались деревья спать, вместе с ветром и птицами были слышны дрозды, потом голуби, и ход этого естественного вечернего действия не совпадал вовсе с ходом театральным, — так что небо и парк играли одно, а люди другое, — а потом, когда наступила ночь, небо стало совсем лиловым, а освещенные деревья ядовито-зелеными и совсем похожими на плоские, условно вырезанные декорации. Ле-

тало много ночных бабочек, а рядом с нами сидел симпатичный, но архибездарный автор «Магнолия-стрит». Нашел твое письмецо, мое счастье, по возвращении домой. 1) Да, — le grand-duc et le duc moyen, 2) crottin, 3) «дождь зарядил», — любое, 4) перевести дословно, насчет твердого знака, и снабдить примечанием. Вот. Сегодня утром иду с Гаскелль в Zoo, завтракаю у Веры Геллер, чай пью у Евы, обедаю у Гринберга. Сейчас позовут к брекфасту, — все это в халатах, к счастью. Душенька моя, люблю тебя, целую тебя, скоро вернусь, готовься, пожалуйста, к отъезду в горы.

митенька мой, ушки мои, радость моя!

B.

250. 5 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

8.45 утра
5–vi–39

Любовь моя разноцветная, гесперида моя, mihi, утром вчера поехали с милейшим Арнольдом (очень с лица похожим на кенгуру, что замечательно, ибо он бредит Австралией) и его младшим сыном (похожим на Mus disneyi) в Zoo. Изумительное зеленое место — и единственный зоопарк, где у зверей вид если не развеселый, то по крайней мере не удрученный. Конечно, долго любовались giant Baby Panda (открытую миссионером Давидом в 1867 году в китайских горах). Это дымчато-серое, с белыми подпалинами и большим черным пятном на каждом глазу, большеголовое, мягкое, как игрушка, животное ростом с медведя — и вообще похожее на медведя. Очень был также интересен господин — старик типа художника-натуралиста, с бородкой и загорелой лысиной, который каждое утро забавляется с волками, т. е. входит к ним

в клетку — валяет их, ложится на них, под ними, поперек них, целует их в зубы, тянет за хвост — а они думают о другом. Хорош был и островок в бассейне, совершенно как бы не защищенный, поросший цветами и кишащий разными ядовитыми змеями. Завтракал у Веры Геллер, от нее пошел к Еве. Очень забавный у нее сын (занимал меня взрослым разговором). И там и тут обсуждался вопрос моего положения. В пять ушел, оставя Еве еще копию письма (достал новые подписи за эти дни), которое она хочет направить лицу, которого мне не назвала. Так как было еще рано плыть к Савелию, я посидел в Гайд-парке, жаркое солнце, блеск радиаторов в зелени. Савелий был очень трогателен. Там были его родители — отец нашел во мне коллегу в смысле визных и паспортных приключений. Дома был к двенадцати. Тут маленький пропуск: не успел кончить письмо до брекфаста, а до завтрака нужно успеть в банк и к Collins'у. После чего завтракаю у Чернавиной, чай пью с полковником, в шесть у Otto (party в мою честь), вечером — кино с Гаскеллями. С деньгами обстоит пока неважно. Кроме 5 ф.<унтов> от Pares, я получил еще 10 ф.<унтов> через Еву. Кроме того, правда, Гринберг предложил мне (не лично, а через его

богатую фирму) обеспечить нам существование на первое время с начала октября здесь. Он еще точно не знает на сколько — месяц или дольше, должен мне позвонить. Во всяком случае, я думаю, тебе непременно нужно пойти к Татищеву для твоего паспорта (позвони для верности прежде всего Родзянке); я же, как только вернусь, подам в англ.<ийское> конс.<ульство> прошение на месячную нам визу в октябре. Чтобы докончить это письмо, присел на край какого-то монумента (Kensington Regiment something), и писать не очень удобно, хотя перо ведет себя идеально. Я думаю, моя жизнь, что теперь мы можем спокойно пуститься в Савойю 17-*го.* Ради Бога, устройся так. Очень жарко, и очень, очень, очень обожаю тебя.

митенька мой, что же ты не пишешь? люблю тебя.

251. 6 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

6–vi–39
8.30 утра

Моя любовь, вчерашний разговор с Collins был наиприятнейший. Dze book is as good as сольд. Меня принял сначала Milton Waldman, затем присоединился сам Collins. Задавали всевозможные вопросы, напомнившие мне несостоявшееся interview в Leeds. Им было важно знать, есть ли у меня еще книги dans le ventre, буду ли писать в Англии и т. д. Сегодня утром несу туда «La Course du Fou», которая их тоже очень заинтересовала: Waldman уже окрестил ее «The Fool's Mate» (овечий мат — в три хода, но одновременно и каламбур, — и каламбурный, кроме того, «перевод» слова «fou», — очень забавно). Конкретно разговор о «Севастьяне» кончился на том, что через несколько дней они will make up their minds — а я свой. Было маленькое изменение в программе, т. е. Чернавина перенеслась на другой день — так что следующий мой визит был

в Army and Navy Club, к полк.<овнику> Гарсия. Мы сидели с ним в биллиярдной <sic>, он пил чай, я виски. Сделать он ничего не может насчет Staff College, — хотя бы потому, что, по его словам, официального преподавания русского ни в одном из трех военных училищ не существует. Но человек симпатичный. Засим, моя душенька, поехал я к Otto, — у него было много народу, — например, Lovat Dickson, я старался искриться. Книжка у Macmillan'a. Будберг меня в свое время просила не говорить Otto, что я другой экземпляр дал Полицеру (Collinsову представителю), но Otto знает. Если в течение двух недель Collins мне сделает то конкретное предложение, которое намечается, а Macmillan (который вообще хуже, чем Collins) откажется, то книгу у Otto заберу. Однако сейчас положение из-за «двойной игры» (правда, я сам себе агент в переговорах с Коллинс — так что не так уж грешу против Otto) чуть-чуть мыльное.

«Комплиментов» я от Collins'a наслышался необыкновенных. Повторяю, было все это очень приятно — и почему-то думаю все об Ульштейно-Мэрикс периоде. Обедал дома (а завтракал в Milk Bar — было слишком далеко возвращаться между книгоиздателем и полковником), и пошли с Гаскеллями (с которыми очень по-

дружился, — милейшие во всех отношениях) в кинематограф, — прекрасный французский фильм «Le Carrefour». Сегодня днем я у Миши Л.<юбржинского>, а обедаю у Соломон. Радость моя, не забудь сделать то, что просил тебя вчера. Насчет паспорта и Савойи. Торчать до первого июля в Париже незачем. Остаться в Савойе можем до 1 сентября, — я привезу во всяком случае фунтов 45, а кроме того, можно рассчитывать на продажу «Севастияна». На днях выяснится и еще одна денежная комбинация. Обожаю тебя, мое счастие дорогое, пиши ко мне.

душенька мой, нравится эта картиночка?[140]

люблюблюлюлюлю тебя. через неделю вернусь.

В.

[140] Сноски: 140

Внизу страницы видны очертания оторванной наклейки — вероятно, с изображением автомобиля.

252. 7 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – Париж, рю Буало, 59

7–vi–39
11 ч. утра

Любовь моя, что же ты ко мне не пишешь? Не болен ли мальчишенька? Два слова всегда можно написать. Pas gentil.

Вчера утром занес «Course du Fou» Вальдману и в последний, четвертый раз побывал в музее. Brigadier Evans (гесперид), с которым я за это время очень подружился, дал мне важное поручение к Le Cerf в Париже — привезти certain types, которые ему нужны будут в октябре, из парижского музея, — а добыть что-нибудь от француза по почте невозможно, как мы все знаем. Кроме того, он мне сказал, что we are very understaffed here, необходимо разобрать несколько коллекций — и не исключена возможность, что мне там дадут работу, когда переедем. Вернулся к завтраку (жарко, все мреет, парки полны солнцепоклонников) и днем поехал к Мише. Он собирается деятельно заняться пьесой, ходы

у него есть. Оттуда поехал обедать к Соломон. Она поговорила с двумя лицами, одно в Адмиралтействе, другое в Foreign Office, и сегодня утром я им обоим написал по письму с приложением моих бумаг — куррик.<улум>, testimonials. Кстати, скоро надобно будет послать экземпляр этому — Harper'у, Samuel Harper'у. Сегодня завтракаем с Гаскеллями у Марии Соломойловны <sic>, затем в 3.30 встречаюсь с Molly на Виктории, затем к шести должен быть на party у Lovat Dickson'а (известный издатель), затем в Slavonic School и обедаю у Якобсона. Денек. Завтра вечером я у Тырковой. Душенька моя, мне дико скучно без тебя и его. Меня главное волнует, что мы не выберемся из Парижа 17 июня, — это необходимо, мне (кроме ловли бабочек) нужно писать — а новый межмолок в Париже затянет дело. Денег сейчас должно хватить на все — не говоря о том, что намечается еще одна помощь. Было ли что-нибудь от Е.<вгении> К.<онстантиновны>?; я буду ей писать в пятницу, после свидания с Ариадной. Я в этот раз ничего почти не трачу здесь, — 45 фунтов неприкосновенны. Ради Бога, напиши в St. Thorax, если это еще не сделано. Я здесь кое-кому говорил, что «мою жену приглашают знакомые в деревню, но она

одна с ребенком не может, потому что так никакого отдыха не выйдет». Я звонил к Сергею Р.<одзянко>, но его не было. Играю в теннис с Лурье в воскресение. Я себя хорошо чувствую, но мечтаю о тебе и о покое (и о бабочках, ça va sans dire). Мне кажется, я недурно справляюсь со всеми своими делами, а похвал от тебя не слышу. Целую тебя, мое любимое.

душенька мой, обожаю и обнимаю тебя. как капитан?

В.

253. 8 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

8–vi–39
8.30 утра

Душенька моя, I did not like your letter, it is quite off the point. Я хочу ехать 17-го. *Самое позднее* — 20-е, — это крайний срок, — ибо я хочу застать некоторые первые поколения. Напиши ей. Затем: 1) если я «развлекаюсь», то, очевидно, потому, что время есть: особенных дел в воскресение утром в Лондоне не сделаешь; 2) пьесой занят Любжинский. Когда есть всего один экземпляр, то вообще трудно что-либо «сделать». Я просил его во всяком случае дать ее переписать; 3) Тыркова уезжала, — раньше сегодняшнего увидеть ее я не мог, а по телефону кое-что уже ей сказал; 4) Гринберг дал 30 ф.<унтов>. Я тебе не говорил, что это на постоянное устройство mais c'est toujours quelque chose. Foolish and annoying; 5) никаких писем из Парижа Collins'у не надобно было, так как что они хотели, это именно личное свидание. У англичан цвет авторских глаз может сыграть иногда решающую роль; 6) к Hill я написал в субботу — да это большого значения не имеет; 7) от совершенно никчемного приглашения Church'ей, — you don't know what those parties are, — I do, — следовало бы отказаться. Однако я им написал, что «моя жена и я, мы будем delighted прийти, если только дела не задержат меня в Лондоне».

11 ч.

Я начал письмо до завтрака и сердился. Теперь прошло. Итак, мое счастие, вот какой был вчера день. Цетлина, по-видимому, уже кой с кем поговорила. Я должен быть у нее опять в понедельник. Тогда буду точно знать, на сколько можем рассчитывать по приезде (*кроме* гринбергских, о которых, разумеется, никому не сказал). В 3.30 уже был на Виктории, где пил лимонад с Molly. Она сказала, что готова и впредь все мое проверять и т. д., что очень мило, vu что ничего еще не вышло из пьесы. В 5.45 заехал к Otto и с ним отправился к Lovat Dickson (я вдруг сообразил — в его-то журнале вышел в свое время «The Passenger»). Там было много народу, — я был в ударе — глупо звучит, но я так чувствовал, — проговорил с Lovat больше часу (он читает «Севаст.<ьяна>» для Macmillan'a), и очень все было хорошо, ответ окончательно будет на днях. Мелькнула у меня новая теория литературного произведения, которую я ему тут же развил (впрочем, я уже как-то об этом думал: картину не смотришь слева направо, а сразу все вбираешь, по этому принципу должен быть построен роман, но в силу особенностей книги (страницы, строки и т. д.) необходимо, чтобы она прочитывалась дважды, и второй раз — настоящий). Обедал

у Якобсонов. Серг.<ей> Иосиф.<ович> предложил мне повидать Thomson'a (в комитете помощи Science and Learning), привезшего из Америки «8 мест для арийцев». Повидаю. Надеюсь, I shan't get into a mess, из-за того что одновременно интересуются «Севастьяном» Collins и Macmillan. Советуюсь с Гаскеллем по этому поводу. Завтракаю у Чернавиной, днем, вероятно, буду в «Fox Film Co.», где, мне сказали, нужны readers, обедаю дома, потом к Тырковой. Начинает все это надоедать — особенно после твоего письма. But I love you tremendously.

митеньку моего целую.

В.

254. 9 июня 1939 г.
Лондон – Париж, рю Буало, 59

9–vi

Душенька моя, любовь моя, ну что ж, еще пять дней, и вернусь. Чем больше думаю, тем сильнее хочется уехать из Парижа 17-го. Пожалуйста, не пойдем к Churcham! Это безумно далеко! Это будет дико скучно! Будет дождь. Никаких «контактов» все равно там не установишь. Умоляю! Сегодня был разбужен необыкновенно живым сном: входит Ильюша (кажется, он) и говорит, что по телефону сообщили, что Ходасевич «окончил земное существование» — буквально. Вчера я был утром (и потом завтракал) у Чернавиной. Получил перевод — научная статья об определении возраста мыши Mus flavicollis по костям, — 30 страниц мелкого шрифта. Я взял, потому что все-таки выйдет около 7 с половиной фунта, но надо кончить в четыре дня. Сел работать около двух в Kensington Park и потом (когда небо заволокло) продолжал дома, — сделал почти треть, — дико трудно и тяжко написано. 5 + 10 + 30 + 7½ +… Затем был в «Fox Film», очень милая дама сказала,

что readers по-русски и по-французски постоянно нужны, записала адрес и т. д. Продолжал мышь, обедал дома, потом пошел к Тырковой. Она, как уже мне говорила, ездила осматривать сдающиеся для беженских нужд коттеджи в 5 часах от Лондона, но говорит, что там ужасно, земляные полы, сыро, все по-нищенски — не решается поместить там Е.<вгению> К.<онстантиновну> и Ростика. Теперь она будет хлопотать, чтобы устроить их в здешнем русском общежитии, где условия гораздо лучше. Полагает, что из этого что-нибудь получится, и вообще, была очень душевна.

Сегодня получил письма, от Гилль (ничего путного), от Birch (увижусь с ним). До 1 часу буду заниматься мышью, потом завтракаю у Евы, в 3 — нет, Губский завтра, — сегодня Струве. В 8 обедаю у Поллицера. I have had enough, I want my work. Вера Марковна очаровательно мила, подробно-внимательна, — прелесть. Третьего дня в дикой спешке между Lee и Lovat, в дикую жару, я так вспотел, что в отчаянии вошел к chemist, попросил talc-powder, и старушка там сказала: you are the third gentleman to-day who wants me to sprinkle his back — посадила меня на стул и стала сыпать тальк за воротник. My darling, боюсь,

что найду тебя очень усталой и измотанной. К chort'у Church'ей — прошу! Сегодня совсем свежо. Все думаю, что тебе привезти. Хочешь перчатки? Номер? Или shorts'ы? Талия? Или это не играет роли?

Надеюсь привезти около 60 ф.<унтов> всего. I adore you, I kiss you so.

скучаешь ли по мне, мое счастие? привезу чудный воздушный шар… шуточка!

Спасибо, моя жизнь, за чудное письмецо, завтра отвечу мальчику.

Умоляю ехать не позже 20-*го.* Я писал ей, кажется 23-*го*, но напиши ей еще. Люблю, люблю, люблю.

255. 10 июня 1939 г.
Лондон, Хорнтон-стрит, 22 – *Париж, рю Буало,* 59

10–vi–39
10 ч. утра

Душенька моя любимая,

утром вчера занимался своей мышью — мучительная работа, жалею, что взял, но надо кончить ко вторнику. Потом завтракал у Lutyens'ов; он тончайший и милейший, и в смысле интеллигентности и чутья на много голов выше жены. Она думает, что вопрос о grant'е разрешится до моего отъезда, — я этого не думаю. Во всяком случае, я наконец добрался до «литературного фонда». Оттуда поехал к Струве, который написал обо мне Томсону в тот же Union for Protection, куда я в свое время обращался; но теперь, *после* моей кандидатуры в Leeds и хлопот Pares'а, есть шансы получить там такую же ссуду, как молодой деревянный Франк. Оттуда поехал обедать к Полицерам, там были: Гаскели, Вальдман с женой и известный книготорговец Buchanan (который в течение вечера назюзюкался и нес

Бог знает что). Вальдман (компанион Коллинса) пригласил меня на окончательные переговоры во вторник. По-видимому, речь идет о договоре. Ему *очень* понравился «La Course du Fou»; мне кажется, что они хотят обе книги, вторую в моем переводе. Поллицер умолял меня не иметь никаких дел с baroness Bugbear или Bedbug (как ее называет), ибо ее репутация топит книги, которые он<a> помещает. Гаскелль составил письмо, которое je suis sensé послать Otto Theiss (ее компаниону). И действительно: у меня с ней разговор шел только о том, чтобы книгу предложить Chatto и Windus (и я думал, что Отто их представил). То, что он просто пошел устраивать книгу и предлагает ее уже Macmillan'y (Lovat Dickson), совсем не было предусмотрено. Все же все это не очень приятно — хотя меня утешают, что все писатели попадают в такое положение.

Сегодня утром иду к Frank Birch'y, довольно знаменитому человеку, насчет Foreign Office. Потом завтрак с гостями у Гаскелей и затем иду к Губским. Вечером — театр. Между Губскими и театром буду переводить. Любовь моя, как я тебя обожаю сегодня и моего маленького, моего маленького… Долечи свои зубки, не хочу откладывать отъезд. Вообще, горизонт немножко

порозовел, — запоздалый оттенок… Что ж, еще три дня — и вернусь. До 20-го, может быть, напишу статью для Руднева, она у меня в голове готова. И новую книгу пора начать. И тебя поцеловать, мое очарование.

спасибо за бабочек, мой душенька, и за письмо. скоро приеду!

В.

256. 11 июня 1939 г.
Лондон – Париж, рю Буало, 59

11–vi
Полночь

Любовь моя, когда по величине $t = \frac{D}{mD}$ судят о реальности или нереальности разности между средними 2-х выборок… и т. д. и т. д., — тридцать плотноубористых страниц of that stuff. Мне осталось всего сделать пять.

Вчера был утром у Frank Birch, которого, оказалось, я не раз встречал в Cambridg'e! Он взял копию моих бумаг, предложил ее размножить и разослать списку лиц, который он тут же составил, — для получения job'a в Foreign Office. Страшно был мил и говорил о моих бумагах that they are «quite formidable». Завтракали вшестером у Хаскеля, потом пошел к Губским, там сидел час, и уже в четыре засел за этот треклятый перевод, и работал до половины девятого, когда пошли в театр, — дурацкий revue, very topical, ужасная пошлость, и потом дома ужинали. Сегодня все утро играл в теннис в клубе, было очень весело и приятно, там же завтракал, затем посетил Лу-

рье и в пять опять прилип к переводу. Работал без перерыва до 9.30, когда позвали ужинать. Веры Марк.<овны> не было, а Гаскелль привел «маленькую танцовщицу» — очень хорошенькую, с толстыми ногами и страшно стесняющуюся. Он вчера был очень горд в театре, потому что в одной песне было о нем: «our Arnold». Сразу после ужина я продолжал работать и сейчас вконец изнемог. Завтра утром надеюсь кончить, потом к тете Бэби, потом завтрак у Цетлиной, потом Thomson, потом обед у Harris'ов. Очень, очень устал. Кажется, два письма сольются в одно, так как я обыкновенно пишу утром, а сегодня уже два дня описаны, мое счастье. Завтра вечером будет последнее отсюда письмо. Один из моих партнеров был сын Фульды; старик живет в Меране. Я тебя обожаю, и не терпится мне вернуться. В последние два дня многое должно разрешиться, хотя уже ясно, что: 1) можно будет спокойно прожить лето и 2) приехать сюда в октябре. Lots of kisses, my sweet darling.

t = D'

mD

а как школка, маленький мой? в среду приеду. это рифма. люблю тебя и твою маму.

B.

257. 12 июня 1939 г.
Лондон – Париж, рю Буало, 59

12–vi–39
7 ч. вечера

Любовь моя, столько сегодня навалило работы и беготни, что только успею два слова тебе написать. О Ростике я говорил со многими людьми, но невозможно в многих случаях смешивать эти два плана, т. е. искать одновременно job и т. д. и просить устроить племянника. Два человека мне сказали: «устройте сперва вашего сына». Во всяком случае вопрос нашего (сперва моего, потом вашего) переезда сюда разрешен. Цетлина обещает найти нужные на три месяца 100 ф.<унтов> Я только что кончил перевод, завтра несу его Чернавиной, завтра же Collins. Не позже 25-го, моя радость, — помни! А то один уеду (ах так. Пожалуйста, — можешь совсем даже один…). Шучу, мое счастье дорогое, и очень, очень люблю тебя.

а ты, мой душенька, встреть меня на вокзале в среду в пять сорок пять.

В.

258. 18 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87*-я Вест-стрит,* 35 *– Уэлсли*

Душенька моя,

только что получил твое с милыми приписками miss W. и L. и с китайской вязью Митеньки. Мансветов — дурак и сволочь. Я предчувствовал, что он, пошляк, испугается. Я люблю тебя. Борис Васильевич хорошо знает Бородина, говорит, что лицо у него вроде смуглой задницы и что он темная, кромешно-темная личность, едва ли не коммпровокатор, был выгнан за хамство с треском из фирмы, где оба служили. Но как же ты обойдешься без этих мансветовских 50? На днях должен со мной снестись редактор «Antlantic», может быть, купит, и тогда сразу пришлю. Если будет ответ от «New Rep.<ublic>», перешли, я бы здесь хотел написать статью, много свободного времени и дивная тихая комната. У Богославских застал отливающую волну народа (две-три американских четы и довольно хорошенькую деву русскую, на которую Борис явно зарится), играл с ним в шахматы и основательно

подготовил мои две первые лекции. Лег рано, принял беллофолит, и почти сразу началось невероятное в животе (а до того весь день была какая-то грусть в кишках, хотя питался скромно) — при этом дикий озноб, лихорадка, сорок температуры, судя по пульсу, и тошнота. Дом спит, в окно сквозь щели мчится поднявшийся ветер (так что занавеска вела себя, как если бы окно было распахнуто), и мое состояние такое, что с ужасом уже думал, как завтра буду телеграфировать в Wellesley, что не приеду. Навалил на себя все теплое, что мог собрать, и, покончив с лекциями (которые уже казались кошмарно-ненужными), около четырех утра заснул. Утром проснулся в насквозь мокрой пижаме идеально здоровый, с давно не испытанной легкостью в желудке, которая продолжается до сих пор. В чем дело? Мне кажется, что это был настоящий кризис, ибо контраст между ночью и утром был совершенно потрясающий, — настолько потрясающий, что я из него вывел довольно замечательную штуку, которая пойдет на удобрение одного места в новом «Даре». При этом я люблю тебя, моя душенька, печеночку твою целую, так хочу, чтобы ты скорее поправилась. Вчера, только я был готов, Борис Вас.<ильевич>,

конечно, не могший повезти меня на автомобиле, сообщил, что, собственно, через десять минут уходит наиболее и единственно удобный поезд в Бостон, — и как я успел, сам не знаю. Ехал часов пять, с множеством ноншалантных пересадок (Wellesley — одна из станций, составляющих идею Бостона), но я себя так удивительно чувствовал, что прямо наслаждался дорогой. Здесь прелестная, холмистая местность с озером, со зданьями колледжа, напоминающими Кэмбридж. Брекваст в 7.30, в общей зале, где нельзя курить. Сижу отдельно за столом с пятью старыми девами, профессоршами, и — как ее звали, хозяйку антибского дома — на нее похожей, но очень милой Miss Kelly. В высшей степени очаровательно и комфортабельно.

Между сегодняшними двумя утренними лекциями (Russian Novel XIX Century и Short Story — Gorky-Chekov) повлекли, конечно, осматривать библиотечные сокровища, всякие первые изданья и потрепанные фолианты, от которых меня всегда мутит. Но очень кругленькие дырки, произведенные червем в первом переводе Евклида, дырочки, как бы иллюстрирующие гораздо менее совершенно преподнесенные теоремы, понравились мне своей тонкой усмешечкой:

«Могу сделать лучше». Библиотекарша rather misunderstood my delight и потащила в отдел итальянских манускриптов.

Лекции прошли очень удачно. Miss Perkins (которую я два раза назвал Miss Pinkley), кругловатая, слегка еврейского вида, спинстерша, присутствовала и была, кажется, довольна. Девы — все спортивного вида, всюду пуховые перчатки, много прыщиков и губной краски, в общем очень мило. Звонил Карпович, буду у него в субботу.

Целую тебя, моя дорогая любовь, будь здоровенькой, как писал мой изгой.

B.

259. 19 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Уэлсли*

Trinity
WELLESLEY COLLEGE
WELLESLEY, MASSACHUSETTS

Душенька моя любимая,

хорошая новость: сегодня звонил ко мне из Бостона редактор «Antlantic» <sic> — We are enchanted with your story, it is just what we have been looking for, we want to print it at once, и много других ласкательных. Просил еще и еще. В понедельник завтракаю с ним в Бостоне. Написал Перцову об этом. Произвел впечатление здесь — очень вышло удачно.

Про лекции я и не говорю. Всякий раз (вчера «Пролетарский роман», сегодня была «Советская драма») больше народу, и аплодисменты, и похвалы, и приглашения, и т. д. Обе мои шапронши, Perkins и милейшая Kelly, сияют. Как ты, моя лю-

бовь? Напиши. Не знаю еще, сколько антлантида <sic> отвалит, — но предварительные комплименты должны как-то отразиться удлинением цифры на озере цены. Очень люблю тебя. Завтра свободный день, буду шлифовать следующие лекции, в субботу в 2 еду к Карповичу, буду обратно в понедельник к 6-ти. Сегодня теплее, снег сахарнее, небо ментонского тона, повсюду в доме солнце пробует нарисовать круги или клетку. Et je t'aime. Увствую себя удно (держал в зубах мундштук) — чувствую себя чудно, меньше курю, потому что в большинстве помещений не дозволяется. Написал Miss Ward, Чехову, Даше, Наташе, Лизбетяше. Сегодня читал в особенно большой и полной зале с органом и кафедрой.

Miss Perkins заразилась в Константинопле странной болезн<ью>, голова валится на левый бок, так что она очень ловко и незаметно <ее> поддерживает то пальцем, то сумочкой — но я-то заметил сразу. Сегодня вместе с ней исправлял английские сочинения дев, и она приняла все мои поправки (и заодно я исправил одну ее поправку). Вчера обедал в клубе дев, «можешь себе представить», как я гарцевал за столом, окруженный красавицами и стараясь не плюнуть сквозь дыру во рту. Началось с ученых разговорчиков,

но я очень скоро понизил уровень — словом, très bien, très beau parleur, а Miss Perkins предупредила, чтобы я сидел до половины восьмого, но не дольше. Она будет в Нью-Йорке и хочет познакомиться с тобой. Судя по некоторым хинтикам и жанру вопросов, у меня впечатление, что, может быть, пригласят на осень, — не знаю.

Оказывается, в предыдущем номер<е> «Atlantic» (все время пишу через лишнее «н», как «инцинндент») были издательские вопли, что так дальше нельзя, что необходимы им настоящие вещи, все равно о чем, но настоящие. La rosse rousse sera bien enfoncée (только что беседовал с профессором французского — заразительно). Думаю, — что дальше перевести (тем же способом с П.<ерцовым>, с которым приятно и легко работать), а? «Тиранов»? «Оповещение»? Или написать одну штучку по-русски — и потом перевести? «Живя в Уэлзлейском университете среди дубов и вечерних зорь мирной Новой Англии, он мечтал променять свою американскую самопишущую ручку на собственное несравненное русское перо» (из «Владимир Сирин и его эпоха». 2074 г., Москва). Ко мне как-то возвращаются мои кэмбриджские настроения. Целую тебя, моя душка, мое несравненное перышко. Напиши!

В.

260. 20 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Уэлсли*

20–iii–41

С той ночи *абсолютно* прошел живот![141]

Любовь моя,

сегодня тихо занимаюсь лекциями и переводами из Пушкина. Боюсь, что завтра не успею тебе написать: утром «talk» в классе английского стиля и композиции (словом, в отделе английской словесности), этак на полчаса (не входило в программу, но согласился), а затем лекция о Совьет Шорт. После чего — Бостон.

Утром сегодня гулял, ветер повернул на весну, очень выпуклый, но еще холодно. Бумажно-белые, неприлично тоненькие стволы маленьких американских берез на фоне молодого голубого неба. Оберточная бумага сухой дубовой листвы. Резко яркие, красные, синие рамы девичьих велосипедов (не забыть завтра две вещи: Вело, Штейн!), прислоненных под елями.

Гулял один. Seul. Solus.

---

[141] Сноски: 141
Написано вертикально по левому краю страницы.

Вот, например, это:

[tempest nighing]
That sea-day with a storm impending –
how enviously did I greet
[dying]
the rush of tumbling billows ending
in adoration at her feet!

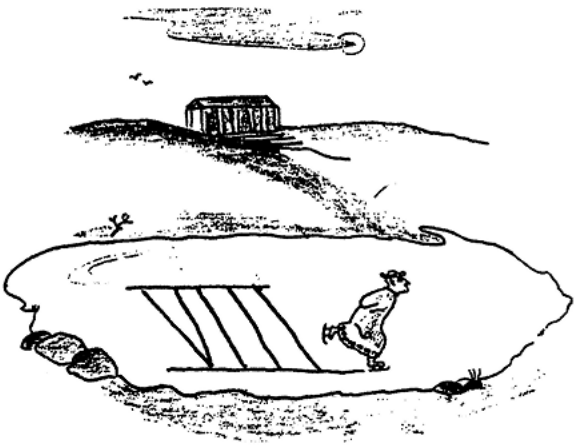
Интересно, поймет ли Митенька соль рисунка, который я для него сделал. Объясни ему сперва, что конькобежцы рисуют 8 и что римляне ходили в таких «халатах». Ich hab gedacht, dass ich bekomme ein Brief von Dir heute. Здешняя профессорша немецкого не знала, кто такое Кафка.

Милейшая мисс Kelly теперь посылает мне plateau с роскошным бреквастом в постель, почуя, что я долго не выдержу этих общих трапез в четверть восьмого утра. Кухарка поклялась, что «we are going to put some fat on the bones of that man», и изощряется в поджаривании разнообразнейших сладких булочек, которые я ненавижу. Обожаю тебя, моя кошенька.

B.

WELLESLEY COLLEGE
WELLESLEY, MASSACHUSETTS

МИТЕНЬКІЪ.



РИМСКАЯ ВОСЬМЕРКА

261. 24 марта 1941 г.
Нью-Йорк – Уэлсли

5 ч. понед.

Душенька моя дорогая,

я получил от тебя только *два* письма, первое с приписками Г. и Л.<избет>, а второе, только что, — от Мусиньки Набокова. А было какое-то промежуточное?

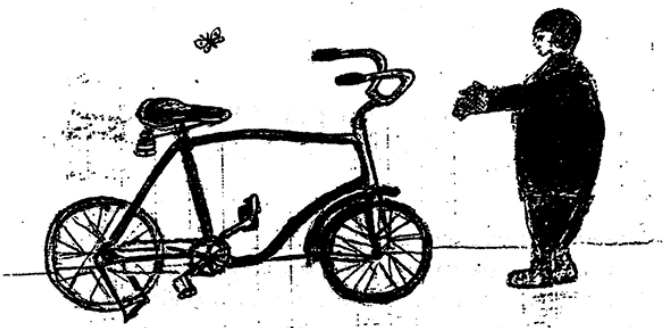
Я только что вернулся от Карповичей, где было, как всегда, симпатично, но по-новому уютно, — очень светлый и легкий дом, еще не успевший (хотя в некоторых углах уже начинается) распуститься. Вода в ванной была, как я сказал Татьяне, скорее похожа на (теплую) дружбу, чем на (горячую) любовь. Вчера было много гостей — Евгений Рабинович (!), такой же на подкладке и толстоногий, брат Перцова, Ледницкий — такой желтовато-смуглый поляк, который, когда рассказывает о своем бегстве, всякий раз повторяет: «…ну, захватил необходимые мелочи — одеколон, зубную щетку». С мертвыми глазами и идеально бездарный. Сегодня завтракал с Weeks — оказалось, что он тоже Trinity College man! Корректуру

он мне пришлет сюда. Я, кажется, ему дам теперь «Весну в Ф.<иальте>» Одна из reader'ш, бывшая тоже за завтраком, сказала мне: «I knew you would be distinguished, but I didn't know you would be fun». Сейчас обед. Я люблю тебя. Я так и не знаю, как ты себя чувствуешь. Велосипед едет завтра в Нью Иорк прямо на квартиру. Завтра у меня две лекции «Technique of Novel» и повторение Чехов — Горький. Вечером придется приналечь, кое-что еще не сделано. Сыро, дождь, все расплывается, как слишком мокрая акварель. Это мое 4-е письмо.

Обожаю тебя.

B.

Мусинька мой, велоша ѣдетъ къ тебѣ!



Вотъ онъ какой! папочка.

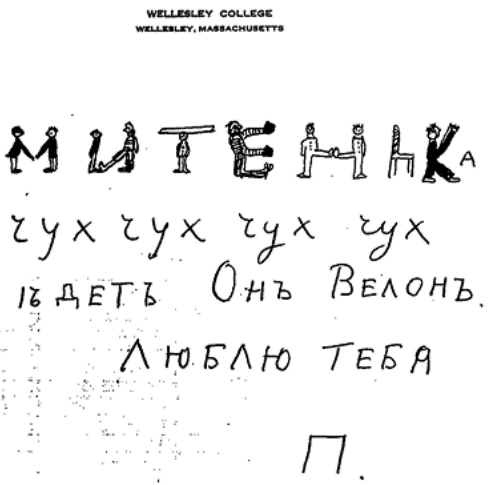
262. 25 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Уэлсли*

Любовь моя дорогая, получил то промежуточное (и дорогое), которое я уже оплакивал. Счастлив, что тебе лучше. Да, подождем отвечать болвансветову. Председателю Седых отвечаю, что мог бы, но хочу знать, сколько платят: меньше чем 50 за одну лекцию или 200 за пять (а больше пяти не могу) брать не стоит. А читать предложу собственное. Ровно пятьдесят лет тому назад тут был Сергей Волконский и оставил пошлейшее описание Wellesley в своих «Странствиях».

Сейчас полдень, только что вернулся с двух лекций: *очень* успешных. Но смею думать, что, когда мне говорят «it will be a tragedy when you go away», это самая простая американская любезность.

Завтра утром — нет, послезавтра — иду на поклон к Президенту, которую представляю себе как пчелиную или муравьиную матку. Завтракал нынче первый раз с мужчиной здесь, — профессором английской литературы. Ты мне не пишешь, как твое другое маленькое здоровье. Совершенно

между нами: мне хочется домой. Когда чувствую, что лекции меньше чем на 50 минут, выгадываю время писаньем мелом фамилий русских писателей на черной доске. Впрочем, пришлось несколько раз говорить без записок — поясняя, отвечая на вопросы, — и было довольно легко.



Неужели я не успею до завтрака нарисовать что-нибудь для Митеньки? Удивительно приятное впечатление осталось от Atlantic'а и от Уикса. Целую тебя в ключицу, моя птица.

B.

263. 26 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Уэлсли*

Среда
Утро

Любовь моя,

только что получил корректуру «Cloud etc» и милейшее письмо от Уикса. Сейчас иду завтракать; готовил в постели сегодняшнюю послеобеденную, самую ответственную лекцию (окончание «Technique of Novel»: Vosstorg and Vdakhnovenia) и немножко гулял, — яркий ветер, сильное солнце, из озера прямо можно накачать fountain-pen; ни одной бабочки. Вчера обедал с Miss Perkins и тремя другими милыми развалинами. Brown мне сказал — после того, что я пожаловался на невозможность понять суть сквозь преувеличенные любезности, — что действительно — необыкновенно довольны. Очень слышно бьет (скорее моросит) фонтан сквозь слоновую глыбу льда, совершенно закрывшую его.

5 часов

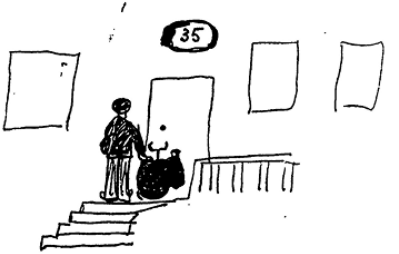
На лекцию (сегодня была открытая) очень кста-

ти приехала Татьяна Ник.<олаевна>, потом пила у меня чай, а тут пришло твое дорогое с Анютиным делом. Карпович уже получил и все сделает, но я на всякий случай условился, что буду у них с субботы на воскресение (уезжаю в Риджфильд из Бостона в 1 ч. дня — это значит 30-го, — и думаю, что уже 1-го или 2-го отбуду в Ново-Иорк). Лекция была очень пышная и авантажная. Остается всего одна, в субботу утром (повторение Sov.<iet> short). Сейчас везут на торжественный обед, потом в театр. Мне как-то не удалось спросить Уик<с>а, сколько он<и> заплатят, но знающие говорят, что за обыкновенную статью такого же размера платят 150 долларов. Надо будет скоренько переанглицевать «Весну». К Перцову сунулся Алданов с рассказцем, и тот согласился. Мне не нравится, что ты все еще в постельке. Моего Мусиньку Набокова целую и тебя, моя нежность. Благодаря «Антлантику» <sic> мы легко вылезем из долгов и будет на поездку.

Люблю тебя еще.

В.

ДОРОГОЙ МОЙ,
МУСИНЬКА НАБОКОВЪ
ДУМАЮ ЧТО ОНЪ
ПРІІЪДЕТЪ ЗАВТРА



264. 28 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Уэлсли*

28–iii–41

Любовь моя милая,

я получил очень любезное письмо от Dennis и окончательно ему ответил, что готов написать для «New Rep.<ublic>» статью в 3000 <слов> «Art of Translating». Вчера спал и писал. Сегодня 28 марта. Написал Бертранду, Шварцу, Wilson'у, Седых, Weeks, Богословскому, Едгару Фишеру, Лоримеру, Dennis, Алданову и отослал пруфсы. Вечером был на скучнейшем концерте некоей Лили Понс, акробатическое сопрано, выкрашенное в оранжевую масть, под загар, в белом широкоюбочном платье. Маленький черненький еврейский флейтист, похожий на застенчивого сатира. Было так много народу в театре, что человек сто поместилось на сцене, — совершенно пожилые самцы и самки из «New Yorker»'а. Както не сообразил подойти к Кусевицкому. А вчера вечером был банкет — весь staff английского отдела и наиболее умные и красивые девы. После

чего мне предложили поговорить о Mansfield, Flaubert, Proust и т. д., и получилось очень нагло и оживленно. Сейчас восемь часов утра, я люблю тебя. В 11 иду на поклон к президентше, молодой даме, которую уже глимпснул на концерте.

В воскресение, 20 апреля, мы обедаем с Miss Perkins в Russian Tea-room. Вчера я вдруг понял, на кого она странно похожа, — манерой держать палец у виска, легким тиком, привычкой чуть кланяться, *всказывая* что-нибудь. Очень pointedly интересуется тобой (Wellesley-rein?). Насколько я понял, «Bobbs-Merr.<ill>» интересуется фильмовой авантюрой, а?

Завтра после утренней лекции уезжаю к Карповичам. В общем, все здесь было необычайно удачно (кроме одного вчерашнего лапсус лингви во время дискуссии: студентка: «But don't you think that a reader must *live* with the characters?» Я: «No, with the author»). Следующее, моя птица, будет, пожалуй, только в понедельник из Риджф.<ильда> Люблю тебя.

В.

12 ч.

Продолжаю после визита к президентше. Мне было сказано, что так довольны мной, что заплатят 300 доллар.<ов> (вм<есто> 250), что

по крайней мере конкретно. В час завтракаю у нее с дорогими Perkins и Kelly. Получил только что твое милейшее. Да, завтра хорошенько налягу на М.<ихаила> М.<ихайловича> Не сомневаюсь, что он все сделает. Сегодня сизоватенькая погода, очень тепло, — и чайки выловили всех золотых рыбок из пруда. Я заплатил за вело, после долгого спора, 2 долл.<ара> и 60 с.<ent> за отправку. Когда я выехал, у меня было около 6 или 7 долларов, не помню. Билет до Darien стоил доллар. Да, у меня было около пяти в Darien'е. Дорога из Дариена сюда стоила больше шести. Я занял 10 у Богословского. Тут почти каждый день мне подают или высылают за мной таксомотор, и каждый раз 25 или 50 с.<ent> Засим вело, папиросы и другие мелочи. Словом, чтобы ехать в Риджфильд и домой, не хватит, — если не кассирую чека. Бедный, бедный старик Г.<ессен> Отослала ли ты мое письмо? Меня спросили: хочу ли permanent job. Не знаю — не знаю, — как говорил Зёка. Правда, тут прелестно, — но все деревья оспринцованы, так что, вероятно, бабочек мало. Русскому клубу я уже написал, что 50. Да, в четверг я уже, должно быть, буду. Я еду через Norwalk к Чех.<ову> — не Norfolk. Боже мой, нужно бежать. Обожаю тебя, моя кошенька.

B.

ДУШЕНЬКА МОЙ,
НУ ШТО, ПРІЪХАЛЪ ВЕЛОПЕДИКЪ?
Скоро и самъ пріѣду.
Цѣлую ТЕБЯ ВЪ ЛЮБИМОЕ МѢСТО.
ОТЦѣПЛЯЕТСЯ!!!

265. 31 марта 1941 г.
Нью-Йорк, 87-я Вест-стрит, 35 – *Ридж-филд (Коннектикут)*

31–iii–41
Утро

Любовь моя хорошая,

из-за разъездов совершенно как-то не мог вписаться к тебе. Последняя лекция, в субботу, была, кажется, самая удачная (short story Sov.<iet> — повторение, но я передраконил). После нее поехал с Miss Kelly посмотреть на знаменитую коллекцию бабочек в одном частном доме я люблю тебя коллекционера Denton — и действительно дивные экземпляры, но с катастрофическими этикетками и без localities. Затем приехала Татьяна, и поехали к ним. У бедного М.<ихаила> М.<ихайловича> нарыв на голове. Он мне клятвенно обещал, что в понедельник, т. е. сегодня, все будет сделано. Я налег, все сказал, что ты мне писала, думаю, что все будет сделано.

WELLESLEY COLLEGE
WELLESLEY, MASSACHUSETTS

Милый мой

постригли ли

тебя?

Ходишь ли въ

снѣжный паркъ?

Люблю тебя

папочка

Вчера днем отправился сюда — шесть часов езды, но теперь я уже близко от тебя. Прелестное гористое место вроде Vermont'a, хрустальные нагромождения в бегущих ручьях, совершенно сиреневый день, лес, проталины, но ни одной бабочки. Вечером часа четыре беседовал с Чеховым о Дон-Кихоте, ему очень понравилась моя штучка, и изменения, которых он хочет, просты и в общем в тон. Но это будет, конечно, не моя вещь. Христианские просветления и т. д. Сегодня вечером будем опять работать. Приеду в среду, 2-го. Меня устроили в актерском общежитии (в мужеском отделе я люблю тебя), гораздо менее удобно, чем Wellesley (от которого, в общем, у меня осталось прямо очаровательное и чрезвычайно лестное для меня впечатление, — лучше не могло быть во всех смыслах). Солнце, тени, живопись Жуковского. Чехов — какая-то часть Лукаша плюс гениальность. Сейчас иду на репетицию. Днем увижу Жданова и его класс. Когда вылезал из вагона, оборвалась рукоятка чемодана. Обожаю тебя, мое дорогое.

B.

митюшенька мой
как он действует?
радость моя!

П

266. Без даты. 1941–1942 (?) гг

Душка моя, Miss Perkins очень просит прийти на чай в Faculty Room (Green Hall), так что я зайду к Miss Kelly около 3.15 и к *четырем* поплыву с ней в Fac.<ulty> Room. Приходи туда.

267. Не ранее мая 1942 г

115 – 38 = 76

Верочка,

сделай мне *по-англи<й>ск<и> раньше всего* список *печатный* всего, что съел Чичиков за этот день начиная с брекфаста (двух) у Коробочки, и что предлагал Плюшкин, и кончая ужином (p. 38–115) *Ch<apters> III–VI.*

Озаглавь:

Chic<hi>kov's diet during one day of 75 *pages* ()[142]

(contrasted
with what he did *not* eat at Pl<y>ushkin's).

[142] Сноски: 142

От пустых круглых скобок Набоков провел стрелку к арифметическим расчетам в верхней части страницы (правильное решение — 77).

268. 3 августа 1942 г.
Вест-Уордсборо (Вермонт) – Кембридж (Массачусетс)

West Wardsboro, Vermont
3–viii–42

Душенька моя дорогая, получил только сегодня твое письмецо с медведями. Я думаю, что тебе нечего трястись с Newell в четверг (да и неизвестно еще, поедет ли он), а лучше приехать в *субботу* с Дерриками и Наташей. Митюшенька очень хорошо себя ведет, и хотя мне не удается ни строчки написать, благоразумнее еще продлить на два дня эту бездеятельность. Карповичи едут в среду в Кэмбридж, и, чтобы столковаться насчет времени и места отъезда Дерриков, надобно тебе позвонить Левиной. Я завтра буду звонить Лизбет.

Хозяйка пишет, что если мы увезем вещи до 15 — VIII, то не надо платить за август. Вкладываю ее письмо и письмо от еврейского общества. Сегодня сказано в русской газетке, что «проверка) пассажиров (среди них отмечен «И.<лья> Фейгин»), прибывших в Бальтимор, производится

очень медленно. 175 человек временно переведены с парохода на бальтиморский “Остров Слез”». Может быть, следует тебе позвонить Бромбергам (она написала сюда о приезде Анюты и о том, что она послала телеграмму ей ехать в Нью Иорк). Не думаю, чтобы стоило ей трембалировать на десять дней в Вермонт.

Он великолепно сегодня играл в мяч; расправил пять бабочек и написал сам этикетки; построил с Маришей новый дом; купил нового Супермана, которого я ему читал перед сном; очень много ест и засыпает мгновенно.

Погода отвратительная: довольно ясно, такое судорожное солнце и беспрерывный ветер. Я тебя люблю. Ночниц нет — т. е. невозможно отворять окно — так дует. Вообще, довольно бездарное лето, но ему идет впрок. Читал ему «Нос» — он очень смеялся, но предпочитает Супермана.

Не забудь привезти: 1) ром, 2) коробку, 3) булавки (medium). Скажи Банксу, что очень скучаю по музею.

Ты мне написала очень душеньковое письмо. Если квартира подыщется хорошая, но дороговатая, — бери. Лучше кряхтеть над платой, чем над неудобствами. Эти Arctia virgo влетают, как арлекин на сцену (я все-таки приоткрыл

сейчас окно, к великому волнению лампы). И не забудь про мою комнату. Мне придется немало работать этой зимой.

Банк прислал твои чеки. Гольденвейзер сообщает, что передаст 50 долл.<аров> Анюте. На днях напишу русские стихи. Он вдруг понял, как нужно ловить и бросать.

Тележка еще не пришла; придет, наверное, завтра. Целую тебя, моя дорогая радость, моя постоянная сверхпрочная и чудная радость.

В.

Адресую Лизбет: ибо иначе вернется бумерангом сюда.

В последнюю минуту пришло письмо от Анюты. Прилагаю. Целую тебя нежно.

269. 2 октября 1942 г.
Хартсвилл (Южная Каролина) – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Пятница
Утром

Душенька моя, только два слова, чтобы сказать тебе, что я тебя обожаю и что благополучно прибыл после разных приключений в 6 часов вечера, а лекция (*очень* удачная) была в восемь. Сейчас бегу на следующую (всего три). Напишу подробно сегодня же.

Митеньку моего и Анюту поцелуй.

В.

270. 2–3 октября 1942 г.
Хартсвилл (Южная Каролина) – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

2–3–х
Пятница и суббота

Душенька моя,

миллион бабочек и тысяча оваций (с поправкой на пылкое радушие южан).

Но ехал я прегадко. Когда в Нью Йорке я влез в спальный вагон, то оказалось, что моя койка занята другим горизонтальным пассажиром, которому продали тот же номер, как и мне. Он, впрочем, принял это кротко, и мы дружелюбно пробеседовали в атриуме уборной, покамест кондуктора решали нашу задачку. В конце концов он был отправлен в другой вагон, а я вкарабкался к законному себе — что произошло уже около пол<y>ночи. Спать я совсем не мог, так как на многочисленных станциях не давали покоя дикие толчки и громыханья от совокуплений и размыканий вагонов. Днем бежали прелестные пейзажи — громадные и разнообразные деревья, — каким-то маслянистым оттенком и пе-

реливчатой зеленью напоминающие не то мои представления о долинах Кавказа, не то сублимированную растительность Поттера (с примесью Corot). Ни малейшего признака осени и мягчайшее вместе с тем «очей очарование». Когда вылез во Флоренции, жара, и солнце, и веселость теней сразу поразили — вроде того, что ощущаешь, попав на Ривьеру из Парижа. Поезд опоздал на час, и конечно, никакого автобуса уже не было. Я позвонил в Coker, и оттуда ответили, что через некоторое время мне позвонят насчет автомобиля. Ждал я полтора часа, в ресторанчике, около телефонной будки, в состоянии все возрастающем усталости, небритости и раздражения. Наконец сдобный голос сказал мне в телефон, что он находится во Флоренции по делу, что он профессор (фамилию не разобрал) колледжа, что ему дали знать о положении и что около шести он вернется — со мною — в Гарцвилль. Лекция назначена была в восемь. Я спросил, довольно, кажется, белым голосом, как он себе представляет мое ожидание (до шести было около трех часов), и тогда он весело сказал, что заедет немедленно и отвезет меня в гостиницу, какую, не сказал, и я даже не был уверен, правильно ли я понял его. Я отправился в waiting room рядом и стал его

ждать. Через некоторое время мне показалось, что какой-то молодой таксомоторный шофер, переговаривающийся с кем-то в таксомоторный телефон у входа (я вышел наружу, наскуча твердыми скамейками и духотой), выговорил мое имя. Я подошел и спросил, не меня ли он назвал. Оказалась ошибка — ему звонил какой-то Yellowater или что-то вроде — словом, по звуку отдаленно схожее. Затем, будучи разговорчив, он сообщил мне, что его товарищ, которому кто-то велел из такого-то отеля привезти с вокзала кого-то, сломал машину, наскочив на грузовик, и просит его исполнить это поручение. Мне *показалось*, что имя гостиницы — как раз то, которое упомянул сдобный голос, и я предложил его несколько медлительному рассмотрению вопрос: не я ли тот, за которым он должен заехать. Выяснилось, что действительно речь шла о господине, собирающемся в Гарцвиль, но ни моей фамилии, ни фамилии посылавшего товарищ ему не сообщил, и теперь уже был недостижим. Так как никто за мной не являлся и так как я совершенно не знал, что делать (то есть я, конечно, мог взять за десять долларов автомобиль и просто поехать в Coker — но я боялся, что обладатель сдобного голоса будет меня искать вечно),

я почему-то решил, что речь идет обо мне. Когда с чемоданом я был привезен в «Салмон Хотэл», то там выяснилось, что никто ничего не знает. Последнее слабое звено с Hartsville, представленное меня привезшим шофером, исчезло (я его сдуру отпустил), и вот я торчал в холле с кошмарным чувством, что все — сплошное недоразумение, что меня привезли сюда вместо кого-то другого и что Голос меня безнадежно ищет на вокзале.

Поразмыслив, я решил позвонить опять в колледж, чтобы по крайней мере узнать фамилию Голоса; вместе с тем я не доделал больших дел в поезде и чувствовал необходимость это совершить немедленно. Когда я подходил за соответствующей справкой к конторе, то услышал, как один из многочисленных людей в холле говорит другому, что не понимает-де, в чем дело — почему не едет обратно посланное им на станцию такси. Я вмешался и довольно отчаянно спросил, не меня ли он ждет. «Oh no, — ответил он, — I am waiting for a Russian professor». — «But I am the Russian professor!» — «Well, you don't look like one», — сказал он со смехом, и тут все выяснилось, и мы обнялись. Он оказался некто Ingram, профессор богословия, добродушнейший и вообще милейший. Было уже около четырех,

и он обещал, что, покончив со своими делами, заедет за мной вскоре после пяти, чтобы везти меня (за пятьдесят миль!) в Coker. Чувствуя, что не успею побриться перед лекцией (обед был назначен в 6.15), я отправился (после уборной, где меня страшно прослабило) в парикмахерскую. Выбрили меня ужасно, оставив кадык щетинистым, и так как рядом на стуле дико орущий пятилетний ребенок боролся с парикмахером, пытавшимся машинкой пройтись по его затылку, старец, бривший меня, нервничал, шукал на ребенка и наконец слегка меня порезал под носом.

Только мы успели доехать с аккуратно явившимся Ингрэмом до первого угла, как нас окликнула тощая дама с края тротуара. Когда мы остановились, она смешалась и сказала, что приняла автомобиль наш за таксомотор и (так как все здесь очень разговорчивы) добавила, что стремится в Coker College — где учится ее дочь — и боится опоздать на лекцию русского писателя. День был, по-видимому, днем причудливых совпадений, и вот уже мы катили втроем по шоссе, беседуя о христианстве и войне, — очень хороший, но несколько утомительный разговор, продолжавшийся до самого Гарцвилля. Ровно в шесть я был привезен в великолепное имение,

в великолепный многоколонный дом г-жи Кокер (belle fille основателя колледжа, майора Кокера, потерявшего ногу во время междуштатной войны и дожившего до 90 лет), и тут я гощу до вторника. Как только я ввалился, она сообщила мне, что через десять минут собираются гости, созванные в мою честь, и потому я сломя голову стал купаться и тормошить смокинговые доспехи. Я люблю тебя. Рубашка оказалась до такой степени накрахмаленной, что запонки не входили в манжеты, и кончилось тем, что одна из них покатилась под кровать (нашлась только сегодня). Наконец, видя, что уже двадцать минут седьмого, я плюнул на манжеты, полузасучил их и явился вниз «без признака нижнего белья». Интуиция подсказала мне тут же продемонстрировать отсутствие запонок, и немедленно появились чьи-то чужие запонки, и при общем одобрении одна из дам (не самая хорошенькая) вправила их в мои картонные кисти. С этой минуты начались благополучие и успех.

Фотография сюда не была послана, и потому-то неудивительно, что колледж ожидал господина с бородой Достоевского, в сталинских усах, чеховском пенсне и толстовке. Книг тоже еще не было (они пришли в пятницу — я уже второй

день пишу это письмо, моя душенька, — сейчас 10 часов вечера, суббота). Поэтому президент Грин несколько дымчато представил меня очень многочисленной аудитории. Я читал о «Common Sense», и получилось — ну, словом, еще лучше моих обычных ожиданий. После этого был добрый уэльзлейский «пунш» и многочисленные девы. Часов в десять я вернулся с Mrs Coker домой и, заприметив на ярко освещенных колоннах фронтона интереснейших ночниц, провел около часа, собирая их в стакан с карбоной. Можешь себе представить, как я устал за этот сумбурный день — зато выспался великолепно и на следующее утро читал лекцию о Tragedy of Tragedy (чтобы покончить с темой лекций: сегодняшняя, третья — и последняя, — тоже утром, состояла в прочтении «Mlle O» — за все это я сегодня получил чек — на сто долларов, — который в понедельник разменяю).

Перед домом — огромный сад, вокруг огромные деревья, разные виды вечнозеленых дубов, а в одном углу — цветники и удивительный леденцовый запах «чайной оливы» — все это в синеве крымского лета, — и уйма бабочек. Я ловил их там после лекции, а после завтрака биологичка колледжа (нечто вроде Мак-Кош)

повезла меня на автомобиле в леса — вернее, перелески у озера, где я наловил замечательных гесперид и разные сорта пьерид. Хотел Митюшеньке моему, дорогому моему, послать одного из местных широченных Papilio, но они потрепаны, и поэтому посылаю «eubule», самую видную здешнюю бабочку, — размочу и расправлю для него, когда вернусь. Трудно передать упоенье — бродить по этой странной голубоватой траве, между цветущих кустов (один тут куст в ярких, словно выкрашенных пасхальной краской, лубочно-фиолетовых ягодах — совершенно потрясающий химический оттенок, а главное дерево в окрестностях — очень нежная какая-то сосна). К западу — плантации хлопка, и благосостояни<е> многочисленных Кокеров, владеющих, по-видимому, половиной Гарцвилля, — именно основано на этой хлопчатобумажной индустрии. Сейчас время сбора — и «darkies» (выражение, которое меня коробит, чем-то отдаленно напоминая патриархальное «жидок» западнорусских помещиков) срывают его в полях, получая по доллару за сто «bushels», — сообщаю эти интересные сведения, потому что они механически остались у меня в ушах. Вечером был обед у других Кокеров (я совершенно запутался среди разных невесток,

зятьев и т. д., а отец моей hostess был знаменитый художник, и его несколько академические картины и его собственный портрет — борода Uncle Sam, усы Napoleon III, — висят повсюду; beau père же ее, майор, — впрочем, я уже писал про майора). Сегодня после «Tragedy of Tragedy» я опять отправился собирать — и опять было замечательно, а после завтрака явился presbyterian minister, Smythe, страстный коллекционер бабочек и сын известного лепидоптеролога Smythe, о котором я хорошо был осведомлен (работал над сфингидами). Оба с сетками, священник и я отправились в новый локалитет за несколько миль и собирали до половины пятого; там я добыл кое-что для Bankes'a (мух Chrysoptera). В пять заехал за мной лучший теннисист колледжа, ботаник, и мы очень приятно играли (белые трусики пригодились) до шести, после чего был обед (третий день надеваю смокинг) и затем нам знакомый род академического раута в колледже. Между прочим, последним приезжим лектором был страшноватый Чарл<ьз> Морган.

Комната у меня, конечно, чудная, струнный звон кузнечиков по ночам, где-то очень далеко пыхтит поезд. Надеюсь, что на следующих лекционных пунктах будет столько же бабо-

чек — но меньше радушия и меньше виски со льдом. Я до сих пор тут не потратил ни копейки, а Фишер мне пишет, что в Вальдоста меня готовы эбержировать сколько угодно. Завтра, кроме еще другого кокеровского обеда в соседнем поместье, кажется, никаких engagements нет и уйду подальше собирать бабочек. Тут есть одна хвостатая большая гесперида, с каким-то павлиньим пухом на теле, — очаровательная. Очень многие тут читали в «Atlantic» и «New Yorker» мои вещицы — и вообще, атмосфера такая же средне-культурная, как в Уэ<л>зли. Я рассказал все те же анекдоты и случаи, которые рассказывал на тамошних сборищах, и вообще, разливаю тот мишурный блеск, который мне осточертел. Мы со священником собрали много интересных гусениц, которых *он* будет выводить. Пить хочется. Все стаканы с карбоной.

Ну вот, моя душенька, полная реляция за четверг, пятницу и субботу. Надеюсь, что ты уже побывала в музее. На днях напишу Bankes'у — сообщу, что останусь несколько дольше, чем думал (между прочим, следующего интенерариума <sic> Фишер еще не прислал — только открытку насчет Вальдоста). Мне уже бешено не терпится вернуться к тебе и к музею и, только когда

пробиваюсь сквозь кустарники за какой-нибудь теклой, чувствую, что стоило сюда приехать. Грин страшно и очень трогательно доволен, милый такой, жовиальный, детского типа господин. Одна дама, которая жаловалась на гусениц в саду и которой я сказал, что из них получатся хвостатые бабочки, ответила: «I don't think so. I have never seen them grow wings or anything». Один из Кокеров рассказывал, что, когда в свое время провожал жену, отбывавшую на «Бремене» в Европу, рядом с ним какой-то немец из последних сил махал платком и орал жене, махавшей с борта: «Geh zu deine Kabine: ich bin müde!» По вечерам те, у кого дети, выходят редко, так как (несмотря на богатство) не с кем оставить ребят, — негритянская челядь никогда не ночует в домах белых, это не полагается, — а белую прислугу нельзя иметь, потому что она не может работать вместе с черными. Дяди Томы здесь сидят на каждом углу.

Напиши мне тоже подробненько обо всем. Поцелуй Анюту: я с большим удовольствием думаю о нашей совместной жизни — надеюсь, что она продлится годы. Очень хочет<ся> впустить одну ацидалию, сидящую снаружи на черном от ночи стекле, но комары тут ривьерские, зверские. Одну

смену белья мне тут выстирали.

Целую тебя, моя дорогая душенька, — и пожалуйста, не представляй себе, что ухаживаю за креолками. Тут все больше миссиси Перкинси, а у молодых пылкие мужья; студенток же почти не вижу. Едят тут здорово. Я все-таки впущу ее.

В.

митюшок мой, тут летают серые военные аэропланы, вроде рыб.

271. 5 октября 1942 г.
Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

5–x–42
Понедельник

Любовь моя, завтра еду из Флоренции в Ричмонд дневным поездом. Вчера — воскресение — собирал утром бабочек; отдыхал и читал после завтрака; а около четырех поехал с одним из Coker'ов кататься на *сапое* по очаровательному водяному кипариснику, — т. е. помнишь, как мы видели где-то по пути в New Mexico, — извилистая река (вернее, «крик», рукав озера), вся поросшая кипарисом и кедром, — и все это перепутано и переотражено, с разнообразными туннелями и затонами, и стволы глубоко растущих в темном стекле воды деревьев расширяются книзу, к уровню воды, и затем сужаются, продлеваясь отражением. На корягах там и сям попадаются краснобрюхие черепахи, — и можно плыть по этим кипарисовым водяным лабиринтам часами, не видя ничего, кроме них. Очень не то тропическое, не то третейское впечатле-

ние.

У тех же Кокеров (чета, у которых жил Морган и хорошо знающая Weeks'а, Морисона и других бостонцев этого рода) ужинал, — огромнейший дом, два автомобиля, swimming pool и прочие атрибуты президента фактории, а сидели мы на кухне, пока он и она готовили из банок ужин (правда, был холодный фазан).

Сейчас восемь утра, пойду менять чек, а потом блуждать с сеткой. Скажи Митеньке моему, что один здешний ребенок называет «butterfly» так: «flutter-by». Посылаю ему ювелирную «ваниллу» и целую его и тебя, моя дорогая радость.

B.

272. 7 октября 1942 г.
Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Среда

Любовь моя,

пишу тебе из черного Wellesley — колледжа для негритянок, куда меня загнал Фишер из того, что в Ричмонде случилось военное затмение и тамошняя лекция отложена. Пишу ему сегодня же, что, как бы эти перерывы ни оправдывались общим положением и какое бы гостеприимство ни оказывалось мне, хочу так сократить tour, чтобы быть дома в середине ноября, а не в середине декабря. Тут я пробуду до вторника, читая лекции за квартиру и харчи. Квартира прекрасная и президентша премилая — и завтра еду с биологичкой (третий вариант Мак-Кош) собирать бабочек в окрестностях, — но в конце концов мое good time сводится к потере оного. Скучаю по тебе, моя душенька, и по Митюшеньке моему. Напиши мне либо сюда (если это письмо придет в пятницу), либо в Вальдосту.

Понедельник прошел среди Кокеров и бабочек, но уже побаливала голова, а во вторник ломило нестерпимо, с ознобом. Укладывать чемоданы было адом, но я принял дозу аспирина и взял sleeping-car. После часовой поездки на грейхаунде я прибыл на флорентийский вокзал около семи, совершенно разбитый, и ждал там поезда до половины одиннадцатого. Ночью мне не давал спать рыдающий младенец (он к утру раздвоился — оказалось, что рыдали двое — один на противоположных полатях, другой на соседних), но к утру вся моя болезнь сошла, и я приехал в колледж совершенно свежий. Завтрак с президентшей и ослепительное солнце. Осмотр кампуса. В шесть тридцать будет обед с факультетом. До того хочу соснуть. Целую тебя, моя любовь.

B.

273. 11 октября 1942 г.
Атланта – Кембридж (Массачусетс)

Суббота
11–х–42
Атланта

Дорогая моя любовь,

здесь бабочек маловато (футов 1000 над уровнем моря), надеюсь, что в Вальдосте будет больше. По-прежнему ни копейки не трачу. Лекция моя о Пушкине (негритянская кровь!) встречена была с почти комическим энтузиазмом. Я решил ее закончить чтением «Моцарта и Сальери», а так как здесь не токмо Пушкин, но и музыка в большой чести, у меня явилась несколько озорная мысль вбутербродить скрипку, а затем рояль в тех трех местах, где Моцарт (и нищий музыкант) производит музыку. При помощи граммофонной пластинки и пианистки получился нужный эф<ф>ект — опять-таки довольно комический. Кроме того, я побывал в биологическом классе, рассказывал о мимикрии, а третьего дня поехал с профессоршей и группой очень черных, очень интенсивно жующих мятную резинку барышень

в деревянном шарабане-автомобиле собирать насекомых миль за двадцать отсюда. Мисс Рид, начальница колледжа, очень симпатичная, круглая, с бородавкой у ноздри, не слишком идейная женщина: каждое утро я брекфастую у нее (с разговорами о негритянской проблеме и телепатии) и каждое утро в 9 часов вынужден посещать с ней chapel и сидеть с ней в академическом плаще на сцене лицом к четыре<м>стам девицам, распевающим гимны среди органной бури. Я взмолился — что, мол, еретик, что ненавижу всякое пение и музыку, но она строго возразила: ничего, у *нас* полюбите. В мою честь выбирают молитвы, благодарящие Бога for «poetry and the little things of nature; for a train thundering in the night; for craftsmen and poets; for those who take delight in making things and who make them well»; а также львовскую музыку — «Боже, царя храни», — аранжированную под английский гимн. Все это довольно трогательно, но тяжело[143]. Ежевечерне обеды с разными выдающимися негритянскими деятелями — и никаких спиртных напитков. У меня две большие комнаты, и очень странно просыпаться около восьми

[143] Сноски: 143
Далее следуют две вымаранные строки.

в *полутьме* — ибо географически мы тут уже в западной части, а время атлантическое, так что по-настоящему не половина восьмого, а пять часов утра. Раза два играл в теннис с местной профессионалкой. Работаю над Гоголем. Безоблачная, жаркая погода; и когда хожу за бабочками, штаны и рубашка покрываются зеленой броней: цепкими семенами вроде мельчайшего репейника. Мне грустно, что от тебя нет писем, моя душенька. Обнимаю Анюту. Как поживает мой бесценный? Искал открыток с поездами, но их нет. Целую тебя, мой Митюшенька.

Сейчас четыре часа дня, лежу голый на постели после далекой прогулки. Очень трудно без тебя — во всех смыслах. Суй готовые ящики туда же, где мои лицениды, — но слева от них. Поймал несколько интересных мух для Bankes'а и пишу ему на днях. Пришли мне в Вальдосту русский журнал. Местный негритянский эксперт по русской литературе спросил меня — принято ли было в России говорить о том — и вообще признавать, — что у Пушкина была негритянская кровь? Уезжаю отсюда во вторник утром. Буду еще читать о «tragedy» — в понедельник. Душенька моя, как твое бедрышко? Пожалуйста, пиши. Очень тебя целую.

B.

274. 12 октября 1942 г.
Атланта, Спелман-колледж – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Понедельник вечером

Душенька моя дорогая,

посылаю моему Митюшеньке замечательную хвостатую
*гесперид*у, а тебе чек на 100 долл.<аров>, который мне довольно неожиданно дали здесь, в Spelman, хотя было условлено, что мое красноречие лишь окупает комнату и стол. Вообще, я здесь окружен трогательнейшим почетом, художники показывают мне свои фиолетовые полотна, скульпторы — своих толстогубых богородиц, а музыканты поют мне «spirituals». Президентша оказывает мне тысячу очаровательнейших услуг, сама покупала мне билеты, посылала телеграмму в Вальдосту, возила без конца на автомобиле, когда нужны были папиросы или бритвы, — умнейшая и тончайшая старушка, с которой я очень подружился. И конечно, все мои ежедневные тройные столованья у нее знаменовались особенными блюдами и постоянным старанием

окружить меня интересными людьми.

Спасибо за очень дорогое письмецо (несмотря на маленькие экономические вопли). Я покончу с Гоголем на днях и хочу написать рассказ. Уверяю тебя, что с пьесой будет лишь безнадежная возня, но, если подвернется Bunny, дай ему прочесть, объяснив, что я не сам переводил и что много оттенков пропало. Я напишу из Valdosta к Miss Kelly и Miss Perkins в том духе, который ты советуешь. Больше всего мне бы хотелось в Wellesley. Я идеально здоров, но устал сегодня после тысячи приемов, и нужно укладываться. Обожаю тебя.

B.

275. 14 октября 1942 г.
Вальдоста – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Среда

Любовь моя,

вчера тебе послал Spelman'овский чек. Приехал сюда, на границу Флориды, вчера около семи вечера и отбуду в Tennessy в понедельник утром (причем буду ночевать по дороге в Spelman'е, — мисс Рид так распорядилась).

Встретившая меня на вокзале профессорша отвезла меня в гостиницу, где мне снята колледжем прекрасная комната, а также оплачены все мои meals, так что и здесь я ничего не потрачу до отъезда. Дали мне и автомобиль, но я только смотрю на него, не решаясь управлять им. Колледж, с очаровательным campus'ом среди сосен и пальм, находится в одной миле от городка. Тут очень южно. Я прошелся по единственной большой улице, в бархате сумерок и лазури неоновых ламп и, одолеваемый южной зевотой, вернулся к себе. Какой-то господин, сосед мой по номеру, поднявшись вместе со мной, предло-

жил зайти к нему и выпить коньяку. Он оказался сахарозаводчиком из Флориды, и разговор был соответствующий. Совершенно случайно, ища спички, я вынул коробок, который ношу с собой на случай ночных бабочек. Перебив себя на полслове (разговор шел о трудностях — в добываньи рабочей силы, — представляешь себе, как я на себя злился за принятие приглашения), он заметил, что в таких коробках он держит на экскурсиях… бабочек. Словом, он оказался страстным энтомологом, корреспондентом Комстока и т. д. Это второй раз я так попадаюсь.

Утром за мной заехали и меня повезли на лекцию. Читал о «commonsense». Результат обычный. Затем корпулентный и очень симпатичный president повел меня осматривать библиотеку, swimming pool, конюшни и т. д. В час меня повезли на завтрак <в> Rotary Club, где я говорил тоже (о war-novel). После завтрака я попросил президента меня отвести в поля, что он и сделал. Я собирал очаровательных бабочек в продолжение пол<у>тора час<ов>, и затем он подобрал меня и отвез обратно в гостиницу. Я наспех переоделся и в четыре часа был доставлен в пресмешной и препошлый Дамский Клуб, где прочел несколько переводных стихотворений. Только что я

вернулся; лежу на постели; попросил boy'а извлечь из моих штан многочисленные колючки; люблю тебя очень.

В семь меня повезут на большой факультетный обед, но уже речей с моей стороны *наверное* не будет. В общем, здесь очень приятно. Получил твое письмецо, пространствовавшее в Вирджинию. Где письмо Bunny? Думаю, что после моего вопля Фишер либо сократит поездку (я просил освободить меня в середине ноября, если нельзя участить лекций), либо найдет мне большее число прибыльных выступлений. Завтра буду писать множество писем. Ого, уже шесть часов.

Кстати — маленький телепатический опыт. Сосредоточься и постарайся мне сказать, какие две картины висят у меня в номере? Сделай это сразу, потому что в следующем письме я тебе скажу. Очень кланяйся Анюте. Часть белья оставлена для стирки в Спельмане, а также пальто и шляпа. Спасибо, что ходишь в музей, моя душенька. Примись за Pieridae (Pieris, Colias, Euchloe и т. д. — спроси Banks'a), когда переколешь всех сатирид. Люблю, люблю тебя.

B.

Митюшонок, мышонок мой, у
меня в комнате качалка и
электрический ВЕНТИЛАТОРЬ
(на лампъ)

р-р-р-р-р-р

276. 17–18 октября 1942 г. *Вальдоста – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл,* 8

17–18–x–42
Valdosta

Душенька моя бесценная,

посылаю тебе чек за здешние выступления. Итого 150 (плюс больше 80<-ти> у меня в бумажнике).

Твои письмеца, моя любовь, продолжают приходить из разных мест. Я заполнил все бланки, дал переписать и уже отослал — это была довольно кропотливая процедура. Описал мой будущий роман и сослался на Bunny, Мих.<аила> Мих.<айловича> и Miss Perkins. Вчера выступал с «Mlle O», а вечером рассказывал биологичкам о мимикрии. Сегодня было собрание Reader's Forum, и я читал «Моцарт и Сальери». Собирал бабочек. Играл в теннис с президентом Reade. Он совершенно блестящий человек с иррациональностью Wilson'a и знаниями Томсона, — сегодня он в продолжение часа разбирал небольшое стихотворение Браунинга — и было наслаждение

слушать. По-видимому, он истосковался по *слушателю*, так как здесь уровень и профессуры, и девчуры довольно низкий. Громадный господин, похожий — физически — на Кадиша.

Сейчас 6 часов. Три часа у меня заняла переписка и т. д. документов. В 8 большой смокинговый обед. Завтра кон… тут у меня истекло перо, и я отложил письмо. После обеда был концерт, а сегодня (сейчас 11 часов вечера, воскресение) я был отвезен биологичкой (при упоминании биологичек всегда помни наружность MacCosh) в дивные пальметтовые пустыри и сосновые рощи, где собирал бабочек с десяти до двух. Это было упоительно — невиданные цветы (один из которых посылаю Митюшеньке), лиловые ягоды Calocarpa americana, кусты Myrica, пальметты, кипарисы, жаркое солнце, огромные кузнечики и множество интереснейших бабочек (между прочим, одна Neonympha). Я заплутал в этих солнечных дебрях и сам не знаю, как попал опять на дорогу, где около автомобиля биологичка стояла по колена в воде канавы и собирала какую-то свою водяную мелюзгу. Единственное мучение — это всякие шипы, которые раздирают сетку и вонзаются в ноги. Мы на самой границе Флориды, и природа та же, но очень хотелось бы добраться

(миль 150) до мексиканского залива, где еще теплее. Это была лучшая моя ловитва.

Затем я был отвезен на дачу Ридов, где завтракал, отдыхал, забавлял гостей, обедал, — после чего был доставлен обратно в гостиницу. Завтра в 11.35 утра еду в Atlanta, ночую в Спельмане и на другой день еду в Теннесси.

Несмотря на бабочек, скучаю по тебе *ужасно*, моя дорогая радость. Гостеприимство во всех трех колледжах, где я до сих пор был, сводится к тому, что мне стараются доставлять удовольствия с утра до вечера, так что очень мало перепадает времени для уединенной работы. Чувствую себя хорошо, но устаю. Только что просил мне доставить бутерброд — и он полон маленьких муравьев, которые расползлись по комнате. Одна картина изображает белые с красными крышами коттеджи за рекой, а другая — девочку, смотрящую в саду на птичку.

Целую тебя очень, мое очарованье.

B.

Анюте не забудь передать привет. Ты говоришь, что Т. смотрела на него с ненавистью?

277. 20 октября 1942 г.
Атланта – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Вторник
20–х–42

Любовь моя,

пишу тебе по дороге из Atlanta в Cowan — поезд еще не двинулся. Пожалуйста, напиши два слова Miss Read — my husband has been telling me so much about you in his letters that I almost feel as if I knew you — что-нибудь такое — и поблагодари за all the kindness that you and your wonderful college showed him. Она дала мне для Митюшеньки настоящий военный компас, а мне подарила громадное изображение деталей египетской <sic> фрески с бабочками, о которых я кое-что напишу. Вообще, трудно описать, каким вниманием она меня окружила. Она хорошо знакома с *Мое*, так как работала прежде в Rock<e>feller Inst.<itute>, и обещала ему написать обо мне. Она — белая.

Я без особого удовольствия еду опять на север — и до сих пор не знаю, куда и когда поеду дальше. Поезда битком полны, опаздывают

на два-три часа всюду — но я меньше устаю, чем ожидал. Вчера я написал длинное письмо Miss Kelly. Поезд двинулся и толкает руку. Я тебя очень люблю. Я взял пульман — это всего на доллар с чем-то дороже, в данном случае.

митюшонок мой, поезд, в котором качаюсь, называется dixie flyer. целую.

Ну вот, моя душенька. Как твое здоровьице? Молодец, что сделала столько коробок. Старичку привет, напишу ему, когда буду знать, когда вернусь.

В.

Анюте большой привет. Напишу ей отдельно.

278. 5 ноября 1942 г.
Чикаго – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Чикаго
Вокзал
5–xi–42

Дорогая моя любовь,

я идеально доехал до Чикаго и провел идеальный день в здешнем знаменитом музее (Field Museum). Нашел моих Neonympha, показал, как их растасовать, беседовал и завтракал с милейшим энтомологом (который каким-то образом знал, что я совершаю лекционное турне, — будто бы было в каком-то журнале — музейном). Сейчас нахожусь на очень красивом вокзале, на очень красивом вокзале, мой митюшонок, где стригся, а через полчаса отбуду в Springfield. Чувствую себя отлично. Огромные туманно-влажные просторы приозерной части Чикаго (где находится громадный, изумительно-совершенный музей) чем-то напомнили Париж, Сену. Тепло, но моросит, и серый камень сливается с мутным небом.

За стрижку взяли 2 доллара — ужасно.

Целую тебя, люблю тебя, моя душенька.

В.

279. 7 ноября 1942 г.
Спрингфилд – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Springfield
7–xi–42

Любовь моя,

на вокзале в Springfield меня встретил (а потом на другой день водил осматривать дом и могилу Линкольна) секретарь Клуба — жутко молчаливый меланхолик несколько клерикального вида с небольшим запасом автоматических вопросов, который он быстро исчерпал. Он пожилой холостяк, и профессия его состоит в том, что он секретарствует для нескольких спрингфильдских клубов. Он оживился и блеснул глазами один-единственный раз — страшно заволновался, заметив, что флагшток около мавзолея Линкольна заменен новым, более длинным. Оказалось, что его hobby — даже больше, страсть его жизни — флагштоки. Он вздохнул с облегчением, когда сторож дал ему точную справку — 70 футов, — ибо шест в его собственном саду все-таки на 10 футов выше. Его также очень успокоило,

когда я ему сказал, что, по-моему, шток уклоняется кверху от прямой линии. Он его долго щупал, и озабоченно глядел вверх, и наконец пришел к убеждению, что даже 70 футов не наберется и что искривление — не оптический обман, а факт. Он копит деньги на флагшток в 100 футов. У Шпоньки, судя по его сну, был тот же комплекс; и д-р Фройд кое-что мог бы сказать интересное по этому поводу.

Говорил я перед громадным собранием. Очень сошелся с директором State Museum McGregor (действительно прелестный музей с приличной коллекцией бабочек и неописанными ископаемыми насекомыми, которые будут посланы Carpenter'у в мой музей) и с директором исторической библиотеки, Paul Angle. Сейчас жду на Springfield'ском вокзале поезд, который опоздал на час. Я тебя очень люблю, моя душенька. Вчера вечером у меня был опять — впрочем, очень короткий — припадок озноба и боли меж ребер. Не холодно, но сыровато. Митюшонка моего очень целую.

B.

280. 9 ноября 1942 г.
Сент-Пол – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Понедельник
St. Paul

Душенька моя милая,

Фишер был все-таки прав, а не мы: поезд из Чикаго в St. Paul оказался страшно дорогой (скажи Митеньке, что он был весь стальной, великолепно обставленный и мчался с быстротою 100 миль в час, — называется: The Zephyr). Пресимпатичный president Turck встретил и отвез меня в лучшую (действительно очень нарядную) гостиницу. Вчера (воскресение) я завтракал с ним и с его престарелой матерью, а потом он меня повез за город показывать окрестность: большое озеро, несколько похожее на Annecy. Город St. Paul большой, холодный, с собором под римского Петра на холме, с суровым видом на Миссисипи (за которым другой Twin Town — Minneapolis). Сегодня я провел весь день в университете, осматривая, беседуя и завтракая с факультетом. К моему ужасу, оказалось, что я не захватил

с собой лекцию о Novel, которую хотели от меня в 10.30, — но решился говорить без всяких записок, и вышло очень гладко и хорошо. Вчера после поездки за город пошел, дико заскучав, в кинематограф и оттуда вернулся пешком — шел больше часа и лег около восьми. По дороге меня прямо пронзила молния беспредметного вдохновения — страстное желание писать — и писать по-русски. И нельзя. Не думаю, что кто-либо, не испытавший этого чувства, может по-настоящему оценить его мучительность, его трагичность. Английский язык в этом смысле иллюзия и эрзац. Я сам в обычном состоянии, т. е. занятый бабочками, переводами или академическим писанием, не совсем учитываю всю грусть и горечь моего положения.

Я здоров, много ем, принимаю витамины и читаю газеты больше, чем обычно, — ввиду розовеющих известий. St. Paul — город до одури скучный, в гостинице одни совы, девица в баре похожа на Дашу; зато апар<та>мент у меня очаровательный.

Фишер (который где-то сейчас поблизости и, вероятно, будет здесь завтра) несколько огорошил меня известием, что в Galesburg будет не две, а одна лекция, т. е. только заработаю там 50 долларов.

Уровень интеллигентности здесь значительно ниже, чем в восточных университетах, но все очень милы и appreciative. Сейчас около пяти. В 6.30 обедаю у Турка. Завтра узнаю насчет поезда в Galesburg, ибо, по-видимому, нужно ехать обратно в Чикаго, а оттуда в Galesburg: в нашем расписании что-то перепутано (можно тоже с пересадками при помощи local trains добраться до G.<alesburg>, без заезда в Чикаго, — но это кажется длиннее — словом, узнаю).

Люблю тебя, моя душенька. Постарайся — будь веселенькой, когда возвращусь (но я люблю тебя и унылой). Если бы не было вас — почувствовал совершенно ясно, — поехал бы солдатом в Марокко: там, кстати, водится в горах божественная лиценида — Vogelii Ob<er>th<u>r. Впрочем, гораздо больше этого сейчас хотел бы написать русскую книгу. Ватный отель, за окном дождь, в номере библия и телефонная книжка: для удобства сообщения с небесами и с конторой.

B.

281. 11 ноября 1942 г.
Гейлсбург – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Среда
11– xi–42
Galesburg
4 p.m.

Душенька моя,

приехал сюда сегодня утром — с раздувшейся верхней губой после ледяного ветра в St. Paul. Моя лекция там перед аудиторией в 900 человек — Commonsense — передавалась по радио. Вот маленькое стихотворение, которое написалось.

When he was small, when he would fall,
on sand or carpet he would lie
quite flat and still until he knew
what he would do: get up or cry.

After the battle, flat and still
upon a hillside now he lies –
but there is nothing to decide,
for he can neither cry nor rise.

Здесь я помещен в очаровательной гостинице — какие-то замечательные золотисто-коричневые панели и много интересных gadget'ов. Покупаю нынче третью газету. Почему вы мне не пишете, моя любовь? Университет, который только что осматривал, очень приятный. Читаю завтра вечером. Хочется домой, надолго.

B.

милый мой, радость моя!

282. 7 декабря 1942 г.
Фармвилл – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Понедельник

Моя душенька,

люблю тебя. Оноpз-Колледж оказался очаровательным и необыкновенно изящным — словом, все было очень приятно. В Нью-Йорке я успел сделать все, что хотел. Видел *Мое*, причем выяснилось, что Barbour — его ближайший друг. «Well, you must be a jolly good man if Tom Barbour took you!» Это вышло удивительно удачно. Pierce повел меня пить виски, и мы провели с ним два часа за литературными разговорчиками. «I keep getting letters telling me that you are my find of the season». (Это уж мне льстит гораздо меньше.) Видел Наташу, которая повела меня и армянскую даму — которую ты, кажется, знаешь — в кинематограф. Бездарнейшая советская фильма. Видел Алданова, к которому я послал Зензинова и Фрумкина, а кроме них, еще были Коварские и Мансветов с женой-поэтессой. Видел Дашу — повел ее в ресторанчик, — она была ужасно мила

и разговорчива. Видел Гильду — она ни за что не хочет денег. Видел Комстока, Санфорда и Мичинера, который оказался милейшим молодым человеком (выяснилось, что не Комсток, а он сделал для меня эти великолепные рисунки). Мне нужно было препаровать и зарисовать гениталии моей *Lysandra cormion*, но оказалось, что она со всеми другими «typec»[144] переведена в Энтомологический институт за пятьдесят миль от Нью-Йорка. На другое же утро (в субботу) она была доставлена мне оттуда, и я всласть позанялся ею. Вчера приехал сюда после убийственного путешествия. Ужинал у проф. Grainger в неотопленной усадьбе среди соснового леса и потом был отвезен в теплую удобную гостиницу. Я проспал — надо быстренько вставать, до свидания, моя любовь. Митеньку целую моего.

[144] Сноски: 144

Набоков начал писать слово «types» (здесь: виды) по-английски, а закончил русскими буквами.

283. 15 апреля 1943 г.
Нью-Йорк – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Душенька моя любимая — что ж, нынче 18 лет. Радость моя, нежность моя, жизнь моя!

Провел очень приятный вечер с Зёкой, который совершенно не изменился, только нос больше — и лакированный. Доктор дал свиде<те>льство (5 долл.<аров>). Потом пошли к Bunny, пришли туда еще люди, и Зёка был совершенно оглушен. Сейчас мчусь в музей, откуда к А. Мальчика моего целую. Обожаю тебя.

В.

Милая Мар…[145]

---

[145] Сноски: 145

Начало другого письма — написано вертикально по левому краю открытки.

284. 5 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

5–vi–44

Душенька моя,

я провел два дня, не выходя, пиша, питаясь рокфором и апельсинами. Написал одиннадцать страниц романа. Если продлится инспирация, окончу его до вашего возвращения. Пришли page-proofs Гоголя и счет за молоко. Сейчас утро понедельничье, иду сейчас в муз.<ей> Свежо, ветрено. Напиши, как все.

Митюшенька мой, напиши мне тоже при случае, милый мой, флайингфортресс мой.

Целую вас, мои дорогие, привет Анюте и Люсе. Very much.

В.

285. 5 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

Понедельник, 5–vi–44
5 часов

Посылаю, моя душенька, два счета, которые, по-видимому, нужно оплатить. Только что вернулся из муз.<ея> и нашел твою и Митюшину открыточку — о том, что операция будет в среду. Жду очень добавочных сведений.

Я придумалъ новый аэропланъ! «NAB» на хво-

сте — сокращение от Nabokov; спереди: «моторъ»; сзади: «запасное колесо».

Завтракал в «Wurst. H.<aus>» с Карпентером. Loveridge очень ценил Митюшенькино письмо.

Сейчас ложусь писать.

286. 7 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

6–vi–44

Дорогая моя душенька,

вчера был день необыкновенных приключений. Началось с того, что утром, в ту минуту, как я собирался в музей (с теннисной ракетой, так как условился играть с Кларком в 4.30), позвонила Т.<атьяна> Н.<иколаевна>, очень взволнованная, — привезла больного М.<ихаила> Мих.<айловича> из Вермонта, а между тем приехали Добужинские и не попали к ним в дом, так как никого не было (Добужинские так и пропали среди последующих трибулаций, как сейчас увидишь). Я условился, что после тенниса зайду проведать М.<ихаила> Мих.<айловича>, и потек в музей. Около часа дня, все такой же здоровый и бодрый, позавтракал в «Вурстхаузе», съев Virginia ham со шпинатом и выпив кофе. Вернулся к микроскопу около двух. Ровно в 2.30. почувствовал вдруг позыв к рвоте, едва успел выбежать на улицу — и тут началось: со-

вершенно гомерическая рвота, кровавый понос, спазмы, слабость. Не знаю, как добрался домой, где ползал по полу и изливался в мусорную корзину. Каким-то образом нашел силы позвонить Т.<атьяне> Н.<иколаевне>, которая вызвала автомобиль «скорой помощи». Он повез меня в действительно жуткий гошпиталь, где ты была с Митюшенькой. Совершенно беспомощный брюнет пытался выкачать мой желудок через нос — лучше не вспоминать, — словом, я попросил, корчась от колик и блюя, чтобы меня скорее увезли в другое место. Т.<атьяна> Н.<иколаевна>, сообразив, что там врач, повезла к ним. Я был уже в состоянии полного колляпса <sic>. Этот врач, милейший (не помню имя), мгновенно устроил все и сам повез, и понес меня *в больницу, где ты лежала.* Там меня поместили в палату с ужасно и хрипло умирающим стариком, — из-за этих хрипов я не мог заснуть. В жилы мне влили бутыль соляного раствора — и сегодня, хотя еще понос утром[146] продолжается, чувствую себя отлично, страшно голоден — и курить хочется, — а дают только воду. *Лечит меня д-р Cooney*.

Только что он был, понос прекратился, он ска-

---

[146] Сноски: 146
Слово добавлено над строкой.

зал, что могу выписаться послезавтра, в пятницу. Только что дали в первый раз есть (5.30) — причем довольно странно (но ты это знаешь): ризото, бэкон, грушевые консервы. Бэкон я не ел. Пишу тебе это, потому что боюсь, что произойдет какое-нибудь недоразумение, — я ужасно беспокоюсь об операции мальчугашки — как странно, что сегодня (среда) мы оба в больнице. Глупая история, но в общем я совсем теперь здоров. Об условиях пребывания здесь не стоит говорить. Чисто, но ужасно громко. Меня перевели в общую палату. Enfin. Обедал я в очень приятной открытой галерее, куда меня выкатили и где я выкурил первую папиросу.

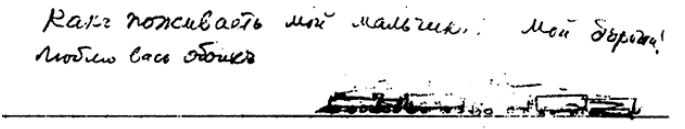
Доктор говорит, что это был *кровавый колит на почве отравления.*

Т.<атьяна> Н.<иколаевна> меня посетила, говорит, что у М.<ихаила> М.<ихайловича> не выяснилась болезнь, какая-то аллергия. Принесла почту.

«New Yorker» (еще не получивший рассказ) предлагает мне 500 долларов опционных, т. е. чтобы я все им сперва показывал.

В общем, бациллы приняли меня за invasion beach.

Ни в коем случае не приезжай: я поправился.



Как поживает мой мальчик? Мой дорогой! Люблю вас обоих[147].

В.

[147] Сноски: 147
Эти слова и рисунок поезда помещены вдоль левого края страницы.

287. 8 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

Четверг

Душенька моя дорогая, волнуюсь, жду известий!

Я совсем здоров сегодня. Напишу тебе длинное письмо о смешных больничных впечатлениях, как только выберусь. Это произойдет завтра. С пятницы на субботу переночую, вероятно, у Карповичей.

У меня был hemorraginal colitis. Сегодня действовал желудок, я много ел, все хорошо, обдумываю роман. Как мой мальчик? Т.<атьяна> Н.<иколаевна> очень помогла, и *страшно трогателен* был Carpenter.

Люблю тебя!

288. 9 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс) – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

Ward A.
Пятница
9–vi–44

Душка моя, так был счастлив узнать, что операция сошла благополучно. Дыннику напишу, как только доберусь до чернил. Завтра утром (суббота) покидаю это странное место и переночую у Карповичей. Я совсем здоров, сегодня в первый раз позволили прогуляться по галерее. Ослабел немножко, но ничего. Напиши скорее, как Митюшенька. Очень было беспокойно из-за него. Доктор советует предъявить иск ресторану. А доктора, который привез меня сюда, зовут Магентанц. Я, кажется, написал тебе, что White предлагает 500 <долларов> за опцион. Я ей ответил. Сегодня вообще гораздо веселее. Целую моего мутненького. И тебя, моя радость. Не волнуйся, все хорошо.

B.

289. 11 июня 1944 г.
Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8 – *Нью-Йорк,* 104-*я Вест-стрит,* 250

Воскресение
9–vi–1944

Любовь моя,

очень было успокоительно услышать твой звучный голосок по телефону. Мне нестерпимо скучно без тебя и без моего маленького. Я совершенно изнемог физически за эти дни, но в смысле инспирации все очень хорошо. Сегодня впервые по-настоящему подействовал желудок, и если бы не слабость в чреслах, то чувствовал бы себя отлично.

Общая палата была сущий бедлам. Непрерывно стоял дикий шум, слагавшийся из следующих элементов:

1) зоологические звуки неумолчного радиоаппарата, 2) хрипы, стоны, рычание тяжелобольных, 3) переговоры через всю громадную палату более здоровых, с гоготом и гулянием, 4) невероятный шум, производимый шестнадцатилетним

идиотом, помогавшим сестрам, шутом заведения. Он кривлялся, топал, орал, нарочито гремел всякой посудиной, острил — и подражал стонам некоторых особенно томившихся стариков, чем вызывал всеобщий добродушный смех.

Сестры все время пытались отвести занавески моего закута и сердились, говоря, что, так как *все* другие занавески отодвинуты, моя бедная скиния портит общий вид палаты. К концу моего пребывания я был в таком состоянии раздражения, что когда в субботу утром увидел из галереи (куда вышел покурить) приехавшую за мной Т.<атьяну> Н.<иколаевну>, то выскочил через fire-escape, как был, в пижаме и халате, ринулся в автомобиль — и мы уже двинулись, когда выбежали совершенно бешеные сестры, — но им не удалось меня задержать.

Здесь мне отвели комнату Сергея, я только встал сегодня, чтобы выпить чаю с появившимися Добужинскими. Не совсем знаю, как быть дальше. Завтра зайдет Карпентер, хочет меня повезти в Лексингтон, но я еще совершенно не могу двигаться. С ним было вот что. Когда я в тот страшный день уполз из музея, он хотел меня сопроводить, я отказался. Вечером он звонил; и конечно, не добившись соединения,

взволновался и опять из Лексингтона приехал в Кэмбридж, бился в нашу квартиру и не знал, что предпринять.

Я просмотрел и отослал окончательные page-proofs Гоголя. Очень изящно вышло. Приехал Barbour. Мих.<аил> Мих.<айлович> себя чувствует лучше, но очень кисленький. Доктор говорит, что я должен непременно предъявить иск ресторану. Я тебя очень люблю. Признаться, была минута, когда лежал без пульса с довольно смешными мыслями. Ты бы видела здоровенных полицейских, вызванных на Craigie Т.<атьяной> Н.<иколаевной> и хотевших знать «who is this woman?» и «what poison did you take?». Когда вернетесь? Обожаю тебя.

В.

290. 13 июня 1944 г. *Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл,* 8 – *Нью-Йорк,* 104-*я Вест-стрит,* 250

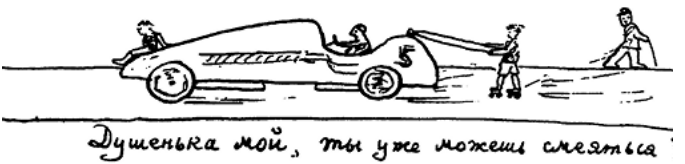
Душенька моя,

вчера и только что я с трудом дополз до нашей квартиры, думая, что будет письмецо от тебя, но не было. Очень любезно и подробно ответили русские отделы, к которым мы писали. Пересылаю тебе счет Гроси и письмо от Лизбет. У меня ужасно ослабели чресла, брел я точно в гору. Завтра (среда) перебираюсь к себе, а в пятницу, вероятно, поеду на weekend к Карпентерам. Карповичи уезжают в Вермонт.

Я все еще не знаю никаких подробностей об операции, какова больница, когда собираетесь назад, и вообще. Зашел я вчера в «Wurs<t>haus», и хотя не намеревался ничего обидного или убыточного им сказать, но с первых же слов, благодаря грубости хозяина, вспыхнул скандал, ибо, видимо, это не первая жалоба на его несчастную ветчину. Завтра думаю зайти в музей.

Поцелуй Анюту, кланяйся Люсе. И пиши мне, моя дорогая любовь.

В.



291. 9 февраля 1945 г.
Балтимор – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Душенька моя,

только что доехал — в 1.30, с опозданием из-за бури. Ехал очень удобно. Комнату взяли мне в «Lord Baltimore Hotel» в Бальтиморе же. Спал неважно. Сейчас иду завтракать. Здесь тепло и туманно, никакого снега, шеколадная прислуга, великолепный щетинистый душ.

А Митенька как? Как Митенька? Идеальный?

Люблю тебя.

В.

292. 10 февраля 1945 г.
Балтимор – Кембридж (Массачусетс), Крейги-серкл, 8

Душенька моя,

лекция прошла *очень* удачно. Очаровательная школа с очаровательной директрисой. Музыку преподает некая Буш, рижанка, которая говорит по-русски совершенно как ее однофамилец в «Даре» («Я интересируюсь для русского языка»). Через несколько минут отправляюсь в Нью Иорк. А как Митюшенька, как маленький, — все еще идеальный?

Люблю тебя.

В.

293. 18 апреля 1954 г.
Лоуренс (Канзас), отель «Элдридж» – Итака, Ирвинг-плейс, 101

18–iv–1954
6.30 p.m.

Душенька моя любимая,

только что приехал, сейчас заезжают за мной русский и немецкий проф.<ессоры>

Не спал совсем — так качало и бросало, но кушетка очень удобная. Парлор-кар тоже был ничего — но кондуктора от нечего делать (все поезда были пусты) пустили радио. Здесь гостиница неважнец, воду нужно нажимать, ванна без душа. Клейкая жара, бабочки.

Очень тебя люблю. Звонил ли Митюшок, ай вондер.

В.

294. 20 апреля 1954 г.
Лоуренс (Канзас), отель «Элдридж» – Итака, Ирвинг-плейс, 101

Вторник, 20–iv–1954
10.45 a. m.

Здраствуйте, моя душка,

вчера был очень трудный день, но я великолепно выспался до того (гостиница оказалась очень приятная и тихая, с преобладанием «вечных» старушек), и говорилось весело. В 10 a.m. говорил целый час о Толстом, затем у меня был час свободный до завтрака, я по твоему совету отступил в пустую комнату — куда с застенчивой улыбкой мне принес почитать свои, на машинке отпечатанные мемуары тот профессор, у которого в классе я только что говорил. Обедал я со старушкой-писательницей и молодым автором (написавшим<и> по роману о пограничной жизни в начале прошлого века — «отселе видишь») и у них же говорил в сборном классе в 1 p.m. Класс мне показался умным, и я их одарил Art & Commonsense'ом — и мне кажется, они больше поняли, чем их наставники. Промеж этого я был

все время в бодром контакте с Элмером, очень обстоятельным симпатягой, страстным участником всяких конвенций — словом, понимаешь; впрочем, не глуп (хотя на все отвечает с ненужными подробностями) и с юмором. Он успел меня повести осмотреть университетскую типографию, и потом мы покатались по кампусу. Все в сирени и в цветении иудиных деревьев, и так как кампус находится на холме, то впечатление довольно итачье — крутые улицы и ужасные затрудненья с паркованьем. Я переоделся к чаю и уже в четыре читал свои английские стихи перед небольшой, но вдумчивой группой. Как всегда, появилась неизбежная чета Певзнеров, из Могилева, с печальной нежностью, сквозь туман говорящих по-русски. Чтение происходило в удивительной изящной зале — вообще, красоты и удобства кампуса неизмеримо превосходят наш бедный Корнель. Около шести я попал к молодой немецкой чете, Винтеры, у которых обедал: он был переводчиком в немецкой армии и дошел до Гатчины. Другой руководитель русскими занятьями, *очень* приятный Андерсен (бывший ученик Cross'a), с двумя таксами, после обеда собрал у себя русскую группу, и я им читал мои переводы и показывал, как выигрывал

и как обдернулся Герман<н>, так как наставники не могли это объяснить (никого не обидел). Попал домой около 10 p.m. и почти сразу заснул — и опять хорошо выспался. Сегодня энтомология, а вечером — речь о Гоголе. Обожаю вас, обнимаю вас.

В.

295. 3 мая 1964 г.
Монтрё – Женева, авеню де Бо-Сежур

3-е May[148]
1964

Любовь моя,

хотел тебе послать орхидеи, но их не было.

Буду около полудня.

Бодренький Митюша звонил в пятницу вечером. Обнимаю, и обнимаю, и обнимаю тебя. Моя любовь.

В.

---

[148] Сноски: 148
Начало даты написано по-русски, а месяц (май) по-английски.

296. 15 апреля 1965 г

for Véra
40 flowers = years

V.

297. 2 октября 1966 г.
Монтрё – Нью-Йорк, 104-*я Вест-стрит,* 250

2–x–66
12:50 pm

Душенька моя,

получил сегодня твою телеграммку, а вчера прелестную открыточку от Митюши: у него было интервью и фотография в газете тамошней, тульзской. Получил тоже от Минтона *очаровательный* end-papers с бабочкой (поразительно хорошо вылупившейся) — с одной стороны, и картой набоковских земель — с другой: попроси у него, если будет случай. Интересной почты другой нет — кроме Grove'ского издания миллеровского «Тропика рака» — уморительная авантюра некоего Егорова, русского переводчика. Я пишу страшно быстро, потому что вдруг сообразил, что, если сейчас не отправлю (т. е. до нашего с Еленой путешествия за ночными туфлями с 1.30-часовым в Лозанну), ты не получишь этого письма. Она расстроена делами Владимира и плохо спала, потому что подложили под нею доску (сегодня вынули). Она мне теперь делает омлет, погода чудная, скучаю по тебе невыносимо.

В.

Не знаю, как эта штука складывается…

298. 8 июня 1968 г

Завтра утром
Пожалуйста, напиши конфирмацию
в *Парк-Отель*
и попроси ихнюю
=
Я опущу в деревне

299. 15 апреля 1969 г

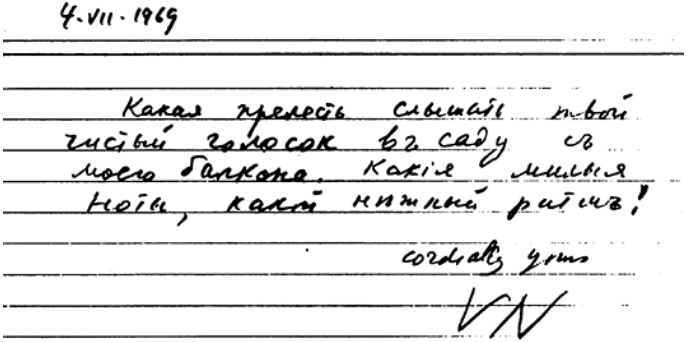
Cymbidium lowianum
for Verochka
from VN, Ada & Lucette
(and Dmitri)
15–iv–1969

300. 4 июля 1969 г

4–vii–1969

Какая прелесть слышать твой чистый голосок в саду с моего балкона. Какие милые ноты, какой нежный ритм!

Cordially yours, *VN*


4.VII.1969

Какая прелесть слышать твой чистый голосок в саду с моего балкона. Какие милые ноты, какой нежный ритм!

cordially yours

VN

301. 22 июля 1969 г

Верочке

Как любил я стихи Гумилева!
Перечитывать их не могу,
Но следы, например, вот такого
Перебора остались в мозгу:

«…И умру я не в летней беседке
От обжорства и от жары –
А с небесной бабочкой в сетке
На вершине дикой горы».

В. Набоков
Cureglia (Lugano). 22–vii–69

Вторая

Как я любил я стихи Гумилева!
Перечитывать их не могу,
Но слышу, например, хотя плохо
Перебора остались в мозгу:

"...И умру я не в летней беседке
От обжорства и от жары —
А с небесной бабочкой в сетке
На вершине дикой горы."

Сигулда (Судак) 22.VII.69

302. 6 апреля 1970 г.
Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»

6–iv–1970
Таормина

Здраствуй, мой ангел!

Как я уже докладывал тебе и Митюше монзовскому по телефону вчера, ночная поездка была благополучная и бессонная, в таком же неинтересном wagon-lit, как монтримский. Я велел совершенно выключить инфернальное отопление в моем купе, после чего постепенно стало ужасно холодно. Среди ночи I called for wine, и проводник принес мне полбутылку <sic> полудоброго руффино. Меня ждал подчеркнуто старый отельный автошарабан. Гостиница прелестная, т. е., вернее, ее прелесть очень скоро прорастает сквозь фасонистые недостатки. Постель чудно-мягкая, но настоящий шедевр — это просто тающее глубокое кресло в золотистых шелках. Твоя келья, смежная с моей, чуть побольше. Советую согласиться на апартамент с гостиной.

Меня ждал дар — полдюжина больших апель-

синов — в нарядной корзине — и превкусная визитная карточка директора, Freddie Martini. Выхаркнул последний комок черной мокроты Рима и сразу отправился на четырехчасовую прогулку. Поддувал холодный ветер, но было солнечно и летало много бабочек. Маленькая здешняя *Euchloe ausonia* носилась над оранжевым ковром диких хризантемок. Обедал в ауре зачаточной дружбы с меркантильным метром д'отеля и лег спать в девять. Меня разбудил около трех очень голодный, очень одинокий, *очень* профессиональный комар, ловко исчезнувший в белой высоте стен, из которых можно было бы выкроить еще три таких келей. Ставни раскрылись податливее, чем предполагалось. Я попал на первое представление абрикосового и голубого рассвета. Вижу и море, и (с балкончика) Этну, на которой и снег, и известного покроя шапка облака, не забыть попросить второе одеяло, и в бледной лазури серебрится звезда Киприды, русские прозаики всегда любили описывать южные красоты. Большой щебет в картпостальном саду; *непременно* привези мне книжку европейских птиц, она стоит рядом с западноамериканскими на моих «кухонных» полках, правовато и низковато.

Сейчас буду бриться и купаться, а в семь — раньше не подают — позвоню, чтобы прислали café complet, после чего втянусь в горы за городом, не горы, не горы — склоны, поросшие оливой между двух деревушек. Мне *очень* ты недостаешь, мое драгоценное существо!

B.

303. 7 апреля 1970 г.
Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»

11:00 утра
Вторник
7 апр.

Любовь моя,

вчера было безоблачно и, несмотря на ледяной фон воздуха, летало много бабочек в защищенных от ветра овражках и оливковых рощах. Возился с восьми утра до после полудня, стараясь поймать разных быстролетчиц, и кое-что интересное уже добыл. Съел бутерброд в случайном кафе. Два часа сидел на солнце в нашем райском отельном саду, а потом пошел покупать мелочи, и по этому поводу хочу тебя, мою душку, просить вот о чем:

Привези мне: 1) три-четыре саше лавандовых, аптекарь знает какие, с изображением дамы на мешочке. Мне тут совали то порошок против насекомых, то снадобье благовонное для клозета (дура, понимавшая по-английски превратно, поняла мой американский *for the closet)*; и 2) непре-

менно хотя бы одну тубу Mennen *Brushless* Shaving Cream. Тут ничего нельзя достать brushless'а, кроме страшноватой «Noxzema», made in Italy, судя по литературе на тубе: *Apply while your whiskers are warm and wet. Keep out of reach of children.* (А то будет, что было с Гумбертом.)[149]

Сегодня утром торжественно пришел *субботний* номер «Her.<ald> Trib.<une>» (который читал еще в Риме) и идет дождь. Ветра нет, как будто чуть теплее воздух, но отвратительно пасмурно, и до завтрака гулять не придется. Попробую найти наш ресторанчик, вчера не удалось найти — хотя вспомнил множество мелких подробностей «орнамента прошлого», точно это было совсем недавно, а не десять лет тому назад.

Много, очень много сдобных немцев.

Это второе мое письмо к тебе, получишь первое в среду, 8-го, говорят здешние оптимисты, а это в четверг, 9-го. Ты уже заказала билет на вторник, 14-го?

Обожаю и обнимаю.

В.

---

[149] Сноски: 149

Здесь, как и в других местах, Набоков обозначает конец абзаца, чтобы Вера Евсеевна не пыталась разбирать то, что кажется продолжением строки: с обратной стороны очень тонкой почтовой бумаги, предоставленной гостиницей, просвечивает текст.

304. 8 апреля 1970 г.
Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»

8–iv–70
Среда
7:00 am

Мой анджело,

наконец нашел наш ресторан, называется «Chez Angelo», действительно очень приятный. Вчерашнее утро (как ты знаешь из вторничного письма нашего педанта) было уныло-облачное, но вдруг случилось очаровательное чудо из «В.<есны> в Фиальте». Находился я между канеллоне и кофеем, как вдруг заметил ямочку солнца в щеке дня, и, отменив кофе (но допив прекрасное красное корво), я через три минуты был у подножья отель «Эксельсиор» и ловил одну из самых лакомых здешних прелестниц (je m'excuse de ces mots un peu forts), а именно таису Zerynthia hypsipyle cassandra. Я совершенно влюблен в Таормину и почти купил в ней виллу (8 комнат, 3 ванны, 20 олив).

У Анджело семья американцев; мать воззвала

к слуге: «Où je peux laver le petit garçon?» (little boy wants to go to the bathroom). Древняя старушка (кажется, немножко для рекламы) принесла из своей деревни корзину свежих яиц.

Почему-то *все* итальянские подавальщики, умеющие по-английски, произносят «овощи», как будто это рифмует со «столами». Я лег в 8:30, принял фанодорм и проспал с девяти до шести с одним коротким перерывом. По этому поводу скажи — или лучше не скажи — Яниц, что свеженький «дакрон-маркизет», сшитый ею для сачка, уже окрасился — о, не девственностью молодой бабочки, а старческой моей кровью, которой напилась комариха, погибшая сегодня ночью. Не стану опять писать на этой дурацки тонкой бумаге, все просвечивает.

С утра опять дождик, как вчера, слои тяжелых туч, горизонт в тумане, море малахитовое у берега, с плащами пены, пальмы и араукарии шевелятся, как в дневнике Галины Кузнецовой. В Милане было только 50 F, так что шубка, думаю, пригодилась. Ужасно скучно без тебя, любимая моя! Мой 220-й и твой 221-й — последние на одной стороне громадного широкого коридора или, скорее, проспекта, с дверьми напротив. Дверь, которая как раз напротив твоей, забавный trompe

l’oeil: она фальшивая, накрашенная, и из-за нее высовывается со свечой белобородый, довольно веселенький монах.

Сейчас буду бриться и купаться, а затем ждать погоды. Думаю, что до lunch’a не разгуляется. Очень, очень целую тебя! Жду телефонного твоего звонка или записочки.

В.

305. 8–9 апреля 1970 г.
Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»

Среда, 8–iv–70
6:00 pm
и четверг, 9– iv–70
6:00 am

Моя любовь,

сегодня солнце все-таки проглянуло, но ненадолго, и я собирал всего каких-нибудь два часа в долине за городом, с одиннадцати до часа, затем съел бутерброд с козьим сыром и выпил стакан вина за твое дорогое здоровьеце. Смотри не заболей! *Je tiens tremendously*, чтобы ты была со мной 15-го.

Днем довольно глупо заснул, хотя спал чудно ночью, и в четыре часа пошел стричься и покупать апельсины, журналы, подстилки для горных сапог: я в двух шагах от замечательных мест в восточном отроге Небродийских гор, где не бродить было бы просто грешно нам; однако нужно подождать, пока не перестанет дуть отвратительный сирокко, томящий Таормину дня три

подряд каждую весну (сообщено старожилом). Купил еще апельсинов, которых ем по три в день, и зашел в очень симпатичную книжную лавку. По-видимому, я там уже побывал, с распущенным полностью хвостом, десять лет назад, ибо хозяин меня узнал, как сквозь сон, и так далее. Автомобили по-прежнему протискиваются между туристами, но все как-то веселее и приятнее весной; сад наш — упоение, мы выходим на него окнами. Ты не забудешь, моя душка, птичью книжку, бритвенный крем и лаванду, лаванду?

Топят тут вовсю.

Я тебе не пишу, чтобы ты кланялась Анюте, это само собой разумеется. Неужели не получу от тебя весточки? Из рецензии на новые мемуары Лифаря вычитал фразу: «Diagiliev soon gave him up for his next love, a school boy called Markevitch». Передать это Топации? Впрочем, она читает «Обсервер», где рецензия появилась. Ужасно.

Посланы ли мне журналы — «New State<s>man», «Spectator», «<The> Problemist» и т. д.?

Отвели нам отлично расположенный столик.

Это — четвертое письмо. Кончаю его в четверг — дивное утро! Спасибо за вчерашний звонок, мое сияние. Люблю тебя. Нашла ли ты мою записку в твоей коробке allenburies?

B.

306. 10 апреля 1970 г.
Таормина, отель «Сан-Доменико-палас» – Монтрё, отель «Монтрё-палас»

10–iv–70
Пятница
7:00

Золотоголосый мой ангел,

(не могу отвыкнуть от этих обращений). Некоторые мелкие невязки в моих письмах объясняются тем, что я многое пишу впрок, сообщаясь с тобой по нескольку раз в день и завершая письмо на другое утро. Это — пятое, заключительное письмо в это<й> серии, ибо думаю, что позже уж не получишь в Монтрэ, если вылетаешь вовремя.

В четверг, 9-го, погода осталась холодной, но солнце блистало вовсю, и я совершил первую длинную прогулку (с девяти утра до трех дня) в сторону Castel Mola; но уже на высоте 700 метров бабочек не было, и большее время я провел в ближайшей окрестности Таормины (был ли я осторожен? Я был очень осторожен!). Милая подробность: около часу дня зашел в трат<т>орию,

никого не было, я стал звать на разных языках, вдруг появилась мохнатая собака, кинулась вон из кафе, я постоял, стал уходить — и вдруг вижу: *она ведет хозяина из соседней хибарки.* Развязку можешь легко себе представить. Вернулся, долго разбирал прелестные поимки, в четыре с половиной вышел выпить шоколаду (изумительный!) в кафе «Макомба», куда тебя поведу.

Позвонил Альфред Френдли, хотел (боже мой, опять эта прозрачная бумага!) приехать в субботу, 11-го с женой на два дня, но я его отменил, просил его приехать около 20-го, что он и сделает. За обедом вчера за соседним столиком американка обращается к молчаливому мужу, указывая подбородком на вошедшую чету: «He is something very important in coal». Другое наблюдение: на площади, где я опять покупал апельсины, немец с добродушнейшим смешком отказался от предлагаемых калекой сувениров и добавил: «Но *зато* я вас сфотографирую!» (жалею, что не запомнил точной тедеско-итальянской фразы).

Все поражаюсь обилию цветущих растений на склонах и какой-то возвышенной тишине (как бывало в калифорнийских горах), прерываемой, впрочем, пуччинистым радио на какой-ни-

будь ферме или ужасным, вековым всхлипыванием ослика.

Я очень доволен твоим подарком — вязаным пиджаком.

Ну вот, моя душенька. Утро солнечное, но совсем свежее, с перистыми добавлениями.

Теперь жду тебя. Немножко жалко в каком-то смысле, что кончается эта (пере)писка, обнимаю и обожаю.

Буду записывать белье, а затем около девяти пойду собирать.

В.

307. 15 апреля 1970 г.
Таормина

Сорок пять весен!

В.

15–iv–70
Taormina

308. 15 апреля 1971 г.
Монтрё

Душеньке моей
Сорок-шесть летней <sic>.

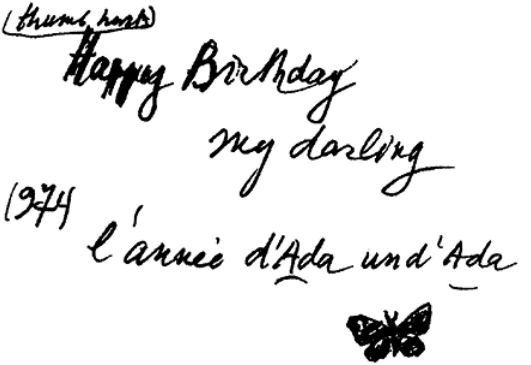
В.

309. 22 января 1973 г.
Монтрё – Женева, Кантональный госпиталь

7:30 pm
Montreux

Вот тебе, моя душенька,
Двенадцать десяток.
Люблю тебя,
жду.

310. 5 января 1974 г.
Монтрё



Mme Vladimir Nabokov

Thumb hurts
Happy Birthday,
my darling
1974
L'année d'*Ada* und '*Ada*

311. 14 июня 1974 г.
Цермат

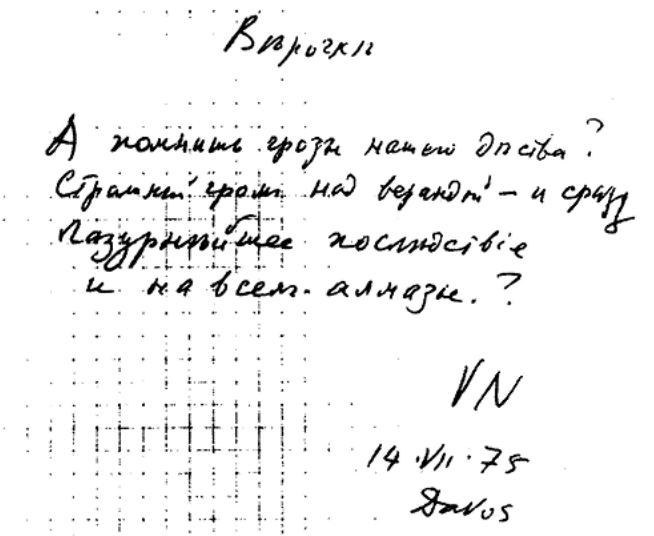
Вельком ту Зерм, моя душка.

Программа дня и т. д.
Брекфаст у меня. Я ем *только* корнфл.<екс>. 7:30
Lunch около 1:00 в кафе по выбору
(ветчина, местны<й> сыр)
Ключик от фриджа твоего: синий
вместе с дверным
Обед *ровно в семь*
Швейцар толстый в сюртуке: Мсье Франсен
Остальные сведения: устно

Cable car to Sch<w>arz<s>ee
Change at Furi
get out and go *right*
stairs and indication → Schwarz<s>ee

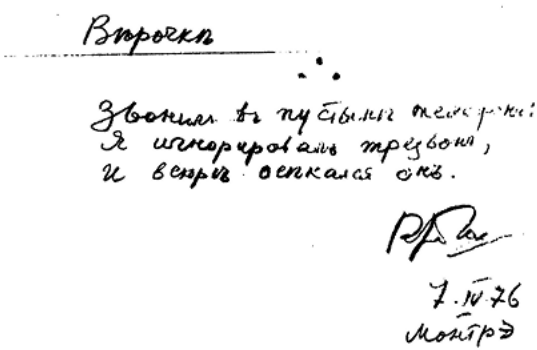
VN will be in cafeteria
(near Schwarz<s>ee station) 10:30–11
and then walk down to
Staffel-Zmutz-Zermat<t>
(at least *two hours*)

312. 14 июля 1975 г.
Давос


Верочке
А помнишь грозы нашего де<т>ства?
Страшный гром над верандой — и сразу
лазурнейшее последствие
и на всем — алмазы?

VN
14–vii–75
Davos

313. 7 апреля 1976 г



Верочке

* * *

Звонил в пустыне телефон:
Я игнорировал трезвон,
И вскоре осекался он.

В. Набоков
7–iv–76
Монтрэ

314. Без даты

Коту Котовичу, Золоту Петровичу.

Кушай, моя радость,
Этот виноградость!

Брайан Бойд
Постскриптум: архив памяти

Как я отметил в конце своего предисловия, в 1971 году Набоков показал Эндрю Филду некоторые письма к родителям и несколько избранных — к жене. После смерти мужа в 1977 году Вера Евсеевна стала подумывать о продаже его рукописей. В 1979-м, прочитав мою диссертацию, она пригласила меня разобрать их архив — одновременно провести инвентаризацию для возможной продажи и помочь ей собрать материал для публикаций и ответов на вопросы журналистов и литературоведов. В 1981 году она дала согласие на то, чтобы я начал работу над новой биографией ее мужа. После многочисленных просьб предоставить мне доступ к письмам Набокова к ней она в конце концов согласилась начитать их на магнитофон. Когда я в декабре 1984-го — январе 1985-го приехал в Монтрё во время университетских каникул, она действительно начитала то, что сочла нужным. Ей было уже за восемьдесят, она была сильно простужена и потому хрипела и каш-

ляла в мой кассетный магнитофон. Мы сидели напротив друг друга за маленьким обеденным столом в гостиной набоковских апартаментов в отеле «Монтрё-палас», где они жили с 1961 года. Письма она пронумеровала, но ошибалась в их последовательности, пачки брала бессистемно, так что порядок ее чтения порой озадачивал. Она заранее предупредила, что читать будет с купюрами, — собственно, некоторые письма предпочла не читать вовсе, — но, зная, как ревностно она оберегает все, связанное с ее личной жизнью, я удивился скорее тому, как много текста прозвучало между каждым новым указанием на опущенные слова или строки («Пропуск»). Иногда Вера Евсеевна вставляла свои пояснения. Впоследствии, когда мне все-таки удалось получить доступ к оригиналам писем, я увидел, что именно она пометила в тексте словами «не читать», или «NO», или «читать осторожно».

В декабре 1986 года Филд — он уже знал, что я пишу биографию Набокова, — опубликовал книгу «VN: Жизнь и творчество Владимира Набокова», в основном представлявшую собой компиляцию его предыдущих работ «Набоков: жизнь в искусстве» (1967) и «Набоков: жизнь в частностях» (1977). В биографии 1986 года Филд

обнародовал историю романа Набокова с Ириной Гуаданини, о которой он узнал от Зинаиды Шаховской (в замужестве Малевской-Малевич). В 1930-е годы Шаховская была доброй приятельницей Набокова и всячески его поддерживала (в публикуемых здесь письмах он отзывается о ней очень тепло), но к концу 1950-х она рассорилась с ним и особенно с Верой Евсеевной: возможно, помимо прочего, ее не устраивало то, что с того времени именно она вела почти всю переписку мужа. В конце концов появилась статья Шаховской о Набокове, которая Набокову по вполне понятным причинам не понравилась[150]. Когда в 1959 году она подошла к нему на приеме, устроенном издательством «Галлимар» по случаю выхода французского издания

[150] Сноски: 150

«Шаховская, под псевдонимом Жак Круазе, писала, что в европейской эмиграции Набоков жил в такой эмоциональной пустыне, что в автобиографии “даже забыл упомянуть друзей своих самых черных дней”. Скорее всего, Шаховской не понравилось, что Набоков не упомянул ее в “Убедительном доказательстве” — в котором он сознательно не описывает свою личную жизнь, зато очень тепло вспоминает представителей русской эмигрантской литературы: Фондаминского, “святого, героического человека, сделавшего для русской эмигрантской литературы больше, чем кто бы то ни было”, Ходасевича, “выкованного из иронии и отзывающего металлом дара ‹…› поэзия которого представляет собою чудо не менее сложное, чем поэзия Тютчева и Блока”, “мудрого, степенного, обаятельного Алданова”. Принимая высказывания презираемого автором сумасшедшего убийцы Германа в “Отчаянии” за точку зрения самого Набокова, Шаховская писала, что в мире Набокова “добра не существует, все кошмар и обман. Тем,

кто ищет утешения для ума, лучше глотать яд, чем читать Набокова". Набоков же со своей стороны утверждал, что верит "в человеческую доброту" как в "твердую и непреходящую истину"» (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 472–473).

«Лолиты», он обошелся с ней довольно резко. В этой резкости Шаховская винила Веру Евсеевну (которую это чрезвычайно удивляло) и решила поквитаться с ней. Поквиталась она не только в своих воспоминаниях 1979 года «В поисках Набокова» (она так мне и сказала, что написала их «против Веры. Но если вы так напишете, я буду это отрицать»), но и когда отправила копию последнего письма Набокова к Светлане Зиверт в Библиотеку Конгресса, куда Набоков передал на хранение многие свои ранние рукописи, а вторую копию для пущей надежности оставила в своем архиве. Кроме того, она сделала все, чтобы роман Набокова с Гуаданини получил огласку. Поэтому при подготовке первой публикации писем ВН его вдова и сын выбрали три таких письма 1937 года, из которых видно, что Набокову очень хотелось, чтобы они как можно скорее приехали к нему в Париж. На первом из этих посланий, неправильно датированном В. Е. Набоковой «~~19~~ 20 февраля 1937» (на самом деле оно было написано 20 марта 1937 года), стоит пометка Дмитрия Владимировича: «переведено 20 дек. 1986», то есть сразу после выхода биографии Филда. Они вошли в сборник «Избранные письма 1940–1977» (1989), состоявший в основ-

ном из писем, написанных уже после переезда Набоковых в США и потому по большей части — английских (кроме того, хотя сын писателя был одним из редакторов сборника, его соредактор, Мэттью Брукколи, не знал русского). Публикация переводов трех русскоязычных писем 1937 года, повлекшая определенный сдвиг в формате сборника, подтверждает, насколько важно было Вере Евсеевне и Дмитрию Владимировичу подчеркнуть непреходящую — даже во время романа с другой — любовь Набокова к жене.

В 1990 году Вере Евсеевне пришлось на время выехать из отеля «Монтрё-палас»: там проходили ремонтные работы. По совету Дмитрия она купила в Монтрё две совмещенные квартиры — на склоне горы над отелем. Сама она стала жить в квартире побольше, а ту, что поменьше, превратила в рабочий кабинет, гостевую комнату и архив. После ее смерти в 1991 году квартиры унаследовал Дмитрий Владимирович. В 1992 году он продал архив в Собрание Генри и Альберта Бергов в Нью-Йоркской публичной библиотеке, однако, по договоренности с кураторами, временно оставил себе некоторые материалы — отцовские дневники, рукопись «Лауры и ее оригинала» и письма Набокова к жене.

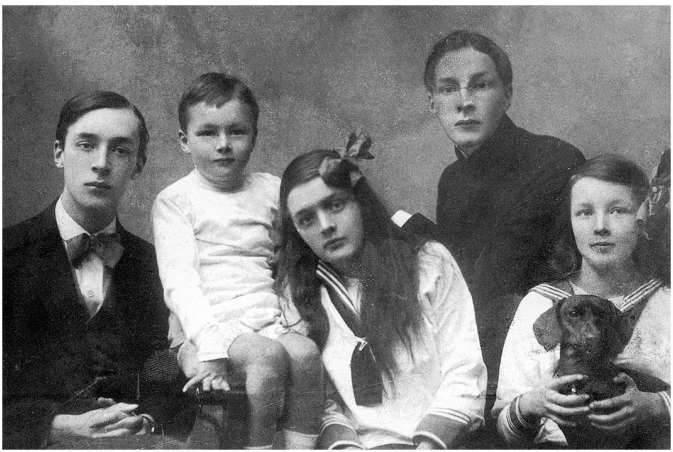
Дмитрий Владимирович был человеком по-американски открытым, в отличие от сдержанной по-европейски матери, и в 1990-е годы дал Стейси Шифф и ее русскоязычному ассистенту доступ к письмам отца для работы над биографией Веры Евсеевны. Кроме того, он допустил к ним и других исследователей, журналистов и авторов документальных фильмов. Хранители Собрания Бергов, в свою очередь, стремились дополучить все обещанные материалы, поэтому в 2002 году секретари Д. В. Набокова сделали несколько наборов копий с писем Набокова к жене, передав один из них мне и Ольге Ворониной, и отправили оригиналы в Нью-Йорк. Мы сразу заметили, что письма 1932 года не были сфотографированы. Вскоре, с нарастающей тревогой, мы выяснили, что эта часть писем до Нью-Йорка не дошла, а в квартире в Монтрё и в подвале, где тогда лежали фотокопии остальной части архива, их тоже нет. Из-за этого все материалы за 1932 год нам пришлось расшифровывать, пользуясь моими магнитофонными записями 1984–1985 годов, которые оказались сильно повреждены за двадцать с лишним лет хранения. В феврале 2011 года я посетил Дмитрия — этот визит стал последним, через год он скончался, — и получил еще одну

возможность обследовать все полки, шкафы и ящики в его квартире и подвале, однако письма за 1932 год отыскать так и не удалось.

Фото

Семья Набоковых в Выре, летней усадьбе под Петербургом, 1907 г. Слева направо: такса Трейни; мать писателя Елена Ивановна; сестры Елена и Ольга на руках у Марии Фердинандовны Набоковой, бабушки со стороны отца; отец Владимир Дмитриевич; сам ВН; двоюродная бабушка

со стороны матери Прасковья Николаевна Тарновская; брат Сергей



Пятеро детей Набоковых: Владимир, Кирилл, Ольга, Сергей и Елена.

Ялта, ноябрь 1918 г.

Владимир Набоков и Вера Евсеевна Слоним. Берлин, 1924 г.

Владимир Набоков (справа) со своим учеником Александром Заком во время совместного путешествия. Констанц, 1925 г.

Владимир Набоков
Берлин, 1926 г.

В. Е. Набокова
Берлин, середина 1920-х гг.

Ю. И. Айхенвальд, литературный критик, друг писателя. Берлин, 1920-е гг.

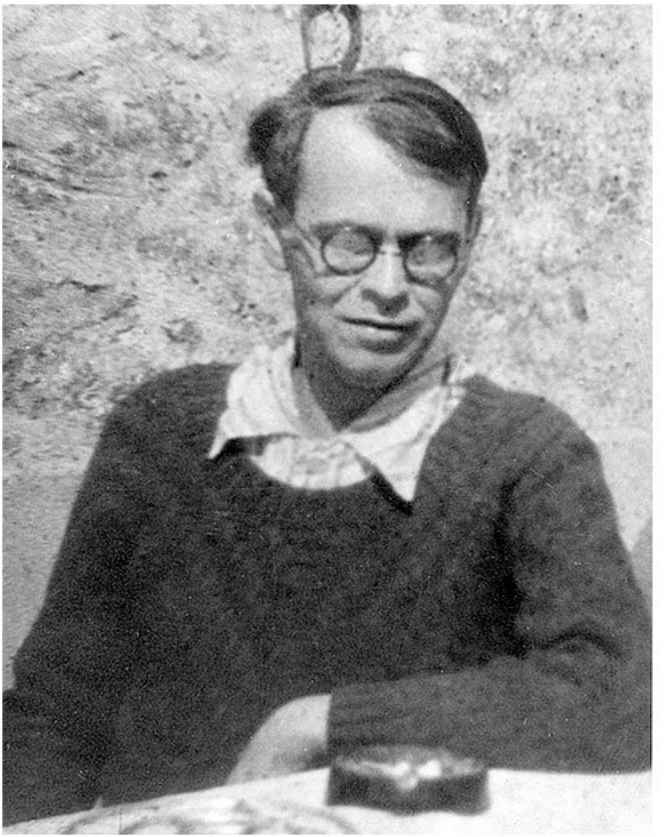
И. И. Фондаминский, один из издателей и редакторов парижских «Современных записок», ведущего литературного журнала русской эмиграции

Слева направо: С. Г. Кянджунцев, Н. Д. Набоков, И. Г. Кянджунцева, В. В. Набоков, Н. А. Набокова. Париж, 1932 г.

В. В. Набоков с женой и сыном Дмитрием. Берлин, лето 1935 г.

И. А. Бунин, лауреат Нобелевской премии по ли-

тературе 1933 г.



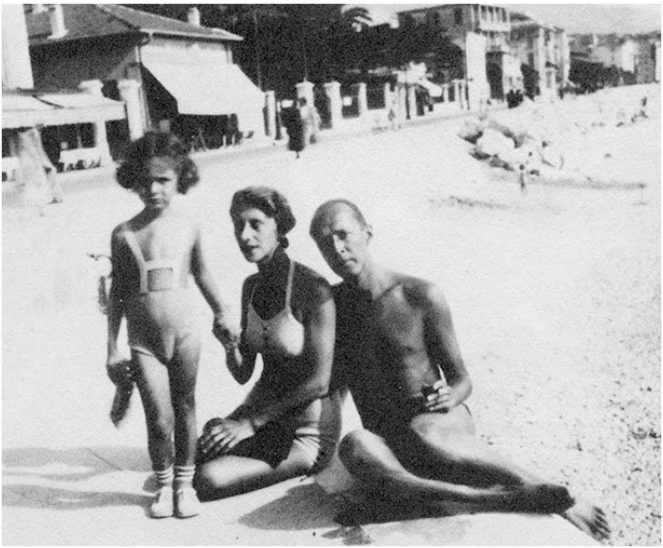
В. Ф. Ходасевич, поэт, литературный критик, союзник и друг Набокова в 1930-е гг.

Из архива Нины Берберовой

Елена Ивановна Набокова
Прага, 1931 г.

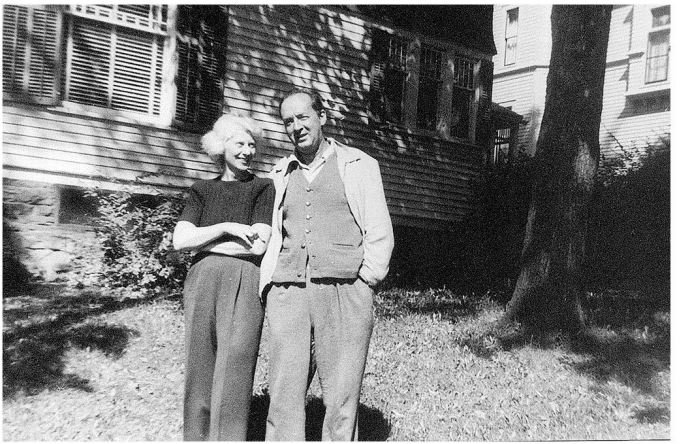
И. Ю. Гуаданини
Из частного собрания

Набоков с редакционным советом журнала «Мезюр» на вилле писателя Генри Черча. Вилла д'Аврэ, апрель 1937 г. Слева направо: Анри Мишо, В. В. Набоков, Сильвия Бич, Адриенна Монье, Жермен Полан, Мишель Лейрис, Барбара Черч, Жан Полан, Генри Черч. *Фото Жизель Фрёнд*

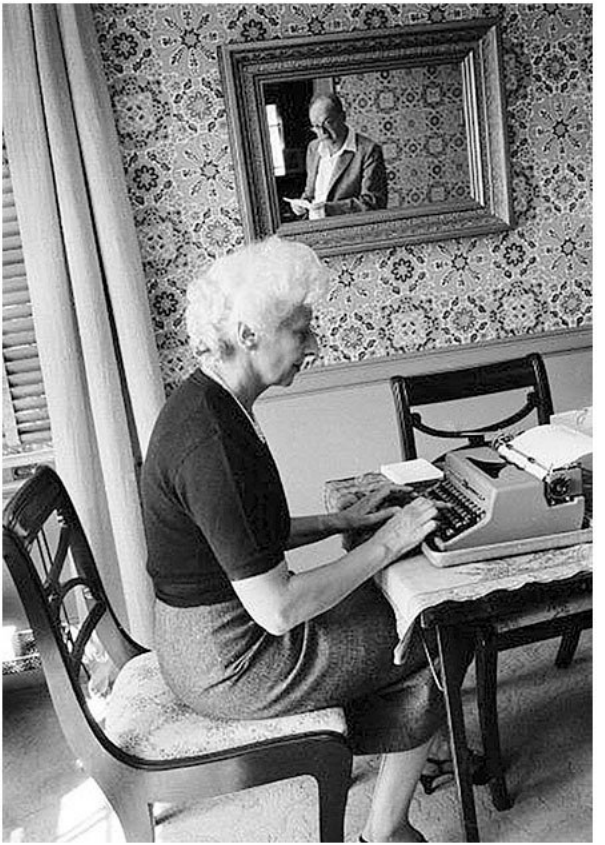


В. В. Набоков с семьей на пляже в Каннах, 1937 г.

В. В. и В. Е. Набоковы. Уэлсли, штат Массачусетс, лето 1942 г.



В. В. и В. Е. Набоковы перед снятым ими домом (802, Ист-Сенека-стрит, Итака), 1951 г. Здесь писатель завершил свою автобиографию и начал «Лолиту»

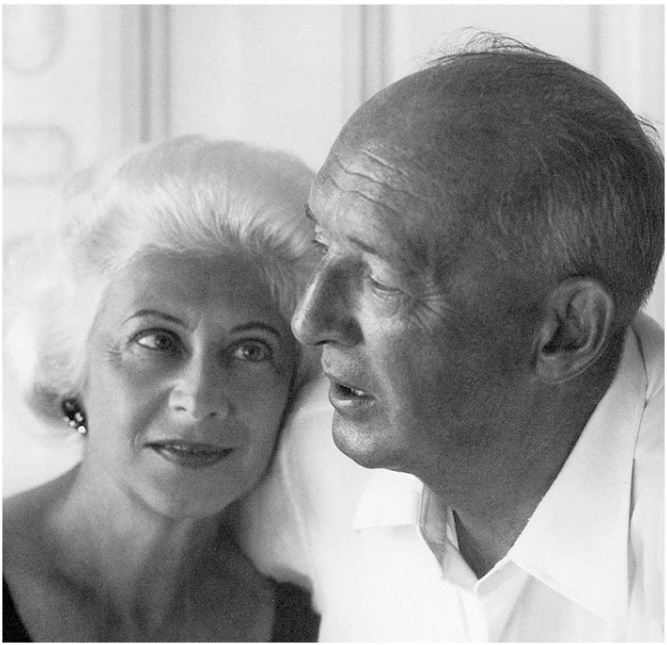


В. В. Набоков диктует В. Е. Набоковой с ката-

ложной карточки. Швейцария, «Монтрё-палас», 1968 г.

Time & Life Pictures / Getty Images

В. В. и В. Е. Набоковы на охоте за бабочками в окрестностях Монтрё, 1971 г. *Фото Хорста Танне*



В. В. и В. Е. Набоковы Монтрё, 1968 г. *Фото Филиппа Халсмана*

Комментарии

1. Ок. 26 июля 1923 г

Без даты. К письму приложено стихотворение «Вечер», датированное в альбоме Е. И. Набоковой 26 июля 1926 г. (Vladimir Nabokov Archive. Henry W. and Albert A. Berg Collection, New York Public Library, далее — Архив Набокова в Нью-Йоркской публичной библиотеке), — из чего следует, что письмо написано в этот же день или вскоре после.

…нашей встречи ‹…› маскарадный обман… — ВН познакомился с Верой Слоним 8 мая 1923 г. на русском эмигрантском благотворительном балу: она была в маске, которую отказалась снимать.

…Marseille, где я работал в порту. ‹…› Я харчил там с русскими матросами… — Марсель, портовый город на юге Франции. Летом 1923 г. Набоков (далее — ВН) работал не в порту, а на ферме недалеко от Тулона. Портовый ресторанчик описан в его рассказе «Порт» (Руль. 1924. 24 мая), в котором Д. В. Набоков указал «автобиографический исток: в июле 1923 года, оказавшись в Марселе, Набоков часто захаживал в полюбившийся ему русский ресторанчик» (*Набоков В.* Полное со-

брание рассказов / Сост., коммент. А. Бабикова, предисл., примеч. Д. Набокова. М.: АСТ: Corpus, 2023. С. 688).

Ронсар Пьер де (1524–1585) — французский поэт, сонет которого («Когда на склоне лет и в час вечерний, чарам…») ВН переводил годом раньше (Руль. 1922. 13 августа); впоследствии Ронсар будет упомянут в «Лолите» (ч. 1, гл. 11).

Странно было. — Выраженные здесь мысли прозвучат снова во второй части двухчастного стихотворения «Прованс» («Слоняюсь переулками без цели…»), написанного 19 августа 1923 г., сразу после возвращения ВН в Берлин (опубл.: Руль. 1923. 1 сентября. С. 2). В сборник рассказов и стихов «Возвращение Чорба» (1930) он включил только эту вторую часть под названием «Солнце», а позднее поместил русский оригинал и собственный английский перевод в стихотворный сборник «Poems and Problems» (1970), где задним числом ошибочно пометил его как написанное в Солье-Пон в 1923 г. (p. 27).

…маме уж очень одиноко приходится… — Елена Ивановна Набокова (урожд. Рукавишникова; 1876–1939), с которой ВН был очень близок; см.: «Другие берега» (гл. 2). Имеется в виду ее одиночество после убийства В. Д. Набокова 28 марта

1922 г.

«Вечер». — Опубликовано (без заглавия): *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 112; в альбоме стихов ВН, составленном Е. И. Набоковой (Архив Набокова в Нью-Йоркской публичной библиотеке), датировано 26 июля 1923 г. Сестра Набокова Е. В. Сикорская воспринимала это стихотворение как отклик брата на первые письма Веры Евсеевны, посланные в Домэн-де-Больё (интервью Б. Бойду 24 декабря 1981 г.).

«Зной». — Впервые: *Набоков В.* Письма к Вере. М., 2017. В снятой Е. И. Набоковой копии в альбоме стихов ВН (Архив Набокова в Нью-Йоркской публичной библиотеке) датировано: 7 июля 1923 г., Домэн-де-Больё; помечено рукой ВН для включения в сборник «Стихи» (1979), чего, однако, сделано не было.

«Дедушка». — Драма в одном действии, написана 30 июня 1923 г. (Руль. 1923. 14 октября).

«Полюс». — Драма в одном действии, написана 6–8 июля 1923 г. (Руль. 1924. 14 августа. С. 2–3; 16 августа. С. 2–3).

«Гамаюн» — берлинское эмигрантское издательство, за время своего недолгого существования успевшее выпустить всего семь книг, в том числе сборник стихов Набокова «Гроздь» (1923)

и его перевод «Приключений Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла («Аня в стране чудес», 1923). Гамаюн — одна из трех вещих птиц, наряду с сирином и алконостом.

«Русская мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал, выходивший с 1921 г. в Софии, затем, с перерывами, в Праге, потом в Париже. То, что с 1924 по 1927 г. выпуск журнала был приостановлен, возможно, объясняет, почему Набоков опубликовал «Полюс» в «Руле».

2. 8 ноября 1923 г

je patauge — я сбиваюсь, отвлекаюсь *(фр.)*.

practically — практически *(англ.)*.

…не Edison ‹…› а какой-то другой американец ‹…› которого никто не помнит. — Вероятно, имеется в виду американец Илайша Грей (Elisha Grey, 1835–1901), который в 1876 г. работал над жидкостным передатчиком — прототипом телефона, а не более известный канадец шотландского происхождения Александр Грейам Белл (1847–1922), который тоже изобрел телефон в том же году и получил на него американский патент, и не американский изобретатель Томас Алва Эдисон (1847–1931).

…это кусочек моей поэмы — не вошедший в нее. — Речь идет о поэме «Юность» (ноябрь 1923), где есть такие строки: «…и отличаться будем мы от всех / благоуханной медленностью речи — / да, — некою старинной простотой / речей, одежд и сдержанных движений…». Впервые: Новый журнал. 2012. № 267. С. 120–127. Публ., предисл. М. Минской; исправленный по архивной рукописи текст поэмы см.: *Набоков В.* Жалобная песнь Супермена. Поэмы (1918–1947) / Сост., пре-

дисл., коммент. А. Бабикова. М.: АСТ: Corpus, 2022. С. 119–127.

3. 30 декабря 1923 г

На обратной стороне рукой В. Е. Набоковой: «Конец декабря 1923 г. Н<абоков>ы уехали в Прагу 30–12–1923».

en trois quarts — в три четверти *(фр.)*.

…ехали мы ‹…› исключительно плохо. — Е. И. Набокова с младшими детьми перебралась в Прагу, когда чешское правительство предложило ей скромную пенсию. ВН помогал с переездом.

…на Кирилла… — Кирилл Владимирович Набоков (1911–1964) — самый младший брат и крестник ВН.

…двенадцати (через «е» правильнее)… — В <Опровержении на критики> (1830, частично опубл. в 1841 г.) Пушкин писал: «*Двенадцать*, а не *двьнадцать. Две* сокращенно из *двое*, как *тре* из *трое*». Обыкновенно ВН предпочитал дореформенную орфографию, согласно которой полагалось писать «двѣнадцать». Однако здесь он утверждает, что надо следовать не орфографическим новшествам, введенным после революции, а пушкинскому правилу.

Крамарж Карел (1860–1937) — чешский государственный деятель, первый премьер-министр

Чехословакии (1918–1919). Был русофилом, женатым на русской (жена — Надежда Николаевна Крамарж-Абрикосова, урожд. Хлудова, 1862–1936). Ненавидя большевизм, приглашал видных русских эмигрантов в Чехословакию и принимал их в своем доме в Праге.

…двадцать третьего <декабря> (ст.<арый> ст.<иль>)… — То есть 5 января 1924 г. по новому стилю; в этот день Вере исполнилось двадцать два года.

…сидел у меня Морн… — Герой пятиактной «Трагедии господина Морна», которую ВН начал писать в декабре 1923 г. и завершил в январе 1924 г.; опубликована она была лишь посмертно в журнале «Звезда» (1997. № 4) и затем в более точном и расширенном издании: *Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / Сост., предисл., примеч. А. Бабикова. СПб.: Азбука-классика, 2008.

4. 31 (?) декабря 1923 г

Дата, поставленная ВН, напоминает «3–xii–23» (хотя первая тройка, возможно, является исправлением другой цифры). На конверте, в котором Вера Евсеевна хранила это письмо, стоит почтовый штемпель от 2 января 1924 г. Возможно, ВН написал «21–xii–23», так как письмо это явно следует за предыдущим, в котором в дате «30–xii–23» первая цифра тоже написана нечетко (это может быть не тройка, а двойка). Однако, судя по всему, до конца декабря 1923 г. ВН оставался в Берлине (*Л. Л.* Агасфер, пантомима // Руль. 1924. 8 января. С. 5). Если считать, что предыдущее письмо датировано правильно (30 декабря 1923 г.), а штемпель «2.1.24» относится именно к этому письму, то дата 31 декабря 1923 г. представляется наиболее вероятной.

touchy — чувствителен *(англ.)*.

…мой отец. — Владимир Дмитриевич Набоков (1870–1922) — юрист, государственный и общественный либеральный деятель, публицист, издатель и редактор, ценитель искусств. Набоков безгранично им восхищался (см. «Другие берега», гл. 1 и 9) и безусловно доверял его

нравственным, политическим, литературным и художественным суждениям. В 1923 г. Набоков все еще не оправился после убийства отца. Почти четверть века спустя он напишет о том, как «бездной зияла» его любовь к отцу («Другие берега», гл. 9).

Татаринов Владимир Евгеньевич (1892–1961) — журналист, постоянный автор «Руля».

«Руль» — либеральная антисоветская русскоязычная ежедневная газета, выходившая в Берлине с 1920 по 1931 г., основана В. Д. Набоковым и двумя его ближайшими коллегами, А. И. Каминкой и И. В. Гессеном; одно из самых значительных русскоязычных периодических изданий Берлина, который до 1924 г. оставался крупнейшим центром русской эмиграции. За годы существования «Руля» ВН (под псевдонимом Владимир Сирин) опубликовал в нем множество стихотворений, рассказов, пьес, рецензий, шахматных задач и крестословиц.

bourgeois — буржуа *(фр.)*.

Buffon — Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) — французский естествоиспытатель, математик, энциклопедист и писатель.

Когда Монтекристо <sic> приехал… — Речь идет о герое романа «Граф Монте-Кристо» (1844–1845)

Александра Дюма (1802–1870), хотя описание сцены не совсем точное. Монте-Кристо спрашивает Бертуччо про визитные карточки, полагая, что те еще предстоит заказать граверу; Бертуччо отвечает, что одна из них уже доставлена адресату, а остальные дожидаются графа на каминной полке в спальне.

Татариновы — В. Е. Татаринов и его жена Раиса Абрамовна (урожд. Флейшиц, литературный псевдоним Раиса Тарр, 1889–1974), юрист, получившая образование в Сорбонне, а десятилетия спустя — известная французская писательница. Р. А. Татаринова прославилась благодаря своему таланту объединять русских эмигрантов — писателей, художников и мыслителей, которых регулярно приглашала в свою берлинскую квартиру.

Струве — Глеб Петрович Струве (1898–1985) — друг ВН, особенно в 1920-е гг., когда оба жили в Берлине, и его жена Юлия Юльевна (урожд. Андре, 1902–1991). До Октябрьской революции Петр Бернгардович Струве (1870–1944), отец Глеба Петровича, был, как и В. Д. Набоков, известным либералом, оппонентом царской власти, а в эмиграции политическим деятелем и издателем влиятельных русскоязычных газет и журналов.

Г. П. Струве учился в Оксфорде, когда ВН учился в Кембридже; впоследствии стал первым историком литературы русской эмиграции.

5. 8 января 1924 г

Берлинский штемпель от 12 января 1924 г. на обороте конверта (то есть не является первым); марка, погашенная в Чехии, срезана. Дата на конверте, под отсутствующей маркой, проставлена рукой В. Е. Набоковой: «8–i–24».

Hullo! — Привет! *(англ.)*

Молдава (Moldau) — немецкое название реки Влтава.

Лукаш Иван Созонтович (1892–1940) — плодовитый писатель, журналист, литературный критик. В начале 1920-х гг., до отъезда из Берлина в Ригу, был очень дружен с ВН. Вместе они работали над пантомимами «Агасфер» и «Вода живая».

Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт и искусствовед.

Алданов Марк (Ландау Марк Александрович; 1886–1957) — в прошлом ученый-химик, впоследствии автор исторических романов, которые начал писать перед самой Первой мировой войной; они пользовались большим успехом в эмиграции.

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932) — был более известен в России, чем в эми-

грации; в 1918 г. ВН встречался с ним в Крыму, высоко ценил его стихи и был благодарен ему за наставничество.

Сирин. — ВН стал регулярно пользоваться псевдонимом Владимир Сирин с января 1921 г., в том числе для того, чтобы его не путали с отцом, тоже Владимиром Набоковым, редактором, автором многих статей и издателем «Руля», где тогда выходили почти все произведения ВН.

…я разошелся с невестой. — Светлана Романовна Зиверт (в замужестве Андро де Ланжерон, 1905–2000) — невеста ВН с 21 июня 1922 г., разорвала помолвку 9 января 1923 г.

«Скитальцы» — короткая пьеса-мистификация, которую ВН написал в октябре-ноябре 1921 г. Ее первый акт он отправил родителям как собственный перевод пьесы английского драматурга Вивиана Калмбруда (Vivian Calmbrood, почти точная анаграмма Vladimir Nabokov). Опубл.: *Вивиан Калмбруд (Vivian Calmbrood).* Скитальцы (The Wanderers). 1768. Лондон / Перевод с английского Влад. Сирина. Трагедия в четырех действиях // Грани. 1923. № 2. С. 69–99. Хотя в заглавии пьесы указано, что она состоит из четырех актов, а в письме ВН говорит о сочинении второго — «заключительного» — действия, замысел

продолжения пьесы осуществлен не был.

6. 10 января 1924 г

сестра — Елена Владимировна Набокова (в первом браке Скуляри, во втором Сикорская; 1906–2000) — любимая младшая сестра ВН.

Madame Bertrán — В. Е. Слоним, ревностно оберегавшая свою частную жизнь, в начале своих отношений с ВН указывала на конвертах и подписывала письма именем «Madame Bertrán».

«Что письма? — белые заплаты на черном рубище разлук» (парафраза ‹…› Лермонтова). — Разлуки — один из главных мотивов поэзии М. Ю. Лермонтова, но здесь ВН переиначивает две строки из пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824): «Что слава? — Яркая заплата / На ветхом рубище певца».

…непроявленные цвета декалькомании… — От *фр.* décalcomanie (изготовление оттисков изображений для перевода их на бумагу, дерево или фарфор при помощи высокой температуры или давления).

…обсосанные пуншевые леденцы. — Имеются в виду леденцы из пунша (от *англ.* punch) на палочках.

…вещество / должно истлеть… — «Трагедия

господина Морна» (акт IV, сц. 1). В окончательной редакции текст был несколько изменен и расширен (см. примеч. к письму от 30 декабря 1923 г.).

…в «Руле» есть заметка госпожи Ландау… — Рецензия, подписанная Л. Л.(Людмила Лазаревна Ландау, музыкальный критик), на драматический монолог «Агасфер» (Руль. 1924. 8 января. С. 5), написанный ВН в соавторстве с Иваном Лукашем на музыку В. Ф. Якобсона. В конце декабря 1923 г. ВН и Лукаш читали текст монолога перед аудиторией журналистов и литераторов в частном доме.

7. 12 января 1924 г

«Ты безглагольна, как все, что прекрасно…» — Возможно, отсылка к стихотворению А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье…» (1850), в котором нет ни единого глагола.

Посылаю тебе мой лик… — Фотография не сохранилась. Возможно, это был один из снимков ВН 1922 г. в кембриджской мантии и шапочке.

of sweet memories — приятных воспоминаний *(англ.)*.

u. s.w. (*нем.* und so weiter) — и так далее.

…показывают детям волшебный фонарь. — Устройство для проецирования изображений со стеклянной пластины на стену или экран (от *лат.* Lanterna magica). См. «Другие берега» (гл. 8), где ВН описывает, как ему в детстве показывали волшебный фонарь.

…на обложке первого номера «Граней» наши фамилии рядом. — ВН имеет в виду не первую, а вторую книгу альманаха «Грани», вышедшую в 1923 г.; на обложке сборника он упомянут как «переводчик» пьесы Вивиана Калмбруда «Скитальцы». Имя Сирина соседствует с именем М. Слонима (Марка Львовича Слонима),

автора эссе «Новая итальянская литература» и однофамильца Веры Евсеевны. «Грани» выходили в одноименном русском издательстве, основанном в 1921 г. в Берлине Сашей Черным (Александром Михайловичем Гликбергом; 1880–1932), поэтом, сатириком, другом В. Д. Набокова; в 1923 г. в нем был опубликован поэтический сборник ВН «Горний путь».

Кадашев-Амфитеатров Владимир Александрович (1888–1942) — правильно: Амфитеатров-Кадашев — поэт, писатель, критик, член пражского «Скита поэтов» и берлинского Союза русских писателей и журналистов.

Немирович-Данченко Василий Иванович (1844/45–1936) — писатель, журналист и путешественник, после эмиграции в 1921 г. жил в Берлине до отъезда в Прагу в 1923 г.

«Сполохи» — русский литературный журнал, основанный в Берлине в 1921 г. писателем-эмигрантом Александром Дроздовым (см. примеч. к следующему письму).

…ты уйдешь. / Забудем мы… — «Трагедия господина Морна» (акт IV). В окончательной редакции текст был несколько изменен (см. примеч. к письму от 30 декабря 1923 г.).

8. Не позднее 14 января 1924 г

На обратной стороне конверта берлинский штемпель от 14 января 1924 г.; марка, видимо погашенная в Праге днем-двумя раньше, срезана.

мой boss — вероятно, Яков Давидович Южный (1884–1938) — писатель, переводчик, руководитель берлинского кабаре «Синяя птица», для которого ВН в 1923–1924 гг. писал скетчи и сценки. Boss — начальник *(англ.)*.

Дроздов Александр Михайлович (1896–1963) — писатель, переводчик, основатель и редактор журнала «Сполохи», редактор литературного альманаха «Веретено» (произведения ВН появлялись в обоих). В 1923 г. негативно отзывался об эмиграции и о «Руле», ВН даже подумывал вызвать его на дуэль (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 259); в декабре 1923 г. вернулся в СССР.

9. 16 января 1924 г

Письмо вложено в конверт с почтовым штемпелем от 26 января 1924 г.; судя по датировке ВН и упомянутым им событиям, написано раньше 17 января.

…этих самых мудрецов… — Возможно, имеется в виду знаменитая антисемитская фальшивка «Протоколы сионских мудрецов» (1903), в которой излагались планы евреев на мировое господство: она пользовалась большой популярностью среди консервативно настроенных русских эмигрантов.

Нилус Сергей Александрович (1862–1929) — религиозный писатель, опубликовавший «Протоколы сионских мудрецов» в своей книге: *Нилус С.* «Великое в малом и Антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного». 2-е изд., испр. и доп. Царское село: Тип.<ография> Царскосельск.<ого> ком.<итета> Красного Креста, 1905.

…читал ‹…› Краснова… — Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал русской и казацкой армий, популярный писатель русской эмиграции и публицист антисемитского толка.

c'est tout dire — этим все сказано *(фр.)*.

«Виденье». — Опубл.: Руль. 1924. 27 января. С. 2; *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 126.

10. 17 января 1924 г

…бедный наш Якобсон… — Композитор В. Ф. Якобсон, который в сентябре 1923 г. заказал ВН и его другу Ивану Лукашу драматическую пантомиму «Агасфер» для написанной им симфонии. Пантомима была поставлена в декабре. На премьере Якобсон исполнял свою фортепианную аранжировку партии оркестра (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 257, 260).

Шпрей — Шпре или Шпре́е (*нем.* Spree) — река в Берлине.

Садко — герой новгородского эпоса. В опере Н. А. Римского-Корсакова (1844–1908) «Садко» (1897) герой, обвороживший музыкой дочь морского царя, смог спуститься на дно Волхова, чтобы найти там сокровище и спасти свою честь.

Когда же заработок мой лопнет — амери́ку… — Т. е. уеду в Америку.

«Madame Bovary» — роман Гюстава Флобера (1821–1880) «Госпожа Бовари» (1857). Как и его отец, ВН всегда был очень высокого мнения о Флобере, а о «Госпоже Бовари» читал лекции в Корнеллском университете и Гарварде (см. его «Лекции по зарубежной литературе»).

lacrimae arsi (*лат.* lacrimae — слезы, *ит.* arso — выжженный) — игра слов, основанная на отсылке к латинскому «ars» — искусство. Одно из возможных прочтений этого выражения — «слезы искусства», но тогда оно должно писаться как «lacrimae artis».

«Багряной лентою заката твой стан, как шелком, обовью…» — из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1829–1839): «Лучом румяного заката / Твой стан, как лентой, обовью».

11. 24 января 1924 г

Анхальтерский вокзал (Anhalter Bahnhof) — берлинский вокзал в Кройцберге для поездов дальнего следования, почти полностью снесенный в 1960 г.

Молдава — Влтава.

Нильсен Аста (1881–1972) — датская актриса немого кино.

…пантомима, «Вода живая», пойдет ‹…› в «Синей птице». — Пантомима, несохранившийся текст которой ВН написал совместно с И. Лукашем, шла в берлинском русском кабаре «Синяя птица» больше месяца (январь — февраль 1924 г.).

мидяне — древняя персидская народность. Одну из главных героинь «Трагедии господина Морна» зовут Мидией.

the only thing that matters — единственное, что имеет значение *(англ.)*.

…моего именья… — ВН унаследовал поместье Рождествено от своего дяди Василия Ивановича Рукавишникова (1872–1916), «дяди Руки», как он назван в «Других берегах» (гл. 3).

А сегодня в газетах весть о том, что Ленин

умер. — В. И. Ленин (Ульянов; р. 1870) умер 21 января 1924 г.

…иду проветриться к Марине Цветаевой. — Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) выехала из России в мае 1922 г., чтобы присоединиться к мужу, учившемуся тогда в Пражском университете. С 1925 г. и до возвращения в СССР в 1939 г. жила в Париже. Набоков писал о пражской встрече с ней в автобиографии: «Однажды с Цветаевой совершил странную лирическую прогулку, в 1923 году, что ли, при сильном весеннем ветре, по каким-то пражским холмам» («Другие берега», гл. 13).

12. 13 августа 1924 г

Скорее всего, здесь, как и в следующем письме, ВН ошибочно указал месяц: «VII» вместо «VIII»; это письмо и три последующих (из которых два последних датированы августом), судя по всему, относятся к его недельному пребыванию в Праге и на чешском курорте Добржиховице. ВН снова приехал к родным в Прагу, проведя семь месяцев в Берлине с В. Е. Слоним.

…в Берлин via воздух… — Т. е. воздушным путем (*англ.* via — через, посредством, с помощью).

13. 17 августа 1924 г

О датировке см. в примеч. к предыдущему письму.

Чириковы. — Речь идет о семье Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) — писателя, члена нескольких русских писательских союзов Праги.

Ольга — старшая из двух сестер ВН, Ольга Владимировна Набокова (1903–1978), по первому мужу Шаховская (Сергей Сергеевич Шаховской, 1903–1974), по второму мужу Петкевич (Борис Владимирович Петкевич, 1901–1965).

Лайпциг — Лейпциг (в немецком произношении).

…ее пенсия… — Проживавшая в Чехословакии Ольга имела право на пенсию как член семьи русского эмигранта — ученого или писателя (ее отца).

…твою двоюродную сестру… — Видимо, речь идет об Анне Лазаревне Фейгиной (1890–1972), с которой Вера Евсеевна была очень близка. В Лейпциге жил ее двоюродный брат, Герман Бромберг.

Тегель — пригород Берлина, где на русском кладбище (Russisch-Orthodoxer Friedhof) похоро-

нен В. Д. Набоков. ВН посылал туда деньги на уход за могилой и на поминальные службы.

«Молитва». — Опубл.: Руль. 1924. 24 августа. С. 2; *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 141–142.

«Река». — Опубл. под заглавием «Русская река»: Наш мир. 1924. 14 сентября. С. 264–266; под заглавием «Река»: *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 97–100.

…появилось ли что-нибудь в «Сегодня». — «Сегодня» — ежедневная эмигрантская газета, которая выходила в Риге, столице независимой Латвии, с 1919 по 1940 г. Стихотворение «Гаданье» появится в «Сегодня» 26 августа 1924 г. (с. 11).

14. 18 августа 1924 г

…кому первому брать tub. — Tub — ванная *(англ.)*; ВН часто пользовался «складной резиновой ванной» («Другие берега», гл. 1).

Много ли выучила новых слов по-английски? — Вера Евсеевна уже достаточно хорошо владела английским, но продолжала заниматься расширением словарного запаса.

…перевожу ‹…› фразы коростовецкие… — Владимир Константинович Коростовец (1888–1953), до 1930 г. — русский корреспондент «Вестминстер газет» и «Таймс» в Берлине; щедро оплачивал ВН перевод своих статей на английский.

par excellence — преимущественно *(лат.)*.

15. 24 августа 1924 г

…за моей младшей сестрой… — Имеется в виду Елена, которой тогда было 18 лет.

…как выйдут наши «карточки» в рижской газете. — Поскольку между двумя мировыми войнами Латвия была независимой, Рига стала важным центром эмиграции; в 1921–1932 гг. ВН печатался там в ведущей эмигрантской газете «Сегодня». В номере за 26 августа 1924 г. появилось его стихотворение «Гаданье», а на с. 21 — рисованные портреты авторов «Сегодня», сделанные Civis'ом (Сергеем Антоновичем Цивинским, 1895–1941), в том числе и портрет В. Сирина.

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — художник, известный причудливыми иллюстрациями к произведениям русской литературы и фольклора.

алькогност (алконост) — в славянской мифологии райская птица с головой женщины, которая своим пением заставляет смертных забыть обо всем. Алконоста часто изображают вместе с сирином, другой птицей-предвозвестницей, например на знаменитой картине В. М. Васнецова «Сирин и алконост: песнь радости и печали»

(1896). См. также примечание о гамаюне к первому письму ВН к В. Е. Слоним.

…письма его к маме из Крестов ‹…› просидел три месяца после Выборгского воззванья… — 9 июля 1906 г., на следующий день после подписания Николаем II указа о роспуске Государственной думы первого созыва, многие ее депутаты отправились в расположенный на территории Финляндии Выборг, где составили воззвание, призывавшее население к гражданскому неповиновению, в том числе к отказу от военной службы и неуплате налогов. Как один из лидеров Думы, В. Д. Набоков участвовал в составлении воззвания и подписал его, за что в 1907 г. был приговорен к трем месяцам одиночного заключения в Санкт-Петербургской тюрьме «Кресты». Письма отца из «Крестов» ВН опубликовал в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк) в 1965 г.

16. 19 января 1925 г

Дата указана на обороте конверта карандашом, рукой В. Е. Набоковой; марки нет. В адресе назначения: «bei Rilcke» (правильно: Rölke) — «по адресу Рёльке» (владельца квартиры). Согласно Д. Циммеру, квартира располагалась в районе Шёнеберг, на Луитпольдтштрассе, д. 13.

17. Приблизительно март – апрель 1925 г

Недатированное письмо в конверте без почтового штемпеля.

18. 14 июня 1925 г

Текст написан на лицевой стороне маленького конверта, на обороте карандашом, рукой В. Е. Набоковой поставлена дата «14.VI.25».

19. 19 августа 1925 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Цоппот (Zoppot) — немецкое название приморского курорта в Померании, на территории Свободного города Данцига; теперь в составе Польши (Сопот).

Шура — Александр Иосифович Зак (1910 –?), ВН был его наставником и другом в Берлине и сопровождал его на каникулах в Сопоте.

С.<офья> А.<дамовна> — С. А. Зак (урожд. Якобсон, 1880 –?), мать Александра Зака, жена банкира И. С. Зака (1870 –?).

20. 27 августа 1925 г

Открытка, отправлена до востребования. Отель *«Рёмишер кайзер»* — «Римский император».

Döggingen — Дёггинген, городок в Баден-Вюртенберге, примерно в шестидесяти километрах от Фрайбурга.

Bol<l> (Болль) — деревня в полутора километрах к северу от Бонндорфа, в состав которого она вошла в 1971 г., между Бонндорфом и Райзельфингеном (см. следующее письмо).

Cambridge. — Английский Кембридж, где ВН учился в Тринити-колледже.

21. 28 августа 1925 г

Открытка, отправлена до востребования.

Bad-Bol<l> — крохотное поселение Бад-Болль, которое ранее существовало неподалеку от Болля, а теперь вошло в состав Бонндорфа. Не путать с Бад-Боллем, более известным городом, отстоящим от этого места примерно на 150 километров.

Reiselfingen — Райзельфинген, курортное местечко в Баден-Вюртенберге, примерно на сорок километров южнее Фрайбурга.

Titisee — Титизе, озеро в Шварцвальде (Баден-Вюртенберг), на берегу которого расположен городок Титизе-Нойштадт.

22. 29 августа 1925 г

Открытка, отправлена до востребования.

Фельдберг — самая высокая горная вершина в Шварцвальде (1493 м), расположена к западу от Титизе-Нойштадта.

23. 30 августа 1925 г

Открытка с почтовым штемпелем, отправлена до востребования.

St. Blasien (Sankt Blasien) — Санкт-Блазиен, курортный городок на юге Шварцвальда в Баден-Вюртенберге. Следующим летом В. Е. Набокова проведет в нем больше месяца в санатории.

24. 31 августа 1925 г

Открытка, отправлена до востребования.

Wehr — Вер, городок в Баден-Вюртенберге, в тридцати двух километрах от Санкт-Блазиена и примерно в ста тридцати километрах от немецкого Констанца, расположенного на берегу Боденского озера на границе со Швейцарией.

«Вершина». — Опубл.: Руль. 1925. 19 сентября. С. 2.

25. 31 августа 1925 г

Открытка.

poste restante — до востребования *(фр.)*.

…открыточку твою. — Вера Евсеевна сообщила, что сняла номер в пансионе Цейс в Констанце.

26. 1 сентября 1925 г

Открытка.

Зекинген — Бад-Зекинген-на-Рейне. Туда от Вера около одиннадцати километров пешего пути.

Todtmoos — Тодтмос (ВН писал: Тодмос), деревушка в Баден-Вюртенберге, в восемнадцати километрах от Вера.

27. 2 сентября 1925 г

Открытка с подписью «Вер (Баден)» и с изображением вида на городок за железнодорожными путями.

28. 2 сентября 1925 г

Открытка.

…моя песнь… — Отсылка к иллюстрации на открытке: господин в театральном «ренессансном» костюме прижимает к груди даму, а в другой руке держит трубу; позади виднеется его лошадь. Ниже — цитата из стихотворения (1853) Йозефа Виктора фон Шеффеля (1826–1886): «Behüt' dich Gott. Die Wolken fleh'n, / der Wind saust durch die Blätter / Ein Regenschauer zieht durch Wald und Feld, / Zum Abschiednehmen just das rechte Wetter, / Grau wie der Himmel steht vor mir die Welt» («Да защитит тебя Господь. Несутся облака, / Ветер свистит в листве, / Ливень хлещет по лесам и полям, / Для разлуки — самая подходящая погода, / Серым, как небо, предстал мне мир»). Стихотворение было положено на музыку. Оно звучит в опере «Трубач из Зекингена» (1884) Виктора Эрнста Несслера (1841–1890).

Waldshut — городок Вальдсхут-Тинген в Баден-Вюртенберге. Пешеходная прогулка в него из Бад-Зекингена занимает примерно шесть часов.

29. 1925 (?) г

Письмо без даты; возможно, написано в начале семейной жизни Набоковых.

30. 26 апреля 1926 г

Рукопись незаконченного рассказа или шутливое подражание рассказу, превращенное в записку к жене (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке). Единица в начале указывает, что это сочинение могло состоять из нескольких частей. Корень «Вер» в фамилии героя созвучен имени «Вера». Благодарим Г. А. Барабтарло, предложившего включить этот рассказ в настоящее собрание писем. Впервые в издании: *Набоков В.* Полное собрание рассказов. СПб., 2016. С. 726.

31. 2 июня 1926 г

В адресе назначения указана мать В. Е. Набоковой: «B<ei> / Frau Doktor Slonim, Sankt Blasien, Sanatorium Pr. Backmeister, Schwarzwald» (По адресу госпожи д-р Слоним, Санкт-Блазиен, санаторий проф. Бакмайстера, Шварцвальд).

В. Е. Набокова завела ВН блокнот, на листах которого проставила даты его будущих писем со 2 по 30 июня; начиная очередное письмо, ВН дописывал год. См. начало письма от 30 июня 1926 г.

…я даже не знаю, где ты сейчас… — Летом 1926 г. В. Е. Набокова провела два месяца на нескольких курортах юга Германии вместе с матерью, Славой Борисовной Слоним (1872–1928). ВН оставался в Берлине в русском пансионе на Нюрнбергерштрассе.

Готтерчтототакое — немецко-русский каламбур, означающий «Бог знает что такое», с использованием искаженной транслитерации *нем.* Götter — боги.

«Звено» — русский еженедельный журнал, который выпускали в Париже с 1923 по 1928 г. П. Н. Милюков и М. М. Винавер.

…песню: синее, синее у меня платье… — Не-

мецкая детская песенка «Blau, blau, blau sind alle meine Kleider».

«Albertine» — роман «Albertine disparue» (1927, в русском переводе «Беглянка»), шестой в цикле романов Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени» (опубл. в 1913–1927 гг.).

Каплан Сергей — постоянный ученик ВН в 1925–1926 гг.; нередко уроки французского брала и его мать.

маман Каплан — мамаша Каплан, мать С. Каплана.

Regensburgerstr.<asse> — Регенсбургерштрассе; родители В. Е. Набоковой разъехались в 1924 г.; А. Л. Фейгина поселилась с ее отцом, Евсеем Лазаревичем Слонимом (1865–1928), и с другими домочадцами в квартире на этой улице.

Софа — Софья Евсеевна Слоним (1908–1996) — младшая сестра Веры Евсеевны.

Arctia hebe — бабочка из семейства медведиц Arctia festiva (=Arctia hebe).

Daphnis nerii — бабочка из семейства бражников, бражник олеандровый; круглый год встречается в некоторых регионах Африки и в Южной Азии; летом — в большей части Европы.

livornica — бражник линейчатый Hyles livornica, встречается в Африке, Южной Европе, в Средней

и Восточной Азии. *Celerio* — Hippotion celerio, бражник большой винный, постоянно встречается в Африке и Южной Азии, сезонно в Европе. *Niceae* (правильно: *nicaea)* — бражник южный молочайный Hyles nicaea, встречается в странах Средиземноморья, в Закавказье, Средней Азии, Иране, Афганистане, Северо-Западной Индии.

Aporia crataegi augusta — белянка Aporia crataegi (боярышница), довольно крупная белая бабочка с яркими темными прожилками. Название подвиду Aporia crataegi augusta дал в 1905 г. Эурилио Турати (1858–1938), именем которого ВН назвал соперника Лужина по его последней, трагической шахматной партии («Защита Лужина»).

…отправился ‹…› к Шуре. — В дом к ученику Александру Заку, проживавшему в Шарлоттенбурге по адресу Дернбургштрассе, д. 6.

…говорил с Софьей Ад.<амовной>… — С матерью Александра Зака.

Б. Г. — в письме от 21 июня 1926 г. упомянута как Берта Гавриловна; иные сведения отсутствуют.

Ш.<ура> — Здесь и далее: А. И. Зак.

…в свой клуб… — Один из лучших теннисных клубов Берлина, где ВН мог играть почти бесплатно благодаря своему мастерству.

…лоскуток из Финанс амта. — От *нем.* Finanzamt: немецкое налоговое управление; в данном случае речь идет о сборе обязательного «церковного налога».

32. 3 июня 1926 г

В адресе назначения: «b / Frau Dtr. Slonim, Sanatorium, Sankt Blasien, Schwarzwald».

Вильмерсдорф-штрасе — улица Вильмерсдорфер-штрассе, разрушена во время Второй мировой войны.

«Observer» — старейшая в мире воскресная газета; основана в Лондоне в 1791 г.

Анюта — А. Л. Фейгина.

33. 4 июня 1926 г

Штейн Семен Ильич (1887–1951) — сводный брат близкого друга ВН Георгия Иосифовича Гессена (см. примеч. ниже).

…относительно перевода «Машеньки»… — Первый роман ВН (Берлин: Слово, 1926) в немецком переводе Якоба Марго Шуберта и Грегора Ярхо вышел под названием «Sie kommt — kommt sie?» (Berlin: Ullstein, 1928).

«Слово» — берлинское издательство, основанное в 1920 г. по инициативе В. Д. Набокова и его друзей И. В. Гессена и А. И. Каминки как филиал крупного немецкого издательства «Ульштейн». ВН опубликовал в «Слове» перевод «Colas Breugnon» Ромена Роллана («Николка Персик», 1922), романы «Машенька» (1926) и «Король, дама, валет» (1928), а также сборник рассказов «Возвращение Чорба» (1930).

Круммештрасе — Крумме-штрассе в Шарлоттенбурге, на которой располагается основанный в 1898 г. общественный плавательный бассейн в стиле ар-нуво, ныне известный как «Alte Halle» («Старый зал»).

Капланов урок (с мадам) — с матерью С. Ка-

плана.

Грэгер — сведения отсутствуют.

…и никаких испанцев… — Возможно, отсылка к строке из «Пятого Интернационала» (1922) Владимира Маяковского (1893–1930) «А потом океан — и никаких испанцев», которая стала крылатой фразой.

…за книжку рассказов… — Сборник рассказов Набокова в переводе на немецкий опубликован не был; только в 1966 г. вышел сб. «Весна в Фиальте» (Frühling in Fialta: Dreiundzwanzig Erzählungen / Ed. Dieter E. Zimmer, trans. Wassili Berger, Dieter E. Zimmer, Renate Gerhardt and René Drommert. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1966).

…с Евсей Лазарычем… — С тестем, Е. Л. Слонимом.

Каким-то чудом получил вечером «Руль». — Несмотря на то, что ВН сменил адрес и не уведомил об этом службу доставки «Руля».

…стал мучительно сочинять стихи о России… — ВН надеялся написать новое стихотворение к выступлению на Дне русской культуры 8 июня.

…иль э эвиданг… — Вероятно, имеется в виду «il est evident» — это очевидно *(фр.)*.

…сестры с воплем: от Mme Bertrán!! — Это

имя Вера Евсеевна указывала в обратном адресе на конвертах в начале их переписки.

Ouna lettra por vous, mossieu… — Вам письмо, сударь *(искаж. фр.)*.

34. 5 июня 1926 г

…к Ладыжникову… — Имеется в виду русский книжный магазин и платная библиотека в Берлине (Ранкештрассе, 33) издательства И. П. Ладыжникова (1874–1945), с 1920 г. выпускавшего в Берлине преимущественно русскую классику под общим названием «Русская библиотека».

…идиотические рассказы Зощенки… — Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) — советский писатель, которого ВН оценил по достоинству гораздо позже.

Mlle Иоффе — сведения отсутствуют.

…о Фрейде — приятная тема. — ВН последовательно и многие годы критиковал учение Зигмунда Фрейда (1856–1939) и не упускал случая высмеять фрейдистов.

день культуры — День русской культуры 8 июня (в честь дня рождения Пушкина), самое важное культурное событие в календаре русской эмиграции.

35. 6 июня 1926 г

…вечор у тартаров… — В доме Татариновых проходили литературные вечера.

…на диспуте о «современной женщине» Карсавин доказывал… — Возможно, Лев Платонович Карсавин (1882–1952) — религиозный философ и историк-медиевист, который во время эмиграции жил в Берлине до 1926 г., после чего переехал в Париж. Тема диспута могла быть следствием проведенного на «Балу прессы» 14 февраля 1926 г. конкурса остроумия, на котором выбирался лучший ответ на вопрос «Что такое современная женщина?» (Руль. 1926. 17 февраля. С. 5).

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) — историк литературы, критик, переводчик, друг ВН; первый крупный критик, высоко оценивший его талант.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — видный русский политик правого толка, антисемит, в студенческие годы друживший с Айхенвальдом (евреем). Мемуары Айхенвальда о Пуришкевиче вышли двумя годами раньше: *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю.] Пуришкевич // Сегодня. 1924. № 105. С. 3–4.

…Гриф ‹…› послал большую статью обо мне… — Сведения отсутствуют; если статья и была опубликована, отследить ее не удалось. Псевдонимом Гриф в «Руле» подписана статья «Томас Манн о русских писателях» (Руль. 1926. 4 августа. С. 4–5).

Кадиш Михаил Павлович (1886–1962) — журналист, писатель, переводчик.

…какого-то испанца… — По-видимому, речь идет об испанском иезуитском миссионере Жозе де Аншиета (или Хосе де Анчьета Льярена, 1534–1597), писателе и поэте, который в 1553 г. с группой миссионеров совершил путешествие в Бразилию.

…в норфольском жакете. — То есть в свободном однобортном пиджаке с поясом из твида, первоначально вошедшем в моду как одежда для охотников в 1860-х гг.

…читал «Барсуков» Леонова. — Роман 1924 г. Леонида Максимовича Леонова (1899–1994) о жизни российского крестьянства после революции. ВН читал произведения Зощенко, Леонова и других советских авторов для доклада о советской беллетристике, который собирался прочитать в кружке Татариновых; черновой вариант доклада был закончен 11 июня. См. прим. к письму 40.

…«Виренею» Сейфуллиной. — Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954) — автор слабой в художественном отношении, но идеологически востребованной в Советском Союзе прозы. В романе «Виренея» (1925) рассказывается о судьбе крестьянки, оказавшейся в гуще революционных событий.

36. 7 июня 1926 г

В письмо вложено объявление, вырезанное из журнала «Звено», о выходе журнала «Воля России» с рецензией на «Машеньку» (опубликована в майском номере, с. 196–197; автор рецензии — Надежда Федоровна (Филаретовна) Мельникова-Папоушек, 1891–1978). В конверт также вложен листок с автографом стихотворения «Тихий шум», написанным чернилами, с незначительной правкой; на оборотной стороне — его карандашный черновик.

Уэллльз — Герберт Уэллс (1866–1946) — английский писатель, которого в феврале 1914 г. отец ВН пригласил в свой петербургский дом на ужин; ВН высоко ценил его прозу.

«Воля России» — русский эмигрантский журнал, издававшийся в Праге с 1920 по 1932 г. Поначалу выходил в виде ежедневной газеты, с 1922 г. стал ежемесячным литературно-политическим изданием.

…«семейные дела» гонят тебя из S.<ankt> B.<lasien>? — Санкт-Блазиен; возможно, намек на прохладные отношения Веры Евсеевны с матерью.

…твой выговор… — Имеется в виду ответ В. Е. Набоковой (на немецком) на письмо из налогового управления, которое ВН переслал ей 2 июня.

«Тихий шум». — В письмо вложены как черновик, так и приведенный здесь окончательный вариант стихотворения (опубл.: Руль. 1926. 10 июня. С. 4).

37. 8–9 июня 1926 г

…сегодняшний необыкновенный, оглушительный успех… — Выступление ВН на Дне русской культуры, который проводился с 1925 г. и был приурочен ко дню рождения Пушкина.

«Москва» — русский книжный магазин в Берлине.

Ленино мыльце — подарок от Елены Евсеевны Слоним (1900–1975; в замужестве Масальская) — старшей сестры В. Е. Набоковой.

вайсекэзишко (от *нем.* Weisskase) — творог.

Бельвюштр.<ассе>, 3 — По этому адресу, в берлинском Доме художников, проходил День русской культуры.

Сергей Горный — псевдоним Александра Авдеевича Оцупа (1882–1948?), поэта и писателя-юмориста.

Кардаков Николай Иванович (1885–1973) — энтомолог, с 1921 г. проживал в Берлине; поначалу — сотрудник Немецкого энтомологического института, потом Музея естественной истории в Берлине; участник энтомологических экспедиций на Алтай и русский Дальний Восток, а также в Индокитай и на Цейлон.

Лясковский Александр Иванович (1883–1965) — литературовед.

Ясинский Всеволод Иванович (1884–1933) — директор берлинского Русского научного института.

Зайцев Лев Моисеевич (1882–1947) — юрист, член Русской академической группы в Берлине.

Ильин Иван Александрович (1883–1954) — православный философ.

«Юбилей» (1891) — комический скетч А. П. Чехова.

Офросимовская группа — театральное объединение (носившее название «Группа») под руководством режиссера и театрального критика Юрия Викторовича Офросимова (1894–1967). В 1927 г. осуществила первую постановку драмы ВН «Человек из СССР» (1927).

…огромный зал, набитый битком, так захлопал… — Годом ранее, на первых Днях русской культуры, впоследствии ставших ежегодным событием, ВН прочел стихотворение «Изгнание», в котором Пушкин представал одним из эмигрантов (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 285).

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — один из ведущих членов кадетской партии, депутат

Государственной думы второго созыва, юрист, публицист, мемуарист, издатель («Слово»), редактор «Руля» (вместе с А. И. Каминкой и до 1922 г. — с В. Д. Набоковым).

…стишок напечатать в «Руле». — Опубликован 10 июня 1926 г. (с. 4) вместе с сообщением о том, как его приняли на Дне русской культуры.

«Не все коту масленица» — пьеса А. Н. Островского (1871).

Панченко — сведения отсутствуют.

38. 9 июня 1926 г

улица Зимних полей — Винтерфельдштрассе в Берлине.

Каминка Август Исаакович (1865–1941?) — близкий друг и коллега отца ВН, отвечал за коммерческие вопросы в «Руле», поддерживал Е. И. Набокову после гибели мужа и лично субсидировал «Руль», когда в середине 1920-х гг. газета перестала окупаться вследствие экономического кризиса.

Капланша — мать С. Каплана.

…девушка Иоанна. — Речь идет о Жанне д'Арк (ок. 1412–1431), книгу о которой ВН читал со своей ученицей.

…читал Гладкова «Цемент» ‹…› «Она не гасила усмешки ‹…› от занозы в мозгу». — Роман (1925) советского писателя Федора Васильевича Гладкова (1883–1958) считался образцом литературы в стиле социалистического реализма. Набоков перефразирует и пародирует начало романа. Ср.: «Он налил кровью кулаки и заскрипел зубами ‹…› И не гасила усмешки, и усмешка отражалась от стены опять на лицо, и лицо огнилось мутным накалом между черными пятнами во впадинах

глаз. ‹…› Оправился и раздавил сердце. Сам усмехнулся и проглотил вместе со слюною кадык. ‹…› И от сердца судорогой рвала мускулы горячая дрожь. ‹…› Она отошла от стены и сверкнула белками. ‹…› Враги. Она — с угольком в глазах; он — мосластый, бравый, со сжатыми челюстями до провала щек. ‹…› Сидел на полу, опираясь спиной на кровать, и, укрощенный, скрипел зубами от занозы в мозгу» (*Гладков Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М.–Л.: Земля и фабрика, 1926. Т. 2. С. 33–35). Цитаты из Гладкова и других советских авторов Набоков вскоре использует в докладе «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного» (1926).

«В изумленье Жук выпучил глаза ‹…› голова его подбрасывала шляпу редкими срывными толчками». — Точные цитаты из «Цемента» (С. 47, 92).

Лалодя — прозвище одного из придуманных Набоковыми человечков, прообразом которого, возможно, послужила сувенирная фигурка из тех, что ВН дарил жене (см. письма от 18 и 26 июня и 12 июля 1926 г.).

39. 10 июня 1926 г

Почтальон вычеркнул старый адрес назначения «Sanatorium St-Blasien Todtmoos» и написал: «Hôtel Pension Schwarzwaldhaus, Schwarzwald».

постолом — набоковский окказионализм, означающий «слом поста», то есть одновременно завтрак (breakfast, где «break» означает «перерыв», а «fast» — пост) и конец эпистолярного «поста» (получено письмо от жены).

Федин Константин Александрович (1892–1977) — советский писатель; на тот момент самым известным его произведением был роман «Города и годы» (1924).

«Драка» — рассказ, написанный в конце июня — начале июля 1924 г. (опубл.: Руль. 1925. 26 сентября. С. 2–3).

«Благость» — рассказ, написанный в марте 1924 г. (опубл.: Руль. 1924. 27 апреля. С. 6–7).

«Порт» — рассказ, написанный в начале 1924 г. (опубл.: Руль. 1924. 24 мая. С. 2–3).

…доску шахматную, стал придумывать задачку… — ВН начал составлять шахматные задачи не позднее 1917 г. и впервые опубликовал одну из них в 1923 г. Лучшие задачи вместе с 39

русскими и 14 английскими стихотворениями он включил в поэтический сборник «Poems and Problems», где, в частности, писал: «Шахматные задачи требуют от сочинителя тех же свойств, что и любое порядочное искусство: оригинальности, изобретательности, требовательности, гармонии, искушенности и изумительной неискренности» (Poems and Problems. New York: McGraw-Hill, 1971. P. 15).

«В. Сирин прочел…» — ВН цитирует рецензию из газеты «Руль» (1926. 10 июня. С. 4), в которой был опубликован «Тихий шум»: «…ниже приводим стихотворение В. Сирина, прочитанное вчера автором. Стихотворение это имело огромный успех, и несмолкаемыми аплодисментами публика заставила талантливого поэта продекламировать свое произведение два раза».

40. 11–12 июня 1926 г

Почтальон вычеркнул старый адрес назначения: «Sanatorium St-Blasien Todtmoos» — и написал: «Hôtel Pension Schwarzwaldhaus, Schwarzwald».

…истратил две марки на «Волю России». — В этом издании была опубликована рецензия Н. Ф. Мельниковой-Папоушек, подписанная инициалами Н. М.П. (Сирин. «Машенька» // Воля России. 1926. Май. С. 196–197). См. примеч. к письму от 7 июня 1926 г.

…сел писать доклад… — «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного»; рукопись находится в архиве ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке; опубл. А. А. Долининым (Диаспора. Новые материалы / Отв. ред. О. Коростелев. Вып. 2. СПб.: Феникс, 2001. С. 7–23).

Вперемежку с докладом писал рассказик под теперешний советский стиль. ‹…› я его сегодня у Татариновых прочту, выдав его за русское изделье. — Этот неозаглавленный и недатированный рассказ-пародия, с подписью «Василий Шалфеев», впервые был опубликован Г. А. Бараб-

тарло в журнале «Esquire» (2015. № 110. С. 26–28). Его уточненный по архивной рукописи (беловой автограф) текст включен в издание: *Набоков В.* Полное собрание рассказов. М.: АСТ: Corpus, 2023. С. 675–678.

Голубев-Багрянородный Леонид Николаевич (1890–1934) — русский художник-авангардист, прославившийся карандашными портретами русских эмигрантов и видами Берлина.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — высоко ценимый ВН прозаик и поэт, в 1933 г. стал первым русским нобелевским лауреатом по литературе. Об отношениях Бунина и ВН см.: *Шраер М. Д.* Бунин и Набоков. Ученичество — мастерство — соперничество. 1917–1977. 4-е изд., расшир. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.

дядя Костя — Константин Дмитриевич Набоков (1872–1927) — дядя ВН по отцу, русский дипломат, бывший советник российского посольства в Лондоне.

Б. Г. — по-видимому, Берта Гавриловна, упомянутая в письмах от 2 и 21 июня 1926 г.

41. 12 июня 1926 г

Squire, «Steps to Parnassus» — сборник английского поэта, писателя и литературного редактора Джона Коллинза Сквайра (1884–1958) «Путь к Парнасу: и другие пародии и переделки» (1913).

Henry James, «The Outcry» — «Вопль» (1911), последний завершенный роман Генри Джеймса (1843–1916).

Софа — С. Е. Слоним, сестра В. Е. Набоковой.

Е. И. — сведения отсутствуют.

Волховыский — Николай Моисеевич Волковысский (1881 — после 1940) — журналист. ВН пишет его фамилию по-разному: и с одним «с», и через «к» (Волковыский, Волковысский).

…до угла Аугсбургаштр.<ассе> — Аугсбургерштрассе, пересекающая улицу Нюрнбергерштрассе, где в то время жил ВН.

мадам Фалковская — возможно, жена юриста и журналиста Евгения Адамовича Фальковского (1879–1951), главы Нансеновского офиса в Берлине с 1922 по 1938 гг. Далее ВН пишет ее фамилию с мягким знаком.

42. 13 июня 1926 г

…«Комнаты». Или даже: «Сдается комната». — По всей видимости, рассказ так и не был написан, однако замысел воплотился в стихотворении «Комната», написанном 22 июня 1926 г.

Траутенауштр.<ассе> — Набоков жил в пансионе Елизаветы Шмидт на Траутенауштрассе, д. 9.

…читал Henry James… — купленный накануне роман Генри Джеймса «Вопль».

— *в Тегель…* — ВН имеет в виду деньги на уход за могилой отца и на поминальные службы. См. примеч. к письму от 17 августа 1924 г.

43. 14 июня 1926 г

В адресе назначения: «b / Frau Dr Slonim, Schwarzwald»
почтальон вычеркнул «Schwarzwaldhaus» и «Todtmoos» и написал новый адрес: «Hotel-Pension St. Blasien».

…читать о Деве… — Т. е. об Орлеанской деве Жанне д'Арк.

…моржа и маленького святого Нуки. — Возможно, такое прозвище Набоковы дали соседу, который выгуливал собачку Нуки. Но не исключено, что это просто фантазия: ВН продолжает сочинять для жены причудливые истории с маленькими существами, упомянутыми и в других письмах этого периода.

Груневальд — самый большой муниципальный лес с озерами и прудами в Берлине, в основном сосновый, единственное место в городе, которое нравилось ВН (и Федору Годунову-Чердынцеву из «Дара»).

Регенсбург — Регенсбургерштрассе, где жили родные жены ВН.

Веревкин — друг Анны Фейгиной и Набоковых, другие сведения отсутствуют.

«К силе и красоте» — «Wege zu Kraft und Schönheit» («Пути к силе и красоте», 1925), фильм Николаса Кауфмана (1892–1970) и Вильгельма Прагера (1876–1955).

Todtmoos — Тодтмос.

44. 15 июня 1926 г

Адрес назначения: «Hotel Pension Schwarzwaldhaus, Todtmoos, Schwarzwald». На лицевой стороне конверта машинописная надпись: «abgereist nach St. Blasien Sanatorium» *(нем.:* переехала в санаторий в Санкт-Блазиен).

Bobby de Calry — граф Роберт Льюис Магоули-Черати де Калри (1898 –?) — университетский друг ВН в Кембридже.

Сергей — Сергей Владимирович Набоков (1900–1945) — брат ВН. Отношения между ними были непростые: «Говорить о другом моем брате мне, по различным причинам, необычайно трудно. ‹…› Меня нежили и баловали, он же лишь присутствовал при этом» («Память, говори», гл. 13). Сергей погибнет в концентрационном лагере Нойенгамме. О его последних днях см. исследование Дитера Циммера: www.d-e-zimmer.de/PDF/SergeyN.pdf.

…человек, с которым я связал свою жизнь… — По словам Эрика Карпелеса, речь идет о Йозефе Чапском (1896–1993) — польском художнике, эссеисте, после Гражданской войны и Катынско-

го расстрела расследовавшем судьбы поляков, которые исчезли в Советской России.

Лена — Вероятно, Елена Евсеевна Слоним, сестра В. Е. Набоковой.

«Нечет» (сказка) — рассказ был опубликован под названием «Сказка» (Руль. 1926. 27 июня. С. 2–3; 29 июня. С. 2–3).

…ветреная Геба… — отсылка к стихотворению Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза» (1828): «Ты скажешь: ветреная Геба, / Кормя Зевесова орла, / Громокипящий кубок с неба, / Смеясь, на землю пролила».

Je ne dis que cela… — Кроме этого, ничего не скажу *(фр.)*.

…страждущая нежность молодых Севастианов… — Христианский мученик св. Себастьян изображался живописцами как прекрасный юноша, чье тело пронзает множество стрел.

45. 16 июня 1926 г

Почтальоном вычеркнут адрес назначения: «Hotel-Pension Schwarzwaldhaus, Todtmoos, Schwarzwald», на конверте написан новый адрес и имя получателя: «St. Blasien Sanatorium / b<ei> Fr<au> Slonim».

…Зимний дворец ‹…› фиолетовый… — Почти на протяжении века Зимний дворец был охристого цвета, пока Николай II не решил перекрасить его в терракотовый. После Октябрьской революции дворец был выкрашен в серый цвет (1927). В следующие несколько лет он неоднократно менял окраску.

Librairie — книжный магазин *(фр.)*; в данном случае книжный магазин, совмещенный с библиотекой; возможно, магазин Ладыжникова.

Joan — Иоанна (Жанна д'Арк).

Софа — С. Е. Слоним.

…такой блокнотисч, как ты мне устроила, — с числами. — В июне-июле 1926 г. ВН писал письма в блокноте, в котором Вера Евсеевна проставила даты его будущих писем. Иногда он добавлял к ее дате год, но большинство дат на первых листах писем написаны рукой жены.

46. 17 июня 1926 г

Адрес назначения «Hotel-Pension Schwarzwaldhaus, Todtmoos, Schwarzwald» вычеркнут, письмо переадресовано: «St. Blasien Sanatorium».

Full-size — полный (большой) размер *(англ.)*.

Л.<юся> — Илья Лазаревич Фейгин (1883? — 1954?), брат А. Л. Фейгиной.

Е. И. — сведения отсутствуют.

Штеттин — немецкий город, с 1945 г. Шецин в Польше.

София С. — сведения отсутствуют.

Heidelberg — Гейдельберг, город в Баден-Вюртенберге, примерно в двухстах пятидесяти километрах к северу от Санкт-Блазиена.

47. 18 июня 1926 г

Адрес назначения «Schwarzwaldhaus, Todtmoos, Schwarzwald» вычеркнут, письмо переадресовано: «St. Blasien Sanatorium».

…переводил с ним Rousseau… — Неизвестное нам произведение франко-швейцарского философа Жан-Жака Руссо (1712–1778).

Софа — С. Е. Слоним.

Е. И. — сведения отсутствуют.

Териоки (Терийоки) — финский курортный городок в 45 километрах к северо-западу от Санкт-Петербурга; в 1940 г. вошел в состав Ленинградской области, в 1948 г. переименован в Зеленогорск.

Шоу, Тюфка — воображаемые существа.

бубикопф — стрижка «под пажа».

«Пустяк — названье мачты, план — и следом…» — Опубл.: Звено. 1926. 4 июля. С. 7; *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 183.

48. 19 июня 1926 г

Адрес назначения «Hotel-Pension Schwarzwaldhaus, Todtmoos» вычеркнут, письмо переадресовано: «St. Blasien Sanatorium / b<ei> Fr<au> Slonim».

«Нечет» — рабочее название рассказа «Сказка».

Данечка — бывшая возлюбленная ВН, девичья фамилия неизвестна.

Русина — сведения отсутствуют.

Троцкий Илья Маркович (1879–1969) — журналист, берлинский корреспондент газеты «Русское слово».

Звездич — псевдоним Петра Исаевича Ротенштерна (1868–1944), журналиста, переводчика.

…прочел рассказ ‹…› стихотворенье. — Последние к этому времени произведения ВН — «Сказка» и «Пустяк — названье мачты, план — и следом…».

grand gala — торжественный прием *(фр.)*.

Полетика Владимир Иванович (Полетика Вальдемар фон, 1888–1981) — географ, статистик, агроном.

Коростовцы — В. К. Коростовец и его жена

Александра Константиновна (урожд. Случевская, 1890–1977).

Это написал Пушкин. — Немного искаженные строки из письма Пушкина к П. В. Нащокину от 23–30 марта 1834 г.: «Говорят, что несчастие хорошая школа: может быть. Но счастие есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно». ВН впоследствии процитирует этот афоризм в интервью, данном в колледже Уэлсли (Vladimir Nabokov — a Profile // The Last Word. 1943. April. P. 19–21).

…«я иду по ковру…» ‹…› «Teppich, teppst du». — Каламбур из рассказа А. П. Чехова «Ионыч» (1898). Псевдонемецкое «Teppich, tepst du» — не слишком удачное обыгрывание немецкого существительного Teppich (ковер), которое здесь выступает в грамматической функции глагола; получается что-то вроде «я коврю, ты ковришь».

49. 20 июня 1926 г

Адрес назначения «Hotel-Pension Schwarzwaldhaus, Todtmoos» вычеркнут, письмо переадресовано: «St. Blasien Sanatorium / b<ei> Fr<au> Slonim».

Благодарил за помещенье перевода… — Альфред Теннисон. Отрывок из «In Memoriam» // Звено. 1926. 23 мая. № 173. С. 4. Перевод песни LXVI.

…стихотворенье. — «Пустяк — названье мачты, план — и следом…». — См. письмо от 18 июня 1926 г.

Брат — С. В. Набоков.

…автор рецензии о моей «Машеньке»… — Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) — литературный критик, преподаватель литературы в Сорбонне (1924–1939). См.: *Мочульский К.* Роман В. Сирина // Звено. 1926. 18 апреля. № 168. С. 2–3.

Элкин — Борис Исаакович Элькин (1887–1972) — юрист, политический обозреватель, издатель, член редколлегии «Слова». ВН написал его фамилию без мягкого знака.

виктория — сорт садовой земляники.

tub — ванна *(англ.)*. Имеется в виду резиновая

ванна, с которой ВН старался не расставаться.

…jumper'ов и sweater'ов… — джемперов и свитеров *(англ.)*.

эгзистирует (от *англ.* exist) — существует.

50. 21 июня 1926 г

…к Берте Гавр.<иловне>… — возможно, к Б. Г., упомянутой в предыдущих письмах.

Баварская площадь — Байеришерплац.

Sackwards (*англ.*, окказионализм) — к Закам.

Коноплин Иван Степанович (1894–1953) — писатель, поэт, журналист, внештатный сотрудник «Руля».

…о Таборицком и Шабельском-Борг. — Сергей Владимирович Таборицкий (1895–1980) и Петр Николаевич Шабельский-Борк (1893–1952) — русские праворадикальные монархисты, которые в 1922 г. при попытке застрелить одного русского либерала, лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, убили другого — отца ВН. Они были арестованы и осуждены, но освобождены по амнистии уже 1 марта 1927 г.

Оставайся ‹…› в Святой Блазии. — Т. е. в санатории в Санкт-Блазиен.

Ноллендорфплац — оживленная площадь в районе Шёнеберг.

51. 22 июня 1926 г

На двух страницах — письмо от ВН, на отдельном листе — беловик его стихотворения «Комната», в которое преобразовался замысел рассказа (см. письмо от 13 июня 1926 г.). Еще на двух страницах следующее письмо от Е. И. Набоковой:

18–vi–26

Дорогая Вера,

как досадно, что тебе так не повезло с погодой! Прямо ужасно! И не поправишься совсем. Мне ужасно грустно и больно, я так надеялась на этот отдых для тебя! Тяжело очень за тебя. У нас также скверная погода, плаваем в сплошной грязи. Но я себя в такую сырую погоду чувствую хорошо, астма совсем прошла. У дочерей сейчас начинаются экзамены, и Ольга очень нервна. Желудок ее лучше, и она поправилась. У Кирилла скоро конец занятий. Ев.<гения> К.<онстантинов-

на>[151] в первых числах июля едет во Францию на 3 мес.<яца>. Очень радуюсь за нее, хотя расставаться с ней на такой срок очень тяжело. А в общем жизнь тяжелая, никак не рассчитаться с долгами. Ужасно мы все обносились. Е.<вгения> К.<онстантиновна> и девочки очень благодарят за чулки, а К.<ирилл>[152] за штанишки. Они превосходно на нем сидят и очень элегантны. Наша жизнь здесь однообразная, особенно в такую погоду. Спим мы втроем, что, конечно, довольно для меня стеснительно. Комнаты в Праге еще не сдали, но я не теряю надежды. Как здоровье Славы Борисовны? Сколько ты пробудешь в отсутствии? Я счастлива была успехами Володи, но еще больше — его прекрасными стихами. Жалко, что не была при этом! Если можешь, напиши мне, как себя чувствуешь.

Целую тебя крепко.

Любящая тебя *Е. Н.*

---

[151] Сноски: 151

Евгения Константиновна Гофельд (1884–1957), с 1914 г. гувернантка Ольги и Елены Набоковых; всю жизнь находилась в близких отношениях с семьей Набоковых, особенно с матерью ВН, похоронена с нею рядом. Остаток жизни провела в Праге, помогая сыну Ольги, Ростиславу Петкевичу, в то время как ее саму поддерживали Елена Сикорская и ВН. После войны ВН пытался перевезти в Америку сестру Елену с семьей, а также Евгению Гофельд и Ростислава Петкевича.

[152] Сноски: 152

Кирилл Набоков.

Е.<вгения> К.<онстантиновна> и дочери шлют нежный привет.

Rozeneck (правильно: Roseneck) — квартал в Берлине, неподалеку от Груневальда.

…плитку шоколада Nestles… — шоколад швейцарской фирмы Nestlé, ставший популярным в Германии после Первой мировой войны.

Стихотворение это ‹…› «Комната». — Опубл.: Руль. 1926. 11 июля. С. 2; *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 184–185.

52. 23 июня 1926 г

St. Blasien — Санкт-Блазиен.

Лена — Е. Е. Слоним.

Ф. — сведения отсутствуют.

И баск, продающий вафли на пляже. — Он вновь возникнет в «Других берегах» (гл. 7).

53. 24 июня 1926 г

…в дебрях Вестенда. — Район Вестэнд на западе Берлина (округ Шарлоттенбург-Вильмерсдорф), который предпочитали русские эмигранты.

Martin du Gar — Мартен дю Гар (Martin du Gard) Роже (1881–1958) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1937 г.

…pales или aphirape… — виды бабочек-перламутровок.

I love you, my own darling, my sweetheart, my life… — Я люблю тебя, моя душенька, моя милая, моя жизнь… *(англ.)*

54. 25 июня 1926 г

Сергей — Каплан.

Дядя Костя получил от Кэмбриджского унив.<ерситета>… — К. Д. Набокову была присвоена почетная степень Кембриджского университета за заслуги на дипломатическом поприще.

55. 26 июня 1926 г

…правил корректуру. — «Сказки».

Людвига — сотрудница «Руля», иные сведения отсутствуют.

Дядя К.<остя> — К. Д. Набоков.

кн. Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989) — поэт, переводчик; с августа 1926 г. православный священник отец Иоанн, с 1947 г. архиепископ; брат З. А. Шаховской и Н. А. Шаховской, которая в 1927 г. вышла замуж за Н. Д. Набокова, двоюродного брата ВН.

«Благонамеренный» — русский эмигрантский журнал, всего два номера которого вышли в Брюсселе в 1926 г.; издатель и редактор Д. А. Шаховской.

унтергрунд — метро (Untergrundbahn).

Пиранделло Луиджи (1867–1936) — итальянский драматург.

…стать такой, как Анюта. — Анна Фейгина была полновата.

Шоенька и все остальные маленькие… — Воображаемые существа.

56. 27 июня 1926 г

Геркулесов мост — Шильштрассе упирается в Геркулес-брюке через Ландверканал, который идет по краю большого берлинского парка Тиргартен.

«The Boy-Scout or One good deed every day» — «Бойскаут, или По доброму делу каждый день» *(англ.)*.

«Явь» — созвучно названию известного иллюстрированного русского журнала «Новь», выходившего в конце XIX в. В «Рождественском рассказе» (Руль. 1928. 25 декабря), обыгрывая название советского литературного журнала «Красная новь», ВН выдумал советский журнал «Красная явь».

57. 28 июня 1926 г

К письму приложена вырезка из «Слова» (№ 189) со стихотворением Н. Пертса «Тетеревиный ток», опубликованным в рубрике «Молодые поэты»:

Тетеревиный ток

Лучи весны все зимнее согрели,
Горит зарей предутренний восток…
Вы знаете? Вы видели в апреле
Тетеревиный ток?

Еще темно, еще четвертый час.
Какая тишь над гладью луговою,
И только иногда над самой головою
Вдруг громко продудит бекас.

Вы – в будке. Прошлогодняя трава
Вас схоронила от холодной ночи…
Уже заря, и первый луч пророчит,
Что скоро прилетят тетерева.

Восток – светлей. В предутренней ти-

ши

Сидите вы, мгновения считая…

Но вот уже! Летит большая стая,

Спустилась… Чух-чухши!..

Вон двое пляшут у кустов…

Теперь застынь, теперь молчи! Ни звука.

Ружье навел. Повыше мушку! Ну-ка!

…Готов!

А там, в лесу, певцы заводят трели,

И нежным пламенем вдали горит восток.

Вы знаете? Вы видели в апреле

Тетеревиный ток?

…поехал в «Руль» корректировать вторую часть рассказика. — «Сказка».

…улица Гофмана действительно есть… — В «Сказке» дьявол в образе госпожи Отт говорит Эрвину: «В полночь придете на улицу Гофмана — знаете, где это?» (*Набоков В.* Полное собрание рассказов. М.: АСТ: Corpus, 2023. С. 240); Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) — немецкий писатель-романтик.

Кайзердамм — улица в районах Шарлоттенбург и Вестенд.

Трептов (Treptow) — округ на юго-востоке Берлина.

Книги — посланы… — Экземпляры «Машеньки» для И. А. Бунина и К. Д. Набокова.

Dernburgstr.<asse> — Дернбургштрассе, улица в районе Шарлоттенбург.

…пошли вместе на Цо… — Т. е. к станции Цо (Zoo) у зоопарка.

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, мемуарист, публицист, один из самых влиятельных литературных критиков эмиграции, лишь к концу 30-х гг. с оговорками признавший исключительное дарование ВН.

твоя сестрица — С. Е. Слоним.

…здорово выругал… — Г. Адамович регулярно печатался под псевдонимом Сизиф в рубрике «Отклики» журнала «Звено», обычно это были язвительные отклики на современную, по большей части советскую, литературу. Набоков имеет в виду выпуск от 27 июня 1926 г. (с. 4–6).

St. Blasien — Санкт-Блазиен.

/22’/9’7’3’31’… — Отгадка будет отправлена в письме от 3 июля.

58. 29 июня 1926 г

на углу Лютер и Клейст — на пересечении улиц Мартин-Лютер-штрассе и Клейстштрассе.

рамолистый — от *фр.* ramolli — немощный, выживший из ума.

Гогель Сергей Константинович (1860–1933) — юрист, преподаватель права в Русском академическом институте в Берлине.

Позднышев — герой повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889).

Грэгер. — Сведения отсутствуют.

Comment tu regardes sur ça? Rien à soi? — Дословный (и потому комический) перевод на французский русских фраз «Как ты на это смотришь?», «Ничего себе?».

…лучше майкапарского. — «Майкапар» — название табачной фабрики, открытой семьей караимов в Риге в 1887 г.

Дубняк — Айхенвальд; немецкое Eichenwald переводится как «дубовый лес». ВН обыгрывает происхождение фамилии Айхенвальда в эпиграмме в начале второго письма от 5 июля 1926 г.

59. 30 июня 1926 г

…тобою отмеченный лист. — См. примеч. к письму от 2 июня 1926 г.

St. Joan — св. Иоанна (Жанна д'Арк).

…посылаю тебе вырезку. — Вырезку ВН приложить забыл; см. следующее письмо.

…говаривал Пушкин… — Из <Опровержения на критики> (1830): «Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. ‹…› Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю».

…не ел сырка Kohler… — Сыр «Колер» (Kohlerkäse).

Пел<ь>тенбург Лео (? — 1955) — голландский деловой партнер Е. Л. Слонима, близкий друг семьи.

Люся — И. Л. Фейгин, брат А. Л. Фейгиной («Анюты»).

60. 1 июля 1926 г

Ответы на крестословицу[153]. По горизонтали: 1. Кассир. 2. Орут. 3. Махаон. 4. Банда. 5. Опьяни. По вертикали: 1. Ком. 6. [?]. 7. Араб. 8. Сухарь. 9. Стан. 10. Один. 11. Рана.

Дай забвенье… очаруй… — Возможно, парафраз романса «Под чарующей лаской твоею», где есть строка: «Ах, поцелуем дай забвенье…»; приписывается композитору Николаю Владимировичу Зубову (1867 — не ранее 1908) и поэту А. В. Маттизену.

Блин революции русской — намек на пословицу «Первый блин комом».

Одна из забот Лонгфелло. — См. примечание к письму от 7 июля 1926 г.

…забыл вчера вложить вырезку. — Рецензию на художественную выставку, в которой принимала участие Татьяна Зиверт, сестра бывшей невесты Набокова Светланы.

…компот из Королев Клавдий. — Regina Claudia, сорт сливы.

---

[153] Сноски: 153

Ответы на крестословицы и загадки подготовлены Г. Барабтарло, О. Ворониной и Б. Бойдом.

актер Орлов — сведения отсутствуют.

Бертман — сведения отсутствуют.

Rosny Jeune — Рони-младший (Серафин Жюстин Франсуа Боэкс, 1859–1948) — французский писатель-фантаст.

…крестословицу (как приятно писать слово, которое сам создал! Ему уже годика два)… — В 1924 г. ВН придумал русский вариант английского слова «кроссворд» — крестословица. См. примеч. к письму от 6 июля 1926 г.

61. 2 июля 1926 г

Ответы на крестословицу. Горизонталь и вертикаль: 1. Гуно. 2. Усик. 3. Нива. 4. Окат. 5. Сирин. 6. Изора. 7. Ротор. 8. Ироды. 9. Нарым. 10. Куку. 11. Укор. 12. Коро. 13. Урод. 14. Вера. 15. Уехал. 16. Рано. 17. Алоэ. 18. Муза. 19. Удод. 20. Зори. 21. Адио.

My love — Моя любовь *(англ.)*.

I had my meals — я ел *(англ.)*.

I took a perfectly delicious cold bath — я принял совершенно восхитительную холодную ванну *(англ.)*.

…по Морской… — Петербургский дом Набоковых находился по адресу: Большая Морская ул., д. 47. Следующее за этим описание — отголосок пушкинского «Медного всадника» (1833). Памятник Петру I работы Фальконе находится всего в 250 метрах от дома Набоковых.

My love, do you miss me frightfully? — Любовь моя, ужасно ли ты скучаешь по мне? *(англ.)*

Ахматова Анна Андреевна (наст. фам. Горенко; 1889–1966) — поэт, переводчик, литературный критик, мемуарист. ВН создаст пародию на ее ранние стихи в романе «Пнин» (см. ниже).

Только помню холодность вашу… — Рассказ

о «литературном альманахе» так и не был написан (хотя «рецензия» вновь упоминается в письме от 10 июля 1926 г.), однако Людмила Н. появится в новом обличье в романе «Пнин» (1957) как Лиза Боголепова, неверная жена Пнина и бывшая возлюбленная рассказчика: «Спустя несколько дней она прислала мне свои стихи; характерный образчик ее продукции представляет собой тот род стихотворений, которым увлекались, с легкой руки Ахматовой, эмигрантки-стихоплетки: жеманная лирическая пьеска, которая передвигалась на цыпочках более или менее четырехстопного анапеста и потом тяжеловато, с томным вздохом садилась:

Самоцветов, кроме очей,
Нет у меня никаких,
Но есть роза еще нежней
Розовых губ моих.
И юноша тихий сказал:
“Ваше сердце всего нежней…”
И я опустила глаза…»

(Пер. Г. Барабтарло при участии В. Е. Набоковой).

My love, I seal you with six kisses: eyes, mouth…

and the others I shan't tell you. — Любовь моя, запечатываю тебя шестью поцелуями: глаза, губы… а про остальные не скажу *(англ.)*.

Я КЛЯНУЮСЬ… — написано крупно, смесью строчных и прописных букв. Подражая нетвердой руке ребенка, который еще не выучился писать, но очень старается, ВН пишет от лица «маленьких» — вымышленных существ, якобы проживающих рядом с ним.

62. 3 июля 1926 г

Ответы на загадку: 1. Университет. 2. Мотор. 3. Кременчуг. 4. Наполеон. 5. Матрона. 6. Дышло. 7. Икота. 8. Каин. 9. Гуляка. 10. Филомена.

My grand ciel rose — Мое широкое розовое небо *(англ., фр.)*. Из «Саламбо» (1862) Г. Флобера: «Они подняли фиолетовую завесу, закрывавшую дверь, и сквозь отверстие в этом углу открылось в глубине других зал широкое розовое небо, которое как бы продолжало свод, упираясь на горизонте в совершенно синее море» (гл. 7; перевод Н. Минского).

Lazarus — Лазарь.

A t'il eu vent de quelque chose? — Прослышал о чем-то? *(фр.)*

et je me régalai d'un bain froid — и усладил себя холодной ванной *(фр.)*.

«My dearest member nearly dozen» — ВН неточно цитирует шестую строку «Послания к Джеймсу Теннанту из Гленконнера» (1789) английского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796): «My dearest member nearly dozen'd» («Мой драгоценный член увеличился чуть ли не в дюжину раз»).

«Я знаю холодно и мудро» — первая строка сти-

хотворения ВН, написанного 1 сентября 1923 г. и посвященного привычке Веры Евсеевны носить в сумочке семизарядный браунинг:

Я знаю холодно и мудро,
что в сумке лаковой твоей –
в соседстве зеркальца и пудры
спит черный камень: семь смертей.

И день придет: ты все забудешь,
все песни праздные мои.
Ждать у подъезда, ждать ты будешь
в необычайном забытьи.

И выйдет быстро и сутуло,
пальто застегивая, тот<,>
чью смерть приплюснутое дуло
в душистой сумке бережет.

Взмахнет сощуренное сердце,
хлестнет холодный выстрел твой, –
как стук автомобильной дверцы
над шелестнувшей мостовой.

(Публикуется впервые. Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Альбом 8. Январь —

октябрь 1923 г.). Первая строфа стихотворения с неверной датировкой приведена в издании: *Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография / Пер. с англ. О. Кириченко. М., 2010. С. 89, 568. Подписанный и датированный автограф стихотворения на отдельном листе, хранящийся в гарвардском архиве ВН (Houghton Library), озаглавлен «Teddy» [Тедди].

Ханна. — Сведения отсутствуют.

Данечка. — См. письмо от 19 июня 1926 г.

«Русское слово» — эмигрантский журнал, выходивший в Харбине с 1926 по 1935 г.

…статья Айхенвальда о «Машеньке». — Имеется в виду: *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки (рецензии на «Машеньку» В. Сирина и «Корнета Корсакова» П. П. Веймарна) // Руль. 1926. 31 марта. С. 2–3.

…«curriculum» — это маленькое имя графа Витте. — Curriculum vitae *(лат.)* — ход жизни, краткая автобиография. Обыгрывается созвучие *лат.* vitae с фамилией Сергея Юльевича Витте (1849–1915), министра финансов (1892–1903), первого российского председателя Совета министров (1905–1906).

63. 4 июля 1926 г

…телячье жиго (от *фр.* gigot) — жаркое из телятины.

…pellonela или carpetiella… — Tinea pellionella — шубная, или домашняя, моль (от *лат.* pellis — шкура или кожа, которое Вера могла опознать по *фр.* pelisse — шуба); придуманное ВН шутливое название для Trichophaga tapetzella — ковровой моли — обыгрывает *англ.* carpet — ковер.

Союз журналистов — Союз Журналистов и Литераторов, созданный в 1921 г. в Берлине И. В. Гессеном.

…в Литер.<атурно> худ.<ожественном> кружке… — В берлинском клубе русской эмиграции, где регулярно устраивались литературные вечера, «чаи».

Линней — шведский естествоиспытатель, таксономист и медик Карл фон Линней (1707–1778), создатель единой системы классификации растительного и животного мира («Systema Naturae», 1735).

64. 5 июля 1926 г

Открытка. Рисунок: *Jaspidea Celsia* — Staurophora (Phalaena, Calotaenia, Jaspidea) celsia L. 1758; ночная бабочка, обитающая в Центральной Европе. Поймав такую на берлинской улице, ВН 28 сентября 1925 г. написал матери, что нашел чрезвычайно редкую бабочку — мечту немецких коллекционеров (Nabokov's Butterflies / Ed. B. Boyd and R. M. Pyle. Boston: Beacon Press, 2000. P. 119).

«Аэроплан». — Опубл., с некоторыми изменениями: Руль. 1926. 25 июля. С. 2; *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 186.

65. 5 июля 1926 г

Что-то вроде эпиграммы на Айхенвальда. ‹…› *«Широкошумная дуброва»…* — ВН обыгрывает немецкое значение имени Ю. Айхенвальда (Eichenwald — дубовый лес) и связывает его со словами из стихотворения Пушкина «Поэт» (1827).

…в Тегель мы должны… — Речь идет о плате за содержание могилы отца ВН.

Грегер — сведения отсутствуют (до этого упоминался как Грэгер).

…сочинил новый стишок… — «Аэроплан». См. открытку от того же числа.

…орал во весь голос «Калину». — «Калинка» (1860), автор песни — писатель-фольклорист Иван Петрович Ларионов (1830–1889).

…запятая испортила первую строку моего стишка. — Имеется в виду стихотворение «Пустяк — названье мачты, план — и следом…» (напечатано «названье, мачты» вместо «названье мачты»); см. письмо от 18 июня 1926 г.

«Современные Записки» — крупнейший литературно-политический журнал русской эмиграции, издавался в Париже в 1920–1940 гг. До этого

времени ВН опубликовал в нем лишь три стихотворения (в 1921 и 1922 гг.). С 1929 г. он станет виднейшим прозаиком этого журнала.

Арбатов Зиновий Юрьевич (1893–1962) — писатель, журналист.

…рецензия о «Машеньке» (Осоргина)… — *Осоргин М.* [Рец.:] Машенька. Берлин: Слово, 1926 // Современные записки. 1926. № 28. С. 474–476.

«За свободу!» — ежедневная газета русской эмиграции (ред. — изд. И. И. Мацеевский), выходила в Варшаве в 1921–1932 гг.

66. 6 июля 1926 г

…рассказ Wells'a… — «Замечательный случай с глазами Дэвидсона» (1895) Г. Уэллса.

грош (*нем.* Groschen) — монета в 10 пфеннигов.

Hohen zollern dam — улица Гогенцоллерндамм (Hohenzollerndamm), одна из центральных в районе Вильмерсдорф. Ниже упомянута площадь Гогенцоллернплац, которую она пересекает.

Фербеллинерплац — площадь в Вильмерсдорфе, на которой в 1939-м году маленький Дмитрий Набоков «узнал» в анютиных глазках «толпу беснующихся на ветру маленьких Гитлеров» («Другие берега», гл. 14).

«Иллюстрированная газета» — «Berliner Illustrirte Zeitung» (с 1941 г. «Berliner Illustrierte Zeitung») — еженедельная газета, основанная в 1891 г.

В таком платье, вероятно, играла в теннис Анна Каренина… — См. «Специальные замечания по поводу игры в теннис» в университетской лекции ВН об «Анне Карениной» («Лекции по русской литературе»). В рукописи лекции ВН изобразил даму с целью показать в каком платье и в какой обуви Анна могла играть в теннис

с Вронским. На рисунке ракетка опущена, шляпка маленькая.

Н. Я. Усольцева — сведения отсутствуют.

Усольцев — врач, сведения отсутствуют.

Crestos lovitza Sirin. — ВН придумал слово «крестословица» как русский эквивалент английского слова «кроссворд». (Кроссворды в их современной форме появились в 1913 г. и приобрели колоссальную популярность в 1920-е гг.) В этом письме, составляя крестословицу в форме бабочки, ВН в «Crestos lovitza Sirin» (*лат.* буквами crestoslovitza фонетически передаются слова «крестословица» и «ловится») ссылается на якобы латинское название биологического вида, как если бы он присваивал наименование бабочке, в котором «Sirin» указывает на человека, открывшего вид.

В столицах… — Из стихотворения Н. А. Некрасова «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война» (1857).

…Все вторит весело громам! — Строка из стихотворения Тютчева «Весенняя гроза»: «С горы бежит поток проворный, / В лесу не молкнет птичий гам, / И гам лесной, и шум нагорный / Все вторит весело громам».

Ответы на крестословицу:

I. По горизонтали: 1. Шип. 2. Ура. 3. Мороз. 4. Далек. 5. Шило. 6. Ювенал. 7. Антанта. По вертикали: 1. Шум. 8. Ирод. 9. Парашют. 10. Олива. 11. Зелен. 12. Конт. 13. Аа.

II. По горизонтали: 1. Маг. 2. Ада. 3. Налим. 4. Какао. 5. Олух. 6. Короли. 7. Богатый. По вертикали: 8. Обь. 4. Коро. 3. Налог. 9. Окунь. 1. Малахит. 10. Адио. 11. Гам.

67. 7 июля 1926 г

Милейший — объяснение см. в письме от 10 июля 1926 г.

…не «рай мне», а просто «опьяни»… — ВН поправляет ответы В. Е. Набоковой на кроссворд от 1 июля.

«…and the cares *that infest the day shall fold their tents like the* arabs *and as silently steal away».* — Из стихотворения «День окончен» (1845) английского поэта Генри У. Лонгфелло (1807–1882); последняя строфа, строки 41–44: «And the night shall be filled with music, / And the cares, that infest the day, / Shall fold their tents, like the Arabs, / And as silently steal away» («И ночь наполнится музыкой, / И заботы, что туманили день, / Сложат свои шатры, точно арабы, / и столь же неслышно исчезнут»).

Same here, my sweet love… — Здесь то же самое, моя нежная любовь… *(англ.)*

Веревкин — сведения отсутствуют.

…локоток ‹…› прошел от солнца… — ВН страдал от псориаза, который особенно обострился в начале 1937 г. Позднее он с горьким юмором напишет об этом заболевании в «Аде» (ч. 1, гл. 21).

68. 8 июля 1926 г

Решение задачки ВН прислал в письме от 15 июля.

«Куда грядеш<ь>?» — Вопрос («Камо грядеши, Господи?», *лат.* «Quo vadis, Domine?»), по преданию, заданный Иисусу апостолом Петром (Ин. 13:36).

«Lazarus» — см. письмо от 3 июля 1926 г.

Друг Сергея — Юзеф Чапский, художник, писатель, во время Второй мировой войны — офицер польской армии.

69. 9 июля 1926 г

Ответы на загадку: Шеншин — Фет, Опухтин (шутливое искажение фамилии поэта Апухтина), Никитин, Ломоносов, Романов (возможно, также шутливо искаженная фамилия Никрасов); ода, сатира, роза, турман.

…рецензией в «Сов.<ременных> Зап.<исках>». — Речь идет о рецензии М. Осоргина на «Машеньку». См. примеч. к письму от 5 июля 1923 г.

…в новом почтамте на Гайзбергерштр.<ассе>… — почтовое отделение на Гайсбергштрассе, 7–9, Берлин-Шёнеберг.

Б. Г. — Возможно, Берта Гавриловна.

70. 10 июля 1926 г

55 × 5 = 305 — Ошибка в подсчетах, верный результат: 275. По-видимому, ВН умножил 50 на 5 и добавил 55.

27 *Жизнь моя.* — Возможно, деньги, присланные Верой за преподавание иностранных языков.

librairie — библиотека *(фр.)*.

В лужу на дворе ‹…› эти краски медленно стали блекнуть… — Образ живописной лужи, подобной окну в иной мир, — лейтмотив романа ВН «Под знаком незаконнорожденных» (1947), который начинается так: «Продолговатая лужа вправлена в грубый асфальт; как диковинный след, до краев наполненный ртутью; как выемка от шпателя, через которую видно нижнее небо. Окруженная, я замечаю, щупальцами рассеянной черной влаги, в которой застряло несколько тусклых серовато-бурых мертвых листьев. Утонувших, мне стоит сказать, еще до того, как лужа уменьшилась до своих нынешних размеров.

Она лежит в тени, но содержит образчик яркости, находящейся за ее пределами, — там, где стоят деревья и два дома. Присмотрись. Да, она отражает часть бледно-голубого неба — мягкий

младенческий оттенок голубого — вкус молока у меня во рту, потому что тридцать пять лет тому назад у меня была кружка такого цвета. А еще она отражает короткое сплетенье голых веток и коричневую фистулу более толстой ветви, обрезанной краем лужи, а также поперечную полосу ярко-кремового цвета» (пер. А. Бабикова).

…писал «рецензию»… — Т. е. рассказ-пародию (см. письмо от 2 июля 1926 г.), который не был окончен.

Моя тетка Витгенштейн… — Елизавета Дмитриевна Сайн-Витгенштейн (урожд. Набокова; 1877–1942), была замужем за графом Генрихом Готфридом Хлодвигом (Генрихом Федоровичем) Сайн-Витгенштейном (1879–1919).

90 *Pension Lefevre cheaper possible too* — 90 Пансион Лефевр также, возможно, дешевле *(англ.)*.

«Le Martyre de l'Obèse» ‹…› Henri Béraud. — «Страдания толстяка» (1922), роман Анри Беро (1885–1958), получивший Гонкуровскую премию в 1922 г. и тогда же экранизированный (режиссер Пьер Шеналь).

«…mon tailleur ‹…› Monsieur est répugnant…» — мой портной, озадачившись, проглотил булавки. Не понимая, что на мой случай его эвфемизмов не хватит. «Месье весьма солиден», — прогово-

рил он поначалу. Потом переиначил свои слова: «Месье солиден. Месье крайне солиден… Месье просто велик». «Велик» его удовлетворило. После этого он обмерял меня в молчании, внезапно поняв, что, переходя от одного определения к другому, он в конце концов скажет мне: «Месье огромен. Месье феноменален… Месье отвратителен» *(фр.).*

…«о пошлости». — ВН не только высмеивал пошлость в своих произведениях, но и растолковал это понятие для нерусскоязычной аудитории в эссе «Искусство литературы и здравый смысл» («Лекции по зарубежной литературе»), книге «Николай Гоголь», заметке «Пошляки и пошлость» и в интервью, собранных в книге «Стойкие убеждения» («Strong Opinions», 1973).

71. 11 июля 1926 г

К письму приложена машинописная копия анкеты.

Ответы на загадку: Ник. Серов — ровесник; любимое изречение Е. Т. Иванова-Сирина — in vino veritas; М. М. Сукотин — коммунист.

…«черта начальна божества»… — Строка из оды «Бог» (1784) Г. Р. Державина: «Я связь миров повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества» (строки 81–84).

…с «водометом» Тютчева… — Из стихотворения «Фонтан» (1836): «О смертной мысли водомет, / О водомет неистощимый! / Какой закон непостижимый / Тебя стремит, тебя мятет? / Как жадно к небу рвешься ты!.. / Но длань незримо-роковая / Твой луч упорный, преломляя, / Свергает в брызгах с высоты».

…с «богочервем» Державина. — Отсылка к оде Державина «Бог» (1784): «Я царь — я раб — я червь — я Бог! / Но, будучи я столь чудесен, / Отколе происшел? — безвестен; / А сам собой я быть не мог».

Раиса — Татаринова.

…последние три строчки второй строфы «Аэроплаши»… — См. письмо от 5 июля 1926 г.

…я взял сотню. — Речь идет о папиросах.

…жизнь такой же круг, как и радуга ‹…› разноцветную дугу. — Возможно, реминисценция из стихотворения «Abt Vogler» («Аббат Фоглер», 1864) Роберта Браунинга (1812–1889), одного из любимых поэтов ВН: «On earth the broken arcs; in the heaven, a perfect round» («На земле — разорванные дуги, в небесах — безупречный круг»).

«Любите ли Вы сыр?» — Неточная цитата из «Эпиграммы № 1» (1854) Козьмы Пруткова — автора, придуманного А. К. Толстым (1817–1875) и тремя братьями Жемчужниковыми:

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.
«Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу».

72. 12 июля 1926 г

...из пяти гласных и пяти согласных. — «Я тебя люблю».

73. 13 июля 1926 г

…Гутманзал. — Ошибка Набокова: «суд» состоялся в Шубертзале (Бюловштрассе, 104).

госпожа Шор — возможно, Надежда (Надива) Рафаиловна Шор, жена Евсея Давидовича Шора (1891–1974) — философа, искусствоведа, журналиста.

…из тюрьмы. — В повести Толстого Позднышев оправдан.

74. 14 июля 1926 г

Гуревич Александр — возможно, сын Виссариона Яковлевича Гуревича (1876–1940) — эсера, политического обозревателя, профессора Русского юридического факультета в Праге.

…по Тенишевскому… — Петербургское училище либерального направления, в котором ВН учился в 1911–1917 гг.; описано в «Других берегах» (9 гл.).

пражский Слоним — Марк Львович Слоним (1894–1976) — политик, литературный критик, журналист, переводчик; в 1922–1927 гг. жил в Праге, где редактировал разделы «Литературный дневник» и «Литературная хроника» в литературно-политической ежедневной газете «Воля России». В письме от 22 ноября 1932 г. ВН пишет о нем как о владельце переводной конторы и, по-видимому, литературном агенте.

сотерн — французское белое десертное вино из винодельческого субрегиона Грав.

mais je ne t'en veux pas — но я на тебя зла не держу *(фр.)*.

ауфслюге (*нем.* Ausflug) — выезд на природу.

Цо (*нем.* Zoo) — зоопарк.

…статью ‹…› касательно наружности Хри-

cma… — Rev. George H. Box. The Appearance of Christ. Testimony of Josephus. Dr Eisler's «Reconstruction» *(Преп. Джордж Г. Бокс.* Наружность Христа. Свидетельства Иосифа Флавия. «Реконструкция» доктора Айслера). Вырезка приложена к письму.

75. 15 июля 1926 г

Ответы на загадку: 1. Толстой. 2. Чехов. 3. Мамин-Сибиряк. 4. Щека. 5. Лапа. 6. Чинара. 7. Гоголь / сойка. 8. Подол. 9. Гонка. 10. Стоп / заминка / стойка / поза. 11. Пасха. 12. Ая-даг. 13. Дарья. 14. Щель.

Некоторые слова, в том числе и подпись «Милейший», написаны нарочито детским почерком, крупнее обычного набоковского (и далее — прописными буквами по всему письму), возможно, левой рукой.

Англулус ридес. — В качестве разгадки ВН приводит «angulus rides», хотя на самом деле имеет в виду «angulus ridet» из ставшего крылатым стиха Квинта Горация Флакка «ille terrarum mihi praeter omnes angulus ridet» («Эта земля благоволит мне более других»; Carmina II, VI, строка 13). Крохотный клочок бумаги с написанными чернилами рукой ВН словами «Angulus ridet» вложен в рукописный «Альбом 8» 1923 г. (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке).

76. 16 июля 1926 г

…рассказ Бунина… — «Солнечный удар» (Современные записки. 1926. № 28. С. 5–13).

…многологии Альданова… — Имеется в виду роман М. А. Алданова «Заговор» (Современные записки. 1926. № 28. С. 73–134).

…баллада Ходасевича. — «Джон Боттом» (опубл.: Современные записки. 1926. № 28. С. 189–196) Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) — поэта, литературного критика, друга и литературного союзника Набокова в 1930-е гг.

77. 17 июля 1926 г

Зауер-юркен (от *нем.* saure Gurken; saure Jurken на берлинском диалекте) — соленые огурцы.

В «Руле» рецензия… — Р.<аиса> Т.<атарино-ва> Суд над Крейцеровой сонатой // Руль. 1926. 18 июля.

faute de mieux — за неимением лучшего *(фр.)*.

Были Ландау… — По-видимому, Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) — философ, публицист, автор книг «Сумерки Европы» (1923) и «Эпиграфы» (1927), политический обозреватель, сотрудник «Руля», и его жена.

Голубев — возможно, художник Леонид Голубев-Багрянородный.

78. 18 июля 1926 г

Ответы на загадку: 1. Нечет. 2. Тальник. 3. Ротор. 4. Царенье. 5. Воспарение. 6. Свергни. 7. Пятна. 8. Поборник. 9. Дело. 10. Субсидия. 11. Средина. 12. Европа. 13. Реи.

…устроили вылет… — Немецкое «Ausflug» (выезд на природу) в дословном переводе означает «вылет».

Раиса — Татаринова.

…стихи Боратынского… — Неточное начало стихотворения Е. А. Боратынского «Своенравное прозванье» (1832), которое Набоков впоследствии перевел на английский язык. См.: *Nabokov V.* Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / Ed. by B. Boyd and S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, Inc., 2008. C. 225.

…без аполлона… — Речь идет о бабочке, см. письмо от 9 июля 1926 г.

Жду ответов… — на разосланные экземпляры первого романа Набокова «Машенька».

Дядя Костя — К. Д. Набоков.

79. 19 июля 1926 г

…на империяле автобуса. — То есть на его втором (пассажирском) ярусе.

tenez — держите *(фр.)*.

…у Генриха IV… — Генрих IV (1553–1610), король Наварры (с 1572) и Франции (с 1589), был заядлым игроком в большой теннис; энтузиастом этой игры был и Генрих VIII. Однако, возможно, ВН имеет в виду строки из шекспировского «Генриха V». Когда французские послы дарят королю теннисные мячи, с издевкой намекая на его былую репутацию распутника, он отвечает на это: «Мы рады, что дофин так мило шутит. / Ему — за дар, вам — за труды спасибо. / Когда ракеты подберем к мячам, / Во Франции мы партию сыграем, / И будет ставкою отцов корона… / Скажите принцу, что мячи насмешкой / Он в ядра пушечные превратил / И тяжким будет для него отмщенье, Что принесут они» (акт I, сц. 2; перевод Е. Бируковой).

service — подача *(англ.)*.

play! — играйте (принимайте мяч)! *(англ.)*

…вернулась из «Маришкиных Владин»… — Из Мариенбада.

Ol.<eum> Ricini — касторовое масло *(лат.)*.

80. 22 декабря 1926 г

Боксик — такса Е. И. Набоковой по кличке Бокс.

Елена — Е. В. Набокова.

Кирил<л> — К. В. Набоков.

Петр Михайлович — П. М. Скуляри, жених, впоследствии первый муж Елены Набоковой (по второму мужу Сикорской).

Шаховской — князь Сергей Сергеевич Шаховской — энтомолог, первый муж (примерно до 1930 г.) Ольги Петкевич (урожд. Набоковой).

Епатьевы — сведения отсутствуют.

Сергей — С. В. Набоков.

«Ужас» — рассказ ВН. Опубл.: Современные записки. 1927. № 30. С. 214–220.

…буду показывать поэмку. — «Университетская поэма», написана в конце 1926 г. (опубл.: Современные записки. 1927. № 32. С. 223–254). В Праге ВН выступил с ее публичным чтением.

О пьесе… — Пьеса «Человек из СССР», написана осенью 1926 г. Акт I: Руль. 1927. 1 января. С. 2–3. По-русски впервые полностью опубликована А. Бабиковым в издании: *Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. С. 313–356.

81. 23 декабря 1926 г

В адресе назначения: «b / v. Dallwitz» (Хорст фон Далльвиц — владелец квартиры). В. Е. Набокова впоследствии поставила на письме дату «1928», однако, судя по содержанию, оно явно относится к 1926 г. Согласно Д. Циммеру, квартира находилась в Шёнеберге по адресу Пассауэрштрассе, д. 12.

П.<етр> М.<ихайлович> — Скуляри.

адреолин — адреналин. У Е. И. Набоковой была астма, и вспрыскивания нужны были для расслабления гладких мышц бронхов.

В «Красной нови» меня помянули… — В советском журнале «Красная новь» (1921–1941) о Сирине впервые написали в 1924 г. (*Смирнов Н.* Солнце мертвых: Заметки об эмигрант.<ской> лит.<ературе> // Красная новь. № 3 (20). С. 250–267. О Сирине — с. 264–265). О более поздних упоминаниях не известно.

Берс — неустановленное лицо.

…прочел «Ужас»… — «Ужас» будет опубликован только в январе 1927 г. (см. предыдущее письмо). Возможно, Берс получил машинописную копию от матери ВН.

Катков Георгий Михайлович (1903–1985) — в то время преподаватель философии и индологии в Пражском университете.

Бобровский Петр Семенович (1880–1947) — меньшевик, член Крымского краевого правительства, в котором В. Д. Набоков был министром юстиции.

марковки — марки.

…Айхенвальдыш-то как расхвалил ‹…› Ландау! — Айхенвальд написал положительный отзыв на книгу афоризмов Григория Ландау «Эпиграфы» (Берлин: Слово, 1927); см.: Литературные заметки // Руль. 1926. 22 декабря. С. 2–3.

«Путь» — вероятно, ежемесячный журнал «Путь», выходивший в Париже с 1925 по 1940 г.

г-н Двурогий — переделка фамилии Тригорина, персонажа пьесы Чехова «Чайка» (1896).

82. 18 апреля 1929 г

Записка. На полях рукой В. Е. Набоковой: «Булонь?»

Thais — бабочка из семейства парусников Thais rumina (в современной номенклатуре — Zerynthia rumina), зеринтия испанская. «Ближе к Лас-Ильясу, в овраге возле ручья, маслянистая на вид бабочка, скользившая над самой поверхностью земли, оказалась небольшой, слегка выцветшей самкой *Thais rumina* var. *medesicaste*, но других таких же не нашлось» (Notes on the Lepidoptera of the Pyrénées Orientales and the Ariège // Entomologist. 1931. № 64. P. 255; перепечатано: Nabokov's Butterflies / Ed. B. Boyd and R. M. Pyle. Boston: Beacon Press, 2000. P. 130).

83. 1929 (?) г

Записка без даты. Установить дату написания можно лишь по тому, что В. Е. Набокова хранила записку вместе с письмами 1928–1930 гг. Возможно, однако, что под «К.» имеется в виду Крамарж. Тогда записка относится к 1924 г., а не к 1929 г., когда ВН тоже был в Праге.

84. Ок. 9 мая 1930 г

Дата «1926», поставленная рукой В. Е. Набоковой, ошибочная, поскольку ВН упоминает в письме перевод на немецкий своего романа «Король, дама, валет» («König, Dame, Bube») как уже изданный в «Ульштейне». Роман публиковался в газете «Ульштейн фоссише цайтунг» с 15 марта по 1 апреля 1930 г.; отдельной книгой он, вероятно, вышел вскоре после этого. Первое письмо из своей единственной поездки 1930 г. (в Прагу) ВН отправил 11 мая. Судя по всему, эту записку он написал прямо перед тем, как сделал последние визиты и вернулся, чтобы закончить упаковывать чемодан, а потом отправился на вокзал; записку жене он оставил дома, а не отослал по почте.

…для сына. — Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — философ и политический обозреватель, жил в Праге с 1924 по 1935 г.

моржа — такое прозвище ВН дал своей домохозяйке фрау фон Барделебен.

Дай ей «К.Д.В»… — Немецкий перевод романа «Король, дама, валет»: *Nabokoff-Sirin W.* König, Dame, Bube: ein Spiel mit dem Schiksal. Berlin:

Ullstein, 1930.

85. 12 мая 1930 г

Открытка. Отправляя письма на адрес Луитпольдштрассе, д. 27, ВН указывал: «b / von Bardeleben» (Альбрехт фон Барделебен — владелец квартиры).

Под письмом ВН приписано Е. И. Набоковой: «Дорогая Вера, очень счастлива. Володя бодренький, веселый и не очень худой. Мне очень хорошо, но все грустим, что тебя нет с нами. Целую тебя. *Maman Hélène».*

Еленочка — сестра ВН Елена, в то время носившая фамилию Скуляри.

Е.<вгения> К.<онстантиновна> — Гофельд.

86. 12 мая 1930 г

«Entomologist» («Энтомолог») — британский научный энтомологический журнал, которым ВН зачитывался уже в детстве. Ему было всего десять лет, когда он попытался опубликовать в нем описание «нового вида» бабочки («Память, говори», гл. 6). Первая из его четырех публикаций в этом журнале: A Few Notes on Crimean Lepidoptera // Entomologist. 1920. № 53. P. 29–33.

Papilio — род бабочек из семейства парусников, Papilionidae; с латыни слово переводится как «бабочка», к этому роду Линней изначально относил всех бабочек.

podalirius — подалирий, Papilio (в современной номенклатуре — Iphiclides) podalirius.

pendant — здесь: вдобавок *(фр.)*.

Пюнглер — правильно: Рудольф Пюнгелер (1857–1927) — юрисконсульт городского суда в Аахене и лепидоптеролог, идентифицировавший около 300 новых видов, в основном ночных бабочек.

«Скит поэтов» (1922–1940), после 1928 г. «Скит» — литературное объединение молодых пражских писателей и поэтов, руководившееся А.

Л. Бемом. Подр. см.: «Скит». Прага 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л. Н. Белошевской. М.: Русский путь, 2006.

…старенький генерал… — Скорее всего, генерал Долгов, упомянутый в письме от 16 мая 1930 г.

…Янингса в «Последнем приказе»… — Имеется в виду немецко-австрийский актер Эмиль Яннингс (1884–1950), сыгравший в немом американском фильме «Последний приказ» (1928, реж. Дж. фон Штернберг) роль бывшего русского генерала и аристократа, ставшего нищим эмигрантом и статистом в голливудских фильмах, которому достается роль русского генерала Долгорукого.

Кирилл, Сергей — братья ВН.

Ольга, Елена — сестры ВН.

Петкевич Борис Владимирович — инженер. Сестра ВН Ольга к 1930 г. развелась со своим первым мужем Сергеем Шаховским и вышла замуж за Петкевича.

Петя — П. М. Скуляри.

«Соглядатай». — Роман написан в декабре 1929 г. — феврале 1930 г. (опубл.: Современные записки. 1930. № 44).

Christian Science — «Христианская Наука» *(англ.)*, религиозное учение, возникшее на основе

либерального протестантизма, одной из задач которого является духовное и физическое исцеление с помощью т. н. «Христианского метода лечения».

Mrs. Bliss — сведения отсутствуют.

Е.<вгения> К.<онстантиновна> — Гофельд.

Боксика — такса Бокс.

87. 16 мая 1930 г

Ратгауз Даниил Максимович (1868–1937) — поэт.

Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984) — поэт и литературный критик.

…под Гумилева… — Стихи Н. С. Гумилева (1886–1921), которого ВН очень высоко ценил в юности.

«Вот вас сравнивают со мной…» — Поэт, переводчик и критик Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), враждебно относившийся к ВН, сравнил поэта Сирина с Ратгаузом и другими стихоплетами в рецензии на «Машеньку», «Короля, даму, валета», «Защиту Лужина» и сб. «Возвращение Чорба» (Числа. 1930. № 1. С. 233–236). См. примеч. о С. И. Нальянче к письму от 20 мая 1930 г.

Baudelaire ‹…› «jeune éléphant»… — Бодлер… «слоненок» *(фр.)*. Имеется в виду стихотворение «Танцующая змея» из сборника «Цветы зла» (1857) Шарля Бодлера (1821–1867): «Sous le fardeau de ta paresse / Ta tête d’enfant / Se balance avec la mollesse / D’un jeune éléphant» («Под бременем твоей лености / Твоя детская головка / Покачивается с томностью / Слоненка»).

Кирил<л> — К. В. Набоков.

Федоров — возможно, Василий Георгиевич Федоров (1895–1959) — прозаик, член «Скита поэтов».

«Пильграм» — рассказ, написанный в марте 1930 г. (опубл.: Современные записки. 1930. № 43. С. 191–307).

Шерман Савелий Григорьевич (псевдоним А. А. Савельев; 1894–1948) — писатель, критик, автор, публиковавший свои работы в «Руле».

Раиса — Татаринова.

Долгов Александр Александрович (1859–1930) — генерал-лейтенант, в эмиграции стал художником.

Еленочка — сестра Набокова.

88. 17 мая 1930 г

Горлин Михаил Генрихович (1909–1944) — поэт, которого в 1927 г. ВН учил английскому и просодии, один из основателей и секретарь берлинского «Клуба поэтов» (1928–1933).

«Петрополис» — издательство, основанное в Петербурге в 1918 г.; в 1922 г. его отделение было открыто в Берлине и в 1924 г. стало независимым издательством. В 1931 г. в «Петрополисе» вышел первый коллективный сборник берлинского поэтического кружка «Новоселье: сборник стихов берлинских поэтов».

…статья об Иване Алексеевиче. — Рецензия на «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина (Руль. 1930. 14 мая. С. 5).

Посл.<едние> Нов.<ости> — русскоязычная ежедневная газета, выходившая в 1920–1940 гг. в Париже; рецензия Г. Адамовича на «Защиту Лужина» была опубликована в ней 15 мая 1930 г.

Нем.<ирович>-Данченко — Василий Иванович Немирович-Данченко был не только писателем, но и членом правления Чешско-российского союза (бывшего Чешско-российского комитета, 1918–1939).

Масальский — князь Николай Владимирович Массальский (1896–1943), муж Е. Е. Слоним, сестры В. Е. Набоковой.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, политический деятель и обозреватель, преподаватель российской истории в Пражском университете.

…у Миш… — Возможно, имеются в виду друзья ВН — Михаил Августович Каминка (? — 1960?), сын друга В. Д. Набокова А. И. Каминки, и его жена Елизавета.

Papilio alexanor — бабочка-парусник Алексанор.

…ларентия моя teplovata. — Ларентия — род бабочек-пядениц; видовое название, «teplovata», придумано Набоковым.

89. 19 мая 1930 г

Бусса — прозвище, которым ВН и В. Е. Набокова иногда обменивались в 1930-е гг.

…мало тюфистое письмецо. — Тюфка, тюфенька — персонаж и форма обращения к жене, придуманные ВН в 1926 г. (см. письма от 9 и 18 июня).

Фондамин — Илья Исидорович Фондаминский (литературный псевдоним И. Бунаков; 1880–1942) — эсер, основатель и один из редакторов «Современных записок», в 1930-е гг. близкий друг ВН, оказывавший ему значительную поддержку. Погиб в Аушвице.

…чтобы Пильграм умер в подвале «Последних новостей». — Герой рассказа ВН «Пильграм» умирает от сердечного приступа у прилавка своего магазина бабочек. «Подвал» употреблен в двойном значении: подвал дома и нижняя часть газетной страницы.

Фаяр — «Либрери Артем Фаяр» — французское издательство, основанное в Париже в 1857 г. В «Фаяре» будет опубликован первый перевод ВН на французский — «Защита Лужина» («La course du fou», 1934).

90. 20 мая 1930 г

Не датировано. Штемпель оторван, дата «1930» написана на конверте рукой В. Е. Набоковой. О том, что литературный вечер назначен на 20 мая, сообщается в письме от 12 мая 1930 г.

…рецензию Адамовича в П.<оследних> Н.<овостях>? — То есть рецензию на «Современные записки» (№ 42), где с 10-й главы печатался роман «Защита Лужина». Опубл.: Последние новости. 1930. 15 мая. С. 3.

…что-то пишет Нальянч. — Сергей Иванович Нальянч (наст. фам. Шовгенов; 1902–1979) — поэт и литературный критик. Имеется в виду статья «Поэты “Чисел”» (За свободу. 1930. 28 апреля. С. 3) о скандальных нападках Г. Иванова в первом номере «Чисел» (март 1930 г.) на последние книги ВН, его стихи и на него самого как писателя. См. примеч. о Ратгаузе к письму от 16 мая 1930 г.

…твое почтенное… — Игра на двойном значении слова: «почтенное» письмо Веры пришло по «почте».

бранденбурги — двойные петли (и, соответственно, двойные пуговицы) из шнура или позумента.

Обенбергер Ян (1892–1964) — чешский энтомолог, профессор, сотрудник Национального музея в Праге.

sont pires que les juifs — еще хуже евреев *(фр.)*.

Русская колония ‹…› черновата. — Отсылка к черносотенцам, объединению политических партий и группировок, примкнувших после революции 1905 г. к контрреволюционному движению; проповедовали антисемитизм, монархизм и православие.

…и Мишам. — Возможно, Михаил Каминка и его семья.

Крышчен Саянс — Христианская Наука (Christian Science).

I thought you would jump at it. — Я думал, ты за это ухватишься *(англ.)*.

…«Les Caves du Vatican» A. Gide'a… — «Подземелья Ватикана» (1914), сатирическая повесть Андре Жида (1869–1951).

91. 22 мая 1930 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

neither rumor nor smell — английский перевод русской поговорки «ни слуху ни духу» (буквально: ни слуха, ни запаха).

…из Киплинга… — Далее цитируется третья строфа стихотворения английского поэта и писателя Редьярда Киплинга (1865–1936) «Поступь молодых» (1897): «Знаешь ли ты деревню на сваях, где ведут свои дела торговцы саго? / Знаешь, как воняет рыба и мокрый бамбук? / Знаешь курящуюся паром тишину пахнущей орхидеями поляны, / когда над ней пропархивают изукрашенные птицекрылые бабочки? / Вот туда я отправляюсь с камфорой, сетью и ящиками, / к нежному желтому пирату, моему знакомому, / К моим плачущим лемурчикам, к моим пальмам и летучим лисицам, / Ибо зовут меня Красные Боги, и мне пора!»

flap — здесь: пропархивают *(англ.)*.

She *was Queen of Sabaea ‹…› walks abroad!* — «Она была царицей Савской / А он был властелином Азии, / Но они разговаривали с бабочками, / Когда выходили погулять!» Из стихотворения

«Не было царицы лучше Балкис», включенного в сборник Р. Киплинга «Просто сказки» (1902).

Панина Софья Владимировна (1871–1956) — графиня, до Октябрьской революции — одна из руководителей партии кадетов; в 1918 г. предоставила Набоковым для проживания свое крымское поместье в Гаспре.

Астров Николай Иванович (1868–1934) — до революции известный политический деятель, один из учредителей партии кадетов; в эмиграции — основатель Русского заграничного исторического архива в Праге.

чета Горн — Василий Леопольдович Горн (1875–1938) — земский деятель, в эмиграции — юрист и журналист. Персонаж по имени Роберт Горн вскоре появится у ВН в романе «Камера обскура» (1933).

чета Ковалевских — Евграф Петрович Ковалевский (1865–1941) — член Государственной думы третьего и четвертого созывов, комиссар Временного правительства по Министерству народного просвещения.

Ангальтер — Анхальтерский вокзал в Берлине.

«Возрождение» — ежедневная газета националистически-монархической направленности,

выходила в Париже в 1925–1940 гг. ВН интересует рецензия Владимира Вейдле на «Защиту Лужина»: *Вейдле В.* [Рец.:] Современные записки. Кн. 42 // Возрождение. 1930. 12 мая. С. 3.

Бобровские — П. С. Бобровский и его семья.

«Неделя» — русскоязычная газета, выходившая в Праге в 1928–1930 гг.

92. 23 мая 1930 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…со статьей Глеба… — Имеется в виду статья: *Струве Г.* Заметки о стихах // Россия и славянство. 1930. 15 марта. С. 3. («Россия и славянство» — парижская еженедельная газета, выходила в 1928–1934 гг.)

…Ольга с мужем… — Ольга (урожд. Набокова) и Б. В. Петкевич.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — до большевистского переворота — политический деятель, один из лидеров партии эсеров, публицист; в эмиграции — один из издателей «Современных записок», после переезда в США в 1940 г. — член редколлегии журнала «За свободу».

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976) — русский политик, юрист, эсер; в эмиграции — один из издателей «Современных записок».

…Иванов дал только «отрывок». — Имеется в виду Георгий Иванов; его роман «Третий Рим», начатый в 1926 г., поначалу публиковался в «Современных записках» (№ 39 и 40 за 1929 г.); последняя часть («Отрывки из Части второй ро-

мана») вышла в «Числах» (1930. № 2–3. С. 26–54).

Статья Адамовича… — рецензия Г. Адамовича на 42-ю книгу «Современных записок» (Последние новости. 1930. 15 мая. С. 3).

…Шерман написал прелестно. — Имеется в виду рецензия А. Савельева (Савелия Шермана) на тот же номер «Современных записок» (Руль. 1930. 21 мая. С. 2) с разбором «Защиты Лужина».

демапар (от *фр.* de ma part) — от моего имени.

93. Ок. 23 мая 1930 г

Без даты, конверт отсутствует. На письме рукой В. Е. Набоковой написано: «Из Праги 1930».

…я поставлю мою ногу вниз (англицизм)… — Буквальный перевод английского выражения «I will put my foot down» («я буду настаивать»).

Изгоев Александр Самойлович — литературный псевдоним Арона Соломоновича Ланде (1872–1935) — юриста, эсера, политического обозревателя.

Ника — Николай (Николас, Ника) Дмитриевич Набоков (1903–1978) — двоюродный брат ВН, композитор.

Иванов живет с Зинаидой. — Внизу страницы есть пометка, сделанная рукой Веры: «Гиппиус?» Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — поэт, литературный критик, драматург; с 1889 г. замужем за поэтом и романистом Дмитрием Сергеевичем Мережковским (1865–1941).

Варшавский — Сергей Иванович Варшавский (1879–1945) — журналист, юрист, преподаватель русского юридического факультета в Праге, либо его сын Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) — писатель и критик (на тот момент он

жил в Париже).

Обштейн. — Имеется в виду С. И. Штейн, пасынок И. В. Гессена и сводный брат С. И. и В. И. Гессенов. См. письмо от 4 июня 1926 г. о косноязычном (с добавлением к случайным словам приставок «об», «об-ли») разговоре со Штейном, касавшемся переводов произведений ВН на немецкий язык.

Кирил<л> — К. В. Набоков.

Скуляри Петр Михайлович — муж сестры Набокова Елены.

94. 1930-е (?) гг

Записка без даты.

…заходил Миша… — Михаил (Миша) Каминка — один из ближайших друзей-эмигрантов ВН в Берлине в конце 1920-х гг.; в начале 1930-х гг. вместе с женой Елизаветой перебрался во Францию.

95. 4 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Оригиналы писем ВН к жене за 1932 г. утрачены. В декабре 1984 — январе 1985 г. В. Е. Набокова согласилась помочь Б. Бойду собрать материал для биографии ВН. В частности, она начитала на диктофон отрывки писем мужа, выпустив при этом многие подробности и обороты речи — то, что считала слишком личным. На данный момент диктофонные записи являются единственным источником переписки Набоковых за этот период.

Евгения Константиновна — Гофельд.

Ростислав — Ростислав Борисович Петкевич (1931–1960) — сын сестры ВН Ольги.

Сережа — С. В. Набоков, брат ВН.

…на одном ялтинском снимке. — Фотография пяти детей Набоковых, сделанная в Ялте в ноябре 1918 г.; на ней Елена держит на руках таксу Бокса, любимца семьи.

«Уста к устам» — рассказ, законченный 6 декабря 1931 г. В нем легко прочитывается критика в адрес сотрудников парижского журнала «Числа» (Николая Оцупа, Георгия Адамовича

и Георгия Иванова), которые бессовестно подыгрывали литературным амбициям состоятельного человека, но бездарного писателя Александра Павловича Бурд-Восходова (псевдоним Буров, 1876–1957), выманивая у него деньги на издание журнала. «Последние новости» приняли рассказ к публикации и даже сделали набор, но затем отказались его печатать. Впервые он был опубликован в сборнике «Весна в Фиальте» (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956).

…*статью о бабочках.* — Notes on the Lepidoptera of the Pyrénées Orientales and the Ariège // The Entomologist. 1931. November. P. 255–257.

96. 5 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Бертран — Кларанс Бертран Томпсон (1882–1969) — консультант по менеджменту, автор книг по управлению бизнесом, социологии и экономике; муж Лизбет Томпсон, близкой подруги В. Е. Набоковой. ВН познакомился с ним в 1926 г. и считал его одним из самых умных людей, с которыми когда-либо водил дружбу (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 459).

Томсону я, как видишь, написал. — Шутка. ВН написал Томпсону и при этом просит Веру поблагодарить Бертрана, то есть того же самого человека.

…отношение к героине Лескова и Замятина такое же приблизительно, как отношение жука к кузнечику… — Е. И. Замятин эмигрировал из СССР в 1931 г. вследствие жесткой критики и травли за роман-антиутопию «Мы» (1920). Возможно, ВН сравнивает антинигилистический роман Лескова «На ножах» (1870–1871) с романом «Мы», проводя параллель между одной из героинь Лескова (предположительно — Глафирой Бодростиной, решившей с любовником убить

своего мужа) и смелой замятинской бунтаркой I-330, в которую влюбляется герой романа.

…засесть за новый роман. — Судя по сюжету, которым ВН делится с женой в письме от 16 апреля 1932 г., это не «Отчаяние» — следующий по счету роман, который он начнет писать в июне, закончит вчерне к сентябрю и в который внесет окончательную правку в декабре.

97. 6 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

«Магдино детство» ‹…› «Визит» ее в «Россию и славянство». — Отрывки из романа «Камера обскура», который был закончен в мае 1931 г., печатался в «Современных записках» в 1932–1933 гг. (№ 49–52) и вышел отдельным изданием в 1933 г. (Берлин — Париж: Парабола и Современные записки); впоследствии переведен ВН на английский как «Laughter in the Dark» («Смех в темноте», 1938). По-видимому, отрывок, который ВН называет «Магдино детство», опубликован как: *Сирин В.* Камера обскура (Глава из романа) // Последние новости. 1932. 17 апреля. С. 2–3. Если другой отрывок и был опубликован в «России и славянстве», найти его не удалось.

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) — агент-провокатор, тайный сотрудник русской охранки, один из первых членов партии эсеров, для которой занимался организацией убийств. Разоблачен в 1908 г., бежал за границу.

Петр Семенович — Бобровский.

…мама приносит твои письма ‹…› с той же ужимочкой, как в «Подвиге». — Роман опуб-

ликован в журнале «Современные записки» (1931–1932. № 45–48), отдельное издание вышло в 1932 г. (Париж: Современные записки). «Он видел в зеркале ‹…› особое выражение на розовом, веснушчатом лице матери: по ее плотно-сжатым, но уже готовым расплыться в улыбку губам он знал, что есть письмо» (гл. 31).

…тот номер «Русской мысли», где были впервые нап<ечатаны> мои стихи. — Стихотворение ВН «Зимняя ночь» появилось в «Русской мысли» в номере за март-апрель 1917 г.; на самом деле его стихи и раньше публиковались в журналах (не считая школьного журнала): стихотворение «Лунная греза» вышло в «Вестнике Европы» в номере за июль 1916 г.

…стихотворение, написанное в Beaulieu… — Домэн-де-Больё, ферма под Солье-Пон и Тулоном во Франции, где ВН работал в 1923 г. и откуда писал первые письма и стихи к Вере Евсеевне.

Не ндравится <sic> мне «Камера». — ВН вычитывал гранки «Камеры обскура», первая часть которой будет опубликована в конце мая в «Современных записках» (№ 49).

«Наш век» — еженедельная русскоязычная газета, выходившая в Берлине с 1931 по 1933 г., после закрытия «Руля»; ее издавали знакомые ВН,

в их числе Юрий Офросимов и Савелий Шерман.

«Скит» — «Скит поэтов»; см. примеч. к письму № 86 (от 12 мая 1930 г.).

Евгения Константиновна — Гофельд.

98. 7 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…с Раевскими… — С семьей Николая Алексеевича Раевского (1894–1988) — энтомолога и пушкиниста, автора «Воспоминаний о Владимире Набокове» (Простор. 1989. № 2. С. 112–117). После Второй мировой войны Раевский был депортирован в СССР.

fine, rich, warm, etc — прекрасный, богатый, теплый и т. д. *(англ.)*.

Ростислав — Петкевич, племянник ВН.

99. 8 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…открылась Пушкинская выставка… — Выставка «Пушкин и его время», организованная Национальным музеем Праги в 1932 г.

Pteridophora alberti — чешуйчатая райская птица, названная в честь короля Саксонии Альберта.

На бумаге такого же голубого цвета оригинал «О Делия драгая»… — Стихотворение Пушкина «К Делии» (1815–1816, опубл. 1841), написанное еще в Лицее, начинается так: «О Делия драгая! / Спеши, моя краса; / Звезда любви златая / Взошла на небеса…» Незаконченный черновик стихотворения сохранился в Национальном музее в Праге и был представлен на выставке «Пушкин и его время». Голубоватая писчая бумага была во времена Пушкина обычным делом, он использовал ее как для переписки, так и для рукописей.

Chlamydophorus truncatus — правильно: Chlamyphorus truncatus, плащеносный броненосец.

Рассказ Газданова… — Гайто Иванович Газданов (1903–1971) — писатель и литературный

критик; начал писать уже в эмиграции. Его рассказ «Счастье» вышел в майском номере «Современных записок» (1932. № 49. С. 164–202), где были опубликованы и первые главы «Камеры обскура». В общей рецензии на «Счастье» и «Камеру обскура» Г. В. Адамович отметил великолепный стиль обоих писателей (Последние новости. 1932. 2 июня. С. 2). В 1935–1936 гг. критики продолжали сравнивать ВН и Газданова; см., например, рецензию Адамовича на № 58 «Современных записок», в которой говорится, что «именно вслед за Сириным, чтение Газданова — это настоящий отдых: все возвращается на свое место, мы больше не в тюрьме, не в сумасшедшем доме, не в безвоздушном пространстве, мы — среди обыкновенных людей…» (Последние новости. 1935. 4 июля. С. 3).

Борис Владимирович — Б. В. Петкевич.

…спиритические сеансы с семьей Рериха. — Николай Константинович Рерих (1874–1947) — русский художник, философ-мистик, путешественник. В 1900 г. семья Рериха начала проводить у себя дома спиритические сеансы.

…статью Адамовича о ‹…› романе Лоренса. — Г. В. Адамович написал рецензию на роман Д. Г. Лоуренса (1885–1930) «Любовник леди Чаттерлей» (1928), русский перевод которого, подготовлен-

ный Т. И. Лещенко-Сухомлиной, был опубликован берлинским издательством «Петрополис» в 1932 г. См.: *Адамович Г.* О книге Лоренса // Последние новости. 1932. 7 апреля. С. 3.

100. 11 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Плетнев Ростислав Владимирович (литературный псевдоним Даниэль; 1903–1985) — литературовед, критик, преподаватель Карлова университета в Праге.

профессор Карпович из Харварда — Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — член партии эсеров; историк, публицист, личный секретарь главы Чрезвычайной миссии Временного правительства в США Б. А. Бахметева, затем — профессор истории в Гарварде, основатель и соредактор «The Russian Review», с 1943 г. соредактор, а с 1946 г. и до своей смерти редактор «Нового Журнала» (Нью-Йорк). Карпович приложил большие усилия, содействуя переезду Набоковых в США, что удалось осуществить в мае 1940 г. В США Набоковы и Карповичи стали близкими друзьями. См.: *Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Вступ. ст., сост., примеч. А. А. Бабикова (Библиотека «Литературного наследства». Новая серия. Вып. 2). М.: Литфакт, 2018.

Ночью было снова нашествие. — Постельных клопов.

'Twould ring the bells of heaven ‹…› And little hunted hares. Ralph Hodgson. — «В небесах зазвонили бы колокола, / И это был бы самый громкий звон за много лет, / Если бы Священник лишился рассудка, / А люди его обрели, / И если бы они с ним вместе / Встали на колени на гневную молитву / За прирученных облезлых тигров, / И танцующих собак и медведей, / За несчастных слепых пони в шахтах / И зайчиков, на которых охотятся» *(англ.)*. Стихотворение английского поэта Ральфа Ходжсона (1871–1962) «Колокола в небесах» из сборника «Стихотворения» (1917).

Сикорский Всеволод Вячеславович (1896–1958) — офицер русской армии в дореволюционной России и Добровольческой армии Врангеля. Получил юридическое образование в Пражском университете. Женился на сестре ВН Елене в мае 1932 г.

Волконская. — Сведения отсутствуют.

…акварель — Царская тропа между Мисхором и Ялтой. — Мисхор (теперь в составе Кореиза) — поселок на Крымской Ривьере рядом с Гаспрой, которая, в свою очередь, расположена к юго-востоку от Ялты. Возможно, имеется в виду пейзаж Владимира Поля (см. письмо от 11 ноября 1932 г.). Картину впоследствии унаследовала от матери

Елена Сикорская.

Libythea celtis — бабочка носатка листовидная, обитающая в Азии, Европе и Северной Африке.

…мы украли в Акрополе. — В 1919 г. Набоковы, бежав из Крыма, в апреле — мае жили в Греции, откуда отбыли в Лондон.

Кирилл. — К. В. Набоков.

…идем в «Скит». — См. примеч. к письму от 12 мая 1930 г.

101. 12 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…вечер Гёте… — 20 апреля 1932 г. берлинский Союз русских писателей и журналистов отмечал столетие со дня смерти Гёте.

Головин Александр Сергеевич (1904–1968) — скульптор.

…маленький Бем… — Альфред Людвигович Бем (1886–1945?), историк литературы, критик, исследователь Достоевского, бессменный руководитель объединения «Скит».

цадик — праведник в еврейской (хасидской) традиции.

Маркович — Вадим Владимирович Морковин (1906–1973) — писатель-беллетрист, поэт, литературовед. Возможно, ВН написал его фамилию правильно, но В. Е. Набокова ошиблась при чтении, перепутав буквы «ч» и «н».

Мансветов Владимир Федорович (1909–1974) — поэт, журналист. В 1939 г. эмигрировал в США, с 1940 по 1943 г. работал в русской ежедневной газете «Новое русское слово» (выходила в Нью-Йорке с 1919 г.), позднее на радиостанции «Голос Америки».

…пастернаковскими словечками… — Хотя Б. Л. Пастернак (1890–1960) не относился к его любимым поэтам, Набоков хорошо знал его стихи и упомянул его сборник «Сестра моя — жизнь» (1922) в рассказе «Тяжелый дым» (1935).

Головина Алла Сергеевна (урожд. баронесса Штейгер; 1909–1987) — поэт, жена скульптора А. С. Головина.

Хохлов Герман Дмитриевич (1908–1938) — поэт и литературный критик. В 1934 г. вернулся в Россию, был арестован и расстрелян как «член террористической организации».

Ратгауз — Татьяна Даниловна Клименко-Ратгауз (1909–1993) — поэт и актриса.

Викки Баум — популярная австрийская писательница (Hedwig «Vicki» Baum, 1888–1960), получившая известность благодаря роману «Люди в отеле» (1929; в 1932 г. экранизирован под названием «Гранд-отель», фильм удостоен премии «Оскар»). ВН пародирует фабулу «Гранд-отеля» в «Истинной жизни Севастьяна Найта» и критикует эту «жуткую вещь» в неопубликованной лекции, прочитанной в Корнеллском университете (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке).

Женя Гессен — Гессен Евгений Сергеевич (1910–

1945) — поэт, член «Скита поэтов», внук Иосифа Гессена.

en famille — в семейном кругу *(фр.)*.

…читать «Уста»… — рассказ «Уста к устам».

…маленькие шедевры Ивана Алексеевича… — Рассказы Бунина «Костер» и «Надежда» (Последние новости. 1932. 10 апреля).

…американцы выдумали способ ловить и собирать молнию. — Возможно, отклик на опыты Николы Теслы (1856–1943), американского физика и изобретателя сербского происхождения; его портрет был помещен на обложку журнала «Тайм» в июле 1931 г.

102. 14 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…статейка ‹…› «Обывателя» <?> в «Последних новостях»? — Возможно, оговорка В. Е. Набоковой (или описка Набокова) вместо «Обитатель». С 1927 г. в «Последних новостях» Михаил Андреевич Ильин (основной псевдоним Осоргин; 1878–1942) публиковал цикл статей «Письма обитателя (о своем саде, Всемирном Братстве Чудаков и неразрешимых загадках)» и «Огородные записи», с 1929 г. он использовал псевдоним «Обитатель» («обитатель земной поверхности», как пояснял Осоргин), в 1938 г. он собрал часть этих статей в книгу «Происшествия зеленого мира». В одной из статей этого цикла Осоргин заметил: «Между обывателем и *обитателем* начертательная разница только в две буквы; и филологически совершенно необъяснимо, почему эти понятия так несходны, даже прямо противоположны. ‹…› Дон Кихот был обитателем, его оруженосец — обывателем» (*Осоргин М.* Времена. Происшествия зеленого мира / Сост., примеч., статья О. Ю. Авдеевой. М., 2005. С. 250).

Альтшуллер Исаак Наумович (1870–1943) —

врач, друг матери ВН.

…на мотоцикле с придатком… — Мотоциклы с коляской часто использовались в качестве дешевого такси.

…старые стишки… — ВН в письме к матери от 19 июня 1923 г. назвал это стихотворение «Кресты». См. также письмо от 6 апреля 1932 г.

Гессен — Иосиф Гессен.

Ne précise pas la date de mon arrivée… il se peut — Не уточняй дату моего приезда… вероятно *(фр.)*.

Я Индией невидимой владею… — Комментарий В. Е. Набоковой: «Эти стихи напечатаны. И так далее. Дальше хуже». Опубл. под названием «Властелин»: Сегодня. 1923. 8 апреля. С. 5; затем, с неточной датировкой («7–12–23»), в сборнике: *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 125. В рукописном альбоме стихов ВН (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке, Альбом 8) датировка в месяце (III) исправлена, так что ее можно прочитать как XII; при этом стихотворение следует за другим, датированным 7 марта 1923 г., и предшествует стихотворению, датированному 19 марта 1923 г.

103. 15 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи. В. Е. Набокова произнесла дату написания письма как «17 апреля 1932 г.», однако, судя по первому предложению, ВН написал его 15 апреля.

Standesamt — отдел записи актов гражданского состояния в Германии *(нем.)*. ВН пишет письмо в день годовщины свадьбы.

…его сыну, тоже доктору. — Григорий Исаакович Альтшуллер (1895–1983) — сын И. Н. Альтшуллера.

Мульман — сведения отсутствуют.

peine perdue — напрасные усилия *(фр.)*.

…«Лик человеческий» Гиппиуса. — Поэма Владимира Васильевича Гиппиуса (1876–1941; литературные псевдонимы Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) — поэта, прозаика и критика, преподавателя литературы у ВН в Тенишевском училище. Опубл.: Берлин: Эпоха, 1922.

Джойс Джеймс (1882–1941) — ирландский писатель, с которым ВН познакомился лично в Париже в 30-х гг. Он восхищался «Улиссом» и даже писал Джойсу 9 ноября 1933 г. с предложением перевести его роман на русский язык (Paul

Léon Papers, National Library of Ireland).

Вацек — сведения отсутствуют.

Вергун Ирина Дмитриевна (1913–2000) — дочь Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951) — литературоведа, политического деятеля, преподавателя нескольких пражских университетов.

…какие они оба нечистоплотные. — Прокомментировано В. Е. Набоковой: «Я не знаю, о ком». ВН имеет в виду свою сестру Ольгу и ее мужа Б. В. Петкевича.

104. 16 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Кожевниковы — Сусанна Григорьевна Кожевникова (1882–1976) и ее дети: Владимир Иннокентьевич Кожевников (1905–1978), в 1928 г. в Берлине — ученик ВН и В. Е. Набоковой, а на тот момент студент университета, и его сестра Александра Иннокентьевна Кожевникова (1907–2008), поэт. В 1920-е гг. ВН поощрял ее творчество и помогал с публикациями; печаталась под именем Александра Тулунова *(Тулунова А.* От мира к миру: Сонеты. Лондон, 1989).

…стихотворение мое второе. — Первая публикация «Зимней ночи» (Русская мысль. 1917. № 3–4. С. 72). Текст стихотворения приводится по этому изданию.

Первое (самое первое)… — Стихотворение «Лунная греза»; опубл.: Вестник Европы. 1916. Июль. С. 28.

…с какими-то переводами с норвежского… — Карьера Сиверта. Роман Амалии Скрам. С норвежского. — Пер. М. П. Благовещенской.

…с романом Тырковой «Добыча»… — Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) —

писательница, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы первого созыва. Ее роман «Добыча» был опубликован в журнале «Русская мысль» (1917. № 1, 2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12).

…с такими дамскими стихами: «Изысканный паж…» — стихотворение Софьи Заречной («Русская мысль». 1917. № 3–4. С. 125).

105. 18 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…мой перевод «Alice in Wonderland». — «Аня в стране чудес», перевод «Приключений Алисы в Стране чудес» (1865) Льюиса Кэрролла был опубликован под псевдонимом Владимир Сирин с иллюстрациями С. Залшупина (Берлин: Гамаюн, 1923).

Шаховской — первый муж О. В. Набоковой.

rendez-vous — встреча, свидание *(фр.)*.

Плетнев. — См. письмо от 11 апреля 1932 г.

Еленочка — Е. В. Набокова (Сикорская), сестра ВН.

Сережа — брат ВН.

Друг его… — Герман Тиме (1891–1971) — сын владельца страхового банка в Мюнхене Карла фон Тиме. Подробные сведения о С. В. Набокове и Г. Тиме можно найти у Дитера Циммера: *Zimmer D.* What Happened to Sergey Nabokov? // http://www.d-e-zimmer.de/PDF/SergeyN%20 2015-10–10. pdf.

«I hear a sudden cry of pain! There is a rabbit in a snare…» — «Я услышал внезапный вскрик боли! Кролик угодил в силки…» *(англ.)* — из стихотво-

рения ирландского писателя и поэта Джеймса Стивенса (1882–1950) «Силки» (1914).

…с «Последними новостями» с «Камерой». — В «Последних новостях» от 17 апреля 1932 г. была опубликована третья глава романа «Камера обскура».

«Камеру» надо послать сегодня. — Видимо, речь идет об отправке гранок в «Современные записки».

Мульманович. — В письме от 15 апреля 1932 г. упомянут как Мульман; сведения отсутствуют.

…пушкинского «Фауста»… — Имеется в виду «Сцена из Фауста» (1825).

Союз — Берлинский союз русских писателей и журналистов.

106. 19 апреля 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…историю с Дрезденом. — 7 мая ВН читал свои произведения в подвале русской церкви в Дрездене (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 443).

107. 13 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи. В начале октября 1932 г. двоюродный брат ВН Николай Дмитриевич Набоков, его жена Наталия Алексеевна (урожд. Шаховская; 1903–1988) и их сын Иван (р. 1932) были приглашены на каникулы в дом их друга под Кольбсхаймом, неподалеку от Страсбурга. Н. Д. и Н. А. Набоковы в свою очередь пригласили ВН с женой провести в Бельгии две недели. После отъезда жены в Берлин ВН задержался в Кольбсхайме еще на несколько дней. Оттуда он съездил в Париж, где выступил на литературном вечере и попытался наладить контакты с литераторами и издателями.

Лизбет — Томпсон.

Фонд — И. И. Фондаминский.

Дита — сведения отсутствуют.

108. 15 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…от Ульштайна. Они берут «Звонок». — Рассказ «Звонок» впервые опубликован: Руль. 1927. 22 мая. С. 2–4; вошел в сборник «Возвращение Чорба». Если немецкий перевод и появился в печати в ту пору, он пока не обнаружен.

Крель. — Сведения отсутствуют; возможно, один из редакторов издательства «Ульштейн».

Доктор Якоб. — Сведения отсутствуют.

Ника — Н. Д. Набоков.

Herz — Пауль Герц (1900 –?), владел вместе с женой Сюзан книжным магазином «Librairie de la Mésange» в Страсбурге. Магазин был известен благодаря «тесному знакомству владельцев с книгами и посетителями; излюбленное место здешних преподавателей и студентов — там часто проводили лекции и художественные выставки» (*Aubrac R.* Où la mémoire s'attarde. Paris: Jacob, 1996. P. 46).

Грассе и Фаяр — французские издательства «Editions Grasset» (основано в 1907 г.) и «Librairie Artème Fayard» (основано в 1857 г.).

«Nouvelles Littéraires». — Имеется в виду пуб-

ликация Андре Левинсона «В. Сирин и его шахматный игрок» (*Levinson A.* V. Sirine et son joueur d'echecs // Nouvelles littéraires. 1930. 15 February. P. 6). С Левинсоном ВН познакомится 6 ноября 1932 г.

…и еще из «Mesures»… — Видимо, здесь подразумевается критическая статья Г. Струве «Романы с фокусами» (*Struve G.* Les «Romans-escamotage» // Le Mois. 1931. April — May. P. 141–152). Пытаясь разобрать текст, В. Е. Набокова читает: «Mesures or something, don't know» («"Мезюр" или что-то в этом роде, не знаю»).

Сережа — брат ВН.

Малевская-Малевич Зинаида Алексеевна (урожд. княгиня Шаховская; 1906–2001) — писательница и литературный критик, жена Святослава Святославовича Малевского-Малевича (1905–1973). В 1930-е гг. была близким другом ВН и очень его поддерживала, но позднее стала относиться к нему и особенно к В. Е. Набоковой с большой враждебностью (см. с. 431–432 настоящего издания).

contre-proposition — контрпредложение *(фр.)*.

«Société Protectrice des Animaux» — Общество защиты животных *(фр.)*.

Io — Inachis (Vanessa) io, бабочка-нимфалида

павлиний глаз.

109. 17 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…мадам Моррис Грюнелиус. — Семья Грюнелиус жила в Кольбсхайме на протяжении многих поколений. Набоковы гостили у Александра и Антуанетты Грюнелиус.

Denis Roche — Дени Рош (1868–1951) — французский писатель, переводчик на французский «Защиты Лужина», «Соглядатая» и «Весны в Фиальте».

мангуст — имеется в виду герой рассказа Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» из «Книги джунглей» (1894).

…Лизино письмо… — Лизбет Томсон.

«Das habe ich nicht gesehen». — «Я этого не видела» *(нем.)*.

«Ne parlez pas devant les gens». — «Не распускайте язык перед слугами» *(фр.)*.

«Bibliothèque Rose» — серия детских книг на французском языке, которая с 1856 г. выходила в издательстве «Ашетт». ВН упомянет некоторые книги из этой серии («Сонины проказы», «Примерные девочки», «Каникулы») в «Других берегах» (гл. 3) и позднее в «Аде».

…письма Александры Федоровны к царю. — Имеются в виду письма супруги Николая II (1868–1918) Александры Федоровны (1872–1918). В. Д. Набоков перевел их с английского на русский (Письма Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922).

…о Блоке в «Последних новостях», о его письмах. — Первый том писем Блока к родным («Письма к родным») был опубликован в 1927 г.; второй том только что вышел в свет (М.–Л.: Академия, 1932).

110. 22 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…Никину квартиру. — Квартиру Н. Д. и Н. А. Набоковых.

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — один из лидеров эсеров, в России был дружен с В. Д. Набоковым. После эмиграции жил сначала в Праге, потом в Париже, где был членом редколлегии «Современных записок». В 1939 г. переехал в США. См.: Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым / Вступ. ст., публ. и коммент. Г. Глушанок // В. В. Набоков: Pro et contra. Антология. Т. II / Сост. Б. В. Аверин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 34–123.

…а жены не было дома. — Речь идет об Амалии Осиповне Фондаминской (урожд. Гавронской; 1882–1935).

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — бывший глава Временного правительства, после 1918 г. жил в эмиграции.

Руднев Вадим Викторович (1879–1940) — в прошлом видный политический деятель-эсер, друг В. Д. Набокова, в эмиграции — редактор «Современных записок».

Демидов Игорь Платонович (1873–1946) — по-

литик, журналист, прозаик, депутат Государственной думы четвертого созыва, в 1924–1940 гг. помощник редактора «Последних новостей».

très en gros — в самых общих чертах *(фр.)*.

Зина — Зинаида Гиппиус; по воспоминаниям ВН, в 1916 г. на заседании Литературного Фонда она, прочитав первый сборник стихов ВН, просила В. Д. Набокова: «Пожалуйста, передайте вашему сыну, что он никогда писателем не будет» («Другие берега», гл. 11).

Сюпервьель Жюль (1884–1960) — французский поэт и писатель, автор романов, рассказов, пьес.

Кокто Жан (1889–1963) — французский поэт, писатель, драматург.

111. 24 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Сейчас очень рано ‹…›… — Пояснение В. Е. Набоковой: «I can't make it out» («Не могу разобрать»).

…в телефоне сквозняки. — То есть телефон прослушивается.

Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — поэт.

Поляков Александр Абрамович (1879–1971) — журналист, секретарь, впоследствии заместитель главного редактора «Последних новостей».

Волков Николай Константинович (1875–1950) — бывший член кадетской партии, депутат Государственной думы третьего и четвертого созывов, в Париже — заведующий хозяйственной частью «Последних новостей».

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница и журналист.

…о разрыве с Ходасевичем. — В. Ф. Ходасевич и Н. Н. Берберова прожили в гражданском браке 10 лет. Расстались в 1932 г.

…моя эпиграмма на Иванова… — Весной 1931 г. ВН послал следующую эпиграмму на Георгия Иванова Г. П. Струве и И. И. Фондаминскому (*Бойд*

Б. Владимир Набоков. Русские годы. С. 432):

«Такого нет мошенника второго
во всей семье журнальных шулеров!»
«Кого ты так?» — «Иванова, Петрова,
не все ль равно…» — «Постой, а кто ж Петров?»

Впервые опубл. в книге Э. Филда в транслитерации и в переводе ВН на английский *(Field A.* Nabokov: His Life in Art. Boston: Tittle and Brown, 1967. P. 379).

…группой «Перекрестка»… — Имеется в виду литературная группа, основанная в Париже поэтами, примыкавшими к кругу В. Ходасевича, а не к кругу друга Г. Иванова Г. Адамовича, поэтического лидера «Парижской ноты». В «Перекресток» входили Владимир Смоленский, Довид Кнут, Юрий Мандельштам, Георгий Раевский. Их поэтическая антология «Перекресток» вышла двумя годами ранее (Париж: Я. Поволоцкий, 1930).

Дон-Аминадо — литературный псевдоним поэта-сатирика Аминодава Пейсаховича Шполянского (1888–1957).

Рауш фон Траубенберг Николай Николаевич (1880–1943) — барон, родственник ВН. В 1880 г. тетка Рауша по отцу Нина Дмитриевна Набокова

вышла замуж за его же дядю, барона Евгения Александровича Рауша фон Траубенберга.

Адамова — возможно, Надежда Константиновна Адамова (1880–1955) — врач, жена Михаила Константиновича Адамова (1858–1933), юриста, родственника Татариновых (см. письмо от 28 или 29 октября 1932 г.).

Фрумкин Яков Григорьевич (1880–1971) — юрист, был дружен с В. Д. Набоковым. В 1940 г. — председатель одного из нью-йоркских еврейских комитетов помощи («Союз русских евреев»), помог Набоковым получить места на судне для беженцев, идущем из Сен-Назера в Нью-Йорк.

С. Г. — возможно, Сергей Гессен или Софья Григорьевна Гессен, вторая жена Георгия Гессена. В письмах к знакомым ВН называет ее «С. Г.» (см.: Владимир Набоков. Письма к Глебу Струве / Публ. Е. Белодубровского // Звезда. 1999. № 4. С. 42–45).

Зёка — прозвище близкого друга ВН Георгия Иосифовича Гессена (1902–1971) — сына Иосифа Гессена, переводчика и кинокритика, после переезда в США — переводчика-синхрониста.

Лизавета — Лизбет Томсон.

…лимузинские стишки. — Возможно, стихи трубадура из Лимузина Бертрана де Борна

(ок. 1140 — ок. 1215) и других поэтов, например Бернарта де Вентадорна (1130-е — 1190-е гг.). ВН изучал средневековую французскую литературу в Кембридже.

«Nouvelle Revue Française» («Новое французское обозрение») — ведущий французский литературный журнал, основан как ежемесячное издание в 1909 г.

Жан Полан (Paulhan; 1884–1968) — французский писатель, литературный критик, издатель.

«Лужин». — Роман «Защита Лужина» печатался в «Современных записках» и «Последних новостях» в 1930 г.; отдельное издание — Берлин: Слово, 1930.

бульвар Lannes. — На бульваре Ланн, в доме № 47, жил Ж. Сюпервьель.

Ника — Н. Д. Набоков.

…оказалась на ней «Ротонда». — Популярное у литераторов кафе (Café de la Rotonde) на Монпарнасе.

Амалия Осиповна — жена И. И. Фондаминского. Когда она умерла от туберкулеза, ВН посвятил ей воспоминания, опубликованные в сборнике «Памяти Амалии Осиповны Фондаминской» (Париж, 1937).

taupe — серо-коричневый *(англ.)*.

Степун Федор Августович (1884–1965) — философ, писатель, литературный критик, издатель; совместно с Ильей Фондаминским и Георгием Федотовым издавал литературно-религиозный журнал «Новый град» (1931–1939).

«*Переслегин*» — «Николай Переслегин» (1927), философско-автобиографический роман Степуна.

Tableau — картина *(фр.)*. В своих воспоминаниях об А. О. Фондаминской Набоков так описывает этот эпизод: «…Амалия Осиповна, молча и без лукавства, протянула мне письмо, которое я никак не полагал могло быть у нее, — мое письмо к Степуну, однажды попросившего меня просмотреть английский перевод его “Переслегина”, перевод, показавшийся мне неточным, — а так как одной из двух переводчиц являлась Амалия Осиповна, то Федор Августович и передал ей письмо с моим нелестным отзывом, сказав ей, по-видимому, что мне неизвестно, кто делал перевод. Этот поворот разговора сразу вывел его на простор веселой откровенности, причем выяснилось, что Амалия Осиповна тонкая ценительница того, что можно назвать искусством гафф».

…похож ‹…› на Ачария… — Т. е. на мужа знакомой ВН, художницы Магды Максимилиановны

Нахман-Ачария (1889–1951). М. П. Т. Ачария (1887–1954) был одним из основателей компартии Индии.

Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, мемуарист, переводчик.

Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961) — поэт.

à trois — втроем *(фр.)*.

…его жена… — Татьяна Марковна Ландау-Алданова (урожд. Зайцева; 1893–1968).

Антиопа, Ио, Аполло — Nymphalis antiopa, траурница; Inachis io, павлиний глаз; Parnassius apollo, аполлон.

Муссолини Бенито (1883–1945) — диктатор Италии, лидер Национальной фашистской партии.

Рутенберг Пинхас (Петр) Моисеевич (1878–1942) — инженер, политик, бизнесмен, впоследствии — один из руководителей сионистского движения. Организатор и участник убийства Г. А. Гапона.

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) — православный священник, организатор забастовки и мирного шествия к Зимнему дворцу, которое в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. было встречено огнем правительственных войск. В апреле 1906 г. был казнен активистами партии

эсеров как правительственный агент, предатель и провокатор.

Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940) — юрист, сотрудник «Современных записок».

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, лидер кадетской партии, историк и журналист. Был главным редактором «Последних новостей» (1921–1940), писал книги по русской истории. В 1922 г. на его публичной лекции в Берлине В. Д. Набоков был застрелен при попытке обезоружить монархиста, стрелявшего в Милюкова.

Андрей Седых — литературный псевдоним Якова Моисеевича Цвибака (1902–1994) — писателя, журналиста, секретаря И. А. Бунина в ноябре-декабре 1933 г.

Одоевцева Ирина Владимировна — литературный псевдоним Ираиды Густавовны Гейнике (1895–1990) — поэта, писательницы, мемуаристки, жены Георгия Иванова.

…чета Мережковских. — Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

Фельзен Юрий — литературный псевдоним писателя, литературного критика Николая Бернгардовича Фрейденштейна (1894–1943).

Антуанетта — Антуанетта Грюнелиус.

gaffes — оплошности, бестактности *(фр.)*.

Oh M'sieur, c'est loin d'ici… — Ах, месье, это далеко отсюда, вообще на другом конце, ближе к укреплениям… *(фр.)*

salle de vue — здесь: комната для выступлений *(фр.)*.

«Отчаяние». — ВН начал писать «Отчаяние» в июне 1931 г. и закончил черновой вариант к сентябрю. В Париж он привез рукопись для редактирования.

Куприн Александр Иванович (1870–1938) — писатель и мемуарист; в эмиграции во Франции с 1920 по 1937 г.

I've had my fill. — Я сыт по горло *(англ.)*.

Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) — литературовед, культуролог, историк русской эмиграции, поэт.

112. 25 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Родзянко Сергей Николаевич (1878–1949) — член Государственной думы четвертого созыва, октябрист. Его дядя, Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924), был председателем Государственной думы третьего и четвертого созывов, во время Февральской революции тесно сотрудничал с В. Д. Набоковым при подготовке документов об отречении членов царской семьи и передаче власти Временному правительству.

…у Прокопа. — «Le Procope», старейший парижский ресторан, расположенный на рю Ансьен-комеди в 6-м округе Парижа.

Мюллер Анри (1902–1980) — французский писатель и журналист, с 1923 г. работавший внештатным рецензентом в издательстве «Грассе».

Фаяр Жан (1902–1978) — французский писатель и журналист, лауреат Гонкуровской премии 1931 г. Был директором основанного его дедом издательства «Librairie Artème Fayard», в котором ВН опубликовал перевод романа «Защита Лужина», сделанный Дени Рошем (La course du fou. Paris: A. Fayard, 1934).

А завтра днем у Полана, «Nouvelle Revue française». Буду предлагать переводы рассказов и так далее. — Этим планам не суждено было сбыться. Первой публикацией ВН в «Нувель ревю франсэз» стала его статья «Пушкин, или Правда и правдоподобие» (1937), сочиненная по-французски.

Коварский Илья Николаевич (1880–1962) — врач, член партии эсеров, в 1917 г. помощник тогдашнего московского городского головы Вадима Руднева; в 1919 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. — в США. В Париже работал врачом, основал издательско-книготорговую фирму «Родник». Судя по всему, сыграл ключевую роль в издании «Подвига» в «Современных записках» (Париж, 1932).

Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933) — литературный и театральный критик, преподаватель Сорбонны. Его статья «В. Сирин и его шахматный игрок» (V. Sirine et son joueur d'echecs // Nouvelles littéraires. 1930. February) стала одним из самых заметных ранних откликов на творчество ВН.

L'addition, s'il vous plaît. — Счет, пожалуйста *(фр.)*.

Тиссен — вероятно, Пьер Тисне (Tisné, 1895–1986) — ответственный секретарь издательства

«Грассе».

Эргаз Ида (Дарья) Михайловна (1904–1967) — известная как Дуся Эргаз; французская переводчица, писатель; впоследствии — литературный агент Набокова в Европе.

Марсель Оноре Габриэль (1889–1973) — французский философ, представитель христианского экзистенциализма, драматург, литературно-музыкальный критик, сотрудник «Нувель ревю франсэз».

Немировская Ирина Львовна (Ирэн Немировски; 1903–1942) — французская писательница. К моменту приезда ВН в Париж опубликовала в «Фаяре» и «Грассе» пять романов.

Брянчанинов — возможно, Александр Николаевич Брянчанинов (1874–1960) — публицист, политический деятель правого толка.

…вроде склада «Логос» бывшего. — В середине 1920-х годов некоторые русские издательства в Берлине переключились на книготорговое дело. Так, фирмы «Москва» и «Логос» (книготорговое отделение издательства «Слово») создали «Объединенные книжные склады Москва — Логос», которые здесь, по-видимому, ВН и упоминает.

…говорят о пулях… — Т. е. о партиях игры в преферанс.

foie gras — паштет из гусиной печени *(фр.)*.

en train — в хорошем настроении *(фр.)*.

Ю. Ю. — скорее всего, Юлия Юльевна, жена Глеба Струве.

Бернштейн Анри (1876–1953) — французский драматург.

Ромочка — Романа (Вера) Семеновна Клячкина (1901–1959) — переводчица, активный член эмигрантской общины; была одной из подруг ВН до его знакомства с В. Е. Набоковой.

Шкляверы — Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970) — юрист, преподаватель международного права в Парижском университете, и его жена.

…музыку Николая. — Двоюродного брата ВН, композитора Н. Д. Набокова.

113. 28 или 29 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

В. Е. Набокова датировала это письмо 19 октября, однако правильная дата, скорее всего, 28 октября, поскольку упомянутая в нем рецензия Осоргина вышла 27 октября.

Рома — Романа Клячкина.

Даня — см. письмо от 19 июня 1926 г. (Данечка).

Адамова — видимо, Надежда Адамова (см. письмо от 24 октября 1932 г.).

«Au Papillon bleu» — «У голубой бабочки» *(фр.)*.

Полякова Анастасия Алексеевна (1877–1947) — Настя Полякова, известная исполнительница цыганских песен.

Клячкин — возможно, упомянутый выше «брат Ромы».

…открытку с «Бак берепом»… — Отсылка к эпизоду из «Защиты Лужина», в котором два пьяных немца находят открытку в кармане главного героя. Написанные по-русски слова «Вас вечером» они прочитывают, как если бы вместо русских стояли латинские буквы.

…путешествую всегда с tub'ом, по соответ-

ствию с Мартыном… — Герой романа Набокова «Подвиг» Мартын Эдельвейс мылся в собственной резиновой ванне.

bon mots — меткие словечки, остроты *(фр.)*.

…статью Осоргина… — Рецензия М. Осоргина на «Подвиг» (Париж: Современные записки, 1932) была опубликована в «Последних новостях» (1932. 27 октября. С. 3).

…словеса Адамовича? — В рецензии Г. Адамовича на 50-ю книгу «Современных записок» говорилось: «Роман Сирина “Камера обскура” по-прежнему занимателен, ловко скроен и поверхностно-блестящ. При такой плодовитости, какую проявляет молодой автор, трудно, конечно, ждать все новых шедевров… Роман внешне удачен, это бесспорно. Но он пуст. Это превосходный кинематограф, но слабоватая литература» (Последние новости. 1932. 27 октября. С. 3).

…в общем, приятно… — После этих слов В. Е. Набокова произнесла: «Нет!», имея в виду свой отказ закончить предложение и перейти к следующему.

«Музыка» — рассказ, написанный в начале 1932 г.; опубл.: Последние новости. 1932. 27 марта. С. 2; позднее вошел в сборник «Соглядатай» (Париж: Русские записки, 1938).

…узнай у старика, где Зёка. — Просьба спросить у Иосифа Гессена о его сыне Георгии (Зеке).

…стихи о Кольбсхайме. — Три приведенные выше строки читаются как законченное стихотворение, хотя, возможно, ВН написал более длинный текст, который теперь утрачен.

…Нике и Наташе. — Н. Д. и Н. А. Набоковым.

114. 29 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…около бульвара Араго, где казнят. — Преступников гильотинировали перед тюрьмой Санте, выходящей северной стеной на бульвар Араго, пока, в 1939 г., публичную смертную казнь не отменили.

Будет Зноско… — Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) — шахматист, автор книг о шахматной игре, театре, литературный и театральный критик. ВН часто пишет его фамилию как «Зносско».

…сыном художника Ге. — Николай Николаевич Ге (1857–1940) — сын художника Николая Николаевича Ге (1831–1894); преподавал в Сорбонне русский язык, популяризировал в Европе наследие отца.

115. 31 октября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…с Фондиком. — С И. И. Фондаминским.

…с американским профессором… — Александр Самуилович Каун (1889–1944), родился в России, эмигрировал в США в 1909 г., преподавал русский язык в Калифорнийском университете в Беркли. См. письмо Кауна к ВН от 24 ноября 1923 г., посланное в ответ на просьбу подыскать ему в Америке лекторскую должность: *Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959). С. 39–40.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник, искусствовед, художественный критик, один из основателей объединения «Мир искусства» и одноименного журнала, друг В. Д. Набокова и отчасти его коллега: оба сотрудничали в газетах «Речь» и «Русь».

Цвибак — Андрей Седых.

…на электричке в Meudon… — Мёдон, юго-западный пригород Парижа.

…нашел Лукаша. — Имеется в виду И. С. Лукаш, писатель, ранний соавтор ВН (см. письма от 8, 10, 17 и 24 января 1924 г.). ВН вспоминал его как «доб-

рого друга и замечательного писателя» (*Набоков В.* Полное собрание рассказов. М., 2023. С. 688).

Борман Аркадий Альфредович (1891–1974) — журналист, сотрудник «Возрождения», активно участвовал в деятельности нескольких эмигрантских комитетов.

Кнут Довид — литературный псевдоним Довида Мейеровича Фиксмана (1900–1955) — поэта, члена группы «Перекресток».

Мандельштам Юрий Владимирович (1908–1943) — поэт, литературный критик, член «Перекрестка».

…жена Вейдле… — Людмила Викторовна Вейдле (урожд. Барановская, 1904–1995) — вторая жена В. В. Вейдле.

…совращаю прелестями Магды пожилых эсеров. — Магда — молоденькая любовница героя «Камеры обскура», которая губит его. Многие члены редколлегии «Современных записок», где с 1929 по 1940 г. печатались все русские романы Набокова, были эсерами.

116. 1 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…интервью для «Последних новостей» и «Сегодня»… — См.: У В. В. Сирина // Последние новости. 1932. 3 ноября. С. 2. Перепечатано: Встреча с Сириным // Сегодня. 1932. 5 ноября. С. 8.

…loge… l'auge — комнатка… кормушка *(фр.)*. Перевод строки, которую отец Лужина диктует сыну в первой главе романа: «Это ложь, что в театре нет лож ‹…›».

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) — известный русский и французский режиссер, драматург, теоретик театрального искусства, художник, театральный критик и философ.

Кянджунцев Савелий (Саба, Сава) Гайкович — одноклассник ВН по Тенишевскому училищу.

117. 2 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…у старика Каплана. — То есть у отца Сергея Каплана, бывшего берлинского ученика ВН.

…это он упустил Азефа… — Речь идет об агенте-провокаторе Евно Азефе (1869–1918), который, руководя Боевой организацией эсеров, доносил на своих соратников в Департамент полиции. В 1908 г. Азеф был разоблачен и приговорен к смерти ЦК ПСР, но сумел бежать за границу.

Мать Мария — монахиня Мария, в миру Елизавета Юрьевна Скобцова (урожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева; 1891–1945) — поэт, мемуаристка, богослов, в 2004 г. канонизирована Константинопольским патриархатом.

Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959) — юрист, в 1920 г. обратился в католицизм, в 1922-м был выслан из России. Возглавлял Русскую католическую миссию в Берлине (1926–1931), позднее служил во Франции и Бельгии.

…моего вечера… — Вечер состоялся 15 ноября 1932 г. в Общественном музее (рю Лас Каз, 5).

Илья Исидорович — Фондаминский.

Грузенберг. — См. письмо от 24 октября 1932 г.

Кременецкий — Семен Исидорович Кременецкий — герой трилогии Марка Алданова «Ключ» (1929), «Бегство» (1932) и «Пещера» (1934–1936).

conférencier — конферансье, ведущий *(фр.)*.

Струве — возможно, отец Глеба Струве Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — сначала марксист, потом либерал, депутат Государственной думы, публицист, редактор газет и журналов.

Зайцев Кирилл Иосифович (1887–1975) — литературный критик, историк, политический обозреватель, позднее — богослов, архимандрит Константин.

Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) — богослов, историк русской православной церкви, церковный и общественный деятель.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — православный священник, богослов, историк, преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже.

«Новый град» — основанный И. И. Фондаминским, Ф. А. Степуном и Г. П. Федотовым общественно-философский и религиозный журнал, выходивший в Париже (1931–1939).

Львов Лоллий Иванович (1888–1967) — журналист, член редколлегии журнала «Россия

и славянство».

Рысс Петр Яковлевич (1879 (1870?) — 1948) — историк, политический обозреватель, секретарь «Последних новостей».

Левин Исаак Осипович (1876–1944) — историк, публицист, журналист, сотрудник «Руля»; один из организаторов «Отечественного объединения русских евреев за границей». Погиб в концлагере.

…я запамятовал фамилию… — Возможно, Савелий Гринберг.

…о маме… — Е. И. Набокова овдовела в 1922 г., когда В. Д. Набоков погиб, заслонив Милюкова от пули. Общие друзья Набоковых и Милюковых неоднократно и безрезультатно писали к состоятельным Милюковым с просьбой помочь вдове в ее отчаянном положении (*Родионова И. А.* Участие Милюковых в судьбе семьи В. Д. Набокова после его гибели // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы Международного научного коллоквиума. Москва, 23–25 сентября 2009 г. / Сост. М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; М.: Любавич, 2010. С. 214–225).

Клячкина — Романа (Ромочка) Клячкина.

Paulhan — Жан Полан.

nouvelles — рассказы *(фр.)*.

Эстер — сведения отсутствуют.

«Terra Incognita» — Рассказ опубл.: Последние новости. 1931. 22 ноября. С. 2–3; вошел в сборник «Соглядатай». Судя по всему, раннего автоперевода на французский не существует.

Терюз — сведения отсутствуют.

тетя Нина — сестра В. Д. Набокова Нина Дмитриевна Набокова (1860–1944), в первом замужестве (1888–1910) баронесса Рауш фон Траубенберг, во втором замужестве — Коломейцева.

Мума — Мария Сергеевна Запольская (урожд. Набокова, 1900–1972) — двоюродная сестра ВН.

Николай Николаевич — Н. Н. Коломейцев (1867–1944) — бывший вице-адмирал, муж «тети Нины». См.: «Другие берега» (гл. 9).

colonel — полковник *(англ.)*.

Рауши — семья Николая Николаевича Рауша фон Траубенберга, по-видимому состоящая из него и взрослых детей: сына, Александра Николаевича, и Марии Николаевны Оболенской, дочери от первого брака его второй жены.

…дочь от первого брака тети Нины — читала мне свои произведения… — Добавление В. Е. Набоковой: «Не тети Нины — Rausch, madame Rausch». То есть поэтесса — дочь госпожи Рауш (1884–1970,

урожд. Мензелинцевой, в первом браке Марии Васильевны Оболенской), а не тети Нины. См. письмо от 11 ноября 1932 г.

Он — певец… — Имеется в виду муж Мумы Владимир Евгеньевич Запольский (1898–1982).

118. 2 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Наташа с Иваном… — Н. А. Набокова с сыном.

…сестры бы я не узнал. — Речь идет об И. Г. Кянджунцевой, сестре Савелия.

Литейная — Литейный проспект в Санкт-Петербурге.

…с длинными стихами… — Стихотворение «Пегас» («Взмахнул Пегас могучей гривой…»), написанное 25 октября 1917 г. (опубл.: *Barabtarlo G.* Aerial Views: Essays on Nabokov's Art and Metaphysics. New York: Peter Lang, 1993. P. 248–250). Рукопись хранилась в семье Кянджунцевых до конца 1960-х гг., а потом была передана З. А. Шаховской.

Спиреско Коста — румынский скрипач, проживавший в Берлине, который жестоким обращением якобы довел жену до самоубийства, но избежал наказания и продолжал выступать и пользоваться вниманием поклонниц. 18 января 1927 г. ВН и Михаил Каминка пришли в ресторан, где играл Спиреско, чтобы совершить свой акт правосудия. ВН, который занимался боксом, нанес Спиреско удар, а Каминка сражал-

ся с возмущенными оркестрантами (см.: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 319).

119. 3 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…калифорнийского профессора… — Уже упоминавшийся А. С. Каун.

Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель, переводчик, литературовед.

…одного алдановского родственника… — В. Ходасевич в «Камер-фурьерском журнале» упоминает всех тех, кого перечислил ВН, и добавляет, что также присутствовал Яков Борисович Полонский (1892–1951) — библиограф и библиофил, соиздатель альманаха Общества друзей русской книги. Полонский был мужем сестры Алданова Любови Александровны (урожд. Ландау; 1893–1963).

…устроить у Hachette… — Имеется в виду французское издательство «Ашетт», основанное в Париже в 1826 г.

…получит ли Бунин Нобелевскую премию… — Бунин получит ее в 1933 г.

…потрепал за «Пещеру». — Роман «Пещера», печатавшийся в «Современных записках», вышел отдельным изданием в двух томах в 1934 и 1936 гг. См. рецензию В. Ходасевича на 50-ю кни-

гу «Современных записок»: Возрождение. 1932. 27 октября. С. 3. В той же рецензии Ходасевич хвалит последнюю часть «Камеры обскура» ВН.

aparté — отступление, ремарка в сторону *(фр.)*.

Чуковский Корней Иванович — Николай Васильевич Корнейчуков (1882–1969) — литературный критик, детский писатель. Речь идет об очерке «Борис Зайцев. Отпевание индивидуализма». Впервые: Речь. 1907. 4 (17) ноября. С. 2.

Пасси — район Парижа на правом берегу Сены, которой предпочитали русские эмигранты.

Кулишер Александр Михайлович (1890–1942) — юрист, историк, социолог и журналист, работал в парижских «Последних новостях».

Даманская Августа Филипповна (1877–1959) — писательница, поэт, переводчица.

…в «Последних новостях» ‹…› interview. — См.: *Седых А.* Встреча с В. Сириным (В. Набоковым). (От парижского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1932. 3 ноября. С. 2.

…моему бедному пальтишку… — Седых написал, что костюму ВН присуща «добротность и некоторая мешковатость», добавив, что «в Париже редко кто носит такие макинтоши на пристегивающейся подкладке».

…выраженьице «смешно»… — Интервьюер,

по-видимому, приписал ВН это выражение: «Смешно! Говорят о влиянии на меня немецких писателей, которых я и не знаю. Я ведь вообще плохо читаю и говорю по-немецки».

…с Сергеем и его мужем. — Т. е. с С. В. Набоковым и Германом Тиме.

quiet — тихий *(англ.)*.

Лоллий — Л. И. Львов.

«Таир» (1920–1935) — издательство, основанное в Париже композитором С. В. Рахманиновым (1873–1943). Название издательства составлено из первых букв имен его дочерей Татьяны и Ирины: предполагалось, что руководить издательством будут именно они. «Таир» выпускало книги по музыке, музыкальной критике, а также беллетристику (например, книги Ивана Шмелева и Алексея Ремизова).

…та самая Рахманинова. — Скорее, не жена композитора Наталия Александровна Рахманинова (урожд. Сатина; 1877–1951), которая на тот момент находилась с мужем в США, а их дочь Татьяна Сергеевна (1907–1961), в замужестве Конюс (она вышла замуж в мае 1932 г., так что ВН еще мог называть ее по девичьей фамилии).

120. 3–4 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…читал по-немецки «К.Д.В.»… — Роман «Король, дама, валет»; см. примеч. к письму от 9 мая 1930 г.

«Plon» — французское издательство, основанное в 1852 г.

«Oeil de Dieu» — «Божье око» (1925), роман Франца Элленса (литературный псевдоним Фредерика Ван Эрменгема; 1881–1972) — писателя, которым ВН восхищался и которого всячески рекламировал.

Познер Владимир Соломонович (1905–1992) — поэт и критик, в 1932 или 1933 г. вступил во французскую компартию.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — поэт, писатель, драматург, журналист и политический обозреватель. В 1923–1939 гг. Эренбург жил и работал в Европе в качестве корреспондента «Известий».

«Солнце мертвых» (1923) — эпопея писателя и православного мыслителя Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), эмигрировавшего в 1922 г. и быстро завоевавшего известность у русских

и западных читателей. В 1929 г. «Солнце мертвых» вышло во французском переводе Дени Роша (Le soleil de la mort. Paris: Plon).

…как говорила Матап Лужин. — Набоков цитирует слова матери Лужина, чей отец, композитор-виртуоз, был напрочь забыт публикой через год после смерти: «‹…› с дрожащей улыбкой повторяла, что это все интриги, интриги, что и при жизни завидовали дару ее отца, что теперь хотят замолчать его славу» («Защита Лужина», гл. 3).

121. 5 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

«Candide» — «Кандид», французский литературный журнал, основан в 1924 г.

Львовская — сведения отсутствуют.

…с Поланами. Она… — Видимо, Сала Прусак — первая жена Жана Полана; супруги развелись в 1933 г., после чего Полан женился на Жермен Паскаль, роман с которой у него начался за много лет до того.

…называем друг друга «шерами». — От *фр.* cher ami — милый друг.

Брэдли Уильям (1878–1939) — американец, который вместе с женой-бельгийкой Дженни (урожд. Серью; 1886–1982) руководил Литературным агентством Уильяма Брэдли (основано в 1923 г.) в Париже. Супруги Брэдли были американскими агентами Бунина.

Ника — Н. Д. Набоков.

…поговори с Вильгельмом или Piquet. — Неустановленные лица.

permis — разрешение *(фр.)*.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — юрист, политик, публицист, член партии кадетов,

депутат Государственной думы второго, третьего и четвертого созывов; в Париже — председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций.

Август Исаакович — Каминка.

царь Борис — великий князь Борис Владимирович Романов (1877–1943), внук Александра II.

Есть еще от Фонда… — Речь идет о деньгах, поступивших от И. И. Фондаминского.

Наташа — Н. А. Набокова.

122. 8 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Горький Максим — литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова (1868–1936) — прозаика, драматурга, идеолога соцреализма. С 1921 по 1932 г. Горький жил за границей, в основном в Сорренто.

…напечатанное уже в «Современных записках», этой самой «Камеры». — На тот момент в «Современных записках» были опубликованы главы 1–7 (1932. № 49) и 8–17 (1932. № 50). Оставшаяся часть романа была издана в 1933 г. (№ 51, гл. 17–26; № 52, гл. 27–36).

«Чорб» — рассказ ВН «Возвращение Чорба».

Истман Макс (1883–1969) — американский писатель, поэт, политический деятель, сторонник социализма.

…Бунин просил его разыскать? — В 1931 г. Бунин попросил ВН и других помочь ему связаться с М. Истманом, надеясь, что тот согласится перевести на английский его роман «Жизнь Арсеньева» (первые четыре части опубл. в 1927–1929 гг., последняя часть — в 1939 г.). См.: В. В. Набоков и И. А. Бунин. Переписка / Публикация Р. Дэвиса,

М. Шраера // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 197–199, 214.

très soviète — крайне советской *(фр.)*.

…женой Истмана… — Елена Васильевна Истман (урожд. Крыленко; 1895–1956) — художник-график, сестра большевика Н. В. Крыленко (1885–1938), в 1930-е гг. наркома юстиции, одного из организаторов кампании массового террора и показательных судебных процессов.

«Daily Times» — возможно, газета «Лос-Анджелес дейли таймс» (как она когда-то называлась), но не исключено, что ВН, запутавшись в разнице между ежедневной лондонской «Таймс» и воскресной «Санди таймс», имел в виду «Нью-Йорк таймс».

Шах Евгений Владимирович (1905 –?) — поэт, член группы «Перекресток».

«Обида». — Рассказ написан в Берлине летом 1931 г. (опубл.: Последние новости. 1931. 12 июля; вошел в сборник «Соглядатай»).

«Совершенство». — Рассказ написан в июне 1932 г. (опубл.: Последние новости. 1932. 3 июля; вошел в сборник «Соглядатай»).

Лена — Елена Массальская, старшая сестра В. Е. Набоковой.

Gabriel Marcel — Габриэль Марсель.

сын Коки — Александр Николаевич Рауш фон Траубенберг (1909–1965) — сын Николая Рауша (которого дома звали Кока) от первого брака с Ольгой Александровной Эвелинг (1885–1928; развелись в 1915 г.).

123. 8 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…воображают, что в Берлине революция. — На общенемецких выборах 6 ноября 1932 г. национал-социалистическая партия потеряла 34 места в рейхстаге, а коммунисты получили 11 дополнительных мест, что, безусловно, взволновало русскую эмигрантскую общину Парижа.

Blackborough — сведения отсутствуют.

Ваня — сын Н. Д. и Н. А. Набоковых.

pas mal <à cela> — неплохо (для этого) *(фр.)*. Неразборчиво в аудиозаписи; возможно, в оригинале оборот «il n'y a pas de mal à cela» — «в этом нет ничего плохого».

Мума — М. С. Запольская.

…его жена… — Любовь Шлемовна Левинсон (урожд. Шарф).

…типа жены Крымова… — Берта Владимировна Крымова (урожд. Ловянова, 1904–1982), жена Владимира Пименовича Крымова (1878–1968) — предпринимателя, издателя, писателя.

Андрей Яковлевич — Левинсон.

Mlle Левинсон — Мария Андреевна Левинсон (1914 –?).

«Защита» — роман ВН «Защита Лужина».

It was a rare treat. — Это было редкостное удовольствие *(англ.)*.

Андреев Вадим Леонидович (1903–1976) — писатель, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей в Париже; сын писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919).

124. 10 (?) ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…с Сергеем, его приятелем и Наташей… — С С. В. Набоковым, Г. Тиме и Н. А. Набоковой.

…новым рассказом. — Очевидно, он не был закончен. См. письмо от 11 ноября 1922 г.

«Je veux lire en trois jours». — «Я хочу прочитать за три дня» *(фр.)* — имеется в виду сонет «Я хочу прочитать за три дня “Илиаду” Гомера…» из «Любовных стихов» Пьера де Ронсара: лирический герой просит, чтобы никто его не прерывал, даже боги, пока он не закончит чтение, — разве что явится посланник его Кассандры.

Ника — Н. Д. Набоков.

Зёка — Г. И. Гессен.

Глеб — Г. П. Струве.

…дурацкую рекламную штучку. — Реклама «Подвига», вышедшего отдельным изданием (Париж: Современные записки, 1932).

125. 11 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Элькины — Борис Исаакович Элькин (1887–1972) — юрист, один из основателей берлинского издательства «Слово», и его жена Анна Александровна.

«Revue de Paris» («Ревю де Пари») — французский литературный журнал, основанный в 1829 г.

…«Король, дама, валет», но другого автора. — Возможно, имеется в виду пьеса в четырех актах Франсуа Порше (1877–1944) «Король, две дамы и один валет» (Париж: Иллюстрасьон, 1935).

Giraudoux — Жироду Жан (1882–1944) — французский писатель, эссеист, драматург и дипломат.

«Sainte-Hélène, petite île» — «Святая Елена, маленький остров» *(фр.).* Название романов М. А. Алданова (Париж: Поволоцкий, 1921) и Альберика Кауэ (Париж: Фаскель, 1922).

Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) — поэт и критик, брат Александра Оцупа (Сергея Горного).

…к Зайцевым… — Б. К. Зайцев и его жена Вера

Алексеевна (урожд. Орешникова; 1879–1965).

…Ремизов смертельно обижен на меня. — Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), писатель, художник и литературный критик. 14 ноября 1928 г. ВН опубликовал в «Руле» нелестную рецензию на его книгу «Звезда надзвездная».

Лоллий — Л. И. Львов.

Рахманинова — точнее, Т. С. Конюс, дочь композитора.

Чета Поль — Владимир Иванович Поль (1875–1962) — пианист и композитор, один из основателей и педагогов Русской консерватории в Париже, и его жена Анна Михайловна (урожд. Петрункевич, сценическое имя Ян-Рубан; 1890–1955) — певица. ВН познакомился с ними в крымской Гаспре, где жил с родителями в 1918–1919 гг. Владимир Поль попытался заинтересовать молодого поэта мистицизмом; поэтический цикл ВН «Ангелы» (1918) посвящен Полю (опубл. в сборнике «Горний путь» в 1923 г.; одно из стихотворений, «Архангелы», включено в сборник «Стихи» 1979 г.). В 1919 г. Поль положил на музыку стихотворение ВН «Дождь пролетел» (1917) (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 188; *Шаховская З. А.* В. П. Поль и «ангельские стихи» Вл. Набокова // Русский альманах / Под ред.

З. Шаховской, Рене Гера и Евгения Терновского. Париж, 1981).

Юле, бедной Раисе — Ю. Ю. Струве и Р. А. Татариновой.

Портновы — возможно, художник Михаил (Мишель) Портнов (1885–1978) и его жена.

…писал рассказ. — Либо какой-то незавершенный рассказ, либо начало рассказа «Адмиралтейская игла», замысел которого мог возникнуть из встреч с бывшей подругой ВН «Новотворцевой» (вернее, Ниной Новоторцевой) и ее писем (см. письма от 16 и 21 ноября 1932 г.). ВН перед отъездом из Парижа сообщал, что работает над рассказом, который мог быть «Адмиралтейской иглой» (см. письмо от 21 ноября 1932 г.).

Saurat — Сора, деревня во французском Арьеже, где ВН вместе с женой жил с конца апреля по конец июня 1929 г.

Рубанова — А. М. Поль (Ян-Рубан).

…очень горевала по поводу ушек. — Возможно, речь идет о Бонзо, лопоухой собачке, популярном персонаже комиксов в 1920-х гг. британского художника Джорджа Стадди (Suddy, 1878–1948). Культ Бонзо отразился в «Камере обскура», начинающейся с рассказа о популярности «Чипи», морской свинки из комиксов Роберта Горна.

Художник создал своего забавного зверька после того, как его знакомый физиолог посетовал на жестокость научных опытов над животными. См.: *Boyd B.* On the Original of Cheepy: Nabokov and Popular Culture Fads // The Nabokovian. 2009. № 63. P. 63–71.

дядя Женя — барон Евгений Александрович Рауш фон Траубенберг (1855–1923) — первый муж Н. Д. Коломейцевой, тети ВН.

Юрик — барон Георгий Евгеньевич Рауш фон Траубенберг (1897–1919) — сын Е. А. и Н. Д. Рауш фон Траубенберг, любимый двоюродный брат ВН, погибший в Гражданской войне (см. «Другие берега», гл. 10).

дочь Марии Васильевны — Мария Николаевна Оболенская (1914–1946) — дочь Марии Васильевны Рауш фон Траубенберг.

…сын Коки… — А. Н. Рауш фон Траубенберг.

Зёка — Г. И. Гессен.

126. 12 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…вторую главу романа. — Речь идет о еще не законченном «Отчаянии»: ВН редактировал последнюю часть романа.

«Хват». — Рассказ написан между 20 апреля и 5 мая 1932 г. (Сегодня. 1932. 2 и 3 октября; вошел в сборник «Соглядатай»).

…Ю. Ю. и тете Нине… — Юлии Юльевне Струве и Н. Д. Коломейцевой.

Лизавета — Лизбет Томпсон.

…не кончу рассказа ко вторнику. — Имеется в виду к литературному вечеру ВН.

Мума с мужем — М. С. и В. Е. Запольские.

старушка Тейш — сведения отсутствуют.

127. 14 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…на rue Chernoviz — Фондаминские жили по адресу: рю Черновиц, д. 1.

…до того места, где он приезжает из Праги… — Первая и часть второй главы «Отчаяния».

…там твердых знаков нет. — По-видимому, печатная машинка Фондаминских не имела дореволюционных литер, отмененных советской реформой правописания; некоторые эмигрантские издания начали отказываться от «ера» (ъ) на концах слов ради экономии места только к концу 30-х гг.

…на Сиверской… — Железнодорожная станция под Санкт-Петербургом, неподалеку от имения Набоковых.

…Люсиной сестрой… — Люсей называли первую возлюбленную ВН, Валентину Евгеньевну Шульгину (1900–1967), Тамару из «Других берегов», с которой он познакомился летом 1915 г. У нее было три сестры: Наталия, Анастасия и Ирина. После революции В. Е. Шульгина жила в Полтаве.

Кока — Н. Н. Рауш фон Траубенберг.

Мума — М. С. Запольская.

Прегель Софья Юльевна (1894–1972) — поэт.

Шайкевич Анатолий Ефимович (литературный псевдоним Аш; 1879–1947) — юрист, театровед, сценарист, музыкант, один из создателей Русского романтического театра в Берлине (1922–1926).

Гурджиев Георгий Иванович (1868? — 1949) — оккультист, психоаналитик, организатор выступавшего в Париже театра танца (сам писал музыку для спектаклей).

…распутинообразной личности… — ВН сравнивает Гурджиева с Григорием Ефимовичем Распутиным (1869–1916) — скандально знаменитым «старцем», лекарем и духовным советником Николая II и императрицы Александры Федоровны.

…от испанского художника. — То есть Франсиско Гойи (1746–1828).

Евреинова — Анна Александровна Кашина-Евреинова (1898–1981) — актриса, писательница.

«Je veux concevoir» — Заглавие романа «Хочу зачать» *(фр.)* Анны Кашиной (Евреиновой), опубликованного в Париже в 1930 г., содержит омофоническую двусмысленность, ибо созвучно «Je veux qu'on se voit» («Хочу, чтобы мы встретились»).

«Gringoire» — правая французская еженедельная газета, основанная в 1928 г., славилась своим литературным отделом. ВН тогда не знал о ее антисемитской направленности.

Плаксин Борис Николаевич (1880–1972) — юрист, мемуарист.

Билиг Юзя — сведения отсутствуют. См. также примеч. к письму от 5 апреля 1939 г.

тейглах — печенье с медом и орехами, которое пекут на еврейский праздник Рош Ха-Шана.

Александр Федорович — Керенский.

128. 16 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Пиши на адрес Фондов. — Т. е. на адрес Фондаминских, к которым ВН переехал от Раушей фон Траубенбергов 13 ноября.

бульвар Murat — бульвар Мюрат в 16 округе Парижа.

your letter — твое письмо *(англ.)*.

Саба — С. Г. Кянджунцев.

жентильомское пальто — т. е. джентльменское пальто (от *фр.* gentilhomme — дворянин, джентльмен).

Мережковские — Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

…смокинга ‹…› рубашки все того же происхождения. — С. Г. Кянджунцев одолжил ВН смокинг и шелковую рубашку.

Амалия — А. О. Фондаминская.

Веревкина — по словам В. Е. Набоковой, приятельница Набоковых в конце 1920-х гг. Иные сведения отсутствуют.

Сергей, Наташа, Ника — С. В., Н. А., Н. Д. Набоковы.

Рубинштейн Дмитрий Львович (1876–1936) —

финансист, юрист, меценат.

at home — дома, в домашней обстановке *(англ.)*.

«К музе». — Впервые: Руль. 1929. 24 сентября; включено в сборники «Стихотворения» (1952) и «Poems and Problems» (1971).

«Воздушный остров». — Впервые: Руль. 1929. 8 сентября; включено в сборник «Стихи» (1979).

«Окно». — Впервые: Неделя. 1930. 5 мая.

«Неродившемуся читателю» — стихотворение было опубликовано в «Руле» (1930. 7 февраля), впоследствии включено в сборник «Стихи» (1979) под названием «Будущему читателю».

«Первая любовь». — Впервые: Россия и славянство. 1930. 19 апреля; впоследствии включено в сборник «Стихи» (1979).

«Ангелочек» — возможно, речь идет о стихотворении «Сам треугольный, двукрылый, безногий…» (Последние новости. 1932. 8 сентября; включено в сборник «Стихи» 1979 г.).

«Вдохновенье, розовое небо…» — первая строка стихотворения «Вечер на пустыре» (опубл. без названия: Последние новости. 1932. 31 июля; включено в сборники «Стихи» (1979) и «Poems and Problems» (1971), где появилось посвящение В. Д. Набокову).

tackle — здесь: одолевать *(англ.)*.

…фалерской моей приятельницей Новотворцевой… — Возможно, Нина Васильевна Новоторцева (урожд. Дружинина, 1889 — после мая 1973) — актриса и писательница, жена Алексея Ивановича Новоторцева (1881–1963). В пригороде Афин Фалере (Фалироне) Набоковы останавливались ненадолго по пути из России в Англию в апреле 1919 г.

старик Август — Каминка.

à trois — втроем *(фр.)*.

Одна неизвестная мне еще дама… — Ольга Николаевна Ашберг (в первом браке Зубкова, 1888–1972), бывшая жена Улофа Ашберга (1877–1960) — шведского банкира еврейского происхождения, чьи родители были выходцами из России. Придерживаясь левых взглядов, Ашберг в 1920-е гг. оказывал финансовую помощь правительству большевиков. Видимо, ВН тогда не знал об источниках состояния Ашберга и о том, как тот его применял.

…в замке около По… — Предложение погостить в тех краях не могло не порадовать ВН: замком около По в Пиренеях раньше владел его дядя по матери В. И. Рукавишников («дядя Рука», 1872–1916).

Touch wood. — Постучи по дереву *(англ.)*.

…панихиду по жене Демидова. — Екатерина Юрьевна Демидова (урожд. Новосильцева, 1883–1931) — супруга И. П. Демидова, одного из редакторов «Последних новостей».

129. 18 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Берские — сведения отсутствуют.

«Café de la Paix» — знаменитое парижское «Кафе де ля Пэ» на площади Оперы, д. 5, основано в 1862 г.

Grasse, Saurat — Города на юго-востоке и юго-западе Франции. Грас в Приморских Альпах был популярен среди русских эмигрантов. Набоковы провели часть 1929 г. в Сора (Арьеже), где ВН писал и собирал бабочек.

Я напишу для нее оду, как делает Ника. — В 1928 г. композитор Н. Д. Набоков написал балет-ораторию «Ода», который С. П. Дягилев поставил в Париже.

130. 18 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

en question — о которой идет речь *(фр.)*.

Амалия — А. О. Фондаминская.

Пристроил «Соглядатая». Он выйдет в «Петрополисе» и «Современных Записках». — Эти планы не осуществились. Сборник «Соглядатай» вышел в 1938 г. в парижском издательстве «Русские записки». В него вошли повесть «Соглядатай» и рассказы «Обида», «Лебеда», «Terra Incognita», «Встреча», «Хват», «Занятой человек», «Музыка», «Пильграм», «Совершенство», «Случай из жизни», «Красавица», «Оповещение». В «Современных записках» отдельными изданиями вышли роман «Подвиг» (1932) и «Камера обскура» (1933). В «Петрополисе» в 1936 г. будет опубликован следующий роман ВН «Отчаяние».

Черток Лев — книготорговец и издатель, в 1921–1928 гг. один из ведущих сотрудников берлинского издательства «Грани»; также работал в издательстве «Дом книги» в Париже.

Шереметев Дмитрий Александрович (1885–1963) — граф, с 1922 г. масон, член ложи «Астрея», основатель ложи «Золотое руно», магистр ложи

«Северное сияние».

Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) — князь, политический деятель, в 1913–1916 гг. член ЦК кадетской партии, член Верховного совета русских масонов.

Кока — Н. Н. Рауш фон Траубенберг.

Дастакиан — деловой партнер Савелия Кянджунцева, иные сведения отсутствуют.

Соня Хени (1912–1969) — норвежка, чемпионка мира по фигурному катанию, впоследствии голливудская кинозвезда.

…как раздувался молодой Достоевский. — Речь идет о восторженных откликах на литературный дебют Достоевского — роман «Бедные люди» (1846).

Рецензию в «Последних новостях» написал Адамович! — Имеется в виду неподписанная рецензия Г. Адамовича: Вечер В. В. Сирина // Последние новости. 1932. 17 ноября. С. 3.

В «Возрождении» — <рецензия> Мандельштама. — См.: *М.* Вечер В. В. Сирина // Возрождение. 1932. 17 ноября. С. 4. Речь идет о Ю. В. Мандельштаме.

…is too good to be true. — слишком хороша, чтобы быть правдой *(англ.)*.

131. 21 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…с нашим пребыванием, в прошлом в Boulou и Saurat… — В 1929 г. в Ле-Булу и Сора ВН охотился на бабочек (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 339–341). См.: *VN.* Notes on the Lepidoptera of the Pyrénées Orientales and the Ariège // The Entomologist. 1931. № 64. P. 255–257; перепечатано: Nabokov's Butterflies. P. 126–134.

Voilà. — Вот так *(фр.)*.

Возьми ‹…› комнату ‹…› неподалеку от Анюты. — ВН просит жену снять им временное жилье в Берлине рядом с домом А. Л. Фейгиной.

…в «Последние новости» первую главу «Отчаяния»… — См.: Последние новости. 1932. 31 декабря. С. 2–3.

…рассказ, который здесь не успеваю докончить. — Видимо, речь идет об «Адмиралтейской игле» (опубл.: Последние новости. 1933. 4 июня. С. 3; 5 июня. С. 2).

Муж ее, швед, помер. — Ошибка ВН или намеренное искажение фактов вдовой: Улоф Ашберг дожил до 1960 г., но развелся с О. Н. Ашберг в середине 1920-х гг.

Perpignan — Перпиньян, город в Восточных Пиренеях.

дядя Вася — В. И. Рукавишников.

Отрывок из «Лужина» появится в одной газете… — Французский перевод из «Защиты Лужина». Публикация не найдена (возможно, не состоялась).

«К.Д.В.» — роман ВН «Король, дама, валет».

Саба — С. Г. Кянджунцев.

…через Струве, жену Петра Бернгардовича… — Антонина (Нина) Александровна Струве (урожд. Герд; 1868–1943).

Сергей — брат ВН.

132. 22 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

Куприны — А. И. Куприн и его жена Елизавета Морицовна Куприна (урожд. Гейнрих; 1882–1942).

…600 франков на «Подвиге»… — Речь идет об авторском гонораре от продаж «Подвига», опубликованного в издательстве «Современные записки» 6 ноября 1932 г.

…в переводной конторе Слонима. — Агентство по размещению иностранных переводов книг русских авторов (Европейское литературное бюро), рю Бонапарте 13, 6-й округ Парижа; основано Марком Слонимом.

…трехмесячный опцион на английский «К.Д.В.»… — Роман «Король, дама, валет» впервые вышел на английском языке лишь в 1968 г. в переводе Д. В. Набокова (King, Queen, Knave. New York: McGraw Hill).

…у Волконских. — Возможно, у Ирины Сергеевны Волконской (урожд. Рахманиновой).

petits jeux — салонные игры *(фр.)*.

Сергей — С. В. Набоков.

Соня — С. Е. Слоним, сестра Веры Евсеевны.

133. 25 ноября 1932 г

Расшифровка аудиозаписи.

…с Николаем на Feux croisés (*фр*. Перекрестный огонь) — ВН и Н. Д. Набоковы посетили одну из лекций, организованных Габриэлем Марселем по аналогии с международной книжной серией с тем же названием, которую он составлял для парижского издательства «Плон». См. письма от 5 февраля и 4 марта 1937 г.

Ю.<лия> Ю.<льевна> — Струве, жена Глеба Петровича.

Алексей Петрович — А. П. Струве (1899–1976) — библиограф, антиквар, брат Г. П. Струве.

Катуар — жена А. П. Струве, Екатерина Андреевна (урожд. Катуар; 1896–1978).

en route — по дороге *(фр.)*.

Сергея — С. В. Набокова.

gaga — страдающий старческим слабоумием *(фр., англ.)*.

Киса — Ксения Александровна Куприна (сценический псевдоним Кисса Куприна; 1908–1981) — актриса и художница; в 1958 г. вернулась в СССР, участвовала в организации музея Куприна в Наровчате.

134. 22 января 1936 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

…наш щеночек? — Сын Набоковых Дмитрий Владимирович (1934–2012). Его рождение и младенчество описаны в «Других берегах» (гл. 14).

Pen-Club — ПЕН-клуб, международная правозащитная ассоциация писателей и журналистов, учрежденная в 1921 г. в Лондоне. Английское слово «PEN» (ручка) представляет собой аббревиатуру слов poet (поэт), essayist (эссеист) и novelist (романист).

135. Ок. 24 января 1936 г

Письмо без конверта; В. Е. Набокова позднее добавила: «ок. 2–i–36», однако это письмо явно написано после предыдущего.

…заодно со мной «чествовали»… — Литературный вечер в Бельгийском ПЕН-клубе в Брюсселе, упомянутый в предыдущем письме.

Элли — видимо, няня Дмитрия Набокова, на тот момент беременная (см. письмо от 21 февраля 1936 г.).

P.<aul> de Reul — Поль де Рёль (1871–1945) — профессор английской литературы в Брюссельском университете, литературовед, критик.

…книгу которого о Swinburne… — *Reul P. de.* L'œuvre de Swinburne. Bruxelles: R. Sand, 1922. Суинберн Алджернон Чарльз (1837–1909) — английский поэт.

Магда — М. Нахман-Ачария, художница, приятельница ВН.

René Meurant — Рене Меран (1905–1977) — поэт, переводчик.

Charles Plisnier — Шарль Плизнье (1896–1952) — бельгийский писатель, марксист.

Paul Fierens — Поль Фиренц (1895–1957) — ис-

кусствовед и критик, преподаватель Льежского университета, поэт; с 1945 г. главный хранитель Королевского художественного музея в Брюсселе.

«Gringoire» — еженедельный литературно-политический журнал «Грингуар». См. письмо от 14 ноября 1932 г.

Franz Hellens — Франц Элленс — бельгийский писатель, поэт и критик, с которым ВН должен был встретиться в Париже еще в 1932 г., но тогда встреча не состоялась.

Зак Лев (Леон) Васильевич (литературные псевдонимы — Хрисанф, М. Россиянский; 1892–1980) — художник и поэт, теоретик и идеолог кубофутуризма.

…жена Фиренца Одетта… — Одетт Фиренц (урожд. Марийе, 1896–1980).

Mme Roland — Манон Ролан (Мари-Жанна Флипон; 1754–1793), как и ее муж, Жан-Мари Ролан де ла Платьер, примыкала к жирондистам и поддержала Французскую революцию. Казнена во время Якобинского террора.

«Liberté, quelles crimes…» — «Свобода, какие преступления…» *(фр.)* Мадам Ролан прославилась тем, что, взойдя на гильотину, воскликнула: «О свобода, какие преступления совершаются

во имя твое!»

Brisson — Жак (Жан) Пьер Бриссо (1754–1793) — один из лидеров жирондистов.

Зак же оказался братом… проф. Франка… — Семен Людвигович Франк (1877–1950) — философ, богослов, психолог. После смерти отца Франка его мать вышла замуж за Цалеля (Василия) Ициковича Зака; от этого брака родился Л. В. Зак.

il à cinq ans — ou plus? — ему лет пять — или больше? *(фр.)* На самом деле Дмитрию исполнился год и восемь месяцев.

Bois — лес *(фр.)*.

«Mlle O» — Воспоминания ВН о его французской гувернантке — первое художественное произведение, написанное им полностью по-французски (опубл.: Mesures. 1936. April 15. № 2. С. 145–172).

«C. O.» — «Камера обскура» на французском в переводе Дуси Эргаз (Chambre Obscure. Paris: Grasset, 1934).

«Course du F.<ou>» — «Защита Лужина», переведенная на французский Дени Рошем (La Course du Fou. Paris: Fayard, 1934).

Гарбо Грета (1905–1990) — знаменитая шведская киноактриса.

c'est tellement typique. — как это типично *(фр.)*.

Кирилл — К. В. Набоков, самый младший брат

ВН, на тот момент учившийся в Лувене.

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

…о барышнях Пельтенбург. — Вера и Леонора, дочери Лео Пельтенбурга, голландского делового партнера Е. Л. Слонима; ВН с женой активно сватали их знакомым.

В Пнях была заметка… — Так ВН называл газету «Последние новости».

…муж Святослав… — Святослав Святославович Малевский-Малевич (1905–1973) — бизнесмен, дипломат, художник.

…Светик (что мне странно произносить, правда?)… — Так же называли невесту ВН Светлану Зиверт, которая порвала с ним по настоянию родителей в январе 1923 г.

…тоже тенишевец… — Выпускник Тенишевского училища в Санкт-Петербурге, как и ВН.

en sursaut — подскочив *(фр.)*.

…Вот если бы мама… — Княгиня Анна Леонидовна Шаховская (урожд. Книнен, 1872–1963).

«Якорь» — антология русской эмигрантской поэзии под редакцией Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора (Берлин: Петрополис, 1936). Репринтное издание вышло под редакцией О. Коростелева, Л. Магаротто и А. Устинова (СПб.: Алетейя, 2005).

…моя «Mlle» — Речь идет о чтении воспоми-

наний ВН «Мадмуазель О» (см. «Другие берега», гл. 5).

Александр Яковлевич — сведения отсутствуют.

136. 27 января 1936 г

Моруа Андре (1885–1967) — популярный французский писатель, автор романизированных биографий, которые ВН высмеивает — в частности, в «Даре».

…премьеру фильмы <об> Анне Павловой… — Павлова Анна Матвеевна (1881–1931) — всемирно известная звезда русского балета. Документальный фильм о ней, «The Immortal Swan» («Бессмертный лебедь», 1935), режиссера Эдварда Нахимова, снятый под руководством гражданского мужа балерины барона В. Э. Дандре (1872–1944), вышел на экраны 23 января 1936 г. (*Янгиров Р.* «Рабы немого». Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом 1920–1930-е годы. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» — Русский путь, 2007. С. 340). В Париже состоялся показ для журналистов и писателей (*Волконский С.* Анна Павлова. Фильм «Бессмертный лебедь» // Последние новости. 1936. 23 февраля). Набоков был знаком с Анной Павловой в Лондоне в 1919 г. и однажды на балу танцевал с ней фокстрот (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 197).

Французский вечер… — В Доме искусств в Брюс-

селе (авеню Луиз, д. 185).

Рильке Райнер Мария (1875–1926) — рожденный в Праге австрийский поэт-модернист, писавший по-немецки, по-французски и по-русски. Позднее Набоков отнесет его к «карликам или гипсовым святым» (*Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, 2015. С. 330).

…вчера был русский вечер… — 26 января ВН выступал в Русском еврейском клубе Бельгии в Брюсселе (рю де ла Конкорд, д. 65).

«Приглашение» — роман ВН «Приглашение на казнь», написанный в июне — декабре 1934 г.; печатался в «Современных записках» (1935. № 58–59; 1936. № 60); отдельным изданием вышел в 1938 г. в парижском издательстве «Дом книги».

Элеонора — Пельтенбург.

faisait de son mieux — делает все, что может *(фр.)*.

Ауэрбах — сведения отсутствуют.

Базилевская — возможно, Наталья Петровна Базилевская (урожд. Врангель, 1913–2013), жена Алексея Георгиевича (Юрьевича) Базилевского (1910–1974), либо жена Петра Георгиевича Базилевского (1913–1993) — агронома и энтомолога.

Ильяшенко — возможно, Владимир Степанович Ильяшенко (1887–1970) — поэт.

Каплан — возможно, Сергей Каплан, бывший берлинский ученик ВН.

Энтхофен — точнее, Эйндховен, город в провинции Северный Брабант, Нидерланды.

Щербатовы — князь Павел Борисович Щербатов (1871–1951) — адъютант Николая II, и его жена Анна Владимировна (урожд. Барятинская, 1879–1942), которые обосновались в Брюсселе. Анна Павловна Щербатова (1909–2010) — одна из восьми их детей, в 1929 г. вышла замуж за двоюродного брата ВН Сергея Сергеевича Набокова (1902–1998).

Сергей — здесь и ниже: Сергей Сергеевич Набоков, двоюродный брат ВН.

…мальчик есть у Сергея… — Николас (Николай Сергеевич) Набоков (1929–1985).

Maison d'Art<s> — Шато Эненс Терлинден в Брюсселе, известное как Дом искусств.

…Семен Людвиговичей. — С этого момента ВН шифрует сообщения о своих доходах за пределами Германии, делая это из опасения, что письма перлюстрируются, и стараясь избежать возможных штрафов за неуплату налогов. Бельгийский франк становится «Семеном Людвиговичем Франком» — философом и богословом, упомянутым в предыдущем письме.

Masui — Жак Мазюи (1909–1975) — французский писатель, издатель.

Граун Карл Генрих (1704–1759) — немецкий композитор, известный своими итальянскими операми: «Этот мой предок, Карл-Генрих Граун ‹…› талантливый карьерист, автор известной оратории» («Другие берега», гл. 3).

…генеалогические штучки. — Двоюродный брат ВН С. С. Набоков был страстным исследователем семейной генеалогии. Он предоставил многочисленные сведения для автобиографии, которую ВН издал в 1951 г., и ее переработанного варианта 1966 г.

…атмосфера «Войны и мира». — В «Войне и мире» (1863–1869) Л. Н. Толстого упомянута кулебяка, которую едят на именинах Наташи Ростовой (т. 1, ч. 1, гл. 15).

On a beaucoup admiré… — Были сильно восхищены *(фр.)*.

Très svietski. — Очень по-светски *(фр. — рус.)*. ВН пародирует речь русского аристократа XIX в.

«Отчаяние» — роман печатался в «Современных записках» (1934. № 54–56), отдельное издание увидело свет 20 февраля 1936 г. (Берлин: Петрополис).

I did my best… — Я старался изо всех сил *(англ.)*.

Кулишер — по всей видимости, А. М. Кулишер, упомянутый в письме от 3 ноября 1932 г.

Регина — сведения отсутствуют.

au dire de Zina. — по словам Зины *(фр.)* — З. А. Малевской-Малевич (Шаховской).

Ника — Н. Д. Набоков.

137. 30 января 1936 г

Long — «Джон Лонг», подразделение лондонского издательства «Hutchinson», в котором в январе 1936 г. (в книге указан 1935 г.) вышла «Камера обскура» в переводе Уинифред Рой (так ее имя указано в книге, Д. Б. Джонсон установил, что ее настоящая фамилия Рэй), а в 1937 г. выйдет «Отчаяние» («Despair») в переводе самого ВН.

…на антверпенском чтении. — Чтение для Русского кружка проходило в Антверпене 27 января 1936 г. в «Брассери де ла бурс» (рю де Дуз Муа, д. 19).

…двести пятьдесят бельгийских страниц… — ВН имеет в виду 250 франков, заработанных в Бельгии.

Пумпянский Леонид Моисеевич (1889–1942) — социал-демократ, экономист, журналист.

…Элленса. Он женат на русской еврейке… — Франц Элленс был женат на Марии Марковне Элленс (урожд. Милославской; 1893–1947).

Жалу Эдмон (1878–1939) — французский критик и эссеист.

not that I want it. — не то чтобы мне хотелось этого *(англ.)*.

Paulhan — Жан Полан.

au dire de — по словам *(фр.)*.

du Boz — Шарль дю Бос (Bos; 1882–1939) — французский критик и эссеист.

«Thyrse» — «Тирса: обзор искусств и литературы», французский журнал, выходивший в Брюсселе в 1899–1944 гг.

une occasion comme celle çi ne se presentera jamáis plus — такой случай больше никогда не представится *(фр.)*.

Le plaa — сведения отсутствуют.

клуб — Русский еврейский клуб в Бельгии.

qui commence à m'agacer — которая начинает меня раздражать *(фр.)*.

Барятинский Владимир Владимирович (1874–1941) — князь, журналист, драматург, политический обозреватель, брат Анны Владимировны Щербатовой (урожд. Барятинской) и дядя Анны Павловны Набоковой (урожд. Щербатовой), жены двоюродного брата ВН С. С. Набокова.

Gare du Nord — Северный вокзал в Париже.

av.<enue> de Versailles — ВН останавливался в квартире И. И. Фондаминского (авеню де Версаль, д. 130), где также проживал В. М. Зензинов.

Пни совершенно непристойно печатают в объявлении меня большими буквами, а Ходасевича

маленькими. — Имеется в виду газетное объявление в «Последних новостях» о совместном литературном вечере ВН и В. Ходасевича 8 февраля 1936 г., в котором имена двух участников должны были быть, конечно, равного размера.

Илюша — И. И. Фондаминский.

…историю болезни А.<малии> О.<сиповны> — А. О. Фондаминская в 1935 г. умерла от туберкулеза.

…к Корнилову — ресторан такой. — Ресторан «У Корнилова» находился в 17-м округе Парижа (рю д'Армайе, д. 6).

…как сын у него шестилетний умер. — В 1898 г. в Одессе Бунин женился на Анне Николаевне Цакни (1879–1963). Их единственный сын Николай умер от менингита в возрасте пяти лет. Летом 1918 г. Бунин и его вторая, тогда еще гражданская, жена Вера Николаевна Муромцева (они поженились в 1922 г.) уехали из Москвы в Одессу, которая была оккупирована австрийцами. В 1919 г., когда власть в городе переходила из рук в руки, они пережили там все ужасы и голод Гражданской войны. Бунин описал свои одесские впечатления в книге «Окаянные дни» (Париж: Возрождение, 1926).

…«Мити Шаховского» (отца Иоанна) ‹…› «Митиной любви». — К 1936 г. Дмитрий Алексеевич

Шаховской (отец Иоанн), брат Зинаиды Шаховской, уже десять лет был православным священником во Франции и Германии; в мае 1937 г. он станет архимандритом. Рассказ Бунина «Митина любовь» написан в 1924 г.

138. 2 февраля 1936 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…два «Отчаяния»… — Экземпляры романа «Отчаяние» (Берлин: Петрополис, 1936).

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

Калашников — Михаил Калашников, с которым ВН делил студенческие апартаменты в начале своей учебы в Тринити-колледже (1919–1920); потом, вплоть до 1922 г., они вместе снимали в Кембридже жилье. В 1921 г. Калашников, мать которого Варвара Евгеньевна (в девичестве Баниолесси) была сестрой Клавдии Евгеньевны Зиверт, познакомил ВН со своей двоюродной сестрой С. Р. Зиверт. В следующем году Светлана стала невестой ВН. Впоследствии ВН с неловкостью вспоминал о дружбе с человеком, которого стал считать пошлым и бездуховным.

…мою фильму («Hôtel Magique»)… — «Волшебная гостиница» *(фр.).* Сценарий не был написан.

Шифрин Семен (Симон) Савельевич (1894–1985) — инженер, фильмовый продюсер, управляющий киностудией «Франс либре», совладелец киностудии «Гранд продуксьон синематографик», с 1928 г. директор «Секвана-фильм».

Игорь — возможно, Игорь Платонович Демидов.

Матусевич Иосиф Александрович (1879–1940?) — художник, прозаик, драматург, член редколлегии «Последних новостей».

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) — историк, философ, переводчик, один из издателей (совместно со Степуном и Фондаминским) парижского журнала «Новый град».

Послано ли «Отчаяние», в Пни… — То есть главы из романа в газету «Последние новости».

Зельдовичи — переводчица Берта Григорьевна Зельдович (1882–1943) и кто-то из ее близких.

…с далями? — Скорее всего, имеется в виду принадлежавший ВН четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866, 1880) В. И. Даля (1801–1872).

Гиршфельд — сведения отсутствуют.

Пескин Матвей Абрамович (1887–1952) — бывший меньшевик, бизнесмен, владелец парижского книжного магазина «Молитор».

…Зеке ‹…› старика… — Г. И. Гессен и его отец И. В. Гессен.

Сарра — Сара Яковлевна Гессен, первая жена Г. И. Гессена.

Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) — та-

лантливый молодой поэт, чья смерть от отравления наркотическим веществом широко обсуждалась в то время. ВН впоследствии упрекал себя за то, что «слишком придирался к ученическим недостаткам Поплавского и недооценил его обаятельных достоинств» («Другие берега», гл. 13).

merde — дерьмо (ругательство) *(фр.)*.

«It is me» (англ. «Это я») — одно из рабочих названий автобиографии ВН, которую он уже тогда сочинял по-английски. До сих пор неясно, в каком объеме эти ранние зарисовки вошли в автобиографические очерки, которые ВН публиковал в журнале «Нью-Йоркер» и других периодических изданиях в конце 1940-х — начале 1950-х гг., а потом издал отдельной книгой под заголовками «Убедительное доказательство» (Conclusive Evidence. New York: Harper and Brothers, 1951) и «Память, говори» (Speak, Memory. London: Victor Gollancz, 1951). В авторском переводе на русский язык автобиография впервые вышла в 1954 г. (Другие берега. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова).

Ты уже послала «Despair»? — Имеется в виду машинописная копия авторского перевода романа «Отчаяние» на английский, которую нужно было послать в издательство «Джон Лонг» (см. письмо

от 4 февраля 1936 г.).

Анюточка — А. Л. Фейгина.

139. 3 февраля 1936 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…об идиотической затее Каплана… — Речь идет о попытке организовать вечер ВН в Эйндховене (см. письмо от 27 января 1936 г.).

…у Раисы… — Добавлено позднее рукой Веры Евсеевны: «Абр[амовна] Татаринова (Тарр)».

dédommagement — возмещение *(фр.)* — имеются в виду расходы на проживание у З. А. Малевской-Малевич (Шаховской).

…критикам обоим… — Видимо, имеются в виду Г. Адамович из «Последних новостей» и В. Ходасевич из «Возрождения».

Феликс — сведения отсутствуют.

Бобби — граф Роберт де Калри, кембриджский приятель ВН.

…как достать мои книги, о которых читал в «N. Y. Times»… — Имеются в виду «Камера обскура» и «Отчаяние» — о них написал Александр Назаров (см.: *Nazaroff A.* New Russian Books in Varied Fields // New York Times Book Review. 1933. 17 December. P. 8, 20; *Nazaroff A.* Recent Books by Russian Writers // New York Times Book Review. 1935. 18 August. P. 8, 18). Обе рецензии вышли

в связи с публикацией романов в «Современных записках».

Граббе Елизавета Николаевна (1893–1982) — графиня, была замужем за князем Сергеем Сергеевичем Белосельским-Белозерским (1895–1978, поженились в 1916 г.).

Татьяна — Татьяна Романовна Зиверт (в замужестве фон Курсель, 1901–1978), сестра С. Р. Зиверт, двоюродная сестра М. Калашникова.

Claude Farrère (Клод Фаррер) — литературный псевдоним Фредерика Шарля Эдуара Баргона (1876–1957) — писателя, лауреата Гонкуровской премии 1905 г., чьи произведения были в моде недолго.

…к Ходасевичу ‹…› жена… — Ольга Борисовна Марголина (1890? — 1942), в 1933 г. ставшая четвертой женой В. Ходасевича.

Зайцевы — Борис Константинович Зайцев и его жена Вера Алексеевна.

«Приглашение» — роман ВН «Приглашение на казнь».

Ил.<ьей> Ис.<идоровичем> — Фондаминским.

«Красавица», *«Случай из жизни»*, *«Оповещение»* — впервые: Красавица // Последние новости. 1934. 18 августа. С. 3; Случай из жизни // Последние новости. 1935. 22 сентября. С. 3; Оповещение

// Последние новости. 1934. 8 апреля. С. 2. Все три рассказа вошли в сборник «Соглядатай».

…на вечер Ходасевича… — Совместное выступление ВН и Ходасевича 8 февраля.

мать Мария. — Е. Ю. Скобцова. ВН познакомился с ней в 1932 г. См. примеч. к письму от 2 ноября 1932 г.

and the implication — и подоплеку *(англ.)*.

…Зёке ‹…› у Вавы — Владимир Иосифович Гессен (1901–1982) — писатель, мемуарист, сын И. В. Гессена и брат Г. И. Гессена (Зёки).

…снимают все голых… — Жена В. И. Гессена занималась фотографией и имела в Берлине ателье. Когда Гессены переехали из Берлина в Париж, где не могли получить разрешения на работу, они занялись тем же: «открыли в квартире ателье» (*Гессен В. И.* В борьбе за жизнь (Записки эмигранта): Петербург — Берлин — Париж — Нью-Йорк. Нью-Йорк: Rausen Publishers, 1974. С. 59).

140. 4 февраля 1936 г

…послать перевод… — т. е. авторский перевод романа «Отчаяние» на английский.

…«compared with» на «compared to»… — Compare — сравнивать. Речь идет о принятом словоупотреблении этого английского глагола с предлогами (оба варианта грамматически корректны, но несут различные смысловые акценты).

Douglas — английский писатель Норман Дуглас (1868–1952). ВН высоко ценил его роман «Южный ветер» (1917).

reviser — редактор текста *(англ.)*.

Marcel — позже рукой ВН перед «Marcel» вписано «Gabriel», после — «философ». Это может означать, что письмо было показано Эндрю Филду в январе 1971 г., когда он работал над книгой о ВН (*Field A.* Nabokov: His Life in Part. New York: Viking, 1977).

as soon as possible — как можно скорее *(англ.)*.

Альта Грация — Альтаграция де Жанелли, американский литературный агент ВН. Вскоре он начнет обыгрывать ее имя, называя Старой Грацией (см. письмо от 20 марта 1937 г.).

Б.<ерту> Г.<ригорьевну> — Зельдович.

«Editeur Reunis». — Не издательский консорциум «Эдитёр Реюни», издававший бестселлеры, а преуспевающий русский книжный магазин в Париже, который тоже занимался издательской деятельностью.

Парчевский Константин Константинович (1891–1945) — юрист, политический обозреватель, журналист.

…собрание поэтов… — заседание объединения «Круг», основанного И. И. Фондаминским в 1935 г.

Бердяев Николай Александрович (1874–1978) — философ. Страдал нервным тиком, отчего его рот кривился, обнажая язык.

Алферов Анатолий Владимирович (1903–1954) — писатель, литературный критик.

Софиев (Бек-Софиев) Юрий Борисович (1899–1975) — поэт.

Шаршун Сергей Иванович (литературный псевдоним В. Мирный; 1888–1975) — художник-дадаист, писатель.

Яновский Василий Семенович (1906–1989) — писатель, врач. Яновский подробно описал обстановку квартиры Фондаминского и заседания «Круга» в книге воспоминаний «Поля

Елисейские» (Нью-Йорк: Серебряный век, 1983).

enfant terrible — несносный ребенок; человек, не стесняющий себя светскими правилами и приличиями *(фр.)*.

Червинская Лидия Давыдовна (1907? — 1988) — писатель, поэт, литературный критик.

гепнеровидный — то есть похожий на юриста, историка и социолога Гепнера Бенно (Бруно) Павловича (1899 –?).

…пушкинская няня… — Арина Родионовна Матвеева (урожд. Яковлева; 1758–1828).

Илья — И. И. Фондаминский.

«Мысль изреченная есть ложь…» — строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» (ок. 1825–1829), которое ВН в 1941–1943 гг. перевел на английский язык.

141. 6 февраля 1936 г

…с faux-airом… — от *фр.* un faux air — отдаленное, обманчивое сходство.

allécheé — очарован *(фр.)*.

…эпиграфом к «Приглашению». — Эпиграф на французском, поэтому Марсель мог его прочитать: «Comme un fou se croit Dieu, nous nous croyons mortels» («Как безумец полагает, что он Бог, мы полагаем, что мы смертные»). Приписан выдуманному ВН философу Пьеру Делаланду и якобы взят из его трактата «Рассуждение о тенях».

«Despair» — «Отчаяние» *(англ.)*.

том «Oeuvres libres» — с опубликованным в нем «Соглядатаем» в переводе Д. Роша (L'aguet: nouvelle inédite / Trans. D. Roche // Oeuvres libres. 1935. № 164).

адрес Софы — С. Е. Слоним, сестры В. Е. Набоковой.

Нина — Берберова.

Plus belle — osait-on dire. — Еще красивее, осмелюсь сказать *(фр.)*. Из стихотворения одного из любимых французских поэтов Набокова Альфреда де Мюссе (1810–1857) «Souvenir» (1841): «Oui, jeune et belle encore, plus belle, osait-on dire»

(«Да, она снова молода и красива, еще красивее, осмелюсь сказать»).

genre — в роде *(фр.)*.

…она пишет жизнь «Чайковского»… — Роман Н. Берберовой о композиторе П. И. Чайковском (1840–1893) «Чайковский, история одинокой жизни» был опубликован в 1936 г. берлинским издательством «Петрополис».

Макеев Николай Васильевич (1888–1973) — эсер, журналист, художник, философ, историк. Был женат первым браком на Рахили Григорьевне (Гиршевне) Гинцберг (1885–1957), бывшей жене М. А. Осоргина.

après midi — послеполуденное время *(фр.)*.

Le Cerf — Фердинанд ле Серф (1881–1945) — ведущий французский лепидоптеролог, работал в парижском Национальном естественно-научном музее. Этой фамилией Набоков вскоре наделит героиню романа «Истинная жизнь Севастьяна Найта» (1939) мадам Лесерф.

Chapman — Томас Алгернон Чапман (1842–1921) — британский врач, биолог, лепидоптеролог.

Micropteryx — род первичных зубатых молей с функциональными челюстями, отличающими их от всех прочих мелких бабочек, имеющих

хоботок; более не использующийся синоним исходного названия Micropterix, предложенного Зеллером в 1839 г.

Ornithoptera — род крупных дневных тропических бабочек (из семейства парусников), обитающих в Индии, Юго-Восточной Азии и Австралии.

румина — зеринтия испанская (Zerynthia rumina), дневная бабочка из семейства парусников.

мелитэя — род бабочек-шашечниц из семейства нимфалид.

Parnassius — род бабочек из семейства парусников.

…Кардаков в Далеме. — В 1934 г. Н. И. Кардаков возглавил отдел чешуекрылых в Немецком энтомологическом институте в Далеме, юго-западном районе Берлина.

Обертюр Шарль (1845–1924) — французский лепидоптеролог, с которым в «Даре» «сотрудничал» вымышленный ВН ученый — отец Федора Годунова-Чердынцева.

старик — И. В. Гессен.

Haskell — Арнольд Гаскелль (1903–1980) — театральный и балетный критик.

Губский Николай Михайлович (1889? — 1971) —

писатель, бывший лицеист, автор романов из русской жизни на английском языке.

Malcolm Burr — Малькольм Бэр (1878–1954) — писатель, переводчик, энтомолог.

Галина — Галина Николаевна Петрова (урожд. Кузнецова; 1900–1976) — поэт, переводчик, мемуарист, возлюбленная Бунина. С 1927 по 1942 г. периодически жила с Буниными в Грассе в Приморских Альпах.

…с Раисой у Marcel'a. — С Р. А. Татариновой у Габриэля Марселя.

Коломейцевы — семья Н. Д. Коломейцевой, тети ВН.

Грунелиус — возможно, Александр Грюнелиус. ВН с женой вместе с Николаем и Наталией Набоковыми отдыхали в доме Грюнелиусов в Кольбсхайме в 1932 г.

au courant — в курсе *(фр.)*.

Лэон — Павел (Поль) Леопольдович Леон (1893–1942) — юрист, литературовед, секретарь Джеймса Джойса; муж Люси (Елизаветы Матвеевны) Леон Ноэль (урожд. Понизовской; 1900–1972), сестры Александра Матвеевича Понизовского (1901–1943), кембриджского приятеля ВН. В 1939 г. Люси Леон Ноэль помогала ВН редактировать «Истинную жизнь Севастьяна Найта», первый

роман, написанный им по-английски.

142. 8 февраля 1936 г

Люся — И. Л. Фейгин.

Софа — С. Е. Слоним.

requirements — требования *(англ.)*.

…как тогда в Марселе… — Имеется в виду убийство короля Югославии Александра I (1888–1934) в Марселе 9 октября 1934 г. Сын Александра, принц Петр (1923–1970, впоследствии король Югославии Петр II), унаследовал трон в одиннадцатилетнем возрасте. Регентом при нем (1934–1941) был назначен двоюродный брат Александра, принц Павел.

et tout ce qui s'ensuit — и все, что из этого вытекает *(фр.)*.

Зека — Георгий Гессен, жил в Париже, но в этот момент находился в Берлине.

do you see my point <?> — понимаешь ли ты мою мысль? *(англ.)*.

Слоним — М. Л. Слоним, который возглавлял Европейское литературное бюро в Париже. См. письмо от 22 ноября 1932 г.

Уоллос — сведения отсутствуют.

Melo du D'y — Робер Мело дю Ди (Mélot du Dy, 1891–1956) — бельгийский поэт и прозаик, кол-

лега Элленса.

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

Mme Bataud — сведения отсутствуют.

Зин-Зин и Николай — коты Фондаминского, один из которых назван в честь нашедшего его В. Зензинова.

Елена Александровна — возможно, Елена Александровна Пельцер (урожд. Ковалева; 1898–1983), близкая знакомая Фондаминских. В апреле 1937 г. ВН диктовал ей «в машинку» некоторые свои произведения.

I've been dreaming of you, my darling. — Ты мне снилась, моя душенька *(англ.)*.

Старик ‹…› свои мемуары. — Речь идет о И. В. Гессене, мемуары которого были опубликованы лишь посмертно: *Гессен И. В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж: YMCA, 1979.

143. 10 февраля 1936 г

…пришли мне «Despair»… — машинописную копию английского перевода «Отчаяния».

Глеб — Г. П. Струве.

très catholique — убежденный католик *(фр.)*.

Вечер же… — Совместный вечер ВН и В. Ходасевича 8 февраля 1936 г. на рю Лас Каз.

…читал он очаровательную вещь… — Ходасевич читал «Жизнь Василия Травникова» — литературную мистификацию, посвященную жизни и творчеству вымышленного русского поэта XIX в. Статья была опубликована: Возрождение. 1936. 13, 20, 27 февраля.

qui m'a fait un compliment du pédéraste — который отвесил мне комплимент педераста *(фр.)*.

«Terra Incognita». — Впервые: Последние новости. 1931. 22 ноября. С. 2–3; впоследствии рассказ вошел в сборник «Соглядатай».

treat — лакомство, удовольствие *(англ.)*.

Старец — И. В. Гессен.

«Les Fontaines» — Кафе «Ле Фонтэн» на авеню де Версаль, д. 219, неподалеку от квартиры И. И. Фондаминского, где остановился ВН.

Ça m'a fait rêver. — Казалось, мне это снится

(фр.).

…дайте ему ваш перстень. — Взывая к Бунину, Алданов имел в виду экзамен в Лицее в 1815 г., когда Пушкин в присутствии Г. Р. Державина прочитал «Воспоминания в Царском Селе» и Державин объявил Пушкина следующим великим русским поэтом: «Державин, выслушав это произведение ‹…› растроганный, сказал: “я не умер” и хотел обнять своего преемника» (*Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. № 8. С. 370). Согласно распространенной легенде, старик подарил лицеисту свой перстень. Пушкин в своих воспоминаниях о перстне не упоминает (*Пушкин А.* С. Державин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 7. С. 274–275).

…эй, поляк. — Отец Ходасевича был поляком.

Ля Сказ — вечер проходил в зале на рю Лас Каз, которую, не удержавшись от каламбура, ВН поспешил представить чем-то сказочным.

«sans rancune» — без горечи *(фр.)*.

Денис — Переводчик ВН на французский Д. Рош.

В. — Сведения отсутствуют.

Лоллий — Лоллий Львов.

Фондик — И. И. Фондаминский.

Heath — «A. M. Heath & Co.», лондонское литературное агентство.

Берта — Зельдович.

Анна — сведения отсутствуют.

144. 13 февраля 1936 г

elder-bush — точнее, elder — бузина *(англ.)*. Первая часть этого составного существительного была прочитана Верой Евсеевной как сравнительное прилагательное «старше». По-видимому, речь идет о переводе первой главы «Отчаяния» («Среди низкорослых буков и бузины вилась вверх зигзагами ступенчатая тропинка»).

au plus tard — самое позднее *(фр.)*.

…по десять бельгийских Семенов Людвиговичей… — То есть по десять бельгийских франков каждый.

Григорий Абрамович — подставное лицо, придуманное ВН для тайной передачи жене сведений о заработках во Франции.

Раиса — Р. А. Татаринова.

Дуся — Эргаз.

«Общество Северян» — «Общество Северян и Сибиряков Великобритании» — самое влиятельное сообщество русских эмигрантов в Англии, было основано в 1926 г. Издавало газету «Русский в Англии», в которой вскоре появится статья Глеба Струве о ВН (О Сирине // Русский в Англии. 1936. 15 мая. С. 3).

Люся — И. Л. Фейгин.

…я передам ‹…› «Despair»… — Имеется в виду машинописная копия романа, переведенного ВН на английский.

tu va te tuer, Edmond — ты убьешься, Эдмон *(фр.)*.

Конверсация — от *фр.* или *англ.* conversation — беседа.

Берта Григор.<*ьевна*> — Зельдович.

too much of the good thing — немного слишком хорошо *(англ.)*.

Варшавский — критик В. С. Варшавский.

Стендаль — литературный псевдоним Мари-Анри Бейля (1783–1842), французского писателя, которого ВН не любил.

Сатраих — бывшая жена Марка Слонима Сюзанна Кампо (1904 –?).

…у Вавы ‹…› старик — в гостях у В. И. Гессена, чей отец, И. В. Гессен, тогда проживал в Берлине.

Фальковский — юрист и журналист Е. А. Фальковский, с которым ВН познакомился в 1920-е гг. в Берлине. В 1938 г. Фальковский перебрался в Париж, где стал сотрудником Русского эмигрантского комитета под председательством В. А. Маклакова.

Пишу четыре, *нет, даже* пять *сценариев*

для Шифр.<ина>… — По-видимому, эти сочинения (или планы сочинений) не сохранились.

«Aguet» — «Соглядатай» на французском.

Ева — Ева Ефимовна Лютьенс (урожд. Любржинская; 1894–1963), бывшая возлюбленная ВН. Они встречались в Петербурге в 1917 г. и в Лондоне в 1919 г.

146. 17 февраля 1936 г

S. Ridel — сведения отсутствуют.

«Stock» — издательство, основанное в Париже в 1708 г.

«Pilgram» и «Aguet» — перевод на французский «Пильграма», выполненный М. Слонимом и С. Кампо, и «Соглядатая», выполненный Д. Рошем. «L'aguet» был опубликован в журнале «Oeuvres libres» (см. примеч. к письму от 6 февраля 1936 г.). Сведений о публикации рассказа «Pilgram» во французских журналах этого периода нет.

…послать королю… — королю Бельгии Леопольду III (1901–1983), энтомологу-любителю; правил с 1934 г., отрекся от престола в 1951 г.

…в Клубе… — В Русском еврейском клубе в Брюсселе, на рю де Конкорд, 65.

…у тетушки Fierens… — неустановленное лицо, по-видимому, родственница критика П. Фиренца.

…Зиной. Elle est plus ange qui jamais… — Она еще больше ангел, чем обычно *(фр.)*. Речь идет о З. А. Малевской-Малевич (Шаховской).

Мне очень трудно писать на этой бумаге… — Бумага настолько тонкая, что строки, написанные

чернилами, проступают на обороте.

ambiance — атмосфера *(фр.)*.

Гришенька — Григорий Абрамович, эпистолярный «двойник» ВН.

147. 19 февраля 1936 г

…роман будет называться иначе… — «Да» — рабочее название самого крупного русского романа ВН «Дар». Собирать материал для него он начал в 1932 г., закончил же рукопись лишь в январе 1938 г. За исключением отвергнутой редакцией четвертой главы, «Дар» печатался в «Современных записках» в 1937–1938 гг. (№ 63–67). Полное отдельное издание впервые вышло в 1952 г. в Нью-Йорке (Издательство имени Чехова).

«It is me» — «Это я» *(англ.)*. Ранняя версия автобиографии ВН.

«Despair» — Авторский перевод «Отчаяния» на английский.

Зиночка — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

Григорий Абрамович — «двойник» ВН.

…оставил излишек у нее же… — Часть своих доходов ВН оставил у З. А. Малевской-Малевич (Шаховской), не сообщив об этом младшему брату.

…с примесью Буниных и Шик… — Шик Александр Адольфович (1887–1968) — юрист, бывший кадет, журналист, антиквар, переводчик. Возмож-

но, речь также идет о его жене Софье Мироновне Шик (урожд. Слиозберг, 1894–1966) и общественной деятельнице Глафире Исаакиевне Шик (урожд. Александровой, 1885–1959), которая помогала В. Н. Буниной в благотворительных делах.

mon premier movement — мое первое побуждение *(фр.)*.

Mlle Пельтенбург — Элеонора, упомянутая в письме от 27 января 1936 г.

«Подвиг» — впервые роман был опубликован в Париже в издательстве «Современные записки» (1932).

Элленс — имя добавлено рукой Веры Евсеевны: это значит, что письмо в январе 1971 г. показывали Э. Филду, который работал над книгой «Nabokov: His Life in Part».

…в чудесном его «Naïf»… — Роман Ф. Элленса «Наивный» (1926).

…тому месту в «Mlle O»… — Речь идет о ночной «хрупкой полоске» или «вертикали» света из освещенной комнаты Мадемуазель, которую страдающий бессонницей ВН страшился потерять. Mesures. 1936. April 15. № 2. С. 161.

fente — прорезь *(фр.)*.

barre lumineuse — светящаяся полоса, *perche lumineuse* — светящийся столб *(фр.)*.

Брунст — видимо, фамилия И. Г. Кянджунцевой по мужу (впоследствии она вторично вышла замуж и стала Комаровой).

…уроки немецкого языка — не у эллина… — Иными словами, у еврея. Аллюзия на Послание св. Павла к Галатам (3: 28): «Тут нет уже иудея, ни эллина, нет раба, ни свободного, нет мужчины, ни женщины; ибо все во Христе Иисусе, вы все — один».

Саба — С. Г. Кянджунцев.

«Arme Dichter» — картина Карла Шпицвега (1808–1885) «Бедный поэт» (1839) из собрания мюнхенской Новой Пинакотеки.

Амалия — А. О. Фондаминская.

au fond — собственно *(фр.)*.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист, переводчик, литературовед, мемуарист.

…ругал французов кошонами… — От *фр.* cochon — свинья.

I would like you to come in just now. — Я хотел бы, чтобы ты вошла прямо сейчас *(англ.)*.

148. 21 февраля 1936 г

Рабинович — сведения отсутствуют.

après-midi — послеобеденное время *(фр.)*.

Софа — это и два более поздних упоминания ее сестры густо зачеркнуты рукой В. Е. Набоковой.

Елизавета Самойловна — Кянджунцева, мать Савелия и Ирины.

belle-soeur — свояченица *(фр.)*.

Ратнер — сведения отсутствуют. Философ Раттнер возникнет у ВН в романе «Ада» (1969).

is very wise — очень разумное *(англ.)*.

Катерина Берлин — Екатерина Леопольдовна Берлин (урожд. Леон, 1890–1986), в прошлом одна из пассий ВН. О встрече с ней сообщается в письме от 24 февраля 1936 г.

Lэон — Поль Леон (русскими и латинскими буквами).

Кюфферлэ — Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — писатель, автор романа о русской эмиграции «Бывшая Россия» (1935), эссеист, переводчик с русского.

у Ильюши — И. И. Фондаминского.

meal — прием пищи *(англ.)*.

Кокошкина Вера Евгеньевна (1879–1968) —

в первом браке замужем за Юрием Ивановичем Гуаданини (? — 1911), во втором — за Владимиром Федоровичем Кокошкиным (1874–1926), младшим братом Федора Федоровича Кокошкина (1871–1918), одного из основателей кадетской партии, доброго знакомого В. Д. Набокова.

Старик — И. В. Гессен.

Пни — «Последние новости».

149. 24 февраля 1936 г

My darling — моя душенька *(англ.)*.

…на разрушающейся стене пасспорта <sic>… — У ВН и В. Е. Набоковой были «нансеновские паспорта» — удостоверения личности, которые Лига Наций, по инициативе Ф. Нансена, выдавала русским беженцам; это был лист бумаги, складывающийся пополам и легко рвущийся на сгибе.

with pained surprise — в страдальческом изумлении *(англ.)*.

c'est avec ça que vous voyagez? — и с этим вы путешествуете? *(фр.)*

…два письма — американское… — Возможно, письмо от издательства «Боббз-Меррил», с которым в сентябре 1937 г. ВН подпишет договор на издание «Laughter in the Dark» («Смех в темноте») — значительно измененный авторский перевод романа «Камера обскура».

…матвеевское же предложение… — Сведения отсутствуют.

…письмо McBride'a… — Возможно, письмо от нью-йоркского литератора и издателя Роберта Медилла МакБрайда (1879–1970), владевшего издательством «Robert M. McBride & Co.».

Кокошкины — Вера Кокошкина и ее дочь. Ирина Юрьевна Гуаданини (литературный псевдоним Алетрус; 1905–1976) — поэт, жила с матерью, зарабатывала стрижкой собак. Роман ВН с ней начнется в феврале 1937 г.

Люся — И. Л. Фейгин.

…Пушкиным ‹…› стал на него похож… — Ходасевич был пушкинистом; ясность пушкинской мысли и виртуозное владение формой вдохновляли его как поэта.

…поехал к Лэону… — к Полю Леону, секретарю Джойса, и его жене Люси Леон Ноэль.

Гулял с Ириной… — По-видимому, с И. Г. Кянджунцевой.

тетя Нина — Н. Д. Коломейцева.

Гиршман Генриетта (Евгения) Леопольдовна (урожд. Леон, 1885–1970) — коллекционер, художница, жена коллекционера Владимира Осиповича Гиршмана (1867–1936) и сестра Поля Леона.

Екатерина — Екатерина Берлин (урожд. Леон), сестра Генриетты Гиршман, бывшая возлюбленная ВН, упомянутая в письме от 21 февраля 1936 г.

…окружил этот визит такими фиксенфаксами… — Неологизм ВН, означающий «ужимки

и кривляния» (от *нем.* Faxen machen — кривляться, чудить, устраивать клоунаду), источник которого, возможно, — название детской книги Фрица фон Гота «Фикс унд Факс. Веселая история о мышах» (Koch-Gotha Fritz. Fix und Fax. Eine lustige Mäusegeschichte. Leipzig: Alfred Hahn's Verlag, 1935). Эта книжка могла быть у почти двухлетнего Дмитрия Набокова.

С Прустом Джойс встретился… — Описанная ВН поездка в таксомоторе Марселя Пруста и Джеймса Джойса последовала за знаменитой встречей двух писателей в 1922 г. в отеле «Мажестик» в Париже — на приеме, в котором также участвовали П. Пикассо, С. Дягилев и И. Стравинский (см.: *Ellmann Richard.* James Joyce. Oxford and New York: Oxford University Press, 1982 [1959]. С. 508–509).

creaming at the pot of his joyce — приблизительный перевод: взбивая (снимая) сливки у горшка своей джойсости / радости *(англ.)*; созвучно *англ.* screaming at the top of his voice (крича во весь голос). ВН пародирует «словотворческий» стиль романа Д. Джойса «Поминки по Финнегану» (1939), отрывки из которого выходили в 1930-е гг. небольшими книжечками в лондонском издательстве «Фабер и Фабер» как части «Неза-

вершенного произведения» («Work in Progress»).

aurait chaud — было бы горячо *(фр.)*. ВН играет на созвучии с «горячо», хотя русскому человеку эти французские слова скорее могут послышаться как «хорошо».

Софа — С. Е. Слоним.

les honneurs du métro — почести метро *(фр.)*, вместо общеупотребительного les honneurs de la maison (домашние почести).

150. 26 февраля 1936 г

Штемпель плохо читается (26–[ii?]–36), однако, судя по последовательности событий и словам «я останусь здесь еще два дня, т. е. выеду в пятницу», письмо написано в среду, 26 февраля.

…matinée прошло упоительно… — дневное выступление *(фр.)*. Выступление состоялось у мадам Ридель, набережная Пасси, д. 12.

«Désespoir» — французский перевод «Отчаяния», выполненный Марселем Стора. Он выйдет в «Галлимаре» в 1939 г. под названием «La méprise» («Оплошность»).

Григорий Абрамович перевалил за предыдущий приезд. — Имеется в виду, что ВН заработал в этой поездке больше, чем в предыдущей.

Ан.<ну> Нат.<ановну> — Упомянута в письме от 27 февраля 1936 г.; иные сведения о ней отсутствуют.

I am longing for you. — Я тоскую по тебе *(англ.)*.

151. 27 февраля 1936 г

Конверта нет. Вера Евсеевна позднее указала на первой странице дату: «26? февр. 26», но поскольку в письме сказано, что оно написано в четверг, оно датируется 27 февраля 1936 г.

Кук — Агентство путешествий Томаса Кука.

с ~~Софьей~~ — см. примеч. к письму от 21 февраля, в котором имя С. Е. Слоним тоже вычеркнуто.

…деньги ‹…› за борт… — Игра слов: деньги за проживание (*англ.* board).

…я заехал за Ириной… — Речь идет об И. Г. Кянджунцевой.

Вера Николаевна — Муромцева-Бунина.

Вернувшись домой… — в квартиру И. И. Фондаминского.

tout compris! — здесь: всего! *(фр.)*

Тэффи — литературный псевдоним популярной писательницы-юмористки Надежды Александровны Бучинской (урожд. Лохвицкой; 1872–1952).

…хочет непременно «Чернышевского» для следующего номера. — На деле В. Руднев отказался печатать четвертую главу «Дара» («Жизнь Чернышевского»), так как увидел в ней оскорбление

в адрес радикальной русской интеллигенции и одного из ее кумиров, Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889).

Ridel ‹…› Понсе — Андре Франсуа-Понсе (1887–1978) — французский посол в Германии (1931–1938). Других сведений о светской знакомой ВН, г-же Ридел(ь), не обнаружено.

«Бродячая собака» — кабаре в Петербурге, где в 1911–1915 гг. собирались художники и писатели.

152. 10 июня 1936 г

Отправляя письма на адрес: Эренштейнштрассе, 34–1, ВН указывал: «B<ei> / Bromberg» (его жена, сын и Анна Фейгина остановились в квартире Бромбергов).

Fid. *Кот.* (*нем.:* Fideikomissenat des Kammergerichts) — опекунский комитет по распоряжению наследством немецкого композитора, тенора, прапрапрапрадедушки ВН Карла Генриха Грауна (1704–1759); Набоковы неожиданно получили часть наследства летом 1936 г. О Грауне ВН пишет в «Других берегах» (гл. 3).

…со статьей обо мне Вейдле. — Рецензия на роман «Отчаяние»: Круг. 1936. № 1. С. 185–187.

Елена Львовна — Бромберг, жена двоюродного брата А. Л. Фейгиной Германа Бромберга.

153. 11 июня 1936 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

delay — задержка *(англ.)*.

«up to the present ‹…› american publishers used?» — «однако на настоящий момент мы не планируем публикации этой книги; главная причина в том, что некоторые наши рецензенты отозвались о ней без энтузиазма, причем это особенно касается вашего перевода. В этой связи пишу, чтобы задать вопрос: есть ли у вас возможность раздобыть перевод, который использовался американскими издателями?» *(англ.)* Речь идет о переводе «Отчаяния», подготовленного самим ВН. Он еще не посылал его ни в одно американское издательство, и уж тем более роман не был опубликован в США.

Нина П.<иотровская> — Нина Алексеевна Корвин-Пиотровская (урожд. Каплун; 1906–1975), жена Владимира Львовича Корвин-Пиотровского (1891–1966), поэта, драматурга, члена Клуба поэтов (1928–1933), в котором состоял и ВН.

…во французском Verkehr'овом обществе… — Общество франко-германского обмена.

…фран.<цузская> нем.<ецкая> машинк<а> стеног.<рафия>… — Речь идет об ожидаемых от сотрудника навыках: владении французским и немецким, машинописью и стенографией на обоих языках.

Жданов Георгий Семенович (1905–1998) — актер и режиссер, близко связанный с актером и театральным режиссером М. А. Чеховым.

…прислал обратно манускрипт. — Мы не располагаем иными сведениями о том, что ВН сочинял какие-то драматические произведения в промежутке между созданием пьес «Человек из СССР» (1926) и «Событие» (1937). Возможно, он имел в виду прозаическое произведение, которое можно было бы впоследствии обработать для театральной постановки.

Сочинял я ночью пьесу… — Здесь может идти речь о начале работы над «Событием». Хотя пьеса будет написана лишь в ноябре-декабре 1937 г., ВН уже в январе 1937 г. обсуждал будущую постановку с актерами (см. письмо от 25 января 1937 г.).

Воображаю, какие у них «readers»… — Readers *(англ.)* — читатели-рецензенты. Скепсис ВН объясняется отчасти тем, что в издательстве Джона Лонга выходило много детективных романов.

154. 12 июня 1936 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Ф. — предположительно, Фиренц.

Аксенов — сведения отсутствуют.

Княгиня Ш.<аховская> — А. Л. Шаховская — мать З. А. Малевской-Малевич (Шаховской) и Н. А. Набоковой.

…рецензию Адамовича о «Пещере»… — См.: По поводу «Пещеры» // Последние новости. 1936. 28 мая. С. 2.

М.<арком> А.<лександровичем> — Алдановым. Первый том романа Алданова «Пещера» вышел в берлинском издательстве «Слово» в 1934 г., второй — в издательстве «Петрополис» в 1936 г.

I love you, my darling. — Люблю тебя, моя душенька *(англ.)*.

155. 13 (?) июня 1936 г

Открытка. Марка отклеена, и потому отсутствует дата на штемпеле.

…статью о себе ‹…› от Глеба… — *Струве Г.* О В. Сирине // Русский в Англии. 1936. № 15. С. 3.

…с тревогой о К.<ирилле> — К. В. Набоков, брат ВН.

Никина мать — Лидия Эдуардовна Фальц-Фейн (1870–1937), мать Н. Д. Набокова.

I love you. — Люблю тебя *(англ.)*.

156. 14 (?) июня 1936 г

Открытка. Предполагаемая дата, так как почтовый штемпель не читается.

…благодарственного письма… — Следом за этим словом два слова в скобках вычеркнуты, скорее всего, самим ВН.

Гертруда — сведения отсутствуют.

…странно, что он боится белок… — О внезапном страхе, испытанном сыном перед мелкими зверюшками в лейпцигском парке, В. Е. Набокова пишет в своем эссе «О детстве Дмитрия»: «Стоя в прелестной аллее прекрасных больших деревьев, я пыталась заинтересовать его белкой, чтобы он согласился сойти с рук и недолго постоять на земле. Безуспешно» (Архив ВН в Нью-Йоркской публичной библиотеке).

157. 15 июня 1936 г

Датируется на основании почтового штемпеля.
…в лесу. — В Груневальде.
Руэ! (Ruhe) — тише! *(нем.)*
I love you. — Люблю тебя *(англ.)*.
Анюта — А. Л. Фейгина.

158. 16 июня 1936 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…написать для них о «Пещере»… — ВН выполнил просьбу, его рецензия вскоре была опубликована: М. А. Алданов. Пещера. Том II. Изд. Петрополис. Берлин. 1936 // Современные записки. 1936. № 61. С. 470–472.

Старец — И. В. Гессен.

but I don't — но я этого не делаю *(англ.)*.

Труда — Гертруда из письма от 14 (?) июня 1936 г.

I love you. — Я люблю тебя *(англ.)*.

Елена Львовна — Бромберг.

159. 18 июня 1936 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…письмо от Карповича… — Вероятно, ответ М. М. Карповича на письмо ВН от 1 июня 1936 г. с предложением сообщить дату его посещения ВН в Берлине (*Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959). С. 37).

Hemdenhalle — Зал рубашек *(нем.)*. По-видимому, берлинский магазин одежды.

160. 20 января 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля. В адресе назначения указано: «b / Feigin».

Анюточка — А. Л. Фейгина.

Pendant que l'avoine… — Пока овес растет, лошадь околеет *(фр.)*.

Зиночка — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская), у которой ВН, как обычно, остановился в Брюсселе.

161. 22 января 1937 г

Отправляя письма с парижского адреса: авеню де Версаль, 130, ВН указывал, что проживает у И. И. Фондаминского: «c / o Fondaminsky».

Французский вечер… — Выступление ВН 21 января в брюссельском Дворце изящных искусств на вечере, посвященном столетию со дня смерти Пушкина.

…de Rieux ‹…› выпускающий книжку о… Лоуренсе… — Поль де Рьё, автор книги «Произведения Д. Г. Лоуренса» (L'œuvre de D. H. Lawrence. Paris: Vrin, 1937).

…не полковник, а любовник… — Т. е. писатель Д. Г. Лоуренс (1885–1930), автор романов «Сыновья и любовники» (1913), «Любовник леди Чаттерлей» (1928), а не автор автобиографических книг полковник Т. Э. Лоуренс (Лоуренс Аравийский; 1888–1935).

qu'il n'aurait jamais cru — что он и подумать не мог *(фр.)*.

…l'étoile nest plus là parceque l'eau se ride — …звезды больше нет, потому что по воде пошла зыбь *(фр.)*.

Виктор — еще один вымышленный двойник,

именем которого ВН прикрывался, чтобы не сообщать открыто о своих доходах за границей. При крещении ВН едва не дали это имя — священник неправильно расслышал сказанное его родителями, и погружение в купель проходило при «воплях полуутопленного полу-виктора» («Другие берега», гл. 1).

Элеонора — Пельтенбург. Ниже она названа «Леонорой».

…таинственный намек Александры Лазаревны… — По всей видимости, еще одно завуалированное сообщение о деньгах: Анна Лазаревна Фейгина представлена как Александра Лазаревна.

Сергей и Анна — двоюродный брат ВН Сергей Сергеевич Набоков и его жена Анна Павловна; *маленький Ники* — их сын Николай Сергеевич Набоков (1929–1975).

Кир.<илл> — К. В. Набоков.

Маргарита — жена Жака Мазюи.

Я ему передал «l'outrage»… — Речь идет о рассказе «Обида». Хотя он был опубликован на русском языке в «Последних новостях» (1931. 12 июля. С. 2–3), изданного в 1930-х гг. перевода на французский не обнаружено.

…доклад он советовал сразу дать Полану. — Эс-

се ВН «Пушкин, или Правда и правдоподобие» вскоре вышло в журнале, который редактировал Жан Полан (Pouchkine, ou le vrai et le vraisemblable // Nouvelle Revue Française. 1937. № 48. P. 362–378).

…мучит мой грек… — Псориаз, о котором ВН говорит, как если бы он был персонажем греческой трагедии, намекая на происхождение термина, образованного от *др.-греч.* ψώρα — зуд.

ou presque — или почти *(фр.)*.

Зина ‹…› Светик, и Свят.<ослав> А<н>др<еевич> — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская), ее муж, Святослав Святославович, и свекор, Святослав Андреевич Малевский-Малевич (1872 –?), бывший статский советник, управляющий «Дворянским земельным банком» в Петрограде.

…Виктор сегодня расплатился с ней ‹…› карт д'identité брата. — Зашифрованное сообщение о том, что ВН вернул долг З. А. Малевской-Малевич (Шаховской) и заплатил за французское удостоверение личности Кирилла.

«Mesure» — журнал «Мезюр» («Mesures»), где 15 апреля 1936 г. была опубликована «Мадемуазель О» (с. 145–172).

Туровец — сведения отсутствуют. ВН использовал эту фамилию в «Истинной жизни Севастьяна Найта», в котором Нина Речная (она же мадам

Лесерф) в девичестве — Туровец.

I kiss you a lot and very tenderly. — Целую тебя много раз и очень нежно *(англ.)*.

162. 25 января 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…русское чтение (два отрывка из «Дара»: треугольник и Буш). — Сольный вечер на рю Лас Кас, д. 5. ВН прочитал часть первой главы «Дара»: о самоубийстве Яши Чернышевского и литературном вечере у Чернышевских, где Герман Иванович Буш на ломаном русском читает свою нелепую и претенциозную «философскую трагедию».

It was quite a treat. — Было весьма приятно *(англ.)*.

…поговорил Ходасевич ‹…› «живут и работают приемы». — В. Ходасевич изложил свои суждения в известной статье «О Сирине» (Возрождение. 1937. 13 февраля. С. 9).

Люся — И. Л. Фейгин.

Моревская — сведения отсутствуют.

On est très, très gentil avec moi. — Со мной очень, очень любезны *(фр.)*.

…буду у Маклакова. — Как председатель русского Эмигрантского комитета, В. А. Маклаков мог помочь ВН получить вид на жительство во Франции.

…когда поднимут ставки… — См. об этом письмо В. Руднева к ВН от 16 января 1937 г.: «‹…› приходится ужасно спешить, ибо с 1-го февраля расценки всех типографских расходов повышаются на 20 % (а бумага уже повысилась на 40 % ‹…›)». («Современные записки». Париж, 1920–1940. Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. С. 309).

Английские гранки… — перевод романа «Отчаяние» (London: John Long, 1937).

«Таир» — ВН предложил «Таиру» «Защиту Лужина», но в издательстве хотели опубликовать «Дар»; см. письмо от 19 февраля 1937 г. Публикация не состоялась.

Раиса — Р. А. Татаринова.

старик — И. В. Гессен.

П. Н. — «Последние новости» или, возможно, редактор газеты П. Н. Милюков. ВН хотел подписать с газетой договор о постоянном сотрудничестве.

Илья — И. И. Фондаминский.

Люся — И. Л. Фейгин.

Boulogne (Булонь) — район Булонского леса на западе Парижа.

«Фиальта» — Рассказ «Весна в Фиальте» написан в апреле 1936 г. (опубл.: Современные

записки. 1936. № 61. С. 91–113).

Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) — дипломат, российский поверенный в Лондоне (1919–1921). В 1915 г. служил первым секретарем российского посольства под началом К. Д. Набокова, дяди ВН. В 1920–1930-е гг. руководил основанным им «Русским домом» — политическим и культурным центром русской диаспоры в Англии.

…с Ильюшиными актерами о пьесе. — Имеются в виду актеры Русского театра, который финансировал И. И. Фондаминский. Речь могла идти о пьесе «Событие»: ВН написал ее для Русского театра, хотя, судя по некоторым данным, в мае работа над пьесой шла трудно и он, возможно, уже тогда мог отказаться от своего первоначального замысла.

Жанна — экономка Фондаминского.

mon pauvre petit martyr! — моя бедная маленькая мученица! *(фр.)*

My dear love! — Милая моя любовь! *(англ.)*

163. 27 (января) 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

У Павла — у П. Н. Милюкова.

Calmbrood — Вивиан Калмбруд, почти полная анаграмма имени ВН, его литературный двойник. Впервые ВН вывел его в пьесе «Скитальцы», которую представил как перевод вымышленного произведения английского драматурга Калмбруда, потом воскресил в 1931 г. в стихотворении «Из Калмбрудовой поэмы “Ночное путешествие”» // Руль. 1931. 5 июля (позднее опубл. в сборнике «Стихи» 1979 г.). В переписке ВН ссылается на Калмбруда для зашифрованного отчета о своих доходах.

…передал ему обе вещи… — Статью «Пушкин, или Правда и правдоподобие» и перевод на французский рассказа «Обида».

«Le Vrai» — «Правда» (сокр. название французской статьи ВН «Пушкин, или Правда и правдоподобие»).

Beauleu-sur-mer — Больё-сюр-мер в Провансе, на Лазурном берегу.

Виктор — ВН говорит о самом себе.

…longing for you, for your soft dear whiteness

and everything. I have never loved you as I love you now… — томление по тебе, по твоей милой мягкой белизне и всему остальному. Я никогда не любил тебя так, как сейчас… *(англ.)*

тетя Нина — Н. Д. Коломейцева.

…собрание христиан и поэтов у Ильюши. — Возможно, собрание сотрудников «Нового града» (1931–1939), религиозно-философского журнала, который издавали И. И. Фондаминский, Ф. А. Степун и Г. П. Федотов.

Бродский Борис Яковлевич (1901–1951) — журналист.

Мамченко Виктор Андреевич (1901–1982) — поэт, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей.

Цетлин Михаил Осипович (литературный псевдоним Амари; 1882–1945) — писатель, поэт, литературный критик, издатель, редактор раздела поэзии в «Современных записках».

Ирина, Саба — И. Г. Комарова (Кянджунцева) и С. Г. Кянджунцев.

Gaston Gallimard — Гастон Галлимар (1881–1975), французский издатель, основатель журнала «Нувель ревю франсэз» (1908) и издательства «Либрери Галлимар» (1919).

Софа — С. Е. Слоним.

…увижу Люсю и передам ему. — ВН сообщает, что оставит заработанные деньги у двоюродного брата А. Л. Фейгиной Ильи Фейгина.

précipité blanc — белый пресипитат, аминохлористая ртуть *(фр.)*.

Саблина Надежда Ивановна (урожд. Баженова; 1892–1966) — жена Е. В. Саблина. ВН ошибается, говоря, что она урожденная Фомина.

Юрик — двоюродный брат ВН барон Георгий (Юрий) Рауш фон Траубенберг, погибший в 1919 г.

…сестра Гогель… — Сестра жены С. К. Гогеля Александры Ивановны (урожд. Баженовой, 1893–1992). Сергей Гогель принимал вместе с ВН участие в инсценированном «суде» над Поздышевым в Берлине.

…рецензию из бельг.<ийской> газ.<еты> — *D.<upierreux>*
R. Conférence de M. <sic!> Nabokoff-Sirine // Le Soir. 1937. 23 января.

164. 28 января 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля. В адресе назначения указано: «b / Feigin».

«Outrage» — французский перевод рассказа «Обида» будет принят в майский номер «Мезюр» (см. письмо от 15 апреля 1937 г.), но, судя по всему, публикация не состоится.

délicieux, merveilleux, convaincant — прелестный, великолепный, убедительный *(фр.)*.

«Poushkine»… — Эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

Виктор просил у него… — Вымышленный двойник ВН; речь идет о плате за статьи в «Последних новостях», о чем ВН беседовал с П. Н. Милюковым.

Родзянко Николай Михайлович (1888–1941) — бывший генеральный секретарь Русского эмигрантского комитета, председатель отдела труда Центрального офиса по делам русских эмигрантов в Париже, сын Михаила Родзянко, политика, коллеги В. Д. Набокова.

permis de séjour — вид на жительство *(фр.)*.

…милейшую заметку Алд.<анова> — Алданов М. Вечера «Современных записок» // Последние

новости. 1937. 28 января. С. 3.

М. с Люсей — по-видимому, Моревская и И. Л. Фейгин.

...какие-то уколы... — От псориаза.

165. 1 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Зека — Г. И. Гессен.

Глеб — Г. П. Струве.

Молли — Молли Карпентер-Ли (1911– после 1973) — одна из лучших студенток Глеба Струве, впоследствии будет редактировать перевод ВН «Отчаяния» на английский.

conférence — лекция, доклад *(фр.)*. Имеется в виду «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

envolée — подъем, взлет *(фр.)*.

…я отправил их… — В лекцию вошли выполненные ВН переводы нескольких стихотворений Пушкина: «Три ключа», «Не пой, красавица, при мне…», «Мне не спится, нет огня…» (первая строка стихотворения «Стихи, сочиненные во время бессонницы»), «Зачем крутится ветр в овраге…» (Nouvelle Revue Française. 1937. № 25 (282). 1 March. P. 362–378).

Melot du Dy — Робер Мело дю Ди.

Бернштейн — возможно, шахматист, гроссмейстер Осип Самойлович Бернштейн (1882–1962).

Рашель. — Возможно, Рашель (Шеля) Абрамовна Вишняк, свояченица М. В. Вишняка.

Софа, Люся — С. Е. Слоним, И. Л. Фейгин.

Ильюша, Влад.<имир> Мих.<айлович> — И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов.

…стрижкой собак. — Этим зарабатывала на жизнь Ирина Гуаданини.

was not a success — не пользовался успехом *(англ.)*.

Рощин — литературный псевдоним Николая Яковлевича Федорова (1896–1956) — писателя, журналиста, литературного критика, с 1926 по 1929 г. жил у Буниных.

Поляков — А. А. Поляков, редактор «Последних новостей».

П. Н. — П. Н. Милюков или «Последние новости».

Головин Николай Николаевич (1875–1944) — военный историк, писатель.

Виктор — ВН имеет в виду самого себя.

Чохаев (Чокаев, Чокай, Шокай) Мустафа (1890–1941) — юрист и журналист, секретарь мусульманской фракции в Государственной думе, в Париже работал корректором в «Последних новостях».

…сообщил все, что мне нужно. — ВН проверял сведения, относящиеся к его персонажу Константину Годунову-Чердынцеву и к его, по-видимому,

последней лепидоптерологической экспедиции в Среднюю Азию («Дар», гл. 2).

…у сестры Канегиссера… — Елизавета (Лулу) Поакимовна Каннегисер (1897–1942). Ее брат Леонид Поакимович Каннегисер (1896–1918) — поэт, член партии народных социалистов, в 1918 г. застрелил главу Петроградского ЧК М. С. Урицкого, за что был казнен.

…упоминание этой фамилии в моем «Даре» прозвучало ‹…› страшной гаффой… — В тексте журнальной редакции «Дара», опубликованной в «Современных записках», говорится, что стихи Яши Чернышевского были «полны модных банальностей» и напоминали смесь Ленского и Каннегисера (Современные записки. 1937. № 63. С. 45). В глазах многих ВН оскорбил память человека, самоотверженностью которого восхищались русские эмигранты. Когда в 1952 г. роман вышел отдельным изданием, имя Каннегисера было опущено.

…опцион, кинематогр.<афический> — то есть право работать над экранизацией романа до подписания окончательного договора о съемке фильма по нему.

«*К.Д.В.*» — «Король, дама, валет».

…для работы Годун.<ова>-Черд.<ынцева> ‹…›

о бабочках… — Хотя в романе Константин Кириллович Годунов-Чердынцев так и не написал эту книгу, сам ВН подумывал сделать это в конце 1940-х гг. Так, он сообщал Джорджу Дэвису 10 ноября 1949 г.: «Можно написать очень интересную вещь (с иллюстрациями) о бабочках в искусстве начиная с видов, которые представлены в 1420–1375 до Р. Х. у египтян при Тутмосе IV или Аменхотепе III (Британский музей, № 37933). Я первым взялся за этот предмет» (Nabokov's Butterflies. Boston: Beacon Press, 2000. P. 449); в середине 1960-х гг. он работал над оставшимся нереализованным проектом «Бабочки в искусстве».

…причиняемых мне греком… — псориазом.

sali énormément le linge (правильно: salit) — сильно пачкает белье *(фр.)*.

Дынкин — врач семьи Фондаминских.

Виктор получил ‹…› около восьмисот. — Т. е. ВН заработал около 800 франков.

fait rotototo — срыгивает *(фр.)*.

…две рецензии. — Рецензии о чтениях ВН 21 и 24 января; возможно, имеются в виду публикации: *М.<андельштам Ю.>*. Вечер В. В. Сирина // Возрождение. 1937. 20 января. С. 9; *Fischer G.* Un écrivain russe parle de Pouchkine // Le Thyrse. 1937. № 34. P. 41.

Старик — И. В. Гессен.

…первой главой. — Имеется в виду роман «Дар».

166. 4 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Ге<о>р.<гия> Абр.<амовича> — Описка: одного из «двойников» ВН зовут Григорий Абрамович.

…встречусь с Кортн.<ером>… — Фриц Кортнер (1892–1970) — актер, режиссер театра и кино, с которым ВН вел переговоры об экранизации романа «Камера обскура».

«Dawson girl» прическа — здесь: девчушка Доусон *(англ.)*. Видимо, имеется в виду стрижка-каре или растрепанная стриженая головка, характерные для героинь рисунков английской художницы новозеландского происхождения Муриэль Хелен Доусон (1897–1974): ее иллюстрации к детским книгам были в большой моде в 1920–1930-е гг.

conférence — лекция, доклад *(фр.)*. Имеется в виду «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

Струве — Г. П. Струве.

Гринберг Савелий Исаакович (1896 — после 1945) — бывший одноклассник ВН по Тенишевскому училищу.

Гавронская Любовь Сергеевна (1876–1943) — вдова Бориса Осиповича Гавронского (1875–1932),

старшего брата А. О. Фондаминской.

title-page — титульный лист *(англ.)*.

Чернавина Татьяна Васильевна (урожд. Сапожникова; 1890–1971) — бывший музейный хранитель в Эрмитаже. В 1932 г., устроила побег из ГУЛАГа своему мужу, В. В. Чернавину, сумев вырваться из СССР вместе с ним и сыном.

Antonini — Антонини Джакомо (1901–1983), журналист и литературный критик, написавший рецензии на французские переводы «Защиты Лужина» и «Камеры обскуры», см.: Russische Romans 1934 // Den Gulden Winkel. 1934. December.

…нужен договор с Лонгом… — на английское издание «Отчаяния».

Виктор — ВН имеет в виду себя; большую часть заработанных денег он оставлял у Ильи (Люси) Фейгина; «написать Люсе» означало заработать еще.

…на Rochebrune, Cap. St. Martin… — Имеется в виду Рокбрюн-Кап-Мартен, городок между Монако и Ментоной, где ВН хотел поселиться вместе с семьей.

On me fête beaucoup — Со мной так и носятся *(фр.)*.

De-Monza — Анатоль де Монзи (1876–1947) — бывший министр просвещения и искусств;

с 1935 г. — председатель Комитета по изданию Французской энциклопедии.

Навашин Дмитрий Сергеевич (1889–1937) — юрист, финансист, писатель, журналист, масон; работал в советских банках в Париже; в 1931 г. отказался вернуться в СССР; при невыясненных обстоятельствах был убит в Булонском лесу.

il ya cent ans, on a tué Pouchkine… Maintenant on a tué Navachine… — Сто лет назад убили Пушкина… Теперь убили Навашина… *(фр.)*

Mme Chardonne — мадам Шардон, жена Жака Шардона (литературный псевдоним Жака Бутелло; 1884–1968) — французского писателя, получившего в 1932 г. Главный приз Французской академии за роман «Клэр».

Жанна — служанка И. И. Фондаминского.

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

167. 5 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Mazui (правильно: Masui) — Жак Мазюи.

Виктора прогнал. — ВН обещает жене не писать о себе в третьем лице.

Bonnier — шведская издательская группа «Бонниер» со штаб-квартирой в Стокгольме в 1936 г. выпустила роман «Защита Лужина». В переводе Эллен Риделиус роман получил название «Han som spelade schack med livet» («Тот, кто играет в шахматы с жизнью»).

Jannelli — Альтаграция де Жанелли.

«Mercure» — литературный журнал «Меркюр де Франс».

«Taup» — см. письмо от 3 ноября 1932 г. и примеч. к нему.

Pauca — Р. А. Татаринова.

…mon grand ami Maurois n'a malheureusement pas pu venir… — мой большой друг Моруа, к сожалению, не смог прийти… *(фр.) Maurois* — Андре Моруа.

…вычеркнул весь абзац о «Byron'e». — Помимо романов, А. Моруа писал романизованные биографии, в том числе «Дон Жуан, или Жизнь Байрона»

(1930). В эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие» ВН неодобрительно отзывается о таких сочинениях. В частности, он повествует о некоем безумце, который реконструировал многие события далекого прошлого в своем воображении и в своих же книгах, основываясь на «банальностях» и «расхожих идеях», вычитанных им у других. «Скрещенных рук Наполеона, трех волосков Железного Канцлера или меланхолии Байрона и нескольких мелких анекдотов, называемых историческими, которыми грамматисты начиняют свои учебники, ему, увы, вполне хватало для описания детали и характера» (перевод Т. Земцовой). В следующих двух абзацах эссе содержатся прямые нападки на «романизованные биографии».

un mot demain — словечко завтра *(фр.)*.

Шварц — врач, которого рекомендовала Вера Евсеевна.

tout compris — включая все *(фр.)*.

Шлезингер Фанни Самойловна (1884–1959) — одна из основательниц Комитета друзей русских писателей, который номинально возглавлял Бунин; комитет оказывал писателям материальную поддержку.

Карточки… — видимо, речь идет о визитных карточках ВН.

écrivain — писатель *(фр.)*.

tout court — очень кратко *(фр.)*.

У Люси набралась коллекция из около трех тысяч бабочек. — ВН заработал и отдал И. Л. Фейгину на хранение около 3000 франков.

Старец Paul — П. Н. Милюков.

c'est toujours quelque chose — это уже что-то *(фр.)*.

Илюша — И. И. Фондаминский.

Старик — И. В. Гессен.

Ел.<ена> Львовна — Бромберг.

Лизбет — Томпсон.

Анюта — А. Л. Фейгина.

Au fond — Собственно *(фр.)*.

aller et retour — билет в пункт назначения и обратно *(фр.)*.

Ксюнин Алексей Иванович (1880? — 1938), — журналист, писатель, издатель белградской еженедельной газеты «Возрождение» (не путать с парижской ежедневной газетой с тем же названием).

Виктор — эпистолярный «двойник» ВН.

тетя Нина — Н. Д. Коломейцева.

Very true about Herzen. I love you. And the little man. — О Герцене совершенно верно. Люблю тебя. И маленького человечка *(англ.)*.

168. 8 февраля 1937 г

Письмо без даты, без конверта. Упоминания об ужине у Цетлина в этом письме и 19 февраля свидетельствуют, что оно написано 8 февраля.

…к моему французскому выступлению… — В Зале Шопена 11 февраля. Габриэль Марсель предложил ВН выступить вместо венгерской писательницы Иолан Фолдес (Йоланда Фолдеш, Йоланда Кларент, Jolán Földes, 1902–1963), которая в последний момент отменила выступление из-за болезни (см. примеч. к письму от 25 ноября 1932 г.). Роман Фолдес «Улица кота-рыболова» (1936), названный в честь самой короткой улицы Парижа, имел международный успех и удостоился нескольких премий.

…моих «Course» и «Chambre»… — «Защиты Лужина» и «Камеры обскура», изданных на французском.

Плевицкая Надежда Васильевна (урожд. Винникова; 1884–1940) — популярная исполнительница русских народных песен; в эмиграции сотрудничала с НКВД; ВН изобразит ее в рассказе «Ассистент режиссера» (1943).

…«Он у вас получился омерзительный»… —

В «Жизни Чернышевского» ВН вывел Н. Г. Чернышевского в ироническом ключе, как человека, воображающего себя великим реформатором, который при этом не в состоянии обустроить даже собственную жизнь, а также как убежденного реалиста, не способного увидеть и понять окружающий мир.

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) — юрист, эсер, член Государственной думы четвертого созыва.

Этингоны — Михаил Григорьевич Эйтингон (1875 –?) и его жена Бетти (Берта, урожд. Минскер). М. Г. Эйтингон был двоюродным братом известного психоаналитика Марка (Макса) Ефимовича Эйтингона (1881–1943), жена которого, Мирра Яковлевна (урожд. Буровская; 1877–1947), в 1908–1910 гг. выступала в труппе МХТ. После революции состоятельные и многочисленные Эйтингоны, особенно Макс Эйтингон, финансово поддерживали писателей и художников-эмигрантов.

Сын у них… — Макс (Максим Михайлович) Эйтингон (1902–1922).

старец Поль — П. Н. Милюков.

Je n'en reviens pas. — Просто не могу поверить *(фр.)*.

Лизбет — Томпсон.

Адамова Надежда Константиновна — врач, с которой ВН познакомился в 1932 г.

Autrement — Впрочем *(фр.)*.

…говорю с Люсей ‹…› еще несколько журналов… — Имеются в виду деньги, отданные ВН на хранение И. Л. Фейгину.

Изр. Коган — сведения отсутствуют.

…«Пассажира» и «Чорба» (в переводах Струве)… — Рассказ «Пассажир» впервые был опубликован: Руль. 1927. 6 марта; затем вошел в сборник «Возвращение Чорба» (1930); в переводе Г. Струве: The Passenger // Lovat Dickson's Magazine. 1934. Vol. 2. № 6. P. 719–725. Рассказ «Возвращение Чорба» впервые был опубликован: Руль. 1925. 12 ноября. С. 2–3; 13 ноября. С. 2–3; вошел в сборник «Возвращение Чорба»; в переводе Г. Струве: The Return of Tchorb // This Quarter. 1932. № 4.

…рецензию из «N. Y. Times». — Nazaroff Al. Recent Books by Russian Writers // New York Times Book Review. 1935. 18 August.

Цетлины — М. О. Цетлин и его жена Мария Самойловна (урожд. Тумаркина, по первому мужу Авксентьева; 1882–1976) — бывшая эсерка, хозяйка литературного салона, издательница.

Ильюша ‹…› Влад.<имир> Мих.<айлович> — И.

И. Фондаминский и В. М. Зензинов.

I dreamt of you yesterday night. — Вчера ночью ты мне снилась *(англ.)*.

169. 10 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

«Le Vrai» — французское эссе ВН «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

qui est tout ce qu il y a de plus charmant. — который невообразимо очарователен *(фр.)*.

Nestor Str.<asse> — Несторштрассе, д. 22, где жили Набоковы в Берлине.

Tu ne le voudrais pas. — Ты бы этого не хотела *(фр.)*. Вера Евсеевна настаивала на отъезде ВН из Германии после того, как одного из убийц В. Д. Набокова, С. В. Таборицкого, назначили первым заместителем генерала Бискупского — главы гитлеровского ведомства по делам эмигрантов.

…у моего киргиза. — ВН приезжал к Чохаеву ради сведений о Средней Азии для второй главы «Дара».

Поляков — возможно, Соломон Львович Поляков-Литовцев (1875–1945) — журналист, писатель, драматург; бывший сотрудник российского посольства в Лондоне, где служил под началом дяди ВН К. Д. Набокова; либо Владимир Лазаревич Поляков (1880–1956), заместитель редактора дипломатического раздела «Таймс», автор романов

на сюжеты из русской истории.

…с Люсей у Софы. — С И. Л. Фейгиным у С. Е. Слоним.

Губский — Н. М. Губский, секретарь А. Гаскелля.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Lavandou — Ле-Лаванду — курортный городок на Лазурном берегу в департаменте Вар.

…какую себе представляет пушкинская Лаура… — Имеются в виду слова Лауры в «Каменном госте» (1830): «А далеко, на севере — в Париже — / Быть может, небо тучами покрыто, / Холодный дождь идет и ветер дует» (д. 2).

Butler — барон Ричард Остин Батлер (1902–1982) — британский политический и государственный деятель, с которым ВН был знаком в Кембридже; на тот момент — заместитель министра по делам Индии; в «Других берегах» выведен как Бомстон (гл. 12).

Lady Fletcher — возможно, Мэри Августа Чилтон, леди Обри-Флетчер, жена сэра Генри Обри-Флетчера (1887–1969), писала детективные романы под псевдонимом Генри Уэйд.

I kiss you, my love. — Целую тебя, любовь моя *(англ.)*.

170. 12 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

matineé — дневное выступление в Зале Шопена (см. примеч. к письму от 8 февраля).

…оперенные Мелотом переводы… — отредактированные Робером Мело дю Ди переводы ВН из Пушкина на французский (см. примеч. к письму от 1 февраля).

…письмо к Мил.<юкову>… — С просьбой о повышении гонорара за предполагаемые ежемесячные публикации в «Последних новостях», на которые ВН собирался жить во Франции.

conférence — доклад, лекция *(фр.)*.

…если ‹…› ничего с бабочками не выйдет в Лондоне… — ВН намекает на лондонские заработки. В письме от 27 февраля 1937 г. он также говорит о деньгах как о «бабочках».

c'est un peu fort — это уж слишком *(фр.)*.

Fernandez — Рамон Фернандес (1894–1944) — философ, писатель, редактор издательства «Галлимар».

…«Le Vrai»
‹…› так что кончается на «grenier»… — Grenier — чердак *(фр.)*. Речь идет об эссе «Пушкин, или Прав-

да и правдоподобие», которое кончается словами: «Нет, решительно, так называемой социальной жизни и всему, что толкнуло на бунт моих сограждан, нет места в лучах моей лампы; и если я не требую башни из слоновой кости, то только потому, что доволен своим чердаком» (перевод Т. Земцовой).

…вместо poète anglais я поставил «allemand»… — То есть вместо «английский поэт» поставил «немецкий» *(фр.)*. Перестановка, по-видимому, была связана с желанием не задеть А. Моруа, автора романизированной биографии Байрона. См. письмо от 5 февраля 1937 г. В результате пассаж в эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие» стал выглядеть несколько иначе: «Мне приходилось сталкиваться с совершенно курьезными вещами в подобных повествованиях о жизни великих, вроде одной биографии известного немецкого поэта, где от начала до конца пересказывалось содержание его поэмы “Мечта”, представленное как размышление над мечтой его собственной» (перевод Т. Земцовой).

Софа — С. Е. Слоним.

Лизбет — Томпсон.

Послал книжки маме, не тронув Люсиных. — ВН отправил матери денег, не взяв ничего из запаса,

отложенного у И. Л. Фейгина.

…Татаринова пишет к Foldes, требуя возмещения убытков. — 11 февраля ВН пришлось заменить на творческом вечере внезапно заболевшую И. Фолдес. Так как времени на рекламу его выступления было мало, организаторам не удалось покрыть расходы, продав достаточное количество билетов.

171. 15 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Глеб — Г. П. Струве.

…«Me» (временное заглавие)… — Me — я *(англ.)*. Название раннего варианта автобиографии, упомянутой в письмах от 2 и 19 февраля 1936 г. как «It is Me» («Это я»); в 1937 г. ВН переписывал ее первую версию. Рукопись не сохранилась, поэтому неясно, какую часть он написал в середине 1930-х гг. и что из написанного вошло в завершенную автобиографию, опубликованную под названиями «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство», 1951), «Speak, Memory» («Память, говори», 1951) и «Другие берега» (1954).

Пурталес — Ги де Пурталес (1881–1941) — французский писатель.

romancées — романизованные биографии *(фр.)*.

Leon, его жена и сестры — П. Леон, Люси Леон Ноэль и родные сестры П. Леона — Г. Л. Гиршман, Е. Л. Берлин и Ксения Леопольдовна Полякова (1883–1952), жена журналиста В. Л. Полякова.

don't you dare be jealous — не смей ревновать *(англ.)*.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Денис — Д. Рош.

«Aguet» — «Соглядатай» на французском.

«Petrop.<olis>» — издательство «Петрополис».

Wilson — сведения отсутствуют.

Люся — И. Л. Фейгин.

He is very nice, but rather impossible. — Он очень милый, но довольно несносный *(англ.)*.

Зин-Зин — кот Фондаминского, названный в честь Владимира Зензинова.

…буду писать к Чернавиной, отменяя. — ВН отказался от ее приглашения пожить у них в Лондоне (см. письмо от 8 февраля 1937 г.).

I love you. — Люблю тебя *(англ.)*.

My darling! — Душенька моя! *(англ.)*

…статья Ходас.<евича>? — Ходасевич В. О Сирине // Возрождение. 1937. 13 февраля. С. 9. См. письмо от 25 января 1937 г. и примеч. к нему.

172. 16 февраля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Получил от Полана книжки. — То есть получил гонорар от «Нувель ревю франсэз».

Виделся вчера с Люсей ‹…› Он теперь сделает тридцать одну страницу… — Очередное кодированное сообщение о деньгах: речь идет не о поездке И. Л. Фейгина (Люси) в Лондон, а о заработках ВН, отдаваемых ему на сохранение. Возможно, «страница» означает сто франков.

…шло заседание «Нового града». — Собрание редколлегии религиозно-философского журнала «Новый град», который с 1935 г. выходил один раз в год.

My darling, I am afraid you are tired and lonely, but you have the little one with you at least, and I haven't. — Милая моя, я боюсь, что ты устала и чувствуешь себя одиноко, но с тобой хотя бы маленький рядом, а со мной его нет *(англ.)*.

moi ce que j'aime chez Montherlant… — что мне нравится у Монтерлана… *(фр.)* Анри де Монтерлан (1895–1972) — французский писатель, драматург, эссеист.

I love you, I love you. — Люблю тебя, люблю тебя *(англ.)*.

173. 19 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля. На конверте написан парижский обратный адрес: «c/o Fondaminsky, 130, av. de Versailles». В правом верхнем углу первой страницы письма указан лондонский адрес, под ним написано: «19–ii–1937» — вероятно, рукой В. Е. Набоковой.

Дункерк (Дюнкерк) — портовый город на берегу Ла-Манша, откуда ходит паром в Дувр.

ferry-boat — паром *(англ.)*.

дуана (от *фр.* douane) — таможня.

Victoria — Вокзал Виктория, второй по величине в Лондоне.

…кубовом таксомоторе (кубово-синем, — не только по форме)… — Игра слов, так как слово «куб» созвучно с *англ.* cab — кеб, наемный экипаж, такси, а кубовой называли синюю растительную краску из растения куб, индиго (Словарь В. И. Даля). Кроме того, здесь содержится аллюзия к роману Андрея Белого «Петербург» (1913), который ВН высоко ценил и в котором, как он полагал, упоминается «кубовый куб кареты» (письмо ВН к В. Ф. Ходасевичу от 26 апреля). При этом, как отметил А. Долинин, карета Абле-

ухова в «Петербурге» была черной (*Долинин А.* Кубовый цвет. Из комментария к словарю Набокова // Analysieren als Deuten. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. P. 565). Примечательно, что это письмо начинается в той же цветовой гамме — с «синего спального поезда».

Авксентьева — Александра Николаевна Прегель (урожд. Авксентьева; 1907–1984) — художница, иллюстратор, дочь М. С. Цетлиной от брака с Н. Д. Авксентьевым.

…позвонил Томсоновым… — То есть Бертрану и Лизбет Томпсон.

«*автоб*» — автобиография.

reader — читатель-рецензент *(англ.)*.

Curtis Brown — Альберт Куртис Браун (1866–1945) — литературный агент, основатель лондонского «Литературного агентства Куртис Браун» (1905).

Gollan<c>z — Виктор Голланц (1893–1967) — основатель английского издательства «Виктор Голланц» (1927).

…выбирал <еду>… — Слово «еду» вписано карандашом поверх строки, по-видимому, рукой В. Е. Набоковой.

Анюта — А. Л. Фейгина.

Фрице Массари (наст. имя Фредерике; 1882–

1969) — австрийская опереточная певица-сопрано и актриса кино, одна из самых известных див своего времени; в 1933 г. из-за преследования людей еврейского происхождения покинула Германию.

Молли — Карпентер-Ли.

Чэринг (Чаринг)-Кросс — перекресток главных улиц Вестминстера южнее Трафальгарской площади, географический центр Лондона.

Eileen Bigland — Эйлин Бигланд (1898–1970) — английская писательница, автор биографий и путевых очерков.

Гринб.<ергу> — С. И. Гринбергу, своему бывшему однокласснику.

Будб.<ерг> — баронесса Мария (Мура) Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, по первому мужу Бенкендорф; 1891–1974) — авантюристка, предполагаемый двойной агент ОГПУ и британской разведки, любовница английского дипломата сэра Роберта Локкарта (1887–1970), литературный секретарь и гражданская жена Максима Горького, впоследствии любовница Г. Уэллса.

тетка — тетя Бэби, сестра В. Д. Набокова Надежда Дмитриевна Вонлярлярская (урожд. Набокова; 1882–1954).

Bourne — Г. Дж. Бурн, управляющий издатель-

ством «Джон Лонг».

copyright — копирайт, авторское право *(англ.)*.

Люся все получил… — ВН сообщает, что И. Л. Фейгин получил от него деньги на хранение и якобы не едет в Лондон (см. предыдущее письмо).

Лоллий — Львов.

«Таир» — издательство Рахманиновых.

«Королек» — рассказ был впервые опубликован: Последние новости. 1933. 23 июля. С. 6; 1933. 24 июля. С. 2; вошел в сборник «Весна в Фиальте».

Риделиус Эллен — переводчица «Защиты Лужина» на шведский (1936).

Радио «Belge» — бельгийское радио.

174. 22 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…у Северян… — в «Обществе Северян и Сибиряков Великобритании».

…sir Dennison (правильно Denison) Ross… — сэр Эдвард Денисон Росс (1871–1940) — лингвист, специалист по Ближнему Востоку, директор Британского информационного бюро по вопросам Ближнего Востока.

Молли — Карпентер-Ли.

moelleux — мягкий *(фр.)*.

Ю. Ю. — жена Г. П. Струве.

parties — приемы, вечеринки *(англ.)*.

Don't worry about my flu — Не беспокойся из-за моего гриппа *(англ.)*.

175. 22 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля. На конверте рукой ВН: «Здоров!»

Савелий Исак.<ович> — Гринберг.

Глеб — Г. П. Струве.

Wells ‹…› одну фразу о нем в моей штуке, которую все не знаю, как назвать. — Имеется в виду автобиография ВН, которую он в это время называет «автоби», «автоб» или «Это я». В английской версии автобиографии ВН пишет о встречах в 1919 г. отца с Г. Уэллсом, «которого оказалось невозможным убедить, что большевизм представляет собой лишь брутальную, законченную разновидность варварского гнета, — саму по себе такую же древнюю, как пески пустынь, — а вовсе не привлекательно новый эксперимент, за который его принимали столь многие иностранные наблюдатели» («Память, говори», гл. 13; пер. С. Б. Ильина; в «Других берегах» этот пассаж опущен).

Байкалов Анатолий Васильевич (1882–1964) — писатель, журналист, постоянный автор «Последних новостей», редактор газеты «Русский в Англии».

Татьяна Васильевна — Чернавина.

Mrs Haskell — Вера Марковна Гаскелль (урожд. Зайцева; 1903–1968) — жена А. Гаскелля.

Алданова — Т. М. Ландау-Алданова, сестра В. М. Гаскелль.

Соломон Флора Григорьевна (урожд. Бенесон; 1885–1984) — видная деятельница сионистского движения, защитница прав рабочих и детей, издательница, вдова наследника лондонской брокерской фирмы.

Вольф Марк Михайлович (1891–1987) — юрист.

a découché — не ночует дома *(фр.)*.

I am longing for you — Я сильно скучаю по тебе *(англ.)*.

Nord-Express — международный фирменный поезд, курсировавший в том числе между Берлином и Парижем. В «Других берегах» Набоков описывает путешествия на Норд-Экспрессе в детстве (гл. 7), а также упоминает, как дядя В. И. Рукавишников, подкупив машиниста, останавливал поезд на дачной станции у своей усадьбы Рождествено (гл. 3).

…ne t’en déplaise — не сердись на это *(фр.)*.

176. 24 февраля 1937 г

Конверта нет. Рукой В. Е. Набоковой проставлены место и дата: «Notting Hill 24–ii–37». Ноттинг-Хилл — район Лондона.

Книжка ‹…› получится довольно длинная… — Подразумеваются заработки ВН.

Люсины статьи — деньги, которые ВН оставил у И. Л. Фейгина в Париже.

…северяновские три странички. — Три гинеи, заработанные на выступлении в Обществе северян.

…был у Гринбергов: мать его… — Вероятно, речь идет о семье С. И. Гринберга.

I thought better of it — я передумал *(англ.)*.

Frank Strawson — Фрэнк Строусон, партнер и ответственный секретарь издательской фирмы «Виктор Голланц».

Флора — Соломон.

à trois — втроем *(фр.)*.

lecturing-job — место лектора *(англ.)*.

Ridley — Наталия Александровна, леди Ридли (урожд. Бенкендорф; 1886–1968) — жена сэра Джаспера Николаса Ридли (1887–1951).

neé — урожденная *(фр.)*.

Зека — Г. И. Гессен.

дочь Асквита — леди Элен Вайолет Бонэм Картер (урожд. Асквит; 1887–1969) — единственная дочь Герберта Генри Асквита, первого герцога Оксфордского и Асквитского (1852–1928), премьер-министра Великобритании (1908–1916).

«Despair» — «Отчаяние».

Huntington (Putnam) — Констант Хантингтон (1876–1962) — главный редактор лондонского отделения американского издательства «Дж. П. Патнамс санз».

Leslie Hartley — Лесли Поулс Хартли (1895–1972) — английский новеллист, автор рассказов, критик.

Книжка выходит 8 *апреля.* — Роман «Отчаяние».

I love you, my dear darling. Just got your dear letter, luftpost. — Люблю тебя, моя милая душенька. Только что получил твое дорогое письмо, авиапочтой *(англ., нем.)*.

177. 27 февраля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

underground — подземная железная дорога *(англ.)*.

Pen-Club — ПЕН-клуб.

Майский Иван Михайлович (наст. имя Ян Ляховецкий; 1884–1975) — историк, писатель, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании (1932–1943).

Будберг ‹…› его метресса… — Речь идет об отношениях баронессы и Г. Уэллса.

Long: переводчик получил… — Имеется в виду гонорар (45 гиней) самого ВН, переведшего «Отчаяние» на английский, от издательства «John Long».

Молли — Карпентер-Ли, которая помогала ВН редактировать перевод «Отчаяния».

Claude Houghton — Клод Хаутон (1889–1961) — английский писатель, автор метафизических триллеров.

Книжка выходит… — «Отчаяние».

Publicity — реклама в печатных изданиях (статьи, рецензии и т. п.) *(англ.)*.

Garnett — Клара Констанс Гарнетт (1861–1946) —

известная английская переводчица русской художественной литературы.

Nicholson — сэр Гарольд Джордж Николсон (1886–1968) — английский дипломат и писатель, автор работ о Верлене, Теннисоне, Байроне и других поэтах.

will be set — будет набрана *(англ.)*. Слово «набрана», следующее далее со знаком вопроса и заключенное в скобки, написано ВН, который хотел пояснить жене не совсем знакомый ему самому типографский термин.

kommt in Frage: Duckworth — здесь: наиболее вероятно: Дакворт *(нем.)*. Издательство «Джеральд Дакворт и компания», основанное в Лондоне в 1898 г.

Mrs Allen Harris — Анжелика Васильевна Аллен Харрис.

…с легким оттенком баронессы… — Будберг.

тетя Бэби — Н. Д. Вонлярлярская.

тиуаих — ниточки, наводки *(фр.)*.

Виленкин Марк Владимирович (1891–1961) — юрист, занимался ликвидацией старых русских банков, имевших активы в Англии.

Liberal Club — National Liberal Club (Национальный либеральный клуб) в центре Вестминстера на берегу Темзы. Основан в 1882 г.

and scores of others — и многие другие *(англ.)*.

Франк Виктор Семенович (1909–1972) — литературный критик, историк; ВН упоминает его в письме от 19 июня 1939 г. в связи с Обществом защиты науки и образования, о котором, возможно, здесь также идет речь.

Harrison — Эрнест Гаррисон (1877–1943), кембриджский «тютор» ВН, упоминается в «Других берегах» (гл. 12).

Dr. Stewart — преподобный доктор Стюарт из Тринити-колледжа в Кембридже; иные сведения отсутствуют.

Pares — сэр Бернард Пэрс (1867–1949) — выпускник кембриджского Тринити-колледжа, выдающийся английский специалист по русской истории, директор Школы славянских и восточноевропейских исследований в Лондонском университетском колледже; во время своих первых поездок в Россию познакомился с ведущими российскими либералами, в том числе и с отцом ВН; вновь побывав в СССР в 1935 г., признал достигнутые при Сталине успехи.

week-end — выходные *(англ.)*.

public school — частная закрытая школа, обычно для детей из привилегированных слоев *(англ.)*.

Итон — Королевский колледж богоматери

Итонской рядом с Виндзором, основанный в 1440 г., — частная школа-пансион для мальчиков.

У Виктора ‹…› сто двадцать девять ящиков бабочек… — ВН сообщает жене, что в Англии он заработал 129 фунтов (включая пожертвования, входные билеты и аванс).

It is quite settled, under these circumstance<s> — Практически решено, при имеющихся обстоятельствах *(англ.)*.

грек — псориаз.

I haven't done a spot of work since I left. — Со времени отъезда я совсем не работал *(англ.)*.

Отто К.<лемент> — Литературный агент, который продал права на «Камеру обскура» и «Отчаяние» в «Хатчинсон и К°».

placement — помещение (книги в издательство) *(англ.)*.

Heinemann — английское издательство «Уильям Хайнеман», основанное в 1890 г.

«Grosvenor House» — отель «Гросвенор-хаус» в бывшей городской резиденции герцогов Вестминстерских.

«Carlton Hotel» — «Отель Карлтон», один из самых известных в Лондоне, был основан в 1899 г. Разрушен в 1940 г. во время бомбардировки Лон-

дона гитлеровской авиацией.

version — версия, вариант *(англ.)*.

let me introduce you to Mr. Sirin — позвольте представить вам мистера Сирина *(англ.)*.

I am rather fed up with the whole business — Я сыт по горло всем этим *(англ.)*.

старик Жозеф — И. В. Гессен.

Авг.<уст> Ис.<аакович> — Каминка.

Елена Ивановна — Набокова, мать ВН.

Виктор — сам ВН.

…со святым Сав.<елием> Ис.<аковичем>… — С Гринбергом, который был очень добр к ВН.

…Александра Блока — не поэта… — Сведения отсутствуют.

Канегиссер — Елизавета (Лулу) Каннегисер.

lodgings — апартаменты *(англ.)*.

hall — здесь: обеденный зал *(англ.)*.

на Backs — на Зады (за здания колледжа) *(англ.)*.

…пушкинское настроение начинало работать ямбическим поршнем. — Приведенное здесь начало стихотворения, которое не было завершено, содержит отсылки к знаменитому пушкинскому «Вновь я посетил…» (1835). ВН ок. 1947 г. переведет его как «The Return of Pushkin» («I have seen again…») (опубл.: Verses and Versions / Ed. by B.

Boyd, S. Shvabrin. P. 200–205).

…шведскую «Защиту»… — Роман «Защита Лужина» в переводе Эллен Риделиус (Han som spelade schack med livet. Stockholm: Bonniers, 1936).

Trinity Street — Тринити-стрит в Кембридже, проходящая рядом с Тринити-колледжем, где учился ВН.

…описанной в «Подвиге»… — «В этой кондитерской, очень привлекавшей студентов, пирожные были всех цветов, ярко-красные в пупырках крема, будто мухоморы, лиловые, как фиалковое мыло, и глянцевито-черные, негритянские, с белой душой. Нажирались ими до отвала, так как все хотелось добраться до чего-нибудь вкусного, поглощался один сорт за другим, пока не слипались кишки» (гл. 25).

Багрова — Мария Васильевна Зноско-Боровская (урожд. Нерпина, сценический псевдоним Филаретова-Багрова; 1882–1946) — актриса.

Люся — И. Л. Фейгин.

…так как завтра приедет настоящий. — Имеется в виду подарок, посланный ВН сыну.

…с книгой ‹…› (о маленьком Людовике, в Temple)… — Книга Жоржа Ленотра (псевдоним Луи Госселина; 1855–1935) «Король Людовик XII

и тайна Темпля» (Paris: Perrin, 1936), где рассказано о дофине Людовике Карле (1785–1795), сыне Людовика XVI и Марии-Антуанетты, который был заключен в крепость Темпль, воспитывался сапожником и умер в тюрьме от туберкулеза.

permanently please people, pens, postmen and posterity — неизменно радует людей, перья, почтальонов и потомков *(англ.)*. Реклама «Чернил Стивенса» — знаменитой марки «сине-черной жидкости для письма», запатентованной в 1837 г. английским хирургом, химиком, изобретателем и писателем Генри Стивенсом (1796–1864).

«Coupole» — «Куполь», кафе на Монпарнасе.

Бабусенька — Мария Фердинандовна Набокова (урожд. фон Корф; 1842–1925) — бабушка ВН по отцовской линии.

…у милейших Lee… — у Молли Карпентер-Ли и ее мужа.

«Hyde Park Hotel» — отель «Гайд-парк» в лондонском районе Найтсбридж.

It is not a very interesting letter, I am afraid — Боюсь, письмо вышло не слишком интересное *(англ.)*.

…был утомлен страшно… — Слово «был» добавлено позднее.

Baring — Морис Бэринг (1874–1945) — драматург, писатель, поэт, переводчик; как журналист, в 1905 г. освещал с русской стороны Русско-японскую войну; в 1914 г. сопровождал Г. Уэллса в Россию и с ним вместе посетил Набоковых в Петербурге.

178. 1 или 2 марта 1937 г

Конверта нет; рукой В. Е. Набоковой добавлена дата «2 марта», но указание ВН на «понедельник» говорит о том, что письмо, скорее всего, от 1 марта.

Liberal Club — Либеральный клуб.

Gladstone — Герберт Гладстоун (1854–1930) — британский политик, министр внутренних дел Великобритании (1905–1910).

Disraeli — Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд (1804–1881) — государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880).

Stephen Duggan — Стивен Дагган (1870–1950) — преподаватель политологии в Городском колледже Нью-Йорка, основатель Института международного образования и его первый президент. ВН, вскоре после переезда в США, ездил от этого института в лекционные турне (в 1941 и 1942 гг.).

identité — здесь: удостоверение личности *(фр.)*.

Darling, this is final. — Душенька, это окончательное (решение) *(англ.)*.

carte d'ident.<ité> — удостоверение личности *(фр.)*.

I love you, my dearest, I am in a dreadful hurry — Я люблю тебя, моя ненаглядная, я страшно спешу *(англ.)*.

179. 4 марта 1937 г

…с Люсей ‹…› другим Ильей… — с И. Л. Фейгиным и И. И. Фондаминским.

Monsieur Eidel, Consul de France, Ministère des affaires étrangères — месье Эйдель, французский консул, министерство иностранных дел *(фр.)*. Сведения отсутствуют.

Voilà — Вот так *(фр.)*.

…для Ильи и В.<ладимира> М.<ихайловича>… — Фондаминского и Зензинова.

Gabr.<iel> Marc.<el> — Габриэль Марсель.

«Vrai и V-semblable» — эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие» («Pouchkine, ou le vrai et le vraisemblable»).

Передал сто страниц Л.<юсе> по-английски. — ВН сообщает, что передал на хранение И. Л. Фейгину сто фунтов, которые заработал в Англии.

…вдовы Саши Черного… — Мария Ивановна Гликберг (урожд. Васильева; 1871–1961).

Лаванду — Ле-Лаванду, курорт на Лазурном берегу, в 36 километрах от Тулона.

Валери Поль (1871–1945) — французский поэт, эссеист, драматург и философ.

…в смысле генерала Франко… — Это не столько отсылка к генералу Франсиско Франко (1892–1975), сколько намек на французские франки, которые ВН надеется заработать. Франко вернулся в Испанию из Марокко сразу после неудачного государственного переворота, с которого 17 июля 1936 г. началась гражданская война в Испании.

…[я уже сговорился на почтовом *аэроплане ‹…›]…* — Квадратные скобки поставлены ВН.

Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) — юрист, депутат Государственной думы второго и третьего созывов, с 1931 г. — председатель Комитета помощи русским писателям и ученым.

…узнать насчет «Обиды» у Paulhan. — ВН отдал Полану перевод рассказа «Обида». См. письма от 27 и 28 января 1937 г.

…с драгоценными… — Т. е. ящик с бабочками ВН.

…девятьсот чешских страниц. — ВН сообщает, что послал матери в Прагу 900 чешских крон.

…отрывок (замаскированный) о треугольнике, вписанн<ом> в круг. — Часть первой главы «Дара».

I adore you. I adore the little one. — Обожаю тебя. Обожаю маленького *(англ.)*.

Альтаграция — де Жанелли, американский

литературный агент ВН.

180. 7 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Tisné — Пьер Тисне, секретарь в издательстве «Grasset», в 1937 г. основал собственное издательство.

меховщик Кирхнер — сведения отсутствуют. В письме от 10 марта 1937 г. его имя приведено как «Киршнер». Указание на «меховщика» может быть шуткой, по ассоциации с немецким словом «Kürschner» (меховщик).

«автоб» — автобиография ВН.

«Фиальта» — рассказ «Весна в Фиальте».

«Hundred Russian Short Stories» — «Сто русских рассказов». Судя по всему, книга не была опубликована *(англ.)*.

Написал Милю. — Веротяно, сокращение от «Милюков».

…франц.<узский> перевод «Музыки»… — Перевод рассказа «Музыка» был опубликован только 14 мая 1959 г. в «Нувель литерэр» (с. 7).

…Иде для «Candide»… — И. М. (Дусе) Эргаз для журнала «Кандид».

…увижу ее у К. — либо у Кортнера, либо у Кирхнера, где в тот вечер проходил прием «Современ-

ных записок».

Раиса — Р. А. Татаринова.

Mallarmé — Стефан Малларме (1842–1898) — поэт.

Коган-Бернш<т>ейн Елена Яковлевна — врач.

…сажусь за пьесу. — Судя по следующему письму, это еще не пьеса «Событие».

181. 10 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

utterly miserable — совершенно несчастен *(англ.)*.

leading lady — ведущая актриса *(англ.)*.

Бахарева — кн. Мария Александровна Цицианова (? — 1962), выступала на сцене под девичьей фамилией Бахарева.

Ильюша и В.<ладимир> М.<ихайлович> — Фондаминский и Зензинов.

…ее тему ‹…› безумие… — Этот сюжет не был реализован ни в одном из известных произведений ВН.

interv.<allum> luc.<idum> — период ясного сознания, светлый промежуток (при психозе) *(лат.)*.

Уже на днях выходят «Сов.<ременные> Зап.<иски>»… — № 63 «Современных записок», который открывается первым отрывком из «Дара» (с. 5–87).

…Вадим Викторович предлагал ‹…› Отец возьмет. — Вадим Викторович Руднев, издатель «Современных записок». ВН проецирует его отчество на один из своих «псевдонимов», сообщая в зашифрованной форме, что Виктору («отцу»

Руднева) будет заплачено за публикацию в журнале.

Дусей — И. М. Эргаз.

«Musique» — французский перевод рассказа «Музыка». См. примеч. к предыдущему письму.

Pauce — Р. А. Татариновой.

advance copies — сигнальные экземпляры *(англ.)* английского издания «Отчаяния».

Coulson Kernahan — Коулсон Кернан (1858–1943) — английский писатель и эссеист.

Ralph Straus — Ральф Строс (1882–1950) — английский писатель, библиограф, биограф.

David Garnett — Дэвид Гарнетт (1892–1981) — английский писатель, сын переводчицы Констанс Гарнетт.

Выйдет пятнадцатого апреля… — Т. е. в годовщину свадьбы Набоковых.

blasé — пресыщенный *(фр.)*.

publisher — издатель *(англ.)*.

le toupet — нахальство *(фр.)*.

Хмара Григорий Михайлович (1882–1970) — актер, режиссер.

…передам Lucy… — Люсе, т. е. И. Л. Фейгину. ВН сообщает, что отдаст ему на хранение 10 фунтов из денег, заработанных в Лондоне.

Послал тебе сегодня «N.<ouvelle> R.<evue>

F.<rançaise>». — Номер «Нувель ревю франсэз» от 1 марта 1937 г. с эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

bras de chemise — буквально: без пиджака *(фр.)*. Речь идет об отсутствии суперобложки, которую в сигнальных экземплярах английского «Отчаяния» заменили на простую бумажную обертку.

type-script — машинописный текст *(англ.)*.

I love you, my darling. — Люблю тебя, моя душенька *(англ.)*.

come soon! I can't live without you anymore. — приезжай скорее! Я не могу больше без тебя жить *(англ.)*.

182. 14 марта 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

«Музыка» сдана Кандиду. — Судя по всему, в журнале «Кандид» рассказ опубликован не был.

«Despair» — «Отчаяние».

Эргазино — издательство. — Рекомендованное И. М. (Дусей) Эргаз.

come soon, come soon! — приезжай скорее, приезжай скорее! *(англ.)*

Rocquebrune — Рокебрюн (Roquebrune).

Страстбург — правильно: Страсбург. ВН повторит эту ошибку несколько раз.

tub — ванна, в данном случае — резиновая *(англ.)*.

…на пьесе Алданова… — Постановка «Линии Брунгильды» (опубл.: Русские записки. 1937. № 1. С. 9–92).

avec les — вместе с… *(фр.)*

…Люсе десять поручений… — Еще одно зашифрованное упоминание о деньгах, которые ВН собирается передать на хранение И. Л. Фейгину.

…вдова Саши Черн<ого>… — См. примеч. к пись-

му от 12 января 1924 г.

I love you, my own. — Люблю тебя, моя единственная *(англ.)*.

Бедный Замятин! — Е. П. Замятин скончался 10 марта 1937 г. на улице Огюста Раффе, д. 14; похоронен в пригороде Парижа Тье.

183. 15 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

My love, my darling, you make me anxious and cross — Моя любовь, моя душа, ты заставляешь меня тревожиться и сердиться *(англ.)*.

…how cross I am with you. — как сильно я на тебя сержусь *(англ.)*.

«Lettres de femmes et femmes de lettre<s>» — «Женская литература и женщины в литературе». Судя по всему, лекция написана не была *(фр.)*.

crosser and crosser — сердитее и сердитее *(англ.)*.

Рокбрюн — правильно: Рокебрюн.

La Favières (правильно: La Favière) — район департамента Вар, между Тулоном и Сан-Тропе.

Lavandou, Var — Ле-Лаванду, Вар.

Bormes — Живописная деревушка Борм-ле-Мимоза (Bormes les Mimosas), расположенная на высоте 640 м над уровнем моря.

nous trois. — за нас троих *(фр.)*.

…при участии нескольких подалириев… — Iphiclides podalirius, бабочка из семейства парусников, один из немногих европейских парусников. ВН уже бывал в этих краях (в 1923 г.)

и знал, какие бабочки и когда там появляются.

…начинаю писать, как Чернышевский… — Стиль Н. Г. Чернышевского ВН пародирует в четвертой главе «Дара».

…для Цюриха… — Для цюрихской газеты. Эти публикации не обнаружены.

«Чорб» — рассказ «Возвращение Чорба».

Винавер Евгений Максимович (1899–1979) — литературовед, сын Максима Моисеевича Винавера (1862–1926), одного из основателей кадетской партии, друга В. Д. Набокова. В 1933 г. Евгений Винавер стал преподавателем французского языка и литературы в Манчестерском университете.

My poor tired little Tim. — Мой бедный усталый Тим *(англ.)*. Отсылка к стихотворению «Tired Tim» одного из любимых английских поэтов ВН Уолтера де ла Мара: «Poor Tired Tim! It's sad for him (Бедный усталый Тим! Ему грустно)».

Павел — П. Н. Милюков.

Виктор — сам ВН.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Eidel — Речь идет о прошении о визе на имя консула Эйдель (Eidel), в котором надо было указать цель поездки. ВН писал об этом жене 4 марта 1937 г.

repos — отдых *(фр.)*.

Пьеса Алданова… — «Линия Брунгильды». См. примеч. к предыдущему письму.

beaux-esprits — острословы *(фр.)*.

…ответа от «Candide»… — от журнала «Кандид» о том, состоится ли публикация рассказа «Музыка».

Эргазиха — И. М. (Дуся) Эргаз.

Обе мои Ирины… — Кянджунцева и Кокошкина-Гуаданини.

Лихошерстов Александр Александрович (1874–1958) — полковник, во время Первой мировой войны командовал киевской милицией, с 1927 по 1940 г. служил в «Последних новостях».

…о котором я тебе еще в 33 *году писал…* — На самом деле ВН писал о нем в письме от 24 октября 1932 г.

Antonine — правильно: Antonini (журналист и критик Джакомо Антонини).

старик — И. В. Гессен.

Грек мой лучше… — Псориаз.

People are tremendously nice to me — Все со мной невероятно милы *(англ.)*.

184. 17 марта 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…на пушкинской выставке. — Выставка «Пушкин и его эпоха» в Саль-Плейель, посвященная столетней годовщине смерти поэта, была организована танцовщиком и хореографом Сергеем Михайловичем (Сержем) Лифарем (1905–1986); торжественное открытие, на котором присутствовал ВН, состоялось 16 марта 1937 г.

«Матэн» — популярная французская ежедневная газета «Le Matin» (1883–1944). ВН познакомился с ее издателем Стефаном Лозанном. См. также письмо от 24 марта 1937 г.

I can't do without you any more… — Я не могу без тебя больше… *(англ.)*

Давыдов Константин Николаевич (1877–1960) — зоолог, совершал экспедиции в Сирию, Палестину, на Аравийский полуостров, в Индию и Китай.

C'est gentil? — Мило, не правда ли? *(фр.)*

185. 19 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

I forbid you to be miserable, I love you and… ‹…› I love you. — Я запрещаю тебе быть несчастной, я люблю тебя и… Я люблю тебя *(англ.)*.

avec tout confort — со всеми удобствами *(фр.)*.

One thing is definite — Одно определенно *(англ.)*.

it is rather hard upon me and everyone — Fondaminsky included — это довольно тяжело для меня и всех прочих, включая Фондаминского *(англ.)*.

186. 20 марта 1937 г

Конверта нет, дата не указана; датировано В. Е. Набоковой: «Feb ~~19~~— 20–1937», с припиской Д. В. Набокова: «переведено 20 дек. 1986» — то есть сразу после выхода в свет книги Эндрю Филда «Жизнь и искусство Владимира Набокова» (New York: Crown, 1986), в которой впервые была обнародована история романа ВН с Ириной Гуаданини. Опубликовано в «Selected Letters [Избранные письма], 1940–1977» (New York, 1989). Датировка Веры Евсеевны (и, соответственно, в «Избранных письмах») неверна: как контекст, так и последовательность излагаемых здесь событий свидетельствуют, что это письмо написано на другой день после предыдущего.

en jeu — на кону *(фр.)*.

Because if you go on like that I shall simply take the next train to Berlin — Потому что, если ты будешь так продолжать, я просто сяду на следующий поезд в Берлин *(англ.)*.

Incidentally, I am not particularly interested in the butterflies of that department — Var — Кстати, меня не особенно интересуют бабочки в этом департаменте — Вар *(англ.)*. Вар — один из департаментов

Франции региона Прованс — Альпы — Лазурный берег.

without you and the little one — без тебя и маленького *(англ.)*.

Reviewers who like it will hail it as genius ‹…› and as such is very admirably done — Рецензенты, которым книга нравится, назовут ее гениальной… Те, кому она не нравится, назовут ее крайне отталкивающей… Насколько я понимаю, она написана от лица преступника-маньяка и в этом смысле сделана блестяще *(англ.)*.

Старая Грация — Альтаграция де Жанелли.

My dear love — Моя дорогая любовь *(англ.)*.

…бывшую Муравьеву. — Возможно, Ирина Николаевна Угримова (урожд. Муравьева; 1903–1994) — театральный художник-декоратор и костюмер.

You should not let yourself go like that. — Ты не должна позволять себе доходить до этого *(англ.)*.

I want to hold you and kiss you — Хочу обнимать и целовать тебя *(англ.)*.

Tub — (резиновая) ванна *(англ.)*.

Передал вчера Люсе книги. — Т. е. ВН оставил заработанные деньги у И. Л. Фейгина.

Petit — французский юрист Эжен Пети (1871–

1938) и его жена Софья Григорьевна (урожд. Балаховская, Софи Пети-Балаховски; 1870–1966), у которых в Париже был знаменитый литературный салон.

Бернадцкий (правильно: Бернацкий) Михаил Владимирович (1876–1943) — экономист, преподавал в Тенишевском училище; позднее — министр финансов во Временном правительстве, в Париже служил председателем Финансового Совета при Совете Послов, был преподавателем экономики.

…моими двумя. — Фондаминским и Зензиновым.

187. 21 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Виктор — сам ВН.

C'est toujours cela. — Лучше, чем ничего *(фр.)*.

«Putnam» — «Патнам», американское издательство, с редактором лондонского отделения которого, К. Хантингтоном, ВН встречался 24 февраля.

in book form. «On the other hand ‹…› about such a plan» — отдельным изданием. «С другой стороны, возможна публикация ее по частям в каком-нибудь литературном журнале. Если вы хотите, чтобы я сделал так, я с удовольствием проконсультируюсь о таком плане действий с агентом» *(англ.)*.

Conciergerie — Консьержери, бывший дворец, а также тюрьма на острове Сите в Париже.

Мария-Антуанетта (1755–1793) — французская королева, супруга Людовика XVI, казненная по приказу революционного Конвента.

Горгулов Павел Тимофеевич (1895–1932) — русский эмигрант, гильотинированный за убийство президента Франции Поля Думера (1857–1932).

my dear one — моя дорогая *(англ.)*.

188. 22 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

the whole thing is a dreadful disappointment — все это страшное разочарование *(англ.)*.

I don't think I can stand it. — Кажется, я этого не вынесу *(англ.)*.

My darling, what am *I to do?* — Душенька моя, ну а *мне*-то что делать? *(англ.)*

8 мая — годовщина их первой встречи, которую Набоковы всегда отмечали.

Раиса — Р. А. Татаринова.

В. В. — Владимиру Владимировичу, то есть самому ВН.

My love! — Любовь моя! *(англ.)*

Виктор — сам ВН.

Yes, my dear love, go to F.<ranzensbad> — Да, милая моя любовь, поезжай в Ф.<ранценбад> *(англ.)*.

I adore you and the baby! — Я обожаю тебя и малыша! *(англ.)*

Привет Анюточке! — А. Л. Фейгиной (приписано сверху).

Tub нужен непременно. — Приписка ВН вдоль правого края страницы.

189. 24 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

But I feel horribly lonely, sad, and fed up, my dear sweet love. — Но мне страшно одиноко, грустно и все надоело, дорогая моя, милая любовь *(англ.)*.

мой грек — псориаз.

…его шестилетнего ‹…› сына. — Никиту Алексеевича Струве (1931–2016), в будущем литературоведа и переводчика.

Пти Софья Григорьевна — см. примеч. к письму от 20 марта 1937 г.

Michel — издательство «Альбан Мишель», основано в Париже в 1900 г.

Lausanne (Matin) — Стефан Лозанн, издатель парижской газеты «Ле Матэн».

«Оповещение» перевожу… — Рассказ, перевод которого 1937 г. на французский язык не обнаружен.

«Nouv.<elles> Lit.<téraires>» — «Нувель литерэр».

«Подарок» — часть первой главы «Дара» (опубл.: Последние новости. 1937. 28 марта. С. 4).

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — специалист по античной и классической истории,

археолог, бывший член ЦК кадетской партии; с 1925 по 1939 г. преподавал в США, в Йельском университете. ВН раньше спрашивал Ростовцева, не может ли тот помочь ему найти «какую угодно работу», ссылаясь на «отчаянное» положение (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 501).

les petits gros chats — маленьких больших кошек *(фр.)*. ВН обещает не тратить свои основные заработки в Париже («gros chats» произносится как «грошá»).

with luck — если повезет *(англ.)*.

Виктор — сам ВН.

Август — Каминка.

Eidel — Эйдель, консул, которому В. Е. Набокова отправила прошение о визе.

My fault, sorry. — Моя вина, прости *(англ.)*.

my little friend — мой дружок *(англ.)*. Видимо, подарок, который ВН отправил сыну в Берлин с Георгием Гессеном.

meals — питание *(англ.)*.

Филиппов — сведения отсутствуют.

Тегель. — Речь идет о плате за содержание могилы В. Д. Набокова на Тегельском кладбище в Берлине.

190. 26 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

My love — Моя любовь *(англ.)*.

Жанна — служанка И. И. Фондаминского.

«nos messieurs sont aussi comme ça…» — «вот и наши мужчины такие же» *(фр.)*.

…у кн. Цицановой — актриса М. А. Бахарева, см. примеч. к письму от 10 марта 1937 г.

…пьесы Теффи. — Пьеса Тэффи «Момент судьбы» (1937), премьера которой состоялась 27 марта в Русском театре.

…«The Bell», «Passenger» и «Чорба». — Рассказы «Звонок» (1927), «Пассажир» (1927) и «Возвращение Чорба» (1925).

тетя Нина — Н. Д. Коломейцева.

I love you, I am beginning to derive a certain pleasure from the thought… — Я люблю тебя, я начинаю получать определенное удовольствие от мысли… *(англ.)*

what did the doctor say exactly? — что в точности сказал врач? *(англ.)*

Анюточка ‹…› Люся — А. Л. Фейгина, И. Л. Фейгин.

I cannot tell you, how I love you and miss you. —

Не могу передать, как люблю тебя и как скучаю по тебе *(англ.)*.

191. 28 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

My darling, my love — Моя душенька, моя любовь *(англ.)*.

Сегодня 28-*е, пятнадцатая годовщина.* — Годовщина смерти В. Д. Набокова.

Я загодя напомнил об этом в П.<оследних> Н.<овостях>… — Т. е. в газете, редактором которой был П. Н. Милюков. Напоминание ВН было связано с тем, что его отца убили при попытке защитить Милюкова от пули на публичной лекции.

…пью чай с вел. кн. Мари<ей> Павл.<овной>… — Великая княгиня Мария Павловна (1890–1958), дочь великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны, внучка Александра II; в первом браке герцогиня Зюдерманландская, во втором — княгиня Путятина (брак расторгнут в 1923 г.).

George V — фешенебельный отель в центре Парижа.

I love you, my sweet one. — Я люблю тебя, моя милая *(англ.)*.

Зека — Г. И. Гессен.

Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — русско-американский актер и театральный режиссер, племянник А. П. Чехова.

Зайцев — писатель Б. К. Зайцев.

192. 30 марта 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Champs-Élys.<ées> — Елисейские Поля, центральная магистраль Парижа.

le plus rapide train du monde des jouets — самый быстрый поезд в мире игрушек *(фр.)*.

…в сборник… — «Сто русских рассказов», который не был опубликован.

Путнаму очень *понравилась автоб-я…* — Речь идет об издательстве «Патнам» и английской автобиографии ВН.

…пустили «serial»'ом в журнале. — Т. е. опубликовали выпусками в нескольких номерах.

…предложила мне свидание сегодня с Алекс.<еем> Толстым, но я, кажется, не пойду. — Граф Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) — русский и советский писатель, в 1919–1923 гг. жил в Париже и Берлине, где посещал В. Д. Набокова, потом вернулся в Россию. В марте 1937 г. посетил Париж и Лондон, где выступил на втором «Конгрессе мира и дружбы с СССР». ВН не принимал его просоветской позиции.

Мария Павловна. — См. примеч. к предыдущему

письму.

Авинов Андрей Николаевич (1884–1949) — американский лепидоптеролог русского происхождения, с 1926 по 1945 г. куратор, потом директор Музея естественной истории Карнеги в Питсбурге.

Про Нику и Наташу… — Н. Д. и Н. А. Набоковых.

snobs — снобы *(англ.)*.

«Лужин» — «Защита Лужина».

Полякова Анна (Альма) Эдуардовна (урожд. де Рейсс, 1879–1940) — актриса, благотворитель.

В «Подарке» ‹…› оказалось больше трехсот строк… — Отрывок из «Дара» вышел двумя днями раньше, 28 марта 1937 г.

«Вознаграждение». — Отрывка из «Дара» под таким названием в печати не появлялось. Следующий отрывок будет озаглавлен «Одиночество» (Последние новости. 1937. 2 мая. С. 2, 4).

…он еще больше похорошел. — Маленький Дмитрий Набоков, которого Г. И. Гессен видел в Берлине.

Виктор — сам ВН.

Lefèvre («Nouv.<elles> Lit<té>r.<aires>») — Фредерик Лефевр (1889–1949) — главный редактор «Нувель литерэр».

Thiébaut («Revue de Paris») — Марсель Тьебо (1897–1961) — драматург, литературный критик и переводчик, редактировал «Ревю де Пари».

I adore you — Обожаю тебя *(англ.)*.

193. 2 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Отправляя письма на адрес Оснабрюкерштрассе, 21, ВН обычно указывал: «B<ei> / Prof. Geballe».

…получить немедленно карту… — Имеется в виду удостоверение личности.

…оживает частица фризы — это голубь перелетел… — Вскоре этот образ возникнет в восьмой главе романа «Истинная жизнь Севастьяна Найта»: «‹…› вспугнутые голуби принялись колесить по небу. Потом они расселись по фризу Триумфальной арки, а когда несколько из них спорхнуло оттуда вниз, то, казалось, кусочки резного карниза оперились и ожили» (Пер. Г. Барабтарло).

Влад.<имир> Михайлович — Зензинов.

I am quite fed up with things. — Мне все порядком надоело *(англ.)*.

…приятненькая была вечеринка… — Согласно дневнику В. Н. Муромцевой-Буниной, имеется в виду ужин в честь Тэффи 30 марта: «Из чествования ничего не вышло. ‹…› Многие выпили как следует».

Кедрова Елизавета (Лиля) Николаевна (1909–

2000) — актриса театра и кино, первая жена Г. М. Хмары.

Татьяна Марковна — Алданова.

…Мте Гринберг и ее сына… — Возможно, Софья Максимовна Гринберг (урожд. Винавер; 1904–1964) — юрист, жена библиофила и торговца редкими книгами Льва Адольфовича Гринберга (1900–1981). Их сыну Михаилу Львовичу Гринбергу (Мишелю Винаверу, 1927–2022), будущему драматургу, писателю и переводчику, было тогда десять лет.

«Oxford Book of Poetry» — Оксфордская книга поэзии *(англ.)*.

Вера Николаевна — Муромцева-Бунина.

me faisait des confidences hideuses — поверяла мне отвратительные тайны *(фр.)*.

Комис<с>аржевская Вера Федоровна (1864–1910) — знаменитая актриса, звезда Александринского театра, создательница своего собственного Драматического театра в Санкт-Петербурге.

«Чарочка» — русская застольная песня.

…остов растущей выставки… — Парижская международная выставка искусств и технологий в современной жизни, проходившая с 25 мая по 25 ноября 1937 г.

Cétait à vomir. — Это было отвратительно *(фр.)*.

Перская — Доминик Десанти (урожд. Доминика Сергеевна Перская, 1914–2011) — журналистка, писательница.

Infecte. — Мерзко *(фр.)*.

…у него на выставке… — «Пушкин и его эпоха», см. примеч. к письму от 17 марта 1937 г.

…Терапиано (однажды ‹…› задевшего меня в «Числах»)… — Речь идет о рецензии на «Камеру обскура» (Числа. 1934. № 10. С. 287–288).

«<L'>Inconnue de la S.<eine>» — «Незнакомка из Сены» *(фр.)*, стихотворение, якобы написанное Федором Годуновым-Чердынцевым (героем «Дара»), опубликовано как: Из Ф. Г. Ч. // Последние новости. 1934. 28 июня. С. 3.

тетя Нина — Н. Д. Коломейцева.

My darling, my darling… and whatever you do — Моя душенька, моя душенька… и что бы ты ни делала *(англ.)*.

clandestine — нелегальный, тайный *(фр.)*.

194. 4 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

My love — Любовь моя *(англ.)*.

…Люсей и Бромб.<ергом>… — И. Л. Фейгин и, возможно, Герман Бромберг, владелец фирмы, торговавшей мехами, двоюродный брат А. Л. Фейгиной; Набоковы присматривали за его сыновьями Иосифом (Осей) и Абрамом (Рамой) на балтийском курорте Бинц в июле 1927 г.

I love you dearly, I kiss you. — Люблю тебя всей душой, целую тебя *(англ.)*.

195. 6 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

I cannot tell how utterly depressing it is — Не могу передать, как меня это удручает *(англ.)*.

Do so at once, please. — Пожалуйста, сделай это немедленно *(англ.)*.

it is unfair — это несправедливо *(англ.)*.

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — художник, иллюстратор; в подростковые годы ВН брал у него уроки живописи (см. «Другие берега», гл. 4).

Чета Родзянко — Н. М. Родзянко и его жена Лидия Эрастовна (урожд. Отпик; 1898–1975).

П. Волконский — возможно, князь Петр Петрович Волконский (1872–1957) — дипломат, историк.

je fais ce que je peux — я делаю все, что могу *(фр.)*.

«Цветы меня не радуют...» — Цитата из стихотворения А. Блока «Над озером» (1907): «Я вся усталая. Я вся больная. / Цветы меня не радуют. Пишите... / Простите и сожгите этот бред...»

Альтаграция — де Жанелли.

copyright — копирайт, авторское право.

ту компри (от *фр.* tout compris) — включая всё.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

I love you, my own one — and please don't be jealous of the… — Я люблю тебя, моя единственная, и пусть у тебя не вызывает ревности… *(англ.)*

People are very nice to me. — Все очень добры ко мне *(англ.)*.

Алекс.<андр> Фед.<орович> — Керенский.

My dear darling, it is not a very nice letter, I'm afraid… — Моя дорогая душенька, боюсь, это не очень приятное письмо… *(англ.)*

identité — здесь: удостоверение личности *(фр.)*.

196. 7 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

My love — Любовь моя *(англ.)*.

Var — Вар, южный департамент Франции.

that hideously grey and cold country — эта омерзительно серая и холодная страна *(англ.)*.

…c tub'ом… — Т. е. с (резиновой) ванной *(англ.)*.

Hotel… Beau Soleil — Отель… Бо Солей («Прекрасное солнце») *(фр.)*.

Darling, that is really my last word. — Душенька, это действительно мое последнее слово *(англ.)*.

I dreamt of you this night. — Этой ночью ты мне снилась *(англ.)*.

Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — русский художник, один из основателей «Мира искусства». Его акварельная «Радуга» висела в кабинете матери ВН в Петербурге («Другие берега», гл. 3). Вместе с Сомовым и А. Н. Бенуа ВН посетил М. В. Добужинского, который тогда жил в Лондоне, а в Париж приехал в марте для оформления спектакля «Горе от ума» в Доме армии.

Виктор — ВН говорит о самом себе.

…тысяча двести страниц чешского перевода… — ВН сообщает, что отправил матери

четвертый денежный перевод из Франции, по-видимому, 1200 чешских крон.

Готовлю отрывок… — Из романа «Дар».

I kiss you, my love. — Целую тебя, моя любовь *(англ.)*.

197. 9 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Good luck, my darling. — Удачи, моя душенька *(англ.)*.

that I haven't to bother about «récépissés» etc. as other people <do> — что мне не нужно беспокоиться из-за «квитанций» и прочего, как другим *(англ., фр.)*. Речь идет о французских официальных документах, подтверждающих, что носитель подал заявление на гостевую визу или ее возобновление.

I'm afraid it is your cousin's panicky influence. — Боюсь, это паникерское влияние твоей кузины *(англ.)*. Имеется в виду А. Л. Фейгина.

Перми де сежур перманан — постоянный вид на жительство (от *фр.* permis de séjour permanent).

Please, do not think any more about it! — Пожалуйста, не думай об этом больше! *(англ.)*

«Пильграм» в «Revue de Paris»… — Ни один из названных рассказов не появился в этих журналах, хотя за публикацию «Обиды» был получен гонорар, упомянутый в письме от 15 апреля

1937 г.

«*English associations*» — «Связи с Англией» или «Английские воспоминания» *(англ.)* — отрывок из первой версии автобиографии ВН. В опубликованных позднее версиях («Убедительное доказательство», «Память, говори», «Другие берега») он, по-видимому, составит четвертую главу, а в журнале «Нью-Йоркер» будет опубликован под заглавием «Мое английское образование» (в него войдет то, что касается семейной англофилии и английских гувернанток: The New Yorker. March 27. 1948. С. 25–28). В тринадцатой главе (журнальный вариант: Lodgings in Trinity Lane // Harper's Magazine. 1951. January. № 202. P. 84–91) будет рассказано об учебе ВН в Кембридже.

I love you, my sweet one and am terribly anxious about your health — Я люблю тебя, моя ненаглядная, и ужасно тревожусь о твоем здоровье *(англ.)*.

Hold out — Потерпи *(англ.)*.

Яблоновский Сергей — литературный псевдоним Сергея Викторовича Потресова (1870–1953) — писателя, журналиста, литературного критика.

My darling… — Душенька моя… *(англ.)*

198. 12 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Your last letter was lovely. — Твое последнее письмо было прелестным *(англ.)*.

…книжку, как только она выйдет. — Роман «Отчаяние» на английском.

Альтаграции ‹…› и напишу ему… — Несмотря на женское окончание имени Альтаграция, ВН довольно долго считал, что его нью-йоркский агент — мужчина.

…под остроумным названием «Награда» ‹…› послать в П. Н. — «Последние новости» отрывок к публикации не приняли. См. письмо от 17 апреля 1937 г.

Алекс.<андр> Фед.<орович>, Ильюша, В.<ладимир> М.<ихайлович> — Керенский, Фондаминский, Зензинов.

грек — псориаз.

…статью мою об Амалии Ос.<иповне>… — Статья вошла в сборник: Памяти Амалии Осиповны Фондаминской (Париж, 1937. С. 69–72).

conférences — лекции, выступления *(фр.)*.

199. 14 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…А.<льтагрaции> ‹…› ему послан… — Альтаграция де Жанелли, которую ВН все еще считает мужчиной.

«Despair» ‹…› Деспер — «Отчаяние».

…диктовал Черныша. — Фрагмент об аресте Чернышевского из четвертой главы «Дара»: ВН рассчитывал опубликовать его в «Последних новостях», но публикация не состоялась.

…от операции, о которой тебе писал… — Переливание собственной крови. См. предыдущее письмо.

was rather looking forward to that experiment — с нетерпением ждала этого эксперимента *(англ.)*.

старик — И. В. Гессен.

Зека — Г. И. Гессен.

…редакторшей «Mesures». — Адриенна Монье (1892–1955) — поэт, издатель и выпускающий редактор журнала «Мезюр».

200. 15 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

it is twelve years to-day — сегодня двенадцать лет (годовщина свадьбы) *(англ.)*.

…вышел «Despair» и «Дар» в «С.<овременных> З.<аписках>» — Роман «Отчаяние» в переводе ВН (London: John Long, 1937) и первая глава романа «Дар» (Современные записки. 1937. № 63. С. 5–87).

«Outrage» — «Обида» *(англ.)*.

Виктор — сам ВН.

…уже получил за него тысчонку. — Несмотря на выданный ВН гонорар (или его часть), рассказ в «Мезюр» опубликован не был.

Henry Church — Генри Черч (1880–1947) — писатель американского происхождения, издатель, меценат, финансировавший «Мезюр». ВН посетил его Виллу д'Аврэ в предместье Парижа, спроектированную Ле Корбюзье.

…с литераторствующей женой… — Барбара Черч (1879–1960).

Odéon — рю Одеон в 6 округе, на левом берегу Сены.

St. Cloud — Сен-Клу, западный пригород Парижа.

Мишо Анри (1899–1984) — французский художник, поэт, писатель.

Joyce — Джеймс Джойс.

Sylvia Beach — Нэнси Вудбридж (Сильвия) Бич (1887–1962) — американка по происхождению, занималась книготорговлей и издательским делом, покровительствовала Джеймсу Джойсу.

«Gallim.<ard>» — издательство «Галлимар».

«Albin Mich.<el>» — французское издательство «Альбин Мишэль», основанное в 1900 г.

marcheront pas — оправдают себя *(фр.)*.

фотографша — Жизель Фрёнд (1908–2000) — французский фотограф немецкого происхождения, специализировалась на портретах писателей и художников.

peut être parce qu'il est toujours un peu embarrassé — возможно, потому, что он всегда немного смущен *(фр.)*.

Cingria — Шарль-Альбер Сангрия (1883–1954) — швейцарский писатель.

Michaud (правильно: Michaux) — Анри Мишо.

Your letter to… is quite nice, my darling one. — Твое письмо к… очень хорошее, моя душенька *(англ.)*.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Мой «Пушкин»… — Эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие».

Старик — И. В. Гессен.

My love, my love — любовь моя, любовь моя *(англ.)*.

Барделебенша — фрау фон Барделебен, владелица квартиры в д. 27 по Луитпольдштрассе в Берлине, где Набоковы жили с 1929 по 1932 г.

Умер бедный Ильф ‹…› о делении сиамских близнецов. — 13 апреля 1937 г. умер Илья Арнольдович Ильф (наст. имя Иехиел-Лейб Арьевич Файнзильберг; р. 1897) — писатель-сатирик, соавтор Евгения Петрова (наст. имя Евгений Петрович Катаев; 1903–1942). Их романы «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931) были в числе немногих произведений советских писателей, которыми ВН восхищался.

Paulhan est tout ce qu'il y a de plus charmant — Полан невообразимо мил *(фр.)*.

201. 15 апреля 1937 г

Телеграмма. Отправлена по случаю двенадцатой годовщины свадьбы.

Congratulations my dear love — Поздравляю, моя дорогая любовь *(англ.)*.

202. 17 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

tub — (резиновая) ванна *(англ.)*.

…вещь совершенно необходимая, bath or no bath. — Ванна <есть> или нет *(англ.)*. Т. е.: будет ли в съемных апартаментах настоящая ванна или нет.

bien entendu — разумеется *(фр.)*.

où j'en suis c «Désespoir» — каково положение с «Отчаянием» *(фр., рус.)*.

Vraisemblable. — «Пушкин, или Правда и правдоподобие» («Pouchkine, ou le vrai et le vraisemblable»).

контр-тан (от *фр.* contretemps) — заминка, осложнение.

…мой отрывок (арест Черныша)… — Предложенный ВН «Последним новостям» отрывок из четвертой главы «Дара», биографии Н. Г. Чернышевского, которую редакторы «Современных записок» посчитали оскорбительной и отказались печатать.

…в новом журнале «Русские записки». Согласился. — Глава в «Русских записках» не была опубликована.

«Despair» — «Отчаяние».

«Весна» — «Весна в Фиальте».

my sweet darling — моя милая любовь *(англ.)*.

…просить ли Bourne разослать… — Т. е. можно ли поручить рассылку «Отчаяния» в английском переводе руководителю издательства «Джон Лонг» Г. Дж. Бурну.

my precious — мое сокровище *(англ.)*.

203. 19 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

is the little man all right? — Здоров ли маленький? *(англ.)*

Despair — «Отчаяние».

И.<осифу> В.<ладимировичу> — Гессену.

Ира и Саба — И. Г. Брунст (Кянджунцева) и С. Г. Кянджунцев.

…просит следующую главу… — Главу романа «Дар» для «Современных записок».

There are days when I adore you just a little more than a human being can *adore — and today is one of them.* — Случаются дни, когда я обожаю тебя немного больше, чем способен обожать человек, и сегодня один из таких дней *(англ.)*.

204. 20 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

My only love — моя единственная любовь *(англ.)*.

Марья Ивановна — Гликберг, вдова Саши Черного (Гликберга).

looking forward — предвкушаю, стремлюсь *(англ.)*.

My darlings! — Душки мои! *(англ.)*

Wells — Герберт Уэллс.

quite the mysterious adventuress type — этакий тип загадочной авантюристки *(англ.)*. Речь идет о Марии Игнатьевне Будберг.

…(нашей, тебе понятной) даты… — 8 мая, годовщина их знакомства в 1923 г.

…по причинам коронационным… — Имеется в виду коронация короля Георга VI (1895–1952), которая состоялась 12 мая 1937 г.

Из полановских пошлю сегодня книги маме. — ВН сообщает, что пошлет матери денег из полученного от Полана гонорара.

…отрывок для П.<оследних> Н.<овостей> — Из романа «Дар».

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

Кирилл — К. В. Набоков.

Те же слухи дошли и до меня… — О романе ВН с И. Ю. Гуаданини.

старец — И. В. Гессен.

Place de la Concorde — площадь Согласия *(фр.)*.

…я его подробно расспрашивал об исторических ассоциациях площади… — В одном из наиболее известных произведений Алданова, тетралогии «Мыслитель» (1923–1926), действие происходит во времена Французской революции и Наполеона.

Pernot — точнее, «Pernod» — анисовая настойка, которую фирма «Pernod» стала выпускать в 1920 г., после запрета абсента (в 1915 г.) вследствие его якобы галлюциногенных свойств.

I pull people's leg a good deal — я частенько дурачу людей *(англ.)*.

you are part of me and you know it perfectly well. — Ты часть меня и прекрасно это знаешь *(англ.)*.

205. 21 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

aller-et-retour — туда и обратно *(фр.)*.

It is very complicated — Это очень сложно *(англ.)*.

…в Тулон через Париж. ‹…› Entre deux gares — Между двумя вокзалами *(фр.)*. Поезд Берлин — Париж приходит на Гар-дю-Нор, а поезд Париж — Тулон уходит с Гар-де-Лион.

My love, I am terribly worried about your plight — Моя любовь, я очень тревожусь из-за твоих неурядиц *(англ.)*.

and well, if you are plucky enough — и что ж, если тебе хватит смелости *(англ.)*.

…у Елены Львовны можно остановиться ‹…› Анны Натановны? — Речь идет о жене двоюродного брата А. Л. Фейгиной Е. Л. Бромберг и об упомянутой в письмах от 26 и 27 февраля 1936 г. Анне Натановне, иные сведения о которой отсутствуют.

Have you things for the plage? — Есть ли у тебя пляжные вещи? *(англ.)*

206. 23 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

поздравленьице — с днем рождения ВН 23 апреля.

…и за «Mercury»… — Возможно, имеется в виду статья, которая хранится в архиве Набоковых: *Parry A.* Belles Lettres among the Russian Emigres (Литература в среде русских эмигрантов) // American Mercury. 1933. № 29. P. 316–319. Автор статьи особенно хвалит ВН (вероятно, это первая статья на английском, где речь идет о его творчестве).

…штучку о Вагнере в «Lit.<erary> Digest»? — См.: Parade // The Literary Digest. 1937. 13 March. P. 13. В публикации говорилось: «Ненавижу Вагнера, — отметил Вернон Дюк [Владимир Дукельский], композитор («Апрель в Париже»). — У меня это фобия, вагнерофобия. Как мне кажется, он привнес в музыку много чуждого. Лишил ее естественной жизни».

Дуся — Эргаз.

…затем к Leon… — к Полю Леону и его жене Люси Леон Ноэль.

is anything but a best-seller — что угодно, но толь-

ко не бестселлер *(англ.)*.

Voilà. — Вот *(фр.)*.

Марья Иван.<овна> — Гликберг, вдова Саши Черного.

Mme Angele Montarard — сведения отсутствуют.

épicerie — продуктовый магазин *(фр.)*.

Гольде Елена Ив.<ановна> — владелица пансиона; другие сведения отсутствуют.

she is a very good soul — она очень славная *(англ.)*.

tout compris — включая все *(фр.)*.

Виктор — сам ВН.

Lavandou — Ле-Лаванду.

and the little one will paddle to his heart<'s> content — а маленький будет плескаться <в море> сколько душе угодно *(англ.)*.

207. 26 апреля 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Thanks my dear love. — Спасибо, моя дорогая любовь *(англ.)*.

дюбоннэ (Dubonnet) — популярный французский аперитив на основе крепленого вина, ароматизированного корой хинного дерева и различными травами. Бывает красным, белым или янтарным.

Глеб — Г. П. Струве.

Виктор — сам ВН.

Liberal Club — Либеральный клуб. См. письма от 27 февраля и 1 или 2 марта 1937 г.

I feel quite miserable. — Я чувствую себя очень несчастным *(англ.)*.

Jules Superv.<ielle> — Жюль Сюпервьель.

«Course» — французский перевод «Защиты Лужина».

«Despair» — «Отчаяние».

Jean — Жан Фаяр.

Докончил с Roche «Фиальту»… — Публикация «Весны в Фиальте» того периода в переводе Дени Роша на французский не обнаружена.

Люся — И. Л. Фейгин.

Sylvia — Сильвия Бич.

В пасхальном номере мой отрывок… — Имеется в виду отрывок из второй главы «Дара», «Одиночество» (Последние новости. 1937. 2 мая. С. 2, 4), публикация которого совпала с православной Пасхой, а не «Подарок», опубликованный 28 марта 1937 г. на Пасху, отмечаемую католиками и протестантами.

208. 26 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Глеб — Г. П. Струве.

Об Анне Нат.<ановне>… — См. примеч. к письму от 26 февраля 1936 г.

I want to get sea-and-sun things for you. — Хочу приобрести для тебя пляжные вещи *(англ.)*.

«Пещера» — рассказ Е. И. Замятина (1923).

…у дамы, которой посвящена «Синяя звезда» Гумилева. — Поэтический цикл Н. С. Гумилева «Синяя звезда» (опубл. посмертно в 1923 г.) посвящен Елене Карловне Дюбуше, с которой поэт познакомился в 1917 г. в Париже.

То, что у Люси… — Деньги, отданные на хранение И. Л. Фейгину.

I kiss you. — Целую тебя *(англ.)*.

Бедный, бедный Клем Зон. — Клементс Джозеф Зон (1910–1937) — американский авиатор-авантюрист, погиб 25 апреля во французском Винсене, в присутствии ста тысяч зрителей. Он выпрыгнул из самолета в самодельном костюме с крыльями и стал раскрывать парашют всего в нескольких сотнях метров над землей. Отказал и основной

парашют, и запасной.

Ses ailes, ses pauvres ailes… — Крылья, его бедные крылья… *(фр.)* Отзвук «Поучительной сказки канарейки» Альфонса Карра (1808–1890) из сборника «Болтовня: философская смесь»: «Он радостно хлопает крыльями, своими бедными бесчувственными крыльями!» (Париж, 1859. С. 16).

Анна Макс.<имовна> — фамилия неизвестна.

209. 27 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

de ta part — с твоей стороны *(фр.)*.

перми перманан — т. е. permis de sèjour permanent — постоянный вид на жительство *(фр.)*.

I am furious with you, but I love you very dearly. — Я страшно на тебя зол, но очень тебя люблю *(англ.)*.

210. 29 апреля 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…пасха и коронация. — 2 мая 1937 г. отмечалась православная Пасха; 12 мая 1937 г. — день коронации Георга VI.

…участие в прибое. — Имеется в виду: в прибыли.

Still, I adore you, my sweet darling. — И все же я обожаю тебя, моя милая душка *(англ.)*.

211. 1 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…штучки ‹…› тети-Нинины… — Вещи для Дмитрия, подаренные Н. Д. Коломейцевой.

Пять экземпляров «Despair», два «Course du fou»… — Роман «Отчаяние», который вышел в переводе на английский (см. примеч. к письму от 15 апреля 1937 г.), и роман «Защита Лужина», который вышел на французском языке в 1934 г.

И сколько экземпляров взять у Люси? — ВН спрашивает, сколько взять денег из прежде отданных на хранение И. Л. Фейгину.

I am wildly happy at the thought of seeing you — and him — (and mother) so soon. — Я безумно счастлив от мысли, что увижу тебя — и его — (и маму) так скоро *(англ.)*.

…скверно-лубочный рассказец о красноармейце… — Рассказ Е. И. Замятина «Дракон» (1918): красноармеец без всяких оснований закалывает штыком человека («морда интеллигентная — просто глядеть противно»), но при этом отогревает дыханием замерзшего воробышка.

‘амславная пошлятина — от *фр.* âme slave — славянская душа.

Выставка — Парижская Всемирная выставка 1937 г.

…«сводня на шашни молодых блядей». — Строка из пушкинского послания «Дельвигу» (1821).

Чернота соблазнительной Сены… — Стихотворение не было закончено.

В кинематографе видел ужасное ‹…› падение «человека-птицы»… — По наблюдению А. Бабикова, имеется в виду Франц Райхельт (Reichelt, 1879–1912), австрийский портной, сшивший плащ-парашют и разбившийся насмерть 4 февраля 1912 г. во время его испытания. Его фатальный прыжок с Эйфелевой башни был запечатлен в документальной ленте 1912 г. К ней же Набоков отсылает в гл. 29 первой части «Лолиты»: «Минуты две я стоял, напряженный, у края, как тот парижский портной, который, сшив себе парашют, стоял, готовясь прыгнуть с Эйфелевой башни» (подр. см.: *Бабиков А.* Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 647–648).

Клем Зон, Клем Зон, что было накануне?.. — Незавершенное стихотворение ВН посвящено трагически погибшему авиатору Клементсу Зону (см. открытку от 26 апреля 1937 г.).

А кроме того, рассказ вертится. — Следую-

щим рассказом ВН станет «Облако, озеро, башня» (автор указал 25–26 июня 1937 г. как дату его написания; опубликован в ноябре 1937 г.).

…57 дней ‹…› не принимал ванны… — Речь идет о необычайно строгом соблюдении Великого поста И. И. Фондаминским.

Tout ça est très rigolo. — Все это страшно забавно *(фр.)*.

copyright — копирайт, авторское право.

…выдержки из семи рецензий. — Кроме трех, процитированных ниже, имеются в виду рецензии: New Review. 1937. 15 April; Tribune. 1937. 16 April; Public Opinion. 1937. 23 April; Sunday Times. 1937. 25 April.

«Outstanding quality». — Высочайшее качество *(англ.)*. Рецензия из: Birmingham Sunday Mercury. 1937. 18 April.

«Undoubted distinction». — Безусловно выдающееся <произведение> *(англ.)*. Рецензия из: Edinburgh Evening News. 1937. 20 April.

«to the small number of world humorists!» — «к небольшому числу мировых юмористов!» *(англ.)* Рецензия из: Reynolds News. 1937. 25 April.

…стариковских мемуаров… — Мемуары И. В. Гессена.

Candide,

Revue de Paris, Nouv.<elles> Lit.<téraires> — «Кандид», «Ревю де Пари», «Нувель Литерэр».

212. 3 мая 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

I love you, my dearest. — Я люблю тебя, моя драгоценная *(англ.)*.

…мой отрывок (путешествие по Китаю)… — Отрывок из второй главы «Дара» (Одиночество // Последние новости. 1937. 2 мая. С. 2, 4).

Пильский Петр Моисеевич (1879–1941) — журналист, руководил литературным отделом рижской газеты «Сегодня».

…в пространной статье… — Имеется в виду следующая рецензия: *Пильский П.* Современные записки. Кн. 63 // Сегодня. 1937. 29 апреля. С. 3.

…замаскированный отрывочек — история с Пушкиным. — Этот отрывок из второй главы «Дара» отдельно опубликован не был.

tub — (резиновая) ванна *(англ.)*.

ailleurs — в другом месте *(фр.)*.

213. 5 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Адрес: «21, Osnabrücker Str., b / Prof. Geballe, Berlin-Wilmersdorf, Allemagne» — вычеркнут, другой рукой над ним вписан новый: «8 Koulova / Praha-Dejvice / Tschékoslovakei».

My love ‹…› (otherwise, delightful) — Любовь моя… (в других отношениях, прелестном) *(англ.)*.

перми (от *фр.* permis) — вид на жительство.

Евсей Лаз.<аревич> — Слоним, отец В. Е. Набоковой.

Мар.<ия> Павловна — великая княгиня.

Сюртэ (фр. Sûreté) — префектура полиции Парижа.

…ни 8*-го, ни* 10*-го мы еще не будем вместе?* — 8 мая годовщина их знакомства (1923), 10 мая Дмитрию Набокову исполнялось три года.

Please, hurry up, my love! I've had quite, quite enough of this separation. — Пожалуйста, поспеши, любовь моя! Я сыт по горло этой разлукой *(англ.)*.

Лена — Е. В. Сикорская, сестра ВН.

«Printemps à F.<ialta>» — Французский перевод «Весны в Фиальте», который должна была перепечатать набело Р. А. Татаринова.

…я поместил отрывок без спроса. — Отрывок из «Дара» в «Последних новостях». Возможно, как секретарь редакции «Современных записок» Руднев возражал против предварительного помещения фрагментов романа в другом издании (в случае первой главы речь идет примерно об одной девятой всего текста) или его просто огорчило, что ВН не попросил разрешения на эту публикацию.

Люся — И. Л. Фейгин.

Some subtle move, I presume. — Какой-то тонкий ход, полагаю *(англ.)*.

Демидов — помощник редактора «Последних новостей».

contribution — здесь: публикация *(англ.)*. По-видимому, речь идет о присланном в «Последние новости» отрывке о Чернышевском, который отверг П. Н. Милюков. См. письмо от 17 апреля 1937 г.

…занимается той эпохой. — Т. е. русской историей 1860–1870-х гг.

Иван — Бунин.

…«списали откуда-то — но прекрасно!» — Во второй главе «Дара» описаны лепидоптерологические экспедиции Константина Годунова-Чердынцева в Среднюю Азию. Их реконструирует

в воображении Федор Константинович, мечтавший сопровождать отца в его последнем странствии. Источники путешествия старшего Годунова-Чердынцева подробно изучены и перечислены в работе Дитера Циммера: *Zimmer D. E.* Nabokov reist im Traum in das Innere Asiens. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2006.

214. 7 мая 1937 г

Открытка.

My darling — Моя душенька *(англ.)*.

carte d'identité — удостоверение личности *(фр.)*.

aller et retour — здесь: на выезд и обратный въезд *(фр.)*.

I am tremendously happy you are in Prague. — Я необыкновенно счастлив, что вы в Праге *(англ.)*.

my own darling… — душка моя… *(англ.)*

215. 10 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…маленький мой, трехлетний… — В день, когда ВН писал это письмо, Дмитрию Набокову исполнилось три года.

боном (от *фр.* bonhomme) — человек, приятель, добряк.

перми — вид на жительство.

…от Галимара, что они читают «Despair»… — Роман «Отчаяние» будет опубликован в этом издательстве по-французски в переводе Мишеля Стора (La Méprisé. Paris: Gallimard, 1939).

…никогда я туда не вернусь. — ВН сдержал слово.

Ильюша — И. И. Фондаминский.

Вера Николаевна — Муромцева-Бунина.

Зуров Леонид Федорович (1902–1971) — писатель и критик, с 1929 по 1961 г. периодически жил у Буниных.

Иван — Бунин.

Рашель — возможно, Рашель, упомянутая в письме от 1 февраля 1937 г.

Ира Б.<рунст> — урожд. Кянджунцева.

carte d'identité — удостоверение личности *(фр.)*.

mais si vous voulez avec de jolies filles… — Но если хотите с красивыми девушками… *(фр.)*

216. 10 мая 1937 г

Телеграмма. Отправлена ко дню рождения Дмитрия Набокова.

My love to the little man. — С любовью к маленькому *(англ.)*.

217. 12 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Франциенбад (правильно: Франценсбад) — курорт в Чехии.

I have set my heart on going to Prague and Franbad. — Я твердо решил поехать в Прагу и Фран-бад *(англ.)*.

I cannot tell how utterly miserable I am and how I long to see you (англ.) — Не могу передать, как я донельзя несчастен и как мечтаю повидать тебя *(англ.)*.

I adore you — я обожаю тебя *(англ.)*.

prend plaisir — испытывает удовольствие (от того, чтобы…) *(фр.)*.

Well, well, this hell must end soon, I suppose. — Что ж, полагаю, этот ад скоро должен закончиться *(англ.)*. Ср. в «Других берегах»: «Наша безнадежная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда приходилось добывать или продлевать какую-нибудь дурацкую визу, какую-нибудь шутовскую карт д'идантите, ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его

досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников. Бледно-зеленый несчастный нансенский паспорт был хуже волчьего билета; переезд из одной страны в другую бывал сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками» (гл. 13).

218. 13 мая 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Cela devient ridicule — Это становится просто смешно *(фр.)*.

219. 14 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.
My darling — Моя душенька *(англ.)*.
Je ne fais qu' — Мое единственное занятие *(фр.)*.
aller et retour — туда и обратно *(фр.)*.
Sûreté — префектура полиции Парижа.
Франциенбад — Франценсбад.

220. 15 мая 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

avec une allure de — стремительная, как… *(фр.)*

Légation — дипломатическая миссия *(фр.)*.

…рецензия Ходасевича на «Дар». — См.: Возрождение. 1937. 15 мая. С. 9.

«*Азеф*» — пьеса писателя, журналиста и драматурга Романа Борисовича Гуля (1896–1986) об агенте охранки Евно Азефе.

«Printemps à F.<ialta>» — французский перевод «Весны в Фиальте».

Try not to worry to<o> much, my love. We shall soon be together, any way. — Постарайся не очень сильно волноваться, любовь моя. Мы скоро будем вместе, в любом случае *(англ.)*.

221. 15 мая 1937 г

Телеграмма.

Saturday not here yet till Tuesday closed. — В субботу еще не пришла, до вторника закрыто *(англ.)*. Речь идет о чешской визе и о днях работы чешского консульства в Париже. См. предыдущее письмо.

222. 17 мая 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

My darling — Моя душенька *(англ.)*.

Hotel Meurice — Фешенебельный отель «Лё Мёрис» на рю Риволи, д. 228.

Флора Григ.<орьевна> — Ф. Г. Соломон.

Представление третьего дня… — Спектакль «Азеф» в Русском театре.

how wildly happy I am to see you — как я дико счастлив, что увижу тебя *(англ.)*.

Мамочка моя дорогая… — Письмо ВН к матери, написанное на другой стороне открытки.

Е.<вгения> К.<онстантиновна> — Гофельд.

Ростик — Ростислав Петкевич, сын сестры ВН Ольги, который остался на попечении их матери, Е. И. Набоковой.

223. 18 мая 1937 г

Телеграмма.

Viza obtained starting Wednesday <e>vening. — Виза получена, выезжаю в среду вечером *(англ.)*.

224. 19 мая 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Wilson — название (в честь президента США Томаса Вудро Вильсона) главного железнодорожного вокзала в Праге в 1918–1938 гг.

…Швейц.<арским> консульством и австрийским… — Речь о получении виз для проезда в Чехию через Швейцарию и Австрию.

Люся — И. Л. Фейгин.

Флора — Соломон.

I love you, I am happy, everything is all right. — Люблю тебя, я счастлив, все хорошо *(англ.)*.

Ида — И. М. Эргаз, хотя ВН почти всегда называет ее Дусей.

crash — автомобильная авария *(англ.)*.

Чудный задумал рассказ. — Вероятно, «Облако, озеро, башня», который в первой публикации в «Русских записках» датирован «25–26.6.37 г., Мариенбад».

225. 21 июня 1937 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Egerländer — Егерлэндер *(нем.)*. По-видимому, название пансиона или гостиницы в Мариенбаде.

Был я у Кука… — Бюро путешествий Томаса Кука.

Был ‹…› в Итал.<ьянском> консульстве… — Для получения транзитной визы, которой требовала остановка в Венеции.

s'exécuter — здесь: выложить *(фр.)*.

Thiébaut — Тьебо, редактор «Ревю де Пари», куда ВН отдал рукопись «Весны в Фиальте» в переводе Д. Роша.

Денис — Рош.

Дуся — Эргаз.

…засел за рассказик ‹…› для Ильюши… — Для И. И. Фондаминского, то есть либо для «Современных записок», либо для «Русских записок», журнала, издававшегося в 1937–1939 гг.; Фондаминский состоял в редакциях обоих изданий и оба поддерживал финансово. В конце июня 1937 г. ВН писал рассказ «Облако, озеро, башня», вскоре опубликованный во втором номере «Рус-

ских записок».

Altagracia — Альтаграция де Жанелли.

Было полно. — Речь идет о вечере ВН в Праге.

«Королек». — Рассказ был опубликован в «Последних новостях» (1933. 23 июля. С. 6; 1933. 24 июля. С. 2).

And I can't tell you how sorry I am that you were so miserable, my poor, sweet darling. — Не могу передать, как мне жаль, что ты была так несчастна, бедная моя милая душка *(англ.)*.

Анюточка — А. Л. Фейгина.

Ольга — О. В. Набокова, сестра ВН.

Fargue — Леон-Поль Фарг (1876–1947) — французский поэт.

226. 22 июня 1937 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Рубчик — сведения отсутствуют.

Дуся — Эргаз.

vous me voyez navrée — я страшно расстроена *(фр.)*.

contrat — договор *(фр.)*.

je porterai les 2000 *fr à M'Feigin* — я передам 2000 франков господину Фейгину *(фр.)*.

à la revue dirigée par Barbey — в журнал, которым руководит Барбе *(фр.)* (имеется в виду литературный журнал «La Revue hebdomadaire», основанный в Париже в 1892 г.). Бернар Барбе (1900–1970) — швейцарский писатель.

…my dear darling. And him. — …моя милая душка. И его *(англ.)*.

227. 3 апреля 1939 г

Фокстон (правильно: Фолкстон) — портовый город в Англии, неподалеку от Дувра, куда ходил паром из Франции.

Коновалов Сергей Александрович (1899–1982) — славист, преподаватель Бирмингемского университета (1929–1945), впоследствии заведующий русским отделом Нового колледжа (Оксфорд, 1945–1968), редактор серии русской классики «Blackwell's Russian Texts», которая выходила в Оксфорде (издательство «Бэйзил Блэквелл»).

Mollie — Молли Карпентер-Ли.

butler — дворецкий *(англ.)*.

Jeeves — Дживс Реджинальд, персонаж ряда книг П. Г. Вудхауза (1881–1975), выходивших с 1915 по 1974 г., личный слуга Берти Вустера, богатого, но бестолкового английского аристократа, которому он помогает в затруднительных ситуациях.

Брайкевич Михаил Васильевич (1874–1940) — член кадетской партии, инженер, экономист, коллекционер и меценат, близко связанный с «Миром искусства».

Ильюша — И. И. Фондаминский.

…насчет Бердяева… — Николай Бердяев напишет ВН рекомендательное письмо для получения должности преподавателя русского языка в Лидском университете.

Priel — Жарл Приэль (наст. имя Шарль Тремель; 1885–1965) — писатель, переводчик на французский «Приглашения на казнь» и «События».

«Марианна» — французский еженедельный журнал для интеллектуалов, основанный Гастоном Галлимаром; выходил с 1932 по 1940 г.

«Meprise» («La Méprise») — роман ВН «Отчаяние» на французском.

228. 4 апреля 1939 г

…у Цетлиной — все трое… — М. О. и М. С. Цетлины и их сын Валентин.

М.<ария> С.<амойловна> — Цетлина.

Mrs Whale — Уинифред Стивенс Уэйл (урожд. София Шарлотта Уинифред Стивенс; 1870–1944) — английская писательница и переводчица.

…написавшая книгу о «soul of Russia»… — «Душа России» *(англ.)*. Имеется в виду: The Soul of Russia / Ed. by Winifred Stephens Whale. London: MacMillan and Co., 1916.

…один из них Струве… — Г. П. Струве служил тогда преподавателем в Школе славистики Лондонского университетского колледжа.

Ваканция (вакансия) — место преподавателя в университете, которое хочет получить ВН (от *англ.* vacancy — свободная должность).

Leeds — Речь идет о Лидском университете в городе Лидс, графство Йоркшир, основанном в 1904 г.

Шефильд. — Университет Шеффильда или Шеффилдский университет в Северной Англии, основанный в 1905 г.

Duchess of Atholl — Катарина Марджори Стю-

арт-Мюррей, герцогиня Атольская (1874–1960).

Бахметьев Борис Александрович (1880–1951) — инженер и предприниматель, преподаватель инженерных наук в Колумбийском университете; до июня 1922 г. посол России (от Временного правительства) в США.

Глеб — Г. П. Струве.

баронесса — М. И. Будберг.

Поляковы — возможно, семья журналиста и писателя С. Л. Полякова-Литовцева.

Charing Cross — Черинг-кросс, перекресток главных улиц Вестминстера.

Mollie — Молли Карпентер-Ли.

О.<ся> Бромберг — Иосиф Германович Бромберг (1917–2011), двоюродный племянник А. Л. Фейгиной.

Jeeves — Дживс, как ВН называет дворецкого Саблиных.

229. 5 апреля 1939 г

Открытка.

testimonial — рекомендательное письмо *(англ.)*.

Nicholson — Гарольд Николсон.

Lord Tyrrel (правильно: Tyrrell) — Уильям Джордж Тиррелл, первый барон Тиррелл (1866–1947) — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании (1925–1928), посол Великобритании во Франции (1928–1934).

Молли — Карпентер-Ли.

…ее прелестнейшим мужем. — Эшер Ли (Эшер Леви; 1909– после 1973) — офицер авиационной разведки.

…принесла хорошо переписанную пьесу… — Возможно, имеется в виду переписанная на машинке пьеса «Событие», сочиненная ВН в ноябре-декабре 1937 г. (опубл.: Русские записки. 1938. № 4. С. 43–104), или пьесу «Изобретение Вальса», написанную в сентябре 1938 г. (опубл.: Русские записки. 1938. № 11. С. 3–62).

Родзянко — вероятно, Сергей Павлович Родзянко (1895–1979), сын старшего брата председателя Государственной думы, генерал-майора Павла Владимировича Родзянко, интересы которого

в суде в свое время представлял Е. Л. Слоним.

…целая россыпь сомовских… — Брайкевич был ближайшим другом К. А. Сомова (в мае 1939 г. в Париже художник умер у него на руках) и являлся распорядителем его наследства.

Казим-Бек Александр Львович (1902–1977) — в 1923–1937 гг. лидер политического движения русских социал-монархистов «Младороссы» (позднее «Союз младороссов»), основанного в 1923 г. в Мюнхене.

Биллиг — возможно, И. М. Биллик, переводчик и журналист, чьи статьи выходили в «Новой России». ВН упоминает Юзю (Иосифа) Билига, приятеля Софьи Прегель, в письме от 14 ноября 1932 г.

Шувалов Павел Александрович (1903–1960) — граф, художник по декорациям.

Allen Harris — Аллен Харрис.

230. 6 апреля 1939 г

...читал «Лик» и «Музей». — Рассказы «Лик» (опубл.: Русские записки. 1939. № 14. С. 3–27) и «Посещение музея» (опубл.: Современные записки. 1939. № 68. С. 76–87); оба позднее вошли в сборник «Весна в Фиальте».

«Post (something)» — «Пост (какой-то там)» *(англ.)*. Скорее всего, журнал «Пост» (или «Post Magazine and Insurance Monitor»), основанный в Лондоне в 1840 г.

«Match» — «Матч», еженедельный парижский спортивный журнал, основанный в 1926 г.; в 1938 г. стал еженедельным новостным изданием, с 1949 г. возобновлен как «Пари-матч». Квадратные скобки поставлены ВН.

Eva Luthyens — Ева Лютьенс, бывшая пассия ВН. См. примечание к письму от 13 февраля 1936 г.

chien — шарм *(фр.)*.

Бромберг — И. Г. Бромберг.

«Seb.<astian> Knight» — «Истинная жизнь Севастьяна Найта», первый роман ВН, написанный на английском языке, создавался в 1938–1939 гг. (опубл.: The Real Life of Sebastian Knight. New York: New Directions, 1941).

Глеб — Г. П. Струве.

Перс — Б. Пэрс.

interview — собеседование *(англ.)*.

party — прием, вечеринка *(англ.)*.

…передал ему «Sebastian»… — машинописную копию «Истинной жизни Севастьяна Найта».

…в энтомологическом отделе музея… — В Музее естественной истории, который находится в лондонском районе Кенсингтон; в то время входил в состав Британского музея.

«Entomologist» — «Энтомолог» *(англ.)* — научный журнал, в котором ВН публиковался в 1920 и 1931 гг.

Herring — Эрих Мартин Геринг (1893–1967) — немецкий энтомолог, куратор Зоологического музея (теперь Музей естественной истории) в Берлине.

лицениды — бабочки из семейства Lycanidae.

…моя штука («гибридная» раса) совершенно неизвестна… — Речь идет о бабочках-гибридах, которых ВН поймал над Мулине в Приморских Альпах 20 и 22 июля 1938 г. и впоследствии описал как вид Lysandra cormion; см.: Lysandra cormion, A New European Butterfly // Journal of the New York Entomological Society. 1941. 49 (3). P 265–267.

«Коридон». — Помимо прочего, ВН искал в коллекции местные разновидности Lysandra coridon (Poda 1761). Хотя ВН и опубликовал название нового вида пойманных им бабочек, Lysandra cormion, он понимал, что они могут оказаться гибридом между Lysandra coridon и Meleageria (в нынешней номенклатуре Polyommatus) daphnis, что и было окончательно доказано в 1989 г. Клаусом Шурианом: *Schurian K. G.* Bemerkungen zu Lysandra cormion Nabokov, 1941 (Lepidoptera: Lycaenidae) // Nachrichten des Entomologischen Vereins Apollo. 1989. № 10. P. 183–192; 1991. № 12. P. 193–195.

Mrs Marshall — сведения отсутствуют.

кальсы — кальсоны.

testimonials — рекомендательные письма *(англ.)*.

куррикулум — curriculum vitae *(лат.)*, краткая автобиография.

231. 7 апреля 1939 г

Глеб — Г. П. Струве.

бель-сыр (от *фр.* belle-soeur) — свояченица.

ту кат э лонг сторри шоррт (от *англ.* to cut a long story short) — короче говоря.

Major Crawford — сведения отсутствуют.

Гитри Саша (наст. имя Александр Жорж Пьер Гитри; 1885–1957) — французский актер, драматург, кинорежиссер и сценарист.

Good Friday — Страстная пятница *(англ.)*.

Lee — Эшер Ли.

Гринберги — С. И. Гринберг и, возможно, его мать, упомянутая в письме от 27 февраля 1937 г.

Kensingtong Gardens — Кенсингтонские сады, один из восьми королевских парков в Лондоне.

…близко, как Ильюша от нас… — ВН указывает на расстояние от квартиры И. И. Фондаминского до своего парижского пансиона.

…от нашей бывшей улицы… — В 1919–1920 гг. В. Д. Набоков с семьей жил в районе Челси в Лондоне по адресу: Ильм-Парк-Гарденс, д. 6.

Приэля я еще не успел до конца просмотреть… — Имеется в виду перевод романа «Приглашение на казнь» на французский, выполнен-

ный Ж. Приэлем.

Ося — И. Бромберг.

Лурье Борис Сергеевич (1896–1950) — директор лондонского отделения чайной фирмы Высоцких — Готсов — Цетлиных — Гавронских, которая и сейчас процветает в Израиле под маркой Wissotzky. Фондаминские также принадлежали к этому клану.

…съездить в Лидз. — То есть на собеседование в Лидском университете.

232. 8 апреля 1939 г

Открытка.

…буду делать Приеля. — Т. е. править подготовленный Ж. Приэлем перевод романа «Приглашение на казнь».

Très fragile! Very brittle! Papillons! Butterflies! — Очень хрупкое! Бабочки! *(фр., англ.)*

J'essaye de faire mon petit Kardakoff. — Я пытаюсь немного побыть Кардаковым *(фр.)*. О встрече ВН с энтомологом Н. И. Кардаковым см. письмо от 8–9 июня 1926 г.

Denis Roche — правильно. — ВН подтверждает правильность написания имени Д. Роша, еще одного своего французского переводчика.

233. 9 апреля 1939 г

Открытка.

…из-за праздника… — Пасхи.

Флора — Соломон.

…ее отец… — Григорий Иосифович Бененсон (1860–1939), коммерсант, член правления бывшего Русско-английского коммерческого банка.

«Sebastian» — «Истинная жизнь Севастьяна Найта».

Вера Марковна — Гаскелль.

«Heineman<n>» — английское издательство, основанное в 1890 г. Уильямом Хейнеманом (1863–1920).

…ее муж… — Арнольд Гаскелль.

reader — здесь: читатель-рецензент *(англ.)*.

Лонг — издательство «Джон Лонг», в котором вышли «Камера обскура» (1936) и «Отчаяние» (1937). ВН в названии смешал кириллицу с латиницей.

Е.<вгении> К.<онстантиновны> — Гофельд.

234. 10 апреля 1939 г

М.<ихаил> Сумароков — граф Михаил Николаевич Сумароков-Эльстон (1893–1970) — в 1910-е гг. самый известный российский теннисист.

Wilding, McLaughlin, Gobert — Энтони Фредерик Уилдинг (1883–1915), Морис Эванс Маклохлин (1890–1957), Андре Гобер (1890–1951) — теннисные чемпионы.

…своего мальчика… — Александр Павлович Шувалов (род. 4 мая 1934 г., на шесть дней раньше Дмитрия Набокова), в будущем директор Лондонского театрального музея.

Глеб — Г. П. Струве.

…с гр.<афом> Шуваловым… — П. А. Шувалов.

Lady McDougall — сведения отсутствуют.

Над.<ежда> Ив.<ановна> — Саблина.

Лурье. — См. примеч. к письму 231.

…типа кападантибского повара. — Набоковы жили на Кап д'Антиб с конца августа до середины октября 1938 г.

Неф — сведения отсутствуют.

Регина — сведения отсутствуют.

I adore you. — Обожаю тебя *(англ.)*.

235. 11 апреля 1939 г

S.<ociety> f<or> Protection <of Science and Learning> — Общество защиты науки и образования, созданное в Великобритании в 1933 г. для помощи ученым-беженцам.

Leeds — Лидс (Лидский университет).

…открывается университет… — Лондонский университет, где Бернард Пэрс руководил Школой славянских исследований.

double whiskey — двойной виски *(англ.)*.

…ботаник-путешественник… — Василий Васильевич Сапожников (1861–1924) — русский ботаник, географ, кадет, министр просвещения Временного Всероссийского правительства при А. В. Колчаке. В 1920-е гг. преподавал в Томском университете.

…пропал, как мой… — Константин Годунов-Чердынцев, отец Федора, главного героя «Дара», лепидоптеролог, исследователь Алтая и других частей Центральной Азии; Федор воображает, что поехал с отцом в его последнюю экспедицию, из которой тот не вернулся.

Муж ее работает в музее… — Владимир Вяче-

славович Чернавин (1887–1949) — профессор-ихтиолог; в 1932 г. бежал из Кемского ГУЛАГа в Финляндию вместе с женой и четырнадцатилетним сыном Андреем (см.: *Чернавин В., Чернавина Т.* Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГА. СПб: Канон, 1999).

Трое из детей ‹…› четвертый… — Речь идет о детях Г. П. и Ю. Ю. Струве — Марине, Андрее, Нине и Даниле.

attractive — привлекательная *(англ.)*.

боттичелливатый — т. е. как на картинах Сандро Боттичелли (1445–1510).

Юленька — Ю. Ю. Струве.

Глеб — Г. П. Струве.

Шкловская Зинаида Давыдовна (? — 1945) — редактор и политический обозреватель, вдова Исаака Владимировича (Вульфовича) Шкловского (литературный псевдоним Дионео; 1865–1935) — журналиста, этнографа и писателя.

Рами — сведения отсутствуют.

Wells — Г. Уэллс.

Evans — Уильям Гарри Эванс (1867–1956) — лепидоптеролог, офицер британской армии, служил в Индии.

гесперииды — бабочки семейства толстоголовок.

дядя Костя — К. Д. Набоков.

…к Лиям. — М. Карпентер-Ли и Э. Ли.
Бубка — Дмитрий Набоков.
Парэ<с> — Б. Пэрс.

236. 12 апреля 1939 г

I don't quite *understand what you mean… meant* — Я не *вполне* понимаю, что ты имеешь… имела в виду *(англ.)*.

you, and our love, and everything is now *always and absolutely safe.* — ты, и наша любовь, и вообще всё *теперь* всегда и совершенно надежно *(англ.)*.

…на свиданье в Leeds… — на собеседование в Лидском университете (см. ниже: «в Leeds на interview»).

«Sebastian» — роман «Истинная жизнь Севастьяна Найта», для которого ВН пытался найти в Лондоне издателя.

пьеса — «Событие» или «Изобретение Вальса».

Зина — З. А. Малевская-Малевич (Шаховская).

referee<s> — здесь: рекомендатели *(англ.)*.

Morrison (правильно: Morison) — Уолтер Энгус Морисон (1903–1971) — лингвист и переводчик, с 1937 по 1942 г. преподаватель сравнительной славянской филологии в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета.

Birket — Джордж Артур Биркет (1890–1954) — преподаватель Шеффилдского университета,

написал книгу «Россия от варягов до большевиков» (1918) в соавторстве с Р. Бизли и Н. Форбсом. Квадратные скобки поставлены ВН.

Hicks — возможно, Джон Ричард Хикс (1904–1989) — экономист, преподаватель Манчестерского университета (1938–1946), где с 1933 г. преподавал французскую литературу Евгений Винавер.

…об этом ему… — От слова «ему» ВН нарисовал стрелочку к «Hicks».

…пришли мне на всякий случай «Le Vrai…»… — «Правда» *(фр.)* (эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие»), опубликованное по-французски, для перевода на английский язык.

Ева — Лютьенс.

Сергей — С. П. Родзянко.

…довольный пьесой… — английским переводом пьесы «Событие» или «Изобретение Вальса».

Leslie Banks — Лесли Бэнкс (1890–1951) — актер; в 1930-е гг. снялся в нескольких фильмах режиссера Альфреда Хичкока.

Walpole — сэр Хью Сеймур Уолпол (1884–1941) — плодовитый английский романист.

«Oriental Furs» — «Восточные меха» *(англ.)*, по-видимому, фирма, которой владел или в которой служил И. Г. Бромберг.

bar — бар *(англ.)*.

Евг.<ения> Конст.<антиновна> — Гофельд, на плечи которой легли все заботы о больной Е. И. Набоковой и ее внуке Ростиславе в Праге.

…читать «Тиранов». — Рассказ «Истребление тиранов» (опубл.: Русские записки. 1938. № 8–9. С. 3–29; позднее вошел в сборник «Весна в Фиальте»).

Priel'ю напишу… — Ж. Приэль переводил «Приглашение на казнь» на французский.

237. 13 апреля 1939 г

14 *лет!* — 15 апреля — годовщина свадьбы Набоковых.

…в Париже, у отца. — Имеется в виду Александр Иванович Коновалов (1875–1949) — политик и государственный деятель, коммерсант, пианист.

C. V., testimonials — биография (curriculum vitae), рекомендации *(англ.)*.

вайс-чанслер (от *англ.* Vice Chancellor) — ректор.

зихер ист зихер (от *нем.* sicher ist sicher) — лучше перестраховаться.

…адрес дан сайгонский… — Раньше Набоковы жили в Париже по адресу: рю де Сайгон, д. 8; в феврале 1939 г. они переехали в пансион «Роял Версаль».

Глебушка — Глеб Струве.

куррикулл.<ум> — краткая биография.

Ахилл К. — сведения отсутствуют.

Ариадна — Тыркова-Вильямс.

Elisabeth Hill — Элизабет Мэри Хилл (1900–1996) — специалист по русской литературе, с 1936 г. преподавала в Кембридже.

«Sebastian» — «Истинная жизнь Севастьяна

Найта».

social life — общение *(англ.)*.

you see what I mean — ты понимаешь, о чем я *(англ.)*.

au net — набело *(фр.)*.

Чарова Вера Сергеевна (? — 1971) — актриса, театральный режиссер, основательница Лондонской русской театральной группы драматических актеров.

I am only interested in one woman — you — Меня интересует только одна женщина — ты *(англ.)*.

sixpence… pence — шесть пенсов … пенс *(англ.)*.

…посланец Кламма. — Имеется в виду неоконченный роман Франца Кафки (1883–1924) «Замок» (1926), в котором землемер К. безуспешно добивался ответа от начальника канцелярии Кламма.

Yellow-blue bus — Желто-синий автобус *(англ.)*. Созвучно с «я люблю вас».

238. 14 апреля 1939 г

баронесса — Будберг.

Jules Romain — Жюль Ромен (правильно: Romains; наст. имя Луи Анри Фаригуль, 1885–1972) — французский писатель, драматург, поэт и эссеист.

Pen-Club — ПЕН-клуб.

curriculum — краткая биография.

lunch — обед *(англ.)*.

«Себастьян» — «Истинная жизнь Севастьяна Найта».

Шпунт — сведения отсутствуют.

Воронцова-Дашкова Людмила Николаевна (урожд. Зейдлер; 1885–1943) — вторая жена графа Иллариона Илларионовича Воронцова-Дашкова (1877–1932).

Британский музей — на Грейт-Расселл-стрит.

Cambridge — Кембридж.

Miss Mc. Duggals. — В предыдущих письмах (10 и 11 апреля 1939 г.) ВН пишет ее фамилию как McDougall; сведения отсутствуют.

Н.<адежда> И.<вановна> — Саблина.

I don't want to hear any more, darling, of those dark hints of yours. — Не хочу больше слышать,

душенька, этих твоих темных намеков *(англ.)*.

don’t relax — не расслабляйся *(англ.)*.

avenir — будущее *(фр.)*.

239. 15 апреля 1939 г

…как добиться Leeds'a. — Т. е. как получить место преподавателя в Лидском университете.

Mrs Curran — Минни Бэрил Курран, секретарь Королевского исторического общества.

Гауди Александер Портер (? — 1946) — профессор русского языка в Клэр-колледже Кембриджского университета. Когда Гауди вышел на пенсию в 1936 г., его пост заняла Элизабет Хилл.

…как Бармигам и Оксф.<орд> у Коновалова… — С. А. Коновалов одновременно руководил русским отделом Бирмингемского университета и преподавал славяноведение в Оксфорде.

…чай с царем Влад.<имиром> Кир.<илловичем>… — Вел. князь В. К. Романов (1917–1992), с 1938 г. глава Дома Романовых в изгнании.

Надежда — Саблина.

240. 16 апреля 1939 г

…чета Лурье… — Б. С. Лурье и его вторая жена Рашель (Ракель) Давыдовна Высоцкая (1897–1945).

…той острой дамы ‹…› у которой такой толстоватый мальчик… — Ребекка Давыдовна Коварская (урожд. Высоцкая; 1899–1951) и ее сын Андрей Александрович Коварский (1932 — не позднее 20 марта 1992).

Ильюша — И. И. Фондаминский.

the aunt thinks he speaks beautiful Russian — тетушка считает, что он прекрасно говорит по-русски *(англ.)*.

…бездарнейшая, пошлейшая пьеса… — «Кукуруза зелена» (1938) уэльского драматурга Джорджа Эмлина Уильямса (1905–1987); премьера состоялась в Дачесс-театре в Лондоне.

in a Welsh mining village — в уэльском шахтерском поселке *(англ.)*.

Sybil Thorndike — Агнес Сибил Торндайк (1882–1976; с 1970 г. дама Сибил) — английская актриса.

birthday — день рождения *(англ.)*.

…с царем… — с вел. кн. Владимиром Кирил-

ловичем.

…поехал к Lutyens'ам. — Имеются в виду Роберт Лютьенс (1901–1972), архитектор, который работал вместе с отцом, знаменитым архитектором сэром Эдвардом Лютьенсом (1869–1944), и его жена Ева.

Геллеры — Вера Ефимовна Геллер (урожд. Любржинская) — сестра и деловой партнер Евы Лютьенс, работала модельером в ее лондонском Доме мод.

…наберется роковой комплект нянек… — Согласно пословице «У семи нянек дитя без глазу».

Мальчик у нее десятилетний… — Дэвид Эдвин Балуэр Лютьенс (1929–1967), которому в 1939 г. был поставлен диагноз шизофрения.

timber-merchant — торговец лесом *(англ.)*.

Enfin… Yes, she wants to send you some frocks… I don't know. — В конце концов… Да, она хочет послать тебе платьев… Не знаю *(фр., англ.)*.

241. 17 апреля 1939 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Дата «16–iv–39» ошибочна. ВН отправил письмо 16 апреля из дома Саблиных на Бречин-плейс; на этом же письме стоит почтовый штемпель от 17 апреля, это день его переезда к Цетлиным: тогда же оно и было написано.

Tel. Mai(divale) — Телефонный номер в Мэйда-Вейл (правильно: Maida Vale), жилом районе в Западном Лондоне.

…о румыне… — Имеется в виду Ростислав Дончи, переводивший «Камеру обскура» для румынского издательства. Судя по всему, публикация не состоялась из-за начала войны.

Флора — Соломон.

reader — здесь: читатель-рецензент *(англ.)*.

Евг.<ений> Васил.<ьевич> — Саблин.

Jeeves — дворецкий Саблиных, которого ВН зовет «Дживс».

Букин автомобиль — игрушка для Дмитрия.

баронесса — М. И. Будберг.

No, — emphatically, I'm not *a man about town.* — Нет, подчеркиваю, я не светский человек (man about town — светский человек, прожигатель

жизни) *(англ.)*.

242. 18 апреля 1939 г

баронесса — М. И. Будберг.

…ничего нового, читают. — Вероятно, имеется в виду, что издательские рецензенты все еще читают «Истинную жизнь Севастьяна Найта».

Миша Люберж.<инский> — Михаил Ефимович Любржинский (Майкл Н. Любин, 1898? — 1968?), брат Евы Лютьенс, однокурсник ВН по Кембриджу. В 1920-е гг. поступил на службу в Императорский химический концерн (ICI), жил в Лондоне, много путешествовал по Ближнему Востоку.

Какое перо… — Открытка написана на почте толстым, плохо очиненным пером.

Ося — И. Г. Бромберг.

Spurrier (Long) — сотрудник издательства «Джон Лонг». Прочие сведения отсутствуют.

243. 19 апреля 1939 г

Адрес назначения «Hotel Royal Versailles, 31, rue Le Marois, Paris XVI» вычеркнут.

c / o Zetlin — см. примеч. к письму от 17 апреля 1939 г.

a treat — удовольствие *(англ.)*.

Dennison (правильно: Denison) Ross — сэр Эдвард Денисон Росс, лингвист, с которым ВН встречался за ужином в феврале 1937 г.

Trinity — Тринити-колледж в Кембридже, где учился ВН.

Sir Bernard — сэр Бернард Пэрс.

If G. Struve leaves his post here, it shall be offered to Nabokoff — Если Г. Струве оставит свое здешнее место, оно будет предложено Набокову *(англ.)*.

Professor Samuel N. Harper — профессор Сэмюэл Нортрап Харпер (1882–1943) — преподаватель русского языка (1906–1943) в Чикагском университете.

Beausobre — Джулия де Бособр (урожд. Юлия Михайловна Казарина; 1893–1977), впоследствии леди Немьер, замужем в первом браке за русским дипломатом Николаем де Бособром. После его смерти в 1932 г. оказалась в советском концла-

гере; выйдя оттуда в 1935 г., приехала в Англию, где в 1947 г. вышла замуж за Льюиса Немьера (впоследствии сэра Немьера), историка. Автор воспоминаний «Женщина, которая не могла умереть» (*Beausobre, Iulia De*. The Woman who Could Not Die. New York: Viking Press, 1938).

Sir Alfred Mond — сэр Альфред Мориц Монд (1868–1930), с 1928 г. барон Мельхетт — британский промышленник, финансист, политик.

Charwoman — уборщица *(англ.)*.

Румын — Р. Доничи.

старик — И. В. Гессен.

244. 20 апреля 1939 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…своему кузену… — Алан Строде Кэмпбелл Росс (1907–1980) — лингвист, преподаватель английского языка в Лидском университете (1929–1940).

Гамс Эрнест Эрнестович (Эрнест Питер Пауль; 1882/3–1966) — вице-консул России в Лондоне, помощник Саблина, в том числе и в Русском комитете помощи беженцам.

Secretary of Hist.<orical> Soc.<iety> — Секретарь исторического общества.

pulls strings — здесь: влияет на ход дела *(англ.)*.

Pic<c>adilly — Пикадилли, оживленная улица в центре Лондона.

«Sebastian» — «Истинная жизнь Севастьяна Найта».

Гальперн Александр Яковлевич (1879–1956) — в прошлом поверенный в делах Временного правительства, известный адвокат, сотрудник британской разведки.

the outlook… looks hopeful… Leeds… no Leeds — перспективы… обнадеживают… Лидс… не Лидс *(англ.)*.

СЕЛЬТАКАТЬ — видимо, речь идет о придуманном сыном слове, о котором В. Е. Набокова сообщила мужу.

245. 21 апреля 1939 г

…у мамы нарыв в легком… — Е. И. Набокова скончалась в больнице 2 мая 1939 г.

Саблинские — 10 гиней от Евы Лютьенс, переданные в Прагу через Е. В. Саблина.

Письмо Е.<вгении> К.<онстантиновны> вконец отчаянное. — Е. К. Гофельд ухаживала за больной Е. И. Набоковой.

Historical Society — Историческое общество *(англ.)*.

hall — зал *(англ.)*.

«Sebastian» — «Истинная жизнь Севастьяна Найта».

Parry — Альберт Пэрри (Парецкий, 1901–1992) — специалист по русской истории, родом из России, писал о ВН в раннем обзоре русской эмигрантской литературы (см. письмо от 23 апреля 1937 г.). В 1938 г., получив докторскую степень в Чикагском университете, основал кафедру русистики в университете Колгейт в штате Нью-Йорк.

Трофимов Михаил Васильевич (1884–1948) — преподаватель (впоследствии профессор) русского языка и литературы (1919–1945) в Манчестерском университете.

interview — собеседование *(англ.)*.

what are your hobbies — какие у вас хобби *(англ.)*.

баронесса — М. И. Будберг.

сильвикрин — лечебный шампунь.

Цетлин Валентин Михайлович (Валентайн Вулф Цетлин; 1912–2007) — будущий психоаналитик.

week-end — выходные *(англ.)*.

Prof. E. Vinaver, The University, Manchester. — Проф. Е. Винавер, университет, Манчестер *(англ.)*.

246. 1 июня 1939 г

Политцер — Рональд Полицер — директор отдела рекламы в английском издательстве «Коллинз» (основано в 1819 г.).

is very helpful — очень помогает *(англ.)*.

Любжинский — М. Е. Любржинский.

Colonel Clive Garsia — подполковник Уиллоби Клайв Гарсия (1881–1961) — преподаватель в колледже Стафф в Камберли, графство Суррей, неподалеку от Лондона.

Будгбергша — М. И. Будберг.

Otto Thien (правильно: Theis) — Отто Тейс (1881–1966) — лондонский редактор и литературный агент американского происхождения. ВН постоянно путает написание его имени (Thien, Theis, Theiss).

Глеб — Г. П. Струве.

Эва (Ева) — Лютьенс.

Пневмоторакс — забыл название! — ВН рассчитывал провести часть лета в Савойских Альпах. Видимо, он с женой обсуждал возможность снять жилье в деревне Сейтене (Seythenex), которая в письме превратилась в Пневмоторакс (Pneumothorax).

se pique de zoologie — гордится своей зоологией *(фр.)*.

«Seven Pillars of Wisdom» полк.<овника> Лоуренса — «Семь столпов мудрости» (1922), известный биографический роман Томаса Эдварда Лоуренса, рассказывающий о его участии в Арабском восстании против Османской империи в 1916–1918 гг.

remember I adore you more than ever — помни, я обожаю тебя сильнее, чем когда-либо *(англ.)*.

247. 2 июня 1939 г

белянки — бабочки из семейства Pieridae, точнее — белые бабочки из подсемейства Pierinae, вроде большой белянки (капустницы), Pieris brassicae, и малой (капустной) белянки, Pieris rapae.

«My double and I» — «Мой двойник и я» *(англ.)*. См.: *Gubsky N.* My Double and I: Sentimental Adventures. London: William Heinemann, 1939.

Otto Thien — Отто Тейс.

Silberman — Зильберман, помогший русскому рассказчику В. загадочный персонаж в «Истинной жизни Севастьяна Найта» (гл. 13–14) — «небольшого роста человек с густыми бровями… обнажив сплошную розовую плешь… большой блестящий нос… с сияющей улыбкой» (Пер. Г. Барабтарло).

человечек будбергский — т. е. порекомендованный М. И. Будберг.

Мура — М. И. Будберг.

Жена Тайса — Луиза Морган (1883–1964) — журналистка, американка.

«N<ews> Chronicle» — «Ньюз кроникл», английская ежедневная газета, возникшая в 1930 г.

в результате слияния «Дейли кроникл» и «Дейли ньюз»; в 1960 г. была поглощена «Дейли мейл».

party — вечеринка *(англ.)*.

Люся — И. Л. Фейгин.

Вера Марковна — Гаскелль.

Судя по четверговому № ‹…› Пио ‹…› Адамовича ‹…› по обоюдному бесстыдству. — См.: *Адамович Г.* Литература в «Русских записках» [№ 17] // Последние новости. 1 июня 1939. С. 3. В рецензии Адамович писал о Владимире Пиотровском: «поэт, редко появлявшийся в нашей здешней печати, очень искусный и требовательный к себе, художник бесспорно “взыскательный”. ‹…› Его жанр — нечто вроде подсушенного, подчищенного, как бы проверенного Пушкиным Блока». В то же время Адамович старательно принижал достоинства стихов самого ВН, с которым критики сравнивали Пиотровского. ВН был давним противником того, чтобы Адамович торговал своими хвалебными рецензиями по цене, скажем, ужина в ресторане (ср. в романе «Пнин»: «…Один из ее поклонников, банкир и прямой покровитель искусств, выбрал среди русских парижан влиятельного литературного критика Жоржика Уранского, и за обед с шампанским в “Уголке” добился того, что милейший Жоржик посвятил

свой очередной feuilleton в одной из русских газет высокой оценке Лизиной музы, на каштановые кудри которой он преспокойно возложил венец Анны Ахматовой ‹…›». Пер. Г. Барабтарло).

…забавный «Дневник» Арн.<ольда> Беннетт… — Арнольд Беннет (1867–1931) — плодовитый английский писатель и журналист. Его дневники полностью не опубликованы; возможно, ВН имеет в виду его бестселлер «Как жить 24 часа в сутки» (1910) или «Управление своим “Я”: Статьи о существовании» (1918).

…свадьбой какого-то из вел.<иких> кн.<язей> — Вел. князь Всеволод Иоаннович (1914–1973), следующий после вел. кн. Владимира Кирилловича претендент на российский престол, 21 мая 1939 г. вступил в морганатический брак с леди Мэри Лигон (1910–1982), лишив себя тем самым права на трон.

тетя Бэбэша — Н. Д. Вонлярлярская, известная в семейном кругу как «тетя Бэби».

dans le courant — по ходу *(фр.)*.

…залечь за писание. — Неясно, о чем именно идет речь. Закончив в январе 1939 г. работу над «Истинной жизнью Севастьяна Найта», ВН не принимался за художественные произведения на английском до начала (приблизительно в ок-

тябре 1941 г.) работы над романом «Под знаком незаконнорожденных» («Bend Sinister»), замысел которого был навеян июньским вторжением Гитлера в СССР (хотя ВН и надеялся, что СССР одолеет Гитлера, в тексте он свел воедино и подверг критике как немецкий, так и русский варианты тоталитаризма). Кроме того, в «Под знаком незаконнорожденных» косвенно отражены возникшие у ВН в начале войны трудности и опасения, связанные с вывозом жены и сына из оккупированной Франции. Поэтому нет оснований предполагать, что здесь речь идет об этом романе. Следующими заметными русскоязычными произведениями ВН станут «Волшебник», прототип «Лолиты», написанный в октябре-ноябре 1939 г., и незаконченный роман «Solus Rex» (по-видимому, начатый весной 1939 г.), в некоторых отношениях — предшественник «Бледного огня». В письме приводится недостаточно сведений, чтобы понять, какую из этих вещей ВН задумывал написать по-английски. Возможно, подразумевается одно из сочинений, впоследствии включенное в автобиографию «Conclusive Evidence».

РАЗ-ДВА, РАЗ-ДВА… БУМС! — Вероятно, упоминание того, что Дмитрий Набоков учился

кататься на роликах.

248. 3 июня 1939 г

Capt.<ain> Riley — Норманн Денби Райли (1890–1979) — английский энтомолог, хранитель энтомологического отдела Британского музея. Много позднее ВН напишет рецензию на его и Л. Д. Хиггинса справочник британских и европейских бабочек: *Nabokov V.* A Field Guide to the Butterflies of Britain and Europe: 'Rebel's Blue, Bryony White' // Times Educational Supplement. 1970. 23 October. P. 19; затем она войдет в книгу ВН «Стойкие суждения» (*Nabokov V.* Strong Opinions. N. Y.: McGraw-Hill, 1973. P. 331–335).

...посмотрев на мой meladon... — Речь идет о пойманной ВН в 1938 г. в Мулине Lysandra cormion; теперь известно, что это гибрид Polyommatus (Lysandra) coridon и Polyommatus (Meleageria) daphnis (см. письмо от 6 апреля 1939 г. и примеч. к нему).

it is something quite new — это нечто весьма новое *(англ.)*.

who may know something *about the question* — кто может *хоть что-то* знать по этому вопросу *(англ.)*.

Stempfer (правильно: Stempffer) — Анри Стемп-

фер (1894–1978) — французский лепидоптеролог.

…знаменитая история насчет carswelli-arcilani… — В 1926 г. лепидоптеролог-любитель Моррис Карсвелл (1862–1942), поймав в Мурсии неизвестную ему бабочку, передал ее Стемпферу; тот признал ее новым подвидом и назвал в честь Карсвелла (Cupido minimus carswelli TTTS // Soc Boll. FRCS. Ent. 1927. P. 247). В том же году Райли назвал ее новым видом Cupido arcilacis Riley на основании экземпляров из той же местности, собранных другом Карсвелла Куком (A New European Lycaenid: Cupido arcilacis // Entomologist. 1927. № 60. P. 269–276). Через год, проведя детальное морфологическое исследование бабочки и схожих особей, Стемпфер заключил, что речь идет о новом виде (Contribution a l'etude de Cupido carswelli Stempffer. Encycl. Ent. Ser. B. III Lep., 3. 1928. P. 105–115). Райли в ответ написал статью «Cupido carswelli Stempffer = Cupido arcilacis Riley» (Entomologist. № 61. P. 38–91), но предложенное им название вида было впоследствии аннулировано. По поводу видовой принадлежности Cupido carswelli велись долгие споры (Atalanta. 2006. № 37 (1/2). P. 150–160).

publish it — опубликовать это *(англ.)*.

«Entom.<ologist>» — журнал «Энтомолог».

Brigadier Evans — лепидоптеролог У. Г. Эванс.

гесперииды — толстоголовки, большое семейство мелких и средних дневных бабочек-толстоголовок, таксономическое определение которых представляет сложности, поскольку многие виды очень схожи друг с другом.

alveus, armoricanus, foulquieri — Pyrgus alveus — толстоголовка альвеус, обитает на большей части континентальной Европы; Pyrgus armoricanus — толстоголовка армирикская, обитает тоже в континентальной Европе; Pyrgus foulquieri — толстоголовка фулькьера, обитает в Центральной и Южной Франции, Северной Италии, Испании.

Вера Марк.<овна> — Гаскелль.

School of Slavonic Lang.<uages> — Школа славянских языков *(англ.)*.

Sir Bernard — сэр Бернард Пэрс.

Якобсон — Сергей (Сергиус) Иосифович (Осипович) Якобсон (1901–1979) — преподаватель Кингс-колледжа в Лондонском университете, а также Оксфорда и Кембриджа; с 1934 по 1940 г. — заведующий библиотекой в Школе славянских и восточноевропейских исследований в Лондонском университете; впоследствии — директор Славянского и восточноевропейского отдела Библиотеки Конгресса. Его брат Роман Осипович

Якобсон (1896–1982) был знаменитым лингвистом и литературоведом.

Intel<l>igence Service — британская секретная служба, разведка *(англ.)*.

Надя — Н. И. Саблина.

Арнольд — Гаскелль.

open air — под открытым небом *(англ.)*.

first she played with him, then he played with her; then I played with myself and fell off the tree — сначала она ласкала его, потом он ласкал ее, потом я ласкал себя и свалился с дерева *(англ.)*.

249. 4 июня 1939 г

Флора — Соломон.

Ли — М. Карпентер-Ли и ее муж Э. Ли.

Левицкая — возможно, Аглаида Сергеевна Шиманская (урожд. Левицкая; 1903–1995) — поэтесса, писательница, литературный критик.

Зин.<аида> Дав.<ыдовна> — Шкловская.

Владимир Кирилл.<ович> — великий князь.

«Much ado about nothing» — «Много шума из ничего» *(англ.)*.

Regent<'s> Park — королевский Риджентс-парк на северо-западе Лондона.

overcoat — пальто *(англ.)*.

…архибездарный автор «Магнолия-стрит». — Льюис Голдинг (1895–1958), автор романа «Магнолия-стрит» (1932).

le grand-duc et le duc moyen — Великий князь и ушастая сова *(фр.)*. ВН отвечает на вопросы по поводу перевода на французский рассказа «Посещение музея»: «…наверху шкафа — две совы: одну звали в буквальном переводе “Великий князь”, другую “Князь средний”» (*Набоков В.* Полное собрание рассказов. С. 505). Французского перевода «Посещения музея», опубликованного

в 1939 г. или вскоре после, не обнаружено.

crottin — конский навоз *(фр.)*.

…перевести дословно, насчет твердого знака, и снабдить примечанием. — Комментируя неизвестный нам перевод «Посещения музея» на французский язык, ВН просит жену проследить, чтобы читателю, не знающему правил дореформенной орфографии русского языка, объяснили концовку рассказа: герой-эмигрант выходит из провинциального французского музея, в котором таинственным образом заблудился, на улицу, где замечает, что на вывеске «…инка сапог» в слове «сапог» отсутствует твердый знак на конце (ер) — и это позволяет ему осознать, что он каким-то образом оказался в Советской России.

Zoo — зоопарк *(англ.)*.

Ева — Лютьенс.

250. 5 июня 1939 г

mihi — мне, для меня *(лат.)*.

Mus disneyi — мышь диснеева *(лат.)*. Т. е. Микки-Маус.

giant Baby Panda — детеныш большой панды *(англ.)*.

миссионер Давид — отец Арман Давид (1826–1900) — французский католический священник, миссионер, зоолог и ботаник, в 1869 г. получил от охотника шкуру большой панды. Впервые на Запад живую большую панду привезли в 1936 г. в зоопарк Брукфильд в Чикаго; в 1938 г. пять больших панд были отправлены в Лондонский зоопарк.

Очень был также интересен господин… — Речь идет о Дугласе С. С. Стюарте (1872–1949), члене Британского зоологического общества, известном как «волчатник из Лондонского зоопарка».

Ева — Лютьенс.

Савелий — Гринберг.

полковник — У. К. Гарсия.

Otto — Theis.

Татищев Борис Алексеевич (1876–1949) — граф, бывший генеральный консул Российского

посольства во Франции (1920), занимался общественной и благотворительной работой в Русской зарубежной церкви.

Родзянко — Николай Михайлович, с которым ВН уже связывался по поводу визы в 1937 г.

Kensington Regiment something — что-то связанное с Кенсингтонским полком *(англ.)*. Имеется в виду памятник Кенсингтонскому полку принцессы Луизы неподалеку от Кенсингтон-Хай-стрит.

251. 6 июня 1939 г

Dze book is as good as сольд. — Книга практически продана *(искаж. англ.)*. ВН пародирует псевдонемецкий английский эксцентричного коммивояжера Зильбермана — персонажа «Истинной жизни Севастьяна Найта», о котором и говорится в письме.

Milton Waldman — Мильтон Вальдман (1895–1976) — редакционный консультант, советник издательства «Коллинз».

dans le ventre — во чреве *(фр.)*.

«La Course du Fou» — перевод «Защиты Лужина» на французский.

«The Fool's Mate» — «Мат дурака» *(англ.)*.

…и каламбурный, кроме того, «перевод» слова «fou»… — Французское «fou» означает «безумец», а в шахматах — «слон»; соответственно, название «La Course du Fou» можно перевести и как «Ход слоном», и как «Путь безумца». В английском названии «The Fool's Mate» передано звучание «fou» и предвосхищается лужинский «мат самому себе».

will make up their minds — определятся *(англ.)*.

Army and Navy Club — Клуб армии и флота *(ан-*

гл.).

Staff College — Штабной колледж *(англ.)*.

Otto — Theis.

Lovat Dickson — Ловат Диксон Горацио Генри (1902–1987) — английский издатель и писатель канадского происхождения.

…Ульштейно-Мэрикс периоде. — Первые два романа ВН, «Машенька» (1926) и «Король, дама, валет» (1928), были изданы в Германии издательством «Ульштейн» в 1928 и 1930 гг. соответственно. За эти переводы тогда еще малоизвестный автор получил солидные гонорары. «Мэрикс» — возможно, слияние начал английских названий романов («Магу», «King, Queen, Knave»).

Milk Bar — молочный бар *(англ.)*.

«Le Carrefour» — «Перекресток» *(фр.)*. Фильм (1938) режиссера Куртиса Бернхардта (1899–1981).

252. 7 июня 1939 г

Pas gentil. — Не мило *(фр.)*.

«Course du Fou» («La Course du Fou») — французский перевод «Защиты Лужина».

Brigadier Evans — У. Г. Эванс.

certain types — определенные типы *(англ.)*.

we are very understaffed here — нам здесь очень не хватает сотрудников *(англ.)*.

Миша — Любржинский.

…деятельно заняться пьесой… — Видимо, речь идет о постановке пьесы «Событие» или пьесы «Изобретение Вальса».

Foreign Office — Министерство иностранных дел *(англ.)*.

куррик.<улум> — биография.

Мария Соломойловна — Мария Самойловна Цетлина. Видимо, ВН допустил описку, потому что много общался тогда с Флорой Соломон.

…встречаюсь с Molly на Виктории… — С М. Карпентер-Ли на вокзале Виктория.

Slavonic School — Школа славянских исследований *(англ.)*.

party — прием, вечеринка *(англ.)*.

межмолок — период, когда корова не дает

молока.

…Е.<вгения> К.<онстантиновна> — Гофельд.

Ариадна — Тыркова-Вильямс.

St. Thorax — шуточное наименование деревни Сейтене (Seythenex) в Савойских Альпах, где Набоковы планировали отдохнуть летом. Ср. ранее использованную другую замену: «Пневмоторакс».

ça va sans dire — разумеется *(фр.)*.

253. 8 июня 1939 г

I did not like your letter, it is quite off the point. — Мне не понравилось твое письмо, оно совсем не по делу *(англ.)*.

…первые поколения. — Первые поколения летних бабочек.

Любжинский — М. Е. Любржинский.

mais c'est toujours quelque chose — но это уже кое-что *(фр.)*.

Foolish and annoying — Глупо и неприятно *(англ.)*.

you don't know what those parties are, — I do… — ты не знаешь, каковы эти приемы, — я знаю *(англ.)*.

delighted — счастливы *(англ.)*.

Molly — Молли Карпентер-Ли, которая редактировала переводы Набокова на английский.

vu — ввиду (того) *(фр.)*.

Otto — Theis.

…в его-то журнале вышел в свое время «The Passenger»… — «Пассажир» (1927) стал первым рассказом ВН, переведенным на английский (Глебом Струве); впервые опубликован: Lovat Dickson's Magazine. 1934. June. P. 719–725.

…читает «Севаст.<ьяна>»… — «Истинную

жизнь Севастьяна Найта».

Thomson — Дэвид Клеорн Томсон (1900 –?) — секретарь и член совета (1938–1954) Общества защиты науки и образования (1933–1987).

Science and Learning — наука и образование *(англ.)*.

I shan't get into a mess — я не попаду в неприятную историю *(англ.)*.

«Fox Film Co.» — «Корпорация Фокс Фильм» была британской ветвью голливудской кинокомпании и с 1937 г. располагалась в собственном здании в лондонском районе Сохо.

readers — здесь: читатели-рецензенты *(англ.)*.

But I love you tremendously. — Но люблю тебя неописуемо *(англ.)*.

254. 9 июня 1939 г

…Ходасевич «окончил земное существование»… — В. Ф. Ходасевич, по всей видимости, был болен раком. В конце мая ВН хотел навестить друга в Париже, но тот не смог его принять из-за плохого состояния. 14 июня Ходасевич скончался в госпитале Бруссэ.

Mus flavicollis — Желтогорловая мышь (Apodemus flavicollis).

5 + 10 + 30 + 7½ +… — Подсчет заработанных денег.

readers — здесь: читатели-рецензенты *(англ.)*.

…Евг.<ении> Конст.<антиновны> и Ростика. — После смерти Е. И. Набоковой Е. К. Гофельд, бывшая гувернантка сестер ВН, стала опекуншей племянника ВН Ростислава Петкевича.

Birch — Фрэнсис (Фрэнк) Бирч (1889–1956) — английский криптолог, служил в военно-морском флоте. Когда ВН учился в Кембридже, Бирч состоял на службе в Кингс-колледже (1915–1934) и преподавал историю в Кембриджском университете (1921–1928).

Ева — Лютьенс.

I have had enough, I want my work. — С меня до-

вольно, хочу своей работы *(англ.)*.

Вера Марковна — Гаскелль.

Lee — Ли.

Lovat — издатель Ловат Диксон.

chemist ‹…› talc-powder ‹…› you are the third gentleman to-day who wants me to sprinkle his back… — аптекарю… тальк… вы сегодня уже третий джентльмен, который просит посыпать ему спину *(англ.)*.

My darling — Моя душка *(англ.)*.

К chort'y Church'ей… — К чорту Черчей! (Имеется в виду вечеринка у супругов Черч).

shorts — шорты *(англ.)*.

I adore you, I kiss you so. — Обожаю тебя, я так тебя целую *(англ.)*.

255. 10 июня 1939 г

Union for Protection — Союз защиты *(англ.)*. Вероятно, речь идет об «Обществе защиты науки и образования».

Франк — В. С. Франк.

Полицер — ниже ВН пишет ту же фамилию как «Поллицер».

Buchanan — сведения отсутствуют.

«La Course du Fou» — французский перевод «Защиты Лужина».

Baroness Bugbear ‹…› Bedbug — баронесса Пугало… Клоп *(англ.)*. «Пол(л)ицер» саркастически обыгрывает имя баронессы М. И. Будберг.

je suis sensé — мне поручено *(фр.)*.

Chatto и Windus — издательство «Чатто энд Виндус», основанное в Лондоне в 1855 г.

Foreign Office — Министерство иностранных дел *(англ.)*.

…статью для Руднева… — Имеется в виду известное эссе ВН «О Ходасевиче» (Современные записки. 1939. № 69. С. 262–264), написать которое он согласился до 29 мая 1939 г., т. е. еще при жизни Ходасевича (детали указал А. Бабиков в личном сообщении). Об этом он писал В. Рудневу:

«Получив Ваше письмо, сразу раздобыл нужные книжонки для статьи и надеялся ее приготовить до отъезда в Лондон» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2014. Т. 4. С. 336–337). Ходасевич прожил до 14 июня, однако, зная о тяжелом состоянии поэта, литераторы-эмигранты предполагали, что операция, намеченная на конец мая, к выздоровлению не приведет.

256. 11 июня 1939 г

of that stuff — такого рода *(англ.)*.

Cambridge — Кембридж.

job — работа, служба *(англ.)*.

that they are «quite formidable» — что они «весьма внушительны» *(англ.)*.

revue, very topical — ревю, очень злободневное *(англ.)*.

Вера Марк.<овна> — Гаскелль.

our Arnold — наш Арнольд *(англ.)*.

тетя Бэби — Н. Д. Вонлярлярская.

…сын Фульды… — Вряд ли это Людвиг Антон Соломон Фульда (1862–1939), немецкий писатель и поэт. В марте 1939 г. Фульда совершил в Берлине самоубийство, о чем его сын должен был знать. Возможно, речь идет о немецком лепидоптерологе Оскаре Фульде, который с 1904 по 1945 г. держал в Нью-Йорке знаменитый магазин бабочек.

Мерана (Мерано или Меран) — город в Южном Тироле (Италия).

Lots of kisses, my sweet darling. — Целую тебя много раз, моя милая душенька *(англ.)*.

257. 12 июня 1939 г

Ростик — племянник ВН Ростислав Петкевич, тогда живший в Праге.

Я только что кончил перевод… — Имеется в виду научная статья о мыши.

258. 18 марта 1941 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Написано на бланке колледжа Уэлсли (Wellesley College), в котором ВН пригласили прочитать двухнедельный лекционный курс. Лекции начались 15 марта.

miss W. и L. — Хильда Уорд, которой ВН преподавал русский язык в Нью-Йорке, и Лизбет Томпсон.

Мансветов — В. Ф. Мансветов. См. примеч. к письму от 12 апреля 1932 г.

Борис Васильевич — Б. В. Богословский (1890–1966) — офицер Белой армии, в эмиграции окончил Колумбийский университет, философ и педагог. В 1935–1945 гг. преподавал в прогрессивной школе Черри-Лоун в Дариене, штат Коннектикут, и был одним из ее директоров.

Бородин — сведения отсутствуют.

«Antlantic» — журнал «Атлантик мансли» (Atlantic Monthly), название которого ВН некоторое время постоянно писал с ошибкой; основан в Бостоне в 1857 г. С 1938 по 1966 г. главным редактором этого литературно-политического издания был Эдвард Уикс (1898–1989).

«New Rep.<ublic>» — «Нью рипаблик», американский журнал о политике и искусстве, основанный в Нью-Йорке в 1914 г., в ту пору еженедельный. ВН пригласил печататься в нем его новый друг, видный литературный критик и общественный деятель Эдмунд Уилсон (1895–1972), давний сотрудник журнала, а в конце 1940 г. на короткий срок — его главный редактор. С середины ноября 1940 г. ВН опубликовал там четыре книжных обзора.

Богославские — Б. В. Богословский и его жена Кристиана Стаэль фон Гольштейн (1888–1974), заместитель директора, а впоследствии директор школы Черри-Лоун (1935–1965).

беллофолит — возможно, беллафолин, противоспазматическое средство.

…телеграфировать в Wellesley… — В 1940 г. ВН был включен в группу лекторов находившегося в Нью-Йорке Института международного образования, через который и получил приглашение выступать в колледже Уэлсли.

…одного места в новом «Даре». — Хотя «Дар» был дописан в январе 1938 г. и опубликован, за исключением четвертой главы, в «Современных записках» (№ 63–67, апрель 1937 г. — октябрь 1938 г.), ВН все еще продолжал развивать его

темы и сюжеты. Возможно, весной 1939 г. он сочинил «Второе приложение» к роману, впервые опубликованное по-английски в переводе Дмитрия Набокова (Father's Butterflies: Second Addendum to the Gift // Nabokov's Butterflies / Ed. B. Boyd and R. M. Pyle. Boston, 2000. P. 198–234; на русском языке: Второе добавление к «Дару» / Публ., примеч. А. Долинина // Звезда. 2001. № 1. С. 85–109). В ходе работы ВН заменил «Второе добавление <к "Дару">», более ранний вариант условного обозначения сочинения Федора Годунова-Чердынцева о научных занятиях его отца, на «Второе приложение <к "Дару">». «Вторым» приложение названо потому, что первым должен был стать тематически связанный с «Даром» рассказ «Круг» (1934). В архиве Набокова в Библиотеке Конгресса США хранится недатированная тетрадь, озаглавленная «Дар. Часть II», в которой содержатся наброски задуманного продолжения романа (Nabokov Archives. Library of Congress. Box 6. Fol. 4). Вторая часть «Дара» должна была завершиться эпизодом, в котором Федор Годунов-Чердынцев дописывает и читает Кончееву незаконченную драму Пушкина «Русалка». Но так как работа над продолжением «Дара» не была завершена, ВН опубликовал это окончание как самосто-

ятельное произведение и под своим именем: *Набоков В.* Заключительная сцена к пушкинской «Русалке» // Новый журнал. 1942. № 2. С. 181–184. У нас недостаточно сведений, чтобы определить, как высказанная в письме мысль соотносилась с изменчивыми планами ВН о продолжении работы над «Даром», однако следует заметить, что А. Бабиков относит эту работу к американскому периоду ВН и приводит его позднюю дневниковую запись, в которой указывается, что писатель обдумывал продолжение «Дара» в Нью-Йорке (*Бабиков А.* Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб., 2019. С. 333–341. Наброски продолжения «Дара» опубликованы там же, с. 358–388).

ноншалантный (от *фр.* nonchalant) — здесь: разгильдяйский.

Брекваст (от *англ.* breakfast) — завтрак. ВН так называл второй завтрак (скорее обед).

Miss Kelly — Эми Рут Келли (1882–1962) — преподаватель писательского мастерства в колледже Уэлсли.

…Russian Novel XIX century ‹…› Short Story Gorky-Chekov… — «Русский роман XIX в.» и «Рассказ Горького и Чехова» *(англ.).* В 1938–1941 гг. во Франции и затем в Нью-Йорке, рассчитывая

получить преподавательскую работу сначала в Англии, а затем в США, ВН подготовил сотни страниц лекций по русской литературе. По всей видимости, в 1941 г. он использовал часть этого материала для чтения двухнедельного курса в Уэлсли. Позднее материал был переработан в полномасштабные курсы лекций по русской литературе в Уэлсли (1946–1948), Корнелле (1948–1958) и Гарварде (1952). Лекции ВН о Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове и Горьком вошли в сборник «Лекции по русской литературе», изданный посмертно.

rather misunderstood my delight — весьма превратно поняла мой восторг *(англ.)*.

Miss Perkins — Агнесс Фрэнсис Перкинс (1877? — 1959) — преподаватель английской литературы в Уэлсли, в 1941 г. уже собиралась уходить на пенсию. Она помогала ВН обустроиться в колледже, дружила с ним.

спинстерша (от *англ.* spinster) — старая дева.

Карпович — гарвардский историк М. М. Карпович, с которым ВН познакомился еще в Праге (см. примеч. к письму от 11 апреля 1932 г.). Они по-настоящему подружились лишь после переезда Набоковых в США.

…будь здоровенькой, как писал мой изгой. —

В это время Веру Евсеевну «приковал к постели тяжелый приступ <пояснично-крестцового> радикулита» (*Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков). М.: КоЛибри, 2010. С. 172). Как указал А. Бабиков, Н. Г. Чернышевский, сосланный в Сибирь, действительно писал жене таким образом, беспокоясь о ее здоровье; ВН воспроизводил стиль его писем в четвертой главе «Дара».

259. 19 марта 1941 г

Написано на бланке колледжа Уэлсли. Над «Wellesley» ВН надписал «Trinity COLLEGE», указав, таким образом, на Тринити-колледж в Кембридже, где учился в 1919–1922 (см. конец письма).

редактор «Antlantic» — Правильно: «Atlantic». Эдвард Уикс из «Атлантик мансли».

We are enchanted with your story, it is just what we have been looking for, we want to print it at once. — Мы очарованы вашим рассказом, именно это нам и нужно, мы намерены опубликовать его незамедлительно *(англ.)*. Речь идет об английском переводе рассказа 1937 г. «Облако, озеро, башня» (Cloud, Castle, Lake // Atlantic Monthly. 1941. June. P. 737–741). Хотя это действительно один из лучших рассказов ВН, энтузиазм редакторов журнала, отмеченный здесь и далее в письме, объясняется, скорее всего, его ярко выраженным антитоталитарным и особенно антинацистским уклоном.

Перцов Петр Александрович (1908–1967) — переводчик рассказов ВН «Облако, озеро, башня», «Пильграм» и «Весна в Фиальте»; родился в Рос-

сии, учился в Гарварде. См.: *Shrayer M.* Nabokov: Letters to the American Translator // AGNI. 1999. № 50. P 128–145.

…вчера «Пролетарский роман», сегодня ‹…› «Советская драма»… — После подписания в августе 1939 г. Пакта о ненападении между Германией и СССР, позволившего Гитлеру разделить с СССР Польшу и ускорившего начало Второй мировой войны, откровенный антисоветский настрой ВН повысил популярность его выступлений: США поддерживали союзников, хотя пока и не присоединились к ним.

шапронши (от *англ.* chaperon) — спутницы, надсмотрщицы.

антлантида <*sic*> — имеется в виду журнал «Атлантик мансли».

…удлинением цифры на озере цены. — ВН ссылается на видение непрочного счастья в «Облаке, озере, башне»: озеро и отраженное в нем облако. Кроме того, он каламбурит, сопоставляя прочтение слова «озеро», как если бы оно было написано не только кириллицей, но и латиницей («o-zero»). В последнем случае оказывается, что первая буква дублирует образ нуля, возникающий при произнесении остальной части слова («о-ноль»). Словесная игра призвана подкре-

пить надежду ВН на то, что обычные гонорары из «Атлантик мансли» возрастут в десять раз («…предварительные комплименты должны как-то отразиться удлинением цифры на озере цены»).

…еду к Карповичу… — В данном случае — в Кембридж, штат Массачусетс.

…небо ментонского тона… — Набоковы жили во французской Ментоне с октября 1937 по июль 1938 г.

Et je t'aime. — И я тебя люблю *(фр.)*.

Miss Ward — Гильда Уорд.

Чехов — театральный режиссер и актер М. А. Чехов. В конце 1940 г. ВН откликнется на предложение Чехова (который в то время руководил театральной студией в Коннектикуте) создать инсценировку «Дон Кихота», однако этот проект останется нереализованным.

Даша — Дороти Лейтхолд.

Наташа — Н. А. Набокова.

Лизбетяша — Лизбет Томпсон.

très bien, très beau parleur — замечательный, очень умелый оратор *(фр.)*.

Нью-Иорк (или Ново Іоркъ) — принятая среди эмигрантов старая форма транслитерации Нью-Йорка.

хинтики (от *англ.* hint) — намеки.

La rosse rousse sera bien enfoncée — Приблизительный перевод: «Рыжая дрянь будет как следует втоптана» *(фр.)*. ВН обыгрывает созвучие *фр.* rousse (рыжий) со словом «Россия», намекая, возможно, на скорое падение советской власти.

…что дальше перевести (тем же способом с П.<ерцовым>, с которым приятно и легко работать)… — Имеется в виду П. А. Перцов; после «Облака, озера, башни» он переведет «Пильграма».

«Тиранов»? — рассказ «Истребление тиранов» (1938).

«Оповещение»? — Рассказ ВН 1934 г.

260. 20 марта 1941 г

Написано на бланке колледжа Уэлсли.

…переводами из Пушкина. — ВН приступил к переводу «Моцарта и Сальери» в конце декабря 1940 г. (опубл.: New Republic. 1941. 21 April. P. 559–560, 565). Другие его переводы из Пушкина будут опубликованы в книге «Три русских поэта» (Three Russian Poets. Selections from Pushkin, Lermontov and Tyutchev. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944).

talk — здесь: лекция *(англ.)*.

Совьет Шорт (от *англ.* Soviet Short <Stories>) — советские рассказы.

Seul. Solus. — Один *(фр., лат.)*.

tempest nighing — пред грозою *(англ.)*.

That sea-day with a storm impending… — Английский перевод XXXIII строфы первой главы «Евгения Онегина»: «Я помню море пред грозою: / Как я завидовал волнам, / Бегущим бурной чередою / С любовью лечь к ее ногам». Один из любимых пушкинских пассажей ВН, неоднократно переводимых им на английский язык.

Ich hab gedacht, dass ich bekomme ein Brief von Dir heute. — Думал, что получу сегодня от тебя письмо *(нем.)*. Грамматически предложение по-

строено неверно. Должно быть: Ich hab(e) gedacht, dass ich heute einen Brief von dir bekomme. Д. Циммер, переводчик и редактор многих изданий ВН на немецком языке, отмечает: «Эти ошибки опровергают теорию, что он только притворялся, будто плохо говорит по-немецки».

plateau — блюдо *(фр.)*.

we are going to put some fat on the bones of that man — Мы нарастим жирка на костях этого человека *(англ.)*.

Римская восьмерка. — Копия (за исключением набоковской подписи) карикатуры Чона Дэя (Чонси Эддисон Дэй; 1907–2000), опубликованной в «Нью-Йоркере» 22 марта 1941 г. (с. 16). Еженедельный журнал рассылался подписчикам за несколько дней до обозначенной на обложке даты.

261. 24 марта 1941 г

Написано на бланке колледжа Уэлсли.

Г. — возможно, Гильда Уорд.

Л.<избет> — Томпсон.

Татьяна — Татьяна Николаевна Карпович (урожд. Потапова; 1897–1973) — жена М. М. Карповича.

Рабинович Евгений Исаакович (литературный псевдоним Евгений Райх; 1901–1973) — биохимик, поэт, вместе с ВН состоял в берлинском «Клубе поэтов».

Брат Перцова — Константин Александрович Перцов (1899–1960), работал в бостонских архитектурных фирмах, в 1945 г. открыл собственную.

Ледницкий Вацлав Александрович (1891–1967) — историк литературы, преподаватель Гарварда и Беркли; сотрудник «Нового журнала».

Trinity College man — выпускник Тринити-колледжа *(англ.)*.

…дам ему «Весну в Ф.<иальте>»… — Этот рассказ Уикс отвергнет.

reader'ш — (от *англ.* reader), читательницы-рецензенты.

I knew you would be distinguished, but I didn't know you would be fun. — Я догадывалась, что вы — человек выдающийся, но не думала, что с вами будет так весело *(англ.)*.

«Technique of Novel» — «Техника романа» *(англ.)*.

ВЕЛОША ЕДЕТ К ТЕБЕ! — Т. е. велосипед, который ВН собирается отправить сыну в Нью-Йорк.

262. 25 марта 1941 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Написано на бланке колледжа Уэлсли.

болвансветов — В. Ф. Мансветов, «дурак и сволочь», упомянутый в письме от 18 марта 1941 г.

Седых — Андрей Седых (Я. М. Цвибак), с которым ВН познакомился в 1932 г. в Париже; эмигрировал в США в 1941 г. Корреспондент (впоследствии редактор) «Нового русского слова», вскоре он также станет президентом Литературного фонда помощи русским писателям и ученым в изгнании.

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937) — князь, теоретик театра и танца, бывший директор Императорских театров; в 1893 г. приезжал в США, чтобы выступить на Всемирной ярмарке в Чикаго. «Как восхитительно зрелище этих молодых девушек в радостном сочетании природы и науки. И всюду: в рощах, над озером, в высоких коридорах — раздается в звонких, свежих голосах клич Wellesley» *(Волконский С.* Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 1. С. 308).

it will be a tragedy when you go away — для нас будет трагедией, когда вы уедете *(англ.)*.

Президент — Милдред Хелен Маккафи (1900–1994; с 1945 г. Милдред Хортон) — президент колледжа Уэлсли в 1936–1949 гг., с трехгодичным перерывом (1942–1945).

…профессором английской литературы. — Скорее всего, Чарльз Керби-Миллер (1903–1971), младший преподаватель английской литературы. Он и его жена Уилма (1897–1990) станут друзьями Набоковых в Уэлсли и Кембридже.

263. 26 марта 1941 г

Датируется на основании почтового штемпеля. Написано на бланке колледжа Уэлсли. Письмо к сыну написано на отдельном листе.

«Cloud etc» — «Облако и т. д.» *(англ.)* — рассказ «Облако, озеро, башня».

«Technique of Novel» — «Техника романа» *(англ.)*.

Vosstorg and Vdakhnovenia — ВН намеренно искажает написание, чтобы подчеркнуть, как он произносит русские слова — «восторг и вдохновения» — для англоязычной аудитории. В эссе «Искусство литературы и здравый смысл» он объясняет эти термины (сочетание и разграничение взяты у Пушкина, утверждавшего, что «вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения не существует» (*Пушкин А. С.* О статьях Кюхельбекера в альманахе «Мнемозина» // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. С. 268)): «В русском языке, вообще-то довольно бедном абстрактными понятиями, для творческого состояния есть два термина: “восторг” и “вдохновение”. Разница между ними главным образом температурная: первое — жар-

кое и краткое, второе — холодное и затяжное. До сих пор я говорил о чистом пламени “восторга”, исходного восхищения, при котором еще нет никакой сознательной цели, но без которого невозможно связать разрушение прежнего мира с построением нового. Когда настанет срок и писатель примется за собственно сочинение книги, он положится на второй — ясный и устойчивый — вид, на “вдохновение”, на испытанного товарища, который поможет воссоединить и заново построить мир» (*Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 474. Пер. Г. Дашевского).

fountain-pen — вечное перо, авторучка *(англ.)*.

Brown — Харпер Глоувер Браун (1907–1985) — преподаватель английского языка.

Татьяна Ник.<олаевна> — Карпович.

…с Анютиным делом. — А. Л. Фейгина оставалась в оккупированной Франции, откуда ей удалось выбраться только в сентябре 1941 г.

Карпович ‹…› все сделает… — После того как М. М. Карпович помог Набоковым перебраться в США, ВН попросил его помочь перевезти туда и А. Л. Фейгину.

Риджфильд — город в штате Коннектикут, где ВН должен был встретиться с М. А. Чеховым.

Ново-Йорк — Нью-Йорк.

Sov.<iet> short — Советский рассказ *(англ.)*.

…скоренько переанглицевать «Весну». — Речь идет о переводе ВН с Петром Перцовым рассказа «Весна в Фиальте», который будет опубликован только в мае 1947 г. в журнале «Харпер базар» (с. 138 и далее).

«Антлантик» — журнал «Атлантик мансли».

264. 28 марта 1941 г

Написано на бланке колледжа Уэлсли. Письма к сыну написаны на отдельных листах; второе из них («Милый мой…»), возможно, было вложено в другое письмо к Вере Евсеевне и отправлено до или после 28 марта.

Dennis ‹…› «New Rep.<ublic>» — Найджел Деннис (1912–1989) — впоследствии редактор «Нью рипаблик», в начале 1941 г. руководил литературным отделом журнала.

«Art of Translating» — «Искусство перевода» *(англ.)*. См.: The Art of Translation // New Republic. 1941. 4 August. P. 160–162.

Шварц Делмор (1913–1966) — американский поэт и писатель.

Wilson — отношения ВН с влиятельным американским критиком Эдмундом Уилсоном вскоре перерастут в тесную дружбу.

Фишер Эдгар (ок. 1884–1968) — сотрудник Института международного образования, который занимался организацией лекционных турне ВН.

Лоример Берфорд (1908–1952) — редактор в издательстве «Боббз-Меррилл» (Индианаполис).

Алданов — М. А. Алданов эмигрировал в США

в 1940 г., а в 1942-м стал одним из основателей «Нового журнала».

пруфсы (от *англ.* proofs) — гранки (набоковского перевода «Моцарта и Сальери» Пушкина — см. примеч. к письму от 20 марта 1941 г.).

Понс Лили (1896–1976) — знаменитая оперная певица-сопрано.

…самцы и самки из «New Yorker»'а. — Возможно, имеется в виду стиль карикатур или рекламы этого журнала. «Нью-Йоркер», основанный в 1925 г., успел стать одним из важнейших американских периодических изданий.

Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) — дирижер и композитор русского происхождения, музыкальный руководитель Бостонского симфонического оркестра (1924–1949), когда-то выступал в петербургском доме Набоковых. В 1940 г. Александра Львовна Толстая (1884–1979) заручилась рекомендательным письмом Кусевицкого для ВН, которое, возможно, облегчило ему въезд в США.

staff — здесь: сотрудники, преподаватели *(англ.)*.

Mansfield — Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923) — писательница и поэт новозеландского происхождения. *Flaubert, Proust* — Густав Флобер (1821–1889)

и Марсель Пруст (1871–1922) — одни из самых любимых французских писателей ВН.

президентша — Милдред Маккафи. См. примеч. к письму от 25 марта 1941 г.

глимпснул (от *англ.* glimpsed) — заметил.

Russian Tea-room — ресторан «Русская чайная» в Нью-Йорке.

pointedly — подчеркнуто *(англ.)*.

Wellesley-rein? — Смысл вопроса в том, окажется ли жена ВН достойной Уэлсли (от *нем.* rein — чистый).

«Bobbs-Merr.<ill>» — В 1938 г. издательство «Боббз-Меррилл» опубликовало «Смех в темноте». Возможно, теперь издатель хотел продать право на экранизацию романа. В 1945 г. ВН наконец получит 2500 долларов от киностудии, намеревающейся экранизировать «Смех в темноте», однако фильм будет снят только в 1969 г.

лапсус лингви (от *лат.* lapsus linguae*)* — оговорка.

But don't you think that a reader must live *with the characters?* — А вы не думаете, что читатель должен *жить* с персонажами? *(англ.)*

No, with the author. — Нет, с автором *(англ.)*.

…налягу на М.<ихаила> М.<ихайловича> — ВН просил у М. М. Карповича поручительство

для А. Л. Фейгиной, которая стремилась выехать из оккупированной Франции в США. Карпович согласился оформить необходимые бумаги. ВН писал ему в марте 1941 г.: «Мы с женой страшно благодарны вам за ваше согласие; Татьяна Николаевна повезла вам формуляры» (*Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959). С 69).

старик Г.<ессен> — И. В. Гессен, который остался в оккупированной Франции и переедет в США в 1942 г.

permanent job — постоянное место *(англ.)*.

Зёка — Г. И. Гессен.

Русскому клубу я уже написал, что 50. — Видимо, ВН написал Андрею Седых (Цвибаку) насчет лекции (см. письмо от 25 марта 1941 г.) и попросил гонорар в 50 долларов.

Norwalk — Норуолк, город на берегу Атлантического океана в штате Коннектикут.

…к Чех.<ову> — к М. А. Чехову в Риджфилд, штат Коннектикут, для обсуждения постановки «Дон Кихота».

265. 31 марта 1941 г

short story Sov.<iet> — Советский рассказ *(англ.)*.

…коллекционера Denton… — Доктор Уильям Дентон-старший (1823–1883) в 1867 г. поселился «на месте, где впоследствии возникнет Уэлсли в штате Массачусетс. После его смерти его дети Уилли, Уинсфорд («Уинси»), Шерман и Кэрри попытались систематизировать собственные и отцовские коллекции природных объектов и заработать на них. У них были тысячи бабочек, и примерно в 1890 г. Уилли и Уинсфорд создали фирму «Бабочки братьев Дентон», — они владели магазином в Уэлсли, а впоследствии еще одним, в Лондоне. Помимо украшений из крыльев бабочек, они производили Denton Mounts — доски для хранения и экспонирования расправленных бабочек, изобретенные и запатентованные их братом Шерманом (1856–1937). Их внучки завещали коллекцию Историческому обществу Уэлсли» (http://www.dezimmer.net/eGuide/Biographies.htm#Denton). ВН осматривал коллекцию в доме Дентонов на Дентон-роуд, д. 11.

localities — здесь: места обитания *(англ.)*.

Татьяна — Карпович.

Vermont — штат Вермонт.

…беседовал с Чеховым о Дон-Кихоте… — См. примеч. к письму от 19 марта 1941 г.

Wellesley — Уэлсли.

Жуковский Станислав Юлианович (1873–1944) — русский пейзажист польского происхождения.

Жданов — ВН познакомился с Г. С. Ждановым, актером и режиссером, сотрудничавшим с М. А. Чеховым, в Париже в 1936 г.

266. 1941–1942 (?) гг

Записка без даты. Датирована карандашом внизу листа, возможно рукой В. Е. Набоковой: «1941–2».

Faculty Room (Green Hall) — преподавательская (Зеленый зал) *(англ.)*.

267. Не ранее мая 1942 г

Записка без даты. Список, о котором говорится в письме, возможно, был частью ранних подготовительных набросков ВН к книге «Николай Гоголь» (опубл.: Nikolay Gogol. Norfolk, CT: New Directions, 1944). Согласно договору, ВН должен был закончить рукопись в мае 1942 г.

…начиная с брекфаста (двух)… — В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (1842) упомянуты «первый завтрак» и «второй завтрак» (нынешний обед).

ch.<apters> — главы *(англ.)*.

Chic<hi>kov's diet during one day of 75 *pages… (contrasted with what he did* not *eat at Pl<y>ushkin's).* — Питание Чичикова за один день на 75 страницах… (с противопоставлением тому, чего он *не* съел у Плюшкина) *(англ.)*.

268. 3 августа 1942 г

Почтовый штемпель отсутствует; возможно, письмо было доставлено из рук в руки. В адресе назначения указано: «c /o Mrs Bertrand Thompson, Commander Hotel, Cambridge Mass.<achusetts>» («По адресу г-жи Бертран Томпсон, Коммандер-отель, Кембридж, Масс.<ачусеттс>. В верхней части конверта рукой В. Е. Набоковой написано: «From Brattleboro, Karpovichs' summer home» («Из Брэтлборо, летнего дома Карповичей»). С обратной стороны конверта на верхнем клапане неизвестной рукой написано: «Владимирыч просил не забыть про *ром* и купить ему башмаки (сникеры)<,> предположительно № 10 и предпочтительно синие». Владимирыч — ВН. Ром использовался в приготовлении липкой массы для ловли ночных бабочек. Сникеры (от *англ.* sneakers) — теннисные туфли.

В 1942 г. Набоковы провели несколько недель в просторном летнем доме Карповичей в Вест-Уордсборо (штат Вермонт). В начале августа В. Е. Набокова ездила оттуда в Кембридж (Массачусетс), чтобы подыскать на следующий учебный год жилье неподалеку от Гарвардского универси-

тета, в Музее сравнительной зоологии которого ВН получил работу.

Newell — сведения отсутствуют.

Деррики — сведения отсутствуют.

Наташа — сведения отсутствуют. Возможно, Н. А. Набокова.

Митюшенька — Дмитрий Набоков.

Левина Елена Ивановна (урожд. Зарудная; 1913–2006) — жена Гарри Левина (1912–1994) — преподавателя английской литературы в Гарварде, с 1960 г. профессора сравнительного литературоведения.

Лизбет — Томпсон.

Бальтимор — Балтимор, город в штате Мэриленд.

…бальтиморский «Остров Слез»… — Возможно, «Иммигрантский дом» в районе полуострова Локуст-пойнт в Балтиморе. «Остров слез» — одно из названий о. Эллис в бухте Нью-Йорка, который был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США.

Бромберги — родственники Анны Фейгиной.

трембалировать (от *фр.* trembler — дрожать) — здесь: трястись (в дороге).

Мариша — дочь Карповичей Марина (впоследствии миссис Ли Гайдман).

Суперман (Супермен) — герой серии комиксов, которая начала издаваться в 1939 г. В июне 1942 г. ВН написал стихотворение о возможных последствиях брачной ночи Супермена и Лоис Лейн «The Man of Tomorrow's Lament» («Жалоба Человека Будущего») и отправил его в «Нью-Йоркер», но к публикации оно принято не было (опубл. в издании: *Набоков В.* Жалобная песнь Супермена. Поэмы (1918–1947) / Сост., пер., коммент. А. Бабикова. М.: АСТ: Corpus, 2022. С. 204–209).

«Нос» — повесть Н. В. Гоголя (1836).

medium — среднего размера *(англ.)*.

Банкс Натаниэль (1868–1953) — старший хранитель отдела насекомых в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

…очень скучаю по музею. — В октябре 1941 г. ВН начал безвозмездно работать там над упорядочиванием коллекции бабочек; с 1942 по 1948 г. он был штатным научным сотрудником и фактически хранителем лепидоптерологического отдела.

Arctia virgo. — На самом деле Grammia virgo, большая виргинская медведица (virgo было исключено из названий рода Arctia уже в 1866 г.). Д. Циммер полагает, что «Набоков правильно опознал порхавшую бабочку как медведицу virgo и автоматически предположил, что она принад-

лежит к самому распространенному роду медведиц — Arctia. Arctia и Grammia очень похожи, их легко перепутать» (http://www.dezimmer.net/eGuide/Lep2. l-F-K.htm#G.virgo).

Гольденвейзер Алексей Александрович (1890–1979) — юрист, с 1921 г. в эмиграции; в 1940 г. помог многим своим соотечественникам, в том числе Набоковым, Фейгиным и Гессенам, эмигрировать из Европы в США (см.: Гольденвейзер и Набоковы (по материалам архива А. Гольденвейзера) / Публ. Г. Глушанок // Евреи из России в Америке. Иерусалим; Торонто; М., 2007).

269. 2 октября 1942 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

…благополучно прибыл… — Речь идет о начале первого лекционного турне ВН по американскому Югу. Оно началось с лекций в Кокер-колледже в Хартсвилле в Южной Каролине.

Анюта — А. Л. Фейгина.

270. 2–3 октября 1942 г

Поттер Паулюс (1625–1654) — голландский художник, прославившийся своими пасторальными пейзажами с изображением животных.

Corot — Жан-Батист-Камиль Коро (1796–1875) — французский пейзажист.

«очей очарование» — из стихотворения Пушкина «Осень» (1833).

Флоренция — город в штате Южная Каролина на юго-востоке США.

Coker — Кокер-колледж в Южной Каролине, где ВН должен был читать лекции.

Гарцвилль (Harstville) — город, в котором расположен Кокер-колледж (ныне Университет Кокер).

waiting room — зал ожидания *(англ.)*.

«Oh no… I am waiting for a Russian professor». — «But I *am the Russian professor!» — «Well, you don't look like one»* — «О, нет… я жду русского профессора». — «Но *я* и есть русский профессор!» — «А с виду не похожи» *(англ.)*.

Ingram — Бенджамин Клейтон Ингрaм (1892–1995) — преподаватель богословия, заведующий отделением христианского образования в Кокер-

колледже.

Кокер Вивиан (урожд. Гэй, 1869–1952) — вдова Джеймса Лайда Кокера (1863–1931), сына Майора Кокера (см. ниже).

belle fille — невестка *(фр.)*.

майора Кокер — Джеймс Лайд (Майор) Кокер (1837–1918) — основатель школы старшей ступени Уэлш-Нек (1894), переименованной в 1908 г. в Кокер-колледж.

Грин Чарльз Сильвестер (1900–1980) — президент Кокер-колледжа (1936–1944).

«Common Sense» — здравый смысл *(англ.)*. Лекция ВН «Искусство литературы и здравый смысл», переработанный вариант статьи «Писатель и его мастерство» (The Creative Writer // Bulletin of the New England Modern Languages Association. 1942. January. P. 21–29).

карбона — американский пятновыводитель.

…лекцию о Tragedy of Tragedy… — «Трагедия трагедии», впервые опубл.: *Nabokov V.* The Man from the USSR and Other Plays / Ed. and trans. D. Nabokov. New York: Harcourt Brace / Jovanovich Bruccoli Clark, 1984. P. 323–342. В русском переводе А. Бабикова и С. Ильина: *Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. С. 501–518.

Чайная олива — Osmanthus americanus, вечнозе-

леное дерево, растущее на юго-востоке Северной Америки.

МакКош — Глэдис Кэтрин Маккош — преподаватель зоологии в колледже Уэлсли.

гесперииды — толстоголовки, семейство дневных бабочек.

пьериды — белянки, большое семейство дневных бабочек, в основном белых, желтых или оранжевых.

Papilio — род дневных бабочек из семейства парусников, как правило больших, с яркой окраской. Самым крупным в этом ареале является восточный тигровый парусник, Papilio glaucus.

eubule — Phoebis sennae eubule, ярко-желтая бабочка.

darkies — (груб.) негр, черномазый *(англ.)*.

bushels — бушели *(англ.)*. Один бушель хлопка весил 500 фунтов (226,8 кг). Скорее всего, ВН ошибся о передаче сведений, касающихся сбора хлопка, и речь шла о тюках (*англ.* bale), которых приходится 20 на бушель.

hostess — хозяйка *(англ.)*.

…знаменитый художник… — Ирландско-американский художник-пейзажист Эдвард Гэй (1837–1928).

Uncle Sam — Дядюшка Сэм *(англ.)*.

Napoleon III — Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), племянник Наполеона Бонапарта, первый президент Второй Французской республики, потом император.

beau père — свекор *(фр.)*.

presbyterian minister, Smythe — пресвитерианский священник, Смит *(англ.)*. Эллисон Эджер Смит (правильно: Smyth; 1903–1998).

…сын известного лепидоптеролога… — сын Эллисона Эджера Смита (1863–1941), основателя биологического факультета Вирджинского политехнического института.

сфингиды — бражники, семейство ночных бабочек.

Bankes — Натаниэль Банкс (правильно: Banks).

Морган Чарльз Лэнгбридж (1894–1958) — английский писатель и драматург, получил в 1940 г. премию Джеймса Тейта Блэка за роман «Путешествие».

Вальдоста — ВН должен был прочитать лекцию в Женском колледже штата Джорджия в Вальдосте.

эбержировать (от *фр.* héberger*)* — приютить, принимать.

engagements — здесь: профессиональные и светские обязанности *(англ.)*.

музей — Гарвардский музей сравнительной зоологии.

интенерариум (от *англ.* itinerary) — курс, маршрут.

текла — род дневных бабочек из семейства голубянок.

I don't think so. I have never seen them grow wings or anything. — Вряд ли. Я никогда не видела, чтобы у них росли крылья или что-то подобное *(англ.)*.

…на «Бремене» в Европу… — Немецкий пассажирский лайнер «Bremen», последний рейс которого в США состоялся в августе 1939 г.

Geh zu deine Kabine: ich bin müde! — Ступай в свою каюту: я устал! (правильно: «Geh zu deiner Kabine» или «geh in deine Kabine») *(нем.)*.

Дяди Томы — чернокожие бедняки, похожие на главного героя романа Гаррет Бичер Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди низших» (1852).

ацидалия — более не употребляющееся название для рода бабочек-совок (ночниц). К нему относили несколько родов, которые теперь считаются отдельными, особенно Scopula. Д. Циммер полагает, что ВН, скорее всего, видел бабочку Scopula ordinata.

Анюта — А. Л. Фейгина, недавно переехавшая

в США.

271. 5 октября 1942 г

…в Ричмонд. — ВН еще не знал, что его лекцию в Ричмонде отменили.

canoe — каноэ, байдарка *(англ.)*.

…по пути в New Mexico… — штат Нью-Мексико, который Набоковы посетили летом 1941 г. во время своей первой автомобильной поездки на американский Запад.

«крик» — в американском английском creek — рукав реки, протока, приток.

…третейское впечатление. — По-видимому, описка вместо «третийское» — от названия Третичного периода (tertiary era) геологической истории Земли. В настоящее время он называется кайнозойским.

Морисон Сэмюэль Элиот (1887–1976) — известный историк, с 1941 г. профессор американской истории в Гарварде.

swimming pool — плавательный бассейн *(англ.)*.

butterfly ‹…› flutter-by — бабочка… порхательница *(англ.)* (от образованного из переставленных слогов выражения «пропархивать мимо»).

…ювелирную «ваниллу»… — Бабочка Agraulis vanillae, геликонида из семейства нимфалид;

тонкий, сложный рисунок из серебристых пятен на коричневато-оранжевом фоне нижней поверхности ее крыльев напоминает филигрань.

272. 7 октября 1942 г

Датируется на основании почтового штемпеля. В адресе отправления указано: «c/o President Read, Spelman College, Atlanta Georgia» — «по адресу Президента Рида, Спелман-колледж, Атланта, Джорджия».

…в Ричмонде случилось военное затмение… — Лекцию в Ричмонде отменили из-за мероприятий (возможно, с элементами светомаскировки), связанных с переходом США на режим энергосбережения во время войны. Упоминание «затмения» у ВН имеет двойной смысл — отключение света в учебном заведении он сравнивает с «затмением» умов.

tour — поездка *(англ.)*.

президентша — Флоренс Матильда Рид (1886–1973) — президент колледжа Спелман (1927–1953). Впоследствии долгие годы дружила с ВН и поддерживала его.

good time — приятное времяпрепровождение *(англ.)*.

sleeping-car — спальный вагон *(англ.)*.

грейхаунд (*англ.* Greyhound) — автобус американской фирмы пассажирских перевозок.

флорентийский вокзал — вокзал во Флоренции, Южная Каролина.

кампус — университетский городок.

273. 11 октября 1942 г

В адресе отправления указано: «c/o President Read, Spelman College, Atlanta Georgia».

Лекция моя о Пушкине (негритянская кровь!)… — О происхождении прапрадеда Пушкина ВН писал в статье «Абрам Ганнибал», опубликованной в приложении к «Комментариям к “Евгению Онегину”» (1964).

…чтением «Моцарта и Сальери»… — По предложению Э. Уилсона и с его участием ВН перевел «Моцарта и Сальери» (1830) на английский. Опубл.: New Republic. 1941. № 21. P. 559–560, 565; позднее в изданиях: Three Russian Poets. Selections from Pushkin, Lermontov and Tyutchev. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944; Verses and Versions / Ed. by B. Boyd, S. Shvabrin. P. 152–173.

chapel — часовня *(англ.)*.

…for «poetry and the little things of nature; for a train thundering in the night; for craftsmen and poets; for those who take delight in making things and who make them well» — за «поэзию и малые создания природы; за поезд, гремящий в ночи; за ремесленников и поэтов; за тех, кому нравится творить, и кто творит хорошо» *(англ.)*.

…львовскую музыку — «Боже, царя храни»… — Композитор Алексей Федорович Львов (1798–1870) — автор музыки к гимну Российской империи «Боже, царя храни» (1833–1917).

Работаю над Гоголем. — Над книгой «Николай Гоголь» (Nikolay Gogol. Norfolk: New Directions, 1944).

Суй готовые ящики… — В отсутствие мужа Вера Евсеевна сортировала по его указанию бабочек из коллекции Гарвардского музея сравнительной зоологии.

Bankes — Натаниэль Банкс (Banks).

…читать о «tragedy»… — Лекция «Трагедия трагедии».

274. 12 октября 1942 г

spirituals — спиричуэлс, духовные песнопения *(англ.)*.

Я покончу с Гоголем… — С работой над книгой «Николай Гоголь».

…хочу написать рассказ. — Следующим рассказом ВН станет первый из написанных им по-английски «Ассистент режиссера», но он будет опубликован только в январе 1943 г. (Atlantic Monthly. 1943. May. P. 68–74).

…с пьесой… — Возможно, имеется в виду «Событие». Спектакль на русском языке был показан 4 апреля 1941 г. в Нью-Йорке. Судя по всему, в 1939 г. Молли Карпентер-Ли перевела на английский либо эту пьесу, либо «Изобретение Вальса» (см. письма от 5 и 8 апреля 1939 г.).

Bunny — зайчик *(англ.)*; прозвище Эдмунда Уилсона.

Valdosta — Вальдоста.

Wellesley — Уэлсли.

275. 14 октября 1942 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Tennessy (правильно: Tennessee) — штат Теннесси на юго-востоке США.

meals — здесь: завтраки, обеды, ужины *(англ.)*.

campus — кампус, университетский городок.

…оказался сахарозаводчиком из Флориды… — по-видимому, владельцем плантаций сахарного тростника в юго-восточном штате Флорида.

Комсток Уильям Филлипс (1880–1956) — ведущий американский лепидоптеролог, сотрудник Американского музея естественной истории.

commonsense — здравый смысл *(англ.)* (см. примеч. к письму от 2–3 октября 1942 г.).

president — Фрэнк Робертсон Рид (1895–1957) — президент Женского колледжа штата Джорджия в Вальдосте.

swimming pool — плавательный бассейн *(англ.)*.

Rotary Club — Ротари-клуб, неправительственная благотворительная организация, основанная в 1905 г., филиалы которой действуют во всех американских штатах.

war-novel — военный роман, роман военного времени *(англ.)*.

boy — здесь: слуга *(англ.)*.

Примись за Pieridae (Pieris, Colias, Euchloe и т. д. — спроси Banks'a)… — ВН просит жену приняться за сортировку бабочек из семейства белянок и советует ей обратиться к Натаниэлю Банксу за разъяснениями.

276. 17–18 октября 1942 г

Прислано вместе с письмом от Чарльза Пирса (1906–1970), редактора отдела поэзии в «Нью-Йоркере».

…заполнил все бланки ‹…› кропотливая процедура. Описал мой будущий роман… — Имеется в виду заявка в Фонд Гуггенхайма на стипендию, которая позволила бы ВН завершить роман «Под знаком незаконнорожденных» (Bend Sinister. New York: Henry Holt, 1947).

Bunny — Эдмунд Уилсон.

Мих.<аила> Мих.<айловича> — Карпович.

Miss Perkins — Агнесс Перкинс, коллега ВН в Уэлсли.

…и я читал «Моцарт и Сальери». — Т. е. перевод пьесы Пушкина. См. примеч. к письму от 11 октября 1942 г.

Reader's Forum — Форум читателей *(англ.)*. По-видимому, речь идет о заседании местного литературного клуба.

Reade — Ф. Р. Рид.

Томсон — Б. Томпсон.

Браунинг Роберт (1812–1889) — один из любимейших английских поэтов ВН.

…похожий ‹…› на Кадиша. — Журналист М. П. Кадиш, которого ВН знал по Берлину.

…пальметтовые пустыри ‹…› пальметты… — Речь идет о пальметто (*англ.* palmetto), пальме рода Сабаль.

Calocarpa americana (правильно: Callicarpa americana) — кустарниковое растение красивоплодник американский.

Myrica — восковница.

Neonympha. — 9 июня 1941 г. супруги Набоковы поймали на южном склоне Большого Каньона, на разных высотах, по экземпляру бабочки, которую ВН назовет Neonympha dorothea (см.: Some New or Little Known Nearctic Neonympha (Lepidoptera: Satyridae) // Psyche. 1942. Т. 49. № 3–4. P. 61–80; см. также: Nabokov's Butterflies / Ed. B. Boyd and R. M. Pyle. Boston, 2000). Впоследствии род будет переименован, и бабочка будет признана не новым видом, а новым подвидом (Cyllopsis pertepida dorothea), который до того не встречался к северу от Мексики. Neonympha, которую ВН видел под Вальдостой, относится к другому виду из того же рода.

Atlanta — Атланта, столица штата Джорджия.

Одна картина изображает… — См. предыдущее письмо, где ВН предлагает жене провести

телепатический опыт, прося ее представить себе картину на стене у него в комнате.

Т. — Возможно, Т. Н. Карпович.

277. 20 октября 1942 г

На бланке с типографским заголовком «The Dixie Route. Chicago — Florida» («Маршрут Дикси. Чикаго — Флорида»), предоставлявшемся пассажирам поезда «Дикси Флайер», на котором ВН путешествовал в Атланту.

Miss Read — my husband has been telling me so much about you in his letters that I almost feel as if I knew you… all the kindness that you and your wonderful college showed him. — Мисс Рид — мой муж столько рассказывал о Вас в своих письмах, что у меня создалось ощущение, что мы с Вами почти знакомы… за всю доброту, которую проявили к нему Вы и Ваш замечательный колледж *(англ.)*.

…изображение деталей эгипетской <sic> фрески… — По сведениям Д. Циммера, египетская фреска с изображением нескольких бабочек находится в гробнице фараона Нахта в Западных Фивах; репродукция приводится в его книге: *Zimmer D.* Guide to Nabokov's Butterflies and Moths (www.dezimmer.net/eGuide/Lep2.l-D-E.htm#D.chrysippus). В середине 1960-х гг. ВН начал работать над книгой о бабочках в искус-

стве, но не закончил ее; эта фреска упоминается в «Аде» (1969). Набоков посчитал, что бабочки в египетской гробнице похожи на D. chrysippus и V. cardui. Согласно А. К. Ефетову, в гробнице изображен другой вид с сильно выраженным половым деморфизмом.

Мое — Генри Аллен Мо (1894–1975) — секретарь, администратор, а впоследствии президент Фонда памяти Джона Саймона Гуггенхайма (ок. 1925–1963).

Rock<e>feller Inst.<itute> — Институт Рокфеллера. Скорее всего, речь идет о первом биомедицинском научно-исследовательском институте, основанном магнатом и меценатом Джоном Дэвисоном Рокфеллером (1839–1937) в Нью-Йорке в 1901 г.

Miss Kelly — Э. Р. Келли, коллега ВН в Уэлсли.

Я взял пульман… — Комфортабельные спальные вагоны, выпускаемые компанией Джорджа Пульмана с 1864 г., предполагали открытое пространство, но были снабжены раскладывающимися креслами.

«Dixie Flyer» — «Дикси Флайер» или «Экспресс Дикси» *(англ.)*. В названии поезда содержится указание на регион Дикси, состоящий из одиннадцати южных штатов США, которые в конце

1860 — начале 1861 гг. отделились и образовали новые Конфедеративные Штаты Америки.

Старичок — И. В. Гессен, который недавно, после многих мытарств, прибыл в США из оккупированной Франции.

278. 5 ноября 1942 г

...идеально доехал до Чикаго... — Началась вторая часть турне ВН по Америке, которая предполагала лекции в городах Спрингфилд (штат Иллинойс), Сент-Пол (штат Миннесота) и Гейлсбург (штат Огайо).

Field Museum — Естественно-научный музей Филда в Чикаго, одно из крупнейших учреждений подобного рода в мире.

Neonympha. — См. примеч. к письму от 17–18 октября 1942 г.

На очень красивом вокзале... — Чикагский вокзал «Юнион Стэйшн», построенный в 1925 г. по проекту Дэниела Бернэма (1846–1912).

Springfield — Спрингфилд, столица штата Иллинойс.

279. 7 ноября 1942 г

…дом и могилу Линкольна… — Единственный дом, которым владел Абрахам Линкольн (1809–1865) и в котором он жил с 1844 по 1861 г., т. е. до того, как стал президентом. Похоронен он также в Спрингфилде.

…секретарь Клуба… — Нил Элмер (1885–1944) — коллектор Иллинойского государственного регистра, член и основатель «Полуденного ланч-клуба» и его секретарь на протяжении 29 лет (1915–1944). В «Ланч-клубе» в качестве приглашенных лекторов выступали политики, бизнесмены и прославленные деятели культуры.

hobby — увлечение, хобби *(англ.)*.

фут — мера длины, равная 30,48 см.

Шпонька — персонаж повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (1832).

д-р Фройд — З. Фрейд, к психоаналитическим теориям которого, включая «распознавание» символа мужского полового члена в любом прямом длинном предмете, ВН относился с насмешкой.

State Museum — Государственный музей.

McGregor — Джон Макгрегор (1905–1972), ан-

трополог, с 1942 по 1945 гг. руководитель Музея штата Иллинойс в Спрингфилде.

Carpenter — Фрэнк М. Карпентер (1902–1994) — палеоэнтомолог, куратор отдела окаменелых насекомых в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

Paul Angle — Пол Энгл (1900–1975) — библиотекарь Исторической библиотеки Иллинойса (1932–1945), историк штата.

280. 9 ноября 1942 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

St. Paul — Сент-Пол, столица штата Миннесота.

The Zephyr — Зефир (западный ветер) *(англ.)*.

president Turck — Чарльз Джозеф Турк (1890–1989) — с 1939 по 1958 г. президент колледжа Макалестер в городе Сент-Пол.

Annecy — озеро Анси во Франции.

Миссисипи — Река в США, одна из крупнейших в мире. Миннеаполис, о котором идет речь ниже, расположен на другом ее берегу, напротив Сент-Пола.

Twin Town — город-близнец *(англ.)*.

Novel — роман *(англ.)*.

…читаю газеты больше, чем обычно, — ввиду розовеющих известий… — Сталинградская битва была в самом разгаре. Кроме того, 1 ноября союзники прорвали оборонительную линию армии стран «Оси» под Эль-Аламейном, а 8 ноября США начали вторжение в Северную Африку.

Даша — Д. Лейтхолд.

Galesburg — город Гэйлсберг в штате Иллинойс.

appreciative — признательный, восприимчивый *(англ.)*.

local trains — местные поезда *(англ.)*.

Vogelii Ob<er>th<u>r. — Lycaena vogelii Oberthur, голубянка Фогеля.

…в номере библия и телефонная книжка: для удобства сообщения с небесами и с конторой. — Впоследствии ВН разовьет это наблюдение в стихотворении «Комната» (1950): «The room a dying poet took / at nightfall in a dead hotel / had both directories — the Book / of Heaven and the Book of Bell» («Где умирающий поэт / ночной приют нашел в отеле, / у изголовья был Завет, / как пропуск в рай, — и книга Белла». Пер. О. Ворониной.). Обыгрывается фонетическая перекличка в названиях популярного телефонного справочника («Книга Белла») и выдуманной ВН «Книги ада» *(англ.* Book of Hell).

281. 11 ноября 1942 г

…приехал сюда… — В колледж Нокс в Гейлсбурге, штат Иллинойс.

Commonsense — здравый смысл *(англ.)*. См. примеч. к письму от 2–3 октября 1942 г.

When he was small… — В младенчестве, бывало, на поле / упав, он продолжал лежать / плашмя, не шевелясь, как будто / решая, плакать или встать. // Холма на склоне, после боя, / / плашмя лежит он в мураве, / и ничего решать не нужно: / теперь ни встать, ни зареветь (Звезда. 2012. № 7. С. 197. Пер. Г. Барабтарло). Впервые опубл.: Atlantic Monthly. 1943. January. P. 116.

gadget — приспособление, устройство *(англ.)*.

Покупаю нынче третью газету. — ВН следил за ходом Сталинградской битвы. Благодаря отчаянному сопротивлению Советской армии, а также ухудшившимся погодным условиям, наступление германских войск было остановлено. 19 ноября советские войска начали успешное контрнаступление, ставшее поворотным событием Второй мировой войны.

282. 7 декабря 1942 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Оноpз-Колледж — в то время был частью Педагогического колледжа штата, теперь Университет Лонгвуд в Фармвилле, штат Вирджиния.

Мое — Г. А. Мо.

Barbour — Томас Барбур (1884–1946) — герпетолог, директор Гарвардского музея сравнительной зоологии (1927–1946).

Well, you must be a jolly good man if Tom Barbour took you! — Ну, вы, видимо, распрекрасный человек, раз Том Барбур вас взял! *(англ.)*

Pierce — Чарльз Пирс, редактор отдела поэзии в «Нью-Йоркере».

I keep getting letters telling me that you are my find of the season. — Мне все приходят письма, говорящие о том, что вы — моя находка этого сезона *(англ.)*.

Наташа — Н. А. Набокова.

Зензинов — Владимир Зензинов переехал из Европы в США в 1939 г.

Фрумкин Я. Г. — председатель Совета русских евреев, благотворительной организации, которая помогла Набоковым перебраться в США.

Коварские — доктор Илья Коварский, с которым ВН встречался в Париже в 1932 и 1936 гг., и его жена.

Даша — Д. Лейтхолд.

Гильда — Гильда Уорд, которая помогла ВН перевести «Мадемуазель О» с французского на английский (опубл.: Atlantic Monthly. 1943. January. P. 66–73).

Санфорд Леонард Катлер (1868–1950) — хирург, орнитолог-любитель, член совета Американского музея естественной истории (1921–1950).

Мичинер Чарльз Дункан (1918–2015) — с 1942 г. заместитель хранителя лепидоптерологического отдела Американского Музея естественной истории.

…препаровать и зарисовать гениталии моей Lysandra cormion… — Хотя статья ВН о Lysandra cormion вышла еще в 1941 г., он впоследствии использует набросок «Aedeagus of Agrodiaetus (= Lysandra) cormion Nabokov» в статье 1945 г. о Neotropical Plebejinae (Psyche. 1945. 52 (1–2). P. 1–61. См. подпись на с. 48 и иллюстрацию № 1 на с. 54).

…я всласть позанялся ею. — Что дало толчок к созданию стихотворения «Об открытии бабочки» (On Discovering a Butterfly // New Yorker. 1943.

15 May. P. 26; позднее под названием «A Discovery» («Открытие») вошло в сборники «Poems» и «Poems and Problems»).

Grainger — Джеймс Мозес Грейнджер (1879–1968) — с 1910 г. преподаватель, а с 1912 по 1950 г. декан факультета английского языка в Педагогическом колледже штата, в 1949 г. переименованном в колледж Лонгвуд, а позднее в Университет Лонгвуд.

283. 15 апреля 1943 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

…нынче 18 *лет.* — Имеется в виду годовщина свадьбы Набоковых.

…вечер с Зёкой… — Г. И. Гессен и его отец И. В. Гессен прибыли в США в декабре 1942 г.

Bunny — Э. Уилсон.

…в музей… — Американский Музей естественной истории в Нью-Йорке, где ВН занимался исследовательской работой в 1940–1941 гг.

А. — по всей видимости, А. Л. Фейгина, которая тогда жила в Нью-Йорке.

284. 5 июня 1944 г

В. Е. Набокова с сыном приехала в Нью-Йорк, где Дмитрию должны были удалить аппендикс. Они остановились у А. Л. Фейгиной; отправляя письма на этот адрес, ВН часто указывал: «c/o A. Feigin».

…одиннадцать страниц романа. — «Bend Sinister» («Под знаком незаконнорожденных»).

…окончу его до вашего возвращения. — Первый вариант романа будет дописан только в конце мая 1946 г.

page-proofs — гранки *(англ.)*. Речь о книге «Николай Гоголь».

…муз.<ей>… — Гарвардский Музей сравнительной зоологии. См. примеч. к открытке от 15 апреля 1943 г.

Анюта и Люся — А. Л. и И. Л. Фейгины.

флайингфортресс (от *англ.* flying fortress) — летучая крепость.

Very much. — Очень *(англ.)*.

285. 5 июня 1944 г

муз.<ей> — Музея сравнительной зоологии.

…операция будет в среду. — Удаление аппендикса у Д. Набокова.

«Wurst H.<aus>» — «Вурстхаус», ресторан в Кембридже, штат Массачусетс, по адресу: Бойлстон-стрит (ныне Джон Кеннеди-стрит), д. 4, существовал с 1917 по 1996 г.

Loveridge — Артур Лавридж (1891–1980) — английский биолог, исследователь Африки, в 1924–1957 гг. хранитель герпетологического (изучающего земноводных и пресмыкающихся) отдела в Гарвардском Музее сравнительной зоологии.

286. 7 июня 1944 г

ВН датировал письмо 6 июня, однако сообщает в нем, что он отравился «вчера». Поскольку отравление несомненно произошло 6 июня, письмо должно было быть написано на следующий день.

музей — Музей сравнительной зоологии.

Кларк — сведения отсутствуют.

Т.<атьяна> Н.<иколаевна> ‹…› М.<ихаила> Мих.<айловича>… — Речь идет о Карповичах.

Добужинские — художник М. В. Добужинский и его жена Елизавета Осиповна (урожд. Фолькенштейн; 1876–1965) переехали в США из Европы в 1939 г.

трибулации (от *англ.* tribulations) — перипетии.

Virginia ham — виргинская ветчина *(англ.)*.

…в действительно жуткий гошпиталь… — На полях рукой В. Е. Набоковой: «Massachusetts General» (Массачусетская больница общего типа).

…где ты лежала. — На полях рукой Веры Евсеевны: «Harkness Pavilion Cambridge Hospital» (Павильон Харкнесс Кембриджской больницы).

д-р Cooney — сведения о докторе Куни отсутствуют.

Enfin. — Наконец *(фр.)*.

«New Yorker» (еще не получивший рассказ)… — «Забытый поэт», написанный по-английски. «Нью-Йоркер» его отклонит, и рассказ будет опубликован в «Атлантик мансли» (Atlantic Monthly. 1944. October. P. 60–65; позднее в издании: Nabokov's Dozen. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1957. P. 39–54).

invasion beach — береговой плацдарм *(англ.)*. ВН попал в больницу 6 июня, в день высадки союзных войск на побережье Нормандии.

287. 8 июня 1944 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

hemorraginal colitis — геморроидальный колит *(лат.)*.

…обдумываю роман. — «Под знаком незаконнорожденных».

Т.<атьяна> Н.<иколаевна> — Карпович.

288. 9 июня 1944 г

Открытка.

Ward A. — палата А. *(англ.)*

Дынник — сведения отсутствуют; не исключено, однако, что речь идет о Дынкине, лечившем Фондаминских во Франции и Фейгиных в США.

Магентанц (от *нем.* Magentanz) — танец живота.

White — Кэтрин Сарджент Энджел Уайт (1892–1977) — редактор (1925–1960) отдела художественной прозы в «Нью-Йоркере».

Я ей ответил. — ВН принял предложение.

289. 11 июня 1944 г

ВН датировал письмо 9 июня, но упомянул в нем день недели (воскресенье), что, скорее всего, верно. Таким образом, точная дата написания письма — 11 июня 1944 г. На конверте рукой Веры Евсеевны помечено: «9.6.44». Вверху первой страницы письма ее же рукой: «Я с Митей в Нью-Йорке. Ему вырезали аппендикс».

Т.<атьяну> Н.<иколаевну> — Карпович.

fire-escape — пожарный выход *(англ.)*.

…комнату Сергея… — Сергея Михайловича Карповича, сына М. М. и Т. Н. Карпович.

Лексингтон — город в штате Массачусетс.

…из музея… — Из Музея сравнительной зоологии в Гарварде; см. примеч. к открытке от 15 апреля 1943 г.

…page-proofs Гоголя. — Гранки английской книги «Николай Гоголь».

Barbour — Т. Барбур.

Мих.<аил> Мих.<айлович> — Карпович.

…на Craigie… — Набоковы жили в Кембридже по адресу: Крейги-Серкл, д. 8.

who is this woman? ‹…› what poison did you take? — кто эта женщина? ‹…› какой яд вы приняли?

(англ.)

290. 13 июня 1944 г

Датируется на основании почтового штемпеля. В правом верхнем углу письма надпись рукой В. Е. Набоковой: «1944 (весной)».

…ответили русские отделы, к которым мы писали. — Речь идет о поиске места преподавателя русской литературы. В Уэлсли ВН каждый раз продлевали контракт лишь на год, и до 1946 г. он преподавал там только русский язык, а не литературу.

…счет Гроси… — Сведения отсутствуют.

Лизбет — Томпсон.

weekend — выходные *(англ.)*.

«Wurs<t>haus» — закусочная «Вурстхаус», в которой ВН отравился ветчиной.

музей — Музей сравнительной зоологии.

Анюта и Люся — А. Л. и И. Л. Фейгины.

291. 9 февраля 1945 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

«Lord Baltimore Hotel» — «Гостиница Лорд Балтимор» *(англ.)*. Названа, как и город Балтимор, в честь барона Джорджа Калверта Балтимора, который владел обширными угодьями в Мэриленде.

шеколадная прислуга — шоколадного цвета (чернокожая).

292. 10 февраля 1945 г

Открытка. Датируется на основании почтового штемпеля.

Очаровательная школа… — Колледж Святого Тимофея в Стивенсоне (округ Балтимор, штат Мэриленд).

Буш — сведения отсутствуют.

…как ее однофамилец в «Даре»… — В «Даре» писатель Буш, родом из Риги, становится предметом насмешек писателей и читателей-эмигрантов, когда читает им свою пьесу, написанную на ломаном русском языке.

…отправляюсь в Нью Йорк. — В Нью-Йорк, где ВН остановится у Г. И. Гессена.

293. 18 апреля 1954 г

Написано на бланке «Hutson Hotels» (отель сети «Хатсон»).

только что приехал… — В Канзасский университет в Лоуренсе для чтения ежегодной лекции в области гуманитарных наук и участия в сопровождающих ее беседах и обсуждениях.

Парлор-кар (от *англ.* parlor car) — вагон-салон.

Звонил ли Митюшок… — Дмитрий Набоков учился на третьем курсе Гарвардского университета и жил в общежитии.

ай вондер (от *англ.* I wonder) — хотел бы я знать.

294. 20 апреля 1954 г

Написано на бланке «Hutson Hotels».

10 *а.т.* — 10 часов утра.

до завтрака — здесь: до второго завтрака (обеда).

…мне принес почитать свои на машинке отпечатанные мемуары тот профессор… — ВН уже был именитым американским мемуаристом, поскольку с 1948 по 1951 г. его воспоминания публиковались в «Нью-Йоркере», а также в «Харперз мэгэзин» и «Партизан ревю», а потом вышли отдельной книгой (Conclusive Evidence. New York: Harper and Brothers, 1951).

…по роману о пограничной жизни… — Речь идет о «frontier novel» (от *англ.* frontier — граница, пограничье) — романах об американских переселенцах на «Дикий Запад».

1 *р.т.* — час пополудни.

…я их одарил Art & Commonsense'ом… — Т. е. прочитал им лекцию об искусстве литературы и здравом смысле. См. примеч. к письму от 2–3 октября 1942 г.

Элмер Ф. Бет (1901–1970) — декан факультета журналистики и председатель Комитета лекций

по гуманитарным наукам в Канзасском университете.

…впечатление довольно итачье… — Т. е. как в городе Итака, штат Нью-Йорк, где с 1948 по 1958 г. ВН преподавал в Корнеллском университете.

Винтеры — сведения отсутствуют.

Гатчина — пригород Санкт-Петербурга, бывшая императорская резиденция. Дитер Циммер отмечает: если Винтер дошел до Гатчины, то, возможно, «он был переводчиком в немецкой армии во время блокады Ленинграда (линия фронта проходила между Гатчиной и Пулковскими высотами). Немецкий штаб на этом участке фронта находился в Сиверской, в поместье родственников ВН Фальц-Фейнов».

Андерсен — сведения отсутствуют.

Cross — Сэмюэл Хаззард Кросс (1891–1946) — дипломат, с 1930 г. преподаватель славянских языков в Гарварде. ВН был невысокого мнения о его владении русским языком.

Герман<н> — герой повести Пушкина «Пиковая дама» (1834).

10 *р.т.* — десять часов вечера.

295. 3 мая 1964 г

Записка была приложена к букету цветов. Написана на маленькой белой карточке, адрес указан на другой ее стороне. Вера Евсеевна лежала в больнице на обследовании из-за болей в животе, мучивших ее в течение предыдущего месяца; ей удалили аппендикс.

296. 15 апреля 1965 г

Записка, написанная в день сороковой годовщины свадьбы Набоковых.

For Véra / 40 *flowers* = *years* / V. — Вере / 40 цветов = лет / *В. (англ.)*

297. 2 октября 1966 г

…в газете тамошней, тульской. — Дмитрий Набоков получил ангажемент в оперном театре города Талса (названном ВН «Тульза») в штате Оклахома.

Минтон Уолтер Дж. (1923–2019) — президент издательства «Дж. П. Патнамз санз», в котором должна была выйти дополненная и исправленная автобиография ВН «Память, говори» («Speak, Memory: An Autobiography Revisited»; датирована 1966 г., опубликована в январе 1967 г.) с упомянутыми ниже форзацами.

end-papers — форзацы *(англ.)*.

…попроси у него, если будет случай. — Вера Евсеевна поехала в Нью-Йорк, чтобы обсудить планы на издание произведений ВН. Набоковы были недовольны размером авансов, полученных от «Патнама», основного американского издателя ВН после выхода «Лолиты» в 1958 г. По итогам переговоров с Минтоном супруги попросили литературное Агентство Уильяма Морриса подыскать им другого издателя и в 1967 г. подписали договор с «McGraw-Hill» («Макгроу-Хилл»).

…Grove'ского издания миллеровского «Тропика рака»… — Эротический роман Генри Миллера (1891–1980), впервые опубликованный в 1934 г. в Париже. После его выхода в 1961 г. в Америке издательство «Гроув-пресс» неоднократно привлекалось к суду за нарушение норм благопристойности. В 1964 г. Верховный суд США снял обвинение. В 1966 г. «Гроув-пресс» опубликовало крохотным тиражом (200 экземпляров) перевод романа на русский язык. Миллер заказал его эмигранту Георгию (Джорджу) Егорову, отдавая тем самым дань русским персонажам своей книги.

Елена — Сикорская, сестра ВН, с 1949 г. жившая в Женеве, приехала в Монтрё позаботиться о брате в отсутствие В. Е. Набоковой.

…с 1.30-часовым в Лозанну… — Т. е. на поезде, отходящем из Монтрё в половине второго.

Владимир — Владимир Всеволодович Сикорский (р. 1939), сын Елены Владимировны, племянник ВН.

…как эта штука складывается… — Письмо написано на бланке аэрограммы, который нужно было сложить, чтобы получился конверт.

298. 8 июня 1968 г

Записка двумя цветными карандашами, красным и синим, на линованной карточке для записей, часто используемой в каталогах и картотеках (с начала 1950-х гг. ВН сочинял все свои произведения на таких карточках). Курсивом в тексте выделены слова, написанные красным карандашом. В нижнем левом углу — более позднее добавление, возможно рукой Веры Евсеевны: «8–vi–68, в Verbier» (Вербье — деревня в Валэ, на юго-западе Швейцарии).

конфирмация (от *англ.* confirmation) — подтверждение.

299. 15 апреля 1969 г

Записка в день 44-й годовщины свадьбы, написанная по-английски на каталожной карточке. Дата проставлена внизу другими чернилами, но, скорее всего, тоже рукой ВН. Возможно, была вложена в сигнальный экземпляр «Ады», который пришел по почте 10 апреля.

Cymbidium lowianum — орхидея цимбидиум Лоу.

For Verochka / from VN, Ada & Lucette / (and Dmitri) — Верочке / от ВН, Ады и Люсетты / (и Дмитрия) *(англ.)*. Ада и Люсетта — героини романа «Ада», который вышел в мае 1969 г. Орхидеи играют в нем важную роль. Издательство «Пингвин букс» использовало для обложки «Ады» (1970) выполненный ВН и немного переработанный рисунок орхидеи-каттлеи.

300. 4 июля 1969 г

Записка на каталожной карточке. Набоковы вместе с А. Л. Фейгиной отдыхали в Курелье (Швейцария).

Cordially yours, VN — Сердечно твой, *ВН (англ.)*.

301. 22 июля 1969 г

Записка на каталожной карточке. Крестик в рукописи означает, что в конце 1976 г. ВН отобрал это стихотворение для своего сборника русских стихов («Стихи», 1979). Написано в Курелье (Cureglia), Швейцария.

«Как любил я стихи Гумилева!» — Опубл.: *Набоков В.* Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 297. «Цитата» представляет собой парафраз предпоследней строфы стихотворения Гумилева «Я и Вы» (1918): «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще».

302. 6 апреля 1970 г

Написано на бланке отеля «San Domenico Palace Hotel» («Палас-отель Сан Доменико»). Рукой ВН добавлено: «Room 220» («Комната 220»).

…Митюше монзовскому… — Монца — город неподалеку от Милана, где Д. В. Набоков прожил много лет: там находится трек автомобильной гонки Гран-при, и оттуда было недалеко до Ла-Скала (он был автогонщиком и оперным певцом).

wagon-lit — спальный вагон *(фр.)*.

…как монтримский. — Т. е. как поезд, идущий из Монтрё в Рим.

I called for wine — я заказал вина *(англ.)*.

Euchloe ausonia — зорька белая, дневная бабочка из семейства белянок.

звезда Киприды — утренняя звезда, Венера (которая, по легенде, была родом с Кипра).

картпостальный — открыточный (от *фр.* carte postale).

café complet — «континентальный» завтрак *(фр.)*, обычно состоящий из фруктового сока, выпечки и кофе.

303. 7 апреля 1970 г

Написано на бланке отеля «San Domenico Palace Hotel».

for the closet — для клозета (или шкафа) *(англ.)*.

Mennen Brushless *Shaving Cream* — менненского крема для бритья *без кисточки (англ.)*.

«*Noxzema*», *made in Italy* — «Нокзема», сделано в Италии *(англ.)*.

Apply while your whiskers are warm and wet. Keep out of reach of children. — Наносить на теплые и влажные усы. Не давать детям *(англ.)*.

А то будет, что было с Гумбертом. — Отголосок не только участи героя «Лолиты», но и смехотворных предупреждений, которые Гумберту и Лолите попадались в отелях: «На стенах в некоторых мотельных ваннах были инструкции ‹…› призывающие не бросать в него мусора, жестянок ‹…› выкидышей и прочее»; «Не кладите никакого (подчеркнуто) ненужного материала в унитаз. Благодарствуйте. Приезжайте опять. Дирекция. Постскриптум: Мы считаем наших клиентов Лучшими Людьми на Свете» (*Набоков В.* Лолита. М.: АСТ: Corpus, 2021. С. 351).

…а не десять лет тому назад. — Набоковы

провели часть ноября 1959 г. в Таормине в отеле «Эксельциор».

304. 8 апреля 1970 г

Написано на бланке отеля «San Domenico Palace Hotel».

«Chéz Angelo» — «У ангела» *(фр., ит.)*.

красное корво — сицилийское вино.

je m'excuse de ces mots un peu forts — извини за слишком сильные выражения *(фр.)*.

…maucy Zerynthia hypsipyle cassandra. — Имеется в виду Thais hypsipyle cassandra, подвид Zerynthia polyxena, дневной бабочки из семейства парусников. «Таиса» (Thais) и hypsipyle — устаревшие названия рода и вида, теперь это Zerynthia и polyxena соответственно.

Où je peux laver le petit garçon? — Где можно вымыть мальчика? *(фр.)*

little boy wants to go to the bathroom — мальчик хочет в ванную *(англ.)*.

…произносят «овощи», как будто это рифмует со «столами». — В английских словах vegetables (овощи) и tables (столы) по-разному произносится слог «ta».

фанодорм — снотворное.

Яниц — сведения отсутствуют.

…как в дневнике Галины Кузнецовой. — Дневник

возлюбленной Бунина Г. Н. Кузнецовой (1900–1976) (*Кузнецова Г.* Грасский дневник. Вашингтон: Издание Русского книжного дела: Viktor Kamkin, Inc., 1967).

50 *F* — 10 градусов по Цельсию.

trompe l'oeil — оптический обман (прием в изобразительном искусстве) *(фр.)*.

lunch — обед *(англ.)*.

305. 8–9 апреля 1970 г

Написано на бланке отеля «San Domenico Palace Hotel».

Je tiens tremendously — Я очень хочу *(фр., англ.)*.

…чтобы ты была со мной 15-*го.* — В сорок пятую годовщину их свадьбы.

Небродийские горы — горы Неброди (*ит.* Monti Nebrodi) на севере острова Сицилия.

Анюта — А. Л. Фейгина.

…мемуары Лифаря… — «Моя жизнь» Сергея Лифаря (*Lifar S.* My Life. New York: World Publishing, 1970).

Diagiliev soon gave him up for his next love, a school boy called Markevitch. — Дягилев вскоре бросил его ради нового возлюбленного, гимназиста по фамилии Маркевич *(англ.)*. Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) — знаменитый импресарио, организатор антрепризы «Русские сезоны» (1909–1929, один из основателей объединения «Мир искусства». Игорь Борисович Маркевич (1912–1983) — композитор и режиссер украинского происхождения, друг ВН, с которым он познакомился через двоюродного брата Н. Д.

Набокова.

Топация — Донна Топация Каэтани (1921–1990) — вторая жена И. Б. Маркевича.

«New State<s>man», «<The> Spectator», «<The> Problemist» — британские журналы «Нью Стэйтсмэн» (основан в 1913 г.), «Спектэйтор» (издается с 1828 г.) и «Проблемист» (издание Британского общества шахматных задач, основанное в 1926 г.).

…в твоей коробке allenburies… — Точнее, Allenburys (Pastilles) — сладкие (а также лечебные) пастилки английской фирмы «Allen & Hanburys Ltd.», продававшиеся в жестянках.

306. 10 апреля 1970 г

Написано на бланке отеля «San Domenico Palace Hotel».

Castel Mola (правильно Castelmola) — Кастельмола, поселение в горах над Таорминой.

Альфред Френдли (1912–1983) — журналист, ответственный редактор «Вашингтон пост», посетил ВН на Сицилии и написал короткую заметку «Набоков-коллекционер» для «Нью-Йорк таймс» (*Friendly A.* Nabokov the Collector // New York Times. 1970. 10 May. P. 32–33).

He is something very important in coal. — Он какая-то большая шишка в угольной <промышленности> *(англ.)*.

тедеско (от *ит.* tedesko) — немецкий.

…пуччинистым радио… — Воспроизводящим музыку итальянского оперного композитора Джакомо Пуччини (1858–1924).

307. 15 апреля 1970 г

Записка, вероятно, прилагалась к цветам, подаренным Вере Евсеевне в годовщину свадьбы. Адресована: «Mme Vladimir Nabokov, San Domenico Palace» («Г-же Владимир Набоков, Палас Сан-Доменико»). Указание на дату и место («15–iv–70 / Taormina»), по-видимому, дано ее рукой.

308. 15 апреля 1971 г

Записка на белой нелинованной карточке. На одной стороне указан адрес: «Mme Vladimir Nabokov, Montreux Palace» («Г-же Владимир Набоков, Монтрё-палас»), на другой сделана надпись. По всей видимости, карточка прилагалась к цветам. Под своим росчерком ВН сделал набросок маленькой бабочки.

309. 22 января 1973 г

Датируется на основании почтового штемпеля.

Двенадцать десяток. — По всей видимости, швейцарских франков.

310. 5 января 1974 г

Записка на каталожной карточке, с нарисованной пером маленькой бабочкой вместо подписи ВН.

Mme Vladimir Nabokov / Thumb hurts / Happy Birthday / my darling. — Г-же Набоковой. Большой палец болит. С днем рождения, моя душенька *(англ.)*. Указание на больной палец должно было объяснить неровность букв ВН.

L'année d'Ada *und* 'Ada — год *Ады* и *Ады (фр., нем.).* В этом году роман «Ada or Ardor: A Family Chronicle (Ада, или Отрада: Семейная хроника)» должен был выйти по-французски и по-немецки. Немецкий перевод Уве Фризеля и Марианны Терштаппен действительно появился (Ada, oder Das Verlangen. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1974), а французский, Жиля Шаина и Жана Бернара Бланденье при участии ВН, потребовал серьезной переработки и вышел только год спустя (Ada ou l'ardeur. Paris: Fayard, 1975).

311. 14 июня 1974 г

Записка датирована В. Е. Набоковой: «мне от В 14–vi–74».

Вельком ту Зерм (*англ.* Welcome to Zerm) — Добро пожаловать в Церм<атт>. ВН приехал на швейцарский горный курорт Церматт на две недели раньше, чем Вера Евсеевна, чтобы поохотиться на бабочек.

корнфл.<екс> (от *англ.* cornflakes) — кукурузные хлопья (сухой завтрак).

lunch — здесь: второй завтрак; ниже упомянут обед *(англ.)*.

фридж (от *англ.* fridge) — холодильник.

Cable car to Sch<w>arz<s>ee ‹…› (at least / two hours*).* — Канатная дорога до Шварцзее / Пересадка в Фурии / сойди и иди *направо* / ступеньки и указатель <на> Шварцзее / ВН будет в кафетерии (у станции Шварцзее) 10:30–11, и потом пойдем вниз до Штаффеля-Цмутца-Церматта (не меньше *двух часов*) *(англ.)*.

312. 14 июля 1975 г

Записка на блокнотном листке в клетку.

313. 7 апреля 1976 г

Записка на линованной каталожной карточке.

314. Без даты

Дата и место не установлены.

Ольга Воронина, Брайан Бойд

Благодарности

Издание писем Набокова к жене не могло бы состояться без помощи Дмитрия Владимировича Набокова. С присущей ему щедростью он позволил нам в начале 2002 года воспользоваться не только хранившимися у него в то время письмами его отца к В. Е. Набоковой, но и услугами своих помощников — Антонио Эпикоко, собравшего и скопировавшего для нас весь материал, Алексея Коновалова и Криса Галликера. Никки Смит, в ту пору литературный агент Д. В. Набокова, с энтузиазмом поддержала это начинание. Смотрители Коллекции Генри У. и Альберта А. Берга Нью-Йоркской публичной библиотеки, в особенности ее глава Исаак Гевирц и составитель каталога набоковского архива Стивен Крук, всегда безотлагательно предоставляли нам доступ к оригиналам писем, которые поступили в их распоряжение в конце 2002 года.

Трудно переоценить великодушие, тщательность, проницательность и тактичность Геннадия Александровича Барабтарло, согласившегося проверить машинопись расшифрованных нами

рукописей и магнитофонных записей, перевод и примечания, а также принять участие в разгадывании кроссвордов и «словесных задачек» в письмах 1926 года. Мы благодарим Андрея Александровича Бабикова и Галю Димент за их вклад в прочтение рукописей на начальном этапе работы над текстом, а также Омри Ронена, чьи энциклопедические знания по культуре российской эмиграции очень помогли нам решить некоторые сложные вопросы при составлении комментариев. Ричард Дэйвис из Русского Архива в Лидзе щедро снабдил нас ценными и точными подробностями о многих деятелях эмиграции и других личностях, идентифицировать которых без его помощи мы были бы не в силах. Дитер Циммер предоставил нам продуманные до мельчайших деталей сведения из тех областей знаний, которые он сам сформировал: Берлин и — шире — Германия Набокова, генеалогия его семьи и набоковские бабочки. В дальнейшем переводчик «Писем к Вере» на немецкий язык Лудгер Толксдорф очень помог нам с расширением немецкой и, в особенности, берлинской географии комментариев к книге. Константин Александрович Ефетов тщательно проверил перевод лепидоптерологических терминов

на русский язык. Моника Манолеску бескорыстно пролистала для нас сотни периодических изданий в Страсбурге и Париже, дабы подтвердить предположение, что планы публикации нескольких рассказов, отосланных Набоковым во французские журналы в 1937 году, не осуществились. Кроме того, вместе с Морисом Кутюрье она разрешила некоторые наши затруднения в переводах с французского. Максим Шраер предоставил нам важные сведения об И. А. Бунине и посодействовал в поисках редких бунинских фотографий. Станислав Швабрин и Лора Трубецкая внесли немало ценных поправок и предложений. Если бы не Эрик Найман, одна из наиболее досадных ошибок в комментарии осталась бы неисправленной. Благодаря Ларе Делаж-Торьел мы смогли установить личность одного французского издателя. Маршалл Фишер снабдил нас дополнительной информацией о В. Ф. Якобсоне, а Изабелла Гинор и Гидеон Ремез поделились сведениями о семье Эйтингонов. Мы признательны Бронвен Николсон за бесценную редакторскую поддержку, Тиму Пэйджу за оцифровку фотографий, а Михаилу Херсту за аудиореставрацию старых магнитофонных записей с голосом В. Е. Набоковой, читающей Брайану Бойду письма

за 1932 год. Мы благодарим Александру Викторовну Глебовскую, которая перевела на русский язык вступительную статью и комментарии, а также сотрудников издательств «КоЛибри» и «Азбука-Аттикус», принявших участие в подготовке первой русской версии книги и сотрудников издательства *Corpus* — его главного редактора Варю Горностаеву и редактора серии «Набоковский корпус» Андрея Бабикова — за чуткое и профессиональное отношение ко второму изданию. И конечно, особая благодарность самой В. Е. Набоковой — не только за то, что, став адресатом этой переписки, она в дальнейшем бережно сохранила ее, но и за ее готовность в 1984–1985 годах начитать письма мужа Б. Бойду под магнитофонную запись, несмотря на преклонный возраст, плохое самочувствие и склонность к уединению и тайне.

Ольга Воронина и Брайан Бойд

Эдиционные принципы

Настоящему — дополненному и исправленному — изданию писем Владимира Набокова к Вере Евсеевне Слоним (1902–1991), выходящему в серии «Набоковский корпус», предшествовала русскоязычная публикация 2017 г. (М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус); однако впервые «Письма к Вере» были изданы на английском языке, сначала в Великобритании (*Nabokov V.* Letters to Véra / Transl. and ed. by Olga Voronina and Brian Boyd. London: Penguin Classics, 2014) и, в следующем году, — в США, с уточнениями и дополнениями в комментариях (New York: Alfred A. Knopf). На русском языке подборка из двадцати семи писем Набокова к жене была напечатана в журнале «Сноб» (*Набоков В.* Письма к Вере / Публ. О.Ю. Ворониной и Б. Бойда при участии Г.А. Барабтарло / / Сноб. 2010. № 11 (26). С. 176–208).

Предлагаемое вниманию читателей издание «Писем к Вере» существенно отличается от западных: не включает статью О.Ю. Ворониной (в английских изданиях статья носит название: «*My beloved and precious darling:* Translating Letters

to Véra»), в которой рассмотрены вопросы перевода писем на английский язык, приложение (Appendix One: Riddles) с ответами на загадки и крестословицы, составленные Набоковым для жены (ответы на них приводятся в комментариях к письмам), а также библиографию произведений Набокова. В настоящем издании перевод статей и комментариев, подготовленный А.В. Глебовской, заново отредактирован, расширен и исправлен О. Ворониной при участии А.А. Бабикова. Из наиболее значительных добавлений следует назвать впервые полностью публикуемое стихотворение В.В. Набокова «Я знаю холодно и мудро…» (1923).

Публикуемые по архивным материалам письма охватывают период с 1923 по 1975 год. Электронный текст предоставлен Литературным фондом Владимира Набокова (Vladimir Nabokov Literary Foundation), ряд трудных мест заново сверен с рукописными оригиналами, внесены уточнения, восстановлены пропущенные фрагменты. Расшифрованный текст писем сохранял некоторые особенности правописания В.В. Набокова (к примеру, написание слов «шеколад», «шкап», «чорт», «шоффер», «галстух», «Уэллльз», «Кэмбридж», «Дункерк», «Нью-Иорк» и др., харак-

терные для дореформенной орфографии или отвечающие принятым нормам транслитерации иностранных терминов или имен собственных) и частично был приведен к правилам современной орфографии: буквы дореформенного алфавита были заменены использующимися в современном русском алфавите; приставки *без-* и *раз-* перед корнем, начинающимся с глухого согласного, были заменены на *бес-* и *рас-* (безконечно — бесконечно; разсказ — рассказ), в случае незначительных нарушений орфографических норм (пропуски букв, рассогласования падежных форм) использовались и угловые редакторские скобки, и в отдельных случаях указания на соответствие печатного текста автографу (sic). При подготовке настоящего издания были по возможности сохранены индивидуальные особенности правописания и транслитерации Набокова, имеющие стилистическое и смысловое значение, в том числе: устаревшие формы существительных (фильма, перило, Литейная); прописные и строчные буквы в написаниях слов и выражений, связанных с религиозной тематикой (например, *пасха* в значении «праздник»); вариативность окончаний существительных — ье/-ие (счастье — счастие, воскресенье — воскресение);

вариативность в склонениях фамилий (с Буниным — Бунином); непоследовательность в согласованиях со словом «половина» при указании на время (в половину шестого, в половина десятого, в половине восьмого). Кроме того, сохранены характерные орфоэпические особенности — *фениг* вместо *пфенниг, здраствуй, тихенький, симпатишный, письмыш, яичница / яишница / яищница,* и др. В связи с большой вариативностью в написаниях имен собственных (личных имен, фамилий, топонимов) они, как правило, оставлены без изменений, включая прописные буквы в наименовании родственников (Дядя Костя), ошибки в названиях иностранных городов (Страстбург, Тодтмос / Тодмос / Тотмос). Однако явные описки (париж, лондон) исправлены. Сохранена вариативность в написании числительных (словом или цифрой в аналогичных случаях, например: 100 марок / тридцать марок). Слова, написанные в сокращении, как правило, раскрываются в текстах писем, за исключением лиц или учреждений, не поддающихся определению (как в случае сокращения «П.Н.», которым Набоков мог обозначать и газету «Последние новости», и ее главного редактора П.Н. Милюкова), а также в случаях использования шутливых

разговорных форм, например: Пни («Последние новости»), Фонд, Фондик (И.И. Фондаминский). Такого рода текстуальные особенности поясняются в комментариях.

Без изменений или с исправлением только явных описок оставлены написания иностранных слов и фраз. По возможности сохранены авторские интонационные знаки препинания, а также подчеркивания и зачеркивания, имеющиеся в предоставленном источнике. Подчеркнутые слова выделяются курсивом. Явные описки, как правило, исправлены без специальных оговорок, в других случаях использованы конъектуры (to<o> much, <o>сыпается) и подстрочные примечания: «Так в рукописи».

Пояснения, относящиеся к маргиналиям и графическим особенностям автографов писем (помет Набокова, специальных знаков или символов, изображений и т. п.), даются в постраничных примечаниях; о пометах других лиц на автографах или конвертах писем Набокова (сделанных В.Е. Набоковой, почтовыми служащими) сообщается в комментариях. Все обращения Набокова к сыну (за период 1939–1942 гг.) или предназначенные ему приписки даются прописными буквами и/или приводятся в виде иллюстраций.

В настоящем издании воспроизведено свыше пятидесяти рисунков и графических ребусов В.В. Набокова; кроме того, воспроизводятся обращенные к В.Е. Набоковой записки и стихотворные автографы поздних лет (1969–1976 гг.), сделанные на отдельных тетрадных (блокнотных) листках или каталожных карточках.

Редактор сердечно благодарит Ольгу Понизову за проверку именного указателя и указателя произведений В. В. Набокова и за ряд ценных уточнений.

В указатель включены фамилии, имена и прозвища исторических лиц из писем В. В. Набокова. Номер страницы, выделенный полужирным шрифтом, отсылает к странице комментария с более подробной справкой.